ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ОРУЖИЕ ХАОСА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ОРУЖИЕ ХАОСА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1993

ББК 84.7 США
070

070 **Оружие Хаоса:** Фантастические романы; Пер. с англ.— Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993.— 464 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

© Фирма «Тимур», 1993, перевод.
© Молокин М. А., 1993, составление.
© Заплавный А. А., 1993, оформление.

О $\frac{4703040000-09}{\text{ЛР } 061507-93}$ Без объявл.

ISBN 5—85513—007—X

КОЛИН КАПП

ОРУЖИЕ ХАОСА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Глава 1

Под оливковым небом, раскинувшимся над планетой Монаи, царило несчастье. Вот уже полгода безостановочно шел снег. Изменилась форма гор, возвышающихся над столицей Эйдель. Миллионы тонн мерзлой белой массы ждали неуловимого сигнала, чтобы объединиться во всесокрушающую лавину. Скованный льдом город, притулившийся к подножию гор, со страхом следил за вершинами гор, ожидая катастрофы.

С востока, двигаясь по руслу замерзшей Спринг-Ривер, пробивал себе дорогу в сторону Эйделя небольшой вездеход. Сидящий за рулем Асбель внимательно следил за дорогой. Он и его товарищ ехали уже очень долго, а управление вездеходом было сложным и довольно нелегким занятием. В кабине царила удушливая атмосфера гари и вони. Кроме того, крупное тело Асбеля покоилось на маленьком для его тела сиденье, а рулевая колонка во время движения больно била его по мускулистым ногам.

Сидящий сзади в машине Джегун, не отрываясь, смотрел на снег, который нависал над Эйделем. Это был человек немного ниже Асбеля, на лице которого постоянно царило выражение, вызванное мучительными размышлениями. В темных умных глазах, как в зеркале, отражались тайные страхи и странные чувства. В рисунке очертаний возвышающихся гор он прочел послание, которое для его товарища было пока что непонятным. Он хранил это в себе до тех пор, пока окончательно не пришел к выводу о правильности своего умозаключения.

— Асбель, мы едем в ловушку.

— Ты уверен? — Водитель даже не вздрогнул, однако вызванная усталостью слабость в его теле слетела, как сброшенный с тела плащ. В одно мгновение он стал настороженным зверем — зверем, в которого его превратили тренировки и многолетний опыт.

— Да, я уверен. Посмотри, как дрожит иней на ветвях деревьев.

— Я ничего не вижу.

— На острых иглах кустов появилась легкая двойная дифракция. Во Вселенной возникло напряжение.

— У тебя, должно быть, более зоркое зрение, чем у меня.

— Ты не чувствуешь, как нарастает напряжение? Здесь, в этом месте, изменилась причинно-следственная связь. Катастрофа, которая должна была уже произойти, была отложена к нашему приезду. Если мы въедем в этот город — ловушка захлопнется.

— Оружие Хаоса? — невозмутимо спросил Асбель.

— А что может быть еще? Ведь мы вторгаемся в главный центр. И должны были уже догадаться, что рано или поздно они испробуют это на нас.

— До сих пор мы побеждали. Посмотрим, удастся ли на этот раз.

Не доезжая двух миль до города, Асбель свернул с русла и направил вездеход в скальную нишу берегового откоса. Там он выключил двигатель и придвинулся к Джегуну.

— Как я понимаю, один из нас должен пойти в Эйдель, чтобы встретиться с Касдеем. У нас имеются причинно-следственные цепи. Первая цепь, в которую вплетен Эйдель, уже исключается. Вторая приведет одного из нас к нужной точке. Только один из нас может попасть в город и выжить. У второго нет никакого шанса.

— Возникает вопрос,— заметил Джегун,— кто из нас является причиной грозящей Эйделю катастрофы. Короче говоря, что нас привело сюда?

— Касдей. Он просил нас забрать его отсюда. Я пилотировал корабль, но ты устанавливал время. Может быть, мы оба замешаны в этом.

— Никогда в жизни! Можно рассчитать направление двух причинно-следственных цепей и так изменить реальность, что она с гарантией пересечет место катастрофы. Однако оперирование тремя или большим количест-

вом цепей невозможно. Эти события должны быть запланированы по отношению к одному из нас, только одному. Но у нас нет информации, к кому именно.

— А если допустить, что ни один из нас не войдет в Эйдель?

— Тогда, без сомнения, погибнет Касдей. Оружие Хаоса делает все, чтобы задержать большую катастрофу в природе.— Говоря это, Джегун пробежал взглядом по контурам окружающих их скал, замечая, как напряжение изменяет полоски света, играющего на гранях снежинок. Вверху грозно нависала масса снега.— Они используют эту молодую звезду, всю ее энергию, для этой операции. Если вскоре не наступит согласие, что-то лопнет. Когда это произойдет, вся энергия высвободится в виде супергигантского взрыва, который разрушит этот мир дотла.

— Что же ты предлагаешь?

— Я уже говорил тебе. Я выйду здесь, возьму с собой баллон, а ты отъедешь на несколько миль вглубь равнины. До тех пор, пока ты не доберешься до места, я постараюсь не провоцировать Хаос. А потом попытаюсь добраться до Касдея. Когда ЭТО начнется, быстро двигай назад и забирай нас.

— А что будет, если Оружие Хаоса направлено на тебя?

— Не волнуйся! Я не в первый раз обвожу Хаос вокруг пальца. Пока происходит выравнивание энтропии, нельзя достичь точного попадания. И если уж настанет такая необходимость, то смерть кого-нибудь другого заменит мою.

Однако существовали еще и другие наблюдатели, о которых не знали пассажиры вездехода. Они находились в Обсерватории Глубокого Галактического Пространства, расположенной на продуваемом всеми ветрами плоскогорье. Возле обсерваторного комплекса, нацеленного своими шпилями в космос, стояли два космических корабля, чьи экипажи составляли сеть наблюдения, разбросанную по горам, возвышающихся над городом, заваленным снегом. Размещение наблюдательных постов позволяло уловить грозящую Эйделю опасность. До сих пор балансирование в состоянии сомнительного равновесия снега не давало повода к мрачным размышлениям, возникавшим из прогноза компьютера. Графики, вычерчиваемые по всей ширине компьютерных лент, говорили

о том, что должна высвободиться энергия более мощная, чем таили в себе снежные лавины. Прогноз привел к тому, что юркие корабли с Земли теперь отдыхали здесь, на широком скальном плоскогорье Монаи.

Они ожидали чего-нибудь необычного, но ничего такого пока не происходило. Единственным достойным внимания событием было неожиданное появление на экране теледетектора маленького снегохода. На палубе корабля-лаборатории «Гейзенберг» субинспектор пространства Гесс Ховер захотел более подробно рассмотреть вездеход, и приборы послушно приблизили к нему изображение. Ховер, нахмурившись, увидел отличительные знаки на темном корпусе машины.

— Местный?

Капитан Руттер покачал головой.

— Все говорит о том, что нет. Видимо, он откуда-то из района Нью-Сарка. Наверняка они пожалеют, что совершили это путешествие. Если выброс Хаоса вероятен, то здесь разразится пекло через совсем немного времени. Они даже не успеют въехать в город.

— Что там происходит? — поинтересовался кто-то сзади. Говоривший был высоким бородатым мужчиной в черном плаще, так сильно натянутым на плечах, что эта связь с одеждой была похожа на симбиоз.— Ты можешь еще раз проверить время?

— Конечно! — Руттер помахал рукой двум техникам.— Что ты имеешь в виду, Сарайя?

— Я не терплю тайн! — резко ответил мужчина в черном.— Особенно в этом деле. Пока что мы исследовали эти снега над городом и рассчитали самый худший случай высвобождения энергии. Он составляет наименьшую часть изменений энтропии выравнивания Хаоса. Здесь должен существовать еще какой-то компонент.

— Готово, капитан.— Один из техников подал Руттеру узкую ленту.— Если этот снегоход будет продолжать двигаться в прежнем направлении с такой же скоростью, его путь пройдет через пункт Омега Хаоса точно в центре Эйделя.

— И это должно означать нечто большее, чем согласие.— Мужчина в черном провел рукой по бороде.— Направьте на снегоход аппаратуру и попробуйте установить, откуда он и кто в нем приехал.

— Насколько я понимаю,— начал Ховер,— эта машина имеет несколько термоядерных зарядов, способных выравнять энтропию.

— Сомневаюсь, чтобы это было так просто,— возразил Сарайя.— Руттер, как прореагировали власти города на прогноз внезапного уничтожения?

— С недоверчивым смехом. Однако они привели в готовность все свои силы, хотя и считают это пустым делом.

— Будем считать, что, на их счастье, дело именно так и повернется. Если так окажется на самом деле, то впервые предсказания Хаоса окажутся беспочвенными.

— Я всегда считал угрозу Хаоса реальной,— зловеще заметил Ховер, пытаясь отрегулировать четкость изображения.

— К прогнозированию привлечено очень много лиц, которые не имеют ни знаний, ни средств, поэтому-то так и получается. Даже в Центре Хаоса еще не утвердилась наука. Если бы я лично имел какие-либо сомнения, то уже само существование этого снегохода, направляющегося к Омеге Хаоса, склонило бы меня к размышлениям.

— В таком случае, мне жаль, что вынужден разочаровывать вас, но машина сошла с курса и остановилась.

— Дьявольщина! — Мужчина в черном склонился над экранами. Затем он отошел назад и начал листать какие-то бумаги. Глаза капитана Руттера и Ховера встретились, и они обменялись взглядами, полными сомнений и неверия. Затем вычисления данных Хаоса захватили все их внимание.

Вскоре на корабле-лаборатории в помещении с аппаратурой единственным звуком, который можно было услышать, был шум климатической установки. Любопытство, вызванное появлением вездехода, переросло в спокойное наблюдение за пультом и экранами мониторов. Одновременно датчик Хаоса начал отсчет до теоретического начала катастрофы.

Омега минус десять...

Ховер вынужден был беспрерывно регулировать резкость теледетектора, который упорно не желал давать четкое изображение.

У других техников были такие же проблемы.

Омега минус восемь...

Темная фигура в плаще быстро листала страницы записей, напоминая скупого, который считает свои богатства.

Омега минус шесть...

Выражение лица техника, наблюдавшего с помощью монитора за снегом над Эйделем, ничего не говорило о

том, что в поле его зрения произошли какие-то значительные изменения.

Омега минус четыре...

Капитану Руттеру мешали сконцентрироваться повторяющиеся помехи в изображении, которое он мог заметить краем глаза, и еще потому что в помещении прекратилось всякое движение. Он забеспокоился, так как готов был присягнуть, что что-то замигало над левым плечом субинспектора Ховера.

Омега минус два...

Пантограф самопишущего устройства начал прыгать как сумасшедший, со все большей точностью вырисовывая фигуру в форме большого глаза. Когда компьютеры Хаоса подтвердили грозящую катастрофу, перекрещивающиеся линии в центре графика данных совпали точно в центре пересечения большой и малой оси глаза. Рисунок заполнил экран. Сам центр невидимого зрачка находился в...

Омега Хаоса!!!

Полное отсутствие мгновенной реакции вызвало очень сильный психический шок. Наблюдатели застыли, как каменные. Их внимание сосредоточилось на приборах на тот случай, если бы они сообщили им что-нибудь важное в неизменяемых сигналах общих данных. В это время вездеход развернулся и двинулся в ту сторону, откуда прибыл.

Мужчина в черном, с лицом, выражавшим сильное недоверие, бросил записную книжку на пол и подошел к пульту с самописцами, чтобы внимательно разглядеть нарисованный глаз. Это никоим образом не повлияло на разрешение загадки.

— Что будем делать? — спросил Руттер.— Мне кажется, что единственным событием, которое случится, будет то, что все вернутся по домам, ощущая себя так, словно нас забросали тухлыми яйцами.

Это замечание разрядило атмосферу в помещении. Техники расслабились и развалились в креслах. Они с облегчением улыбались из-за того, что ничего не произошло. Только Ховер, сидящий за пультом, манипулировал верньерами, пытаясь отрегулировать резкость изображения.

— Удерживайте это! — Внезапная команда субинспектора подействовала на присутствующих как удар током.— Кто-то вышел из вездехода и движется сюда!

— Ты уверен? — Сарайя недоверчиво посмотрел на субинспектора.— Ты уверен в этом, Гесс?

— Посмотри сам.— Ховер подошел к одному из главных мониторов, которые давали точное изображение необходимого места. Несколько черных точек на белом снежном фоне обозначали след идущего мужчины, который тащил что-то за собой на шнуре.

— Зачем это он идет? — удивился Руттер.— Машина ведь отправилась назад.

Он посмотрел на Сарайя, ожидая ответа, и тотчас пожалел об этом. Странные изменения на лице мужчины в черном были жуткими.

— Я скажу тебе, зачем! — почти выкрикнул Сарайя.— Все кусочки собираются в единое целое! Я думаю, что этот человек каким-то образом ориентируется в прогнозе Хаоса. И хочет преодолеть это препятствие.

— Объясни попроще,— попросил Руттер.

Мужчина пододвинулся ближе к монитору, и его голос задрожал от эмоций.

— Прогнозы Хаоса позволяют анализировать причинно-следственные цепи при помощи прочтения узоров энтропийного изменения для расходящихся цепей. События энтропии можно сравнить с четками, где осью является совпадение причины и следствия. При соответствующем количестве информации цепь можно прочитать или впереди, или сзади времени.

— Я же просил проще! — произнес Руттер жалобным тоном.

Сарайя не обратил на эту просьбу никакого внимания, его глаза продолжали гореть небывалым огнем.

— Представьте себе шнур, лежащий на столе. Шнур, с нанизанными на нем бусинками. Потом представьте себе второй шнур, лежащий по отношению к первому под прямым углом и в то же время пересекающий первый. Бусинки должны будут принадлежать как первому, так и второму шнуру, представьте себе.

— Представляю, однако не очень.

— Согласен. Причина рождает следствие и следствие идет за причиной. Не понимаешь, к чему я клоню?

— Не совсем.

— В случае бусинки, общей для обеих шнуров, наступление причины и следствия должно быть выполнено до конца, иначе энтропийное событие не произойдет. С точки зрения философии и практики невозможно, что-

бы было следствие без причины либо существовала причина, не связанная непосредственно со следствием.

— Если ты хочешь рассказать мне об этом, то должен заметить, что моя голова уже не вмещает такие идеи.

— Так вот, мой военный дружище, правящая судьбой города цепь причин и следствий в какой-то точке совпадает с цепью вон того типа. При такой скорости движения этого человека пройдет час, пока он доберется до Омеги Хаоса. Имея такой талант, можно изменить всю Вселенную.

— Это означает, что Омега Хаоса не существует?

— Не в этом дело. Энтропия превалирует, и это говорит о том, что события являются частью зарегистрированного Хаоса. Уже утром это будет историей. Ничто не может изменить факта, который должен произойти.

— Но кто-то опередил это,— рассудительно заметил Руттер.

— Но какой ценой? Такие задержки могут привести к напряжению структуры Вселенной. Я содрогаюсь от мысли, сколько энергии поглощено при этом. Поскольку нам известно, что Вселенная пластична, это конкретное количество энергии будет высвобождено в тот момент, когда... точка совпадения будет достигнута.

— И это могло бы объяснить разницу между потенциалом энергии, накопленной в Эйделе, и энергией, необходимой для выравнивания Хаоса,— подытожил подошедший Ховер.

— Знаешь, Гесс, ты попал в десятку. К дьяволу! Я должен был подумать об этом раньше. Этот тип не может иметь доступа к такой большой энергии. Этим должен руководить кто-то — или что-то,— обладающий фантастической властью над техникой Хаоса.

— Ага, вот результаты проверки машины,— произнес Руттер, просмотрев врученные ему записи.— Как я и допускал, вездеход из Нью-Сарка. Был нанят двумя типами, которые прибыли из пространства несколько часов назад. Их зовут Джегун и Асбель.

— Гм...м,— буркнул мужчина в черном.— Что известно еще?

— Полиция Нью-Сарка проверила их по личному галактическому реестру. Установлено, что планета, с которой прибыли эти люди, формально не существует, так же, впрочем, как и они сами. Корабль прилетел издале-

ка, и работники космодрома не смогли описать даже его двигатель.

— Ясно, что не смогли.— Эти слова Сарайя пробормотал про себя.— Капитан Руттер, передайте полиции приказ, чтобы она арестовала человека, который вернется в снегоходе в Нью-Сарк. Арестовали во что бы то ни стало, поскольку при задержании могут произойти разные непредвиденные инциденты. Субинспектор Ховер, вы видете этого человека? Он должен быть доставлен в Центр Хаоса на Землю, целый и невредимый! Без ограничения средств и методов для достижения этой цели. Я должен быть уверен, что он будет у меня. Для этого я предоставляю вам все полномочия.

— В самом деле, он такой важный тип?

— Я уверен в этом. В нашей Галактике нет более важного и более потенциально опасного человека. Он единственный в своем роде: в том месте, откуда он прибыл, и должно находиться оружие Хаоса.

— Оружие Хаоса? А что это такое?

— Я сам бы хотел это знать.

— Мы задержим его,— твердо произнес Ховер.— Приготовьте турболет.

— Я полечу с тобой,— попросился Руттер.

— Нет! — Мужчина в черном был решительно против.— Этот тип уже давно будет в Эйделе, пока субинспектор сумеет добраться до него. Несмотря на то, что Хаос ждет, Эйдель все же погибнет. Если прогнозы интерпретированы правильно, уцелеют очень немногие. Ховер получил специальную подготовку, чтобы выжить в таких условиях, а ты — нет!

Капитан с завистью посмотрел на Ховера, готовящегося к вылету. Руттер мог бы присягнуть, что над плечом субинспектора мигало что-то косматое. Он ясно видел это на фоне темной дверцы шкафчика. Однако присмотревшись пристальнее, он ничего не увидел. Заинтригованный, он проверил радиосвязь с Ховером, а затем уставился на одинокую фигуру, двигающуюся к городу. Когда она исчезла, он осмотрел окраины города. В атмосфере происходило что-то странное — изображение раздваивалось...

Глава 2

Движение человека через снег наблюдалось всеми с большим беспокойством, след его прослеживался на всех

мониторах в виде очень четкого изображения. Домыслы о содержимом сетки, которую мужчина тащил за собой, были всевозможными. Тем временем человек подошел к городу и ступил на его окраину. Одновременно из-за строений показался турболет субинспектора. Поднимая клубы снега, машина приземлилась, из нее выскочил Ховер и бросился догонять свою жертву.

Если человек и видел турболет, то не придал этому значения или же не подал вида. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы тащить груз по более ровной дороге. Создавалось впечатление, что он постоянно наблюдает за нависшими над городом массами снега. Руттер включил все телекамеры и вел запись происходящего. Мощные телеобъективы приблизили фигуру человека, который так странно кидал вызов судьбе.

Было ясно, что действия человека целенаправленны. Хотя строения города были расположены хаотично, человек уверенно двигался к центру города, отлично ориентируясь в хитросплетении улиц.

— Найдите мне план города,— сказал вдруг человек в черном.— Мы все время говорим об Омеге Хаоса, но никому не пришло в голову посмотреть, что же делается в это время в центре.

Руттер достал план и положил его на пульт. Это был город с типовыми постройками, каких было много заложено на разных планетах после Большого Исхода с Земли. Центр города представлял собой раскинувшийся и густо застроенный административный комплекс местных властей и Совета Федерации Пространства. В точке Омега свою вторую молодость переживали старые дома правительства Монаи, перестроенные в межзвездный торговый центр.

Когда Руттер вновь стал наблюдать за человеком, двигавшимся вперед, у него вдруг перехватило дыхание. Невдалеке от точки Омега Хаоса он повернул обратно и бросился к грузу, который тащил за собой. Какое-то мгновение он смотрел, казалось, прямо в объективы замаскированных телекамер, и, хотя мешковатая теплая одежда скрывала его фигуру, было ясно, что он напряжен.

— Что это? — крикнул Сарайя.— Он знает что-то, о чем мы не догадываемся.— Он схватил трубку радиотелефона и закричал в микрофон:

— Субинспектор! Будьте внимательны, сейчас что-то

произойдет. Наш приятель выглядит так, словно заглянул в ад.

— Я вижу его. Однако ничего такого не происходит...

Мужчина начал энергично дергать груз. Внезапно что-то появилось рядом с ним. Это выглядело как белый надувной мячик. Изображение стало подергиваться, по экрану пошли полосы помех, и последняя стадия происходящего в городе была уже невидима — одно большое смазанное пятно на экранах.

Глаза всех присутствующих на корабле-лаборатории были устремлены на мониторы, выдающие физические параметры — параметры, сигнализировавшие о начале катастрофы. Но не приборы, а человеческий разум раскрыл наконец правду. Вместе с ударом подземных сил вся долина подверглась сильнейшей встряске, даже стабилизаторы корабля с трудом восстановили равновесие. Один из техников невольно вскрикнул, представив себе размеры катастрофы. Сперва вся долина забурлила, как море, поднялась высоко вверх, а потом рухнула вниз, оставив вместо себя бездну, которая протянулась с востока на запад вдоль всего русла Спринг-Ривер.

После первого толчка помехи исчезли с экранов. Перед глазами наблюдателей проплывали волны, корежившие поверхность планеты. Казалось, что вся местность покрылась гигантскими подземными каменными волнами. Казалось, что это огромное море, испещренное волнами, бесцельно разбивавшимися о подножие плоскогорья, на котором располагался город. Затем эти волны все же захлестнули скальный выступ и «омыли» окраины города. Та его часть, которая не исчезла в первый момент в раскаленных глубинах, была разорвана рушащимися скалами. Незыблемость земли, на которой человек осмелился возвести строения, стала теперь мифом. Земля превратилась теперь в нечто колышащееся, вздымающееся вверх и стремительно падающее вниз, целью которого было сравнять все в единую плоскость, присыпанную пылью и обломками.

Но это был еще не конец. Люди с ужасом, наблюдали, как к городу по склонам гор несется гигантская лавина. Горы были разорваны. Огромные куски скал откалывались и стремительно падали вниз, образовывая огромный, смертельно опасный вал, который внезапно сдвинулся и стремительно покатился на город, стирая его с лица земли.

— Худ эрам демонстрандум! — провозгласил Сарайя после долгого молчания. Он старался своим голосом не выдать обуревавших его чувств.— Руттер, у тебя есть связь с субинспектором?

— В центре всей этой заварухи? — вопросом на вопрос ответил капитан и недоуменно уставился на спросившего. Потом он отвернулся и с горечью посмотрел на экраны монитора, показывающие изменившийся ландшафт, над которым висели тучи пыли.

— Ты должен попытаться связаться с ним. Или ты установишь с ним связь, или будешь твердо знать, что он погиб. Но прежде всего я хотел бы, чтобы ты установил точное местонахождение человека, которого пытался арестовать субинспектор. Несмотря на то, что происходит, существует большая вероятность того, что он остался жив. Если он тот, за кого мы его принимаем, то он должен быть неплохо подготовлен для этой работы. Он должен быть у нас, капитан! Нужно узнать его планы: они могут оказаться существенным условием для дальнейшего выживания человеческой расы. Хоть это тебе ясно?

— Нет! — отрезал Руттер.— Однако это не мешает мне выполнить приказ. Пообедаем и отправимся на корабле в город. Если там еще остались человеческие останки, их нужно похоронить по обычаю предков.

— Смотрите! Снегоход возвращается! — доложил техник, обращаясь прямо к Сарайя. На экране монитора был виден снегоход, идущий прежним курсом.— Он, видимо, находился вне зоны толчков.

— Это означает, что водитель надеется отыскать того человека, которого мы стараемся заполучить себе,— сказал мужчина, плотнее запахивая плащ.

Ховер ясно видел мужчину впереди себя за несколько секунд перед началом катастрофы. Мужчина дергал свой сверток, стягивая белую от снега сетку, которая скрывала содержимое в форме обтекаемого стручка. Сам аппарат был неизвестен субинспектору, но зато его предназначение тотчас же стало понятным. Когда первый подземный толчок сдвинул землю и она закачалась, как палуба корабля в шторм, мужчина раскрыл стручок. Он достал из него нечто, превратившееся в большой белый цветок. Мужчина отклонил один из гигантских лепестков и залез внутрь. Цветок сомкнул свои лепестки, превратившись в твердый сплошной кокон, который начал пух-

нуть на глазах, превращаясь в шар с диаметром метров в пять.

Субинспектор понял — снаряжение представляло собой хотя и странное, но несомненно спасательное устройство типа космической капсулы. Мужчина теперь находился в коконе из нескольких суперпрочных оболочек. И пробить их могли только специальные поля невероятных напряжений. Одновременно кокон предохранял и от землетрясения. Мягкость позволяла ему подпрыгивать на поверхности, амортизируя толчки и тряску.

Субинспектор заметался в поисках безопасного места. Едва он успел добежать до поворота улицы, как земля внезапно выгнулась под его ногами, вознося куда-то вверх. Тротуар разлетелся на мелкие кусочки, рассеченный сотнями трещин, которые открывались и закрывались, словно голодные пасти какого-то неведомого многоголового чудовища. Ховера бросило на землю, и в дюйме от его головы откололся кусок стены. Он перевернулся, пытаясь оценить величину опасности, и увидел, что следующая волна катит на него остатки домов.

— Помоги мне, Таллотх! Я в опасности! — Он взывал к чему-то нематериальному, что витало над его плечом.

— Ты веришь в меня?

— Ты выбрал дьявольски удобный момент, чтобы задавать вопросы. Разве ты не разделяешь свое существование с моим? Чего ты еще хочешь? Крови?

Земля поднялась и резко ухнула вниз. Ховер на мгновение повис в воздухе. Почва разошлась, и Ховер начал падать вглубь пропасти.

— Таллотх!

Заклинившись между стенками трещины, он остановил падение, однако в этот момент стенки стали сходиться. Наверху рухнул целый квартал, погребая под собой то место, где субинспектор был зажат в смертельной ловушке.

— Талл...

Время остановилось.

Казалось, что чья-то мощная лапа ухватила Вселенную и остановила всякое движение. Падающие с неба куски стен и перекрытий остановились в полете, стенки трещины прекратили свое зловещее смыкание. Из всего, что находилось вокруг, только Ховер мог двигаться. Он с трудом выполз из трещины, хватаясь за висящие в

воздухе куски стен, не шевелящиеся под его весом, словно впаянные в воздух.

Потом Таллотх — жуткое существо, живущее на плече Ховера,— ослабил свою хватку, которой задержал бег времени. Казалось, что несколько этих слишком долгих секунд многократно убыстрили темп катастрофы — трещины росли и ширились, с неба сыпались уже не стены, а куски домов, земля дыбилась, словно необъезженный мустанг, подбрасывая субинспектора в воздух. Затем все кончилось.

Ховер сел прямо на землю и стал озираться. Ландшафт полностью изменился. Эйдель был стерт с лица земли, высокий хребет исчез с горизонта. Развалины города были засыпаны снегом, перемешанным с камнями.

Ховер, немного прийдя в себя после пережитого, попробовал оценить ситуацию. Он был немного помят, и у него сильно болела правая нога. Однако кость была цела. Снаряжение, которым был увешан его комбинезон, было на месте. Но когда он увидел, что передатчик расплющен в лепешку, то понял, что Таллотх спас его буквально за секунду до гибели.

— Спасибо тебе,— прошептал он чему-то нематериальному, висевшему над его плечом.— Ты ждал до последнего.

— Если ты чем-то недоволен,— произнес Таллотх,— я могу возвратить тебя в тот же отрезок времени и оставить там.

— Забудем об этом! — Ховер разглядывал развалины, пытаясь отыскать белый шар, в котором скрывался этот загадочный тип. Ничего не обнаружив, он пришел к выводу, что его защитный кокон каким-то образом оказался погребенным под массой снега и горной породы.

Побродив еще немного, он наткнулся на белый купол, едва видневшийся из-под черного снега, перемешанного с пылью и камнями. Тронув его, он понял, что капсула пуста и человека в ней нет.

Однако рядом лежали чьи-то останки. Было похоже, что кто-то разбил бедняге голову. Это был не тот, кого искал субинспектор. Ситуация становилась все запутаннее. Собственно, способа, с помощью которого он смог бы среди уцелевших после катастрофы распознать человека, которого искал, не было. Единственным выходом, как сейчас казалось, было добраться до Омеги Хаоса. Существовала надежда, что там он сможет установить

цель, ради которой у стен города появился пришелец.

Строения Федерации Пространства Монаи возвышались на огромной искусственной платформе. Сами здания, на первый взгляд, почти не пострадали. Но при более внимательном рассмотрении оказалось, что все стены треснули и держались только за счет пронизывающей их стальной арматуры.

По лежащей на земле табличке Ховер сориентировался, что именно здесь находился межзвездный торговый центр. Во внезапном проблеске интуиции он вдруг понял, что теперь нужно искать двух человек, а не одного.

Он вернулся, пробуя пройти по той же дороге, по которой вошел в город. Однако ее уже не было. Она была рассечена трещинами, завалена кучами мусора и грязного снега. Помня о приказе Сараїя, он вынужден был не обращать внимания на крики людей о помощи и просьбы тех, которые пытались спасти умирающих. Ему было очень трудно сохранять спокойствие, когда вслед ему летели проклятия. Но чрезвычайность миссии, которую он выполнял, не оставляла ему выбора.

Наконец, он выбрался за город, на равнину. И здесь все неузнаваемо изменилось. На всем пространстве равнины некогда плоская поверхность была спрессована и разорвана, словно огромное чудовище рвало землю гигантскими когтями, разгребая ее в бессмысленной ярости уничтожения. Ховер ждал. Он был наготове. Он наблюдал за каждой тенью, возникающей вдалеке. Один из кораблей, взревев двигателями, легко оторвался от земли и, описывая широкую траекторию, пролетел над его головой, направляясь к центру города. Он отметил этот факт без особого интереса. Допустим, подумал он, что мужчина, которого он искал, прибыл в город за кем-то. Однако, несмотря на то, удалось ли ему выполнить свою миссию или нет, этот человек должен возвращаться назад по той же дороге. Ховер пришел к выводу, что его можно встретить здесь и перехватить.

Вскоре события подтвердили правильность его домыслов. Хотя он ничего не увидел, зато услышал рычание двигающегося вездехода, пробивающегося через завалы. Машина направлялась к цели, забирая немного влево по отношению к месту, где находился он. Быстро бросившись вперед, Ховер постарался перехватить вездеход. На бегу он достал оружие. На ощупь отыскал обойму и вогнал ее в магазин, и тут заметил контуры двигавшейся машины. Склонившись на колено, Ховер прицелился

и выстрелил. Огненная полоса ударила в лобовую плиту машины. Ховер отвернулся и зажал уши. Тотчас же в спину его мягко толкнула ударная волна, в воздухе послышался звук лопнувшего шарика. Мягкая, рыхлая земля приглушила звуки, и было маловероятным, чтобы шум был услышан на большом расстоянии. Машина клюнула носом и замедлила ход, по мере того как водитель терял власть над управлением. Ховер подбежал к снегоходу, рванул на себя дверцу и быстро забрался внутрь. Он достал из кармана наркотический пластырь и прилепил его за ухом потерявшего сознание водителя. Это увеличит его обморок на какое-то время. Потом он включил фары, подавая сигнал, и выскочил из машины, прячась в темноте.

Сделав большой круг, чтобы оказаться в стороне от конусов света, он привалился к большому сугробу и стал ждать. Прошло немного времени. Вскоре из темноты возникла человеческая фигура и направилась к машине. То, как она двигалась, говорило о том, что человек не знал, что произошло некоторое время назад в машине. Мужчина смело залез внутрь, и Ховер тут же выстрелил газовым зарядом в открытую дверцу. Медленно посчитав до двадцати, чтобы парализующий газ оказал свое действие и растворился в воздухе, он достал наркотический пластырь и не спеша двинулся к снегоходу.

И тут он допустил ошибку. Из темноты выскочил человек и несколькими молниеносными ударами, которые пробили даже теплую одежду Ховера, обездвижил его. Не потеряв сознания, однако не способный двинуть ни рукой, ни ногой, субинспектор валялся в снегу. Нападавший перекатил его к свету фар и наклонился, чтобы рассмотреть.

— О, кого я вижу. Субинспектор пространства собственной персоной! Эта игра даже тебе не по зубам. И не пытайся играть в нее, пока не узнаешь, в чем она заключается, и не уяснишь ее правила. Расскажи об этом Сарайя и передай ему привет от Касдея.

Человек удалился, и спустя какое-то время взревел двигатель снегохода. Машина развернулась и двинулась к лежащему Ховеру. Он был страшно рад, что ноги его были парализованы и не чувствовали боли, когда правая гусеница снегохода размозжила их. Над плечом замигал Таллотх. Он бы так и проспал все, если бы раны, нанесенные субинспектору, не показались ему смертельными. Это-то и разбудило его.

Глава 3

«И что же там видно внизу, Розочка?»

«Двое людей разбирают завалы после урагана.»

Земной институт Исследований Явлений Хаоса, известный теперь под названием Центр Хаоса. Субинспектор пространства Джим Вилдхейт слышал о нем много раз и теперь, входя по широким ступенькам в административное крыло, с интересом разглядывал его. Он был вызван с другого конца Галактики и понятия не имел, для чего.

«Присмотрись внимательнее и опиши подробности.»

«На блестяще-зеленую плиту падает молот, в несогласованности со звуком. По разнице времени между звуком и изображением я могу рассчитать расстояние.»

Когда он вошел в Зал Совета, то сразу понял, почему приняты такие строгие меры безопасности. Скорее всего, впервые за все время существования их организации на одной планете были собраны все двенадцать субинспекторов пространства. Это была дюжина людей, в обязанности которых входило обеспечение охраны человеческой цивилизации, разбросанной по огромному пространству Галактики. Они были легендарными владыками Вселенной. Их власть во много раз превышала власть императоров и наместников. Они были грозой для пиратов космоса и тиранов отсталых планет. Вилдхейт с облегчением констатировал, что, несмотря на влияние, которое оказывали субинспектора на судьбы Галактики, они остались обычными людьми.

Субинспектор Ховер, передвигаясь на тележке (он ждал, пока отрастут новые ноги из его клона), подчеркивал своим видом хрупкость их существования.

«Закрой глаза, маленькая. Что ты сейчас видишь?»

«Небольшую вибрацию, свидетельствующую об изменении энтропии. Мышца поднимает молот. Гвоздь реагирует. Из Хаоса исходит порядок. Энтропия понижается. Вселенная возрождается.»

В Зале был какой-то человек, которого Вилдхейт не знал. Весь в черном, в большом плаще, ниспадающем с плеч. Его одежда говорила о том, что этот человек прилетел сюда из отдаленного мира. Он не приветствовал входящих, а только сидел, сгорбившись, подперев подбородок кулаком, прямо под большим портретом Брона,

основателя Федерации. Его серые глаза постоянно за чем-то следили, словно в поисках ответов на вопросы, которые никто не мог задать.

«Посмотри, что происходит со временем, Розочка? Что там видно?»

«Искры в мозгу, отдающего приказы мускулам. Разум восстал против Хаоса.»

Главный субинспектор Дельфан, единственный среди присутствующих при всех регалиях, призвал к порядку.

— Вы наверняка желаете знать, почему мы рискнули собрать всех вас сюда, оторвав от важных дел. Факт, что мы пошли на это, говорит о том, что ситуация очень обострилась. Господа, правда очень мрачная — Галактическая Федерация была атакована весьма опасным и неизвестным противником, применившим странное оружие. Десять лет, и оно уничтожит все, что мы создавали в течение двух тысяч лет.

Среди присутствующих пронесся недоверчивый шумок. Субинспектор Тум Тцзе выкрикнул:

— Это очень трудно понять. Я имею сведения о трех секторах пространства, а у моих коллег есть сведения и об остальных. Если бы существовала такая опасность, мы бы знали об этом!

— Вы и знаете о ней, но только не принимаете эти факты в расчет. Например, смерть генерала Калигорна вблизи Гармонии.

— Которая произошла из-за вспышки на солнце. Так что, скорее всего, это дело рук господа бога...

— В таком случае, бог перестал помогать нам. Только в прошлом году погибло сто восемьдесят человек в результате разных катастроф, стихийных бедствий, всевозможных аварий.

— Сто восемьдесят? — вспылил Тум Тцзе.— Галактика огромна. Счет таких смертей должен идти на миллиарды!

— Я не собираюсь оспаривать это, однако речь идет о конкретных людях. Эти люди являлись выдающимися личностями нашего времени. Это ученые и практики, чей гений пробил дорогу для всей человеческой расы. Статический индекс смертей в их случаях был в тысячу раз выше, чем вероятностный.

Господа! Проведенные нами исследования не оставляют никаких сомнений, что лучшие представители нашей расы, те, кто формирует наше будущее, исключены,

причем сознательно исключены, из жизни. Человечество подвергается неизменному чуждому воздействию.

— Они стали жертвами? — Тум Тцзе все еще сомневался.

— Генерал Калигорн погиб из-за взрыва на солнце. И никто до него не достиг таких высот в развитии нашего космического оружия. Президент Бриант погиб во время метеоритной атаки на Барбу. Без его таланта руководителя мирам снова грозят локальные войны. Корабль Джулио Орайна погиб в пространственном вихре. Погиб мозг, который был на пути решения задачи обеспечения человечества новыми источниками энергии. Этот список можно было бы продолжить. Наше господство в космосе находится под угрозой.

«Посмотри в небо, Розочка. Что ты там видишь?»

«За несущимися облаками и большим глазом циклопа проплывают длинные медленные волны энтропии, связанные с близкоперемещающимся фронтом ударной волны.»

— Мне кажется, что в этом заключается внутреннее противоречие. Как может существовать селективный отбор случайных событий? — не унимался Тум Тцзе, удивление которого, казалось, выражало чувства всех его коллег.— А что вы имели в виду, говоря об оружии?

— На этот вопрос ответит Сарайя, руководитель Центра Хаоса. Вам будет трудно согласиться с тем, о чем он расскажет. Прошу слушать внимательно и без вопросов, поскольку будущее человечества зависит от того, как хорошо все вы поймете сейчас.

Мужчина в черном расправил плащ, словно сложенные крылья, которые могли бы поднять его в воздух.

— Господа, субинспектор Дельфан уже представил проблему в общих чертах. Центр Хаоса при помощи субинспектора Ховера пробует найти решение этой проблемы. Но пока что мы не продвинулись ни на шаг, и все то, чего мы смогли достичь, нам совсем не нравится. Сначала я попрошу вас проделать некоторую мысленную инверсию: не бывает так, чтобы большие несчастья случались именно с великими людьми, а только великие люди являются причиной больших неприятностей.

— Эта тонкость как раз и ускользает от нас,— попытался пошутить Тум Тцзе.

— Однако это же очень просто. Во всей Галактике каждый день происходят катастрофы. Кто-то гибнет, кто-

то спасается. Каждому человеку случаются в жизни такие испытания, когда он избегает смерти. Субинспектор Вилдхейт, вы следите за ходом моих рассуждений?

— Не могу не согласиться с тем, о чем вы говорите, сэр. Я сам много раз бывал на волосок от смерти.

— Попробуем поразмышлять дальше. Допустим, что один из таких почти что смертельных случаев произошел иначе — раньше или позже, немного быстрее или медленнее, чуть левее или правее.

— Тогда, скорее всего, я не разговаривал бы с вами, сэр. Меня бы не было тогда на этом свете.

— Вот именно! Мы подошли к существу дела. Допустим, что существует аппаратура, которая может изменять условия совершения катастрофы и выбирать такие варианты, чтобы личность имела почти нулевые шансы на благоприятный исход.

— Трудно представить себе что-либо подобное!

— Однако все доказательства, собранные нами, прямо указывают на то, что такая аппаратура существует. Ховер и я наблюдали результаты ее действия. Для удобства мы назвали ее Оружием Хаоса.

— Спрошу вас прямо, сэр,— не унимался Тум Тцзе,— вы хотите сказать, что ЭТО действует само по себе, само создает катастрофу?

— Нет. Оно только подправляет условия, в которых эта катастрофа происходит. Самим событием нельзя ни управлять, ни отменить его, поскольку оно уже записано в системах энтропии, которые мы называем Хаосом.

— Мы можем и ошибаться,— подал голос Ховер,— но разве в Эйделе Оружие не усилило катастрофу?

— Конечно. И по простой причине. Оно тормозит событие, которое несет в себе миллиарды эргов энергии, без применения такого же количества энергии с отрицательным потенциалом для сохранения равновесия. И чем дольше происходит процесс торможения, тем больше энергии поступает. Когда же, в конце концов, процесс становится неуправляемым, вся накопленная энергия мгновенно высвобождается.

— Однако мы не убеждены до конца,— упорствовал Вилдхейт.— Даже нельзя узнать, правы ли мы, и неизвестно, кто придумал все это и зачем испытывает на нас.

— Ну, в этом не может быть каких-либо сомнений. С тех пор, как мы вторглись в космос, экспансия человека возрастает в геометрической прогрессии. И уже в этот момент мы можем распространить свою расу в дру-

гие Галактики. Но кто-то хочет остановить нас, и притом быстро. Истребление наших выдающихся умов кажется им более результативным, чем тотальная звездная война. Это лучше всего подходит для их целей.

— Есть ли какие-нибудь следы, указывающие на них?

— Я хотел бы поразмышлять вот над чем. Сколько во Вселенной разумных рас? И сколько из них могут запаниковать от расширения нашей экспансии? У меня есть кое-какие подозрения, субинспектор, однако они без всяких доказательств. Поэтому вы и собраны все здесь. Вы знаете все, что происходит в границах ваших секторов. Нам требуется ваша помощь, потому что, если мы не найдем и не уничтожим Оружие Хаоса, оно уничтожит нас.

Дельфан опять заговорил:

— Дело было рассмотрено в Комитете Безопасности Главного Совета. Наше решение согласовано с работой в Центре Хаоса в области обнаружения Оружия и определения того, кто пытается им действовать. Кроме того, мы можем рассчитывать на помощь военных. Гесс Ховер откомандирован в Центр Хаоса для обеспечения связи. Джим Вилдхейт назначен командовать операцией. Остальные получат конкретные задания, но не сейчас, а через некоторое время. Общественность пока что не получит никакой информации. Мне остается сообщить вам, что мы официально находимся в состоянии войны, хотя вначале должны еще обнаружить противника.

Установленный на столе коммуникатор пронзительно зазвенел.

Сарайя взял трубку и с мрачной миной на лице выслушал сообщение. Получив ответы, он, резко бросив трубку, встал.

— Господа! Опасность уже рядом. Один из компьютеров Хаоса выдал странный рисунок относительно этого помещения. Если наша расшифровка верна, то до катастрофы, которая должна произойти здесь, осталось всего четыре минуты. Я приказываю осуществить мгновенную эвакуацию.

«Что видно на небе?»

«Собираются какие-то темные силы, более мощные, чем буря, и более черные, чем космос, а также более красные, чем огонь: безмерное несчастье, смерть и разрушение! Разумы сидят в сферах Хаоса... Началась война!»

Космический паром «Шпайнер» вышел на околоземную орбиту и приготовился к торможению в течение трех полных оборотов. Расчет курса был полностью автоматизирован, и у капитана не было никакой работы у пульта управления. Он только иногда бросал взгляд на приборы и экраны, потягивая зеленый сок, доставленный с Венеры. Корабль после выключения двигателей перешел в свободный полет, а работа тормозных двигателей была весьма незначительной и давала экипажу и тремстам измученным отсутствием силы тяжести пассажирам хотя и слабую, но приятную тяжесть.

После первого витка данные на приборах полностью совпали с программой. Компьютеры самостоятельно переключились на информационный канал, передавая данные в космопорт на Аляске. Однако что-то нарушилось в работе компьютеров. Один из них вошел в режим несогласованности с двумя остальными. Сигнал пришел в рубку управления, и капитан быстро оценил ситуацию. Он решил, что два компьютера справятся с задачей обеспечения посадки без вмешательства пилота. И выключил ручное управление, которое включилось одновременно с выходом из строя первого компьютера. По радиоканалу он доложил о возникшей неисправности, после чего замолчал, ожидая дальнейшего развития событий.

И они не заставили себя ждать. На половине второго витка температурные датчики, помещенные в титановых чехлах, показали рост температуры к опасному пределу. Затем приборы на пульте показали, что скорость корабля возросла. Капитан, рассыпая проклятия, бросился к вспомогательным приборам, и едва он успел тронуть переключатели, как электронные системы выдали ему еще один сюрприз. Внезапное включение маршевых двигателей на полную мощность вдавило пассажиров в кресла со страшной силой. Паром спикировал в стратосферу и камнем понесся вниз. Обшивка «Шпайнера» раскалилась до белого каления, паром превратился в огненный шар. Странное напряжение во Вселенной немного изменило траекторию падающего корабля, объятого огнем.

Группа эвакуированных людей собралась в парке, оживленно переговариваясь и ожидая каких-то необыкновенных событий. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите!

Огненный шар с оглушающим грохотом врезался в здание Центра Хаоса. Взрыв разбросал обломки далеко

в стороны. За несколько секунд Центр прекратил свое существование, превратившись в груду дымящихся развалин. Тянущийся с неба след был похож на хвост дьявола.

— Что это было, черт побери? — воскликнул Дельфан.

— Похоже, что какой-то корабль,— ответил Сарайя с важным выражением лица.— Рапорт об его гибели мы наверняка получим. С потерей Центра мы лишились более трети всех компьютерных мощностей. И, в свою очередь, можно сомневаться, что информация, полученная таким путем, стоит всех потерь.

— Какая информация?

— Разве не удивительно, что такой невероятный случай произошел именно в это время и в этом месте. В нашей работе с Хаосом мы часто начинаем со следствия и проводим исследования вспять, чтобы установить причины. Подозреваю, что наш враг проделал то же самое — распотрошил какое-то будущее событие, которое беспокоило его, потом выследил причину, добираясь именно до этого места в нашем времени.

— И такое возможно?

— Вполне. Из причинно-следственных точек изменения энтропии волны расходятся в эфир, как мыльные пузыри. Однако только два тесно связанных между собой события имеют сходящиеся оси. Если начать с причины, конечно, удастся локализовать следствие. И наоборот. В этой ситуации можно допустить, что наши действия в будущем вызовут большие изменения. И наших противников так поразило это следствие, что они ударились в панику. В категориях энтропии, правда, это относительно небольшое несчастье.

— Означает ли это, что мы все представляем интерес для противника?

— Думаю, что нет. Скорее всего, только один из нас. Многочисленные примеры действия Хаоса очень распылены, чтобы их можно было проследить. Ховер, как и я, присутствовал при катастрофе в Эйделе, и никто там не стремился уничтожить нас. Поэтому можно считать, что мы оба вне подозрений. Единственным новым человеком, включенным в дела Центра Хаоса, оказался субинспектор Вилдхейт. Такого совпадения случайностей нельзя проигнорировать. Субинспектор Вилдхейт, как чувствует себя человек, заглядывающий в ствол Оружия Хаоса?

— Интересно, что вы собираетесь делать, Джим, чтобы узнать, чем вызван интерес к вашей личности?

— Ничего,— хмуро ответил субинспектор.— Думаю, что они ошиблись.

— Может быть... Мы смогли узнать о предстоящей катастрофе потому, что вовремя воспользовались информацией, полученной от Хаоса. Но, так или иначе, вы ведь не собираетесь всю свою оставшуюся жизнь провести возле компьютерной техники, не так ли, субинспектор? А если нет, то, скорее всего, перед очередной попыткой применения Оружия Хаоса вы будете пребывать в святом неведении. Разве что...

— Что такое? Что разве что?..

— Эта странная идея, однако, может быть, именно эта странная идея является единственно верной. Во времена Большого Исхода Землю покинуло несколько небольших групп, которые самостоятельно решили основать колонии. Одна из них, применяя религиозно-культовую форму, занималась восстановлением чувств, которые атрофировались у человека.

— Чувствователи? — невольно вырвалось у Тум Тцзе, который внимательно следил за разговором.

— Именно! Они поселились на Майо. Благодаря суровому распорядку жизни и изменениям в физиологии они создали личности с качественно новыми признаками, личности, которые превосходят любые фантазии человека. Однако сами Чувствователи не знают всех возможностей своего организма. В минуты крайней опасности у них иногда просыпаются такие качества, о которых обычный человек может только мечтать. И все же они добились многого. Насколько мне известно, у них есть даже свой Ясновидящий Хаоса, который может непосредственно считывать и расшифровывать рисунок Хаоса.

— Неужели такое возможно? — удивился Дельфан.

— В принципе подобное не кажется невероятным. Человеческий организм реагирует на тепловые, световые, звуковые волны. Поэтому я не вижу причин, почему бы ему не ощущать еще и энтропийные?

— Конечно, человек обладает рецепторами, которые реагируют на эти раздражители,— глазами, ушами, кожей. Однако у него нет органа, который воспринимал бы волны Хаоса!

— Откуда вы это знаете? — спросил Сарайя, в глазах которого появилось выражение разочарованности.— У вас разве никогда не бывало странных ощущений? Вы

разве никогда не угадывали следствие какой-нибудь причины? А как же тогда интуиция? Думаю, что любой из нас может в определенной степени считывать Хаос, но мы никогда не обращали на это свое внимание, не развивали в себе этого чувства.

Допустим, что этот Ясновидящий существует на самом деле и его можно уговорить сотрудничать с Вилдхейтом. Тогда мы смогли бы вовремя отыскать ответы на мучающие нас вопросы.

— Но каким образом этот ваш Ясновидящий может сделать подобное?

— Представьте себе возможности, вытекающие из способности предсказывать поведение Хаоса таким удивительным существом, каким является человек, с его умением логически мыслить и обобщать явления. И представьте себе эту обоюдную попытку, эти усилия для достижения цели, которой является Оружие Хаоса. Во-первых, враг не сможет добраться до Вилдхейта без предупреждения. Во-вторых, у нас имелся бы человек, который, как я уже говорил, мог бы заглядывать в ствол Оружия Хаоса. Чем черт не шутит, а может быть, существовала бы большая вероятность того, что он смог бы установить по стволу, кто нажимает на спусковой крючок!

— Да, это имеет смысл,— кивнул Тум Тцзе.— Однако Чувствователи характеризуются малокоммуникабельными людьми, а Майо — это закрытый мир. Установление контактов с Ясновидящим будет очень сложным делом.

— Я уже думал над этим. Майо находится на самом краю Млечного Пути. Если Федерация проиграет этот бой, то, нравится им это или нет, они обречены. Поскольку именно Федерация заставляет пока что чужаков держаться на расстоянии. Если наша оборона начнет рушиться, то под удар первыми попадут планеты типа Майо, планеты, находящиеся на переднем крае нашей человеческой цивилизации. А чужаки пленных не берут.

— Для нас это звучит убедительно. Тем не менее, я очень сомневаюсь, чтобы мы смогли убедить в этом кого-нибудь на Границе до тех пор, пока чужаки не станут реальной угрозой. Как можно думать о какой-то опасности, когда даже не знаешь, что это такое!

— От субинспектора Вилдхейта будут зависеть их

убеждения. Это ваше первое задание,— обратился Дельфан к Джиму.— Отправляйтесь на Майо и привлеките на нашу сторону Ясновидящего Хаоса.

Глава 4

В своем путешествии с Земли на другой конец Галактики, где Майо-4 вращалась вокруг своего солнца, Вилдхейту повезло только в том, что обе планеты были расположены по одну сторону широко раскинувшегося рукава Млечного Пути. Но даже в этом случае преодоление семнадцати тысяч световых лет на борту небольшого патрульного корабля не было большим удовольствием. Спустя пять дней после старта с Земли корабль «Гогенсхейм» выскочил из сверхсветового кокона и оказался в нормальном пространстве, для того чтобы сориентироваться, и вновь нырнул в кокон на целых шесть дней. И только после этого он вынырнул в нормальное пространство, оказавшись совсем близко от цели.

С этого момента все время уходило на вычисления и наблюдения. Вилдхейт позавидовал капитанам больших линейных звездолетов, навигационное оборудование которых позволяло совершить всего один прыжок, который выводил корабль на расстояние в несколько дней полета к цели. Завидовал он и тому, что условия жизни на больших кораблях были другими. На «Гогенсхейме» все свободное место сводилось к гимнастическому тренажеру, крошечной каютке и капитанской рубке. Кроме того, слабая гравитация так действовала на человеческие мышцы, что субинспектор даже побаивался, как бы посадка на планету с нормальной гравитацией не испортила его физическую подготовку. К тому же симбиот, который жил на его плече, по имени Коул причинял ему докучливую зудящую боль.

В пространстве Коул всегда бывал беспокойным. Он дрожал в те моменты, когда устремлялся в путешествие по бесчисленным мирам пространства-времени, а потом, утомленный, возвращался на плечо Вилдхейта, впиваясь в тело когтями метапсихических лап. Сопутствующее каждому такому возвращению пульсирование в нервных окончаниях его организма причиняло сильную боль субинспектору.

Несмотря на все эти неудобства, существовал ряд причин, по которым Вилдхейт держал на своем плече

симбиота. Когда они вошли в нормальное пространство и субинспектор стал рассчитывать очередной прыжок, Коул вдруг замер, погрузившись в размышления.

— Субинспектор, я вошел в связь с Таллотхом. Субинспектор Ховер желает поговорить с тобой.

— Странно! Мы далеко за пределами действия ФТЛ. Однако допустим, что существует важная причина для того, чтобы связаться со мной, используя добавочные мощности.

— Таллотх убежден, что это необходимо. Иначе он не использовал бы для этого наши специальные каналы для перенесения твоих мыслей.

Вилдхейт не любил этой связи. Из всех паранормальных явлений, которые возникали при симбиозе с Коулом, только это он считал вторжением в его естество. Он смирился с болью, причиняемой им, но никак не мог смириться, что слышит самого себя, говорящего голосом другого человека.

— Джим! — В звуках, издаваемых его же губами, он распознал голос Ховера, однако тембр и тон звуков были различны из-за отличия в голосовых связках.

— В чем дело, Гесс?

— Я использую чувственную связь, поскольку нет гарантии, что связь ФТЛ будет поддерживаться. Тема — наш таинственный приятель Сарайя.

— И что же?

— О, несколько подробностей, которые кажутся довольно странными. Во время нашей встречи был задан вопрос, кто создал Оружие, однако ответа не последовало: он отреагировал встречным вопросом...

— Я помню это. Он спросил меня, сколько может быть разумных рас во Вселенной.

— Кроме того, я вспомнил еще кое-что. Как ты знаешь, я видел Оружие Хаоса в действии. Тот тип, который служил мишенью, вызвав несчастье, не был одним из наших выдающихся умов. Планета, которую он назвал как место, откуда он прибыл, не существует. Он производил впечатление, что знает о наступлении катастрофы, и ему даже удалось опередить ее; к тому же нельзя не учесть, что их машина находилась вне поля действия Оружия. Сарайя назвал его единственным в своем роде и сказал, что там, где появляется этот человек, действует Оружие Хаоса.

— К чему ты клонишь, Гесс?

— Просто я думаю, что Сарайя знает обо всем этом

значительно больше, чем делает вид. Типам, которые приехали в снегоходе, удалось вытащить кого-то из города. Думаю, что это была та сволочь, которая напала на меня, а потом проехала гусеницами по ногам. Этот человек передал привет для Сарайя от какого-то Касдея.

— А что Сарайя?

— Он повел себя так, как будто это имя ему совершенно незнакомо. И сделал вид, что это известие для него ничего не значит. Потом, представь себе, повернул все дело так, будто я эту историю выдумал. Он как будто не знает, что субинспектора регистрируют каждую секунду своей жизни. Я проверил потом соответствующую запись — информация была записана четко и ясно.

— Что это за информация?

— Цитирую: «Эта игра даже тебе не по зубам. И не пытайся играть в нее, пока не узнаешь, в чем она заключается, и не уяснишь ее правила.»

— И что же из этого?

— Ничего. Лично я сомневаюсь, что это именно то, что мы ищем. Скорее всего, это придумано нашими врагами и... в общем, мне кажется, что Сарайя ведет двойную игру. Ты должен знать о моих подозрениях, как руководитель операции.

— Спасибо, Гесс. Я запомню это. Кстати, как твои ноги?

— Прекрасно. Недавно я смотрел их. По возрасту они уже соответствуют восемнадцатилетним. Помню и мои были такими же: крепкие, мускулистые, выносливые. Жаль, что они должны состариться, чтобы соответствовать моим, утраченным.

— Интересно, могли бы мне пересадить новый мозг? Этот, мой, забит сейчас вопросами до предела...

Связь прервалась. Вилдхейт опять занялся навигацией. Из-за сильных гравитационных вихрей появились волны из глубокого космоса, и было очень тяжело рассчитать положение Майо. Субинспектору повезло при последнем прыжке. Он вышел в нормальное пространство всего на расстоянии суток полета от планеты.

Вилдхейт, появившись из темноты, нависшей над посадочным полем, где разместился корабль, подошел к окраине города. Впереди раскинулась река, и в ее темной воде отражались огни города. Он поглядел по сторонам, стараясь отыскать какую-нибудь лодку, но, к своему удивлению, обнаружил мост.

Мост был широкий, с красивыми перилами, однако какой-то неестественный и, видимо, редко используемый. И все же он ступил на него, и сразу же симбиот на его плече беспокойно зашевелился.

Вилдхейт оставил транспортник возле корабля, решив, что демонстрация силы пока что ни к чему. Действительно, идущий не спеша человек выглядит более мирным, чем едущий на бронированной машине, напичканной оружием, способным единым залпом уничтожить небольшую планету. За это он расплачивался ноющими мышцами ног и болью в левом плече, вызванной сильно сжатыми психокогтями симбиота, находящегося с ним в неразрывной психосвязи.

Шествуя по мосту, Вилдхейт испытывал странное, мучительное чувство. Непосредственный контакт с культурой такой удивительной, как Чувствователи, представлялся ему психологической игрой, ходы в которой будут необычайно сложными. Возможность небывалого и чувственного проникновения в его мозг означала то же самое, что интеллектуальная смерть и новое рождение. Нигде, даже на Земле, он не встречал никого, кто мог разделить его взгляды на смысл жизни обитателей Галактики, да и, впрочем, существования самой Галактики. Его всегда отягощала ответственность — обязанность искать смысл и выход из данной ситуации точно так же, как и необходимость обуздывать свои чувства в связи с ограничениями, накладываемыми натурой.

Он начал расшифровывать знаки, начертанные на противоположном берегу реки на языке Альфа. Было похоже, что главным языком на этой планете был один из тридцати семи галактических диалектов, которые вбили в голову Вилдхейту с тем, чтобы они помогали ему выполнить возложенную на него миссию. По дороге он повторил структурные формы этого языка.

Ясно стал виден город. Он был гораздо менее цивилизован, чем указывалось на картах пространства. Это был хороший образец развития, задержанного на предтехнической стадии, хотя здесь и использовалось электричество. Повсюду горели фонари. Такой анахронизм не был редким среди человеческих поселений, образовавшихся в Галактике после Большого Исхода.

В конце моста располагались помещения стражи. Кроме этого, выход с моста был перегорожен оградой из колючей проволоки. Во всем этом было что-то параноидальное, что как бы подчеркивало технические возмож-

ности тех, кому закрыта дорога в город. Вилдхейт увидел, что сможет преодолеть преграду, даже не замедлив шагов. Возле ворот он подергал за канат, ведущий в будку стражи. Зазвонил звонок, громкий звон которого мог наверняка разбудить чуть ли не половину города.

Над головой субинспектора горели старые фонари, отбрасывая две тени на площадку перед воротами.

— Стой! Кто там?

— Субинспектор пространства Вилдхейт с Земли по приказу Совета Галактики. Я хочу поговорить с кем-нибудь из вашего руководства о Ясновидящем.

— Ты из другого мира! Тебе нельзя было садиться на нашу планету!

— Я уже сел. И, кроме того, я представляю интересы Федерации!

— Майо не признает Федерацию!

— Это не имеет значения. Мы, между прочим, защищаем вас.

— Приходи днем. Мы поищем кого-нибудь, кто захочет говорить с тобой.

— Это нужно сделать сейчас! Дело не терпит отлагательства!

— Подожди.

Вилдхейт сел на берегу реки, не переставая удивляться наивности общества, которое верит, что железные ворота, опутанные колючей проволокой, могут гарантировать безопасность.

Часом спустя ворота раскрылись. Старый седой человек сделал знак субинспектору, приглашая войти. Стоящие сзади стражники были одеты в темные одежды и вооружены короткими белыми палками.

— Я Пилон,— представился старик.— Из-за твоей неучтивости и наглости меня подняли с постели. Хочу надеяться, что дело очень важное, раз ты осмелился побеспокоить меня.

— Да, наверное, это важно, раз я пролетел из-за него пять тысяч парсеков. Ты представляешь здесь власть?

— Я один из Совета Старейшин. Ты вынужден будешь довольствоваться этим.

Вилдхейт бросил взгляд на грозно выглядевших стражников. Было вполне очевидно, что Федерация не пользовалась на этой планете особой симпатией.

— Мы могли бы поговорить с тобой в другом, более удобном месте?

— Да, но сперва я хотел бы посмотреть на твою ла-

донь. Я должен узнать твои намерения. Очень многих после этого мы просто не пропускаем в город.

Удивленный Вилдхейт протянул руку. Старик взял его ладонь обеими руками и закрыл глаза. Стражники подняли оружие и прицелились в пришельца, готовые немедленно выстрелить, если старик подаст сигнал.

Наконец Пилон произнес:

— Ты пришел к нам с мирными намерениями. Я беру на себя ответственность за твое пребывание на нашей планете.

— Ты многим рискуешь, Пилон,— отозвался сейчас же один из стражников.— Хотя, в любом случае, тебе пришлось бы отвечать перед Советом.

— Я поступаю согласно нашего закона,— возразил старик, взяв Вилдхейта под руку.— Идем ко мне. Это недалеко отсюда. Там мы сможем поговорить.

Вилдхейт позволил провести себя по узким грязным улочкам, со следами от колес телег. Ничто не свидетельствовало здесь о присутствии механического транспорта. Дома были из грубо обтесанного камня. Их архитектура не поражала индивидуальностью фантазии строителей.

— Что ты прочитал на моей ладони? — спросил субинспектор.

— Я узнал, что ты ожидаемый, а не нежеланный гость. Должен сказать, что твое пребывание у нас опасно для тебя.

— Вы создаете себе дополнительные трудности, охраняя ворота города. Это трудно понять, так как единственными обитателями Майо являетесь вы, Чувствователи.

— Существуют разные степени познания себя. Некоторые чрезвычайные проявления требуют охраны от влияния, а это, в свою очередь, требует охраны со стороны тех исключений. А подобное довольно трудное дело.

Они вошли в узкий деревянный дом. Пилон протянул руку, чтобы снять с Вилдхейта верхнюю одежду, однако субинспектор отрицательно покачал головой.

— Не нужно. Моя одежда автоматически регулирует температуру, а кроме того, в ней спрятано много разных, нужных мне вещей.

— Как тебе будет угодно.— Старик внимательно посмотрел в лицо Вилдхейта. И Коул беспокойно задергался на плече субинспектора. Симбиот явно был напуган, хотя ничего непосредственно им не угрожало.

— Ты странный человек, инспектор,— произнес ста-

рик.— Оружие, которое ты держишь в своем кармане, может причинить больше несчастья, нежели вся планета Майо за всю свою историю. И еще... я ничего не вижу, но ясно чувствую присутствие чужого существа на твоем плече. Ты из тех, кто в прошлом пролил много крови. Однако, при всем при этом, ты человек, наделенный мудростью и гуманизмом. Это ужасно и больно быть таким, как ты.

— Ближе к делу! — прервал старика Вилдхейт.

Они вошли в небольшую, заваленную книгами комнату. Из мебели здесь были только стол и несколько кресел. Когда они сели, Пилон вопросительно уставился на субинспектора, но его внимание, казалось, было сосредоточено где-то там, за стенами комнаты. В темноте, повисшей за окнами, послышались какие-то звуки.

— Так в чем же твое дело, инспектор? — наконец произнес старик.

— Хаос. Я думаю, что ты знаешь, что такое Хаос?

— Это отражение медленной смерти Вселенной. У Хаоса есть много тайн.

— Для нас это тоже тайны. Собственно, это и привело меня на вашу планету. Федерация Галактики просит у вас помощи. Кто-то или что-то пробует управлять Хаосом. Создано оружие, направленное на уничтожение отдельных людей, большинство из которых занималось или еще занимается решением важных для человечества вопросов.

— Знаешь ли ты, что мы не признаем целей и устремлений Федерации?

— Знаю. Однако вы, в свою очередь, должны знать, что вооруженные силы, расположенные в этой части пространства, защищают и вашу систему от вторжения чужаков. Поэтому, нравится это кому-нибудь или нет, но существование Федерации и ваше собственное неразрывно связаны.

— Неплохой аргумент, инспектор.

— Значит, так, единственным нашим оружием против оружия чужаков является предсказание, причем быстрое, производимое на основе изменения Хаоса. Только так мы сможем обнаружить и обезвредить противника.

— У вас есть для этого вычислительные машины!

— Да, аппараты, немногим меньшие этой комнаты, или звездолеты, битком набитые электроникой. Но дол-

жен вам сказать, что нет ничего мобильнее человека. Мы узнали, что у Чувствователей есть Ясновидящий Хаоса, и хотели бы получить его для работы.

Пилон сложил руки на груди и молча погрузился в размышления.

— Ты ужасный, опасный человек, инспектор,— наконец пробормотал он.— И к тому же не знаешь того, что ищешь. То, о чем ты просишь, невозможно. Если бы подобное было возможно, то не было бы разумно, а если и было бы разумно, то его результаты не были бы такими, как ты ожидаешь.

— Я прошу о помощи. Это правда, что Ясновидящий существует?

— Да. Сомневаюсь, однако, что вы, люди, сможете достигнуть с ним контакта.

— Не понимаю тебя, Пилон.

— Инспектор, как ты думаешь, почему Чувствователи сторонятся человечества?

— Думаю, что это из-за селективного отбора суперличностей, который вы проводите. Поэтому-то вы и прилагаете все силы, чтобы ничто не помешало чистоте экспериментов.

— Это не совсем так. Да, при создании чистой расы мы не можем рисковать из-за каких-то контактов суперличностей с представителями человечества. Их судьба очень необычна и прекрасна, и нельзя, чтобы они попали под шовинистический каток человечества. Ты мудрый человек, инспектор, и поэтому должен понять меня. Ты бы передал в руки дебильного ребенка чудесные вещицы, которые могли бы впоследствии стать опасным оружием?

— Вы оцениваете нас с таких позиций?

— Да, так мы представляем себе вашу Федерацию. Хороший, здоровый ребенок, но почему-то с детства недоразвитый. Его психика находится на эмоциональном уровне немногим выше элементарных инстинктивных реакций. Он делает бесчисленные движения и размножается, так как ничего другого не умеет делать: разрастается среди звезд, словно раковая опухоль.

— Софистика!

— Разве? У нас много ясновидящих по разным специальностям. Каждый из них мог бы разрушить твое представление о будущем общества. И мы не хотели бы брать на себя ответственность за то, что вы могли бы сделать с нами, узнав, какие варианты будущего мы вам пророчим.

— Думаю, что ты переоцениваешь возможности своих ясновидящих. Во всяком случае, спасибо тебе, ты предупредил меня. И, таким образом, тяжесть ответственности ложится на нас, а не на вас. И поэтому я еще раз прошу тебя: отдай нам Ясновидящего Хаоса.

Шум за окном, до сих пор несколько приглушенный, постепенно нарастал и становился все более четче и яснее. Вдруг послышался ритмичный стук бьющих друг о друга палок, а потом низкий рев рога. Коул на плече Вилдхейта беспокойно задвигался. Инспектор ощутил какой-то сильный и странный запах, похожий на запах фиалок.

— Что там происходит, снаружи?

— Вернулись стражники. Чувствователи делятся на много каст. Одни готовы стать на твою сторону, другие все отдали бы за то, чтобы убить тебя. Я уже говорил тебе, что твое пребывание на этой планете небезопасно для тебя. Стражники обеспечивают порядок, пока Совет Старейшин не решит, что сделать для тебя или с тобой. Тем временем ты будешь находиться под стражей, и не советую тебе сопротивляться.

Оружие субинспектора срабатывало при малейшем прикосновении пальцев. Однако он решил пока повременить с его применением. Он встал и быстро подошел к окну, чтобы разглядеть в темноте источники этих странных звуков. Сначала он ничего не видел, потом стали появляться очертания белых палок, которые держали невидимые сейчас руки.

Тук... тук... тук...

Голос большого рога, звук которого иногда уходил за пределы слышимости, в область инфразвука, поразил мозг субинспектора пульсирующей вибрацией, отрывающей волю от разума.

Тук... тук... тук...

Белые палки гипнотизировали, создавая странную пустоту в мыслях человека.

Тук...

Вилдхейт ощутил таинственный аромат, какое-то легкое головокружение, сладкую истому, которая медленно разливалась по его жилам. Так и не успев воспользоваться своим грозным оружием, он зашатался и рухнул на пол без сознания.

Глава 5

Он очнулся в подземелье из белого камня. Камера имела такие своды, словно должна была выдерживать солидный вес стоящего над ней здания.

Снаружи был день. Яркий солнечный свет падал на отлично отполированный пол через узкие щели-бойницы. Первой мыслью Вилдхейта была мысль об оружии, но его-то как раз и не было. Оно исчезло вместе с одеждой. Когда он был без сознания, чьи-то руки умело сняли с него все снаряжение и одежду и одели его в простую хламиду, похожую на тогу. Коул был спокоен.

— Что же ты позволил мне влезть в такие неприятности? — спросил он у симбиота.

— Тебе ничего не угрожало,— возразил Коул.— Я призван только охранять тебя от опасности, которая грозит тебе смертью. Как тут разобраться в этих странных вещах, которыми обмениваются в разговоре. Вы являетесь расой, которая патологически проигрывает свои дела в суде.

— В это утро я потерял еще и мораль новой философии,— угрюмо заметил Вилдхейт.

Он обнаружил дверь, а вернее, ряд дверей. После бесполезных попыток открыть какую-либо из них, субинспектор добрался до одного из окошек, через которое в камеру проникал солнечный свет.

Он увидел только длинную, широкую, увенчанную башнями крепостную стену. Через определенные промежутки над ней торчали грозные шпили. Высказывания Пилона о недоразвитости человеческой расы привели к тому, что Вилдхейт впервые засомневался в собственных действиях.

Субинспектор продолжал хмуро обследовать подземелье, однако так и не нашел ничего стоящего внимания. Он сел на лавку и стал ждать дальнейших событий. Но пробыть долго в одиночестве ему не удалось. Одна дверь распахнулась, и в камеру вошел мужчина, одетый в черную тунику. Он подошел к Вилдхейту, и на лице его появилось выражение угодничества.

— Субинспектор, меня зовут Дабрия, я являюсь одним из главных стражников Майо. Твой арест был вынужденным, это была печальная необходимость. Если бы ты заглянул в планетарный атлас, то понял бы, что Майо заповедная планета и посадка здесь запрещена.

— Сомневаюсь, что кто-то может запретить субин-

спектору пространства садиться там, где он пожелает. Хотя многие правители многих систем и не желали бы этого права. В конце концов, важность тех миссий, которые мы выполняем, превышает всяческие ограничения. Так вот, Федерации сейчас требуется помощь вашего Ясновидящего. Как можно ее получить?

— Мы понимаем ваши проблемы. Даже в этот момент, когда Совет Старейшин решает твой вопрос. Однако тебе не повезло. У Чувствователей быстро нарастает внутреннее напряжение. Твое прибытие к нам может стать катализатором и вызвать страшную катастрофу. Ты опасен для всех нас.

— Верните мне снаряжение, одежду и дайте Ясновидящего Хаоса, и через час нас уже не будет на Майо.

— Одностороннее соглашение.— Дабрия был невозмутим.— Что ты предложишь взамен?

— Шансы на развязку без меня, как катализатора, ваших внутренних проблем и исключение необходимости вызывать подразделения Федеральных Космических сил для моего освобождения. Думаю, что подобное действие могло бы вызвать в ваших кругах оппозиции некоторое недовольство.

— Угроза вероятна, но осуществить ее не удастся!

— В самом деле? Я бы не советовал пробовать.

Стражник отошел к двери.

— Я слышал о твоих способностях вести переговоры без использования технической аппаратуры,— начал он.— Хорошо, мы не будем предпринимать против тебя ничего. Может быть, предложенные тобой действия и решат наши проблемы. Тогда это было бы хорошо для нас обоих. Конечно, некоторые будут против, но я думаю, что это можно будет устранить.

Дабрия, не переставая говорить, шагнул вперед. Прыгнув, он молниеносным движением руки попытался ударить в горло субинспектора. Однако ребро его ладони пронзило воздух. В тот же момент встречный удар повалил Дабрия на колени, а удар ногой в лицо послал безвольное тело в скольжение по отполированному полу. Стол задержал беспорядочное движение тела стражника. Ошеломленный Дабрия попытался встать, по ему на грудь опустился тяжелый сапог субинспектора.

— Твоя попытка напасть на меня была величайшей глупостью,— засмеялся Вилдхейт.— Мое убийство ничего бы не решило. Вам пришлось бы отвечать перед шестью субинспекторами, чьи аргументы и вопросы были

бы подкреплены мощью военного крейсера. А сейчас убирайся отсюда и приведи мне Ясновидящего!

Девушка следила за своими зверьками, пасущимися в Десятом Владении. Все утро она перегоняла их на другой склон под оборонной стеной, а сейчас привела их вниз и, разделив на две одинаковые группы, заставила щипать траву на дорожках. Потом опять завернула стадо на пастбище. Это занятие требовало терпеливости и спокойствия. Разумные животные ценили ее заботу, гарантировавшую им полные желудки без всяких стрессов. Взамен Десятое Владение было тщательно выщипано и поддерживалось в порядке. Это Владение представляло собой пример зависимости между миром людей и миром зверей. Жизнь в этой части Майо была прекрасной.

Когда работа близилась к концу, девушка наконец-то позволила себе оглянуться, чтобы оценить результаты своего труда. Она была довольна. Здесь, при хорошей погоде, буйной траве и покое, работа приносила истинную радость.

Когда они добрались до долины, со сторожевой башни послышался окрик:

— Эй, Розочка!

Она подняла глаза и увидела старого Пилона, машущего ей со стены. Она засмеялась и подбежала к стене.

— Ты пришел, чтобы мы и сегодня во что-нибудь сыграли? Знаешь, я могу высвобождать энтропию прямо из звезд. Думаю, что вскоре я смогу вернуться аж к Большому Взрыву, создавшему нашу Вселенную.— Она замолчала, заметив его серьезное лицо.

— Иди сюда, Розочка. Мы должны поговорить.

— Что такое? Я не имею права подниматься на стену.

— Тебе разрешат сделать это. У меня для тебя важные новости.

— Это наверняка не конец света, иначе я бы давно знала об этом.

Она быстро направила стадо на пастбище и побежала к дверям башни. И стражники расступились перед ней, пропуская наверх. Она взобралась по крутым ступенькам и, не переводя дыхания, одним махом выбежала на стену. Она была здесь впервые. Открывшийся отсюда вид захватил дух и закружил голову.

— Что случилось, Пилон? Почему ты такой грустный?

— Помнишь, как-то ты мне рассказывала о Хаосе? Говорила, что началась война?

— Я знала это, что же здесь такого?

— Ты была права, дочка. Война пришла и к нам.

— Куда? На Майо?

— Еще нет, но она достигла нашей Галактики. Из всех наших ясновидящих только ты смогла это предсказать. Сейчас прилетел инспектор из Федерации и просит помощи. Твоя способность предсказывания Хаоса является единственной в своем роде. Может быть, только ты сможешь перебороть ту силу, что навалилась на Галактику.

— Значит, я должна пойти и поговорить с ним?

— Дело не только в разговоре. Он хочет забрать тебя с собой.

— На звезды?

— На звезды, а может быть, и еще дальше.

— Что за вздор ты несешь?

— Его требование и так уже внесло разлад в Совет Старейшин.

Она отвернулась и посмотрела на зеленые поля, словно увидела их в первый раз.

— Ты хочешь, чтобы я улетела с ним?

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Прошлой ночью я был против этого. Однако я подумал и решил, что твои таланты не найдут применения на Майо. Только там, в космосе, ты сможешь развить их. Многие ясновидящие променяли бы свой талант на твой дар предвидения Хаоса. И мое решение исходило из факта, что если ты не используешь этот шанс, то, может быть, такого случая больше уже не представится.

— Ты можешь это объяснить?

— Этот человек сказал, что, если Федерация проиграет сражение, наша планета тоже погибнет. Чужаки очистят от людей и этот край Галактики.

— Ты говоришь это таким скорбным тоном...

— Жизнь — великая штука, девочка. Степы, которые мы воздвигли между собой и остальным человечеством, стоят не зря. Пропасть между нами велика. У нас Чувствователи уже давно посвятили свою жизнь раскрытию в человеке скрытых свойств натуры. Сейчас мы находимся как бы в клетке, почти все возможности уже исчерпаны. Нужен приток новых сил. И это может дать космос!

— Но разве нас не учили, что звезды еще не готовы принять нас к себе?

— А разве кто-нибудь проверял это утверждение? Разве мы не сами должны побеспокоиться о себе?

— В таком случае, я готова!

— Это будет нелегкая дорога, девочка. Многие из Совета против этого. Однако, если существует разгадка, мы должны найти ее. Иди! У Дабрия есть план. Он не успокоится, пока не решит эту проблему.

Когда Дабрия во второй раз вошел в камеру, он остановился на пороге, не решаясь подойти к узнику ближе.

— Инспектор, в прошлый раз мы немного повздорили. Поверьте, это не было личной неприязнью, несмотря даже на то, что мне прибавилось хлопот. Однако я разделяю твои взгляды на то, что твое убийство во много раз усложнило бы проблему, нежели положило бы ей конец. В связи с этим у меня есть предложение.

— И у меня тоже. Мне нужны Ясновидящий Хаоса и свобода. Дайте мне два часа, в противном случае встречайте крейсер Федерации.

— В этом нет необходимости, инспектор. Я говорил с Пилоном. Мне кажется, что всем нам одинаково необходимо, чтобы Ясновидящий летел с тобой. Правда, здесь есть небольшое препятствие. Видишь ли, наш закон запрещает ясновидящим покидать Майо. Если Совет позволит твоему Ясновидящему лететь с тобой, то оставшиеся Чувствователи проявят недовольство, и это может привести к развалу нашей системы, всего того, что создавалось веками.

— Значит, и у вас есть проблемы.

— Мы придумали решение данной задачи, которое должно удовлетворить нас обоих. Пилон пошел за Ясновидящим Хаоса, который должен согласиться помочь тебе. Когда он окажется здесь, мы оставим вас вдвоем, но стражник забудет запереть дверь. За ней ты найдешь свою одежду и снаряжение. Я верю в твои возможности, верю, что ты сможешь преодолеть все препятствия и похитить Ясновидящего с планеты, пока мы будем стараться догнать вас. Ты получишь то, что являлось целью твоего прилета сюда, ну а я не буду держать на тебя зла.

— Кто еще знает об этом деле?

— Никто, кроме Пилона и Ясновидящего.

— Значит, если дело дойдет до драки, то кровь будет настоящей?

— Изучив твое оружие, я очень сомневаюсь в том, что это будет твоя кровь. Однако сейчас другого выхода нет.

Весь следующий час Вилдхейт размышлял о двуличности человеческой натуры. Потом пришел Пилон и привел с собой девушку с дикими глазами, которая только недавно перешагнула черту созревания.

— Инспектор, это Ясновидящий Хаоса. Ее зовут Роза. Заботься о ней, поскольку она единственный прекрасный цветок из всех, которые до сих пор удавалось вырастить Чувствователям.

Вилдхейт с трудом встал.

— Вот уже не думал, что Ясновидящим Хаоса окажется девушка.

— Хочу предупредить тебя, инспектор, что план твой не вполне корректен.— Пилон скривился.— Я знаю также, что результаты будут не такими, каких ты ждешь. Кроме того, ты толкнул нас на новую дорогу, и пути назад уже нет. Кстати, у этой девочки есть еще одно имя, которое впредь ты должен будешь употреблять в обращении с ней. Ветка, это субинспектор пространства Вилдхейт, своего рода стражник Галактики. Его оружие ужасно, однако помыслы откровенны. Он очень наивен и слабо интерпретирует естество Вселенной. Ты должна его многому научить. Читай звезды, девочка...

Когда Пилон повернулся к выходу, Вилдхейт взял его под руку.

— Подожди! — сказал он.— Ветка, если бы я знал, что ты так молода, я не просил бы Совет о помощи. Перед нами трудная и опасная дорога, охота за Оружием Хаоса, и это будет очень опасным делом. Ты в самом деле готова идти со мной?

Пилон посмотрел на нее. В его глазах мелькнула тень разочарования.

— Что же ты, Ветка, ответишь?

— Эта минута уже оставила свой след на узорах Хаоса. Она дала начало одному из самых сильных потрясений энтропии, какие когда-либо имели место в Галактике.

— Слышишь, инспектор? Будущее продиктовало свой приговор. И пускай никому из нас не кажется, что он имеет право выбора. Начатое вами дело встряхнет Все-

ленную. Неизвестно, хорошо это или нет, однако оно должно было случиться.

Когда Пилон вышел, Вилдхейт повернулся к девушке. Из выражения ее глаз он понял, что она четко видит симбиота на его плече.

— Ты удивлена, девочка? — спросил он как можно более нежным голосом.— Не бойся этого. Да, твой разум необычайно чувствителен. Большинство людей не видит Коула.

— Что это? — спросила она. Голос девушки дрожал от напряжения.

— Это бог Коул.

— Не понимаю. Бог бесконечен.

— Верь в то, во что должна верить. Я сказал тебе правду. Существует много богов. Все они обладают огромной властью, но ни один из них не обладает всемогуществом.

— Почему он так мигает?

— Он находится сразу в нескольких измерениях, и то, в котором находимся мы, является одним из них. Он беспрерывно мечется то в одно, то в другое и поэтому ни в каком не бывает полностью.

— Почему же тогда он сидит на твоем плече?

— Мы связаны с ним до смерти... до моей смерти. Коул бессмертен.

— И ты не можешь его снять? Никогда?

— Незачем. Он живет на мне.

— Как паразит? — Вид Коула явно нервировал ее.

— Нет, не как паразит. Это симбиоз. Мы помогаем друг другу. Понимаешь, помогаем, как два партнера.

— Не понимаю.— Девушка покачала головой.

— Я отдаю Коулу духовную силу, необходимую ему для перемещения по измерениям, а он охраняет меня во время моей опасной работы.

Ветка избавилась наконец от терзавшего ее страха. Сейчас она уже могла рассмотреть Коула во всех подробностях.

— Он очень, очень хорошенький.

— Дотронься до него.

— Можно?

— Если ты веришь в него, то ему будет это приятно. Ты веришь, что он существует?

— Я вижу его. Почему я должна сомневаться?

— Веришь, что он бог?

Она мгновение колебалась. Потом глубоко заглянула

в глаза Вилдхейта, пытаясь найти там насмешку или шутку. Однако в глазах инспектора была одна только симпатия и нежность.

— Я верю, что он бог,— наконец прошептала она.

Она очень осторожно протянула руку и нежно дотронулась до темной кожи симбиота. Так продолжалось несколько минут, затем она отняла руку.

— Что ты слышишь? — спросил Вилдхейт.

— Я слышала... музыку.— Ее голос был едва слышен.

— Прекрасно! Значит, он признал тебя.

— А почему он не должен был признавать меня?

— Он живет во множестве миров, а все боги имеют хлопоты с отождествлением. Ты лишний раз подтвердила веру в его существование. Он получил большой приток психической энергии, которую использует для усиления нашего симбиоза.

— Ты большой формалист.

— Я скорее практик. Коулу так же нужна вера, как тебе еда. Когда появляется возможность, я ценю это. И, если тебе потребуется помощь, зови его, он придет на твое доверие и поможет в беде. А теперь, к делу! Когда сменяется караул?

— Скоро. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Дабрия придумал план. Они не могут признать, что отпускают тебя со мной, поэтому нам организован побег. Как только сменится стража, я заберу оружие, одежду, и мы двинемся в путь. Ты сможешь провести меня через город к мосту?

— Наверное...

— Вот и хорошо. Там, за рекой, на старом космодроме, мой корабль. Если нам удастся добраться до него, то мы будем спасены. Может быть, придется вступить в драку, пробиваясь через город. Поэтому держись возле меня и точно выполняй все, что я скажу. Понятно?

Услышав приглушенные голоса за стеной, он подошел к одной из дверей, раскрыл ее и заглянул во внутрь. В небольшом помещении он увидел стол, на котором лежали его одежда, снаряжение и наваленные кучей личные вещи. Вилдхейт быстро оделся и вернулся к девушке.

— Если ты готова, подружка, то пошли, посмотрим, что приготовил нам Хаос.

Он сделал жест, приказывая ей отойти в сторону, и взорвал массивную дверь камеры, прилепив к ней пластиковую взрывчатку из своих запасов.

Не успел еще рассеяться дым, а он уже выстрелил снарядом с парализующим газом вглубь коридора, затем кивнул Ветке, и они ринулись вперед. В конце коридора они увидели двух стражников, лежащих без сознания на первых ступеньках охраняемой ими лестницы, ведущей наверх. По ним они поднялись на оборонную стену, окружавшую город.

— Куда сейчас?

— Налево. Так мы сможем обойти караульное помещение.

Улицы под стеной были пустынны. Башня на степе впереди означала как возможность сойти вниз, так и вероятность появления стражников снизу. Вилдхейт еще раз выстрелил парализующим снарядом и очистил выход. Они бросились бежать по крутым ступенькам и внизу встретили бегущих навстречу им стражников. Одного он свалил ударом ладони по шее, а второй, отпрянув в сторону, исчез в темноте.

Субинспектор не стал преследовать труса. Перед ними лежала расчищенная дорога через площадь, и они должны были как можно скорее добраться до моста, пока сюда не сбежалась охрана со всего города.

Малочисленные случайные прохожие были удивлены этой странной, бегущей по улицам парой, однако они даже не пытались помешать им. Вскоре беглецы добрались до берега реки, вдали виднелся мост. В будке стражи возле ворот зазвенел сигнальный звонок. Другие звонки и сирены зазвучали в разных концах города, и вскоре, казалось, здесь ревело гигантское раненое животное, разрывая своим воем темное небо над городом.

Глава 6

Вилдхейт остановился и втащил девушку в проход между домами.

— Здесь есть другой мост, Ветка?

— Есть, но на многокилометровом расстоянии отсюда.

— В таком случае, мы должны действовать решительно. Если нам удастся проскочить, как они смогут нас преследовать? Пешком?

— Думаю, что на шасках. Это наши верховые животные.

— Как только мы попадем на мост, нужно будет бе-

жать что есть силы. Не задерживайся ни на секунду, пока не попадешь на другой берег.

Уже во время бега Вилдхейт начал готовить к бою лучемет. Как только предмостье оказалось в зоне поражения оружия, он открыл огонь. Энергетические лучи попали в цель и вызвали сильный пожар. Раздались душераздирающие крики и вопли охраны. Стражники выбегали из будки, охваченной пламенем, и, заметив бегущих, хватались за оружие. Вилдхейт выстрелил парализующим снарядом, и стражники повалились на землю, застыв в неестественных позах.

Луч с легкостью разрезал железные ворота, закрывавшие дорогу, и они, перепрыгнув через раскаленное железо, оказались на мосту. Сзади подбежали новые преследователи, которые притащили что-то похожее на излучатель и начали наводить его на мост. Субинспектор, не останавливаясь, метнул назад пригоршню маленьких шариков. Некоторые из них стали взрываться еще в полете, излучая ослепительно яркий свет, который надолго ослеплял человека, обжигая сетчатку глаза. Другие упали на мост и, расколовшись, выпустили клубы непроницаемо-черного дыма, который тут же скрыл беглецов от преследователей. Когда они добрались до другого берега реки, мощный взрыв разнес мост на куски.

Хватая воздух, словно рыбы, вытащенные из воды, они повалились на траву. Дым понемногу рассеялся, и стали видны опоры моста, торчавшие над поверхностью темной и мутной воды. Это было все, что осталось от моста после взрыва.

— Это должно хоть ненамного задержать их,— заметил Вилдхейт, подавая запыхавшейся девушке руку и поднимая ее. Он достал из кармана небольшой аппаратик и начал манипулировать его тумблерами.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась девушка.

— Возле моего корабля находится наземная машина, которую я пытаюсь сейчас вызвать к нам по радио. А чтобы это было быстрее, давай пойдем к ней навстречу.

Вскоре они услышали шум двигателя вездехода. Приблизившаяся машина была лихо остановлена Вилдхейтом на полном ходу поворотом ручки на дистанционном пульте, и они взобрались в кабину.

Езда в такой машине была непривычна для девушки. Она зажмурила глаза и с силой вцепилась в подлокотники кресла. Когда они приблизились к звездолету, она внезапно закричала, широко раскрыв глаза:

— Остановись! Дальше нельзя! Там смерть!

— Что случилось?

— Я вижу огромный, невероятный скачок энтропии. Взрыв...

Вилдхейт резко затормозил вездеход, готовый разразиться проклятиями в адрес этой девчонки, пытавшейся предсказать будущее. Он было уже открыл рот, когда «Гогенсхейм» внезапно исчез в гигантском огненном облаке.

Яркая вспышка осветила пустыню, стало светло, как днем. Жар от пламени был так силен, что сработала автоматическая защита, надвинув на смотровые приборы жаростойкие броневые пластинки. Огонь исчез так же внезапно, как и появился. Вилдхейт сразу же понял, что на корабль больше уже нельзя рассчитывать. От него наверняка осталось только то, что даже не годилось на металлолом.

И тут издалека, из темноты, они услышали шум бьющих друг о друга палок.

Тук... тук...

Звуки накладывались на низкий рев зовущего вперед рога.

Тук... тук...

Большие, пахнувшие фиалками капли забарабанили по лобовому стеклу машины. Вилдхейт почувствовал, что начинает терять сознание. Его реакцией было мгновенное отключение наружной вентиляции машины и включение внутреннего климатизатора. Разум поступил правильно, и странный запах быстро выветрился из кабины, уступив место свежему воздуху. Затем Вилдхейт увеличил обороты двигателя, и машина рванулась вперед с ревом рассерженного зверя, промчавшись рядом с обгоревшими остатками корабля.

Странно, что даже сильный гул двигателя не смог заглушить стук палок. И голос воющего рога неумолимо наполнял все закутки кабины, уходя порой за порог слышимости. Тряска машины бросала людей в разные стороны, и они раскачивались, словно травинки под напором сильного ветра.

Вилдхейт, сыпя проклятиями, включил мощные прожекторы, осветившие пустынный пейзаж. Сноп света не высветил ничего необычного. Он зарядил автоматическую пушку и, на мгновение остановившись, выпустил вкруговую длинную очередь. Стук палок стих, рев рога оборвался. Для уверенности Вилдхейт выпустил еще одну

такую же очередь, изменив немного прицел. Наверняка в зоне действия снарядов никого не должно было остаться в живых. Он вновь включил двигатель и плавно тронул машину с места.

— Это все Дабрия,— сказал он.— Я должен был предусмотреть, что он втянет нас в ловушку. Позволяя нам бежать, он не был уверен, что будет полностью контролировать ситуацию. Конечно, лучшим выходом было уничтожить нас. Однако было необходимо придать этому делу вид несчастного случая. Например, взрыв корабля. Тогда Федерация не утруждала бы себя посылкой следующего субинспектора, поскольку Ясновидящий Хаоса мертв. Я не представляю, как твоим соотечественникам, девочка, удалось сжечь такой корабль, где они взяли для этого оружие?

— Это не Дабрия,— покачала головой Ветка.— Это ясновидящие. Им не нужно было оружие для того, чтобы уничтожить твой корабль. Они могут, концентрируя волю, высвобождать мощную энергию.

Сноп света прожекторов высветил воронки от взрывов и тела лежащих стражников в черных туниках. Рядом с ними лежали белые палки. От огромного рога остались только разбросанные обломки.

— Мне жаль, что они погибли,— печально произнес Вилдхейт.

— Что мы будем делать сейчас? — спросила Ветка. Она чувствовала облегчение из-за того, что они избежали ловушки, хотя страх еще не полностью покинул ее сознание.

— Мы должны найти какую-нибудь другую возможность покинуть планету. И это все! Как далеко отсюда до ближайшего космодрома?

— Здесь вообще нет космодромов. Когда Майо была объявлена запретным миром, все космодромы были демонтированы, а звездолеты — уничтожены. Таким же образом был введен запрет на посадку и взлет с планеты.

Вилдхейт остановил вездеход и выключил двигатель.

— Коул, я хочу поговорить с Ховером,— начал он.— Ты можешь связаться с Таллотхом?

— Я не вижу в этом никакой необходимости,— отрезал Коул.— Ведь ты можешь воспользоваться для этого передатчиком ФТЛ.

— Его мощности не хватит пробиться к Земле. Местное солнце излучает волны, которые будут затруднять прохождение связи по каналу.

— Ну что ж, поскольку ты любишь меня, я свяжу тебя с Ховером.

Такой вид связи всегда оставался величайшей загадкой для людей. Симбиоты силой духа проникали сквозь разные измерения, используя свой разум, который люди не могли понять. В какой-то момент квантового времени, в какой-то альтернативной Вселенной оба симбиота сближаются и, становясь единым целым, единой личностью, обеспечивают такую связь. Но они неохотно пользуются этой возможностью, так как она требует огромного напряжения разума симбиотов.

Коул подал знак.

— Алло, Джим! Здесь Ховер! Что случилось?

— Я все еще на Майо, Гесс. Со мной Ясновидящий Хаоса, однако корабль взорван. В этот момент мы находимся в вездеходе, и местная полиция настроена против нас очень враждебно. Что ты можешь сделать, чтобы вытащить нас отсюда?

— Подожди секунду. Я проверю расписание рейсов звездолетов. Гм... неважно. Космические силы Федерации ввязались в бой с чужаками, которые пытаются прорвать линию нашей обороны в квадрате 42—41, и все корабли сейчас там. Даже если мы и разыщем звездолет, то сможем добраться до вас не раньше, чем через шесть дней. Кроме того, с этой стороны рукава нет ни одного торговца. Мы можем отправить патрульный звездолет с Земли, но он прилетит только через десять дней. Вы продержитесь так долго?

— Шансов практически нет. Без корабля я не смогу пополнить запас горючего в вездеходе, не говоря уж об еде.

— Ладно, Джим. Я объявлю тревогу по всем службам. Где-то может быть разведчик или фрахтовик, который не значится в списке. Во всяком случае, ты постарайся максимально экономить энергию, чтобы было чем навести на вас корабль. Как ведет себя этот Ясновидящий?

— Это девушка, и зовут ее Ветка.

— Ты не переборщил с опасностями?

— Нет, Гесс. Мы пока что в порядке. Девушке всего шестнадцать лет.

— И она гадает по Хаосу?

— Да, она чувствует Хаос с рождения. Мы сгорели бы, если бы она не уловила изменение энтропии вокруг моего корабля.

— Хорошо. Нам скоро понадобится все ее умение. Оружие Хаоса поразило Ганнена, когда он находился на борту исследовательского корабля. Вместе с ним погибло еще несколько ученых, являющихся авторитетами в области изучения космических явлений.

Вилдхейт отъехал на пятьдесят миль от остатков корабля и решил здесь заночевать. Машина оставила после себя на песке широкий, легко различимый след, но субинспектор решил, что большое расстояние пока что обеспечивает им безопасность. Он отключил все системы, кроме радиомаяка.

Уже перед рассветом писк зуммера вырвал Вилдхейта из объятий сна.

— Что это? — встрепенулась Ветка.

— В стратосферу планеты вошел космический корабль. Судя по всему он идет на посадку. Может быть, нам повезет.

Он включил детекторы, и на экране сразу же появился отраженный сигнал от корабля.

— Да, он идет на посадку, однако судя по всему это не корабль Службы Пространства. Как-то он странно садится, не пользуясь приборами, на ощупь, словно за пультом управления сидит пьяный пилот.

— Это плохо? — спросила Ветка.

— Знаешь, во всем космосе только одна раса может так лихо управлять звездолетом. Это рхакья.

— Рхакья?

— Да, эти цыгане космоса. Их три или четыре племени. Они путешествуют на старых, собранных из всякого хлама звездолетах; никто не выделил им звездной системы, да они, собственно, и не стремятся создать свой собственный мир и осесть на нем.

Из траектории полета корабля следовало, что ее окончание придется прямо на крышу звездолета, где находился радиомаяк. Поэтому Вилдхейт поспешно выключил его и отогнал машину на милю в сторону. Наконец, огромный корпус звездолета вынырнул из-за облаков и, натужно ревя двигателями, завис на долю секунды над почвой Майо, а потом резко нырнул вниз, впечатываясь в песок, чудом не развалившись при этом.

— Да, это наверняка рхакья. Подождем до рассвета, а потом подъедем к ним. Да и грунт вокруг корабля раскален докрасна.

Они дождались первых лучей восходящего солнца, и

Вилдхейт завел машину, направляя ее к высившемуся невдалеке гиганту.

В корпусе открылся люк, и из него высунулась фигура в огромной треугольной шляпе на голове. Человек направился к вездеходу.

— Кес-кес Салтзейм,— воскликнул Вилдхейт, показывая Ветке этого человека.— Один из их главарей.

— Эй, субинспектор! Ну и встреча! Вот это совпадение!

— Это было бы совпадением, если бы ты не слышал сообщение по ФТЛ, приказывающее всем кораблям, находящимся в этом районе, подобрать нас!

Салтзейм широко улыбнулся, показывая гнилые зубы.

— Субинспектор, для тебя все является нарушением закона — воровство, пиратство, насилие,— все, что придает жизни немного пикантности. Это не означает, что я получаю от всего этого удовольствие. Но ведь из этого и состоит жизнь, понимаешь?

— Достаточно хорошо.

— Итак, я попадаю в историю с субинспектором, который участвует в неудачном похищении молоденькой девушки. Я подумал, что коль скоро у меня есть корабль и если вся эта история правда, то я могу иметь свой интерес в этом деле.

— Ты ошибаешься, Кес-кес. Я просто-напросто реквизирую твой корабль. У меня есть для этого чрезвычайные полномочия!

— Это одни слова, лишенные всякого смысла, субинспектор. Я вот что думаю. Сколько мне могут владыки Майо заплатить за твою голову, а? Но это только допущение, понимаешь?

— Понимаю. Сколько же ты хочешь, Кес-кес?

Во время переговоров из корабля вышли еще дюжины две рхакья, мужчины и женщины, старые и молодые. Они обступили их, с интересом вслушиваясь в разговор. Салтзейм делал вид, что разглядывает небо.

— Ходят слухи о каких-то типах, которые терроризируют эту часть космоса,— начал он,— и это повышает ставку. При этом я не могу оставить субинспектора без штанов...

Окружавшие его соплеменники засмеялись.

— ...значит, я хочу шесть миллионов стелларов...

— Ты сошел с ума!

— ...и вездеход...

— Это собственность Федерации, я не могу продавать его!

— ...и девчонку!

— А она вообще вне игры! Послушай, я бы сделал большое дело для всей Галактики, если бы смахнул это ржавое корыто вместе с твоим крысиным выводком с лица Майо.

— Однако ты не сделаешь этого, субинспектор. Заходя на посадку, я видел на подходе к этой пустыне тысячу наездников. Ну что, подобьем итоги?

— Я могу предложить тебе три миллиона. Это в тысячу раз больше, чем стоит твоя лоханка, со всеми потрохами и барахлом.

— А вездеход?

— Я оставлю его в пустыне. Если же ты заберешь его, пеняй на себя. За кражу государственного имущества — смертная казнь.

— А девчонка?

— Она тебя не касается. Первый, кто коснется ее, умрет.

Салтзейм сделал вид, что глубоко задумался над этим предложением.

— Тяжело с тобой торговаться, субинспектор. Ну да, ладно, договорились. Будьте гостями на нашем корабле. Он поднимет нас в небеса, если, конечно, мы сдвинемся с места.

Вилдхейт пожал плечами. Он знал, что Кес-кес не оставит вездеход в пустыне. И это было плохо, так как все снаряжение и аппаратура, которыми была нашпигована машина, представляли собой опасность, если воспользоваться ими, не зная назначения. В обязанности субинспектора входило включение дистанционного устройства для уничтожения вездехода. Но, мгновение поколебавшись, Вилдхейт все же решил иметь под рукой дополнительное оружие вездехода, и рхакья начали его погрузку в грузовой отсек.

Внутри звездолета было неописуемо грязно. Корпус из-за огромной толщины, выглядел сплошным и целым. Но зато механизмы, аппаратура и приборы, начиняющие его, представляли собой мешанину из старых, найденных на свалках, и новых, украденных в портах и на станциях техобслуживания со всей Галактики.

Все это свидетельствовало в пользу мастеров рхакья, сумевших собрать это в целое, и говорило об отчаянном

стремлении этих людей к свободе. Вот таким образом они и устраивали свою жизнь.

В центре корабля находился пульт управления. Рубка была заставлена аппаратурой, экранами, детекторами. Вместе с тем здесь валялись какие-то деревянные предметы, разнообразные камни, старые вещи, брошенные по углам. Все это дополняли маленькие зверьки и птицы из разных миров, которые ели тут же из мисок и гадили где попало.

Салтзейм уступил им свою каюту. Здесь царил относительный порядок, нарушаемый разве что только одной смешной деталью — ванной, доверху наполненной старыми книгами. Рхакья показал им каюту, но выходить почему-то не спешил, и Вилдхейт, поняв в чем дело, присел за стол выписать кредитную карту.

— Благодарю, субинспектор. Эта каюта в твоем распоряжении до конца полета. А девушку мы поместим в другое место.

— Она будет со мной. Запомни, любой, кто прикоснется к ней, умрет.

— Я ручаюсь за своих. Даю слово.

— Это слово только твое. А кто удержит твою банду, когда ты напьешься!?

— Разве я не барон племени?

— Тебе это только кажется, а оттого ты глупец. Ты разве не слышишь, что они болтают об «аминдуми»?

— Можно очень легко подавиться, субинспектор, если убить кого-нибудь из племени без причины.

— Помни, что сейчас вся ответственность лежит на тебе. Властвуй, однако помни, что, если ты не сможешь удержать своих людей в определенных рамках поведения, я сделаю это за тебя.

Салтзейм вышел, что-то буркнув себе под нос. Вилдхейт занялся осмотром каюты.

— Можешь лечь на койку, Ветка. Здесь есть штора, задерни ее, и думаю, что тебе будет удобно.

— А ты?

— Я не буду спать. У меня есть такие таблетки, которые прогоняют сон. Я должен быть начеку.

— Зачем ты спорил с Салтзеймом?

— Кес-кес дурак. Он теряет свою власть. Он уже не может давать обещаний и гарантий.

— А что такое «аминдуми»?

— Чтобы понять это выражение, нужно знать историю рхакья. Я уже говорил тебе, что это цыгане космоса,

их три или четыре племени. Способ существования этих людей делает их экономически независимыми от Федерации...

Говоря это, Вилдхейт внимательно осматривал каюту. Он с интересом изучал переплетение проводов и труб на стенках.

— ...браки в замкнутых обществах,— продолжал он,— а также длительные космические полеты приводят к тому, что у них рождается очень много дебильных детей. Если бы не было притока свежей крови, рхакья давно бы исчезли. И вот этот приток свежей крови регулируется советом племени. Племя дает разрешение на брак. Инстинкт подсказал им целесообразность браков с людьми других миров.

Субинспектор вытащил из кармана какой-то прибор и, сняв со стены несколько панелей, занялся изучением проводки. Через некоторое время он недоуменно пожал плечами, видимо, не обнаружив того, что хотел найти, и снова заговорил:

— Они крадут женщин на других планетах. Потом обычно идет оргия, во время которой каждый взрослый мужчина племени совокупляется с ней. Оплодотворяет несчастную, конечно же, только один, но установить, кто же этот счастливый папаша, нельзя. Беременная женщина до самых родов находится под неусыпным наблюдением. После этого племя забирает у нее ребенка и отдает женщине-рхакья, настоящую же мать убивают. Конечный ритуал очень жестокий, а жертва и есть «аминдуми».

— Они хотят так поступить со мной?

Вилдхейт подтянул пояс с оружием.

— Между намерениями и их осуществлением очень большое расстояние. А вообще будет лучше, если ты ляжешь на койку, поскольку старт, которым отличается Кес-кес, не идеал изящества и плавности.

Глава 7

Старт был ужасающим. В конце концов, это и неудивительно для такого космического корабля. После нескольких сильных толчков разваливающийся исполин как бы нехотя поднялся в небо. Казалось, что он взлетает скорее из-за силы воли экипажа, а не из-за действия вразнобой работающих двигателей. Достижение второй космической скорости приветствовалось восторженными

криками в рубке, словно они и не надеялись, что это удастся. Вилдхейт внимательно прислушивался к шумам, сопровождавшим каждую фазу старта, и, морщась при каждой заминке или угрозе во время маневров, тихо чертыхался. Когда корабль все же вышел на орбиту и гравитационные двигатели стали равномерно разгонять его, экипаж занялся завтраком. Ветку и Вилдхейта пригласили в кают-компанию. Здесь Вилдхейт увидел, что почти все члены племени страдают наследственными пороками. Чуть ли не половина рхакья были умственно отсталыми. Он давно знал, что за недоразвитым умом кроется звериная жестокость, отсутствие моральных устоев. И что его еще больше убедило в этом наблюдении — они все были вооружены! Что создавало для двух пришельцев крайне неблагоприятную ситуацию.

Вначале все было спокойно. На одном конце стола, во главе его, сидел Салтзейм, по правую руку от него сидели Ясновидящая и субинспектор. На толстых металлических подносах принесли дымящиеся куски жареного мяса. Кес-кес длинным острым ножом умело разрезал мясо и раздал порции. Гостей он также обслужил, с той только разницей, что не швырял мясо, а подал его на острие ножа.

Запивали мясо самогоном, выгнанным тут же на корабле и плохо очищенным. Вилдхейт с самого начала беспокоился, так как взгляды всех мужчин были устремлены на Ветку. И это беспокойство выросло еще больше, когда алкоголь затуманил разум и снял и без того слабые тормоза с чувств. Вскоре тема «аминдуми» перестала быть вероятностной и зазвучала вполне реально в пьяных устах. Этого субинспектор не мог выдержать. Он встал и взял девушку под руку.

— Хватит, Кес-кес, нам уже пора.

— Садись, субинспектор! Это в их жилах играет кровь. В космосе так мало развлечений!

— Но Ветка не намерена стать одной из них! — Вилдхейт кивнул в сторону сидящих женщин.— Успокой их, или я сделаю это за тебя.

— Я их отец,— воинственно заявил барон.— Никто из них не осмелится...

Вдруг какой-то тщедушный паренек с темными блестящими глазами на худом лице соскочил с табуретки и, подойдя к Ветке, ловко схватил ее за талию. Тотчас же рука субинспектора рванулась к оружию. Он бросил взгляд на Салтзейма, давая ему шанс предотвратить тра-

гедию. Опьяневший Кес-кес с трудом выпрямил тяжелое тело и затряс головой, пытаясь прогнать хмель. Он крикнул парню, а когда тот не среагировал, наклонился над столом и взмахнул ножом.

Все замерли от ужаса. Ладонь парня была отсечена возле запястья и упала на стол в одно из блюд с мясом. Рхакья был в шоке и пока что не чувствовал боли. В изумлении уставившись на свою ладонь, валявшуюся в соке, смешанном с кровью, он продолжал гнусно ухмыляться. Однако уже через мгновение потерял сознание и рухнул на пол. В кают-компании воцарилась абсолютная тишина, и внезапно все рхакья заорали как сумасшедшие, требуя смерти и мщения. Вилдхейт поднял оружие и выстрелил в потолок.

— А сейчас послушайте! — обратился он ко всем.— Вы, рхакья, хотите получить больше того, что вам положено. Впредь не пытайтесь прикоснуться к девушке! Я не буду миндальничать, как ваш Кес-кес, а разрежу пополам любого, кто попытается сделать это.

Когда они вернулись в каюту, Ветка была спокойна. Вилдхейт почему-то думал, что это подействует на нее сильнее. И все же он заставил ее выпить успокаивающее лекарство и лечь, а сам сел поудобнее перед дверью.

Остаток вахты прошел на удивление спокойно. Тем не менее, когда в начале следующей он вышел из каюты, все встреченные им рхакья смотрели на него с открытой ненавистью. В рубке он встретил какую-то неизвестную личность в треугольной шляпе Салтзейма. Все говорило о том, что в племени произошла смена власти и сейчас в куче мусора, несущегося вслед за кораблем в черноте космоса, летело также и тело их недавнего вождя.

Ничего не произошло почти что до половины третьей вахты, пока в дверь кто-то не постучал и не позвал их на обед. Вилдхейт, надеясь, что в прошлый раз рхакья получили хороший урок, согласился выйти. Они увидели все племя, сидящее совершенно спокойно за большим столом, в атмосфере напряженного ожидания, которая вынудила субинспектора положить руки на оружие. Напряжение немного спало, когда люди выпили, но Вилдхейт не ослаблял внимания.

Атака была внезапной и подлой. Неожиданно кто-то плеснул самогоном прямо в лицо Вилдхейта, а сзади к нему подскочил крепкий рхакья, который только что вошел в кают-компанию. В каждой руке он держал по ножу. Взмахнув обеими руками, он вознамерился вогнать

ножи в спину субинспектора. Вилдхейт был ослеплен вонючей жидкостью и не был в состоянии заметить опасность, грозившую со спины, однако Коул не мог допустить, чтобы убили его симбиота. Он мгновенно остановил время, и все замерли, только Вилдхейт остался вне временной ловушки. Он протер глаза, повернулся и, схватив руки с ножами, ударил ими нападавшего прямо под сердце. Затем Коул снял защитное временное поле, и все опять пошло своим чередом. И только после этого Вилдхейт вытащил оружие.

Ответный удар был молниеносный. Троих атаковавших рхакья субинспектор разрезал лучеметом напополам, а остальным подарил газовую гранату. Все, кто находился в непосредственной близости, упали без сознания. Один из рхакья в дальнем углу кают-компании прицелился из пистолета, но Вилдхейт опередил его, и тонкий луч уперся в пистолет, который мгновенно расплавился и потек каплями металла, брызжущими во все стороны. Рхакья, державший его, рухнул ничком на пол с обгоревшей до кости рукой. Вилдхейт убил еще троих и, оглядевшись по сторонам, обнаружил, что остался один, не считая мертвых и лежащих без сознания. Только сейчас он понял, что девушки рядом с ним не было. Он рванулся из кают-компании в коридор и услышал шум за одной из многочисленных дверей. Луч оружия легко прорезал тонкую сталь, и субинспектор ворвался в каюту. Две находившиеся в каюте молодые женщины-рхакья были мертвы. Их неподвижные тела лежали в таких позах, что казалось, у них не осталось ни одной целой кости. Вилдхейт, потрясенный этим зрелищем, подошел к Ветке, сидящей в углу каюты и смотревшей на него с нечеловеческим спокойствием.

— Кто это сделал? — спросил он, указывая на изломанные тела.

— Я.— В ее голосе не было слышно никаких эмоций.

— Как...— Он вдруг понял, что говорит это с жалостью. Однако еще больше его обеспокоило то, что девушка так спокойна.

Она посмотрела на свои маленькие смуглые ладони, а затем вновь на него.

— Ясновидящие и Чувствователи имеют разную специализацию, но это не означает, что они не умеют больше ничего делать. Есть много того, что мы не применяем на практике. Однако, если это нужно для жизни среди звезд,

то поверь, мы приспособимся. Думаю, что со временем я буду убивать еще лучше.

— Можешь мне поверить,— хмуро произнес Вилдхейт,— что эти убийства не являются целью моей деятельности. Я, наоборот, должен всеми силами поддерживать мир среди звезд.

— Зачем же тебе столько смертоносного оружия? — спросила она, удивленно вскинув на него свои глаза.— Разве не желают мира все планеты?

— Когда-нибудь я объясню тебе это,— пообещал он. Но тут же засомневался, сможет ли он когда-нибудь объяснить ей то, что даже самому ему не всегда бывает ясно.

Вдруг Ветка тяжело вздохнула. Выражение ее лица говорило о том, что ее разум проник в какие-то далекие миры.

— Что происходит, девочка?

— Хаос изменяется. Что-то случилось, что-то такое, что приведет к изменению энтропии.

— Достаточному, чтобы уничтожить звездолет?

— Да. Однако в этом есть что-то странное. Взрыв энтропии должен был уже произойти, но причинно-следственная цепь прервана, и реакция запаздывает.

— Оружие Хаоса?

— Не знаю, как это назвать, однако здесь задействовано огромное количество энергии. Она уже начинает усиливать напряжение во Вселенной.

Когда она сказала это, Вилдхейт понял, что она хотела сообщить ему. В воздухе появилось что-то похожее на разреженный туман.

Он попытался понять суть происходящего явления. Но его внимание привлек какой-то шум в коридоре. Он обернулся, готовый к новой атаке, однако увидел лишь фигуру одного рхакья. Тогда Вилдхейт сделал предупредительный выстрел, и исчезающий за косяком двери тип что-то бросил на пол. Субинспектор выстрелил газовой гранатой и бросился следом. На полу возле неподвижного рхакья лежал дистанционный пульт управления вездеходом.

Он вернулся к Ветке, обеспокоенный положением переключателей на пульте.

— Что случилось, инспектор?

— Какой-то кретин баловался с пультом и включил кнопку самоуничтожения машины.

— Да, это может объяснить причину,— кивнула девушка.

— Синхронизация во времени. Однако, если бы даже вездеход и взорвался в грузовом отсеке, это не могло бы привести к уничтожению такого гигантского корабля. Значит, Оружие Хаоса задержало реакцию. Но почему и зачем?

— Для того, чтобы усилить ее. Чем больше напряжение во Вселенной, тем больше высвобождается энергии в момент взрыва. Это отчаянный шаг.

— Отчаянный? — удивился Вилдхейт.

— Да. Ты ведь собираешься найти Оружие Хаоса, не так ли?

— Это так.

— Значит, для этого требуется моя помощь.

— Ты прямо ясновидящая,— засмеялся Вилдхейт.

— Поэтому единственным способом задержать нас является расширение поля потенциальных несчастий таким образом, чтобы мы не смогли избежать их.

— Конечно! Самоуничтожающее устройство вездехода само по себе не может причинить большого вреда звездолету. Но если достигнуть определенного напряжения во Вселенной, то взрыв вездехода, без сомнения, разнесет на кусочки весь этот корабль. Но как нам можно избегнуть этого?

— Не знаю.— Ветка притронулась ко лбу стиснутыми в кулачки руками.— Думаю, что мы можем попробовать удалиться за зону действия взрыва.

Внезапно из интеркома раздался чей-то голос:

— Инспектор Вилдхейт, предлагаем перемирие. Корабль достиг скорости входа в подпространство. Просрочка входа может оказаться гибельной для корабля. Ты сейчас занял ту часть звездолета, где находится аппаратура управления подпространственным полетом. Если ты вернешься в свою каюту, мы сможем заняться переходом в подпространство. Тебе и твоей девушке гарантируем полную безопасность.

Вилдхейт посмотрел на Ветку и прищурился.

— Сомневаюсь, чтобы в этой ситуации мы могли что-нибудь выгадать. Попробуем выторговать себе свободу.— Он включил интерком на передачу.— Здесь Вилдхейт. У меня уже было столько гарантий с вашей стороны, что мне бы хватило на всю жизнь. Вы сможете попасть к приборам лишь при условии, что мы получим исправный космический бот. Ваша так называемая гостеприимность стала уж слишком назойливой. И учтите, что если я прибью еще пару ваших людей, то вам уже может не-

хватить их для нормального обеспечения полета. Так как?

— Мы идем на компромисс, инспектор.— В голосе рхакья было слышно облегчение.— Три миллиона стелларов достаточная компенсация всех наших потерь. Мы приготовим вам космобот.

Ветка и Вилдхейт вернулись в свою каюту и стали ждать, ощущая все возрастающее напряжение в пространстве. Свет расщепился до такого состояния, что на границах света и тени появились размытые течения.

На всех поверхностях накапливалось статическое электричество, вызывавшее снопы искр и отрицательные электромагнитные поля, которые вместе с малой гравитацией приводили к тому, что небольшие предметы начинали двигаться по каюте. И если этот процесс будет продолжаться, то даже прикрепленные предметы вскоре должны будут сорваться с места и начать угрожать жизни людей.

Вилдхейт, видя эту нарастающую опасность, прокричал в интерком:

— Скорее готовьте космобот! Мы должны как можно быстрее покинуть ваш корабль!

Объяснить причину такой спешки он не мог. И он даже не стал пытаться объяснить что-либо.

Рхакья, привычные ко всем странным явлениям в космосе, скорее всего, приписывали световые эффекты какой-то бешеной, бушующей поблизости буре. Они будут проклинать слабую защиту корабля и плохое оборудование, винить действие алкоголя на свои организмы или какой-то придуманный вихрь в пространстве.

Только Вилдхейт и Ветка знали истинную причину этого грозного явления.

— Инспектор! Спасательный космобот готов к старту! — донеслись, наконец, долгожданные слова.— Он находится в носовом грузовом отсеке. Мы через семь минут уходим в подпространство. Надеемся, что уже никогда больше не встретимся с тобой!

— Я тоже желаю этого! — засмеялся Вилдхейт.— Пошли, Ветка!

Видимо, опасаясь встречи с ними, все рхакья попрятались по помещениям корабля, так как на протяжении всего их пути к носовому грузовому отсеку они не встретили ни одно человеческое существо. В отсеке они увидели следы поспешной работы — разбросанные обрывки пластиковой упаковки, куски защитной ленты. На плат-

форме располагался новенький космобот, только что вытащенный из грузового контейнера, который, по-видимому, был украден в каком-то космопорту.

Вилдхейт прошептал молитву, опасаясь, что рхакья могли что-нибудь испортить в двигателе катера, следуя своему подлому характеру.

Вилдхейт открыл люк, и вместе с Веткой они заняли места в креслах. Вдавив стартовый клавиш в панель, Вилдхейт выбросил космобот в космическое пространство.

Как только катер вылетел из грузового отсека, Ветка и Вилдхейт обрели нормальное зрение. Электрическое поле исчезло. Небольшой кораблик был устроен так, что мог очень быстро покинуть место катастрофы, поэтому постоянное ускорение в два «же» гнало космобот до тех пор, пока не кончилось горючее в малых вспомогательных стартовых двигателях. Затем пассажиры должны были выбирать: либо лететь и дальше по инерции, либо продолжать полет, включив главный двигатель. Вилдхейт выбрал первое. Они могли вернуться к Майо, так как путешествие в другую звездную систему с обычной, досветовой, скоростью затянулось бы на немыслимо долгий срок. Здесь, в системе Майо, они могли спокойно дождаться Ховера.

Корабль рхакья был обречен. Его контуры расплывались все сильнее, и он начал напоминать мыльный пузырь, на котором всеми цветами радуги отражался свет солнца. Система была нестабильной, пузырь пульсировал, надувался, грозя лопнуть. Царящие в нем завихрения нарастали. Вилдхейт представил себе, как рхакья, заключенные в искривленной, изменяющейся вселенной, пытаются понять, что происходит с ними.

И тут пузырь лопнул. Мгновение казалось, что корабль не будет поврежден, однако затем освобожденная энергия быстро расколола корпус звездолета, и на пульте управления космоботом загорелся сигнал опасности. Ситуация в пространстве странно изменилась. Датчики внезапно зафиксировали, что температура на месте взрыва начала стремительно падать. Казалось, пространство поглощало каждый квант энергии, превращая корабль рхакья в бесполезную кучу железа, стремительно проваливщуюся в неизвестно откуда взявшуюся черную дыру.

Вилдхейт включил радар, пытаясь обнаружить хоть какую-нибудь орбитальную станцию в этом районе космоса, и начал передачу на волнах ФТЛ. Ветка все еще вглядывалась в то место, где исчез корабль рхакья. Она

считала, что применение Оружия Хаоса было актом отчаяния. Покушение не удалось. И сейчас только от нее и субинспектора зависело выяснение степени этого отчаяния. Ветка подумала, что она, пожалуй, полюбит звезды.

Глава 8

Спустя семьдесят часов на экранах космобота появились два звездолета. Оба двигались с досветовой скоростью, и один, более отдаленный, находился на расстоянии, граничащим с разрешающей способностью радара. Ближний корабль, немного меньший по размеру, двигался более быстро. Все говорило о том, что Ховеру удалось каким-то образом направить в этот сектор пространства разведывательный корабль, а следом тяжелый крейсер Космических сил. Но было странно, что капитаны кораблей не знают о том, что принимают участие в одной и той же спасательной акции. Вилдхейт знал, как дорог каждый звездолет в бою с чужаками, и поэтому, немного удивившись, решил связаться с Землей. Коул тотчас же согласился.

— Как твои ноги, Гесс?

— Хорошо, Джим, лучше не надо. Уже подрезали ногти на пальцах. Мускулы постоянно тренируются. Послушай, это будут отличные ноги!

— Ну, я очень рад, дружище. После последней нашей связи нам удалось сесть на корабль рхакья, и теперь мы дрейфуем на периферии системы Майо в спасательном космоботе. Кстати, крейсер можно было бы и не посылать.

— Я понял, Джим. Прилет патрульного корабля ожидайте дня через три. Мне жаль, но это все, что мы можем сделать в нынешней ситуации.

— Повтори еще раз, Гесс, только медленнее.

— Три дня — это все, что мы можем сделать. Ближе нет ни одного корабля.

— Это странно, так как сейчас на экране радара фиксируются два каких-то звездолета!

— И все же это не могут быть корабли Федерации! Ты посылал сигнал о помощи?

— Нет. У меня работает только радиомаяк.

— Я подумал, что это могут быть чужие звездолеты, которые обошли наши корабли. Имей это в виду, Джим.

Если сколько-нибудь сомневаешься в происхождении этих кораблей, выключи маяк, не привлекай к себе внимание. Мы постараемся ускорить посылку звездолета.

— Хорошо! Я выключу все приборы, оставив включенным только канал ФТЛ.

— Слушай, Джим! Помнишь, я говорил, что существует связь между Сарайя и теми людьми, которые спровоцировали катастрофу в Эйделе? Так вот, при проверке оказалось, что планета, с которой будто бы происходит Сарайя, в действительности не существует! Он человек без прошлого!

Вилдхейт, закончив мыслесвязь, выключил все системы космобота, кроме системы жизнеобеспечения. Он выключил даже радар, чтобы его радиоэхо не было уловлено детекторами чужих звездолетов и не выдало местонахождение космобота. Приближающиеся корабли исчезли с экрана, и никто не мог сказать, является ли их прилет случайным или намеренным.

Ветка нарушила тишину, царящую в рубке:

— Коул очень старый, правда?

— Не имею понятия. Он говорит, что он бессмертен, а я считаю, что бессмертие весьма спорная вещь.

— Я прочитала его узоры в Хаосе. Ты знаешь, что он происходит из времен, которые предшествовали Большому Взрыву, положившему начало нашей Вселенной?

— В такое трудно поверить.

— Перед Большим Взрывом существовала другая Вселенная,— сказала она, словно утверждая очевидную вещь.

— Откуда ты знаешь это?

— Я могу читать узоры Хаоса из той Вселенной. В нашей Вселенной энтропия возрастает вместе с течением времени, а у них она уменьшалась. Наша Вселенная расширяется, а их — сжималась. Именно это и послужило причиной Большого Взрыва.

— Космология никогда не была наукой, которую я хорошо бы знал.

Отсутствие информации о приближающихся кораблях было раздражающим и опасным. Вилдхейт считал, что если присутствие кораблей — дело случая, то мощности двигателя космобота будет достаточно, чтобы перейти на орбиту вокруг солнца, оставив за ним чужие корабли. Однако для этого необходимо было знать траектории пришельцев, чтобы выполнить необходимые расчеты. И он

решил рискнуть, включив на несколько секунд радар. Этого хватило, чтобы удостовериться в том, что попытка затаиться была напрасной. Меньший корабль летел точно наперехват их космобота, а большой, хотя и на расстоянии нескольких часов полета, летел за ним. Вилдхейт подумал, что было бы лучше больше не выключать радар.

— Похоже, что мы скоро будем иметь соседей,— невесело произнес он, кивая на экран.

Сейчас уже действие радара не имело значения, и Вилдхейт внимательно наблюдал за приближающимся звездолетом. Опытный пилот резко погасил скорость и так точно сравнялся с космоботом, что корабли зависли неподвижно друг относительно друга на расстоянии не более сотни метров.

Вилдхейт навел на пришельца телеобъективы и попытался определить его тип. Чужой звездолет, хотя и небольшой в сравнении с обычными земными кораблями, выглядел гигантом по сравнению с космоботом. Это была необычная конструкция, сплющенная с боков и угловатая. Двигатели были странного типа, так же как, впрочем, и вооружение, которым корабль был усеян от кормы до носа. Стволы орудий, торчавшие из артиллерийских башен, говорили о мощи огня, который они могли извергнуть в любой момент. На выщербленном корпусе звездолета не было никаких опознавательных знаков. Натренированный глаз субинспектора все же распознал в этой необычной конструкции руку человека.

Ветка, которая внимательно присматривалась к кораблю, легко вздохнула.

— Что ты там увидела, детка? — спросил Вилдхейт.

— Этот корабль очень старый... Его линия Хаоса теряется в далеком прошлом.

— Надеюсь, не во времена Большого Взрыва,— с иронией добавил Джим.

— Нет. Ему всего лишь шесть или семь тысяч лет.

— Но ведь история полетов человека в космос едва насчитывает более двух тысяч лет.

— Я знаю об этом. Я не могу объяснить это, однако говорю правду.

Неподвижный корабль пока что подтверждал догадку субинспектора, что это не чужак: иначе он давно бы уже открыл огонь. Внезапно ожил канал ФТЛ-связи.

— На спасательном космоботе! Включите гравитационное поле, приготовьтесь к шлюзованию!

Голос был человеческий и говорил на интерлингве.

Вилдхейт включил передатчик.

— Кто вы? Дайте свою принадлежность!

— Это неважно, приятель. Мы должны как можно быстрее покинуть эту систему. И вы полетите с нами!

Космобот был схвачен силовым полем так внезапно, что резкий рывок бросил застигнутого врасплох Вилдхейта на пульт управления. Когда он пришел в себя, космобот летел в разверстую пасть приемного грузового шлюза.

Вся операция прошла молниеносно. Как только космобот оказался на приемной платформе, шлюзовой люк закрылся, и двигатели звездолета заработали. Вилдхейт и Ветка молча сидели, напряженно ожидая, пока произойдет шлюзование и можно будет открыть внешний люк космобота.

Сигнал известил их, что можно выходить. В шлюзовой камере никого не было, но вот открылся внутренний люк, и в камеру вошел мужчина в комбинезоне бронзового цвета. В руке он держал оружие.

— Кого мы видим? Субинспектора пространства и с ним красотку! Какие славные вещички можно иногда выловить в космосе! Брось оружие, инспектор! Здесь оно тебе не пригодится!

Вилдхейт смерил незнакомца долгим взглядом и... положил лучемет. Он очень хорошо разбирался в таких людях и знал, что они не любят шутить. В шлюзовую камеру вошел второй мужчина и повел их вглубь корабля. Первый пошел следом за ними.

Вилдхейт был поражен тем, что увидел внутри, так же как и тем, что увидел снаружи. Несомненно, корабль был построен людьми, однако его конструкция не имела ничего общего с тем, что до сих пор знал Вилдхейт. Он понял назначение некоторых приборов и аппаратов, но остальные механизмы и технология показались ему совершенно чуждыми. Кроме того, здесь были детектор Хаоса и блок компьютеров, которые напоминали Вилдхейту Центр Хаоса.

Их провели в каюту, обитую панелями из настоящего дерева. За столом сидел мужчина в комбинезоне бронзового цвета, и еще двое стояли справа и слева от него.

— А, субинспектор! Головоломка начинает складываться в правильный узор. Готов присягнуть, что к этому приложил свои руки Сарайя.

— Ты знаешь Сарайя? — удивился Вилдхейт.

— Можно даже сказать, что я знаю его очень давно,— говоря это, мужчина красноречиво посмотрел на своих товарищей.— Сарайя так ничему и не научился.

— Кто вы?

— Тебя интересует мое имя? Я — Касдей, а вот тот, который уперся лучеметом в твою спину,— Джегун, вел вас сюда Асбель. Справа от меня стоит Гадрель, а слева — Пенемон. Нашу пятерку можно назвать авантюристами, а может быть, даже и ренегатами. И ты не можешь не оценить нашу решительность и готовность убивать.

— Я уже встречал таких, как вы.

— Рад, что ты понял меня, субинспектор. Однако в данный момент ты не имеешь перевеса перед нами. Что вы здесь делаете на спасательном космоботе?

— Я Джим Вилдхейт, субинспектор пространства. И выполняю специальную миссию по поручению Федерации.

— В чем же заключается эта миссия?

— Это неважно!

— Так... значит, если я тебя не заставлю ответить, ты не ответишь.— Касдей снова взглянул на своих товарищей.— Ну что ж, придется заставить. Но, может быть, мы сможем договориться полюбовно? Я задам тебе несколько вопросов, чтобы сориентироваться, не пересекаются ли где наши интересы. Если ты соврешь, мы выдавим из тебя верный ответ силой, которая будет зависеть от нашего настроения.

— Это преступление против Федерации!

— Не смеши нас! Имели мы твою Федерацию крупным планом! Должен сказать тебе, инспектор, что Федерация для нас НИЧТО! В сравнении с нашими врагами ваши враги похожи на самых близких приятелей. Я хотел бы сообщить тебе один факт, инспектор. До той игры, в которую ты чудом попал, ты все равно не дорос.

В этот момент корабль резко тряхнуло, огни на мгновение погасли.

Касдей вскочил.

— Раз мы заговорили о врагах, то должен сообщить тебе, что за нами гонится бешеная собака и мы вынуждены лишить ее клыков. А наш разговор придется продолжить несколько позже.

Касдей и трое его товарищей вышли. Джегун махнул лучеметом, показывая Вилдхейту и Ветке вход в другую каюту. Они вошли в нее, и он с грохотом захлопнул за ними дверь.

Корабль еще трижды сильно тряхнуло, и Вилдхейт подумал, что, может быть, даже пробит корпус. Однако, скорее всего, этого пока что не случилось. Вилдхейт понял, что это залпы с догоняющего корабля. Потом заработали орудия корабля Касдея. Эти странные орудия стреляли почти бесшумно, лишь легкие толчки отдавались эхом по всему кораблю.

Субинспектора не удивило мертвенно-бледное лицо девушки. Он решил подбодрить ее.

— Не бойся, Ветка. Мне кажется, что наши новые товарищи не из тех, кто не может отыскать выход из казалось бы безвыходных ситуаций!

— Ты имеешь в виду корабль? Это меня не беспокоит! — Ветка покачала головой.— Его линия уходит в будущее. И с ним пока что ничего не случится. Зато люди... с ними гораздо сложнее... я пока что не могу сказать с точностью об их будущем. Верно только то, что им очень много лет и они гораздо старше своего корабля.

— Сколько же им лет, Ветка?

— Шесть или семь тысяч лет. Их линии уходят глубоко в прошлое. Дабрия тоже такой, как эти люди.

— Стражник Дабрия?

— Да. Он тоже очень старый. Он думал, что об этом никто не знает. Но я-то знала, поскольку смогла прочитать его линию.

— Что же испугало тебя?

— Дабрия ужасный человек. Только такой, как он, мог властвовать над ясновидящими. А люди на этом корабле еще более страшные, чем Дабрия. Как человек может жить столько лет, инспектор?

— Вообще-то я не очень уверен, что они такие старые. Однако Галактика становится все более изученной. Касдей принадлежит к тем, кто вызвал катастрофу в Эйделе, где было применено Оружие Хаоса. Скорее всего, Сарайя тоже из их шайки. Тем более, что его происхождение неизвестно. Если воссоединить все эти знания с тем, что нам известно о Дабрия, то получается семь человек, которые происходят неизвестно откуда. Так кто же они на самом деле?

— Не знаю, но...

Весь корабль внезапно задрожал, однако это не был короткий толчок как раньше. Эта тряска продолжалась около двух минут. В это время Коул своими крепко стиснутыми психокогтями впился в плечо субинспектора.

— Что это было?

— Видимо, прыжок в подпространство, скорее всего, они ушли от преследования. Но он не похож на прыжок, совершаемый нашими кораблями, хотя и напоминает его.

Если они хотели таким образом скрыться от противника, то это им вполне удалось. Опять началась вибрация с разной частотой и силой. Вилдхейт подумал, что ни один корабль, даже такой странной конструкции, не может выдержать такой знакопеременной нагрузки. Однако Ветка тут же проинформировала его, что бояться не стоит. Вибрация нарастала, металл на стенках пошел волнами, и Вилдхейт вновь почувствовал холодок на спине — корабль, по его мнению, мог легко разгерметизироваться. Но Ветка не могла ошибаться. Только какой-то новый фактор мог способствовать исполнению прогноза линии Хаоса. И он появился.

В каюту вбежал Джегун.

— Инспектор, мы попали в хитрую засаду, и, если нам не удастся вырваться, нам конец! И вам тоже! Поэтому вы должны помочь нам!

— Кто напал?

— Это долго объяснять. Достаточно сказать, что они владеют Оружием Хаоса.

— Если я помогу вам, вы ответите на мои вопросы?

— Помоги нам выскочить из этой дьявольщины и тогда ставь свои вопросы.

Джегун выскочил из каюты, оставив дверь открытой. Вилдхейт, потянув за собой девушку, выбежал в коридор. Впереди стоял Джегун, указывая на отсек управления огнем. Вилдхейт вошел, сел в кресло за пультом, и его руки легли на кнопки и переключатели. Некоторое время он осваивал приборы и наконец пришел к уверенности, что сможет управиться с ними.

Ветка села в кресло сзади, и они оба увидели на экранах многочисленные вражеские корабли, сгруппированные в засаде. Вилдхейт выбрал один из них и подвел прицел под его корпус. Ветка молча остановила его руку.

Он с недоумением обернулся к ней.

— Не этот, а вон тот! — Она ткнула пальцем в экран, показывая нужный корабль противника.

Вилдхейт тут же передвинул прицел на указанное место. В углу экрана выскочили цифры, указывающие расстояние и относительную скорость цели. Когда на табло появились нули, Вилдхейт тронул пусковую кла-

вишу. Корабль затрясся от работы орудий, и через шесть секунд звездолет противника взорвался, обломки разлетелись далеко в стороны. Вилдхейт удивленно покачал головой. Ветка, предсказывая изменение энтропии, помогала тем самым точно знать, какой звездолет будет уничтожен.

— Это что-то новое в ведении боя,— усмехнулся он, обернувшись к девушке.— А теперь который?

Она снова ткнула пальцем в экран. Вилдхейт переставил прицел и выстрелил. Было видно, как снаряды пошли к цели и в какой-то момент траектории чужого звездолета и летящих снарядов пересеклись в одной точке. Взрыв! Вилдхейт подумал, что Ветка сама является мощным оружием Хаоса. Он начал стрелять очередями, целясь туда, куда указывала девушка. Не ожидая результата, он стрелял в следующий корабль. Последствия были ошеломляющими. Ни один снаряд не пропал даром, а меткий результативный огонь проделал зияющие бреши в атакующей армаде. На экране то и дело вспыхивали цифры компьютера, показывающие потери противника. В сознании Вилдхейта возникла мрачная картина взрывающихся звездолетов, свиста вырывающегося из пробоин воздуха, плавящихся переборок, смертельного излучения, детонирующих снарядов в артиллерийских погребах, разбросанных по ближнему космосу обломков и спасательных космоботов и трупы... трупы людей.

Глава 9

По мере того, как проходило время, вибрация постепенно слабела, пока не прекратилась совсем. На экранах были видны корабли противника, убегающие с поля боя. Хотя сражение и было выиграно, Ветка продолжала указывать на новые объекты, а Вилдхейт стрелял, пока вражеские корабли не оказались вне пределов досягаемости орудий их звездолета.

В запале боя субинспектор был так захвачен необходимостью держать высокий темп огня по целям, указанным Веткой, что ни разу не подумал о том, как велик их успех. Сейчас, когда бой утих, он пробежался взглядом по навигаторскому пульту. Данные говорили о том, что было сделано двести девятнадцать выстрелов и каждый из них был удачным. Невероятно!

Внезапно Вилдхейт осознал, что вокруг них появились зрители. Пятеро незнакомцев, захвативших их в плен, молча наблюдали за их действиями.

— Такая меткость не только удивительна, субинспектор, но и невозможна! — заметил сквозь зубы Касдей.

— Просто сегодня очень удачный день,— ответил Вилдхейт с кривой ухмылкой.

— Я не шучу, субинспектор. Я знаю как это оружие, так и границы человеческих возможностей. Ты перекрыл и первое, и второе десятикратно. Но как ты смог это? Как?

Вилдхейт глянул на девушку, и она ответила:

— Узоры Хаоса несли в себе предсказание уничтожения этих кораблей. Нужно было только установить время и вычислить положение в пространстве каждого из них.

— Конечно, предсказание такого рода для единичных случаев возможно. Однако даже для этого требуется два дня расчетов.— Было заметно, что Касдей интенсивно мыслит.— Но невозможно рассчитать в мгновение ока сотни точек Омеги Хаоса!

— Это становится возможным при условии, что узоры видны.— Ветка сказала это очень спокойно, однако, скорее всего, она отлично понимала, какое впечатление на присутствующих произведут ее слова.

Пятерых членов экипажа пронзила стрела недоверия, оплетенная нитью теплившейся надежды.

— Ты, свихнувшийся недоумок,— выдавил наконец из себя Касдей,— хочешь сказать, что можно читать узоры непосредственно на Хаосе?

— Это правда,— сказал Вилдхейт.— Если бы не эта способность, я все еще был бы на корабле рхакья, который был уничтожен Оружием Хаоса.

На лице Касдея появилось понимающее выражение.

— Тогда это многое объясняет! Недавно мы зафиксировали формирование континуума, указывающее на действие Оружия Хаоса. Мы не знали, что существует цель, такая важная, что на ее уничтожение наши враги были вынуждены потратить столько энергии. Наши приборы определили, что Оружие поглощает энергию десяти звездных масс в секунду. Мы двинулись туда, но нашли только вас в спасательном боте. И ничего не поняли из этого.

— А сейчас? — спросил Вилдхейт.

— Конечно, все ясно. Мы можем с уверенностью ска-

зать, что эта ловушка не для нас. Это за вами идут по пятам.

— Не может быть!

— Ваше право, верить этому или нет, субинспектор. Но не забывай, что ты и девушка являетесь самыми важными существами во Вселенной. Кто-то, кто читает по узорам Хаоса будущее, очень волнуется из-за того, что видит. Поэтому, прерывая причинно-следственные цепи, пробегая по ним вспять, он надеется найти возможность изменить прошлое, которое приведет к тому, что в будущем он спасется от несчастья.

— Каким образом этот кто-то может добраться до меня и до Ветки?

— Нет ничего проще. У вас, землян, есть поговорка: «Нет гвоздя — не будет подковы, нет подковы — не будет коня, нет коня — не будет всадника». Так вот, гвоздь — первопричина всего. И сейчас очень важно знать, есть он или его нет, понятно? Ты и эта девушка являетесь именно теми гвоздями, которые служат причиной, появится всадник или нет. И связь между вами и событием, каким является битва, уже зафиксирована в узорах Хаоса.

— Это правда, Ветка?

— Хотя это все и звучит наивно, однако, тем не менее, верно. Кто-то исследует вспять систему сходящихся осей, следуя от будущего результата к скрытой в прошлом причине. Мы с нашим противником стоим на противоположных концах этой цепи, возбуждая серию событий, которые грозят Вселенной большим пожаром. Прибегая к сравнению Касдея, можно сказать, что недавняя ловушка была попыткой уничтожить подкову.

— В таком случае, что же будет дальше? — спросил Вилдхейт.

— Думаю, что следующая очередь за конем,— хмуро произнес Касдей.— Мне кажется, что я зря говорил Сарайя о правилах этой игры. Этот хитрый лис занялся своей собственной игрой, создав свои собственные правила. Мы должны убраться отсюда как можно быстрее, инспектор. Я хочу посоветоваться с командой, а потом мы кое-что предложим тебе.

— Мы обретем свободу?

— Не только. Вы получите нечто большее. Возьми оружие, инспектор, если это придаст тебе больше уверенности в себе. Я должен покинуть вас, предстоит много работы. Большой прыжок. После сирены вы должны лечь

и крепко зажать зубами что-нибудь мягкое. Полет отсюда будет весьма неприятной штукой.

В то время как пять членов экипажа вовсю копались в пульте управления звездолетом, Вилдхейт и Ветка направились в грузовой отсек, где осталось их оружие. Снова его удивила необычная конструкция корабля. У Вилдхейта возникло впечатление, что все технические проблемы были здесь решены очень мудро и было это выполнено цивилизацией, весьма чуждой человеческой. Было в этом корабле что-то чужое, хотя спроектирован и построен он был существами, похожими на человека. И постоянной была мысль о существовании в пространстве другой человеческой цивилизации, однако такую возможность отрицали все его чувства и знания. Он знал о существовании во Вселенной совершенно чуждых человечеству культур, но, кроме Земли, не было других планет, которые породили бы человеческую расу.

Вилдхейт разыскал пояс с оружием и проверил запас обойм и газовых гранат. Не очень расчетливое применение оружия там, откуда он похитил Ясновидящую Хаоса, немного опустошило его запасы. И пополнить их можно было только на одной из стратегических баз, разбросанных по всей Галактике. Тем не менее, он все же был достаточно вооружен, чтобы выдержать приличный бой, если в этом будет необходимость. Они находились в грузовом отсеке, когда раздался вой сирены, предупреждающий о прыжке в подпространство. Они кинулись на палубу. Ветка прикусила ткань своего рукава, а Вилдхейт засунул в рот индивидуальный перевязочный пакет. Прыжок начался. Появилась вибрация, которая уже была им знакома. Затем вибрация перешла в сотрясения, которые причиняли одновременно как боль и страдания, так и приятные ощущения, и все это было на грани выносливости человеческого организма. Над плечом Вилдхейта бесшумно затрепетал симбиот, впиваясь своими психокогтями прямо в сердце субинспектора.

Пока тело Вилдхейта подвергалось тяжелым испытаниям, его разум отчаянно анализировал характер явлений. При знакомых ему прыжках в подпространство корабль избегал релятивистских ограничений скорости света, применяя туннельный эффект, который проводил звездолет через запретную зону скорости света в тахионное пространство. В этом состоянии ничто не движется со скоростью меньшей, чем скорость света, и все законы физики изменяются. Если в момент прыжка не

происходили изменения скорости, то есть в момент выхода и входа корабля в тахионное пространство, тогда временной эффект отсутствовал.

Этот же прыжок терзал тела Вилдхейта и Ветки, и имел он совершенно другой эффект. Субинспектор пришел к выводу, что таким образом они являются испытателями пробы адаптации разумов во времени прироста уменьшающего времени. Корабль каким-то образом не перескакивал через границу скорости света, а протыкался через нее, как через сеть, проникая через случайные дыры, словно вода, просачивающаяся через каменный пол. Сила этого явления не была постоянной, она изменялась, накатываясь волнами.

Вилдхейт глянул на Ветку. Он очень беспокоился о девушке. Не будет ли это тяжелое испытание пределом ее выносливости? Он заметил в лице Ветки что-то, что тотчас же развеяло все его тревоги. И это основательно потрясло его. Он увидел спокойствие, то же самое, что и в корабле рхакья, в каюте с теми двумя девушками, лежащими мертвыми у ее ног. Лицо девушки также излучало сейчас какую-то жуткую внутреннюю силу, значительно превышавшую его собственную. Он вспомнил слова Пилона с Майо: «...отнесись к звездам внимательно, маленькая. Может быть, они тебе понравятся, и ты оставишь некоторые из них...»

Подсчитав приблизительное количество человеческих жертв, которые погибли с того момента, когда было произнесено это предупреждение, субинспектор понял, что Вселенная еще не готова к контакту с ясновидящими.

Внезапно толчок очередной фазы прыжка подбросил их в воздух с такой силой, что даже Ветка вскрикнула. Их тут же поглотила волна темноты, которая как бы старалась высосать из них жизнь, оставив только пустую телесную оболочку. Вилдхейт вначале боролся с этим, а потом сдался. Он ощущал, как его тело, грубо лишенное жизненных сил, уже не может больше сопротивляться этому. Время потеряло для него всякий смысл. Когда после прошествия какого-то неопределенного времени он приобрел сознание, то понял, что все связанные с прыжком ощущения прошли. Ветка производила впечатление человека очень невозмутимого, но с удивленной миной на лице. Вилдхейт встал и потрогал голову, проверяя ее целость. Коул, очень потрепанный и притихший, сидел на плече субинспектора.

— Ах! — изрек Вилдхейт.— Когда те ребята говори-

ли, что прыжок будет неприятный, то им нельзя отказать в проницательности.

— «Те ребята», как ты их называешь, имеют узоры, читая которые, можно проследить прошлое аж от начала зарегистрированной истории Земли.— Ветка скривилась.— Где мы сейчас? — спросила она через секунду.

— После такого прыжка мы могли оказаться в любой точке Галактики.

— Я не имею в виду положение относительно звезд. Я хочу спросить, в какой мы Вселенной???

— Гм! Мне кажется, что у нас будут проблемы с идентификацией. Для меня термин «вселенная» охватывает все. Все планеты, все Галактики, все пространство, попросту в с е! Существует только одна Вселенная, поскольку из самого определения вытекает, что она охватывает все!

— Это не так! — Девушка отрицательно покачала головой.— Перед Большим Взрывом существовала еще одна Вселенная.

— Я могу в это поверить. Однако не убеждай меня, что мы попали в нее.

— Все может быть.

— Откуда такое предположение?

— Субинспектор Джим, я могу читать узоры Хаоса. Разве ты уже забыл об этом? В этой области, в которую мы попали, энтропия уменьшается вместе со временем.

— Это невозможно!

— Почему? Направление энтропии является единственным символом расширения или сжатия Вселенной. Наша Вселенная началась с Большого Взрыва, а та кончилась с ним!

— У тебя есть преимущество. Я не могу и не имею возможностей проверить твои утверждения.

— Идем в рубку. Быть может, звезды расскажут нам свою историю.

Вилдхейт, полный сомнений, пошел следом. Когда они вошли в рубку, субинспектор был поражен открывшимся зрелищем. Свет, который он ошибочно принял за освещение, был ничем иным, как светом звезд во всем невообразимом их блеске.

У него закружилась голова. И это внезапное головокружение вернуло ему сознание реальности массы звезд, так прекрасно и точно расположенных в пространстве. Взгляд его охватывал мириады невероятно густо разбросанных звезд, создающих огненный барьер, который

рассеивал черноту космоса. Хотя субинспектор знал, что каждая звезда отстоит от другой на много световых лет, трудно было поверить, что им не грозит столкновение. То, что было видно, составляло только часть огромной галактической системы. Эта Галактика была так плотно втиснута в пространство, что сгущение звезд было в миллионы раз сильнее, нежели когда-либо виденное Вилдхейтом в его Вселенной.

Это было реальностью. Много миллионов Галактик — каждая со своими звездными системами — стекалось в сокращавшейся Вселенной в одно место, чтобы потом послужить причиной Большого Взрыва. В этот момент материя всей Вселенной в одно мгновение возвратится к какому-то единству, которое будет началом их ВСЕЛЕННОЙ!

Касдей бесшумно возник за ними и отрегулировал напряжение поляризационных полей так, чтобы притушить свет звезд до уровня, который выносит человеческий глаз.

— Субинспектор Вилдхейт,— сказал он,— я обещал тебе кое-что интересное. И мои друзья единогласно согласились с тем, что я должен сейчас все тебе рассказать.

Касдей подошел к пульту управления, что-то тронул там, затем повернулся к Вилдхейту и девушке. Яркие лучи звезд образовали на его лице тысячи морщин. Субинспектору показалось, что этот мужчина невообразимо старый, такой, как утверждала Ветка. Стоя на палубе чужого корабля, в неправдоподобном звездном свете, в компании таких двух невероятных существ, как Касдей и Ветка, он вдруг понял весь драматизм и нереальность сложившейся ситуации. Это было мгновение вне времени, в которое могло произойти все что угодно. И последовавшие за этим мгновением слова Касдея полностью подтвердили его опасения.

— Я не очень хорошо знаю, с чего начать, поскольку есть много вещей, о которых ты не имеешь никакого понятия. Думаю, что эта девушка благодаря своим врожденным способностям наполовину уже угадала правду. Для тебя, инспектор, эта история поначалу покажется самой невероятной из всех, которые ты когда-либо слышал. Достаточно сказать, что, если бы это было ложью, никто из нас не был бы сейчас в этом месте и времени.

— Твой рассказ имеет какое-нибудь отношение к Оружию Хаоса? — нетерпеливо спросил Вилдхейт.

— Существенное, и ты в этом сейчас убедишься,

Я начну с момента, который тебе знаком. Как уже говорила эта малышка, кто-то исследует систему сходящихся осей, двигаясь от будущего до существующей в прошлом причины. Вы двое и располагаетесь на одном конце этой причинно-следственной цепи.

— Я понимаю значение твоих слов, Касдей. Однако не понимаю причины.

— Причину легко понять тогда, когда ты узнаешь, что существуют две Вселенные — твоя и та, в которой сейчас находимся мы!

— И доказательством является то, что я вижу. Во Вселенной, которую я знаю, нет такой концентрации звезд.

— Конечно! Это избавляет меня от многих объяснений. Существует, однако, еще одна вещь, о которой ты пока что не мог знать. Это обитатели этой Вселенной, которых мы будем называть, ну, скажем, Ра. Они уже давно знают о двойной природе Вселенной. Поскольку они понимают, что их Вселенная обречена, а твоя — может обеспечить их дальнейшее существование, то...— Касдей замолчал. В каюте воцарилась тишина.— Это они владеют Оружием Хаоса,— продолжал он через некоторое время своим обычным голосом.— Эта часть их плана, согласно которому они пытаются покончить с вами. Эти Ра сильно обеспокоены угрозой, которую создаете вы оба.

— Я не понимаю, в чем заключается эта угроза?

— Сейчас поймешь. В Центре Хаоса, кроме Сарайя, авторитет имеешь только ты. Участие Сарайя в этом деле проявится немного позднее, а пока он считается смертельным врагом Ра.

Он много лет исследовал Хаос, разыскивая скрытый фактор, который воспрепятствовал бы планам Ра или даже уничтожил бы их. Судя по судорожным попыткам Ра остановить его, Сарайя все-таки нашел этот фактор. Этот фактор — субинспектор пространства и Ясновидящий Хаоса, которые помогают пятерым врагам Ра.

— Помогают?

— Да, инспектор. Думаю, что Сарайя принял нас всех во внимание. Твой враг является и нашим врагом. У нас нет над ним преимущества в связи, а также возможностей двигаться между Вселенными. Но у нас есть некоторое преимущество, связанное с Хаосом. Я предлагаю объединить наши силы.

— При условии, что ты ответишь мне на многие вопросы. Кем ты, собственно, являешься, Касдей?

Мужчина вздохнул.

— Я уже говорил, что это очень невероятная история, которую ты когда-либо слышал. Ну да ладно. Прохождение через пространство между Вселенными — очень трудное, опасное и сложное дело. Совсем недавно строительство космических кораблей, способных выполнять такой прыжок, продолжалось несколько лет. Корабли могли вместить самое большее десять человек. Еще несколько лет назад массовые путешествия из старой Вселенной в новую были невозможны. Пионеры прыжков понимали это и стремились попасть в новую Вселенную с пылом колонизаторов. Неважно, что на выживание колонии существовали минимальные шансы. Пионеры стремились к основанию колоний, рискуя исчезнуть при переходе между Вселенными навсегда. Когда-то один из таких кораблей, облетающих новую Вселенную, наткнулся на систему, где жили существа, очень похожие на людей. И проблема колонизации полностью разрешилась. Пионеры, используя генетические приемы скрещивания рас, начали эффективные работы с этой еще нечеловеческой расой.

— Ты так и не ответил на мой вопрос!

— Ты не дослушал меня, субинспектор. Тот мир, который отыскали Ра, называется сейчас Земля, а люди были неандертальцами. В результате генетических экспериментов Ра и возник гомо сапиенс!

Глава 10

Вилдхейт сражался со своими мыслями.

— Ты считаешь, что гомо сапиенс не смог бы появиться сам?

— Я знаю только, что эволюция дочеловеческой расы на Земле остановилась на уровне неандертальца. Это было последней стадией в развитии тех существ. А дальше был тупик. Да, субинспектор, это было так. Только благодаря нашему вмешательству неандертальцы получили разум, а позже и культуру. Этот импульс привел к тому, что они слезли с деревьев и покинули пещеры, чтобы потом отправиться в космос.

— Ты являешься одним из Ра?

— Нас пятеро плюс Сарайя и еще кое-кто. Мы все оттуда. Составляем остатки последних экипажей, которые когда-то опекали молодую человеческую цивилиза-

цию. Человек первобытный, однако, проявил странную склонность к связи со своими более звероподобными братьями-неандертальцами, и это очень изломало расу. Колония продержалась только столетие, и то благодаря постоянному вмешательству со стороны селекционеров Ра.

Наконец, сражение было выиграно, и установилось генетическое превосходство гомо сапиенса. За эту победу мы были прокляты.

— Прокляты?

— В переносном смысле. Реальность была более мрачной. Экипажи кораблей, проходящих через границу Вселенных, решали очень важный вопрос сохранения человеческой расы перед лицом сокращающейся Вселенной. Они делали это, сея разум в новой Вселенной. И, как я уже говорил вам, деятельность эта длилась довольно долго. Но вот среди Ра произошла смена настроений. Внезапно оказалось, что речь идет уже не о поддержании жизни человека, а о существовании самих Ра!

— Чисто человеческая реакция.

— Которая привела к непредвиденным последствиям. По мере того, как старая Вселенная сокращалась, целые Галактики начали сливаться в единое целое. Границы десятков тысяч населенных миров стирались. Время исчерпывалось. Что же делали экипажи кораблей Ра, проложивших путь в новую Вселенную? Массовое пересечение границы Вселенных было еще невозможно, и оказалось, что в действительности эти экипажи жертвовали всю новую Вселенную не Ра, а новой человеческой расе. Ситуация породила явление, которое назвали Большим Гневом. Экипажи кораблей, исследующих новую Вселенную, внезапно подверглись уничтожению. И только некоторым удалось спастись.

Мы были одними из них. Чтобы выжить, нам пришлось бежать в новую Вселенную.

— Когда это все произошло?

— Около трех тысяч лет перед началом эры, когда начала фиксироваться ваша история. Когда возник Большой Гнев, мы работали впятером, основывая шумерские города-государства.

— Однако это было около семи тысяч лет назад! — вскричал Вилдхейт.— Значит, вы бессмертны?

— Да. Имей в виду то, что пересечение границы требует пересечения барьера скорости света, а не как при ваших прыжках в подпространство, когда вы обходите

этот барьер. Поэтому все корабли, проходящие через границу, летают со скоростью света. Итак, нас преследовали и гнали. И мы, люди без дома, были готовы на единственный поступок, который наши преследователи не могли даже представить.

— Что же это?

— Изменение времени. Наше субъективное ощущение времени при 99 % скорости света претерпевает существенное изменение. Прошло семьдесят веков, а мы постарели всего на тридцать земных лет. Наши преследователи, имея в своем времени семьи, детей, не рискнули отрываться от них во времени.

— Но ведь они все давно уже мертвы! И не могут дотянуться до вас!

— Большой Гнев был так силен, что даже потомки тех Ра возненавидели нас. Мы каждое столетие наведываемся домой, рассчитывая на то, что о нас уже забыли. И каждый раз нас встречает ненависть, и мы вынуждены снова скрываться в будущем. И это одна из причин, по которой мы выпуждены были объединиться, субинспектор. После семи тысяч лет гонений бессмертие измучило нас.

— Сарайя принадлежал к экипажу, который выжил?

— Сарайя, Дабрия, Селемия, Этхан и Аспаль. Мы разные, однако у всех нас одна цель. Большой Гнев изгнал их, но все это время они неустанно продолжали выполнять свой долг — заботясь о молодой цивилизации. Мне кажется, что эти дела придали смысл их изувеченным жизням. Они по очереди оседали в столетиях, чтобы провести остаток жизни в нормальном темпе. Так что остались только Дабрия и Сарайя. Однако Сарайя сейчас не в курсе дел.

— Почему ты считаешь, что Сарайя не знает, что происходит?

— Мы продолжаем полеты в старую Вселенную, а он этого не делает. Произошли большие перемены, а он этого не знает, не осознает.

— Какие перемены?

— Ра усовершенствовали технику Хаоса. Она теперь может угадывать наши действия на столетие вперед. Из-за изменения времени можно ожидать нападения их космического флота. Но, в конечном итоге, зло не в этом.

— А в чем же?

— Сарайя не знает самого главного. Ра наконец-то решили проблему массового перехода через континуум.

Путешествие в ваш мир стало для них реальностью. И что же они находят здесь? Вооруженную до зубов Галактическую Федерацию, занимающую большинство пригодных для жизни планет в пределах одной Галактики и готовую двинуться в другие. Словом, сильного противника, который является хозяином Вселенной, спокон веку предназначенной для Ра.

— Значит, Большой Гнев вспыхивает с новой силой. И поэтому Ра применили Оружие Хаоса против Федерации?

— Да. Это политика ослабления вашей цивилизации. С точки зрения введения в дело вооруженных сил Ра еще не готовы к ведению в космосе длительной звездной войны с Федерацией. Они начнут активные действия только тогда, когда ваша система начнет трещать по швам.

— Одна вещь заставляет усомниться в ваших словах,— заявил Вилдхейт.— В нашей Вселенной человек, как раса, обитает только в одной Галактике, составляющей ничтожную песчинку в целостности Вселенной. Разве не нашлось бы еще места для Ра?

— Субинспектор, технические проблемы межзвездных полетов уже решены. Федеральные космические корабли начинают, пока еще робко, проникать в межгалактическое пространство, не так ли? Представь себе, в каком фантастическом темпе может развиваться человечество при неограниченном жизненном пространстве и возможностях! Занимая только вчера всего один мир, сегодня в его власти уже более сотни, а через сто лет их потребуется не меньше тысячи. Через два же столетия человечество будет жить на миллионах планет. Ты сможешь утверждать, что через пятьсот лет в этой Вселенной хватит места и для нас, и для вас?

— Ты прав, Касдей. Однако, как Сарайя может думать, что их удастся удержать?

— Допустим, что ты отработаешь тактику сражения, имея доступ к данным, списанным с будущей истории. Ты создашь план сражения и будешь уверен в его исходе. Ты подправишь историю в свою пользу!

— Будущее можно прочитать по узорам Хаоса?

— В принципе, да. Можно предсказать изменения энтропии и локализовать ее. Это, конечно, не скажет тебе, кто выйдет победителем из битвы, но определенно ответит, какие большие взрывы энергии произойдут в твоем мире и где распространится огонь от этих взры-

вов. История имеет свои капризы, субинспектор. Время, личность, совпадение случайностей — все влияет на ее результат. Эти факторы мы назвали катализаторами событий. Если тебе удастся локализовать и разработать свою комбинацию катализаторов, ты сможешь управлять историей.

— И этим занимается Сарайя?

— Да. И Ра знают об этом. Они возлагают большие надежды на Оружие Хаоса, которое должно обеспечить им, в конечном счете, численное превосходство. Сарайя, не имея возможности организовать оборону такой молодой культуры, какой является ваша цивилизация, занялся исследованием катализаторов.

Вилдхейт отыскал на пульте регулятор поляризации и вернул фантастический вид звездному полю. Он стоял, всматриваясь в головокружительное зрелище сверкающих звезд. Девушка тоже не могла отвести от них своего взгляда. Она сохраняла полное спокойствие, в противоположность субинспектору, которого угнетала страшная перспектива сражения со всеми этими звездами. Спокойствие же Ветки основывалось на убеждении, что преимущество мириадов звезд над одной не является той проблемой, о которой стоит беспокоиться. Именно в этот момент Вилдхейт задумался, почему Дабрия посчитал необходимым посвятить остаток своей жизни попыткам захватить власть над ясновидящими.

Внезапный спад напряжения звездного света привел к тому, что все трое одновременно глянули вверх. Недалеко от корабля возник строй огромных звездолетов. И тут же весь их корабль наполнился воем сирен. Касдей бросился к пульту управления. Он был на полпути, когда четыре огромных звездолета противника заслонили почти все звезды на экране.

— Что это? — крикнул Вилдхейт.

— Ра! На этот раз охотники. У нас нет ни лучей, ни снарядов, которые могли бы пробить их защиту.

Джегун и Асбель вбежали в рубку и уселись перед приборами.

— Думаю, что на этот раз, инспектор, они прилетели, чтобы застрелить коня,— крикнул Джегун, выдавив на своем лице кривую ухмылку.

Руки Касдея забегали по пульту управления. Мощный рев двигателей оглушил людей, однако уже через мгновение он перешел в ультразвуковую фазу. Корабль содрогнулся, свет звезд погас. По коже людей пробежа-

ли мурашки. Несколько секунд спустя свет звезд появился вновь, но он исходил уже от других звезд. Однако огромные военные корабли были и здесь. Касдей снова послал свой корабль в прыжок, но когда они выскочили опять в нормальное пространство, то и там обнаружили охотников, изготовившихся к атаке. Они вновь нырнули в континуум, и только тут Касдей позволил себе сказать пару слов по поводу случившегося:

— Сейчас ты видишь, инспектор, что я имел в виду, говоря об их успехах в деле освоения Хаоса. Они предсказывают наше появление с точностью до секунды, а позицию — до нескольких метров. В лучшем случае нам удастся прыгнуть еще раз, однако, в конце концов, нам все же придется попасть под огонь их орудий. Единственное, что нам сейчас остается, это уйти в новую Вселенную.

— Нет! — Этот крик был первым словом, которое произнесла Ветка после долгого молчания.— Разве вы не видите, что они только этого и ждут?

— Что такое? — Касдей непонимающе уставился на нее.

— Конечно, именно так! Это единственный путь для достижения ими победы: направить катализаторы Сарайя в далекое будущее, выполнить там уничтожение, а потом опять активизировать.

— Что может быть хуже уничтожения всех катализаторов одновременно? — Руки Касдея неуверенно остановились над кнопками пульта управления.— У тебя есть более приемлемое предложение, девочка?

— У тебя на борту нет чего-нибудь такого, чем можно было бы уничтожить корабли врага там, в пространстве?

— Есть небольшое количество космических мин, которые вполне могут уничтожать эти корабли. Нужно только доставить их к ним: у мин нет двигателей, как у ракет. Но, конечно же, Ра не будут ждать, пока мы подлетим поближе и выпустим мины.

— Субинспектор Джим,— девушка обратилась к Вилдхейту,— как мы можем воспользоваться этим оружием?

— Сколько времени необходимо для постановки этих мин в пространстве? — в свою очередь спросил Вилдхейт у Касдея.

— У них имеются баллоны со сжатым газом, который обеспечивает выпуск мин непосредственно с борта

корабля. А нам нужна минута, чтобы выйти в точку, где должны появиться крейсеры Ра.

— Значит, трудность заключается в том, чтобы появиться точно за одну минуту в точке согласно предсказаний Хаоса. Это можно сделать, Ветка?

— Я могу провести корабль на место, указанное узорами Хаоса, и дать координаты точки. Однако, чтобы Хаос остался в равновесии, необходимо оставаться в таком положении не менее минуты.

— Но почему?

— Поскольку необходимо следовать предсказаниям Хаоса, мы должны там находиться. Если мы этого не сделаем, узор Хаоса изменит точку нашего выхода в пространство, и мы не попадем туда, куда нужно.

— Это превосходит возможности моего разума,— пожал плечами Вилдхейт.— Однако нам ничего не остается делать, как поверить тебе на слово, Ветка. Как, Касдей?

— Очень большой риск,— покачал головой Касдей.— Если девушка ошибается и мы будем торчать там целую минуту, это будет равносильно смертному приговору.

— Я не могу ошибаться, идиот! — Голос Ветки был спокоен. Тем не менее, Вилдхейт заметил на ее лице появление необычайного гневного выражения. Он не мог решить, была ли это обида на недоверие к ее способностям, или Касдей дотронулся до какой-то другой болевой точки. Опасаясь, чтобы этого не произошло во второй раз, он перехватил инициативу в разговоре.

— Джегун! Необходимо срочно активировать мины! — приказал он.— Сообщи нам, как только закончишь работу. Касдей, установи время согласно указаний Ветки. Ветка, как только Джегун будет готов, дай нам координаты!

— Зачем действовать так категорично? — Касдей все еще пребывал в нерешительности.

— Какой толк от катализатора, если он не влияет на реакцию? Мы сейчас не в состоянии ответить огнем на огонь, но можем повлиять Хаосом на Хаос!

Когда Ветка отдала приказ, звезды снова вспыхнули на экранах внешнего обзора, однако больших кораблей Ра еще не было. Джегун по команде выпустил серию мин. Было отчетливо видно, как они мчались вперед, оставляя за собой струи замерзшего газа. Потом все стало тихо. Контрольное время истекло, но ничего не произошло.

Разочарованный Касдей медленно наливался гневом.

— Разве я не говорил, что это ошибка? Теперь мы даже не знаем, когда они нападут на нас!

— А может быть, наши действия вынудили их совершить дополнительный прыжок в пространстве? — спокойно спросила Ветка.

— Что??? — Касдей замахнулся, намереваясь ударить ее по лицу. Девушка неуловимым движением парировала этот удар и вывернула ему руку. Неясно, чем бы это закончилось, но тут на экранах возникли гигантские звездолеты противника.

Одновременно с этим начались взрывы. Все корабли взрывались такими яркими цветами огня, что компьютер вынужден был пригасить изображение на экранах.

Прошло почти две минуты, пока можно было снова смотреть на звезды. От вражеской эскадры осталась чудовищная груда металла, беспорядочно вращавшаяся по невообразимым орбитам.

— Уходим отсюда!

Асбель занял место за пультом управления. Касдей, бледный и хмурый, молча нянчил больную руку и яростно пожирал глазами невероятно спокойную Ветку.

— Ты, паршивая сучка! — наконец смог он выдавить из себя. — Зачем ты это сделала?

— А ты думал, что я буду стоять и ждать, пока ты ударишь меня? Так вот, заруби себе на носу, что я знаю наперед все твои действия, еще до того, как ты только думаешь их предпринять! Если ты еще раз — или кто-нибудь из твоих дружков — вознамеришься сделать что-то подобное, я просто убью тебя или любого другого!

— Что? Что ты себе воображаешь? Ты...! — Касдей не верил своим ушам. Он был ошарашен заявлением этой девчонки. — Ты еще не знаешь, какая судьба ждет тебя, паршивая...? — Он поднял вторую, здоровую, руку и только тут заметил, что ствол лучемета, который он сжимал в своей руке, направлен ему прямо в живот.

— Хватит! — крикнул субинспектор. — Разве нам мало тех врагов? — Он махнул рукой в сторону экранов. — Я не осуждаю тебя, Ветка. Однако учти, что нам нужны союзники в борьбе с Ра. Понятно? А теперь, Джегун, помоги мне. Нужно зафиксировать руку Касдея.

— Ты командуешь на моем корабле? — воинственно закричал Касдей.

— Не потому, что мне хочется этого, поверь. Если

между нами начнутся разногласия, мы погибнем. Разве это тебе не ясно?

— На каком основании ты считаешь, что можешь здесь командовать? — не унимался Касдей.

— Послушай, что я скажу. Ветка и я в течение нескольких часов уничтожили столько звездолетов Ра, сколько ты не смог сделать за все семьдесят веков своей с ними борьбы! Разве это не довод?

— Да, но...

— Если оставить тебе полную свободу действий, то ты еще семь тысяч лет будешь убегать от них, однако учти, в конечном итоге, тебя все же догонит смерть. А я не могу и не хочу себе позволить такую потерю времени. Ты сам предложил объединить наши усилия. Я согласился, но при этом я ставлю сейчас условие: пока работа не будет выполнена, все приказы буду отдавать я. Потом вы сможете пойти своим путем аж до самого ада в таком темпе, как тебе захочется. Однако сейчас это решаю я!

Касдей криво улыбнулся. Он чувствовал боль в плече и не был настроен для споров.

— Хорошо. Будь по-твоему. Только пускай эта дура не путается у меня под ногами. В противном случае, я покажу ей некоторые приемчики, предугадать которые она не сможет.

Вилдхейт краем глаза заметил, что Ветка напряглась, готовая прыгнуть как тигрица. Но внезапно она застыла на месте, как памятник, предугадав намерения субинспектора пустить в ход ампулу с парализующим газом.

Она повернулась и посмотрела на него глазами, полными гнева и ярости.

— Да, это относится к тебе, Ветка.— Вилдхейт был бескомпромиссен.— Может быть, мы все и не идеально подходим друг к другу, однако, в данном случае, у всех нас одна — единственная цель — уничтожить это проклятое Оружие Хаоса. И я верю в то, что не позволю кому-нибудь стоять у меня на пути. Можно ли установить связь с Землей? — обратился он к Асбелю.

— Никакой возможности. Через границу континуумов ничто не может пробиться! Связь можно восстановить, как только мы вернемся в обычный космос. А что случилось?

— Сарайя создал эту нашу общность катализаторов, и я думаю, он знает, как нас можно использовать. Сложность заключается в том, что он забыл нам это сказать.

Даже при самом буйном воображении трудно уловить смысл в вызове, брошенном целой Вселенной, располагая всего одним-единственным оружием, хотя и столь эффективным...— «А настолько ли мы эффективны???» — подумал про себя Вилдхейт, но вслух продолжал: — Поэтому необходимо как можно скорее узнать, что задумал Сарайя.

Глава 11

— У меня телепатическая связь с Таллотхом. Субинспектор Ховер хочет поговорить с тобой, однако перед этим я хотел бы сказать пару слов Таллотху.

Вилдхейт, разбуженный, встал с койки и зажег свет в каюте. Он чисто рефлекторно глянул на часы, хотя уже готовил свой мозг к связи.

— В чем дело, Коул?

— То, к чему ты готовишься, пугает даже нас, богов!

— Я ни к чему не готовлюсь. Но, прошу, говори дальше.

— Такой катаклизм уже был. Многие из нас не выдержали такого испытания. Когда дело касается изменения Вселенной, даже измерения меняются, искажаются формы. Многие из нас погибли во время необычайных бурь, которые даже мы не могли понять.

— Оставь космологию, которая не поддается моему пониманию. Что тебе нужно от меня?

— Вопрос касается того, что ты ждешь от меня. В этом измерении ты являешься моим верным и любимым кормильцем. В награду за это я стараюсь время от времени спасать тебя от ошибок, допущенных из-за твоей же глупости. Однако то, во что ты сейчас влезаешь, превышает все мои возможности. Я не смогу помочь тебе там, где ты можешь оказаться!

— Другими словами, когда дорога станет уж слишком ухабистой, я должен буду рассчитывать только на себя?

— Это верная интерпретация моей мысли. Люди в своей короткой одномерной жизни гордятся возможностью умереть. Я не могу так поступать, я бессмертен, и у меня сложное строение личности. Во избежание потерь я покину тебя, но ты получишь кое-что взамен. Ты можешь вызывать меня в ситуациях, не являющихся смертельными.

— Благодарю. Когда же ты уйдешь?

— Я останусь с тобой до последнего момента. Когда ты поймешь, что меня уже нет, то знай, что надвигается гибель. Сейчас, когда я поговорил с тобой, я начинаю связь с субинспектором Ховером.

— Джим! Слава богу, ты живой! — Голос Ховера исходил из уст Вилдхейта.— Дьявольски тяжело было уговорить Таллотха выйти на связь. Как он упирался, говоря, что это очень опасно!

— Он не обманывал тебя, Гесс. Как твои ноги?

— Они о'кей! Вчера пробежали целую милю!

— Поздравляю. Уже назначили дату операции?

— О, мой бог!

— В чем дело, Гесс?

— Джим, как ты думаешь, сколько времени прошло с момента нашего последнего разговора?

— Когда мы установили с тобой контакт, я был на спасательном боте, после старта с корабля рхакья. Думаю, что-то около тридцати часов объективного времени.

— Джим, дружище, выслушай меня внимательно! Тот разговор происходил почти двадцать восемь месяцев назад!

— В таком случае, ноги уже при тебе?

— Конечно! Что же, черт возьми, случилось с тобой?

— Понимаешь, я попал к типам, которые довольно бесцеремонно обращаются со скоростью света. Думаю, что некоторые маневры, совершенные ими, и вызвали такое временное искажение.

— Не понимаю! Где ты сейчас находишься?

— Ты не поверишь в это, Гесс.

— А ты попробуй, расскажи.

— Мы находимся в совершенно новой Вселенной. Мы — это я и девчонка, которая предсказывает Хаос, а также симбиот, готовый сложить свои полномочия, и пять типов, которые заправляли социологией за две тысячи лет до возникновения нашей цивилизации.

— Да, ты был прав, я не могу поверить в такую белиберду. Хотя...

— Хотя что?

— Хотя Сарайя стоит возле меня и на все, о чем ты говоришь, кивает головой.

— Он-то понимает. Ведь именно он втравил меня в это. Спроси-ка у него, что еще предусмотрено в этом представлении?

Кто-то громко постучал в дверь каюты.

— Подожди, Гесс. Кто-то стучится.

За дверью стоял Гадрель. По его лицу струился пот.

— Инспектор! Ра выстраиваются для массированной атаки. В пространстве появилось более тысячи их кораблей. Касдей хочет видеть тебя.

— Сейчас иду,— ответил Вилдхейт, закрывая дверь.

— Так скажи Сарайя, что Ра начинают нападение.

— Что за нападение? Какие Ра?

— Потом! Ты только скажи. Он поймет!

— Хорошо. Он стал ругаться на чем свет стоит. Подожди, он говорит, что не надеялся на такие действия с их стороны. Перепрыгнув границу между Вселенными, они могут вызвать катастрофу. Ты понимаешь это, Джим?

— Очень хорошо.

— Он говорит, что нужно немедленно уничтожить Оружие Хаоса. И спрашивает, ты сможешь это сделать?

— Не знаю, однако попытаюсь.

— Сарайя говорит, что это не то слово — «попытаюсь». Надо действовать и действовать решительно!

— Если это в человеческих силах, то я сделаю!

— Отлично. Таллотх начинает нервничать, я прерываю связь. Береги себя, Джим.

Все собрались в рубке. Светились экраны мониторов, хотя и без них можно было заметить через иллюминаторы огромное количество ярких огоньков, двигающихся на фоне неподвижных звезд. Предварительная оценка Гадреля оказалась заниженной, поскольку тысяча превратилась сейчас в десятки тысяч, а уже через секунду — в сотни тысяч. Огоньки роились в пространстве словно осы, двигаясь в направлении своей земли обетованной.

Экраны демонстрировали увеличенный и более зловещий вид флота. Между ничем не выделяющимися кораблями, которые Вилдхейт опознал как транспортники, летели также многочисленные, грозно выглядевшие корабли с разнообразным вооружением. Это были военные крейсера. Во главе каждой армады летели огромные боевые звездолеты, от одного такого только чудом увернулся Касдей. Количество вражеских кораблей уже сравнялось по числу с Космическими силами Федерации, но конца их пока не было видно.

— Это что, в движение пришла вся их Вселенная? — прошептал Вилдхейт. В его голосе звучала грустная нота.

— Не те масштабы, инспектор,— отозвался Касдей с хмурым выражением на лице.— Это всего-навсего силы пяти звездных систем. В Галактике существует сто тысяч обитаемых звездных систем, во Вселенной, по крайней мере, сто миллиардов Галактик! Перед нами лишь ничтожная крупица Ра.

— И они боятся Федерации?

— Их корабли не имеют баз в вашей Вселенной. И даже если они создадут свои колонии у вас, то задача будет как обеспечить их население предметами первой необходимости, а не тем, как взять у них что-то. Не забывай, что только некоторые из этих кораблей оснащены настолько хорошо, что могут пролететь между Вселенными и вернуться назад. Логически рассуждая, они оказались в невыгодном положении. Корабли Федерации могут атаковать их и, вернувшись на свои базы, пополнить запасы. Ра же должны возить с собой все. Для того, чтобы основать технически развитую колонию, необходимо потратить лет двадцать и не рассчитывать на чью-либо помощь. Поэтому часть флота заведомо списывается на потери. Ее задача захватить плацдарм и, конечно же, удержать его.

Вилдхейт повернулся к мониторам, пытаясь связать вид вооруженных мощных кораблей с рассказом Касдея, считающего их обреченными на гибель. Он признал, что разница во взглядах могла происходить из-за чуждости их происхождения, однако здравый смысл сводил его с ума при виде беспрерывного золотого потока кораблей, который тек, как казалось, из бесконечности.

— Где находится Оружие Хаоса? — спросил он.

— Оно временно помещено где-то на границе Вселенных. Что ты намереваешься предпринять, инспектор?

— Я хочу ликвидировать его!

— Ты так же ошибаешься, как и твоя баба.

— Почему? Разве это невозможно?

— Не торопись с решением, пока не увидишь его. Мне кажется, что ты не представляешь себе его размеры. Это Оружие высасывает звезду, как ты яйцо! Чтобы послать луч энергии, Ра создали кольцо из черных дыр — каждая массой в два раза больше массы Солнца. Когда Оружие начинает действовать, то происходит изменение числа «пи» на протяжении пяти световых лет.

— И все же нужно попытаться. Если эта армада попадет в нашу Вселенную и Оружие Хаоса по-прежнему будет функционировать, то Ра обязательно победят.

— Почему?

— Ты можешь себе представить более убийственную комбинацию, чем уничтожение такого флота вместе с Оружием? Когда мы доберемся до границы Вселенных, можно будет вызвать небольшие катастрофы в определенных местах, и тогда...

— Твои слова свидетельствуют о хороших знаниях, инспектор. Ты удивляешь меня, поскольку до сих пор твои знания о Хаосе были, мягко говоря, поверхностными.

— У меня запоздалая реакция,— улыбнулся Вилдхейт, не желая вдаваться в подробности.— Атака уже началась?

— Спроси у своей прорицательницы. Она ведь очень хорошо знает будущее.

— Откуда такая уверенность?

— Инспектор, я видел, как она остановилась, едва ты подумал о том, чтобы достать оружие. Ты даже мускулом не успел шевельнуть, а она уже знала твои намерения.

— Ветка!

— Узоры меняются очень стремительно. И я не могу описать это словами. Знаю только, что грядет катастрофа. Но еще есть время для нападения на Оружие Хаоса, так как нет изменения энтропии. Думаю, что есть смысл попробовать.

— Согласен,— кивнул Касдей.— Асбель, давай координаты стыка Вселенных. Я хочу, чтобы инспектор сам увидел, на что он замахивается. Лично я не вижу возможностей управиться с таким гигантом, но, может быть, катализаторы Сарайя способны сделать что-нибудь большее, нежели говорит логика.

— Где мы находимся? — спросил Вилдхейт, когда корабль замедлил свой полет.

— Точно на границе двух Вселенных, теоретически нигде.— Оказалось, что Асбель является единственным, кто разбирается в вычислениях на компьютере.

— В этой точке мы не принадлежим ни к одной Вселенной. Этот район единственный в своем роде: здесь нет звезд, массы, теоретически он безграничен, здесь не действуют обычные законы физики. Его границы определяются только скоростью света. Это не пространство, ни что-либо другое. То есть это ничто в самом прямом смысле этого слова.

— Однако материя может здесь существовать? — Вилдхейт пытался понять Асбеля.

— Конечно, но не нужно обольщаться простотой этого факта, инспектор. Математика этого пространства ошибочна. Обычные законы физики действуют на предметы лишь в определенном положении. Проще говоря, корпус нашего корабля сохраняет законы обычного мира внутри себя. Но снаружи они уже не действуют.

— И что же это дает на практике?

— А то, что это единственное место, где может находиться Оружие Хаоса. Человек смог бы передвинуть здесь планеты движением пальца, словно это воздушные шарики. Они бы двигались в том направлении, куда бы их толкнули, и остановились бы там, где их остановили бы. В этом мире можно даже манипулировать черными дырами. Несмотря на то, что они обладают сильным внутренним гравитационным полем, внешняя сила притяжения здесь не действует. Все это, инспектор, создает благоприятные условия для их использования.

Асбель драматическим жестом нажал кнопку. Ожил один из самых больших экранов, на котором тут же возникла захватывающая дух конструкция. В левом углу экрана, вокруг невидимой оси, безостановочно вращалась большая филигранно-ажурная металлическая конструкция, напоминающая гигантский шарикоподшипник, но без шариков. В центре экрана, очевидно, на той же оси, что и вращающаяся конструкция, находились огромные блоки аппаратуры, которые ассоциировались у Вилдхейта со старинной электронной лампой. Слои отклоняющих колец управлялись главным электродом этого странного приспособления.

В правом углу экрана, на той же оси, виднелась огромная широкая плита, которая вращалась в том же направлении, что и металлическая конструкция. Из центра плиты торчал гигантский золотистый стержень, конец которого расширялся как раструб старинного ружья. Немного ниже всего этого сооружения вращались небольшие спутники. Все это освещали четыре небольших солнца, висящих неподвижно, словно связанных невидимой нитью.

— Это и есть Оружие Хаоса? — прошептал, потрясенный увиденным, Вилдхейт.

— Да, инспектор. А сейчас я покажу некоторые подробности. В этом сооружении находятся, хотя их и нельзя увидеть, десять черных коллапсаров, каждый диамет-

ром около двух километров и массой, превышающей массу твоего земного Солнца в два раза.

Диаметр всего сооружения около двадцати пяти километров. В центре, вот эта, ускорительная секция, она имеет в длину сто пятьдесят километров, а справа — вихревой реактор объемом пять кубических километров. Стержень выполняет функции коллектора. Звездная материя втягивается в него со скоростью десять звездных масс в секунду!

— О, черт!

— Полоса излучения, выходящая из вон той конструкции, представляет собой чистую энтропию, очищенную от всех посторонних примесей. Ее энергия так огромна, что, несмотря на колоссальное завихрение во время перехода через границу, она все же сохраняет способность изменять ход события в определенной точке новой Вселенной.

— Но это же бессмысленно! — воскликнул Вилдхейт.— Такая огромная энергия, и, в конечном итоге, столь ничтожный эффект!

— Эффекты являются чем-то общим, зависящим от точки зрения и необходимости, инспектор. Видишь ли, они не занимаются одиночными событиями. Выполняя серию вычислений Хаоса, они вполне могут изменить цепочку событий, которые покажутся им опасными как сегодня, так и в будущем. Сила физических эффектов несоизмерима с очевидностью результатов. И считается только количество изменений, которые им удается произвести.

Касдей, который стоял в стороне, приблизился.

— Разве ты не понимаешь, инспектор, что уничтожение планеты производит тот же эффект, что и потеря гвоздя от подковы, когда в игру включена возможность победить или проиграть в гигантской битве? Должен заметить, что всегда, когда было применено Оружие Хаоса, самые большие катастрофы создавали лишь эффект дуновения. Можно целенаправленно вносить небольшие изменения в ваш пока еще довольно хаотический мир, ожидая, что через какое-то время обязательно возникнет скачкообразное изменение, с образованием нового качества...

— Инспектор! — крикнул Гадрель, наблюдающий за изображением на экране.— Мне кажется, что мы сейчас увидим кое-что интересное!

Все столпились вокруг экрана, и Гадрель указал на

кольцо тонкой нити, внезапно возникшее неизвестно откуда и, словно невесомое, начавшее быстро перемещаться в сторону стержня. Достигнув его, оно свернулось в спираль, становясь с каждым мгновением все толще, и вот уже это был моток нитей, постепенно растягивающийся в противоположные стороны. Через какое-то время перед глазами людей предстал уже вибрирующий шнур энергии, лихорадочно поглощаемой раструбом стержня.

— Похоже на то, что готовится какая-то очередная пакость Ра! — Асбель явно был под впечатлением от увиденного.— Никогда не видел, чтобы этот процесс протекал столь стремительно! Интересно, что они готовят на сей раз? Если освободить всю эту энергию сразу, то толчок отшвырнет нас на другой конец действительности!

— Ну, что, инспектор, расхотелось лезть в пасть к дьяволу? — спросил Касдей.— Внимательно посмотри на все это. Только здесь, на границе, можно убедиться в своем бессилии.

Вилдхейт не слушал его. Коул стал на удивление страшно напряжен. Субинспектор повернулся, чтобы посмотреть на Ветку. Его напугал вид ее напряженного лица. Страх сковал все ее тело. Ее руки спазматически дергались, она пыталась что-то сказать, однако ее голосовые связки были так парализованы страхом, что она не могла даже закричать.

Вилдхейт, лихорадочно пытаясь сориентироваться в ситуации, вновь повернулся к экрану. И сразу же причина страха Ветки стала для него совершенно ясной. Оружие Хаоса было направлено прямо на них...

Глава 12

Касдей тоже увидел это. Он рванулся к пульту управления, намереваясь увести корабль с линии прицела Оружия и упредить выстрел. Ветка, прийдя в себя после шока, крикнула в знак протеста и оттеснила Касдея от пульта. Он оттолкнул ее и схватился за переключатели, но девушка опять помешала ему, схватив за руки.

— Не отводи корабль! — закричала она.

— Отойди, дурная баба! — Касдей с силой оттолкнул ее.

После секундной борьбы Ветка еще больше усилила свой натиск и резким внезапным ударом ребра ладони свалила его к своим ногам.

Гадрель, как загипнотизированный, наблюдал за Оружием Хаоса. Шум борьбы заставил, однако, его обернуться. Он быстро вскочил и подбежал к поверженному командиру, склонившись над ним.

— Что ты наделала? Хочешь угробить всех нас? — закричал он и угрожающе начал выпрямляться.

Ветка стояла неподвижно.

Гадрель махнул рукой и протянул руки к тумблерам пульта управления.

— Нет! Не трогай их!

Гадрель повернулся в сторону Асбеля, собираясь, очевидно, позвать на помощь. На экране грозно блестело нацеленное на незванных пришельцев Оружие Хаоса, с ошеломляющей быстротой поглощающее гигантское количество энергии. И нельзя было предугадать, когда произойдет выстрел.

Это секундное ослабление внимания Гадреля дало Ветке шанс, который ей сейчас требовался. Она мгновенно нанесла удар в плечо Гадреля, вынуждая его оторвать руки от пульта управления. Он потерял равновесие, и следующий удар, такой же быстрый, что глаз не уловил даже движения руки нападавшего, послал мужчину на пол. Вид его неестественно вывернутой головы свидетельствовал, что он, к сожалению, мертв. И в это же мгновение под потолком тихо лопнула ампула с газом. Ветка повалилась на пол. Остальные тоже потеряли сознание.

Пенемон был первым, кто пришел в себя; его руки сразу же потянулись к пульту. Находящаяся все еще под влиянием газа Ветка села и без видимой пользы попыталась остановить его. Сквозь нарастающий грохот двигателей, запущенных Пенемоном, Вилдхейт услышал ее слова. Они поразили его как удар грома, и он даже засомневался, правильно ли поступал, защищая Касдея и корабль.

— Вы глупцы! — бормотала девушка.— Разве вы не видите, что именно здесь они не могут причинить нам никакого вреда. Ведь это же так ясно. Вы же сами говорили, что...

Однако сделать уже было ничего нельзя. Именно в этот момент корабль покинул сферу, где логика Хаоса не действовала. Когда они выскочили из этого необычного пространства между Вселенными, Вилдхейт последний раз глянул на экран, который демонстрировал изображение догоняющей их яркой полосы энергии. Где-то на

границе скорости света мощная волна чистой энергии угодила в корабль, подхватила его и, закружив, понесла неизвестно куда. Удар был настолько силен, что даже Коул заверещал от страха.

То, что наступило потом, нельзя было описать. К проникающей вибрации, вызванной пересечением границы скорости света, добавилась новая, пластическая, вибрация. Вилдхейт допускал, что это был вид какого-то резонанса, возникающего на стыке Вселенных, по которому и скользил сейчас корабль. Ее сила грозила всем им смертью.

Возникающие в конструкции корабля напряжения стали раздирать его корпус на части. Переборки лопались, как скорлупа яиц, а металлические обломки обшивки разлетались во все стороны, как снаряды. В рубке все пульты и экраны двигались словно живые, все искривлялось и визуально деформировалось. Появились искры и дым, загорелась изоляция.

Вилдхейт почувствовал, как к его руке прикоснулась девичья ладонь.

— Помоги мне, инспектор. Там...— Ветка показала на пульт управления.

Он не знал, что она хочет сделать, но старался облегчить ей путь по разрушенной рубке управления, отодвигая в сторону разбитую аппаратуру.

Ветка закрыла глаза, концентрируясь, и на ощупь стала искать переключатели, управляющие двигателями. Это продолжалось до тех пор, пока она не проникла в Хаос настолько, чтобы точно знать, какие последствия вызовут ее действия. Ее ладони были в крови от ран, нанесенных вибрирующим покореженным пластиком пульта.

Наконец она нашла то, что искала. Отыскивая более постоянные узоры Хаоса, она медленно вводила корабль в более спокойные течения, чтобы, в конце концов, привести его в состояние полной неподвижности где-то в тихом, защищенном от бурь и ветров энтропии закутке пространства. В тот момент, когда операция закончилась, Касдей пришел в себя и, поднявшись, с трудом доковылял до пульта. Он послушно принял от нее управление, точно выполняя инструкции, и постепенно, по мере уменьшения толчков, выровнял корабль.

— Инспектор,— Касдей нахмурился,— я виновен в случившемся. Если бы я сразу послушал ее, мы избежали бы всей этой катавасии. И без нее вообще не

смогли бы выбраться из всего этого. Я не знаю, как она это сделала, однако наши жизни спасены благодаря ей.— Он резким движением схватил руку Ветки и поцеловал окровавленные пальцы.

— Я тоже ошибся,— согласился Вилдхейт.— Но она сама спровоцировала нас. Надо было все объяснить, хотя, я думаю, в той ситуации это не помогло бы. Ты уверена, что мы были там в безопасности?

— Конечно! Оружие Хаоса без катастрофической потенции, которой можно манипулировать, не является оружием в нашем понимании. Оно может быть применено только тогда, когда мы сами окажемся в ситуации потенциальной угрозы.

— Но, несмотря на это, что же тебя так испугало?

— Я увидела внезапный взрыв Хаоса в тот момент, когда Касдей ударился в панику. Однако я увидела кое-что еще.

— Что же?

— Окончательную катастрофу! Это нельзя описать словами, инспектор.

Пенемон присмотрелся к лежащему телу Гадреля.

— Он мертв! — В голосе его звучало удивление.— Я всегда считал, что его нельзя было побороть, а тем более убить. Интересно, как выглядит учитель этой девчушки, который обучал ее на Майо методам ведения рукопашного боя. Да, эта девушка действительно опасна.

— Я же предупреждал вас,— буркнул Вилдхейт.— Но я подозреваю, что это только начало будущих событий. Если бы я был одним из Ра, то поступил бы с нами гораздо более жестко.

Касдей при помощи оставшихся целыми приборов пытался проверить состояние корабля. Его выводы были удручающими.

— Корпус в более или менее хорошем состоянии, воздуха достаточно, однако это все. Почти вся аппаратура не работает, и, хотя двигатели не повреждены, я не решусь еще раз активировать их без контрольных приборов. Вся конструкция может развалиться при малейшем ускорении. Короче говоря, мы находимся в остове бывшего корабля, который принял свой последний бой. Мы можем рассчитывать только на очень скорую смерть.

— Это немного,— согласился Вилдхейт.— Кстати, в какой Вселенной мы сейчас находимся?

— В новой, судя по расположению звезд. Но невоз-

можно определить, в какой Галактике. Принимая во внимание угол, под которым мы пересекли границу, мы можем находиться в любой точке пространства.

— Каким же образом мы сможем вернуться к Оружию Хаоса?

— Это невозможно! На корабле можно лишь дотащиться в лучшем случае до пригодной для обитания планеты и провести там остаток жизни, пробуя организовать оборону на случай, если Ра когда-нибудь обнаружат ее. Существует еще одна возможность — вообще не попасть на пригодную для обитания планету и погибнуть где-нибудь в пространстве от рук Ра или своих собственных.

— Значит, сражение проиграно. И в первом, и во втором случае. Как ты считаешь, Ветка?

— Я не вижу возможностей каких-нибудь осмысленных действий. Узор Хаоса не указывает на след места в пространстве, где можно было бы укрыться. Поэтому я предлагаю подождать Ра. Только они будут нас искать и только они смогут нас найти.

— Ждать Ра? — воскликнул Касдей.— Ничто не утешило бы их так, как мы, да еще на борту разбитого корабля. Они бы с радостью избавились от нас.

— Не сейчас,— покачала головой Ветка.— Катализаторы Сарайя уничтожили уже много их кораблей. И мы наверняка заинтересовали их. Они пленят нас, а не убьют.

— Это еще хуже. Знаешь, как Ра относятся к своим пленным? Большой Гнев силен сейчас как никогда. Мы не за тем скрывались семь тысяч лет, чтобы оказаться в их лапах.

— У нас нет выбора!

— Разве? Мы можем запустить двигатели в закритический режим, и корабль погибнет в огне, захватив с собой много жизней Ра.

— Ну, принимая в расчет их численность, это был бы благородный, однако совершенно никчемный жест,— проговорил Вилдхейт.— Во всяком случае, если бы можно было так легко убрать нас из реакций Хаоса, они бы вообще не занимались играми с нами. Ветка права. Будем ждать Ра.

— Тебе легко так рассуждать, инспектор. Тебя не преследовали в течение тысячелетий. Мы намерены бежать как можно быстрее, а если нас настигнут, то будем сражаться до конца. Если ты не желаешь присое-

диняться к нам, то можешь возвращаться на свой спасательный бот и ждать, пока Ра не найдут вас!

— В этом и заключается предлагаемая тобой помощь?

— Будем реалистами. Помощь мертвых ни к чему!

— У меня есть задание. Я должен уничтожить Оружие Хаоса. Твой корабль не может доставить меня туда, преодолеть стык Вселенных может только корабль Ра. Поэтому я должен ждать их, а потом увидим, что делать дальше.

— Только вы двое, инспектор! Это мое последнее слово!

— Нет! Мы все! — Рука Вилдхейта легла на пояс с оружием.

Касдей напрягся, словно готовясь прыгнуть на субинспектора, однако тут же расслабился и ткнул пальцем в экран внешнего обзора.

— Дискуссия велась зря,— произнес он.— Они уже здесь.

На экране, который еще функционировал, четким строем летела дюжина огромных военных кораблей противника, а еще один находился так близко, что легко можно было рассмотреть все подробности его конструкции.

Касдей бросился к боевому пульту, но неподвижные стрелки приборов и погасшие лампочки ясно говорили сами за себя. Не было энергии!

Корабли Ра уже окружали их плотным кольцом. Они не торопились, видимо, зная, что корабль беспомощен. Затем вокруг корабля возник бледно-голубой кокон, который окружил их старый звездолет защитным полем.

— Что это? — поинтересовался Вилдхейт.

— Защитный энергетический экран,— ответил Пенемон.— Разбитый звездолет может взорваться в любой момент, поэтому-то они и парализуют экранами любые энергетические процессы на нашем корабле. Потом уже можно делать все что угодно, без опасения.

— Когда они установят контакт?

— Скоро. Поскольку им попалась богатая добыча, они не станут торопиться и будут тщательно обдумывать каждый свой шаг. Уж я-то хорошо знаю их привычки!

— А этот большой корабль? Для чего он?

— Не знаю. По сравнению со своими размерами он

очень слабо вооружен. Может быть, это научно-исследовательское судно.

Пока Пенемон говорил, корабли, образовавшие кольцо, испустили лучи, которые осторожно, но решительно потянули изуродованный корабль к гиганту. Открылся огромный люк, и показалась выдвижная причальная площадка. Изнутри гиганта вылетели такие же лучи и потянули звездолет еще интенсивнее. В момент касания площадки силовое поле исчезло. И Касдей тут же пробежал пальцами по пульту управления.

— Зря стараетесь,— покачала головой Ветка.— Узоры Хаоса в данный момент неизменны.

На экране внешнего обзора появилась группа Ра.

— Встречающие или экзекуторы? — спросил Асбель.

— Следователи! — ответил Касдей напряженным голосом.— Если бы они хотели уничтожить нас, то сделали бы это давно.

По корпусу их корабля что-то застучало, и динамики донесли голос. Языка Вилдхейт не знал.

— Они приказывают нам выйти без оружия,— перевел Касдей.— У нас в распоряжении две минуты. Потом они пустят парализующий газ. Должен сказать, что он вызывает страшные мучения.

— Симпатичные ребята,— прокомментировал эти слова Вилдхейт.

— Для Ра это необычно. Они привыкли сперва распылять газ, а уж потом предупреждать свою жертву. Поэтому пленных бывает мало.

— Значит, мы выходим,— решил Вилдхейт.— Нельзя заставлять гостеприимных хозяев ждать себя.

Все разделись донага. Ветка разоблачилась очень неохотно, только уступив взгляду Вилдхейта. Когда они выбрались из шлюза, Касдей высоко поднял руки и растопырил пальцы, показывая, что никакого оружия нет. Когда он подошел к ожидающим Ра, на шею и плечи ему опустился хомут, который зафиксировал руки и половину туловища в определенной позиции. Остальные подверглись точно такой же процедуре.

Прозвучал приказ, и Касдей перевел:

— Пошли. Каждый, кто будет выполнять команды нечетко, будет иметь неприятности.

— Как?

— Думаю, что эти штучки,— он указал на хомут на своей шее,— действуют на принципе иглоукалывания. Укол должен причинять жуткую боль и парализовать

определенную часть тела. Можно будет только молить о смерти, как о благе.

Касдей первым двинулся вперед, нырнув в дверь, скрытую в глубине шлюзовой камеры.

Они оказались в какой-то комнате. Вилдхейт по пути задумался, зачем пленников заковали в хомут, хотя было бы значительно проще применить наручники. Однако в этой комнате он понял, почему. Хомуты были прикреплены к металлической раме, которая тут же была поднята вверх. Головы людей оказались на одном уровне. После этого Ра вышли, и сейчас же из всех стен и потолка хлынули потоки жидкости. Удары струй заставляли людей дрожать, как марионеток.

— Что это? — закричал Вилдхейт, пытаясь перекричать шум воды.

— Смесь унижения с дезинфекцией.— Касдей с трудом раскрыл рот.— Сейчас будет еще интереснее.

Когда распылители перестали действовать, камеру начала наполнять светло-желтая жидкость. Ее уровень быстро повышался, температура воздуха становилась невыносимой. Жидкость издавала сильный неприятный запах, от которого першило в горле, затрудняя дыхание. Жидкость поступала под таким большим давлением, что на поверхности образовывались волны. Пленникам грозила возможность захлебнуться, когда уровень поднимется выше горла.

В результате очередного мощного подъема уровня жидкости они оказались накрытыми с головой. Хотя это продолжалось какие-то мгновения, людям все же показалось, что они утонут. Но жидкость тут же резко пошла на убыль, и Вилдхейт с удивлением заметил, что он и его товарищи оказались выкрашенными в золотисто-желтый цвет.

Однако и это было далеко не конец. Все еще в хомуте, Вилдхейт внезапно почувствовал, что пол камеры начал медленно вращаться. При свете целой батареи рефлекторов началось что-то вроде медицинского осмотра, напоминавшего экзекуцию. Людей исследовали с помощью зондов, причиняющих сильную боль, на которую реагировал каждый мускул их тел. Вилдхейт, пройдя исследования, с сочувствием подумал о Ветке, которой, без сомнения, причиняли такую же боль.

Вскоре процедуры закончились. Субинспектора провели в небольшое помещение, где ему выдали одежду желтого цвета, а хомут был зафиксирован в стене спе-

циальным зажимом. Он располагался на такой высоте, что пленнику приходилось становиться на цыпочки, чтобы голова не отрывалась от шеи. Касдей и Пенемон, позолоченные и смертельно уставшие, были подвергнуты таким же пыткам, что и Вилдхейт. Вскоре привели Асбеля и Джегуна, а несколько позже — и Ветку. Из всех присутствующих только она одна сохраняла спокойствие и уверенность. Она появилась перед мужчинами словно золотая нимфа, внося своим присутствием покой и отгоняя страх.

— Зачем они выкрасили всех нас в желтый цвет? — удивился Вилдхейт.

— Прежде всего потому, что это единственный цвет кожи, который для народа Ра является неестественным. Исторически это имеет связь с легендарными Желтыми Бестиями, которые в предыстории внесли в сущность Ра примитивные звериные инстинкты. С психологической точки зрения это располагает к совершению преступления. Ра не чувствуют угрызений совести, убивая желтую жертву. Факт, что они сами окрасили ее в желтый цвет, замалчивается и игнорируется.

— Присвой кому-нибудь злое имя, и ты можешь с чистой совестью его повесить,— заметил Вилдхейт.

— Ха! Ты будешь счастлив, если они повесят нас. Ра не любят давать поблажку своим врагам.

Глава 13

Через час гигантский корабль отправился в путь. Нарастающий гул двигателей, в конце концов, перешел порог слышимости. Вилдхейт подозревал, что они скоро перескочат стык Вселенных. Он был доволен этим, поскольку Ра доставят его поближе к Оружию Хаоса. Закованный в хомут, заточенный в стенах звездолета, он не мог себе представить, каким образом умудрится выполнить свое задание. Реакция Ра на действия Ветки и его самого доказывала, что им все же предназначалось нанести мощный, сокрушительный удар по империи Ра. А что может быть сокрушительнее, чем уничтожение Оружия Хаоса?

Он уже довольно долго чувствовал себя как-то неуютно, так же как и на корабле Касдея при приближении к порогу скорости света. На этот раз, однако, когда они проникали в структуру светового барьера, ощущения

были более сильными. Они стояли в очень неудобных позах, и это еще более усугубляло нестерпимую боль в каждой клеточке тела. Все почувствовали облегчение, когда огромный корабль наконец протиснулся между Вселенными и болевые ощущения исчезли.

Джегун, Асбель, Пенемон и Касдей сразу же были уведены стражниками.

— Что видно в узорах Хаоса, Ветка? — спросил Вилдхейт, закусывая губы.

— Окончательная катастрофа. Разум не в состоянии охватить ее величину. Это несчастье, при котором все остальное блекнет.

— Причиной ее является уничтожение Оружия Хаоса?

— Трудно сказать, но думаю, что нет.

— Что же это может быть?

— Узоры столь сложные, что их трудно прочесть. Знаю только, что это произойдет.

Вилдхейт задремал.

Время от времени он просыпался, чтобы увидеть, что Ветка не спит и спокойно наблюдает за ним. Он подивился ее внутренней силе, позволяющей ее организму функционировать, тогда как он, физически более сильный, был так измучен, что спал невзирая на все неудобства.

Его разбудил какой-то мужчина, видимо, врач. Он осмотрел плечо Вилдхейта, на котором сидел невидимый Коул, после чего стал заглядывать в свои записи, по-видимому, сравнивая их с увиденным. Он не нашел ничего достойного внимания, так как его осмотр был весьма поверхностен, и он не увидел сидящего симбиота.

Позже привели Касдея, хомута на нем уже не было. Физически этот человек не пострадал, однако глаза у него были такие испуганные, словно он пережил что-то, что полностью лишило его рассудка.

— Инспектор! Теперь твоя очередь. Твоя и этой девчонки. Я буду играть роль переводчика. Таким образом я выиграл пару часов жизни.

— А остальные трое?

— Они не представляли для Ра какой-нибудь ценности. Большой Гнев перерос сейчас в Большое Любопытство. Интерес к тебе и к этой девчонке, а также к той угрозе, которую вы представляете для Оружия Хаоса, пересилил желание немедленно покончить с вами. Они не

могут поверить в существование такого мощного каталитического эффекта, но, с другой стороны, не могут подвергнуть сомнению вероятность осуществления их собственных предсказаний.

— Скажи им,— отозвался Вилдхейт,— что я требую снять с нас эти хомуты!

— Они накажут вас даже за попытку подумать об этом,— возразил Касдей.

— Кроме всего прочего, скажи им также, что они должны информировать обо всем их командира!

— Зачем это тебе?

— Судя по тому, что ты рассказал, Ветка и я являемся для них чем-то вроде легенды. А хорошая легенда не должна умереть.

— Думаю, что мне сохранят жизнь, чтобы я смог пересказать ее,— неуверенно пробормотал Касдей.— Однако нужно попытаться.

Он повернулся к охранникам и стал что-то втолковывать им подробно и быстро. Наконец, один из них вышел. Вернулся он через десять бесконечно длинных минут. За ним шел Ра, видимо, высокого ранга.

— Ты доставил им беспокойство,— спокойно проговорил Касдей.— Хомуты они сейчас снимут.

— Отлично! Будь праведным переводчиком, Касдей. Переводи не только смысл слов, но постарайся передать им также и наше настроение. И ничему не удивляйся.

— Хотел бы я знать, что ты задумал, инспектор.

— Я хочу воспользоваться нашими козырями так, как только смогу. Именно этому и обучают инспекторов в школах. Тебе разве не казалось странным, что для того, чтобы остановить надвигающуюся войну, Федерация ограничилась посылкой одного-единственного человека?

Офицер высокого ранга, который пришел со стражником, внимательно следил за тем, как с Ветки и Вилдхейта снимают хомуты. Субинспектор, в свою очередь, присматривался к офицеру, выбирая план действий. Лицо Ра было изборождено глубокими морщинами, массивный, как скала, череп был покрыт волосами серостального цвета и, видимо, содержал в себе колоссальный интеллект. Этот Ра, без сомнения, был существом незаурядным.

Ветка и Вилдхейт были препровождены в обширное помещение с ослепительно белыми стенами. Им приказали стать на небольшое возвышение, находящееся в центре этой комнаты. Офицер сел за стол и подпер го-

лову рукой. Вооруженные охранники, по трое возле каждой стены, держали пленников на мушке. Касдей стал в стороне от линии огня, на случай, если спровоцированный инспектором Ра прикажет пристрелить пленников.

— С кем я говорю? — Вилдхейт сразу же перешел в атаку.

Офицер скривился, явно разочарованный.

— Перед тобой, земляшин, Командующий Флотом. Командор Закиль из Научного Общества Военных Сил Ра. Я специалист по Хаосу, субинспектор.

Касдей переводил очень точно, стараясь передавать каждую интонацию в голосе.

— Несмотря на это, мы найдем общий язык,— улыбнулся Вилдхейт, потирая подбородок.— Мы ведь также специалисты: Ветка — по Хаосу, а я — по обороне Федерации. Это удача для вас, командор, что вы проявили терпение: в противном случае, я имел бы все основания обижаться на ваше гостеприимство. Понимаю, что вам необходимо вести себя осторожно, однако должен сказать, что у вас совершенно отсутствует представление о том, что вы делаете.

— Ого? В самом деле? — Закиль рассмеялся.— Понимаю, ты отвергаешь то, что так разозлило тебя.— Касдей очень точно передал сарказм, звучавший в устах командора.

— Вовсе нет! — улыбнулся Вилдхейт.— Это была ошибка, которая пойдет нам на пользу. Желтые Бестии существовали и в нашей истории. Но мы все же не выросли из своих легенд. В результате из всех живых существ остались только они. Таким образом, вы помогаете нам представить себе не только своих предков, но и потомков. Поэтому получается, что мы выказываем покорность.

Закиль нахмурился. По его лицу пробежала гримаса гнева. Он посмотрел на Касдея, чтобы убедиться, что перевод был верен. Затем перевернул стопку лежащих на столе белых пластинок.

— Я не ожидал подобного. Ничто не указывает на мегаломанию или чересчур развитое желание умереть. Поэтому я прихожу к выводу, субинспектор, что ты играешь со мной. Это очень безрассудно с твоей стороны. Думаю, что ты еще пожалеешь об этом.

Жестом он подозвал стражников.

— Уведите инспектора,— приказал он,— и примените к нему что-нибудь такое, что собьет с него спесь и сде-

лает более послушным. Я хочу видеть его на коленях, просящего о пощаде. Заберите и девушку. Она была свидетелем этого разговора. Позже я продолжу начатое.

— Ты несносный глупец! — яростно закричал Касдей, тыча пальцем в лицо Вилдхейта.— Ты затронул его самое больное место, вспомнив о желтых существах. Или ты в самом деле посчитал, что он сможет снести это?

— Сейчас нет, однако вскоре да! — ответил Вилдхейт, когда они остались одни.— Но сначала нужно, чтобы он немного размяк.

Стражники вновь водрузили хомут на шею Вилдхейта и вывели его в соседнее помещение. Там хомут был закреплен в специальных захватах, а ступни зафиксированы в замках. Один из Ра, на вид специалист в этом деле, начал нагревать в термопочи длинный металлический стержень. Потом, повернувшись к жертве, он начал внимательно изучать ее бедра и плечи.

— Инспектор, советую сейчас же попросить о милости,— сказал скороговоркой Касдей.— Тогда, может быть, это кончится безболезненно.

— Заткнись! — приказал Вилдхейт.— Ты не поймешь это, однако все идет по плану.

— О, ангелы космоса! Если бы только знал, что они сделают с тобой!

— Это я хорошо знаю, но они не знают, что припасено у меня.

Ра-специалист схватил стержень, раскаленный добела, и приблизил его к глазам субинспектора.

— Ну, посмотрим, желтяк, сколько ты продержишься, пока не загнешься! Большинство выдерживает только три сеанса. Видишь, все искусство заключается в том, чтобы знать, где приложить эту штучку для достижения максимального эффекта.

— Я не советую тебе это делать,— холодно произнес Вилдхейт.

— Инспектор, заклинаю тебя во имя всех демонов космоса! — Касдей, охваченный ужасом, посмотрел на Ветку, ожидая ее поддержки. Однако лицо девушки хранило полное спокойствие.

Ра положил уже остывающий стержень обратно в огонь. Подержав его минуту, он быстро вытащил его и приложил к бедру субинспектора. Горящее тело зашипело, источая характерный смрад. Раздался душераздирающий вопль, но издал его сам Ра, когда стержень вонзился в его руку. Долю секунды он ошеломленно тара-

щился на него, пока до его мозга доходила невероятность случившегося. Это была ужасающая правда — стержень пронзил его руку и прожег в плоти огромную дыру.

Когда это окончательно дошло до его тупых мозгов, он завыл от ужаса и боли. Может быть, именно тогда мигнула и пропала фигура отвратительного существа, которое жило на плече субинспектора. Трудно угадать, понял ли палач то, что увидел, во всяком случае, он что-то крикнул на диалекте, которого не знал даже Касдей, и выбежал из комнаты.

— Спасибо тебе, Коул,— облегченно вздохнул Вилдхейт.— Ты сделал хорошую работу.

— Я обещал тебе, что скоро покину тебя. Но думаю, что время пока что не наступило.

В помещение ворвались трое охранников, а через порог в комнату заглядывал палач с перевязанной рукой. Двое Ра подошли к инспектору, а третий, опасливо, постарался зайти сзади.

— Они спорят из-за того, что сидит на тебе...— Касдей сам еще не понимал того, что произошло.

Два стражника тщательно осмотрели шею и плечи Вилдхейта. Конечно, ничего найдено не было, хотя Коул находился там, неуловимый и невидимый.

Палача стали уговаривать продолжать пытки, однако он отказывался, объясняя, что не может работать из-за сильной боли в руке. Тогда другой вытащил стержень и двинулся к Вилдхейту. Раненый палач быстро отошел в дальний угол комнаты, уверенный, что опять заметил дрожащий силуэт страшилища на плече землянина. Он закричал, протягивая вперед руку, чтобы предостеречь своего коллегу. Вилдхейт внезапно ощутил боль в плече. Но страх не охватил его. Он ждал необычайного.

Где-то в отдалении раздался шум, похожий на далекий грохот. Охранник с раскаленным стержнем остановился и помотал головой, словно этот грохот раздался у него в голове. Следующий звук был более громким и близким. Металлические стены камеры отозвались сильной вибрацией. Один из Ра выбежал из камеры узнать в чем дело.

Палач со стержнем двинулся вперед. А потом ударил гром. Что-то черное как бы взорвалось в камере, раздавая вокруг мягкие, но сильные удары. Печь, брызнув искрами, погасла, а стержень, который держал стражник, проткнул ему руку. Черная волна, или что-то в этом роде, оплела помещение крутящимися щупальцами. Какие-

то особые силы подняли вверх все незакрепленные предметы, которые начали с грохотом и звоном биться о металлические степы камеры в каком-то ужасном ритме. Затем силовая спираль, схватив все эти предметы, свалила их кучей в центре комнаты. Здесь оказались также и тела двух охранников. Их тела почернели, однако крови не было видно.

Охранник, который ходил смотреть причину грохота, остановился на пороге, ошеломленно вглядываясь в происшедшее в комнате. Он схватился за оружие, чтобы убить того, кого считал причиной всего этого хаоса,— субинспектора Вилдхейта. Голос, который принадлежал Закилю, отдал какой-то приказ. Но стражник покачал головой, не соглашаясь подчиниться, и выстрелил. И случилось странное. Оружие выстрелило ему прямо в лицо. Он рухнул, заливая кровью металлический пол комнаты. В дверях стоял Закиль, боясь переступить высокий порог. В его глазах отразилось глубокое уважение, когда он попытался осмыслить увиденное.

— Для скованного человека ты обладаешь большой силой.— Касдей должен был побороть изумление, чтобы правильно переводить.

— Ну что ж,— сказал Вилдхейт.— Вы можете увидеть, что произойдет, когда у меня будут свободные руки.

Словно в доказательство его слов хомут на шее лопнул и разлетелся на мелкие куски, а сковывавшие руки наручники превратились в браслеты. Замки, в которых находились его ноги, рассыпались, превратившись в пыль. Субинспектор при этом не пошевелил и пальцем.

— Достаточно? — спросил он.— Может быть, показать еще что-нибудь?

— Думаю, что ты уже доказал все что надо, инспектор. Что за существо живет у тебя? — Командор не смог скрыть своей заинтересованности.

— Как я уже говорил, командор, я представляю ваших предков и потомков. Я одно из желтых существ, которые раздражали вас в прошлом, раздражают в настоящем и будут беспокоить в будущем.

Закиль, покачивая головой, провел Вилдхейта в большую белую каюту. Там он усадил субинспектора в кресло, а сам остался стоять возле стола. Стоявшие по углам стражники нервно переступали с ноги на ногу, однако нацеливать оружие на Вилдхейта не отваживались. Видимо, они уже были наслышаны о судьбе своих товарищей, которые пытались причинить вред субинспектору.

Вилдхейт внимательно наблюдал за офицером.

— Я понимаю, что еще не убедил вас, командор. Это неосмотрительно с вашей стороны подозревать меня, хотя и бездоказательно, каким образом я сделал это. Что бы вы сказали на еще один пример того, какая большая разница в классе разделяет нас.

— Это сумасшествие.

— У вас есть люди, тренированные для рукопашного боя?

— Да, и много.

— Назначьте троих, которые рискнут начать рукопашный бой. И пригласите еще человек пятьдесят из экипажа в качестве свидетелей. Это шанс для вас. Только так можно уничтожить рождение новой легенды.

— Только трое против тебя и твоей магии, инспектор? Это ловушка, в которую ты меня заманиваешь! — Закиль задумался.

— Вовсе нет! Я предлагаю троих парней против моей девушки.

— Насколько я знаю, она не располагает легендарным оружием субинспекторов...— Глаза Закиля выражали сомнение. Он посмотрел на стражников, которые с интересом прислушивались к разговору, делая вид, что не слышат ни единого слова.— Но если я не соглашусь, то явно поддержу легенду. Я согласен на твой блеф, инспектор. Поединок проведем так, как ты говорил. Поскольку я не знаю, что ты хочешь этим достигнуть...

— Спросите, что вам придется потерять, если моя девушка одолеет троих ваших парней, командор. Ты согласна, Ветка?

Когда их взгляды встретились, она была спокойна и попыталась скрыть лукавое выражение лица, однако ей все же не удалось погасить ухмылку.

— Ты старый хитрый лис, инспектор Джим,— прошептала она.

— Я должен учитывать общество, в котором мы находимся.

— Хитрый или нет,— пожал плечами Закиль,— но на этот раз вы падете жертвой своего же шантажа.

Командор позвал офицера и отдал ряд приказов. Вскоре собранные люди начали формировать шеренги. Неудержимое веселье от такого неожиданного развлечения сдерживалось только присутствием строгого Закиля. Когда все разместились вдоль стен — по оценке Вилдхейта, их было не меньше сотни,— командор приказал выйти бой-

цам. У них были крупные мускулистые тела, однако легкие шаги борцов свидетельствовали об их быстроте и мгновенной реакции. Смеясь, они шутили между собой, держа пари, как быстро умрет эта Желтая Бестия женского пола.

Ветка стояла в центре низкого круглого возвышения, спокойно наблюдая за приближающимися мужчинами. И только ее глаза говорили о сильном внутреннем напряжении. Это как-то повлияло на противников, которые задержались перед ней. Закиль крикнул, подстегивая борцов.

Один из них вспрыгнул на возвышение, делая движения руками, скорее стараясь схватить девушку, чем ударить ее. Это было полным идиотизмом с его стороны, за который он тотчас же поплатился.

Ветка безжалостно остановила его. Она сделала неуловимое движение руками и, используя прыжок противника, подбросила его вверх, а затем ударила его телом о край возвышения. Парень соскользнул вниз и застыл неподвижно с переломанным позвоночником. Над рядами Ра пронесся вздох ужаса. Оставшиеся двое бойцов, оценив степень опасности, грозящей смертью, мгновенно протрезвели. Забава, на которую они рассчитывали, потеряла свою привлекательность и оказалась борьбой не на жизнь, а на смерть. Они коротко посовещались между собой, потом один двинулся вперед, приняв боевую стойку. Ветка внимательно следила за ним. Положение ее тела и весь вид говорили о том, что она не готова к обороне.

Но нападавший Ра не дал обмануть себя. Внезапно он сделал прыжок и нанес один-единственный удар, который должен был убить ее.

Страшный удар этот, однако, попал в пустоту. А девушка оказалась возле него, за ним, вокруг него, исполняя какой-то фантастический танец, хореография которого строилась на предупреждении и угадывании движений противника. Сбитый с толку, совершенно дезориентированный и злой из-за того, что не может сделать ни единого верного удара, Ра неосторожно раскрылся. Последовала короткая серия похожих на пчелиные укусы ударов, которые он не мог отразить, что привело его в бешеное состояние. После этого девушка покрыла ударами все его тело. Ее же противник бил на ощупь, ослепленный этими точными ударами.

Тем временем последний из бойцов непрерывно кружил

вокруг, пытаясь оказаться за спиной Ветки. Он выжидал, стремясь нанести удар сзади. Такая тактика вызывала гневные комментарии у Ра, стоящих возле стен. Но мастерское, толковое избиение Веткой человека убеждало кружащегося вокруг Ра в правильности выбора такого способа ведения боя. Внезапно он сделал выпад локтем, пытаясь ударить Ветку в позвоночник. В быстром смешении борющихся никто не смог заметить, что же произошло. В результате один из противников Ветки оказался лежащим у ее ног, изо рта его текла кровь, второй же, со странно вывернутыми руками, убегал с возвышения сломя голову.

Вопль его товарищей разнесся в воздухе и остановил беглеца. Ветка подняла руку вверх, и тут же наступила мертвая тишина. Она молча указала пальцем на дезертира. Это было позором, что он убегал от Желтой Бестии. Но если бы он продолжил бой со сломанными руками, то наверняка погиб бы. Однако всеобщее презрение было ужаснее. Неуверенными шагами он двинулся обратно к Ветке, и она одним ударом, почти неуловимым для человеческого глаза, сломала ему гортань.

Глава 14

На лице Касдея, стоящего рядом с инспектором, отразилось замешательство, смешанное с облегчением.

— Я вообще не понимаю, зачем ты подвергал риску девушку?

— Риск невелик, Касдей. Вспомни, что она сделала с Гадрелем! Ведь Дабрия лично учил ее, и она знает, какие удары можно наносить и какие отражать.

— Да, но одна против троих...

— Это неважно. Она обладает одним большим преимуществом, которого нет у Ра. Она может предугадать время и точное положение руки или ноги во время удара и даже предвидеть то решение, которое примет ее противник. В сравнении с ней Ра были просто слепыми. К тому же Ра являются убийцами благодаря тренингу, а Ветка приобрела эти способности инстинктивно. Думаю, что когда-нибудь она попытается убить и меня.

Командор Закиль, лицо которого исказилось от гнева, взял Вилдхейта под руку. Люди, наблюдавшие за поединком, смешались, сбились в кучу, стали спорить, выказывая симпатии к этой Желтой Бестии.

— Инспектор! Берите девушку и идите за мной! — приказал Закиль.— Я хочу кое-что сказать вам.

Вилдхейт подал знак Ветке, чтобы она присоединялась к ним.

Несколько охранников двинулось было за ними, однако Закиль остановил их нетерпеливым взмахом руки, и они быстро пошли по коридорам. Вскоре они вошли в большую, хорошо обставленную каюту. Командор захлопнул дверь и гневно заговорил, обращаясь к Вилдхейту:

— Мы должны договориться с вами, инспектор. Возможно, у вас есть нечто, защищающее вас, возможно... Да, можно даже предположить, что убить вас невозможно. Но, что касается лично меня, я бы все же попробовал. Согласно нашим вычислениям Хаоса вы являетесь самыми мощными из известных катализаторов. Я свидетельствую, что сила вашего взаимодействия абсолютно несоизмерима с силой двух нормальных людей. Однако это индивидуальное преимущество является всем, чем вы располагаете. Вся эта болтовня о Желтых Бестиях является ложью, чистым вымыслом.

— Вы можете верить или нет,— кивнул Вилдхейт.— Тем не менее, я готов поспорить, что среди нижних чинов вашего корабля легенда уже начинает обретать новую жизнь. В каждой культуре существует тайное поклонение своим божествам, поскольку человек никогда не сможет сравниться со своим богом.

— Ага! — Закиль тотчас вступил в спор.— Я считал, что это какая-то социологическая несуразность. А тем временем вы доставили мне много неприятностей. Вы заразили моих людей страхами и подорвали дисциплину, которая всегда царила на корабле. Вы оказываете губительное влияние, которое нельзя остановить, и я прихожу в бешенство от того, что тебя нельзя ликвидировать. Нужно будет провести большую работу, чтобы уничтожить результаты действия такого катализа.

— Конечно, это дилемма,— поддакнул Вилдхейт.

— Это серьезно, но вскоре мы разберемся и с этим. Я хочу проанализировать твои способности на палубе моего корабля. Я переведу вас на научную станцию по изучению Хаоса, там дисциплина не на высоте, и вы не очень повлияете на нее. Если вы будете работать с нашими учеными, то мы сохраним вам жизнь. Однако, если вы будете продолжать свои штучки, мы уничтожим вас, невзирая ни на что! Предупреждаю вас, инспектор, оставайтесь в этой каюте и не пытайтесь давать представле-

ний, потому что я лично прослежу, чтобы вас выбросили в пространство как мусор.

Командор вышел, хлопнув дверью. Вилдхейт пожал плечами и начал ходить по каюте, исследуя ее обстановку.

— Я говорил тебе, Касдей, что все будет по-моему?

— Я был бы счастлив, если бы узнал, что это значит «по-моему». Не только простые Ра пережили сегодня несколько потрясений. Еще не было пленников, которые оказались закрытыми в каюте командора. Это свидетельствует о впечатлении, которое вы оказали на Закиля. Я очень хотел бы услышать, как он попытается защититься от Желтых Бестий.

Вилдхейт внимательно разглядывал какой-то пульт. В его верхней части был смонтирован шестигранник, похожий на экран.

— Ты сможешь это включить? — спросил он Касдея.

— Немного сложно, но символы инструкции достаточно простые. Что ты хочешь увидеть?

— Может ли этот экран показать изображение из навигаторской рубки?

— Зачем?

— Я хочу знать, где нас хотят оставить.

— Мы наверняка попали в стык между Вселенными, однако не перешли на ту сторону. Скорее всего, мы находимся между двумя Вселенными. Единственной верной является информация, что нас доставят на научную станцию.

— Почему ты так решил?

— Закиль говорил об изоляции там, где дисциплина не очень поддерживается. Скорее всего, это космическая станция, а не исследовательская база на какой-нибудь планете.

Во время этого разговора Касдей регулировал пульт командора. Он включил уже несколько изображений, показывавших внутренности корабля. Затем он включился в банк информации. Наконец, появилось изображение звездных систем с границ Вселенных.

— Не на что смотреть, хотя это и не означает, что там ничего нет. Космическая станция — это очень маленький объект.

— Какую ширину имеет стык Вселенных?

— Пенемон мог бы объяснить это лучше меня. Я же могу сказать только так — границы стыка ограничены скоростью, а не размерами. Это необычайно загадочное место.

Вилдхейт сел за пульт и уставился в пустой экран, пытаясь понять, что же он показывает. На экране не было ни малейшего движения, и только в сознании субинспектора огромный корабль мчался с чудовищной скоростью к какой-то далекой точке, которую пока что нельзя было увидеть. Временами ему казалось, что становится видимой полоска света, но это были просто блики света на экране. Наблюдение за экраном становилось все более утомительным и никчемным. Субинспектор устроился поудобнее в кресле. Его внимание ослабло, и, в конце концов, Вилдхейт погрузился в легкую дремоту.

Разбудил его вой аварийных сирен. Его взгляд упал на экран, он мгновенно вскочил с кресла и позвал Ветку и Касдея.

— Идите сюда и посмотрите, куда мы попали! — закричал он.

Глазам наблюдавших открылась фантастическая картина конструкции Оружия Хаоса. Подробности конструкции с каждой секундой становились все четче по мере того, как их корабль подлетал ближе.

— Что ж, это удачное стечение обстоятельств!

— Я не верю в то, что мы счастливчики,— возразил Касдей.— Мы должны подумать над этим. Факт, что научная аппаратура находится в непосредственной близости от мощного оружия, не имеет существенного значения.

На границе Вселенных не проявляются никакие физические явления: это спокойное состояние материи, благодаря которому можно точно изучить изменения Хаоса. Подозреваю, что Закиль поэтому и ведет свой корабль по стыку.

Они помолчали, чувствуя уважение к громаде Оружия. Прошло несколько часов, в течение которых между кораблем и одним из спутников, круживших вокруг реактора, выглядевшего как гигантский диск, сновали челноки. В каюту принесли еду. Принесли также скафандры, которые наполовину скрыли желтый цвет кожи.

Субинспектор долго рассматривал подробности Оружия Хаоса. Касдей показал, как регулировать изменение изображения, пользуясь телеоптикой, чтобы охватить все сооружение целиком.

Конструкция Оружия была невероятной, но еще более захватывающей была работа этой конструкции. Вся система, включая в себя и расстояния между составными частями, имела около двухсот пятидесяти километров в

длину. Сейчас Оружие не функционировало. Была видна внутренняя часть огромного стержня, в который вливалась звездная материя, сжимаемая спиральными полями в жгут. Материал, из которого все было построено, немного выщербился из-за постоянно текущей звездной плазмы.

Закиль, вернувшись, застал Вилдхейта сидящим за пультом и захваченным зрелищем, разворачивающимся на экране. Закиль покачал головой.

— Если мы еще когда-нибудь захватим корабль с субинспектором на борту, я отдам приказ тут же уничтожить его. Думаю, что еще одну такую встречу я не переживу. Инспектора и девушку мы передаем на научную лабораторию по исследованию Хаоса,— обратился он к Касдею.— Там займутся исследованием их способностей. Вы будете выполнять обязанности переводчика и таким образом, может быть, получите отсрочку приговора.

— Понимаю,— произнес Касдей громовым голосом.

— Я не думаю, что вам удастся бежать. Бежать попросту некуда. Шансы выжить у вас прямо пропорциональны степени сотрудничества с нами. В шлюзовой камере вас ждет челнок. Собирайте остальных и давайте на посадку.

Касдей, слегка ошеломленный неожиданно свалившейся свободой, двинулся за своими людьми. Вскоре они все собрались у входа в шлюзовую камеру. Их сопровождали Закиль и два охранника. Через несколько минут челнок стартовал в космос, производя сложные маневры для уравнивания скоростей своей и спутника, расположенного в кольце, опоясывающем Оружие Хаоса.

Маневр выхода на новую орбиту был выполнен блестяще. Вскоре они уже ступили на обширную палубу стального мирка станции. Тянущиеся бесконечные коридоры привели их в гигантский зал, набитый аппаратурой, назначение которой было абсолютно неизвестно субинспектору. Стало еще раз ясно, что наука Ра шагнула далеко за пределы достижений ученых Федерации. Осмотр лабораторий и помещений обслуживания, с точки зрения конструкции и их приспособленности к потребностям человека, оставил впечатление чего-то футуристического.

Ветка, Вилдхейт и Касдей были отделены от троих своих спутников и проведены в обширный зал, заполненный рядами сидений, который напоминал театральный зал в виде амфитеатра. За полукруглым столом, находив-

шимся в самом низу, сидела группа людей. Субинспектору, Ветке и Касдею приказали стать перед столом.

Один из Ра встал и внимательно посмотрел на Вилдхейта.

— Ты знаешь, почему тебя привели сюда, субинспектор? — внезапно задал он вопрос.

— Конечно. Я здесь за тем, чтобы уничтожить вас!

Среди собравшихся поднялся шум. Закиль покачал головой.

— Откуда такая уверенность, что тебе удастся уничтожить нас?

— Это записано на узорах Хаоса.

— Узоры можно интерпретировать по-разному. Существуют различные способы манипулирования и подстановки, благодаря которым выполняется выравнивание Хаоса без предварительного предсказания.

— Однако не в этом случае!

— На каком основании ты так считаешь?

— Поскольку вы стоите перед лицом катастрофы,— произнес субинспектор, поглядывая на Ветку.— Это будет катастрофа, перед которой бледнеют все остальные несчастья. И ничего нельзя ни изменить, ни подставить. От вас все равно ничего не останется.

Наступило долгое гнетущее молчание. Потом заговорил один из Ра.

— Можешь верить мне или нет,— начал он,— но наше предсказание совпадает с вашим, однако у нас есть много данных об изменениях разных интерпретаций, и мы намереваемся использовать их.

— Тонущий хватается за соломинку,— усмехнулся Вилдхейт.

— Не скажи. У тебя есть необычная сила, катализатор Хаоса. И мы понимаем, что убийство тебя не прервало бы катализа. Смерть такого человека скорее ускорит реакцию. Поэтому мы намереваемся проводить на вас анализ Хаоса, чтобы определить характер ваших способностей и управлять катализом так, чтобы уменьшить размеры разрушений.

— Это вам не удастся,— возразил Вилдхейт.— Узоры уже сложились, и в них нет будущего для Ра.

— Несмотря на это, мы впишем в них что надо, инспектор. Собственно, мы узнаем у вас, как это сделать. Благодаря тому, что мы исследуем вас, мы не только сможем продолжить наше существование, но и изменить всю

нашу историю. Думаю, что теперь нам лучше заняться практикой, поскольку время идет, а у нас очень много работы.

Клетка, в которой находился Вилдхейт, была сделана не только для того, чтобы заточить человека, но и как лифт, с помощью которого можно было переносить пассажира, то есть его, в один из залов, набитый всевозможной аппаратурой. Закрытый в этой шаровидной клетке, он был высоко поднят в воздух. На ум невольно приходили средневековые способы пыток. Один из них заключался в том, что человека поднимали в клетке и оставляли висеть там, чтобы он постепенно погибал от жажды, голода и холода, становясь добычей стервятников. Место, предназначенное для клетки с Вилдхейтом, было менее прозаическое.

В гигантском блоке со сторонами в пятьдесят квадратных метров, сделанном из какого-то прочного материала, находилось выпускное отверстие. Под прямым углом к стене между противоположными сторонами шестигранника был проложен круглый туннель. Клетка осторожно опускалась на дно колодца до того места, где туннель пересекался с ним. Шарообразная клетка устанавливалась по оси вращения в трех измерениях. Внутрь доходил лишь слабый свет извне. Во время короткого спуска субинспектор заметил на концах туннелей излучатели, которые, вероятнее всего, должны были зондировать содержимое клетки и регистрировать полученные данные.

— Слышишь меня, инспектор? — Раздавшийся голос эхом отозвался в стенах туннеля.

— Кто это?

— Пенемон. Я буду твоим переводчиком.

— Что они намереваются сделать со мной?

— Ты будешь изолирован, насколько это возможно, от излучающего воздействия энтропии. И тебя подвергнут изменениям энтропии, чтобы определить твои свойства. Они надеются, что смогут очертить границы характера твоего каталитического воздействия.

— Что же это даст им?

— Не знаю. Если Сарайя хорошо выполнил свою работу, то настоящим катализатором является сама станция, а ты — всего лишь посредник, да, именно так. Думаю, что Ра боятся признаться себе в этом, хотя это и не препятствует доказывать им обратное.

— Будет больно?

— Это зависит от поля, которое они применят, и от результатов, которые они получат.

— Скажи им, чтобы поторопились, потому что в этой клетке для попугаев мои мышцы деревенеют и я их уже почти не чувствую!

У Пенемона не было возможности ускорить действие программы, поскольку аппаратура начала действовать тотчас же. Сначала подул сильный ветер, засвистевший в туннелях и колодце. Вилдхейт оказался в самом центре миниатюрного урагана. Ветер с ревом проносился через прутья клетки. Затем начались световые эффекты. На концах туннеля появилась красная пульсация. Непрерывное гудение сигнализировало об очередной фазе исследований, в результате чего в глубь туннеля были выпущены пучки каких-то излучений, сконцентрированных на субинспекторе.

Вилдхейт не знал характера излучения. Некоторое время он ощущал сильное тепло. Затем его поразил электрический разряд. Волосы у него поднялись дыбом. Решетка клетки начала искрить. Человек отодвинулся как можно дальше от стенок, однако искры пролетали между пальцев, срывались с ушей на шею, с носа на подбородок.

— Как дела? — спросил обеспокоенный Пенемон.

— Когда жарится мясо, хороший повар обязательно добавляет соус. Скажи им, чтобы они немедленно выключили эту свою штуку, иначе через мгновение я зажарюсь заживо!

— Я попробую.— Голос Пенемона звучал очень неуверенно. Очевидно, ему удалось передать эту просьбу, так как откуда-то из глубин донесся громкий звук и электрический разряд исчез.

— Спасибо! — крикнул Вилдхейт.— Тебе удалось убедить их.

— Это не я, ты сам сделал это,— возразил Пенемон.— Когда они начали изучать будущее, твой показатель Хаоса возрос и стал стремительно уходить в бесконечность. Его увеличение было таким сильным, что они не смогли остановить действие поля и это стоило потери ценной аппаратуры. Закиль сходит с ума и считает, что ты это сделал специально, чтобы позлить его.

— Что из этого следует?

— На основании результатов, которые до сих пор я видел, думаю, что твое предсказание относительно пред-

стоящей катастрофы остается в силе. Это не все: предсказание говорит, что в момент взрыва ты окажешься где-то вблизи его эпицентра. Это доказывает существование ситуационного катализатора, а ты являешься посредником, который вызывает реакцию. Мы не все здесь пришли к согласию касательно характера катастрофы и ситуации, в которой она произойдет.

— Я хотел бы получить немного информации. Они намереваются вытащить меня отсюда?

— Еще нет. Они пытаются смонтировать какое-то новое контрольное оборудование, чтобы провести еще несколько проб с изменением некоторых параметров. В одной точке временного исчисления события абсолютно не вяжутся с первоначальными предсказаниями. Относительно тебя катастрофа должна произойти в течение нескольких дней, тогда как они считают, что это дело лет. Если ты окажешься прав, а они ошибаются, то очень немногие Ра имеют какие-либо шансы увидеть новую Вселенную.

Глава 15

Они разместились в одном из крыльев станции, где их ожидал неожиданный сюрприз — одноместные каюты и общая кают-компания. Охрана носила чисто символический характер. Кроме редких приходов звездолетов с продовольствием, никаких шансов на побег больше не было. За исключением нескольких особо охраняемых зон они могли свободно передвигаться по всей станции. И Вилдхейт отлично пользовался этим.

Использование четырех ренегатов Ра в роли переводчиков означало, что на практике они имели доступ к данным экспериментов. Одновременно они располагали достаточным количеством свободного времени, чтобы изучить станцию и ее связь с Оружием Хаоса. Ценнейшей информацией оказалось то, что здесь, на станции, программировалось действие Оружия и выбирались объекты для обстрела. Но системы управления Оружием контролировались другой станцией, находящейся неподалеку. Сообщение между орбитальными станциями осуществлялось только через коммуникационные системы, и никогда обслуживающий персонал станций не совершал дружественных визитов друг к другу. Это усложняло план Вилдхейта, который пытался устроить диверсию.

Тем временем напряжение среди технического персонала росло. Согласно подозрениям Пенемона подтверждалось то, что катализатором Хаоса был сплав ситуаций, а субинспектор играл роль всего лишь посредника. Проводимые ими тесты все ясней и ясней указывали на существование причинной связи между Вилдхейтом и окончательной катастрофой. Существовали, однако, большие расхождения между временными предсказаниями, выполненными Вилдхейтом, и анализом Хаоса, сделанным Ра.

Тем не менее, Ра пережили минуты триумфа, когда посвятили свое внимание Ветке. До сих пор ее рисунок Хаоса оставался точно таким, как и их, и ничто не указывало на надвигавшуюся катастрофу, а тем более, что она является ее катализатором. То, что вызывающий их страх катализатор Хаоса делится на две неодинаковые составляющие, было учтено в их новых исследованиях, и они все сильнее убеждались в том, что проблема вот-вот будет решена.

Касдей изменил свое представление о Ветке. Его злило то, что она охотно работала с Ра во время тестирования, а также то, как она дискутировала с техниками по поводу результатов исследований. Когда он укорил ее за это, она отделалась ничего не значащими замечаниями и перестала обращать внимание на него. Если бы Закиль не помирил их, то, без сомнения, вскоре произошел бы окончательный разрыв.

Во время, отведенное для отдыха, прибыла группа охранников, которые забрали с собой Ветку, Асбеля и Джегуна и переправили их на грузовой корабль, пришвартовавшийся к одному из шлюзов. Их отослали в неизвестное место, оставив Вилдхейта, Касдея и Пенемона в отчаянии и гневе.

Вместе с отлетом Ветки у них отобрали ключ, благодаря которому они намеревались осуществить свои планы. Внезапно вся затея показалась им никчемной, а перспектива быстрого приближения катастрофы — менее реальной, чем стопки диаграмм, из которых вытекало, что произойдет она в более отдаленном будущем.

Они не были уверены, что это разделение происходило из результатов исследований или было замыслено. Визит Закиля еще больше усилил их разочарование. Он был в радостном настроении.

— Наша миссия подходит к концу! — сообщил он.— Я уже вызвал полицейский корабль, который должен будет забрать вас на военную базу. Касдей и Пенемон пред-

станут перед военно-полевым судом за участие в действиях, спровоцировавших Большой Гнев, а также в других занятиях, приведших к измене. Что же касается тебя, инспектор, сопротивление вызовет только ускорение приближения твоей смерти.

— Я удивляюсь, зачем вам все эти трудности? — пожал плечами Касдей.— Военная база находится далеко отсюда. Есть ли смысл отправлять нас туда только за тем, чтобы вынести смертный приговор?

— Ты не понимаешь существа дела. Сейчас, когда тень, висевшая над нами, прояснилась, показательный процесс над вами будет одним из самых интересных за всю историю цивилизации Ра.

— А что, разве тень развеялась? — быстро среагировал Пенемон.

— Осталось оценить кое-какие мелочи, однако уже нет проблем с решением всей задачи в целом. Девушка с Майо демонстрируют исключительную быстроту реакций, проявляющуюся еще активнее с тех пор, как она была отделена от инспектора. Без ее помощи мы никогда не продвинулись бы так далеко за столь короткое время.

— Интересно, за какую цену вы купили ее помощь? — внезапно спросил Вилдхейт.

— Это не твое дело! Впрочем, если тебе это интересно, за обещание освободить планету Майо от гнета Федерации.

— О, черт! Я должен был предвидеть такое! — Вилдхейт почти смеялся.— Командор, вы еще убедитесь, что выторговали самое худшее, что могло бы быть.

— Нет ничего такого, что не смогла бы уладить пара лучеметов,— цинично возразил Закиль.

— Вам не кажется, что Ветка предусмотрела и это? О нет, командор, даже дьявол подумал бы, прежде чем доверять кому-либо из Чувствователей.

— Ты разочаровываешь меня, инспектор. Я отдаю тебе дань уважения, как человеку дельному, но, тем не менее, проигравшему эту игру. Не порть представление о себе разыскиванием дырки от бублика. Больше мы не планируем никаких исследований. Можешь отдыхать до прибытия полицейского крейсера.

Когда командор покинул станцию, Вилдхейт собрал своих сообщников.

— Что-то здесь не сработало,— начал он.— Пенемон, ты видел результаты последних тестов? Что могло говорить об изменениях в узорах Хаоса?

— Ничего. Две цифры, правда, могли привести к изменению исчисления времени.

— Какую же тогда игру затеял Закиль? Он неглуп, чтобы строить свои расчеты на Ветке. Из предсказаний Хаоса они никогда не узнают, лжет ли она или нет.

— Как думаешь, куда они забрали их?

— Скорее всего, они находятся на соседней станции управления Оружием.

— Значит, там провели дополнительные исследования,— сказал Пенемон.— Не исключено, что они нашли еще кое-что. Однако я подозреваю нечто другое. Думаю, что девчонка показала им методику предсказаний, благодаря которой они узнали, что относящиеся к тебе уравнения Хаоса могут исполниться, если только уничтожить тебя. Результат ошеломляющий, не так ли? Но, тем не менее, имеющий локальное значение. Другими словами, то, что сейчас произойдет, не означает мировой катастрофы, а катастрофу, касающуюся только одного инспектора Вилдхейта.

— Сомневаюсь, что можно было бы сделать что-либо подобное,— начал запираться Касдей.— Так или иначе, высвободится слишком много энергии. Если, например, в этот момент высвободится вся энергия находящихся на станции устройств, то наверняка будут уничтожены и все близлежащие станции. Если Ветка находится на какой-то из них, то она, без сомнения, погибнет.

— Ты ошибаешься! — возразил Пенемон.— В районе стыка Вселенных следствие подлежит пространственному ограничению. Эта станция может погибнуть, а вот другая, пускай даже на расстоянии в метр от нас, останется целой. Здесь не существует внезапного обмена энергиями.

— Разве это возможно, чтобы они спланировали нечто подобное? Допустим, однако, что в действительности они намереваются уничтожить станцию вместе с инспектором, чтобы добиться энтропии, которая выровняет Хаос.

— Да, этого вполне бы хватило.

— Значит, можно считать, что окончательная катастрофа может произойти именно здесь, на станции.

— Поэтому нам нужно всеми силами стремиться убраться отсюда! Если это не было предсказано Хаосом, взрыв будет заменен чем-нибудь другим. Самое разумное решение — это похитить корабль Ра и добраться к краю стыка в старую Вселенную. И пускай там, где-нибудь в самом центре флотилии Ра, выполняющей разбойничье нападение, нас постигнет катастрофа.

— Я полностью поддерживаю этот план,— кивнул Пенемон.— Да, именно так, хотя в этом есть слабое звено. У нас нет доступа к кораблям.

— А этот полицейский корабль, который вот-вот должен явиться сюда? — предположил Касдей.

— Интересно, правда ли это? — Пенемон погрузился в размышления.— Если они намереваются уничтожить нас, то нет ни малейшего смысла присылать сюда звездолет. Если он и прилетит, то никого не будет забирать. Но если же корабль появится, чтобы отвезти нас, то, значит, мы ошиблись относительно их планов.

— Здесь мы не можем ошибаться! Никаким другим способом нельзя объяснить разницу между установкой времени катастрофы инспектором и Ра.

— Это парадокс! Думаю, что малышка смогла бы его объяснить.

— А я начинаю сомневаться, не Ветка ли имеет отношение к нему? — заявил Вилдхейт.— Она умеет предсказывать линии Хаоса в реальном времени. Ра требуется несколько мегатонн аппаратуры и масса времени для того, чтобы рассчитать хотя бы ничтожную часть данных, которые она может получить, едва взглянув на узоры Хаоса. Она может разбить их наголову, если захочет!

— К чему это ты клонишь, инспектор?

— Что было бы, если бы все представление смонтировал не Закиль, а Ветка? Что если она использует как Ра, так и нас для своих собственных целей?

— Ты далеко заходишь в своих выдумках...

— Я никак не могу отделаться от подобных мыслей. Она поторговалась с Закилем и получила заверения, что Майо будет освобождена от влияния Федерации. Хотя эта планета никогда и не зависела от нас. Майо сама обрекла себя на изоляцию. Чего же хочет достигнуть эта девчонка, пытаясь выторговать то, что ей не нужно?

— Не знаю,— произнес Касдей обеспокоенно.— Однако думаю, что мы чувствовали бы себя более спокойно на борту корабля где-нибудь в глубоком космосе. Сейчас уже всем нам нечего терять. Невзирая ни на что, теоретически мы все уже давно мертвы. Поэтому начинаем искать пути для того, чтобы убраться отсюда.

Допустив, что прилет полицейского крейсера не ловушка, они составили отчаянный план, который требовал точности действий. Техники Ра, закончив исследования, вернулись к своим будничным заботам, а охрану пленников поручили небольшому отряду военных. Сообщники

получили доступ во все уголки станции, за исключением особо охраняемых. Воспользовавшись этим, они занялись более тщательным изучением особенностей конструкции станции и ее механизмов, обратив внимание на блок, содержащий аппаратуру связи, а также механизмы шлюзовых камер, ведущих на причал.

Пенемон подчеркнул, что станция построена исключительно в научных целях и ее проектировщики не принимали в расчет возможность диверсии. Вся конструкция была разделена герметичными переборками на пять главных секций. Те, в свою очередь, были поделены на уровни таким образом, что пробоина в переборке главного сегмента, где находились склад и служебные помещения, привела бы к рассечению станции на несколько частей. Одновременно блокировался бы переход из секции в секцию. В верхней части находились личные каюты и бытовые помещения экипажа, под ними — лаборатории. Еще ниже располагались складская секция и шлюз. В более нижних уровнях размещались другие лаборатории, помещения связистов и компьютерный блок.

Наблюдая за сменой дежурной вахты, Касдей точно выяснил количество членов экипажа. Было установлено, что во время, отведенное для отдыха, когда производилась смена вахт, в районе главного шлюза находилось всего пять Ра. В это же время более сотни их собиралось наверху, в кают-компании. Уничтожение в точно выбранный момент части наружной оболочки привело бы к тому, что Ра потеряли бы контроль над половиной станции, включая радиорубку.

Конечно, появлялась проблема защиты от оставшихся наверху Ра. Одетые в скафандры, они могли прорваться вниз. Эту проблему Вилдхейт разрешил очень просто. Нужно было вывести из строя все космические скафандры. Что они и сделали, отсоединив воздухопроводы и нарушив крепежную резьбу. Такие же скафандры, находящиеся возле шлюзовой камеры, они оставили для себя.

Самой большой проблемой была синхронизация действий во времени. План мог оказаться результативным лишь в том случае, если будет реализован точно в момент смены вахт. И пленники должны знать точное время прибытия полицейского крейсера. Наверняка, если план будет осуществлен немного раньше, то Ра, находящиеся наверху, найдут способ отремонтировать скафандры и прорваться в захваченную часть станции, а также оты-

скать способ связаться с другими станциями, сообщив о мятеже.

Получить информацию о приближающемся корабле непосредственно в радиорубке, не обратив при этом на себя внимание, было невозможно. В связи с этим трое пленников решили сосредоточиться на наблюдении за командой, обслуживающей шлюзовые камеры, и по ее реакции попытаться определить время подхода корабля.

Последней проблемой было оружие. Пленники установили, что ограниченное количество оружия, которое находилось на борту станции, было сосредоточено в руках охранников, стерегущих их. Это были газовые пистолеты с небольшим радиусом действия, которые могли покалечить или убить, не причинив вреда самой станции. Охранники носили пистолеты с собой все время, за исключением времени отдыха, когда они снимали с себя ремни с оружием и ложились на койки в служебных каютах. Оружие хранилось в незапирающихся шкафах. Вилдхейт и Касдей сошлись на том, что могли спокойно войти в каюту, не вызывая подозрений, и завладеть оружием. Синхронизация действий во времени при этом должна быть абсолютной. Оптимальным было время прилета корабля. Но это время было неизвестно, и пленники по очереди вели неусыпное наблюдение за шлюзовой камерой. Но вот настал момент, когда в дежурство Пенемона вокруг камеры повысилась активность обслуживающей команды. Пенемон тотчас же доложил об этом Вилдхейту, который решил немедленно предпринять атаку, хотя стечение обстоятельств было не совсем благоприятным.

Вместе с Касдеем они двинулись за оружием. Появление пленников во всех помещениях станции было обычным явлением. Поэтому, когда они вошли в каюту, трое охранников, отдыхавших от дежурства, весело поздоровались с ними. Все произошло очень быстро, и, пока Ра сориентировались в ситуации, двое из них были уже без сознания, а третий — мертв. Вилдхейт схватил пистолет и, заскочив в соседнюю каюту, послал несколько газовых струй наугад. Однако в помещении никого не было. Значит, трое охранников были где-то на обходе станции. Это не предусматривалось планом, но времени на раздумья уже не было. Касдей выскочил следом в коридор с двумя пистолетами. Пенемон, уже облаченный в вакуум-скафандр, проходил через сектор складов, направляясь к вспомогательной шлюзовой камере. Зная

механизм шлюза, он надеялся послать фальшивый сигнал для внутренней блокировки, сообщающий о том, что внутреннее давление упало до нуля. На счастье, оказалось, что на складах Ра не было. Пенемон быстро снял щитки с управляющего механизма и чертыхнулся, наткнувшись на неожиданное препятствие. Приходилось идти на непредвиденные изменения в плане действий. Он включил главный пускатель, молясь, чтобы открылись обе двери шлюза, давая дорогу пустоте.

Однако ничего не случилось. Двери оставались закрытыми. На пульте управления зажглись огоньки, предупреждающие о ряде неисправностей в механизме управления шлюзом. Указатели, которые должны были бездействовать, выдали Пенемона Ра. Близкий к отчаянию, он запустил пальцы в путаницу проводов, отрывая их один за другим, потому что другого выхода не было и план проваливался.

Вдруг двери дрогнули и начали открываться. Воздух с ревом устремился наружу. Пенемон ухватился за рычаги, удерживая свое тело от напора воздуха, тянущего его в открывающуюся пустоту. По всем секциям станции, отреагировав на внезапное падение давления, загрохотали герметичные двери, отсекая наглухо их друг от друга. Воздух весь вышел, и Пенемон двинулся к главному шлюзу. Он надеялся, что Касдей и Вилдхейт уже там.

Субинспектор и Касдей не знали, что не все идет у них по плану. Неблагоприятное стечение обстоятельств привело к тому, что в нижних уровнях станции находилось значительно больше людей, чем они рассчитывали. Впачале они не придали этому значения. Трое Ра были обезврежены еще до тревоги, сигнал которой поднял всех на ноги. Оставшиеся трое охранников, к счастью, были на пути к шлюзу.

Однако они сразу же сообразили, что происходит, и быстро вернулись, застав Вилдхейта и Касдея в одном из лабораторных отсеков.

В то время, как субинспектор вызывал огонь на себя, укрываясь за большим стеллажом, сплошь уставленным аппаратурой, Касдей ловко взобрался на один из мощных изоляторов Хаоса и спокойно залег, ожидая, пока трое стражников появятся у входа. Невероятно метким и быстрым залпом он повалил трех входящих и спустился, чтобы помочь Вилдхейту очистить коридор от нескольких не обращающих на опасность внимание тех-

ников, которые решительно преградили дорогу беглецам. Это не было приятным занятием, но очень необходимым для того, чтобы выжить. Эти действия отняли ценное время, которое было предназначено для блокировки связи.

Вилдхейт решил рискнуть, хотя преждевременное установление контакта с приближающимся кораблем могло создать в дальнейшем некоторые трудности. Он подал знак Касдею, что пора надеть скафандры и незамедлительно отправиться в центральную часть станции. Это было нелегко, так как один из техников имел оружие и припер их к стене за шкафом со спасательным снаряжением, пока Касдей, в конце концов, не нашел удобную для выстрела позицию.

С этого момента они больше не встречали сопротивления. Одетые в скафандры, они добрались до двери, которая, как оказалось, не имела шлюзовой камеры и поэтому не открывалась в космосе. Однако немного дальше они нашли то, что было нужно. Наконец-то перед их взором открылась камера с ожидавшим Пенемоном. Ему уже удалось отключить освещение от главного кабеля. Осталось только аварийное низковольтное освещение. Вилдхейт решил, что оно светило даже сильнее, чем того требовал их план. При помощи металлического прута он разбил три светильника из тех, которые окружали главный вход в шлюз. Задействованная возле входа аппаратура предупреждения сигнализировала о прибытии космического корабля, но набор сигналов, кроме предупреждения охраны, ничего не говорил о типе корабля. Не было также никакой информации, которая сообщала бы, когда шлюзовой рукав коснется наружной обшивки их станции.

Глава 16

Это был критический момент всей операции. Очень многое зависело от того, предупрежден ли экипаж корабля о ситуации, сложившейся на станции. Вилдхейт решил ожидать наихудшее и поступить так, если бы из шлюза появились предупрежденные и вооруженные враги.

Створки шлюза раскрылись, пропустив шестерых человек с оружием наготове. Они явно знали о ситуации на станции. Полицейские тщательно обыскали шлюз и, ничего не отыскав, двинулись в сторону складов. Их

командир подключился к настенному коммуникатору и начал разговаривать с кем-то, кто находился на отрезанной части станции. Вот тогда-то то, что полицейские приняли за пустые скафандры, закрепленные в захватах и стоявшие в нишах, внезапно ожило за их спинами. Газовые разряды были направлены не совсем точно, однако и этого оказалось вполне достаточно, так как пустота, газ, а также отсутствие брони на скафандрах сделали свое смертоносное дело.

Касдей воткнул в разъем штеккер коммуникатора, которым только недавно пользовался командир полицейских.

— Мы захватили наглецов, но имеем потери в людях,— быстро проговорил он в микрофон.— Поэтому мы возвращаемся к себе. Передайте информацию нашему капитану.

Он отключился и подошел к Вилдхейту и Пенемону, которые рассматривали лучеметы полицейских. После их изучения они взяли с собой три штуки и, подождав немного, ровно столько, сколько нужно было, по их расчету, для передачи сказанного Касдеем, вошли в шлюз.

Как и ожидалось, шлюз был состыкован с рукавом-переходом крейсера, и тут их ждали двое полицейских, однако без оружия. Прогремели выстрелы, и вот уже на полу камеры лежали два трупа.

Трое беглецов рванулись через рукав к шлюзовой камере крейсера. Но здесь они столкнулись с очередной трудностью. Внутренняя дверь шлюза не открылась, хотя камера и рукав были заполнены воздухом. Пенемон схватился за ручное управление шлюзом и с трудом повернул штурвал двери. Возникла небольшая щель, но тут же прогремел выстрел, показывающий, что экипаж корабля готов сразиться с ними.

Вилдхейт лихорадочно обдумывал выход из положения. Решив, что экипаж крейсера не одет в скафандры, он несколькими выстрелами из лучемета пробил обшивку рукава. Заревел воздух. Поток его был так силен, что повалил их на пол шлюзовой камеры. Из полуоткрытой двери шлюза воздух бил широкой струей, опустошая помещения крейсера. Пенемон мгновенно заблокировал дверь, а Касдей стал методично стрелять в образовавшуюся щель, отгоняя выстрелами полицейских, пытавшихся закрыть шлюз.

Наконец все стихло. Дверь свободно раскрылась, и

беглецы вошли в корабль. В коридоре валялись тела полицейских, погибших от удушья. Касдей с Пенемоном оттащили их в шлюзовой рукав и отсоединили его от шлюзовой камеры крейсера. После этого Пенемон занялся восстановлением атмосферы на корабле, а Вилдхейт с Касдеем, оставаясь в скафандрах, быстро обшарили захваченный полицейский крейсер, чтобы удостовериться, что никого больше живых нет на борту. Затем настала очередь изучения пульта управления. Обнаружив клавишу аварийного старта, они включили ее, и корабль, выполнив разворот, стал отдаляться от станции и Оружия Хаоса.

Вилдхейт не принимал участия в управлении, он не отрываясь смотрел на оживающие экраны, стараясь уяснить обстановку. То, что он увидел через несколько секунд после старта корабля, сильно обеспокоило его. Величественная конструкция Оружия Хаоса была повернута так, что он мог заглянуть в его жерло. Были видны огромные шнуры еще не сплетенной в одно целое звездной материи, которая сейчас завихрялась в фантастические петли, преобразовываясь в силу, которая могла вызывать глобальные катастрофы.

Он крикнул, предупреждая Касдея и Пенемона, однако они уже сами заметили опасность. И они выжали из двигателей крейсера еще больше мощности, подключив резервную энергию. Эти усилия стали приносить результат, но в это мгновение Оружие было задействовано.

И выстрел достиг цели. Они почувствовали, как какая-то сила, внезапно подхватив их, потащила корабль куда-то в сторону. Скорость увеличилась так внезапно, что ни один двигатель не мог сделать такое. Рев двигателей перешел в визг, и наступила темнота...

Сколько прошло времени — неизвестно: во всяком случае, когда Вилдхейт пришел в себя, он почувствовал, что очень голоден, словно не ел целую неделю.

Касдей пытался подняться, однако ноги не могли выдержать вес тела. Пенемон был в сознании, но тоже не мог встать на ноги. Наконец Касдею удалось доползти до аптечки и достать капсулы с лекарством. Нечто похожее на глюкозу, отметил Вилдхейт, подействовало ободряюще. Сил прибавилось настолько, что он смог встать.

— Что случилось? — спросил он слабым голосом.

— Похоже, что мы проскочили стык Вселенных и

оказались в какой-то из них,— пробормотал Касдей.— Сейчас попробуем сориентироваться.

Экраны засветились, однако изображения на них не было до тех пор, пока Касдей не начал манипулировать регуляторами. Только тогда они поняли, что изображение отсутствовало потому, что все экраны заливал блеск звезд. Зрелище было поистине невероятным. Еще более невероятным, чем то, что они наблюдали когда-то с борта корабля Касдея. Скопление звезд и Галактик здесь было просто немыслимым. Они составляли цельный сверкающий монолит, представляли собой растянутую во все стороны светлую стену. Уловить отдельные солнца можно было только благодаря тому, что в их цвете и температуре была небольшая разница. Стена представляла собой самый очаровательный и в то же время самый страшный вид, который может быть у Вселенной. Протяженность, глубина и мощь этого зрелища парализовала разум людей.

— Это старая Вселенная,— отозвался наконец Пенемон.— Где-то вблизи ядра. Думаю, что вскоре скопление сольется в единую махину ядра.

— И что же потом? — спросил Вилдхейт.

— Не знаю. Мы можем только гадать. Скорее всего, наступит Большой Взрыв и родится новая Вселенная.

— Возрожденный Феникс,— кивнул Вилдхейт.— Но когда же это произойдет?

— Этого нельзя узнать! Даже Ра, пользующиеся предсказаниями Хаоса, не могут точно установить это. По моему мнению, дело в том, что события такой силы происходят относительно медленно, если рассматривать это в космическом масштабе. Это может продолжаться миллионы лет. Существует такое равновесие сил, которое очень неустойчиво, и какое-то событие, очень незначительное в космических масштабах, мгновенно может вызвать смещение его то в одну, то в другую сторону. Это может быть или атом, или звезда...

— Или человек! — произнес Вилдхейт.

— Да, думаю, что это может быть и человек,— согласился Пенемон. И, проследив за направлением взгляда Вилдхейта, который смотрел на край стола, невольно вскрикнул. Края столешницы начали терять свою четкость. Их окружал небольшой ореол, мягкое сияние, переливающееся всеми цветами радуги.

— Это все Ветка! — тяжело вздохнул Вилдхейт.— Это она затащила нас сюда. Мы торчим сейчас в зоне

действия Оружия. Находимся в том месте, где сконцентрировалась вся энергия, которую предсказывали все тесты Хаоса,— миллионы миллионов солнц и Галактик только и ждут, пока не будет дан последний толчок, за которым последует неотвратимый конец этой Вселенной.

— Но Оружие Хаоса является собственностью Ра,— запротестовал Касдей.— Не думаю, что они позволят девчонке использовать его в личных целях!

— А если она пообещала им, что уничтожит нас?..

Вселенную охватило огромное напряжение. По мере течения времени ореолы появились вокруг всех краев и плоскостей в корабле. Все становилось на вид скользким, как будто было покрыто слоем мокрой слизи. Небольшие предметы по неизвестным причинам выпадали из причинно-следственных связей и начинали деформироваться. Крепления стали ослабевать. Винты самопроизвольно отвинчивались. Даже с незначительно наклонепных поверхностей начали скатываться тяжелые предметы. Двигаться по палубе стало небезопасно. Можно было упасть и больно ушибиться.

Сидящий на плече Вилдхейта Коул начал беспокойно перебирать лапами. Субинспектор спустился на нижнюю палубу, где они могли переговорить наедине.

— Сколько еще это продлится, Коул, пока ты меня не покинешь?

— Не очень долго. Я останусь с тобой до последней минуты.— Голос симбиота был угрюмым.— Нас, ботов, это очень тревожит. Я останусь с тобой до последнего, иначе мой уход будет выглядеть предательством. Поверь мне, я очень сожалею, но не могу не уйти. Другого выхода я не вижу.

— Я не буду считать это изменой,— усмехнулся Вилдхейт.— Даже боги не бывают безукоризненны! Я буду счастлив, если, по крайней мере, хоть один из нас спасется.

— А если изменить ситуацию? Если бы ты был богом, а я — человеческим существом, ты бы покинул меня?

— На этот вопрос нет ответа. Мое обычное мышление формируется человеческими эмоциями, которые тебе не ведомы, даже если ты и бог.

— Поэтому-то я и не спешу покидать тебя.

Кстати, я сейчас нахожусь в духовной связи с Таллотхом. Хочешь поговорить с инспектором Ховером?

— Если это возможно.

— Давай!

— Джим! Ради бога! — Голос Ховера раздался внезапно.— Где ты сейчас находишься? И что делаешь?

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы разговаривали с тобой в последний раз, Гесс?

— Двенадцать месяцев.

— А я считал иначе. Три недели — это был предел. Было бы прекрасно начислить мне за этот год зарплату.

— Не болтай глупостей, Джим! У нас война в самом разгаре. Тебе удалось обезвредить Оружие Хаоса?

— Нет. Зато ему удалось обезвредить меня. Если тебя это утешит, то могу сообщить, что сейчас все запрограммировано так, что с моей смертью полетит в тартарары и Вселенная Ра. Как тебе нравится такой финал?

— Это очень важно, Джим! Я сейчас же подам рапорт!

— Сообщи Сарайя, что с моей смертью произойдет Большой Взрыв, с которого и началась наша Вселенная. Это все, что я в состоянии сделать для вас. Думаю, что это скоро начнется. Кстати, много их кораблей прорвалось?

— Много. К счастью, некоторые из них попали в большую неприятность — вступили в бой с чужими вблизи Окраины и получили по зубам. Это спасло нас от необходимости вступать с ними в бой. Однако очень многие, в частности, их главные силы, все же прорвались в наш сектор. Мы их встретили и хорошенько потрепали. Но после короткого и яростного сражения они внезапно исчезли!

— Что они сделали?

— Исчезли. Дали деру и просто-напросто исчезли из нашего пространства!

— Не может быть!

— Что здесь такого удивительного?

— Гесс! Их корабли имеют типовую подпространственную аппаратуру, но они могут летать и там, куда ты ни за что не захотел бы попасть,— в сфере сжимающегося времени. Возможно, что их корабли разбросаны сейчас в будущих десятилетиях, ожидая присылки снаряжения и продовольствия, которых, однако, не будет.

— Знаешь, Джим, хорошо, что ты только раз в год выходишь на связь. Иначе у меня в голове уже давно была бы каша. Пока что из всего, что ты здесь говоришь, до меня доходит только часть...

— Не волнуйся. Сарайя прав. Начало конца Вселен-

ной Ра — это вопрос часов, самое большее дней. То, что говорил он, и то, что согласно плана должен был вызвать катализатор, вытекает из Хаоса. Остается только пожалеть, что́ я не смогу присутствовать на торжествах по случаю победы. Что же касается катализатора, то только сейчас я, кажется, понял одну вещь...

— Какую же?

Вилдхейт промолчал и попросил Коула отключить связь. Он поспешил наверх.

Контуры даже больших предметов становились все более размытыми. Трение ботинок Вилдхейта о пол было меньшим, чем трение двух мокрых льдин друг о друга. Обратное возвращение на верхнюю палубу оказалось настоящим кошмаром.

Касдей и Пенемон сидели на полу рубки, устав бороться со соскальзыванием с кресел. Они ошеломленно наблюдали за тем, как большие и маленькие предметы в рубке сдвигались с места, поднимались в воздух, падали дождем на пол, кружились в каком-то замысловатом водовороте. Это было лишь вопросом времени, когда неизвестная смертоносная сила доберется до двигателей или генераторов и уничтожит весь корабль. Казалось маловероятным, чтобы этот взрыв мог положить начало катастрофе, и поэтому Вилдхейт страстно надеялся на что-то другое, что всколыхнуло бы эту Вселенную и вызвало бы величайшую катастрофу.

Затем произошло что-то, что вначале выглядело в противоположность тому, чего можно было ожидать. Наступила тишина. Полная тишина. Разум троих людей охватило абсолютное, почти нереальное спокойствие. Контуры всех предметов в рубке снова приобрели свою четкость.

Оружие Хаоса отклонилось, отводя свое поле, и тогда грянул второй удар.

Глава 17

Вся Вселенная затряслась от серии мощнейших толчков. Огромная невидимая рука схватила Галактики, звезды, полицейский крейсер... Сжала все в гигантском кулаке, встряхивая резкими движениями. Толчки привели к тому, что на корабле разлетелась во все стороны и так уже сдвинутая аппаратура.

Коул заверещал и исчез, но тут же вновь появился,

Он неуверенно замигал, что говорило о том, что он оказался без движения, не присутствуя ни в одном из измерений, в которых он до сих пор полусуществовал.

Желание увидеть события оказалось настолько сильным, что вернуло его обратно на плечо Вилдхейта. Он сделал это, несмотря на то, что вся мудрость предостерегала его против данного поступка. Вилдхейт понимал нерешительность симбиота, однако в глубине души все же был рад чувствовать на своем плече когти Коула. Он знал, что, когда боль в плече исчезнет, настанет его время.

Это было началом конца даже по космическим меркам. Резкая вибрация повторного толчка привела к тому, что все закружилось у них перед глазами. Звезды потеряли свою индивидуальность, растаяв в гигантской струе раскаленной материи. Плотность звезд была здесь так велика, что гравитационное поле всех космических объектов объединилось в единое целое. Блеск этого образования затмил все, что находилось в этом квадрате пространства. На притененных экранах возникла восхитительная картина огромного плазменного шара. Останки бывших солнц разлетались во все стороны, подталкиваемые ядерными реакциями, бушевавшими в этом шаре. Где-то в центре раскаленного добела сердца бился пульс умирающей Вселенной. В какой-то момент времени оно конвульсивно содрогнулось и остановилось. Началась новая фаза трагедии. Внезапно стала расти вначале небольшая, а затем все большая и большая сфера абсолютной темноты. Образовался сектор пространства, в котором силы притяжения так сильно сконцентрировали материю, что из раскаленного пепла звезд образовалась зловещая черная дыра.

Огромный шар огня проглотил сам себя. Но вскоре надвигающаяся волна звезд заставила подавиться черную дыру, аппетит которой вначале казался столь чрезмерным.

Внутри светлого круга образовался второй шар излучения с температурой и свойствами, не имеющими аналогов в современной физике мира. Расщепленные атомы в этом новом шаре были так спрессованы, что вскоре даже черная дыра была поглощена этим необыкновенным образованием.

Вилдхейт отвел взгляд от бушующего ядра и постарался внимательно рассмотреть бурю, которая достигла своего апогея в оставшейся части пространства. Раньше

движение звезд было едва заметным, сейчас же их подхватил мощный вихрь, сжимающийся по спирали в направлении к бушующему ядру. Вся Вселенная сталкивалась, сплеталась, взрывалась и распадалась в сумасшедшем движении, стремясь воссоединиться в рамках этого конца всего.

Вилдхейту, чтобы убедиться, что полицейский крейсер включился в это сумасшедшее движение к гибели, не нужно было смотреть на приборы. Размеры гигантского шара все увеличивались. Все быстрее становилась скорость несущегося на них звездного скопления. Втягиваемые в спиральную воронку, расплющиваемые в процессе самоуничтожения, солнца стискивались все плотнее. Излучение возросло до такой степени, что климатизаторы корабля не могли работать в нормальном темпе. Температура стремительно поползла вверх. Однако это не обеспокоило людей, поскольку и так было ясно, что наряду с остановкой двигателей что-то должно было произойти и с системами жизнеобеспечения. Беглецы начали медленно погружаться в приятное летаргическое состояние. Вилдхейт, истекая потом, с трудом держался, пытаясь сохранить ясность мышления. Иногда он впадал в дремоту, но тотчас же приходил в себя, чтобы отметить неумолимое движение корабля к своему страшному концу. Какая-то бодрствующая часть его мозга давала ему понять, что он начинает бредить и что его обычное состояние сознания в своей основе является приятной формой смерти. Но все же инстинкт самосохранения вынудил его встать и подойти к пульту управления, чтобы определить шансы на выживание. Он отлично понимал, что не имеет ни малейшего понятия, чего нужно добиваться. Даже если бы двигатели работали, вряд ли удалось бы вырваться из этой гигантской звездной западни, которая стремительно втягивала в себя всю Вселенную. К тому же он не знал в достаточной степени устройства этого пульта управления, чтобы определить причину аварии. Касдей и Пенемон, казалось, смирились со смертью. Вилдхейт, покачиваясь от напряжения, двинулся вниз, в машинное отделение, намереваясь на месте разобраться с двигателями.

В отдалении от рубки воздух казался более прохладным, и дышать было легче. Может быть, в нем было немного больше живительного кислорода, кто знает? Вилдхейт просто констатировал этот факт, хотя и пони-

мал, что это может только продлить его мучения. Несколько раз он терял нить размышлений, но все же огромным усилием воли опять заставлял себя вернуться в эту страшную реальность.

Скафандр в темной нише напомнил ему о Сарайя — черном нетопыре в развевающемся плаще. Сноп света, льющийся из иллюминатора, наводил на мысль об огне, видимом в окне, выходящем в ад. Очередной мираж — Гесс Ховер, который торопился на своих новых ногах на помощь своему другу,— исчез, когда он подошел ближе. В темном машинном отделении он внезапно увидел фигуру Ветки. Ее лицо было искажено отчаянием, а руки протянуты в умоляющем жесте. Видение было настолько реальным, что Вилдхейт, казалось, услышал слова из двигающихся уст девушки:

— Коул, прошу тебя, не вмешивайся!

Вилдхейт, удивленный этим странным желанием, внезапно осознал, что симбиот по-прежнему находится у него на плече.

— Сколько еще до конца, Коул?

— Уже немного. Старые звезды создаются заново. Даже атомы были расщеплены и собраны вновь. Для богов настали тяжелые времена.

Фигура Ветки расплылась и опять сфокусировалась. На этот раз она обращалась к кому-то другому. Слова были настоящие, не призрачные.

— Помоги мне. Время уже почти наступило!

Коул замер, словно он тоже мог реагировать на этот плод воображения Вилдхейта. На корабле что-то вышло из строя. В относительно небольшом оставшемся количестве воздуха, пригодного для дыхания, ощутимо запахло терпким удушающим дымом.

— Время наступило... сейчас...— донеслись до его сознания слова.

Взрыв потряс человека. Нарастающая боль в плече была нестерпимой. Субинспектор ощущал ее так, словно Коул вырывал нить, связывающую их. Он попытался было укротить ее, однако она нарастала так стремительно, что впору было потерять сознание. Он громко истерично кричал до тех пор, пока потеря сознания не избавила его от дальнейшего мучения. И только где-то в глубинах его сознания далеким эхом прозвучали странные слова:

— Прощай, инспектор! Прощай!

То, что наступило позже, не было для Вилдхейта ни смертью, ни жизнью. Он находился на дне какой-то глубокой пучины, в которой отсутствовали всякие ощущения. Он чувствовал только ток времени, однако не мог оценить его, не мог понять, сколько его прошло и на что оно предназначалось. Внезапно он ощутил чудовищную боль в плече, тянущуюся вниз, к сердцу.

Некоторые эпизоды того, что было с ним совсем недавно, он помнил, или это ему только казалось? Какие-то люди возникали возле него и постукивали белыми палками. Он чувствовал запах лекарств, которые дарили ему дни, а может, даже целую вечность отдыха...

— Спокойнее, Джим! Все уже позади! — донесся до него чей-то голос.

Он постарался сосредоточиться.

— Гесс?

Возле госпитальной койки он увидел короткие служебные шорты, из которых торчала пара отличных мужских ног. Он перевел взгляд наверх и увидел субинспектора пространства Ховера. Вилдхейт попробовал сесть, но боль в плече, пронзившая его, заставила упасть обратно на постель.

— Гесс, черт возьми, где я?

— В госпитальном отсеке космического крейсера «Звездный скорпион», если этот ответ удовлетворит тебя. Ты был очень болен.

— Помню... конец старой Вселенной... на полицейском крейсере Ра... Гесс, я не мог выбраться оттуда живым!

— Спокойнее, дружище! Весь ваш корабль был целиком вырван из старой Вселенной и переброшен к нам, в новую. Не знаю точно, как это было сделано, однако знаю, кто это сделал и почему.

— Коул?

— Нет. В противоположность Таллотху, Коул пытался воспрепятствовать этому. В последний момент он попытался задержать корабль там, на месте, но это, к счастью, не удалось. Он погиб в воронке Вселенной. Ты должен благодарить Чувствователей, которые действовали под командой Ветки.

— Да... мне казалось тогда, что я вижу ее... и она просила Коула не вмешиваться.

— Похоже на то, что и ты времени зря не терял. Хотя она пыталась спасти не тебя. Ей нужен был корабль.

— Зачем, черт возьми?

— Отсутствие кораблей привело к тому, что ясновидящие на Майо не могли покинуть планету. Когда Ветка, наконец, оказалась вне ее пределов, она получила возможность воспользоваться своими магическими силами и похитить корабль. Допускаю, что именно этот корабль понадобился ей.

— Но почему?

— Он довольно небольшой и легкий в обслуживании, а кроме того, имеет систему прохождения стыка Вселенных. Именно это и было ей нужно. Благодаря этому она могла вернуться к своим.

— Где она сейчас?

— В данное время сидит возле приборов управления Оружием Хаоса и разбивает в пух и прах нашу оборону и все наши попытки войти в боевой контакт с флотом Ра.

Вилдхейт лежал на спине и спокойно переваривал полученную информацию. Потом он произнес:

— Гесс, что стало с полицейским крейсером?

— Это особая история. Чувствователи переправили его на Майо. К счастью, Дабрия был готов к такого рода неожиданностям и перехватил его вместе с тобой и еще двумя типами на борту. Когда они пришли в себя, то потребовали соединить их с Сарайя и попросили забрать вас с планеты.

— А сам корабль? Он в порядке?

— Скоро будет. Когда мы получили вас, он был похож на кучу слепленных кусков металла, поскольку вы разобрали его до винтика. Нужно кончать с этой пагубной страстью к развинчиванию, Джим. Демонтирование космических кораблей в полете может оказаться вредным для здоровья. Потребовались два корабля-лаборатории и ремонтная станция, чтобы почти за месяц на равнине планеты Майо собрать эти куски в более-менее работоспособную кучу.

— Он сейчас на ходу?

— Говорят, что да. Наши спецы неплохо поработали. Это единственный звездолет, который может доставить нас на стык Вселенных для того, чтобы увидеться с некоей дамочкой.

— А Касдей и Пенемон? Как они?

— Их удалось вытащить из лап смерти. Они выздоровели быстрее тебя и даже помогли в ремонте корабля.

— Они будут нужны для полета через стык, Гесс.

Жаль Коула. Почему он отдал свою жизнь только для того, чтобы помешать Ветке похитить корабль?

— Таллотх объяснил это. Вместе с Коулом они считали, что Чувствователи, обретя свободу, составили бы большую угрозу для рода человеческого. Большую даже, чем Ра и все чужие расы вместе взятые. Сарайя утверждает то же самое. Он намеревается сделать что-то, чтобы противопоставить Майо, когда закончится вся эта авантюра.

— Я получу другого симбиота?

— Сомневаюсь. Ведь ты первый человек, который пережил разрыв симбиотических связей. И новые испытания стали бы искушать судьбу. Сейчас тебе вернут твою старую форму, и ты начнешь работать. Чем быстрее мы уничтожим Оружие Хаоса, тем быстрее сможем вернуться к своим обычным обязанностям.

— Я не могу дождаться этого.

— Скажи при случае, примешь ли ты это, Джим?

— Что я должен принять?

— Желтую кожу. Может возникнуть новая мода. Весь женский персонал госпиталя просто заинтригован. Тебе трудно будет избавиться от клички Желтая Бестия.

— А кто бы хотел? Это достоинство, и через час я скажу тебе, Гесс, как это сделать!

Глава 18

На равнине планеты Майо даже высокие корабли-лаборатории выглядели карликами возле гиганта-ремонтника Космических сил Федерации. В центре, вокруг которого царило оживленное движение, притих темный пузатый полицейский крейсер, вызвавший оживление людей своим таинственным оборудованием и двигателями. Технический уровень Федерации пока что не позволял создавать космические корабли, способные преодолевать барьер скорости света. Многие ученые считали, что достижение таких скоростей практически невозможно. Однако перед людьми сейчас находился корабль, который ввергнул в недоумение теоретиков и доказал своим существованием, что в физике гипотезы могут тормозить продвижение вперед науки, если принимать их за законы природы. Было экстренно собрано большое заседание Совета Федерации, на котором выступили Сарайя и Дельфан. В результате бурных прений после их выступлений было

решено отправить этот корабль с экипажем в полет к границе Вселенных с целью немедленного уничтожения Оружия Хаоса. Вилдхейт был назначен командиром штурмовой группы, а Касдей и Пенемон отвечали за пилотирование корабля Ра. В экипаж вошли также Гесс Ховер и двое коммандос из спецгруппы.

И вот, наконец, состоялся старт экспедиции.

Когда корабль пересек границу Вселенных и оказался в ВЕЛИКОМ НИЧТО, Пенемон доложил, что некоторые приборы корабля начали показывать не вполне точные данные. Их окружала бесконечность, в которой можно было легко потерять ориентацию, и даже малейшая ошибка могла привести к тому, что они никогда бы не нашли Оружие. При отклонении в измерениях на любой оси в трехмерном объеме в одну миллионную долю градуса шансы на случайное обнаружение Оружия Хаоса были меньше одной сотой процента. Но даже и эта величина требовала счастливого совпадения.

Вилдхейт принял к сведению доклад Пенемона, но, тем не менее, решил продолжать полет. Однако все было тщетно. Оружие Хаоса обнаружено не было! Члены экипажа все отчетливее стали понимать нереальность их экспедиции. В сравнении с бесконечностью границы безмерности реального пространства, которое, тем не менее, удается все же изобразить на карте, показалась им чем-то маленьким и домашним. Их разум поражала мысль о том, что они могут бесконечно путешествовать со скоростью света через границу Вселенных и никогда не найти ничего, кроме абсолютной пустоты и вечной тьмы.

Они оказались между молотом и наковальней. Продолжение полета не давало шансов на успех. Возвращение же домой означало смерть. Они отчаянно старались найти альтернативу этому, и, наконец, Касдея осенило. Во всем стыке Вселенных энтропии не существовало, и сигнал работающего оборудования мог исходить только из района Оружия Хаоса.

Наступил ответственный момент ориентирования корабля. Вскоре стали поступать данные, показывающие активность энтропии. Радости людей не было пределов. Они наконец-то смогли точно определить положение объекта и направление полета к нему. Они выровняли траекторию, взяв курс на новую точку, и затаили дыхание в тот момент, когда детекторы снова начали передавать сигналы, которые свидетельствовали о сильной активности Хаоса.

Через какое-то время на корабельных экранах проявились слабые контуры оружия врага. Однако по соседству с ним роилась масса военных кораблей Ра. Вилдхейт решил было отойти назад и выработать новый план действий, когда вдруг осознал, что находится на таком же корабле Ра, и было очень трудно вообразить, чтобы враги могли разгадать характер их миссии. Он приказал Пенемону заняться аппаратурой связи и отвечать только на необходимые вопросы. Касдей получил приказ вести корабль прямо на станцию управления Оружием, где, скорее всего, находилась Ветка.

Маневр удался. Присутствие полицейского крейсера вызвало небольшое количество запросов, на которые Пенемон тотчас же прореагировал нужным образом. Их решительность при подходе к станции управления развеяла у людей существовавшие до сих пор сомнения. Выполнив стандартные процедуры стыковки, они присоединились переходным рукавом к станции и прошли к шлюзовой камере прежде, чем кто-либо сумел определить, что их действия не очень-то смахивают на поведение полиции.

На самой станции первые Ра, которые увидели свою ошибку, были убиты на месте, не успев даже предупредить остальных. Тщательная подготовка к бегству в недалеком прошлом теперь очень пригодилась им. Быстро была выведена из строя связь. Во время этой акции Вилдхейту очень понравились действия двух коммандос, отобранных Ховером для этой операции. Субинспектор поставил им ряд задач, наиважнейшей из которых было обеспечение обратной дороги, а сам вместе с Касдеем отправился на поиски Ветки.

Станция, хотя и состояла из сегментов, как и та, на которой они находились раньше в плену, спланирована была несколько иначе. Характерные для станции слежения огромные залы были разделены здесь на несколько уровней, каждый из которых, в свою очередь, делился коридорами и небольшими помещениями. Поиски Ветки в такой ситуации оказались довольно сложным делом, равно как и трудность самих поисков, осложненных встречами с Ра и пресечением любой информации, могущей попасть на корабли противника, кружившие неподалеку.

Во внешнем кольце станции, возле пультов управления Хаосом, они нашли, наконец, Ветку. Она сидела перед экраном и с неотрывным вниманием следила за

движущейся цветной кривой, ползущей по дисплею. Вокруг нее, возле длинных консолей, сгруппировались техники Ра, внимательно прислушиваясь к переводу Джегуна и Асбеля ее приказов, касающихся сложных компьютерных операций.

Девушка, целиком поглощенная считыванием данных, мелькающих на экранах, и перевариванием полученной информации, не заметила внезапно появившихся людей. Вдруг она застыла от ужаса, заметив, что одна из линий, до сих пор находящаяся внизу, внезапно начала стремительно подниматься к верхнему краю экрана. Вилдхейт был готов оценить ее эмоции — именно сейчас Ховер устанавливал мину в центральной части станции, и Ветка, без сомнения, получила информацию о скором ее уничтожении. Ветка огляделась вокруг, пытаясь понять причину этого явления, и только теперь заметила субинспектора.

— Джим! — крикнула она, и лицо ее посерело.

Техники Ра по приказу Касдея неподвижно остались сидеть на своих местах, в то время как Джегун и Асбель, подхватив ошеломленную девушку, потащили ее к выходу. Как только они вышли, газовая граната, брошенная Вилдхейтом, лишила Ра возможности преследовать беглецов. Один из коммандос прикрывал их отход, когда Вилдхейт с товарищами спешил к шлюзовой камере.

— Джим, я...— Ветка старалась что-то объяснить.

— Беги, детка! Поговорим после! — Вилдхейт бежал за ней, готовый в любой момент потащить ее дальше силой, если она остановится. Однако этого не случилось: видимо, информация, которую она получила, была очень ошеломляющей и вполне способствовала сотрудничеству.

Гесс Ховер проследил за отходящими товарищами и, когда все прошли, выдернул предохранитель, который запускал часовое устройство мины, одновременно включая систему неизвлекаемости.

Пенемон запустил двигатель, и они стартовали. Все прошло гладко, в окружающем пространстве все было спокойно. Касдей выполнил маневр поворота, стараясь, чтобы огромная чаша энергетической секции находилась между кораблем и станцией управления Оружием. Эта хитрость должна была сбить с толку Ра, не дать им повода для увязывания их присутствия с возможной катастрофой. Они успели почти облететь реактор, когда мина взорвалась. Станция управления в мгновение ока превратилась в миниатюрное солнце. Это было странное

солнце. Его диаметр не превышал диаметра станции, поскольку в районе стыка исключался всякий приток энергии между разрозненными телами. Исключением был только свет. Взрыв, такой мощный, что мог стереть в порошок целую планету, был здесь замкнут в сфере, составлявшей корпус станции, но выход энергии создал сильнейший источник светового излучения.

Как и надеялся Вилдхейт, это привлекло внимание кораблей Ра, многие из которых направились к месту катастрофы, пытаясь определить, что же произошло. Отсутствие каких-либо неприятельских действий свидетельствовало о том, что никто не связал это событие с маленьким полицейским кораблем, который незаметно двинулся к ускорителю Оружия.

Оставалось еще три мины, которые можно было установить на отдельных станциях Хаоса, уничтожив таким образом Оружие. Однако здесь они столкнулись с определенными трудностями. Дело было в том, что из-за отсутствия течения энергии между телами в области стыка Вселенных эффективность мины была крайне незначительна. Ее действие было бы только тогда результативным, когда заложить ее внутри станции.

Пенемон вновь занялся прослушиванием эфира. И внезапно стал серьезным.

— Они начинают что-то подозревать! — крикнул он.— Я слышу, как их командир дает запрос относительно полицейского корабля, который только недавно побывал на уничтоженной станции. Судя по всему они сейчас пошлют по всему флоту опознавательный сигнал.

— Допустим, что их подозрения окажутся подтвержденными. Что они тогда предпримут? — поинтересовался Вилдхейт.

— Они не могут применить здесь, в этой области, свое лучевое оружие по той же причине, по какой мы не можем воспользоваться минами. Однако они могут, окружив нас, блокировать, подойти ближе и воткнуть в бок какую-нибудь гадость, распоров таким образом обшивку, словно консервную банку.

— Похоже на то, что они именно это намереваются предпринять,— подтвердил Пенемон.

Словно в подтверждение этих слов дюжина кораблей противника развернулась в их сторону и пошла на сближение. Дальнейшее движение полицейского корабля вдоль тянущегося на расстоянии ста пятидесяти километров ускорителя становилось опасным. Подлетающие

корабли Ра очень точно уравнивали свои скорости со скоростью полицейского крейсера, окружая его сзади, сбоку, спереди, стараясь ограничить свободу маневра. Корабль беглецов и его эскорт продолжали некоторое время свой рискованный полет вдоль ускорителя вплоть до щели между ним и гигантскими ловушками, где размещались черные дыры.

Ра рассчитывали именно здесь закончить поимку чужака. Дополнительные силы были посланы на другую сторону ускорителя для того, чтобы помешать бегству. Взгляд, который бросил обеспокоенный Касдей на Вилдхейта, говорил о том, что они оба увидели путь к спасению. Касдей, не ожидая согласия субинспектора, в момент прохождения щели резко развернул корабль, втиснулся в щель и направился вдоль оси ускорителя Оружия.

Корабли Ра даже и не пытались преследовать их. Причина этого мгновенно стала понятной. Хотя на самом деле канал ствола Оружия Хаоса имел гигантские размеры, эти размеры искажались напряженностью поля, и казалось, что ширина его едва превышает размеры полицейского корабля. Ствол имел длину около ста пятидесяти километров, и Ра решили подождать противника возле выхода.

Однако не этого боялись люди. Где-то далеко впереди блеснул яркий свет. Они сразу поняли, что это означает. Через стык в глубь большого раструба двинулась звездная масса. Началась заправка реактора перед очередным выстрелом. Казалось, что маленький кораблик, застрявший во внутренностях Оружия прямо на главной оси, не имеет ни малейших шансов спастись от чудовищной звездной силы.

Касдей развернул корабль и, решив дать полное ускорение, попытался вывести крейсер из ствола. Двигатели ревели все оглушительнее. Корабль мчался к выходу. Но тут Вилдхейт закричал, показывая на верхний экран и приказывая остановить корабль. Касдей мгновенно включил тормозные двигатели и начал направлять корабль к выступу, виднеющемуся на внутренней поверхности ствола. Их глазам открылась шлюзовая камера, видимо, предназначенная для пропускания обслуживающего персонала. Именно здесь можно было заложить мину!

Переходного рукава у них не было, а времени на проведение операции оставалось очень мало. Ховер, бы-

стро оценив ситуацию, надел скафандр, а коммандос подготовил мину. Касдей медленно подвел корабль прямо к шлюзу. Ховер покинул корабль, и все приникли к экранам, наблюдая за его фигурой.

Глава 19

Шлюз полицейского крейсера был рассчитан на одного человека, поэтому Ховер отправился один. Касдей корректировочными двигателями удерживал корабль возле шлюзовой камеры. Никто на борту не сомневался в том, что дело, которым занимается сейчас Ховер, опасно и трудно. Привязанный к фалу, он ловко пересек разделяющее пространство между кораблем и внутренней поверхностью ствола и с трудом затормозил, преодолевая большую инерцию мины. Добавив сюда необходимость скорейшего бегства, пока Ра не перекроют выход, или возможность выстрела Оружия, это гигантское напряжение нервов было вполне понятным. Минуты медленно тянулись в своей монотонности. Вилдхейт надел скафандр, готовый по первой просьбе броситься на помощь другу. Напряжение становилось невыносимым, но вот темная фигура субинспектора скользнула через пространство к кораблю. Послышался шум воздуха, заполнявшего шлюз. Еще там он включился в бортовую переговорную сеть и прокричал:

— Уходим!

— Что такое? — не желая верить в худшее, спросил Вилдхейт.

— Я уж рассчитаюсь с вами! Неужели нельзя было предупредить меня? То, что находится снаружи корабля, это черт знает что! Там же совсем нет теплообмена. Человек варится в собственном поту. Попробуй справиться в таких условиях со стокилограммовой массой.

В это время Касдей уже вывел корабль на главную ось ствола. Сзади, со стороны реактора, можно было видеть светящуюся ярко, как солнце, измененную звездную материю. Трудно было сказать, когда мог произойти выстрел, однако наверняка времени было мало. Касдей бешено разгонял корабль, стараясь успеть. Но реактор увеличивал и увеличивал яркость свечения. А где-то впереди их поджидал флот Ра. И именно в этот момент взорвалась мина.

Реакция распространилась по всей длине ствола, при-

няв форму цилиндрической звезды. Корабль несся через раскаленный ад на ощупь, так как от перегрузки вышли из строя все экраны. А еще через секунду произошел выстрел, однако к этому времени ускоритель уже не существовал. Высвобожденная звездная масса вместо того, чтобы вырваться на волю тонким пучком излучения, распространялась во все стороны, усиливая эффект взрыва мины.

Небольшая часть энергии в виде тонкого луча все же попала в корабль, стеганув его сильным ударом. Полицейский крейсер покинул ствол ускорителя словно пуля, выпущенная из гигантского ружья. Касдей лихорадочно пытался восстановить управление, а пока что корабль мчался через щель, потом через середину гигантской вращающейся клетки. А там находились черные дыры! Пассажиров корабля залили лучи чистой энтропии низкой концентрации. Это привело к сильным толчкам, которые достигли максимума при прохождении через критическую точку. Ховер первым оценил это явление.

— Это может стать дурной привычкой! — усмехнулся он.— Я, по крайней мере, лет двадцать не ощущал ничего подобного.

Шансы на то, что это явление станет привычкой, мгновенно пропали. Луч из реактора Оружия, высвобожденный из ствола уничтоженного ускорителя, широко распространился и попал во вращающуюся клетку. В катастрофу были вовлечены черные дыры. Сила их гравитации объединила эти дыры в одну гигантскую дыру, поглотившую внутрь себя всю конструкцию.

Непрерывное облучение образовавшейся черной дыры из реактора Оружия вызвало по каким-то неведомым причинам исчезновение физической нейтральности в этой области границы. Из глубины черной дыры налетела огромная гравитационная волна и ухватила в свои объятия и полицейский крейсер, и флот Ра, и даже само Оружие Хаоса. Сидящий за пультом управления Касдей ударил по клавишам мощности. Двигатели взревели на пределе. Флот Ра попал в смертельную ловушку. Ведь корабли флота были неподвижны, двигатели их кораблей работали на холостом ходу. И черная гигантская дыра втянула их в свои недра словно пушинки, никакие маневры не могли спасти эти корабли.

Еще более фантастическим было действие гравитации на остатки Оружия Хаоса. Вначале медленно, а потом все

быстрее и быстрее их затягивали мощные волны гравитации, пока не поглотили совсем. Реактор перестал облучать дыру лучами энергии, и черная дыра прекратила излучать гравитацию. Касдей облегченно вздохнул, почувствовав, что корабль благополучно вырывается из объятий черной дыры.

Они пересекли стык и возвратились в свою Вселенную. Гесс Ховер занялся ФТЛ-связью, которой корабль Ра был оборудован во время ремонта. Вызывая Сарайя и Дельфана, находящихся на Майо, он пытался передать им информацию об удачной атаке на Оружие Хаоса. Но когда он убедился, что не может вызвать ни корабли-лаборатории, ни ремонтный корабль, то связался с ретрансляционной станцией базы Космических сил Федерации, и ему сообщили, что связи с Майо нет.

Кроме того, было сообщено, что Федерация ведет очень упорные бои с чужаками и поэтому не может послать ни один корабль на планету Чувствователей для выяснения причин молчания.

Они взяли курс на Майо. Спустившись на нижнюю палубу, Вилдхейт встретил Ветку.

— Настало время нам поговорить,— вместо приветствия сказал он.

— Мы уже это сделали, Джим. Нужно только оформить наше соглашение.

— Сделаем это сейчас. Ты же знала, что не нужно было освобождать Майо от Федерации, и знала также, что, если бы в этой битве победили Ра, они без промедления уничтожили бы всех вас! Что же все-таки склонило тебя к сотрудничеству с ними?

— А почему мне не следовало делать этого? Я сотрудничала с тобой, хотя от Федерации мы ничего не ждали, кроме угрозы.

— Ты говоришь странные вещи, девочка!

— Это правда, Джим. Ты не знал этого, однако Федерация уже тогда выработала план уничтожения ясновидящих. Спроси у Сарайя и Дабрия. Федерация утверждает, что не намерена терпеть нас ни минутой дольше, чем Ра. Так что и вы, и они являетесь нашими врагами. Чтобы выжить, мы должны были столкнуть вас друг с другом.

— Во имя чего, Ветка?

— Во имя освобождения ясновидящих с Майо — настоящей свободы, которой не может дать нам Дабрия. Нам нужен космос, Джим, чтобы развивать свои сверх-

способности. Именно поэтому я и согласилась лететь с тобой. Косвенно, я достигла цели. В результате мне удалось ослабить и Федерацию, и Ра. Ясновидящим не нужны сильные враги для того, чтобы развиваться и становиться сильнее.

— Но зачем все это, Ветка?

— Вселенная должна принадлежать нам, Джим! Мы — люди будущего!

— Боюсь, что это не так, девочка. Вселенная принадлежит тем, кто достаточно силен, чтобы овладеть ей и держать под своим кулаком. Если вы будете строить свои планы только исходя из личных амбиций, упуская такой очевидный факт, боюсь, что у вас ничего не получится.

— Мы ничего не упустили. Ты знал, что делаешь, выставив меня против троих головорезов Ра. Чтобы борьба была честной, нужно было предложить врагу выставить против меня не менее десяти борцов. Но ты почему-то не пошел на это. Так что будь уверен, что мы сможем удержать в своих руках все, что захватим в этой Вселенной. Ты это хорошо знаешь, так зачем же делать вид, что не веришь в это?

— Это ты так считаешь. Ты надеешься, что, освободив своих соотечественников из неволи одной планеты, даешь им прекрасное, светлое, голубое будущее. Ты фальшивый пророк, девочка. Все, что ты сможешь им дать, это война, напрасный труд и окончательное крушение всех идеалов.

— Что тебе надо, инспектор Джим?

— Из всех своих соотечественников ты лучше всех читаешь рисунки Хаоса. Так используй же свой дар, Ветка! Загляни в будущее. Иди за своими амбициями! Станет ли мир подвластен вам? Превратится ли искра в яркое пламя? Начнется ли цепная реакция? Разгорится ли пламя, или костер будет только тлеть, не оставляя после себя даже пепла?

— Знаю...

— Что ты видишь в узорах, Ветка?

Девушка замолчала.

— Что там видно, Ветка? — настаивал Вилдхейт.— Что происходит, что требует столько времени, чтобы увидеть это?

Она закрыла глаза и улыбнулась.

— Ты сам знаешь, что там,— печально произнесла она.— Искра... пламя... взрыв! Однако нет большого по-

жара! Да, мы не сможем сделать этого. Ты оказался прав, старый негодяй! Но как ты смог узнать такое?

— Сарайя как-то подал мне мысль, что интуиция является проявлением естественной чувственности на Хаос. Это можно было бы назвать действием, основанным на догадках.

— Да...

— Это имеет солидные логические основы. Ясновидящие стараются держать на удалении от других, чтобы сконцентрироваться на развитии своих способностей. Физики и химики очищают вещество, так как знают, что необычайная чистота иногда придает ему редкие свойства, какие не проявляются в обычных условиях. Свойства энтропии, однако, возрастают со временем. Элементы создают связи, а те, в свою очередь, распадаются в беспорядочную мешанину. То же самое происходит и с людьми. Ясновидящие с момента отбытия с Майо никак не смогут избежать смешения генов с другими расами людей. И их гены также перейдут в эти другие расы.

— Горький фатализм!

— Нет! Ясновидящие, как раса, почти не отличаются от остального человечества. Их гены являются обычными генами, с некоторыми разве что изменениями, которые произошли в результате Большого Исхода. Только в результате этого они приобрели исключительные способности. То, что произошло, без сомнения, заслуживает внимания, хотя, повторяю еще раз, не является чем-то исключительным или невероятным. Никто не отсекал ясновидящих от человеческого корня. Останьтесь с нами или будете уничтожены! Третьего не дано, Ветка! Верни обратно своих соотечественников. Я уверен, что только на службе всего человечества их удивительные свойства могут быть применены с максимальной эффективностью.

— Ты говоришь так, словно они уже покинули Майо.

— Думаю, что некоторые уже сделали это. Я имею в виду корабли-лаборатории и ремонтник, которые находились на вашей равнине. Куда намереваются отправиться на них ясновидящие?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь! Куда они двинулись?

— Не имею никакого понятия!

— Думаю, что ты говоришь неправду. Во время всех

этих приключений тебе наверняка удавалось поддерживать с соотечественниками телепатическую связь. Важно, чтобы ты помогла мне найти их и остановить.

— А зачем я должна делать это?

— Поскольку они попали в ловушку, Ветка! Они попали в неприятное положение, которое создано опытными специалистами. Они нужны нам, девочка, поверь этому!

Сражение за корабли оставило на песчаной равнине неизгладимые шрамы. Полеты на бреющем не дали никакого результата. Людей не было обнаружено. Вилдхейт допускал, что оставшиеся в живых должны были вернуться в город. Поэтому был отдан приказ посадить крейсер неподалеку от одного из мостов.

Вскоре через мост к ним двинулась процессия, во главе которой шли Дельфан, Сарайя и Дабрия. За ними вразнобой двигались ясновидящие из города вперемежку с техниками, ремонтниками и стражниками. Вилдхейт и Ветка встретили их у шлюза корабля.

— Я рад видеть тебя, Джим! — откровенно и с облегчением произнес Дельфан.— Мы попали в большую неприятность. Нас атаковала армия ясновидящих и похитила корабли. Не осталось ни одного ФТЛ-передатчика, чтобы можно было вызвать помощь. Поэтому очень хорошо, что ты прилетел. Твоя помощь будет вполне своевременной, Джим.

— Минутку, субинспектор! — Вилдхейт не отошел в сторону, чтобы пропустить Дельфана в корабль.— Если Космические силы пришлют помощь, что ты намереваешься предпринять?

— Уничтожить оставшихся Чувствователей,— резко бросил Дельфан.— Они все виновны! И мы уничтожим их, даже если для этого придется лететь на другой край света! Ясновидящие более опасны, чем Ра. Хорошо, что ты захватил эту девчонку. У меня уже готово обвинение в ее измене.

— Нет! — покачал головой Вилдхейт.— Она не подданная Федерации. И у нас перед ней большой долг. Она была частью катализатора Хаоса, обнаруженного Сарайя. Катализатор выполнил свою роль. Разве оружие виновато в том, что оно стреляет в людей?

— Когда-нибудь я поразмыслю над этим,— пообещал Дельфан.— А сейчас убирайся с дороги, Джим! Я приказываю!

Вилдхейт пожал плечами и отошел в сторону, однако вход был заблокирован стоящим на трапе Гессом Ховером. За ним стояли двое коммандос, а из шлюза выглядывали четверо Ра с решительными лицами.

— Что это значит? — Дельфан повернулся к Вилдхейту с грозным выражением.

— Выслушайте меня, сэр,— начал Вилдхейт.— Пока мы не наделали глупостей, нужно решить, кто есть кто. Перед прибытием Дабрия на эту планету Чувствователи были отдалены, но не изолированы от остального человечества. По-моему, изоляция началась с того момента, когда Дабрия придумал сделать из ясновидящих орудие мести. Это орудие должно было стать исключительно могущественным, чтобы защититься от Ра. Он пользовался ими так же, как Сарайя использовал Федерацию, чтобы защититься от своих врагов. Не дай им возможности использовать нас для своих целей, субинспектор!

Дельфан внимательно выслушал Вилдхейта, а потом обратился к Дабрия:

— Насколько это верно?

— Боюсь, что инспектор где-то в глубинах космоса подхватил вирус болезни мозга,— произнес Дабрия, пожимая плечами.

— В самом деле? — рассмеялся Вилдхейт.— Я скажу даже большее. Думаю, что когда ты нажал на спуск, давая начало катастрофе Ра, то понял, что сила ясновидящих становится весьма опасной. Поэтому ты позволил им бежать с этой планеты, создав такую ситуацию, которая, в конечном итоге, должна гарантировать их полное уничтожение.

— Нет смысла слушать эти бредни! Этот человек сошел с ума!

— Я напомню, как работали твои подручные! — спокойно произнес Вилдхейт.— Способ, которым ты гипнотизировал всех вокруг, таков, что вряд ли даже вся армия ясновидящих могла бы сделать хоть шаг без твоего на то позволения.

— Ты стоишь на зыбкой почве, инспектор!

— Если уж говорить до конца, то скажи мне, кто подал эту идею заняться ремонтом нашего корабля на Майо? Разве не проще было бы осуществить его ремонт на одной из верфей Федерации?

— Сарайя согласовал это с Дабрия! — Пальцы Дельфана соскользнули к оружию на поясе.

— Этот факт таит в себе странное совпадение слу-

чайностей,—продолжал дальше Вилдхейт.—Согласно моей информации все было заранее запланировано.

— Что ты пытаешься доказать, инспектор? — Черный плащ Сарайя угрожающе зашелестел.

— Все было давно рассчитано,— грустно усмехнулся Вилдхейт.— Манипулирование человеческой расой для достижения собственных целей. Вначале ты подбил нас на войну с Ра, а сейчас пытаешься раздразнить нас, чтобы мы сцепились друг с другом. Ты не можешь согласиться с тем, что твоя молодая колония уже выросла. Ты стараешься по-прежнему манипулировать Чувствователями, дергаешь за ниточки, строишь из себя бога, пытаешься сделать все, чтобы по-прежнему контролировать ситуацию.

— Ты кончил? — Сарайя побелел от бешенства.— Ты забыл об одном, инспектор! Когда животные подвергаются селективной обработке, их никто не спрашивает, кем бы они хотели стать!

В воздухе внезапно повеяло резким ароматом фиалок. Некоторые из стоящих людей стали вести себя довольно странно. Даже Дельфан почувствовал, что с трудом улавливает суть разговора.

— Думаю, что ты допустил ошибку, друг,— сказал Дабрия, обращаясь к Сарайя.— Боюсь, что именно это и нужно было инспектору...

Большего Дельфан уже не слышал. Его ноги подкосились, и он рухнул на землю.

В воздухе послышался тонкий пронзительный звук. Несколько человек упало. Однако экипаж полицейского крейсера продолжал уверенно держаться на ногах.

— Все напрасно, Дабрия! — засмеялся Вилдхейт.

Уже все люди, пришедшие из города, лежали без памяти на земле.

На лице Дабрия появилось недоуменное выражение. Но тут он понимающе кивнул, так как заметил, что люди Вилдхейта применили для ушей и ноздрей фильтры.

Сарайя успокаивающе положил руку на плечо Дабрия.

— Похоже на то, что мы проиграли, старая обезьяна,— горько произнес он.— Хотя, может быть, так и должно было быть? Мы сделали свою работу и больше не нужны. Будущее покажет, насколько они выросли, чтобы отвечать за свое собственное развитие. Думаю, что нам пора уйти.

Было что-то торжественное в том, как Сарайя и Дабрия медленно уходили, внезапно лишенные всякой власти. Вилдхейт с сочувствием глядел им вслед.

— Ты не собираешься задержать их? — Гесс Ховер стал рядом с ним.

— Мы им многим обязаны, Гесс. Если бы не они, Земля до сих пор была бы в диком состоянии, а о Федерации нечего было бы и думать! Пожалуй, у них сохранился где-то старый их корабль. Они, скорее всего, отправятся в смещенное время и вернутся сюда снова через какое-то время для того, чтобы убедиться, сможем ли мы сами преодолеть кризисные ситуации.

— Думаю, что нам это удастся!

— Откровенно говоря, не знаю, Гесс. Касдей как-то сказал, что наша молодая культура, чтобы избегнуть вырождения, нуждается в постоянной селекции. Интересно, это характерно только для переходной фазы или это врожденное свойство?

— Я этого совсем не могу понять, Джим.

— Не беспокойся. Когда-нибудь я попытаюсь объяснить тебе это более популярно.— Вилдхейт наклонился над лежащим без сознания Дельфаном.— Прежде всего, Сарайя беспокоился о том, сможем ли мы взять ответственность за свое развитие. Подумай над этим, Гесс. Если человеческая раса начнет вырождаться, кто возьмет на себя ответственность по ее очистке?

Глава 20

Полицейский крейсер значительно опередил сопровождающие его корабли и вышел из подпространства в межгалактическом пространстве. С того места, где он находился, можно было оценить огромный контраст между пылающим звездами Млечным Путем, который они оставили позади себя, и пустотой бескрайнего пространства, раскинувшегося впереди них. Здесь начинались гигантские пространственные океаны, а разбросанные кое-где Галактики казались отсюда небольшими островками. Это зрелище всегда завораживало Гесса Ховера. Его неотступно преследовала в таких случаях мысль, что, несмотря на то, как далеко проник человек в космос, он никогда не достигнет края Вселенной, границы которой расширялись быстрее, чем повышалась общая интеллектуальность человеческой расы.

Пара молодых Ясновидящих с Майо, которые находились на борту корабля, также были очарованы этим зрелищем. Девушка, которая уже довольно много путешествовала, тем не менее, впервые наблюдала внегалактическое пространство. Молодой парень обладал большими знаниями, однако также был восхищен зрелищем безграничного пространства. Он вытягивал свои невидимые уши, чтобы уловить шепот, идущий пять миллиардов лет с ближайшего звездного скопления.

Однако прилетели они сюда не ради любования этим зрелищем. Поступила информация, что где-то в пустоте находится эскадра боевых кораблей чужаков, готовая напасть на человеческие поселения в Ста Мирах. В то время, как войска Федерации были задействованы в операции по очищению Галактики от Ра, целый сектор пространства был отдан на милость неприятеля, который проводил политику уничтожения, а не захвата. Ховер, внимательно наблюдавший за экранами, облегченно вздохнул, когда заметил, что возле его корабля материализовались еще три корвета Космических сил Федерации.

Хотя находящийся перед ними противник численно превосходил их и три легких корабля были всем, чем располагали сейчас люди, чтобы отразить атаку, субинспектор не походил на испуганного человека.

— Алло, «Поиск», ты слышишь меня? — вызвал корвет.

— Здесь «Поиск», капитан. Говорит инспектор Ховер. Приветствую вас!

— Что новенького, субинспектор?

— Долговременные прогнозы Хаоса с Майо говорят о том, что эскадра неприятеля подлетает к Ста Мирам. Мы преградим им путь в глубоком пространстве. Думаю, что ты знаешь, что делать, капитан!

— А как же! Мы всегда готовы! Данные на компьютеры уже поступили! Автоматы ведения огня уже приведены в боевую готовность. Можешь принять контроль над ними. Хотя я и сомневаюсь, как ты все это сможешь осуществить. Если наши приборы не смогут локализовать вражеские корабли, то как ты сможешь сделать это: ведь на твоем патрульном корабле даже их нет!

— Нужно признать, что ты мыслишь трезво,— засмеялся Ховер.— Разверни-ка на нас все антенны и приготовься. Начинаем поиск противника. Я сам сообщу тебе, каким оружием воспользоваться и когда.

— Понимаю. Я много хорошего слышал о твоем Слухаче. Теперь случилась оказия увидеть его в бою.

Ховер осмотрелся в рубке.

— Я к твоим услугам, малышка,— сказал он, обращаясь к девушке.— Ты что-нибудь придумала?

Девушка очнулась от легкого транса и отбросила черные волосы с лица.

— Хаос рассказал мне о шестнадцати больших взрывах. Они настолько сильны, что вряд ли это действие оружия. Настало уже время событий, однако эти данные очень слабо выражены, чтобы могли быть применены нами. Хотя... Нужно держать этот курс, а корветам приготовить ракеты дальнего действия. Там, впереди, происходит что-то странное.

— Насколько точно ты сможешь прицелиться?

— Думаю, что ты не будешь жалеть. Я принимаю будущее за несколько микросекунд перед большими взрывами. Они мощностью в двести мегатонн с нарастанием ядерного излучения. На корветах есть расщепляющиеся материалы?

— Да.— Ховер наклонился к микрофону, чтобы отдать приказ о подготовке оружия.— Никак не могу привыкнуть к тому, чтобы вести бой на основании предсказаний! А что могло бы случиться, если бы на кораблях не оказалось ядерного оружия?

— Тогда даже я не смогла бы предсказать точный результат, поскольку изменение энтропии вызвало бы какую-нибудь другую реакцию. Откровенно говоря, о Хаосе даже мы знаем так мало.

— Но вы быстро учитесь! — засмеялся Ховер и обратился к молодому парню.

— А что у тебя?

Бледный молодой человек сидел, опершись локтями о пульт управления и положив подбородок на ладони. Он был настолько сосредоточен, словно обычные человеческие уши могли воспринимать звуки, передаваемые космическим пространством.

— Я слышу их... Их много...

Пальцы Слухача начали манипулировать многочисленными тумблерами пульта, чтобы определить позицию неприятельской эскадры. Он делал спокойные плавные движения, следуя постоянно меняющейся ситуации. Компьютеры Ховера быстро реагировали на эти поправки, выдавая информацию о координатах и скорости неприятельских кораблей.

Субинспектор немедленно передал эти данные на корветы. Капитан одного из них, сделав корректировку в пространстве, радостно закричал в микрофон:

— Мы засекли их! Надо было просто знать, куда смотреть!

Девушка встала с удобного кресла, подошла к пульту управления и приникла к прицелам.

— Ракеты готовы? — спросила она.

— Готовы! Можно стрелять,— тотчас же последовал ответ.— Однако мы находимся от противника на расстоянии, превышающем дальность действия нашего оружия!

Но она не обратила на это замечание никакого внимания. Манипулируя ракетными установками, она выстрелила в пространство шестнадцать ракет, одну за одной, целясь не в корабли противника, даже не в продолжение траектории их движения, а в совершенно удаленные от них точки. Пространство вокруг земных кораблей запестрело длинными хвостами ионных выхлопов от вылетающих ракет.

На экранах Ховера появилось изображение, уже довольно четкое, подлетающей эскадры противника. Она находилась уже достаточно близко, чтобы камера могла различить отдельные яркие точки боевых кораблей.

— Мы промазали! Корабли противника не могут встретиться с нашими ракетами! — донеслось из динамика сообщение командира корвета.

Однако тут случилось невероятное. Вся эскадра противника внезапно изменила направление и направилась в ту точку пространства, куда стремились все шестнадцать ракет Федерации. Даже без помощи компьютеров можно было предсказать сейчас, чем все это кончится. И вот на черном фоне космического пространства начали распускаться гигантские цветы разрывов.

— К черту! — донесся из динамика возглас удивления.— Послушай, я готов присягнуть, что ты знала об этом еще до того, как они решили выполнить этот маневр перемены своего курса!

Странно было видеть на лице столь милой девчушки торжествующую победную улыбку.

— Так, собственно, действует вся эта система! — торжественно произнес Ховер в микрофон.— Удивительно, не правда ли? Но не расслабляйся, капитан. Не думаю, что это все.

Девушка медленно подняла вверх руку, призывая к молчанию.

— Что такое? — Ховер мгновенно насторожился.

— Что-то там, в пространстве, не так... Да, определенно, я прослеживаю реакцию Хаоса, и все подтверждается. Но что было бы, если бы эскадра насчитывала кораблей больше, чем у нас ракет? Еще несколько и спроектированных так, чтобы не проявлять свое присутствие изменениями энтропии?

Ховер присмотрелся к экранам, однако ничего не обнаружил.

— Слухач, что ты можешь сказать?

— Думаю, что кораблей было больше, чем шестнадцать. Что-то около двадцати. Я все время слышу, что там что-то происходит, что-то странное. Понимаете, там нет живых существ. Это звуки кораблей. Кораблей без двигателей!

— Что-нибудь происходит с энтропией? — Ховер стремительно обернулся к девушке.

— Я не могу точно утверждать,— ответила та, напряженно сосредоточившись, пытаясь отыскать в окружающем пространстве хоть какие-нибудь следы высвобожденной энергии.

— Капитан! — обратился Ховер к командиру одного из корветов.— Будем считать, что обнаружены еще четыре неприятельских корабля. Похоже, что это корабли-призраки: у них нет двигателей! На рисунке Хаоса нет ничего, что указывало бы на возможность применения оружия.

— Мы можем уничтожить их в ближнем бою! Так что?

— Отставить! Должна существовать какая-то причина, по которой они оказались здесь, и ее нужно узнать. Ты можешь подойти поближе и зафиксировать их на пленке? Только без ненужного риска! Нельзя сбрасывать со счетов, что это может быть ловушкой!

— Понимаю, инспектор. Мы начинаем маневрирование.

Экипаж крейсера прильнул к экранам, наблюдая, как корветы стремительно рванулись к неприятельским кораблям. Первый корвет пролетел на приличном расстоянии, не вызвав этим никакой враждебной реакции. Второй корвет прошел уже ближе, но и на этот раз противник безмолвствовал. Третий корвет приблизился к врагу почти вплотную. На экранах появилось четкое изо-

бражение громадных кораблей. И тут же начало стремительно уменьшаться. Земные корабли мчались прочь от противника.

Из монитора посыпались фотографии чужих кораблей.

— Что там? — поинтересовалась девушка.

— Что в этих кораблях может быть особенного? — обратился к ней Ховер со встречным вопросом, передавая несколько фотографий.

— Все это выглядит довольно странно,— ответила она, внимательно разглядывая неприятельский корабль.

— Да,— согласился Ховер.— Даже чужаки не летают в космосе с раскрытыми люками.

Опять ожила связь.

— Алло, «Поиск»! Ты обнаружил то, что искал?

— Даже больше! Спасибо, капитан. Возобновите за ними наблюдение. Будьте готовы сориентировать корабль-лабораторию для проведения исследований, если мы только раздобудем какой-нибудь из них.

— Понял, инспектор! Я все сделаю! Спасибо за помощь!

— Не меня благодари. Скажи спасибо Джиму Вилдхейту. Это он уговорил ясновидящих, чтобы они присоединились к нам. Именно он и его жена обучают группы специалистов по обнаружению чужих кораблей. Если будешь когда-нибудь вблизи Майо, повидай его. Ему всегда приятна любая информация.

— Ну и каков результат исследований, Джим? — спросил Гесс Ховер неделю спустя у своего друга.

— Это довольно странная история. Эти корабли-призраки можно истолковать только однозначно. Они оставлены в качестве музеев.

— Не понимаю.

— Мы вначале тоже ничего не понимали. На палубе не было чужаков, зато было множество предметов и снаряжения, свидетельствовавших о том, что корабли специально оставлены так, чтобы мы могли понять характер пользовавшихся ими существ, узнать их обычаи, манеру поведения, познать их науку, искусство. Это как бы миниатюрный срез общества, с которым мы воевали, но так никогда с глазу на глаз не сталкивались.

— Да, такое вполне возможно. Но зачем все-таки они оставили корабли в пространстве?

— Можно только догадываться. Мы предполагаем, что они перекинули первый мостик. Мостик через реку недоверия, разделявшую наши расы. Они, очевидно, хотят подготовить почву для взаимопонимания, пытаются начать диалог.

— Диалог? А зачем?

— Ради мира, Гесс. Думаю, что они ищут мира, так же как и мы.

— После стольких лет?

— Не забывай, что времена изменились. С тех пор, как мы начали операции по выявлению их кораблей, они не выиграли ни одного сражения. Темп, с которым они теряют свои боевые звездолеты, превышает их технические возможности постройки новых.

— И что же мы на это собираемся ответить?

— Нам ведь терять нечего. Пока мы не обнаружили их музеи, мы даже не знали, как они выглядят, не говоря уже о том, как начать говорить с ними. Сейчас тайны уже не существует, корабли Федерации перевозят экспонаты в наши музеи. Это очень важное дело, Гесс, поверь мне. Взаимопонимание может устранить львиную долю страха, страха, который толкает наши расы на войну, в то время как существует более мирный путь разрешения этой проблемы.

— Я не верю в это,— покачал головой Ховер.— Сомневаюсь, что надо так мало, чтобы уладить столь трудное дело. Без помощи ясновидящих мы не могли победить на протяжении столетий, а без Ветки не смогли бы добиться сотрудничества ясновидящих. И если бы ты и Ветка...

— ...нет гвоздя — нет подковы, нет подковы — нет коня...

— Это цитата?..

Они разговаривали в саду официальной резиденции Вилдхейта, чей статус представителя Федерации на Майо приравнивался к рангу межпланетного посла. На этой планете он выполнял, по соглашению с ясновидящими, очень важное задание — формировал спецгруппы по обнаружению и распознаванию кораблей чужаков. Таким образом, было достигнуто использование способностей ясновидящих и технологии Федерации как единого целого. Благодаря этому позиции Вилдхейта, как человека весьма влиятельного, были очень крепки. Однако, несмотря на это, он совершенно не изменился. Хотя Майо почувствовала влияние его личности. Ясновидящие уже

не были замкнутым обществом. На равнине, за рекой, начал строиться космодром.

Через калитку в стене, которая опоясывала дом, они увидели Ветку, которая шла к ним по дороге, держа за руку маленькую копию самой себя. Ховер даже издалека заметил, что в этом ребенке есть что-то от решительности Вилдхейта, связанное с диковатыми глазами, унаследованными от матери.

— Вот, наконец, и та, которую так ждал Гесс,— маленькая Ветка Вилдхейт собственной персоной!

Ховер поздоровался с ясноглазой девчушкой. Его сразу же удивило то, что она словно угадывала каждое его движение еще до того, как он намеревался его сделать.

— Кажется, это ты мне говорил,— обратился он к Вилдхейту,— что дети от смешанных браков утрачивают способности к ясновидению. А что я вижу здесь?

— А как же природа, Гесс? Мы еще не разобрались до конца, но должен сказать тебе, что в маленькой Ветке развились такие способности, которых мы не могли даже ожидать. Да и не только мы; о которых даже не могли мечтать и Чувствователи. Например...

— Ничего не говори! — Ховер поднял руку.— Иначе мой комплекс неполноценности будет постоянно напоминать о себе. Мне только интересно, задумывались ли вы оба над тем, что создали?

— О чем это ты, Гесс?

— Когда маленькая Ветка начнет чувствовать свое превосходство над людьми, кто поможет нам защитить Вселенную?

КОЛИН КАПП

ФОРМЫ ХАОСА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Глава 1

Тысячи медных лучей гравитации разрывали почь, жаля землю под гигантским корпусом висевшего над центром города звездолета. Зеленые и фиолетовые излучения «яги» вгрызались в дома, а непрерывно действовавшие лазерные пушки были причиной пожаров. Город Ашур на планете Онарис, уничтоженный дикой атакой, готов был капитулировать. Дальнейшая оборона была бы самоубийством, однако даже полная капитуляция не могла гарантировать жизнь.

«Началось это шепотом в снежной круговерти, больная жалоба изломанного тела, усыпанного снегом и кричавшего навстречу ветру: «Не знаешь, что Бог умирает?»

Среди неясных теней, бегавших вдоль разбитой ограды, лежал молодой мужчина.

Он был едва досягаем для кошмара, происходящего вокруг. В самых потаенных уголках его мозга шла такая же отчаянная война, ставкой которой были остатки разума.

«Может быть, в омерзительных потемках какой-то нечеловеческой инквизиции какой-то разум сошел с ума, не из-за пыток или слабости духа, но под влиянием раны более глубокой...»

«Не знаешь, что Бог умирает?»

Мужчина со стоном поднялся и сел, схватившись за голову. Зеленый луч «яги» ударил в стоявший рядом дом, который тут же разлетелся дождем из тысяч кусков кирпича.

Мужчина упал на землю, неспособный бежать.

«Может быть, какой-нибудь искалеченный мученик выпрямится на своем кресте, чтобы поднять голову и крикнуть в небо: «Господь! Почему ты покинул меня?», и никогда не услышит ответа. Это самое большое предательство, непокаянное богохульство...

Разве когда-то тебе это не говорилось?

Похоже, Бог умер!»

Мужчине удалось подняться на ноги.

Медленно, на ощупь он двигался между развалинами. Неуверенные ноги повели его к зеленому столбу излучения «яги», однако инстинкт вовремя приказал обойти смерть.

Внезапно он ударился о каменную стену и опять упал, на сей раз в тень изуродованного дерева. Его голова была в крови.

«Брон! Прошу тебя, ответь. Почему ты не отвечаешь?»

Он молчал. Кровь текла по его вискам, оставляя на губах солоноватый привкус.

Вскоре боль вырвала его из апатии, и он начал понимать, что происходит вокруг него. Из-под прищуренных век человек начал рассматривать уничтоженный город.

«Брон! Умоляю тебя, отзовись!»

Лучи «яги» внезапно попали в какой-то арсенал, и все небо окрасилось ослепительной вспышкой. Рев взрыва эхом отдался среди руин, и мужчина, подчиняясь инстинкту, пошел в противоположную сторону.

На то место, где он только что находился, рухнула стена.

«Брон, ты слышишь меня?»

— Слышу,— отозвался он.

Он остановился посредине площади и пытался бороться с нервным потрясением, стараясь говорить громко и ясно:

— Слышу, но не вижу!

«О, боже! Ты шутишь? Неужели нужно было тратить шесть лет работы и четверть бюджета Службы, чтобы тебя сюда забросить для того, чтобы ты разыгрывал амнезию? Брон, ты разыгрываешь меня?»

— Я никогда не был склонен к шуткам. Я болен. Кто ты? Игра воображения?

«Спокойно, Брон. Первая волна ввергла тебя в шок. Судя по голосу ты в плохой форме. Мы прибегнули к семантическому внушению, чтобы вытащить тебя из этой

мышеловки. Ты в самом деле ничего не помнишь?»

— Ничего! Я не знаю, кто я и где нахожусь. Мне кажется, что ты располагаешься в моей голове. Это галлюцинация?

«Как раз наоборот. Это все имеет вполне нормальное объяснение. У тебя просто проблемы с памятью.»

— Где я?

«Город Ашур на планете Онарис. В разгар атаки Разрушителей.»

— А ты меня слышишь? Каким образом? Где ты?

«Это не так важно. У меня нет сейчас времени на объяснения. Прежде всего ты должен уйти отсюда, найти убежище и отдохнуть. Мы поговорим позже, если к тебе не вернется память. А сейчас ты должен поверить нам на слово.»

— А если нет?

«Не провоцируй меня. Ставка очень высокая. Если бы ты вспомнил причину своего присутствия на планете, то не задавал бы таких вопросов. Не принуждай меня к демонстрации силы.»

Несколько секунд Брон сжимал голову руками, потом немного успокоился.

— Хорошо. Я хочу вам верить... пока что. Что я должен делать?

«Уходи из центра города. На окраинах разрушение меньше. Прямо перед тобой на другой стороне площади есть проход. Двигайся туда, пока я не скажу, чтобы ты повернул. Учти, я не покидаю тебя.»

Брон исполнил приказание, безразлично пожав плечами. Он сознавал, что находится в эпицентре разрушительного урагана, который налетел с неба.

Гигаптский звездолет заходил на посадку, окруженный мерцавшим силовым посадочным полем. Казалось, что люди убежали, словно предупрежденные об атаке. С востока долетел звук посадки другого космического крейсера. Развитие операции проводилось согласно какого-то плана — это вызвало в его сознании туманные воспоминания. Память мужчины начала медленно пробуждаться.

Осторожно обойдя площадь, подчиняясь своему инстинкту, заставлявшему его пробегать под убийственным огнем лучей «яги» от укрытия к укрытию, он, наконец, оказался в месте, где раньше находилась самая прекрасная аллея Ашура. Сейчас же здесь были только руины и дымившееся железо.

— Эй, там, в моей голове! Ты слышишь меня?

«Мы никогда не перестанем слышать тебя, Брон.»

— Как это?

«В твой мозг вживлен биотронный приемопередатчик. Где бы ты ни оказался, мы всегда будем слушать и говорить с тобой.»

Брон было засомневался, однако потом спросил:

— Кто вы?

«Мы твои коллеги. Я — доктор Веедер. Это тебе ни о чем не говорит?»

— Нет.

«Это пройдет. Ты вспомнишь меня, а еще и Джесси и Ананиаса. Мы всегда будем твоими невидимыми товарищами, как в прошлом. Мы принадлежим к одной организации.»

— К какой организации?

«Отдел Специальных Заданий Звездной Службы.»

— Я помню, что принадлежу к какой-то Службе, но не здесь, а на Земле. Да, я вспоминаю. Европа, Дели. Однако после отъезда из Европы я ничего не помню.

«Это симптоматично, Брон. Именно после отлета из Европы ты вступил в Отдел. Не удивляйся, что твое подсознание выбрало именно этот момент. Внимание!»

Предупреждение совпало как раз с его рефлексом. Он прыгнул в сторону, и луч «яги» ударил в землю всего в двух дюймах перед ним.

Ударная волна отбросила его еще дальше, но он тотчас же поднялся с земли.

Он был оглушен, однако, на первый взгляд, цел. Луч вновь ударил и разрезал на две идеальные половины до сих пор целую колонну.

— Эй! Вы еще там?

«Что такое, Брон? Ты ранен?»

— Вы видели приближающийся луч. Как?

«Я видел и хотел объяснить тебе это спокойно, чтобы избежать сильного шока.»

— Перестаньте болтать! А как же я? Меня вы тоже видите?

«Тебя я не вижу. Собственно, мы все видим через твои глаза, Брон, слышим твоими ушами. День и ночь мы следим за каждым этапом этой миссии. В этом заключается наша работа — Джесси, Ананиаса и моя. Мы можем говорить тебе все, а ты не можешь выключить наши голоса. Они поступают непосредственно в твой

мозг. Мы можем еще кое-что, но это я объясню позже. Пока что ты должен выполнять мои приказы. Мы подыщем тебе убежище.»

— Очень хорошо,— согласился растерянный Брон.

Он не мог сопротивляться этому голосу, звучавшему внутри его черепа. Он был физически истощен, сломлен и нуждался в отдыхе.

Он замкнулся в себе и только механически выполнял приказания, втискиваясь в тени на улицах, избегая открытых мест.

Наконец, голос умолк. Брон уже не был в состоянии двигаться дальше по своей воле. Он остановился, несколькими пинками разбросал кирпичи и рухнул прямо в пыль и грязь, мгновенно заснув.

Глава 2

— Что с Броном?

Девушка, которая это спросила, была единственной из троих присутствовавших, одетой в гражданскую одежду. На ней был обтягивавший тело черный комбинезон, который ничего не скрывал из ее женских прелестей. Лицо с решительными чертами было обрамлено черными кудрявыми волосами, заколотыми золотыми, похожими на звезды заколками.

Вопрос был задан полковнику медицинской службы, который только что отошел от ряда экранов. «Док» Веедер был высоким седеющим мужчиной, который выглядел словно хлебнувший всех горестей в жизни и привыкший к ним.

Он закончил свое долгое дежурство перед экранами, но его мундир, как и волосы, был растрепан ровно настолько, насколько допускал армейский устав.

— Он еще не пришел в себя, Джесси, однако кажется, что он спит нормально.

Он внимательно посмотрел на своих коллег и добавил:

— Можно без риска позволить ему соспуть еще часок.

— Черт побери! Если он провалит операцию, то пожалеет, что родился на свет,— проговорил второй присутствовавший в зале мужчина.

Девушка, соглашаясь, кивнула головой.

Веедер возле двери огляпулся и произнес:

— Я оставляю его тебе, Джесси. Пойду немного посплю. Позовешь, если начнется что-нибудь необычное.

— Хорошо.

Джесси уселась в кресло напротив экранов, прикрыла шторки, чтобы свет не отражался на экранах мониторов, и начала рутинное обследование аппаратуры.

Как только Веедер покинул помещение, оставшийся мужчина отошел от компьютера, возле которого он до сих пор сидел, хотя его глаза неотступно следовали за Джесси. Он остановился за ее креслом и начал по очереди смотреть на экраны по мере того, как девушка регулировала их. Блестящие нашивки и галуны на его мундире соответствовали званию бригадного генерала и резко контрастировали с его молодым лицом, бледной кожей и светлыми волосами. Его глаза горели неестественным блеском, и он постоянно облизывал губы.

— Док прав, ты знаешь об этом, дурочка? — произнес он спокойно.— Из Брона ничего не вытянешь, пока он в таком состоянии. Он давно бы чокнулся, если бы его не контролировали.

Он наклонился и дотронулся до ее плеча.

— Не надо, Ананиас,— сказала девушка усталым голосом.— Если мне потребуется твой совет, я сообщу тебе об этом.

— Не сомневаюсь, глупышка. Делай, как тебе нравится. Я подумал, что, может быть, ты хотела бы избавиться от эмоций, которые изливаешь на Брона.

Мягким и почти естественным движением его руки оказались на обнаженной шее Джесси.

Она застыла.

— Чего ты добиваешься, Ананиас? Чтобы я сейчас сломала тебе руку?

— Прекрасная чертовка! Ты не осмелишься!

В его голосе появилась угроза.

— Ой ли! Если ты сейчас же не уберешь свои руки, то через три секунды...

— Ты шутишь, куколка!

Она ударила, как кобра, однако он ожидал этого и имел преимущества в позиции. Через мгновение он поймал ее руки над креслом.

— О, боже! Ты все-таки захотела попробовать! — крикнул он.— Что за черт!

— Ты должен был знать об этом! Мы уже давно с тобой знакомы!

— Чересчур давно, дорогая. Собственно, поэтому мне бы не хотелось иметь с тобой какие-то дела.

Джесси наблюдала за главным экраном, на котором должно было быть изображение того, что видел Брон. Сейчас он был темный, но были слышны дыхание и стук сердца, а также далекие отголоски битвы за Онарис. Разные датчики фильтровали эти звуки и анализировали их для определения их происхождения и состава. Электронные приборы регистрировали данные максимального количества информации, которую был в состоянии передать живой организм при помощи такого несовершенного инструмента, как биотропный канал.

Между Броном, агентом Отдела, и Джесси, оператором, существовала, однако, более сильная связь. Это была связь, созданная разумами близких по духу и общими пережитыми событиями. Когда агент был психически связан с оператором, создавалось что-то вроде симбиоза, рождалась новая личность.

Джесси повернулась к Ананиасу.

— Ты же знаешь...

Он не отпустил ее.

— Конечно. Я знаю, что настанет момент, когда у тебя наступит эмоциональный кризис. Нужно будет тогда или уйти, или подождать.

— И ты хочешь подождать, когда тебе само упадет под ноги?

— Ясно! Я же знаток... У тебя есть что дать. Исключительно высокий класс. Полная доза беспримерной на этом свете злости, которую ты должна, в конце концов, излить на кого-то. Даю слово... человек может из-за этого сойти с ума и в конечном итоге стать пленником этого...

— А ты считаешь, что можешь претендовать на какие-то привилегии?

— Я всегда соглашался с обычаями.

— Послушай, Ананиас, ты использовал мое положение, в котором я оказалась, когда Брон меня бросил. Однако это произошло исключительно потому, что ты оказался первым человеком, которого я встретила после этого в коридоре. Это мог быть кто угодно.

— Ты говоришь это несерьезно, не правда ли?

— Клянусь, что это так. Когда находишься в таком состоянии, как-то не волнуешься, кого встретишь, и не отвечаешь на утешения, ищешь не любовника, а чего-то, что позволит тебе снова ухватиться за жизнь. Те, кого

выбирают в таких случаях, не имеют имени, даже лучше, если они его не имеют. Ты хочешь, чтобы рядом с тобой в темноте было какое-то существо.

Из вспомогательного пульта связи раздался сигнал.

— Сообщение с Антареса! — закричал Ананиас.— Говорите, я слушаю. Здесь Ананиас!

— Алло, генерал. Правительство Онариса сообщает, что безоговорочно капитулирует во избежание дальнейшего кровопролития. Разрушители прекратили атаку.

— Очень хорошо. Они просили о помощи?

— В самом начале атаки. Они пробовали применить подпространственные передатчики. Очевидно, они рассчитывали на появление в их системе какого-нибудь случайного корабля.

— У тебя есть с ними связь?

— Нет. У нас есть инструкции, запрещающие это.

— Им так никто и не ответил?

— Мы не перехватили переговоров. Каналы связи все время оставались свободными.

— Продолжайте перехват на аварийных каналах связи. Если кто-нибудь проявит интерес к их сигналам, немедленно глушите переговоры. Пока Разрушители не добудут то, чего они хотят, они не уйдут с этой планеты.

Ананиас отключил связь и повернулся к Джесси.

— До сих пор все идет согласно плана. За исключением Брона.

Он прищурил глаза, наблюдая за главным экраном.

— Разрушители атаковали, Онарис сдался, весь Флот Службы в состоянии желтой тревоги, а самый лучший и тренированный агент за всю историю существования Отдела храпит как какой-то запюханный соня.

— Тебя за это не похвалят.— Джесси засмеялась.

— Не волнуйся за меня. Ты хорошо знаешь, что я, в конце концов, всегда выигрываю. А если я вынужден немного подождать, то добыча от этого становится еще желаннее.

— Ты несчастный кретин, Ананиас, кретин без грамма совести.

Джесси отвернулась и все свое внимание сосредоточила на экранах, особенно на тех, которые информировали о биологических данных Брона. Ананиас подошел к креслу. Однако он воздержался от прикосновения к Джесси, которая, установив микрофон, в очередной раз пыталась войти в контакт с агентом, который

сейчас спал на планете Онарис, отдаленной от нее на полгалактики.

«Может быть, в омерзительных потемках какой-то нечеловеческой инквизиции...»

Глава 3

Назойливый голос проникал в его сон:

«Не через пытки испытай слабость духа, но в муках ран.»

— Прекратите! Заткнитесь!

«Вставай, Брон. Мы зря позволили тебе спать целый день.»

Он поднялся с мусора. В каждую клеточку его тела вгрызлась боль. На горизонте появился первый розоватый проблеск света. У него страшно болела голова. Он потрогал висок и обнаружил там засохшую кровь. Необходимо было собраться с мыслями.

— Эй, ты! В моей голове! Это не ты разговаривал со мной вчера?

«Боже! Ты был бы в самом деле счастлив позабыть обо мне?»

В голосе ощущалось недоверие.

«Нет, Брон, это я, Джесси.»

Электронный трансмиттер не мог скрыть женский голос.

«Док говорил, что тебе досталось. Ты что-нибудь припоминаешь?»

— Я ничего или почти ничего не помню. Что это за история о умирающем боге, которую ты вгоняешь мне в мозг?

«К черту! Док был прав, ты и в самом деле немного не в форме. Эти слова являются частью семантического кода, помещенного в твоем подсознании. В этот момент, когда уровень сознания у тебя поднимется до необходимого уровня, ты сможешь ответить на кодовые фразы. Это все связано с гипнотически внушенной личностью, которая помещена у тебя в мозгу.»

— Это уже становится смешным. Что это за гипнотически внушенная личность?

«В тебя вложена фальшивая личность при помощи ультраглубокого гипноза. Для того, чтобы ты мог войти в контакт с Разрушителями.»

— Но я даже не помню, как меня зовут!

«Это говорит о том, что гипновнушение пока что себя не проявило. Ты будешь реагировать на любые раздражения, однако не будешь иметь никакого понятия о своем предназначении. Твоя частичная амнезия является панацеей от шока, который бы ты испытал, придя в себя с двумя личностями в мозгу. Боже! Когда я подумаю, что ты снова станешь святым...»

Его разозлил сарказм, звучавший в этом голосе.

— А я должен стать святым?

«Ты сейчас что-то вроде троянского коня, только электронного. Однако соберись. У нас много работы. Вокруг города приземлились три корабля Разрушителей, которые сразу же начнут устанавливать в городе свои законы. Полное запрещение передвижения и беспрекословное подчинение. Ты должен...»

— Зачем я нужен Разрушителям?

«Ты должен занять место человека, за которым они прилетели на Онарис. Постой, я объясню тебе более подробно. Но прежде запомни, что ты должен будешь играть роль, которую мы будем тебе подсказывать. Доверяй гипновнушению, не действуй по собственной инициативе — это будет означать для тебя смерть — и помни, что прежде, чем тебя забросить на эту планету и поручить играть определенную роль, мы потеряли много людей.»

— Куда мне идти?

Небо перечеркнулось серенькими полосками, ознаменовавшими начало дня.

«Ты должен найти название улицы. Как только компьютер локализует твое местонахождение, ты получишь дальнейшие указания. Сейчас ты должен найти зеркало, чтобы я смогла посмотреть на тебя. Ты должен быть в своей роли, если мы хотим выиграть.»

Брон пожал плечами, осматривая обвалившуюся стену, под которой провел ночь.

В нескольких ярдах от него находился почти не тронутый разрушением дом, в который он и вошел. Там никого не было.

Жуткий беспорядок в комнатах и коридорах свидетельствовал о панике, сопутствовавшей эвакуации. Вскоре Брон нашел застекленную дверь, которую повернул так, чтобы разглядеть свое отражение в царившем полумраке.

— Я так выгляжу?

«Ты даже не помнишь своего лица?»

— Я никогда не смогу его вспомнить. А как оно, ничего?

«Не совсем. Ты должен как-нибудь промыть эти раны на лбу. Не хватало еще, чтобы ты умер от инфекции.»

— Попробую. Что еще?

«Ничего. Не считая того, что ты не можешь пока привыкнуть к своему новому виду. Проклятый ангел. Это результат гипновнушения личности.»

— Что ты еще можешь мне посоветовать? — спросил он.

Он был раздражен ее злорадным тоном.

«Прежде всего не уничтожай его. Исчезни сам. Я не верю, что может существовать такое сильное внушение, чтобы полностью уничтожить свое «я».»

Он не долго искал табличку с названием улицы, которое позволило бы Джесси точно определить его местонахождение в городе.

Он нашел также цистерну с водой, промыл раны и смыл грязь и кровь с одежды, потом вернулся к своему импровизированному зеркалу, чтобы оценить эффект проделанной работы.

Он не помнил, откуда у него эта одежда.

Плащ был сшит из грубого материала, под которым была одежда спартанского стиля. На груди блестел золотой крест, красиво украшенный и подвешенный на тонкой золотой цепочке.

В широком кармане плаща лежала Библия. Когда он присмотрелся к своему лицу, оно напомнило ему слова Джесси. Оно на самом деле походило на лицо ангела, и одновременно в нем было что-то отталкивающее. Он долго присматривался к особенностям черт своего лица. Это пробудило в нем неясные воспоминания, однако сейчас он не смог бы ответить, как выглядело его лицо до гипновнушения. Форма висков и лба говорила о сильном характере. Это пробуждало у него чувство спокойной гордости, но во взгляде было что-то дьявольское, которое очаровывало и пленяло.

«Когда закончишь кривляться, позволь мне указать тебе дальнейшую дорогу.»

Он очнулся, немного шокированный.

Джесси пронизывала его же собственным взглядом.

В этом было что-то невероятное, что вызывало гнев. В глубине души он желал свободы. Это было дикое жела-

ние зверя, закрытого чересчур долго в тесной клетке. Очевидно, она прочитала это в его взгляде, потому что моментально в его голове раздался голос:

«Ничего не говори, Брон. Через какое-то время ты смиришься с моим присутствием. Я ведь кое-что о тебе знаю...»

— Девка!

Она засмеялась.

«Это правда. Я — девка и все прочее, чем ты называл меня в прошлом. Однако сейчас лучше всего будет, если ты уже двинешься в дорогу.»

Согласно ее указаниям он двинулся к городу, над которым уже умирала ночь, уступая место серо-зеленой, отраженной солнцем мозаике. Полихромный свет, который был одной из особенностей Онариса, сливался в кровавые пятна.

Среди развалин царила полная тишина.

Всяческая жизнь, казалось, не существовала здесь. Инстинкт толкал его выхватить нож, но рука, тоже естественно, тянулась к Библии в кармане. С кислым выражением лица он рассматривал окружавшие его развалины и через какое-то время спросил:

— Джесси, я знаю, с кем нам придется сражаться. Но зачем? И еще. Зачем мне эта книга?

Он вытащил из кармана Библию.

Она ничего не ответила, хотя он знал, что его голос не мог быть не услышан. Ее молчание подчеркивало важность ситуации.

В этой миссии Библия и гипновнушение были его единственным оружием. С помощью этой девушки он должен был уничтожить сеявшую страх в Галактике Федерацию Разрушителей.

Глава 4

Последние догоравшие дома застилали дорогу дымом. Когда он вышел на открытое пространство, то начал двигаться с предельной осторожностью. Он отлично понимал, что в любой момент какой-нибудь стрелок может превратить его в труп. Он старался следовать всем инструкциям Джесси и все время держался открытой середины дороги.

— Везде все спокойно, Джесси. Где же люди?

«Все эвакуированы. Разрушители приказали очистить

территорию в радиусе пяти миль от точки приземления их кораблей. Ты должен внимательно осмотреть окрестности, Брон. Я должна уточнить твое местонахождение.»

— Я правильно иду?

«Более-менее. Ты находишься снаружи территории, предназначенной для Разрушителей, однако внутри круга эвакуации. Сейчас для тебя самую большую опасность представляет полиция Ашура, которая вылавливает преступников. Не прячься и держи руки на виду.»

— Может быть, лучше всего сразу же двинуться к кораблям?

«Ты шутишь? Если ты перейдешь границу, то сразу же погибнешь. Чтобы туда попасть, нужно дождаться, пока Разрушители сами не придут за тобой.»

— Ты думаешь, они это сделают?

«Мы на это надеемся. Твоя гипноличность соответствует личности одного очень важного технократа с Онариса. Этой ночью ты должен был находиться в Семинарии Ашура. Разрушители начали свою атаку немного раньше, чем мы планировали.»

— Какого дьявола Разрушители интересуются технократами?

«Они собирают все, что имеет мало-мальскую ценность: мозги, рабов, металлы, продукцию, новейшую технологию. Именно для этого они обычно нападают целыми флотилиями. Они очищают всю планету, а потом уничтожают ее. Они берут все, что могут унести.»

— Но это же бессмысленно!

«Конечно, однако такова правда.»

— Ну, можно понять, что они ищут рабов или металлы, но зачем им технократы? Они же могут подготовить их у себя!

«Им нужны специалисты разного профиля. Однако сейчас, последние несколько лет, они разыскивают специалистов только в одной области: в формах Хаоса. Онарис имел несколько самых лучших в этой науке.»

— Я всегда считал, что самые лучшие живут на Земле.

«Это широко распространенная версия. Но, в действительности, все наоборот. Когда корабли Большого Исхода стартовали с Земли, они увезли на своих палубах эмигрантов с очень высоким интеллектуальным уровнем. В колониях потом очень часто встречались целые семьи гениев. Так было на Онарисе с семьей Галтернов.

Ты играешь роль Андера Галтерна, девятого потомка по линии Проспера Галтерна. Андер является одним из самых знаменитых ученых по формам Хаоса.»

— Что стало с настоящим Галтерном?

«Он на Земле и работает с нами. Мы вывезли его отсюда тайком несколько месяцев назад. Мы составили легенду твоего возвращения в Ашур. В связи с этим ты должен знать, что на Онарисе...»

— Джесси! Голоса!

«Где?»

— Впереди. За дымом.

«Да, теперь и я слышу. Это полицейский патруль. У них акцент Ашура.»

— Ты можешь определить даже это?

«Когда требует ситуация, мы можем усилить чувствительность твоих органов. Прежде всего, не пытайся бежать. Доверяй гипнотически внушенной личности. Не пробуй действовать сам. Если ты поведешь себя не так, как действовал бы Андер, то нашей операции конец.»

Сквозь дым показалось несколько домов, от которых осталось всего несколько стен, закопченных огнем. Дорога шла между руинами, в конце которых виднелся шлагбаум, у которого суетились люди в зеленых мундирах.

— Стой! Буду стрелять!

Брон остановился. Нельзя было вернуться назад или отпрыгнуть в сторону. Пуля выбила каменную крошку у его ног. Какой-то офицер бросил ему мегафон.

— Возьми аппарат и отвечай!

Брон медленно исполнил приказание, не переставая смотреть на стволы, направленные на него. Он должен был признать, что полицейские начеку. Даже с такого расстояния и имея соответствующую подготовку, он не мог бы бросить гранату с газом за шлагбаум, так как в момент броска они изрешетили бы его в миг.

— Что ты делаешь в районе эвакуации? — спросил офицер.

Его усиленный голос имел унылый металлический оттенок.

— Пробую бежать.

Темперамент Брона, который всегда был наперекор насилию, придал ответу тон откровения и произвольности, полностью не связанный с гипноличностью. Развалины эхом отразили его слова, а потом прозвучал комментарий офицера, сухой и без тени юмора:

— Ну что ж, убегай!

«Сумасшедший! Ты хочешь, чтобы тебя убили?»

Голос Джесси звучал в его голове настолько громко, что Брон никак не мог поверить, что полицейские его не слышат.

«Прошу тебя, играй свою роль, идиот!»

— Ты слышал об эвакуации? Ты знаешь, что мы не оказываем сопротивления Разрушителям?

«Да»,— шепнула Джесси.

— Да,— ответил Брон.

— Значит, ты знаешь, что мы имеем приказ стрелять в каждого, кто находится в этой зоне. Ты можешь предоставить нам доказательство, из-за которого у нас не будет повода делать это?

Полицейские прицелились.

«Брон.»

Шепот Джесси стал еле слышен.

«Мы проверили его служебное положение. Он занимает большой пост и имеет неограниченные права для принятия решений, однако тут что-то не то, иначе он бы не болтал с тобой так долго. Позволь действовать гипноличности! Отодвинься!»

— Я Андер Галтерн. Я должен попасть в Семинарию Святой Реликвии и очень опаздываю, офицер.

Брон ощутил шок, слушая самого себя, выговаривавшего слова странным тоном.

Удивленный и заинтригованный, он позволил своему разуму и языку играть роль, о которой ничего не знал.

— Как я могу туда попасть и пройти через вашу заставу?

— Галтерн?

Полицейский растерялся и выключил мегафон. Было ясно, что имя Галтерна имеет определенную известность.

— Ты можешь удостоверить свою личность? — наконец подал голос офицер.

— А разве это нужно Галтерну из Ашура?

Голос Брона, измененный гипноличностью, имел необычную твердость.

— Может быть, у тебя есть какие-нибудь документы?

— Ни одного.

Злость медленно закипала в нем. Подробность, о которой нужно будет постоянно помнить,— Андер не принадлежал к терпеливым.

— Что должен делать Галтерн с какой-то бумажкой? — сквозь зубы произнес его голос.

— Однако все другие...

— Если вы не верите моим словам, то подойдите и убедитесь сами. Это все, что у меня есть.

С этими словами Брон сорвал с себя плащ и бросил его на землю. Следом за плащом последовало белье, и он оказался перед полицейскими обнаженным.

Тихим голосом, стараясь, чтобы звуки не попали в мегафон, Брон сказал:

— Боже, Джесси! Это очень неприятно, когда человек не знает, что сделает через секунду!

«Теперь ты понял, что это действует гипноличность? Она включается при непосредственном действии ситуации или вопросов.»

— Я клянусь тебе, что такое не может продлиться слишком долго, если каждый раз мне придется разбираться, как назваться в данный момент!

«Нельзя предвидеть, что может предпринять твое тело в каждый следующий момент,— раздраженным тоном ответила девушка.— Учти, что Андер Галтерн является жутко независимой личностью. Но это-то и странно. Меня очень беспокоит то, с какой легкостью тебе удается отходить от своей псевдоличности. Похоже, что эта гипноличность наложена на тебя недостаточно глубоко. Мне необходимо срочно сообщить об этом Доку.»

Офицер приблизился. В руке у него был пистолет. Он остановился перед Бропом и носком сапога отбросил плащ.

Увидев Библию, он наклонился и поднял ее, потом протянул книгу Бропу.

— Извините, сэр, однако поймите нас: мы должны быть очень осторожны. Сейчас тяжелые времена.

Его лицо стало бледным, глаза беспокойно бегали в сторону корабля Разрушителей.

— Вы можете обеспечить меня транспортом до Семинарии, офицер? — сухо спросил Брон.

— Конечно, сэр. Сейчас этим займутся.

Он быстро вернулся к плагбауму, а Брон начал одеваться, доставляя Джесси новое развлечение.

«Только теперь я поняла,— радостно провозгласила она,— что эта книга, Библия, что-то стоит. Кстати, а почему ты разделся догола?»

— Отстань!

Его губы еле дрогнули. Он глубоко вздохнул. Джесси ответила еле слышным смехом.

— Ты слышала? — удивился Брон.

«Я бы и так догадалась. Ты можешь не говорить. Мы принимаем твой голос прямо из голосовых связок. Ты должен иметь с нами связь, даже находясь среди толпы людей, так чтобы никто не догадался.»

— Ты на все имеешь ответ, не так ли?

«Не больше, чем ты можешь спросить, Брон. А поскольку ты не помнишь ничего, это позволяет мне управлять тобой, как марионеткой.»

Глава 5

Машина, которую предоставили в его распоряжение, оказалась очень функциональной и чрезвычайно шумной. Спрятавшись от глаз пилота и пользуясь свистом дюз, Брон спросил:

— Джесси, ты слышишь меня?

Он четко выговаривал каждое слово.

«Отлично, Брон.»

— Почему эта книга убедила его, что я Галтерн?

«Думаю, что это старое земное издание, очень редкое на планетах. Только такие интеллектуалы, как Галтерн, могут ее иметь.»

— Странный тип этот Галтерн.

«Не знаю. Однако он великий мастер синкретистики, самый лучший из живущих.»

— Что это такое?

«Синкретист — это человек, работа которого под прямым углом пересекает разные направления науки. Чтобы получить звание мастера, нужно, чтобы тебе вручили около десятка разных дипломов, прежде всего, далеко отстающих друг от друга наук. Нужно сказать, что ты являешься специалистом высокого класса в каждой науке.»

Машина набрала высоту. Под ними проплыло огромное здание.

— Джесси, что это такое?

«Семинария, а точнее, Семинария Святой Реликвии в Ашуре. Разрушители будут искать тебя именно там.»

Турболет тяжело приземлился перед гигантским входом. Подчиняясь гипноличности, которая запрещала ему принимать во внимание пилота, Брон — Андер Галтерн — вышел из машины и по ступеням поднялся к входу.

Тут он впервые ощутил, как в нем разрастается личность этого чуждого ему человека, окружает его, как

тяжелая и темная ткань, сотканная из движений и поступков кого-то другого.

Его никто не ждал. Холл соединялся с коридором, который заканчивался дверью, за которой Брон попал в большой зал с темным потолком. Здесь преобладал слабый свет, лившийся через высокие окна, застекленные странными витражами. Он остановился, пораженный размерами и какой-то внутренней гармонией этого места. Поддерживавшие потолок колонны были украшены резьбой, бесчисленными фигурками и изображениями, создававшими сценки, смысл которых был для него совершенно непонятен.

Даже стены были расписаны богатыми символикой картинами.

Гипноличность проводила его через середину зала между камнями, которым была придана форма тронов. С другой стороны под простым балдахином был виден укрытый в камне альков.

Там находился щит с гербом Ашура, с солнечным кругом в середине. У основания круга располагалась распятая фигурка маленького четвероногого зверька с бурой шерстью — Святая Реликвия. Вокруг щита цветные полотна создавали надпись: «РАДОСТЬ».

— Это что, разновидность храма, Джесси?

«Если тебе так угодно. Религии, возникшие на планетах, очень мало похожи друг на друга и еще больше не похожи на все земные вероисповедания. Хотя их создатели считают, что все они являются частью одного и того же Бога.»

Брон внимательно приглядеался к фигуркам на колоннах. Только сейчас он заметил некоторые подробности резьбы, и ему показалось, что Джесси внезапно задержала дыхание.

«Подойди ближе, Брон. Это интересно.»

— О чем здесь говорится? Памятник маркизу де Саду?

«Нет, это образ веры. Принесение в жертву человека для благословения души. В этой Семинарии совершенство души и тела образует единство. Тело трактуется как временный футляр для слабой души.»

— Но это же идиотизм, Джесси.

«Однако они так живут. У колонистов есть около двадцати пяти способов подавления собственных слабостей.»

— Судя по некоторым из этих способов, я очень сомневаюсь в том...

«Молчи, Брон. Сюда кто-то идет.»

Его взгляд вперился в полумрак, но он никого не заметил. Он опять посмотрел на Святую Реликвию и на этот раз открыл связь между философией, выраженной в мотивах росписи колонн, и странным взглядом блестящих глаз зверька.

Это вызвало в нем проявление гипноличпости, и он, помимо своей воли, упал на колени, с руками, сложенными на груди в горячей молитве.

Тут за его спиной послышались чьи-то шаги.

— Андер Галтерн?

— Это я.

Он поднялся и повернулся к подошедшему.

Человек был высоким, аскетически сложенным, с седыми волосами и настороженным взглядом.

— Мы ждали тебя вчера, Галтерн. Чем ты можешь оправдать свое опоздание?

— Ашур был уничтожен, и я сам едва не погиб.

— Ты считаешь, что тривиальные хлопоты избавляют от выполнения обязанностей?

— Тривиальные? К черту! — начал Брон, отбрасывая свою гипноличпость.

«Брон, спокойно!»

— Андер, ты прошел испытание мастера и имеешь право выбрать кару сам. Что ты предлагаешь?

— Джесси, что я должен ответить? Гипноличность не сработала.

«Подожди немного. Этого нет в программе. Мы постараемся найти Андера.»

— Ашур почти уничтожен,— громко произнес Брон.— Разрушители контролируют город. Вне этих стен никто не имеет права ходить и даже жить. Ты бы призвал к каре того, кто пережил это?

У человека заблестели глаза, и на лице сверкнула бешеная улыбка.

— Андер Галтерн, ты разочаровал меня. Мы не привыкли ждать таких ответов от Галтернов. Говори, что ты выбираешь, или я выберу сам.

«Рубашку, Брон!»

— Рубашку.

Глаза незнакомца расширились, и лицо у него смягчилось.

— Теперь извини меня, Андер. Я не хотел обидеть Галтернов. Но пойми, это необходимо...

Гипноличность захватила Брона с новой силой.

— Ты сомневаешься в моем решении, брат?

В глазах незнакомца были видны смущение и глубокий стыд.

— Я скажу, что твой поступок не требует столь суровой кары. Позволь мне спросить тебя: ты в самом деле готов принять рубашку?

— РАДОСТЬ! — ответил Брон, все еще во власти гипноличности.

Жрец пожал плечами.

— Очень хорошо. Я проведу тебя в келью. Рубашку принесут туда.

Брон двинулся следом за ним. Они покинули зал через дверь и шли бесконечными коридорами, угрюмыми и голыми, не дававшими ни малейшей радости человеческому желанию контраста.

— Джесси, это скорее похоже на тюрьму, чем на Семинарию.

«На Онарисе нет разницы между ними. Воспитание неразрывно связано с религией, а та — с истязаниями карой. Единственное, что можно записать в плюс этому обществу, это то, что оно иногда воспитывает очень мудрых людей, свихнувшихся, однако выдающихся.»

— Не сомневаюсь. А что это за рубашка?

«Не знаю. Это идея Андера. Он считает, что эта кара соответствует тяжести проступка.»

Жрец остановился перед какой-то дверью.

Цифровой замок щелкнул от прикосновения его пальцев, и тяжелые деревянные двери открылись. Брон, привыкший к функциональности, ощутил шок от того, что увидел. Келья была обычным каменным мешком. Единственной вещью, которую можно было отнести к мебели, был цоколь из белого камня, который должен был служить и столом, и креслом, и кроватью и имел форму гроба. На потолке возле отверстия, впускавшего слабенький свет, виднелась знакомая надпись: «РАДОСТЬ».

— Андер Галтерн! Через несколько минут принесут рубашку. Советую одеть ее тотчас же. Тогда ты не опоздаешь на первую молитву.

— Кара не может подождать до вечернего обряда?

— Нет! Ты заслуживаешь больших почестей. Скажу, что твое покаяние будет более совершенно, если ты предстанешь перед братьями и они увидят действие рубашки.

Под действием гипноличности Брон склонил голову и ждал, пока жрец не ушел.

— Джесси, этот человек не только садист, но и псих.

Он даже не принял во внимание то, что я говорил об уничтожении города. Его мир начинается и заканчивается здесь, среди обрядов Семинарии. Сколько времени я должен здесь провести?

«Не очень долго. Разрушители всегда знают, где искать нужных им людей. Каждая атака тщательно планируется.»

— Они ищут только меня?

«Мы так считаем. Иначе они занялись бы пленными. На неразвитых планетах более выгодно использовать людей, чем дорогостоящих роботов.»

— Интересно. Когда-то на Земле тоже существовали корабли с невольниками.

Брон замолчал. Кто-то постучал в дверь.

В келью вошел монах, неся упакованную в прозрачную пленку рубашку. Он молча положил ее на колени Брона и поклонился.

В его глазах можно было прочитать почтение и глубокое сочувствие.

Глава 6

Брон осторожно осмотрел рубашку.

Ткань, казалось, прилипала к пальцам, словно состояла из тысяч маленьких крючочков. Он разделся и надел рубашку. Через минуту он почувствовал мягкое, почти осмысленное прикосновение материи к его телу. Он покрылся потом и первый раз в жизни попросил небеса о милости.

Поддавшись панике, он постарался сорвать рубашку, однако тысячи крохотных волосков с крючочками на конце уже вросли в кожу. Чтобы сорвать рубашку, надо было расстаться с кожей. Страх, охвативший его, доводил до бешенства.

Усилием воли он подавил панику и постарался начать мыслить логически.

«Скорее всего,— со смаком констатировала Джесси,— это новейшая модель власяницы и бича. Созерцание, воздержание и терпение обогащают разум и успокаивают душу. Брон, посмотри правде в глаза: твой разум и душа требовали хорошей встряски. Я думаю, что это испытание пойдет тебе на пользу.»

— Мерзкая девка! Ты заплатишь мне за все!

Вновь в дверь постучали. Вернулся послушник.

— Мастер Галтерн, мне жаль, что я прерываю твою молитву. Сейчас тебя ждут в классе синкретистов.

— В общем-то ты мне не помешал, так как я уже совершил свою молитву.

В коридоре молодой человек дотронулся ладонью до лба и сказал:

— Мастер, ты можешь отдохнуть на моем плече, если хочешь.

Его взгляд был прикован к воротнику рубашки, выглядывавшей из-под плаща.

— Нет, спасибо.

Они двинулись в путь. Джесси запоминала каждую подробность дороги. Сознание Брона было отключено из-за продолжавшейся боли, вызываемой рубашкой. Возле дверей зала его проводник приложил ладонь ко лбу и исчез.

Брон прикоснулся к замку, который через несколько секунд раскрылся. Он вошел в помещение, где впервые в жизни должен был прочитать лекцию синкретистам. На этот раз он был действительно шокирован.

Обучающая аппаратура, сосредоточенная здесь, стоила целые состояния. Его ученики, около сотни послушников, были рассажены в индивидуальных отсеках, имевших непосредственный контакт с компьютером.

Преподавательский стол был маленьким арсеналом передовой технической мысли.

В этой щекотливой ситуации Брон позволил взять верх гипноличности. Он позволил своим пальцам свободно бегать по клавишам и кнопкам.

Через какое-то время он понял смысл этих жестов, и приборы раскрыли ему свои тайны. Он начал свой доклад, понимая слова только после того, как их произносил. Рубашка причиняла ему теперь такую боль, что он только большим усилием воли не терял сознание. Его организм реагировал на боль сильнейшим аллергическим раздражением.

— Джесси, эта рубашка убьет меня. Спроси Андера, как избавиться от нее.

«Я уже спрашивала, Брон. Это невозможно без хирургического вмешательства. Волоски реагируют на гистамин. Когда аллергическая реакция организма приведет к повышению содержания гистамина, волоски отойдут сами.»

— О, боже! Сколько времени это может продолжаться?

«Это зависит от индивидуальных особенностей организма. Может, и двое суток.»

— Понимаю,— пробурчал он.— Ты спрашивала нашего приятеля Андера, сколько человек умерло от действия этой рубашки?

«Да, около десяти процентов. Поверь нам, что если бы мы об этом знали, то не позволили бы тебе надеть ее.»

— На кого работает Андер?

«На нас. До сих пор. Он говорит, что выбор рубашки соответствует именно его личности. Мы недооценили тот факт, что большинство Галтернов — сумасшедшие.»

Доклад длился около пяти часов, после чего Брон вернулся в келью. Эти пять часов все же кое-как отвлекли его от боли. Он вернулся к безделью с опаской, реакция его организма приобрела беспокойный характер. Мышцы ног и рук стали вялыми и страшно болели. Ему показалось, что он впервые в жизни начинает понимать, что такое белая горячка.

Однако выбора не было. Он растянулся на камне и, не мигая, уставился на дырку в потолке. Вскоре он впал в состояние самогипноза и, когда начал замечать черные и белые пятна, погрузился в сон.

«В омерзительных потемках какой-то нечеловеческой инквизиции какой-то разум...»

— Перестань, Джесси. Что случилось?

«Кто-то стучится. Двое людей.»

— Боже! Я больше ничего не вижу. Если меня не освободят от этого, клянусь, что покончу с собой!

«Док работает, без перерыва расспрашивая Андера о химическом составе волосков. Поверь, это непросто. Биология Онариса сильно отличается от земной.»

Брон постарался встать. Его парализованные болью суставы не позволяли ему сделать какое-либо движение. Наконец, он все же встал и, пошатываясь, побрел к двери.

Мужчины были одеты в плащи, ничем не напоминавшие его плащ или одежду послушника.

Больше всего это было похоже на светло-желтые спортивные тупики.

— Мастери Галтерн, пришло время молитвы на вечернем собрании.

Под действием гипноличности разум Брона среагировал тотчас же.

— С каких пор появился обычай экскортировать отбывающих кару?

В его голосе звучала гордость всей семьи Галтернов.

— Старший Брат требует гарантий духовной дисциплины.

— Дисциплину нельзя требовать! Она исходит из глубины души. Старший Брат превышает свою власть. Я пойду сам.

Стражники стояли, неловко переминаясь с ноги на ногу. Брон воспользовался этим и вышел в коридор, собрав все свои силы.

Сначала ему помогал гнев, который ощущал Галтерн, потом... он этого и сам не знал.

Они вошли в зал и пошли прямо вдоль главного алтаря к Святой Реликвии. Поддавшись неконтролируемому импульсу, Брон благоговейно застыл перед святыней: распятым на кресте животным. Он дотронулся ладонью до лба и долгую минуту стоял неподвижно, затем попытался двинуться, но ослабевшие ноги не слушались его.

Он зашатался, и стражники подхватили его, не давая упасть. Они затащили его в один из альковов, расположенных на другой стороне, на стенках которого были расположены захваты для поддерживания жертвы за руки, когда та теряла сознание, и заковали его.

Прошел час, потом пришли члены Братства.

Много раз сознание Брона отлетало в кошмарную глубину беспамятства, теряя ощущение времени. В какой-то момент он очнулся и увидел, что послушники занимают места на каменных скамьях.

Старший Брат, одетый в церемониальные одежды и гордый как судья, вошел в зал последним. Он мельком посмотрел на Брона и начал службу. Торжественно, долго, с псалмами проповедей, полными проклятий и бешеного догматизма.

Между провалами в памяти Брон старался прочесть на лицах присутствовавших их мысли и чувства. Большинство выражало беспокойство и сочувствие. И у всех в глазах горел темный блеск садизма.

«Брон! — закричала возбужденная Джесси.— Настало наше время. Приближается тяжелый разведчик. Разрушители будут через несколько минут.»

В подтверждение ее слов послышался грохот близкого взрыва. Старший Брат на долю секунды прервал молитву. Второй взрыв разнес дверь зала. В брешь ворвались солдаты. Они пробежали через неуспевший развеяться дым и образовали полукруг, готовый в любой момент ощетиниться огнем ручных лучеметов.

Старший Брат был уже не в состоянии игнорировать захватчиков.

— Кто вы такие и чего хотите? Вы что, не знаете, что это святое место?

Его голос, усиленный акустикой зала, был яростен и гневен.

— Нас прислал сюда долг,— ответил выступивший вперед офицер.— Где находится тот, кого называют Андер Галтерн?

— Здесь. Он отбывает кару, и ему нельзя разговаривать.

— Заткнись, старый дурак! Здесь командую я!

Короткая вспышка огня уничтожила несколько стеклянных витражей возле головы настоятеля этой Семинарии.

— Пускай Галтерн покажется нам, иначе мы начнем стрелять не только по окнам.

— Предупреждаю вас,— загремел священник, который никак не мог смириться с гибелью своего мира.— Вы творите святотатство! Я призываю вас покинуть это место!

Раздался одиночный выстрел из энергетического ружья. Заряд попал Старшему Брату в голову, и он рухнул на пол.

Под угрозой оружия монахи указали на Брона.

— Он Андер Галтерн.

Никто больше не пытался протестовать.

Разрушители, как обычно, были готовы к мгновенной стрельбе.

— Ты Галтерн-синкретист?

— Да.

— Что они хотели сделать с тобой? Убить?

Кроме риторики, вопрос свидетельствовал о разуме спрашивавшего. Разрушитель наклонился, раскрывая захваты и толкая Брона вперед, однако тот был не в состоянии сделать сейчас хотя бы один шаг. Его ноги заплелись, и он упал.

Бессознательно он боролся с собой, чтобы подняться, но руки тоже отказывались служить ему. Он поднял голову в сторону язвительных глаз Святой Реликвии.

— Джесси, как называется это животное? — скорее не прошептал, а подумал он.

«Оно немного похоже на земного медвежонка. Такие животные когда-то жили на Земле.»

— И все медвежата имели такие глаза?

«То, что ты видишь перед собой, Брон, только игрушка, земная игрушка, которая когда-то, если верить настоящему Андеру, принадлежала Просперу Галтерну, когда тот был маленьким. Впоследствии твой предок — о, прости, этот человек — основал колонию на Онарисе и построил Семинарию, которой и подарил в качестве Святой Реликвии свою игрушку.»

— Боже! Джесси, так, значит, они поклоняются ИГРУШКЕ?

«Заткнись. Ты начинаешь говорить слишком громко.»

Глава 7

«Брон, говорит Док. Слушай внимательно. Сейчас ты находишься на палубе корабля Разрушителей. Ты был без сознания, когда тебя доставили сюда. Они поместили тебя в гипотермическую камеру, и врач провел тщательное обследование твоего тела. К несчастью, диагноз не слишком хорош. Они решили сделать тебе антигистаминовый укол. Ты сам понимаешь, что этого нельзя допустить никоим образом.»

— Тебе удалось вытянуть что-нибудь у Андера?

«Да. Рубашка сделана из крела. Это споры грибов, растущих на Онарисе, и они являются паразитами для человеческой кожи. Единственной защитой от них является гистамин. Если этот идиот понизит его уровень в твоем организме, то это немедленно вызовет размножение спор под кожей. Гриб вырастет размером с земную вишню, и представь себе тысячи таких спор. Да они разорвут твое тело на куски!»

— Что ты посоветуешь?

«Любой ценой ты должен избежать вмешательства врача до того времени, пока рубашка сама не отпадет. Это твой единственный шанс. Как она сейчас выглядит?»

Брон с трудом приподнялся на локте и потрогал материю.

— Она расползается по швам.

«Это хороший признак. Она скоро отпадет, минут через пятнадцать самое большее. Ты сможешь нейтрализовать врача?»

Брон огляделся. Здесь была одна дверь, несомненно, закрытая на замок, реагировавший на биополе лиц, которым разрешен доступ в эту каюту.

Он тяжело поднялся с постели и тут же рухнул на

пол, но успел заметить какой-то прибор на столе, в котором, может быть, могло находиться что-нибудь, что помогло бы вскрыть замок.

Он кое-как доковылял до стола. В прибор был вмонтирован хирургический лазерный нож. Брон с трудом потащил аппарат к двери.

Этот тип замка был ему незнаком. Он никак не мог понять, где находятся сенсорные элементы. Попытка покопаться в замке могла привести к открытию замка, а не к его блокировке, поэтому разумнее всего будет сделать короткое замыкание в электропроводке. При расследовании это можно будет отнести к обычной аварии, а не к диверсии. Он прицелился и нажал на спуск. Металл расплавился почти незаметно, однако этого хватило, чтобы электроника закоротилась и наглухо заклинила дверь в раме. Выстрел был очень удачным: даже если бы и заподозрили диверсию, то способ, каким она была сделана, был настолько дилетантским, что никто бы не смог заподозрить, что действовал здесь суперагент Службы.

Док наблюдал за всем происходившим глазами Брона.

«Сколько времени это выдержит?»

— Все зависит от них. Чтобы вырезать замок, понадобится минут двадцать, но если они спешат, то могут разрезать дверь боевым лучеметом секунды за две.

Брон с трудом вернулся в постель, осторожно засунул палец под рубашку и обнаружил, что ткань почти утратила свои свойства. Он мог рвать ее полосками. Кожа под ней была красной и набрякшей. Он не прекращал своего занятия, и ткань рвалась все легче. Когда за дверью послышались голоса, он успел снять таким образом почти половину рубашки. Кто-то попробовал открыть дверь и был удивлен ее сопротивлением. В замке начали ковырять чем-то металлическим. Затем все стихло, и эту заминку Брон использовал для того, чтобы побыстрее оторвать последние куски ткани. Едва он успел лечь, как огонь из лучемета вырезал замок.

В каюту вбежали врач и техник. Врач тотчас же бросился к Брону, однако, увидев, что тот спокойно лежит на койке, укрытый простыней, поспешил к технику, который внимательно рассматривал еще не успевший остыть замок, но установить взаимосвязь этих двух элементов ему не удалось. Техник обернул замок полотенцем, чтобы не обжечься, и унес с собой.

— Как тебе удалось снять рубашку?

— Это действие гистамина,— ответил Брон, однако

из его набрякших губ вырвалось только что-то вроде бульканья.

— Зачем ты это сделал? Зачем ты надел эту дрянь?

Брон надеялся, что гипноличность сама ответит, но ничего не произошло. Тогда он закрыл глаза и произнес:

— В нашей религии это форма кары.

— Странная религия. Обычный мазохизм. Разве на Онарисе нет психиатров?

— Есть. Я сам доктор психиатрии, но как можно говорить, что зло души может быть исцелено само так же, как и зло разума?

Врач не был настроен на продолжение философской дискуссии, которую, вероятно, считал абсурдом.

— Повернись и покажи мне спину.

Брон послушно повернулся. Врач протер ему спину спиртом и оторвал куски ткани, до которых Брону не удалось дотянуться.

Несколько кусочков он отложил для исследований, потом с интересом стал рассматривать крест Брона.

— Я сделаю тебе укол. Через несколько часов твоя кожа будет как у младенца, однако наркотик немного возбудит тебя.

— Док, я должен согласиться?

«Можешь рискнуть. Рубашки на тебе уже нет.»

Врач поковырялся с инструментом. Только тогда Брон заметил, что на пороге кто-то стоит и молча смотрит на него.

Это был высокий мужчина с седыми волосами, чрезвычайно сильный и внешне чересчур спокойный. На нем был отлично пошитый мундир высшего офицера Разрушителей, но без знаков различия. Все его внимание было сосредоточено на Броне. В его взгляде было столько напряжения, и он был настолько пронизывающим, что Брону его гипноличность показалась плохим и неудачным камуфляжем.

— Кто это? — тихо спросил Брон у врача.

— Полковник Дауквист.

Врач и Док ответили одновременно, но в голосе Дока слышалось нескрываемое торжество, когда он добавил:

«Брон, нам повезло. Это Мартин Дауквист, правая рука Каны!»

Гиподермический пистолет вогнал выстрелом порцию сыворотки в его вену, и Брон инстинктивно отдернул руку, кривясь от боли.

— Я хочу увидеть вашего босса,— через мгновение

произнес он.— Меня доставили сюда помимо моей воли, и я не намерен здесь больше оставаться. Я хочу, чтобы меня немедленно отправили назад, в Семинарию.

В глазах врача появилось сочувствие.

— Утром тебе наверняка объяснят, почему это невозможно сделать, а пока ты будешь делать то, что скажу тебе я!

Его пальцы стиснули плечо Брона словно стальные. Брон видел полковника Дауквиста, который, наклонившись, осматривал дверь, а затем, резко выпрямившись, быстро пробежал взглядом по каюте. В этот момент врач сделал второй укол, и волна сна подхватила сознание Брона. Уже погружаясь в беспамятство, он не мог видеть, как Дауквист взял лазерный скальпель и прицелился в дверь.

Глава 8

«Может быть, на алтаре какой-то дьявольской инквизиции умирает жертва, прикованная к стене, выгнутая от боли. Кинжал рвет плоть и нервы, оставляя сознанию только кошмарную боль.»

— Кто это?

«Зачем ты молишься? Разве ты не знаешь, что Бог умер?»

— Кто ты? Скажи мне, или я сейчас снова усну!

«Не делай этого, Брон. У нас и так хлопоты со связью. Я Ананиас.»

— Отвяжись, я не знаю тебя.

«Ты не можешь вспомнить даже меня? Неужели ты забыл, что Ананиас...»

— Ананиас? Это только имя! Я ничего не помню. Ты шутник из этой группы?

«Да, я весельчак, Брон. Однако сейчас не до шуток. Что тебе вкололи?»

— Антигистамин и снотворное.

«Ты не обратил внимание на название?»

— Нет. Он наполнял пистолет так, что я не мог видеть ампул. Оставь меня в покое, Ананиас. Я страшно хочу спать.

«Не сейчас, Брон. Ты очень плохо отвечаешь на семантический сигнал. Похоже, что они вкатили тебе какой-то алкалоид. Может быть, даже сыворотку правды.»

— Отстань! Я хочу спать.

«Минутку. Мы опасаемся, что они могут послушать тебя во время спа. Похоже, что Дауквист что-то заподозрил. Мы не можем полностью доверять гипноличности во время психофизических опытов. Если дело дойдет до этого, мы ввергнем тебя в кататоническое состояние. Это расстроит их планы.»

Усилие, которое произвел Брон, чтобы поддержать разговор, настолько обессилило его, что он опять начал впадать в сон. Он попробовал было открыть глаза, но это не удалось.

Он лежал и лениво думал, что каюта и так погружена во мрак. В конце концов, его охватил сон наяву, однако сознание продолжало довольно четко функционировать.

Фактом оставалось то, что связь между сном и пробуждением говорила о том, что в его крови циркулирует наркотик.

Он чувствовал себя как человек, дрейфующий на судне с воздушной подушкой по ленивой реке, текущей в темном туннеле. Отсутствие раздражителей привело к тому, что он стал галлюцинировать. Иллюзия была настолько полной, что он стал слышать плеск воды о камни туннеля.

Внезапно он ощутил болевой шок, на который, несмотря на наркотик, его организм отреагировал.

— Ананиас!

«Что такое, Брон?»

— Этот шум... что это? Что-то вроде шума толпы.

«Я слышу только обычный шумовой фон корабля. Ты уверен, что это не ошибка?»

— Нет. Шум идет из биотронного трансфера.

«Это невозможно. Он может передавать только мой голос. Сигналы передатчика с Антареса контролирует компьютер. Кроме звездного фона, больше ничего нет.»

— Однако я слышу что-то странное! Шум. Можно ли подключиться к нашему каналу без вашего ведома?

«Источник сигнала должен работать выше порога чувствительности приемника Антареса. Но где же можно было поместить передатчик? За тобой космическая пустота, Брон. Не забывай, что ты находишься сейчас на краю Галактики.»

— Нельзя ли увеличить чувствительность приемника на Антаресе?

«Можно. Однако при условии, что мы перестроим по-

ловину планеты. Ты еще слышишь эти голоса?»

— Да, но уже тише. Зато шумы корабля стали сильнее.

«Похоже, что они готовятся к старту. Не думаю, что у них будут трудности с выходом на орбиту. Желаю тебе хорошего отдыха, Броп.»

— Апаниас?

«Да?»

— Мы были знакомы?

«Когда-нибудь ты все вспомнишь, Броп.»

— А Джесси... Я ее тоже знаю?

«Я не могу тебе этого сказать, это тайна.»

— Я только не понимаю, зачем мне подсунули эту девку.

Он старался расслабиться, подремать, но каждый раз попадал в ту же самую моросящую слякоть, и его будило то же самое ощущение страха. Постепенно шум невидимого потока исчез в реальных, доносившихся отовсюду звуках. Рев двигателей усилился до максимума. Весь корабль начал дрожать в ошеломляющем ритме.

Они взлетели на посадочных двигателях, и, пока не включались планетарные, сила тяжести не превышала четверти «же». Весь огромный звездолет плавно поднимался вверх, а снаружи царил кромешный ад.

Броп с дрожью представил себе ураган из раскаленного газа, который рыл в грунте километровый кратер, сотни или даже тысячи домов, превращаемых в пыль. Каждый двигатель имел свой голос, сила и тембр которого изменялись и, замолкая, уступали место другим звукам, по мере наступления очередных фаз старта. Наконец, завыли верхние слои атмосферы, затем и этот звук пропал. Наступила тишина.

Включился главный гравипривод, который должен был вывести звездолет из планетной системы. Только тогда, когда самые дальние планеты этого солнца остались позади, включились подпространственные генераторы, избавляя корабль от массы и ускорения и забрасывая его в нужную точку Галактики.

Постепенно уши Бропа привыкли к этим необычным звукам, и он уснул. Разбудили его свет и фигуры двух склонившихся над ним мужчин.

— Андер Галтерн?

Брону показалось, что, скорее всего, это было утверждение, а не вопрос.

— Вот у нас и есть синкретист. Выглядит он моло-

до. Знаешь, Мартин, что это один из выдающихся людей нашего времени?

— Когда его принесли, на нем была рубашка из гриба-паразита. Если это предел его возможностей, то я — идиот.

В его голосе появилась сухость.

Чья-то рука приподняла и опустила крест Брона.

— У каждого свой стиль Мне жаль, Мартин, я забыл, что ты не переносишь разговоров о старом мире и его обществе.

— Каждому согласно воле. Не каждый имеет такую судьбу, как твоя, и наверняка немногие имеют возможность успокоить ее в любой момент.

— Я никогда не имел никаких предубеждений.

В голосе появился оборонительный тон.

— Сейчас, Мартин, уже нет дороги назад. Судьба изменилась с появлением этого человека, который любит терпеть, и с появлением тебя, который любит заставлять терпеть. Два конца одной и той же психической деформации.

Наступила тяжелая тишина.

— Ты хочешь его прослушать?

— У меня нет ни малейшего желания слушать рассказы о взлетах и падениях этой занюханной планетки. Мы знаем, что это Галтерн. Иначе нас не было бы здесь. И, чтобы испытать его способности, как катализатора, необходимо подождать.

«Брон, ты слышишь меня?»

— Да.

«Ты можешь открыть глаза? Моргни только веками. Этого будет достаточно.»

Он заворочался, словно человек, которому мешают спать, и на мгновение моргнул.

«Прекрасно, Брон. Это то, что нужно. Первый — это Мартин Дауквист. Ты его уже видел. А второй... Да, хорошее общество собралось возле тебя.»

— Хорошо, Ананиас. Но кто этот второй? Когда я начинаю думать об этом, у меня прямо голова раскалывается.

«Было бы лучше, если бы она у тебя совсем раскололась, Брон. Ха-ха. Ты видел самого Кану.»

Глава 9

Брон проснулся от звука звонка, провозглашавшего смену вахты. Он сел в постели, борясь с остатками сна. Врач не обманул: кожа была гладкая и розовая, боль в руках и плечах почти прошла.

— Что, все спят?

«Спят? — воскликнула Джесси со злостью.— Как можно спать, если ты храпишь с такой силой? Как ты себя чувствуешь?»

— Как в Рождество Христово в Европе!

«Хорошо. К тебе возвращается память. Хотя мне и сомнительно, как ты смог что-либо вспомнить о Рождестве в Европе. Как-никак, все же наркотик, который тебе вкололи...»

— Расскажи мне о Дауквисте. Я думаю, он что-то подозревает.

«Мартин Дауквист. Девятое поколение. Заместитель Каны, однако, без сомнения, более жестокий, чем его начальник. Ответственен за четыре проведенные акции против планет, не входящих в Федерацию Разрушителей. На него ты должен обратить особое внимание. Он хитрый и ловкий как дьявол, любит садистские пытки.»

— Об этом я не забуду. Что он делает здесь вместе с Каной?

«Мы еще точно не знаем. Это не обычный планетный Совет. Или они подготовили нечто важное, или узнали, что Службу интересует этот рейд, поэтому-то они и сами решили что-либо разузнать. Если это именно так, не пробуй пользоваться своими глупыми шутками.»

Джесси замолчала, заметив входившего врача. Он прошел к Брону и быстро осмотрел его.

— Ты выскочил из этой переделки целым и невредимым.

Врач усмехнулся, когда закончил свой осмотр.

— Хотя должен заметить, что ты этого не заслуживаешь. Так издеваться над своим здоровьем! Я прикажу принести тебе поесть, и можешь выметаться отсюда. В следующий раз я просто прооперирую тебя и сниму рубашку вместе с кожей. Посмотрим тогда, какой из тебя мазохист, дружок. Полковник Дауквист хочет тебя видеть. Я не советую тебе шутить с ним. С теми, кто проходит через его руки, уже ничего нельзя сделать.

Минутой позже вестовой принес горячий завтрак, и Брон только тогда понял, как давно он не ел. Ему при-

несли также и одежду: легкую тунику военного образца, немного белья и длинный белый плащ, предназначенный для молитвы. Улыбаясь, он надел белье и плащ, отложив тунику. В плаще нашелся достаточно большой карман, чтобы в него поместилась Библия. Остальные вещи он рассовал в отделения хирургического футляра, который нашел в медотсеке, уверенный, что его действия полностью соответствуют действиям настоящего синкретиста.

Врач вернулся, чтобы проводить его к полковнику. Увидев, как он одет, он не смог удержаться от удивления.

— Нужно быть идиотом, чтобы не сделать того, что тебе приказали,— сказал он.

Несмотря на это, он не потребовал, чтобы пленный переоделся.

Дауквист поднял глаза, заметив входившего Брона.

— Ага, синкретист, ты выглядишь вполне здоровым.

— Зачем вы захватили меня? — сразу в лоб спросил Брон.— Я требую, чтобы вы немедленно вернули меня в Семинарию.

— Об этом не может быть и речи,— категорически отрезал Дауквист.— Ни в коем случае. Даже если бы мы и хотели. Но мы, конечно, не хотим этого. Мы проделали большой и трудный путь, чтобы достичь цели, Галтерн.

— Меня зовут Андер.

— Хорошо, пусть будет Андер. И не строй иллюзий относительно своего положения. Ты пленник, такой же, каким был в Семинарии. Однако это не означает, что мы не можем сотрудничать, правда, немного позже. Пока мы не убедимся, что ты не предашь нас, ты останешься под стражей. Лично я желал бы снять с тебя шкуру, но вынужден подчиняться приказу. Но все же я очень надеюсь, что мне еще удастся сделать это при первом же твоем неверном шаге.

Дверь внезапно раскрылась и так же быстро закрылась. В каюту вошел Кана. Он подозрительно глянул на Брона и сел за стол.

Он выглядел весьма интеллигентно и совсем не был похож на безжалостного захватчика планетных систем.

— Мартин, я хотел бы, чтобы вы оставили нас.

Дауквист, видимо, вознамерился запротестовать, но затем исполнил просьбу.

Он вышел, бросив на Брона красноречивый взгляд.

Было ясно, что существует различие во взглядах на положение Брона на корабле.

Не было сомнения, что Дауквист был взбешен приказом Каны.

Брон остался один на один с великим тираном космоса. Кана молчал, однако от его фигуры веяло почти гипнотическим магнетизмом.

— Обычно,— наконец заговорил Кана,— я не вмешиваюсь в дела Мартина, но на этот раз я не мог рискнуть отдать синкретиста твоего класса в объятия его любопытства. С любой точки зрения, ты исключительный человек и можешь быть полезным для нас. Однако Мартин дьявольски подозрителен, и это тоже делает его полезным для нас. У меня на твой счет, синкретист, есть своя теория. Я подозреваю, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Я Андер Галтерн, синкретист из Университета Адана на Онарисе.

— В таком случае, ты сможешь ответить на мои вопросы. Если я найду в твоих ответах хотя бы малейшие неточности, ты мгновенно отправишься к Мартину.

— Я не могу допустить, чтобы меня оскорбляли недоверием.

Ответ гипноличности был ослаблен, но Брон ухватился за это и усилил его, сделавшись обиженным до глубины души святым.

«Брон, ты можешь не выпутаться из этого. Я сейчас позову Андера.»

— Хорошо, Джесси. До сих пор гипноличность не очень-то мне помогала.

Кана вытащил из папки какие-то бумаги.

— Видишь, Андер Галтерн, мы много знаем о тебе. Кстати, где находится Джеддах?

«Ловушка! Джеддах — это город на Онарисе, однако Галтерн сразу бы подумал о Джеддахе Галтерне, который умер.»

Голос, зазвучавший в голове Брона, был незнакомым, с легким онариским акцентом.

— Джеддах умер,— повторил он.— Он принадлежал к пятому поколению. Сегодня ему было бы сто семь лет.

«Очень хорошо, но зря не рискуй.»

Кана закивал головой, не переставая рыться в бумагах.

— Скажи, пожалуйста, как звучит название заявле-

ния, которое ты сделал на Девятом Симпозиуме Галактических наук в Марока на Приаме?

«Девятый Симпозиум был не на Приаме, а на Мяли-у. На Приаме был Десятый.»

— Что ты имеешь в виду? — спросил Брон.— Тот Десятый Симпозиум или тот, что был на Мяли-у?

— Конечно, на Мяли-у,— ответил Кана, даже не глянув в бумаги.— Прости, я, наверное, ошибся.

«Применение теории Исключения Параметра, приводящего к описываемой Прогностике форм Хаоса.»

Брон повторил слово в слово. Кана кивнул головой и отложил бумаги в сторону.

— Хорошо. Но все же я до конца не уверен, что Мартин ошибается. У него инстинкт на такие вещи. Мы не можем позволить себе ошибаться, так часто наша жизнь зависит только от него. Уши и глаза у нас должны быть всегда широко раскрыты. Если ты не Галтерн, то те, кто послал тебя, без сомнения, проделали очень ювелирную работу, так что ты и в самом деле стал Галтерном и то, что ты подделываешься под него, не имеет больше значения.

— А сейчас,— сказал Брон,— прошу вас ответить на мой вопрос. Зачем Разрушителям так внезапно понадобился синкретист?

— Не только синкретист. Нам нужны многие, и мы практически уже имеем их. Однако нам нужен тот, кто может связать в себе синкретизм и знакомство с формами Хаоса.

— Зачем?

— Через несколько часов у нас кое-что намечается. Только тогда я дам ответ на твой вопрос. Возможно, ты и сам найдешь его. Во всяком случае, ты будешь иметь полную свободу передвижения по кораблю. Ты сможешь входить туда, где только перед тобой откроются двери. Однако некоторые каюты и отсеки будут закрыты. Видишь, мы от тебя почти ничего не скрываем. Как-никак, ты все же пленник. Вестовой покажет тебе твою каюту.

Кана встал и показал рукой на дверь.

Брон понял, что ему предлагают уйти.

Он пожал плечами и, когда вышел за дверь, сразу же наткнулся на человека в мундире лейтенанта корабельной полиции Разрушителей. Тот предложил ему пройти в Информатерий, где у Брона тут же взяли отпечатки пальцев и вложили данные в компьютер, ведавший всеми дверями и люками на корабле.

Для пробы он тут же обошел почти весь корабль, пробуя открывать замки. Большинство из них, к его удивлению, открывалось при прикосновении его пальцев. Тогда он вернулся в свою каюту, лег на койку и связался со своими невидимыми соратниками.

— Джесси?

«Нет, Ананиас. Наша маленькая девочка пошла перекусить. Ее обычное меню составляет битое стекло, политое ядом змей. Что ты скажешь о свободе, так царственно подаренной тебе Каной?»

— Я удивлен. Хотя, если рассуждать здраво, мне оставили как раз столько веревки, чтобы в крайнем случае меня можно было бы без промедления вздернуть на первой же рее. Единственные места, как я разузнал, куда мне нельзя заглядывать, это арсенал, центральная радиорубка и рубка компьютерной связи. Я уверен, что каждый мой шаг контролируется.

«А мостик? Мы должны узнать цель полета.»

— Я еще не пытался. Не хочу проявлять свое любопытство. Да это и не нужно. Как сказал Кана, в ближайшее время что-то должно произойти, и первоначальная цель может быть изменена. Когда они начнут готовиться к гиперпрыжку в подпространство, я добуду данные прямо с матриц, не заглядывая на мостик.

«Это идея! Помни, что у них нет ни малейшего повода подозревать тебя. Держись подальше от радиорубки, и ты будешь чист, как стеклышко. Система биотронной связи единственная в своем роде, и никто не знает об ее существовании, за исключением нескольких человек Службы.»

— Хотелось бы в это верить. Этот шум, который я принимал, не дает мне покоя. Кто-то работал на нашей волне. Это не были шумы от помех.

«Мы не можем определить источник этого шума, Брон. Выдвинута гипотеза о гетеродинном сигнале...»

— Это не в счет! Я уже говорил, что эти голоса имели характер разума, обладающего очень сложной системой связи!

«Мы займемся этим, Брон. Хотя я уверен, что ты ошибаешься. Но что это с двигателями?»

Брон с минуту внимательно прислушивался.

— Похоже, что они работают в тормозном режиме. Может быть, мы приближаемся к точке, где должно что-то произойти. Может быть, мы должны с кем-то встретиться?

«Встретиться? С кем?»

— Я ничего не знаю об этом, даже никаких намеков, хотя думаю, что предстоит встреча с главными силами.

«Интересно, зачем? Они еще никогда не рисковали выходить в космос всем флотом. Для прыжка в гиперпространство они должны будут перегруппироваться.»

— Должно быть, случилось что-то из ряда вон выходящее.

«Ты не очень там интересуйся. Лучше подожди встречи.»

— Это как понимать, Ананиас? Приказ?

«Именно! Ты уже забыл, как нужно подчиняться приказам?»

— Давай условимся. Здесь работаю я, рискуя своей шкурой, и твои игры в солдатиков оставим в покое, пока моя игра здесь не закончится. Ты можешь спрашивать меня об информации, однако позволь мне самому выбирать способ ее сбора. Если же ты хочешь иметь марионетку, то я пас!

«Спокойнее, солдатик! — угрожающе процедил Ананиас.— Должен тебе заметить, что в твой мозг вживлены соответствующие электроды, а пульт управления передо мной. Хочешь, я прочитаю тебе некоторые надписи над кнопками? «Состояние кататонии», «Потеря сознания», «Боль», «Смерть». Конечно, это не написано словами, ведь мы сторонники символов во всем, что относится к боли и страданиям, связанным с существованием человека. Может быть, ты уже затаил мысль о неподчинении?»

— Ты забыл еще об одной кнопке, Ананиас!

«Не понял.»

— Играешь в Бога, а не предусмотрел символа «Воскрешение»!

Глава 10

Гравитационный привод внезапно выключился, и на корабле воцарилась тишина, нарушаемая только иногда звуками работающих внутри корабля механизмов. Сигнал тревоги приказал членам экипажа занять свои места. Брон вышел из каюты. В течение нескольких минут все коридоры были забиты людьми, спешившими поскорее занять свое место по тревожному расписанию. Брон отступил в сторону и услышал, что кто-то зовет его. Он

обернулся и увидел сержанта, отдававшего ему честь.

— Сэр Галтерн, Кана просит вас явиться в навигационную рубку.

Брон кивнул головой и постарался проанализировать поведение этого человека.

Было похоже на то, что его решили применить в создавшейся ситуации, как специалиста.

— Скажи, Ананиас,— одними голосовыми связками спросил он, подтолкнутый внезапным предчувствием,— что вас убедило, что Галтерн является единственным человеком на Опарисе, который понадобится Разрушителям?

«Знакомство со средой интеллектуалов и изрядная доза интуиции. А зачем тебе это?»

— Потому что весь этот план не имеет ничего общего с совпадением случайностей. Видимо, у них должна быть веская причина, чтобы они захватили Галтерна и никого другого, а раз так, то ты должен знать причину! Я уверен в этом! Поэтому, если тебе не трудно, расскажи-ка мне обо всем поподробнее!

«Ты все уже знаешь сам.»

— Ошибаешься!

Он услышал смех.

«Ты помнишь хоть немного меня, а?»

— Я знаю только, что не должен тебе доверять, хотя мы и одна команда и я ваш агент. Не забудь, что и я имею право задавать необходимые вопросы. Сообщи Доку, что мне нужна полная и откровенная информация по этому вопросу. Все, что я до сих пор узнал, кажется мне очень сомнительным.

Атмосфера в навигационной рубке была очень напряжена. Даже те, кто был не занят на вахте, собрались у экранов. Дауквист и Кана стояли на мостике, пристально вглядываясь в точки звезд.

Повернув голову, Дауквист заметил вошедшего Брона. Прищурив глаза, он махнул ему, чтобы он приблизился. Было похоже, что полковник что-то сосредоточенно подсчитывал. Очевидно, время являлось самым важным элементом ожидаемого события.

Брон решил понаблюдать за вспомогательными экранами, что позволяло ему одновременно смотреть и на остальные. На экранах роились блестящие точки в виде колец. Очевидно, это был флот Разрушителей.

Время, в течение которого напряжение росло все сильнее, шло. Наконец, оператор воскликнул:

— Я поймал его!

Он тотчас же выделил изображение почти невидимого еще объекта и громко начал диктовать данные. Дауквист и Кана перегнулись через него и с напряжением вглядывались в экран. Пока что это был какой-то непонятный объект, так как большинство датчиков обладало на таком расстоянии малой разрешающей способностью, однако через несколько секунд компьютер уже синтезировал его истинное изображение.

— Верно!

Кана посмотрел на данные компьютера и сравнил их с данными главной памяти.

Дауквист вновь углубился в расчеты.

— Только шестнадцать часов опоздания,— наконец произнес он.— Позиционное положение удовлетворительное. Временное положение улучшается.

Его взгляд снова упал на Брона, и глаза вспыхнули с такой силой, что Брон, казалось, ощутил шок.

— У меня странное предчувствие насчет тебя, синкретист. Ты производишь такое впечатление, словно знаешь, что это Хаос. Я начинаю думать, что твое присутствие здесь так же вычислено, как... это!

Он показал на экран. Брон ничего не ответил, так как полностью был поглощен увиденным.

Сначала он увидел что-то вроде двери, свободно вращающейся в пространстве, потом отметил некоторые подробности, которые становились все яснее. Это говорило о скорости объекта.

Наконец, все детали стали хорошо видны.

Брон различил семь длинных цилиндров, толстых и черных, похожих на баллоны для сжатых газов. Они были сгруппированы вокруг центральной оси. Не было никаких антенн, комплектов энергетических батарей, никакой аппаратуры. Здесь не было ничего такого, что всегда находится снаружи обычных космических зондов. Объект наводил на мысль о древности и солидности.

От этих летевших без всякой цели цилиндров веяло чем-то страшным.

Экраны теперь показывали все подробности объекта. Можно было различить массивные швы на стыках. Создавалось впечатление, что кто-то вырвал кусок чего-то, кусок из какого-то странного сооружения, и бросил его в космос. Курс этого объекта казался не случайным. Об

этом свидетельствовала исключительная точность, с какой операторы Разрушителей засекли его. Было похоже, как отметил Брон, что все они участвовали в каком-то историческом и, вместе с тем, драматическом событии, однако каждый из присутствовавших в рубке был слишком занят, чтобы обращать на это внимание.

Брон сдержал возглас, готовый сорваться с губ, когда огромная масса заполнила весь экран, словно готовилась разбить их корабль.

Датчики ослабили чувствительность, и объект опять отдалился, продолжая, тем не менее, сиять в огромном кольце флота Разрушителей.

Кана не отрывал глаз от экранов, и, казалось, вся чернота космоса проникла в его лицо. Вдруг он встал и обернулся, подошел к Брону и сказал важным голосом:

— Смотри внимательно, синкретист. Позднее я поговорю с тобой.

Заинтригованный Брон занял свободное место перед главным экраном. Объект все время уменьшался, фиксируемый датчиками корабля. Регулярно он словно отпрыгивал от экрана в момент смены чувствительности. Опасность уменьшалась, но напряжение среди людей не спадало. Внимание Брона было все время сосредоточено на цилиндрах, и он не обращал внимания на фон экрана.

«Онарис!»

Голос Ананиаса вырвал его из размышлений.

«Увеличь-ка изображение, Брон.»

Он исполнил приказание и с удивлением отметил, что линии, на которые он до сих пор не обращал внимания, являются контурами морей и континентов планеты, а черные цилиндры неумолимо продолжали свой полет через цифры данных, заполнивших экраны.

Подробности поверхности Онариса становились все отчетливее.

Удар был колоссальный.

Шар из огня, должно быть, стал такой же величины, что и планета.

Бушевавшая плазма распространялась с огромной скоростью. У Брона были достаточные знания по физике, чтобы понять, что атмосфера планеты сгорела в доли секунды. Затем последовал термоядерный взрыв. Огненный шар немного сжался, изменяя свой цвет с красного на желтый, а на его краях появился ореол голубого цвета. Потом проступило изображение планеты.

Зелень материков сменилась кирпичной краснотой, освещенной светом горевших океанов.

Затем планета лопнула и медленно, как бы в замедленной съемке, раскрылась. Ее жидкое ядро из тяжелых металлов заняло место огненного шара, поднявшись, толкаясь среди обломков континентов и газообразной материи.

Скорлупа поверхности раскрылась еще больше, и планета распалась на куски, разлетевшись в стороны.

Брон не смог вспомнить время, когда наступил конец этого жуткого зрелища. Он был вымуштрован так, что свободно мог воспринимать смерть некоторых людей. Смерть народов часто была результатом войн, иногда целые расы погибали во имя тех или иных целей. Но уничтожение целой обитаемой планеты низводило человека и его роль во Вселенной до размеров обычной бактерии, которую разводят в лаборатории для проведения тех или иных экспериментов.

Глава 11

— Я согласен, Ананиас. Я видел. А теперь объясни мне все это,— пожелал Брон.

«А почему их зовут Разрушителями?»

— Ты знаешь, откуда прилетела Бомба? Наверняка это не их рук дело.

«Должно быть. Корабль, перевозящий такое оружие, не может участвовать в планетарном рейде. Они не могут даже оставить его на орбите. Он должен был оставаться в космосе и после завершения рейда проводит бомбардировку для уничтожения следов.»

— Я не могу представить себе Кану, уничтожающего за собой следы. Он настолько силен, что не привык считаться с мнением остальных.

«Вот уже пять лет как они действуют активно. Патрульные открыли в тридцати семи планетных системах пояса астероидов, на месте которых были населенные планеты. Одиннадцать планет прекратили свои передачи после атаки Разрушителей, пять других подали сигналы бедствия на световых волнах. Некоторые мы приняли уже спустя годы после уничтожения.»

Брон минуту молчал.

— Сколько человек жило на Онарисе?

«Двести миллионов.»

— Если мы ожидали нападения Разрушителей, то почему их не встретил наш флот? Почему я оказался один?

«Флот ждал бы их, если бы мы были уверены, что Кана и Дауквист будут лично участвовать в акции. Только недавно была получена информация, которая, возможно, поможет обнаружить их Базу.»

— Значит, эта информация стоила жизни двухсот миллионов людей? Что такое?

Чья-то рука тронула Брона за плечо.

Это был Дауквист.

— Ты над чем-то задумался, синкретист? Неужели ты никогда не видел уничтожения планеты?

— Это был Онарис,— мертвым голосом ответил Брон.— От него ничего не осталось. Зачем, ради бога, вы это сделали? Ведь вы получили то, что искали!

— Напротив. Мы всегда считаем, что получать мы должны больше, чем ищем. Ты производишь на меня странное впечатление, синкретист. Не часто я общаюсь с интеллектуалами и должен тебе сказать, что интеллект в образе и поведении солдата гаснет. Я предпочитаю не рисковать. Наоборот, я предпочел бы сразу уничтожить тебя. Однако Кана решил иначе. Поэтому, для твоего же блага, синкретист, я советую тебе не дразнить его.

— Ты не ответил на мой вопрос. Зачем понадобилось уничтожать Онарис?

— Может быть, ты и настоящий синкретист, но кое-чего не знаешь. Тебе не мешало бы кое-чему поучиться. Идем, Кана ждет тебя в своей каюте. Тебе предоставляется возможность помочь нам.

— Помочь вам? О, боги! Вы думаете, что я буду работать на вас после всего этого?

Брон протянул руку в сторону раскаленного шара, видневшегося на экране внешнего обзора.

— После всего того, что вы сделали с цветущей планетой? Нет, я лучше умру!

— Я тоже так считаю, что тебе лучше умереть, синкретист, однако сейчас речь не об этом. Слушай внимательно, о чем будет говорить Кана. Думаю, что в конце нашего разговора ты изменишь свое мнение.

— Галтерн не меняет так легко свою точку зрения. Идите вы все к дьяволу!

Гипноличность еще действовала, но очень слабо.

— У тебя нет выбора, синкретист,— буркнул Дауквист.

Он протянул руку за оружием.

Брон встал и молча пошел впереди полковника. Он с удивлением обнаружил, что дверь каюты Каны при прикосновении его пальцев открылась.

Кана сидел за большим столом и внимательно рассматривал компьютерные перфоленты.

Пол возле стола был полностью завален ими.

— А, вот и синкретист!

Кана встал и ногой сгреб ленты в кучу.

— Мартин, останьтесь с нами.

— Весьма предусмотрительно.

Дауквист улыбнулся и сел, кивнув Брону на кресло рядом.

— Судя по выражению твоего лица,— начал Кана,— ты в большом затруднении, не так ли?

— Да. Я видел уничтожение Онариса, однако не могу понять, зачем это надо было делать. Ведь вы получили то, что хотели.

Кана нахмурил брови, но сразу же ответил. Он был до такой степени сосредоточен, что Брон никак не мог отгадать его мысли.

— Без сомнения, ты не понимаешь этого, однако все случилось именно потому, что мы получили то, что хотели. Онарис должен был погибнуть. После того, как планета была уничтожена через несколько часов после нашего отлета, мы поняли, что выиграли.

Брон не нашелся, что ответить на столь профессиональное признание.

— Но это же бессмысленно,— только и прошептал он.

— Для нас это имеет смысл. Сейчас мы попробуем тебе пояснить, что мы не являемся авторами этих атак. Кто-то другой послал эти бомбы.

«Брон, он лжет!» — отозвался Ананиас.

— Мы понимаем, что ты не можешь принять это утверждение без доказательств, поэтому я прошу тебя собрать эти доказательства и проанализировать их. Выводы сделаешь сам.

— Каким образом?

— Я позволяю тебе, нет, даже приказываю, просмотреть всю информацию, находящуюся на корабле, с целью определения происхождения Бомбы, уничтожившей Онарис. Обращаю твое внимание на два обстоятельства. Первое: кроме того, что траектория Бомбы была немно-

го изменена, взрыв произошел на шестнадцать часов позже.

Кана подошел к Брону, и Дауквист достал иглонистолет.

— Второе: у тебя будет свободный доступ ко всем видеолентам и всем данным, которые только пожелаешь. Это для облегчения работы по локализации точки, куда ударила Бомба. Пока что могу сказать, что наши данные показывают, что Бомба ударила в то место, где шестнадцать часов назад находился ты. И вот после этого ты, Андер Галтерн, должен будешь понять, что Бомба была нацелена не просто на Онарис или на мой флот. Она была предназначена для тебя, для уничтожения твоей личности!

Глава 12

«Что ты можешь сказать об этом, Брон?»

— Ничего, Джесси. Это может быть какая-то сложная игра, стратегия, ставящая целью привлечение для работы похищенных интеллектуалов. Но в то же время Кана мог быть вполне откровенен, заявляя, что Разрушители не являются ответственными за этот ужас.

«Ананиас не верит в это.»

Девушка усмехнулась.

«Он просто озверел, когда услышал, что ты готов выполнить эту работу.»

— Я не уверен, что могу доверять ему больше, чем Кане. Вы записываете наши разговоры?

«Да, изображение и звук. Так, на всякий случай. А почему ты об этом спрашиваешь?»

— Скажи Доку, что я хочу прослушать мои разговоры с Ананиасом. Похоже, что он скрывает от меня ответы.

«Ммм... Даже амнезия не излечила тебя от недоверчивости. Однако в отношении Ананиаса я могла бы согласиться с тобой. Это действительно опасный тип.»

— Хорошо. Что касается моей миссии, Джесси, то она просто-напросто самоубийственная, хотя и терять мне нечего. Ты сделаешь то, о чем я прошу?

«С удовольствием. Я мечтаю о том, как бы нагнать побольше страха на этого дебила.»

— Похоже, что я начинаю припоминать некоторые подробности жизни генерала Ананиаса.

В компьютерной рубке Брону выделили место за главным пультом. Ему были приданы два оператора-программиста и один видеотехник, которые тотчас же раскопали для него кучу информации. С этого времени он рассчитывал больше на себя, чем на псевдоличность Галтерна. Он очень тщательно начал изучать информацию, необходимую для составления программы для компьютера, который должен был определить происхождение Бомбы. Недостающие факты поступали со всех кораблей флота. Бомба прошла сквозь кольцо, созданное кораблями Разрушителей, и Брон надеялся получить некоторые важные данные.

«Кана не выкрутится столь легко из этой ситуации, Брон. Любой компьютер, обладая данными, которые ты раздобыл, докажет его виновность.»

— Если бы компьютер контролировался мною. К сожалению, я не имею к нему доступа. Они вполне могут изменить программу, и тогда мне поступит ошибочная информация.

«Вот поэтому-то мы и запустили все добытые тобой данные в свой компьютер и постараемся вычислить траекторию Бомбы.»

— Прекрасно! Я почти закончил программу и готов запустить ее.

Брон позвал техника.

— Что с видеозаписями?

— Я почти закончил. Можете пройти в проекционную, сэр.

Брон еще раз просмотрел свои вычисления и передал их программистам. Он пошел в зал, где его уже ожидал видеотехник.

— Я сделал отпечатки двухсот фаз перед взрывом. Это дает четыре секунды полета.

— Поехали!

Брон сел в кресло перед группой экранов. Техник искоса поглядывал на него с большой долей уважения, очевидно, прослышав, что он является специалистом в этой области.

— Даю на главный экран, сэр.

— Можешь называть меня Мастер,— сухо заметил Брон.— У тебя есть изображение Ашура?

— Есть на диапозитиве. Как только закончим зондирование, наложим его на монтаж.

— Я не хочу монтажа. Давай изображение зонда параллельно с проекцией...

— Хорошо, Мастер. Увеличив обе проекции, можно достичь разрешающей способности в несколько сот метров.

— У меня должна быть абсолютная уверенность в точности до одного метра.

Техник тихо свистнул.

— Это невозможно, Мастер.

— Называй меня Андер.

Техник широко улыбнулся.

— Меня зовут Каман, сэр. Ты, Андер, не любитель и знаешь, что к чему. Я много лет работаю на этой аппаратуре, однако не уверен, что могу добиться такого.

— Ты должен добиться такого!

— Подробности до одного метра с расстояния тридцать пять миллионов километров? Ты шутишь, Андер?

— Нет, Каман. Такая точность нужна, чтобы исключить все сомнения.

— Скажи тогда, как такого добиться.

На экране появилось закольцованное изображение последних четырех секунд полета Бомбы. Через несколько мгновений Онарис будет уничтожен. Ашур появился как туманная форма бронзовых и серых изображений. Город становился виден все отчетливее. В центре экрана медленно вращалась черная Бомба, которая в доли секунды должна смениться ярким взрывом.

На это изображение была наложена голограмма планеты, снятая одним из кораблей флота незадолго до катастрофы. На ней легко просматривались подробности поверхности: дома, улицы, даже фигурки людей. Техник отрегулировал увеличение, и оба изображения наложились друг на друга. Через полчаса микропоправок Брон получил то, что хотел.

— Джесси, где было мое местонахождение за шестнадцать часов до взрыва?

«Ты находился в западном флигеле Семинарии.»

— Сходится! Это нечто большее, чем простое стечение обстоятельств. Я не люблю совпадений, которые нужно измерять в микронах.

Техник молча следил за его действиями.

— Ты доволен, Каман?

— Да, ты убедил меня. Я буду теперь применять этот метод. Это все?

Брон кивнул.

— Достаточно. Как, черт возьми, можно выпустить Бомбу с такой точностью?

Каман пожал плечами.

— Ты синкретист. Но я бы скорее подумал вот над чем. Как эта Бомба пролетела сквозь атмосферу и не сгорела? Ведь у нее не было защитного поля. По крайней мере, наши приборы не могли его зафиксировать.

— Джесси, ты слышала?

«Да, Брон. Мы тоже подумали об этом. Значит, защита все-таки была. При такой скорости полета, Брон, Бомба должна была испариться еще в верхних слоях атмосферы, а она даже не нагрелась.»

— Очередное доказательство для поисков ее хозяев.

Брон отпустил техника и вернулся в компьютерную рубку. Данные были уже отпечатаны.

Компьютер выделил все объекты, лежавшие на пути следования Бомбы. Просмотрев полученные результаты, Брон ощутил, как забилось его сердце.

Он смял лист бумаги с выводами машины и бросил его в корзину для мусора.

«Брон, мы не успели разглядеть!» — включился нетерпеливый Ананиас.

— У вас есть видеозапись.

«Однако это займет много времени.»

— Тогда сначала я хотел бы услышать, что выдал ваш компьютер.

«Я не должен тебе отвечать, а ты должен исполнять мой приказ!»

— Отстань!

«Ах ты...»

Голос Ананиаса внезапно оборвался. До Брона донеслись обрывки тихого разговора, разобрать которые ему не удалось.

Потом раздался голос Джесси:

«Поверь, Брон, мне очень жаль. Ананиас хотел выкинуть какой-то фортель. Не думаю, что он попробует сделать подобное еще раз. Что же касается наших результатов, то мы думаем, что где-то в космосе находится корабль, где-то в межгалактическом пространстве. Позиционный тензор, примененный для вычислений, ничего не дал. Единственный подходящий источник находится в Галактике Мессир-31.»

— Туманность Андромеды?

«Это соответствует траектории полета, продолжающе-

гося семьсот миллионов лет. Конечно, можно опровергнуть эту гипотезу.»

Брон нагнулся и взял из корзины выходные данные компьютера Разрушителей.

— Это сходится с моими вычислениями. Думаю, что компьютер не ошибся. Значит, это нельзя приписать Кане.

«Что ты хочешь этим сказать?»

— Дорогая Джесси, Кана послал своих людей прямо в Семинарию, так как надеялся, что Галтери будет там. Это было логическое рассуждение, основанное на правдивой информации. Однако, когда была выпущена Бомба, даже Кана не мог знать, где окажется Галтери. Собственно, единственными людьми, которые знали мое местонахождение, были Док, Ананиас и ты.

Глава 13

Ананиас отвернулся от экранов с выражением абсолютного неодобрения.

— Ты прекрасно с ним ладишь, моя дорогая. Но учти: если он еще раз будет действовать по-своему, я тут же выброшу его на улицу. И тебя заодно. Сомневаюсь, чтобы ты смогла сделать там карьеру, разве что как уличная девка.

— Заткнись, вояка!

Ананиас посмотрел на свои галуны. У него были влажные губы, а глаза блестели.

— Ты недооцениваешь меня, ты, дешевка!

— Ты бредишь, Ананиас. Думаю, что, когда Док закончит это дело, это будет счастье, если ты сохранишь свои привилегии.

Потребовалось больше минуты, чтобы слова Джесси дошли до мужчины.

— Повтори-ка, только медленнее!

Его голос был полон ненависти.

— Не прикидывайся агнецом. Ты прекрасно знаешь, что регулярно уничтожал часть записей.

— Что?

В порыве гнева он вскинул руку, чтобы ударить ее, однако тотчас же вспомнил, как она владеет приемами защиты, и рука так и повисла в воздухе.

— Откуда это пришло тебе в голову, малютка? — спросил он уже спокойным тоном.

— Мне это подсказал Брон.

Джесси с наслаждением наблюдала за возраставшим беспокойством генерала.

— Док об этом знает?

— Конечно. Я послала в Центр рапорт, чтобы...

— Но это же чистой воды идиотизм,— закричал Ананиас.— Док ничего не поймет. У меня все полномочия Генерального Штаба. У меня, понимаешь? И если я решаю уничтожать часть записей или даже все, то ни доктор Веедер, ни ты ничего не можете с этим поделать! Понятно?

— Ты ошибаешься.

Веедер влетел в зал с раскрасневшимся лицом.

— Позвольте напомнить вам, генерал Ананиас, что вы находитесь в помещениях, принадлежащих Службе!

— Это-то я отлично знаю.

Ананиас попытался улыбнуться.

— И я знаю, что вы заняты в операции, которой руководит Генштаб. А это означает, что вы непосредственно подчиняетесь мне, и я очень недоволен всем тем, чем вы занимались до сих пор. Не кажется ли вам, дорогие мои, что этот Брон просто-напросто свихнулся: шок, амнезия, шизофрения и мания преследования. А отсюда и прямое неповиновение!

— О, боже! К черту эту твою манию преследования! — крикнула Джесси.— Скажи мне, откуда ты взял эту чушь? Я ничего такого не вижу. А может быть, это все было в записях, которые ты уничтожил?

— Слушай внимательно! — Ананиас стукнул по столу.— Я уже говорил, что сделаю с тобой, если ты не будешь подчиняться моим приказам. Вот и ты, Док, тоже можешь запросто получить отставку, и тогда только небольшая пенсия и все. Хотя я уже решил. Вы оба завтра утром сдадите дела.

— Можешь передохнуть, Ананиас! — Злость Джесси передалась Веедеру.— По моему рапорту, который я подал после Джесси, руководство Службы подтвердило мою руководящую роль в этой операции. Ты допускаешься в качестве советника и можешь быть отстранен от дел сию же минуту.

— Я немедленно сообщу об этом в Штаб! Вы оба проиграете, учтите. У вас нет никаких шансов.

— Может быть. Однако до сих пор приказ не изменен, и ты отстраняешься от участия в операции.

— Ну, а если это не так?

На лице Веедера появилась триумфальная улыбка.

— В таком случае, генерал Ананиас, ты будешь арестован и помещен в тюрьму. Военный Совет будет решать твою судьбу.

— Ты не имеешь права меня задерживать.

— Я рискну, если это будет необходимо для пользы дела.

— Но тебя никто не будет слушать, пока ты не представишь письменные доказательства. Даже если приказ уже отправлен с Базы, на то, чтобы он сюда дошел, потребуется, как минимум, неделя, а за неделю я многое могу сделать, не так ли?

Джесси мгновенно отреагировала:

— Неделя не потребуется. Каждую минуту мы ждем, что Брон добудет необходимые сведения, а это и было целью операции, не так ли? Нам надо было найти Базу Разрушителей, вот и все, а потом нужно будет только стрелять.

— Нет, не все. Сначала придется рассчитаться по старым счетам!

— Перед тем, как ты это сделаешь,— вмешался Док,— я бы хотел задать тебе пару вопросов.

— Например?

— Эти помехи, которые принимал Брон и которые не могут быть подтверждены, так как ты наверняка уже уничтожил эти записи, что это такое?

— Еще!

— Откуда у тебя уверенность, что Андер Галтерн был единственным человеком с Онариса, которым заинтересовались Разрушители?

Ананиас остолбенел.

— Я могу сказать, что все было...

— Уничтожено, не так ли? Но нельзя ли тебе напомнить, что связь обеспечивала Служба Связи нашего Оперативного Отдела, которая, вне сомнения, дублировала записи.

— Это пора кончать!

— Приведи что-нибудь в свое оправдание.

— Существует такой факт!

— Какой? Служба выделила четверть своего шестилетнего бюджета на обеспечение этой операции. Самый лучший наш агент находится сейчас среди Разрушителей. Если существует неизвестный нам факт, ты обязан раскрыть его нам! Я уверен, что наша Служба никогда не согласилась бы на сотрудничество с Генштабом, если

бы было малейшее подозрение в укрывательстве от нас какой-либо информации.

Ананиас развел руками.

— Видите ли, дорогие мои, существуют разные степени секретности, и наша является самой высшей. Чем меньше людей будет что-либо знать, тем лучше, уж поверьте мне.

— Ты лжешь! — гневно выкрикнула Джесси.— Я хорошо знаю, когда ты лжешь, потому что тогда ты выглядишь вполне нормальным человеком. Боже! Безопасность для тебя просто еще одно слово. Ты что-то замыслил, и, должна тебе сказать, что э т о — очередное твое свинство.

— Не кажется ли тебе, моя красавица, что даже такая змея, как ты, должна все же взвешивать свои слова?

Ананиас рассмеялся.

— Заткнись, старый шантажист, я не боюсь тебя. Учти, что я могу расправиться с тобой, когда захочу!

— Что такое?

— Это ты готовил псевдоличность Брона, не так ли? И еще семантические коды, да? Однако мы с Доком подготовили ему несколько своих штучек. Иными словами, я хочу поставить его в оборону и отменить все контакты, установленные ранее.

— Отойди от пульта, девка! Это приказ!

— Иди ты к черту, Ананиас! — не выдержал Док.

— Как только вы закончите эту гражданскую войну,— донесся голос Брона,— то, может быть, вы сможете посмотреть на меня. Я попробую добыть данные с подпространственной матрицы.

«Я готова.»

Джесси подстроила несколько приборов.

«Давай, Брон, я с тобой.»

Ананиас безразлично пожал плечами и подошел к компьютеру. Он решил ничего не предпринимать, пока не появятся данные.

Когда он приступит к действиям, они должны быть быстрыми, точными и эффективными. На этом этапе он не мог позволить себе ни ошибок, ни существование оппозиции. Очень много дел было провалено именно по этой причине.

Глава 14

По всему кораблю ревел сигнал тревоги.

Брон почувствовал действие силы тяжести, вызванной включением главных двигателей.

Он посмотрел на сигнальное табло в своей каюте и прочитал приказ о сборе экипажа подпространственного движения.

Он подождал, пока все разбегутся по своим местам, и вышел.

Он знал, что гравипривод применяли для обеспечения безопасного входа в подпространство.

Это означало, что сейчас будут применены подпространственные матрицы для программирования компьютера. Настал момент, которого он ожидал, который был целью акции Службы.

Матрица могла дать данные по координатам Базы Разрушителей. Это означало конец операции. Флот Службы, подкрепленный крейсерами федеральных планет, будет готов уничтожить целую планетную систему, только бы добраться до Базы.

Это сражение, без сомнения, будет величайшим в истории звездных войн. Победители войдут в историю, но никто не узнает об агенте Броне, благодаря которому все это стало возможным. Где-то там в пространстве уже приготовлена ракета типа «Немезида», предназначенная Кане, которая ударит в этот корабль. Это будет конец.

Внутренние коридоры были пустыми, и у Брона не было особых хлопот, чтобы проскользнуть незамеченным. Самым главным тут было время. Он должен был появиться в самый последний момент, не раньше и не, упаси боже, позже. В этот момент подпространственники должны будут подготовить последние поправки к курсу.

Конструкция была незнакомой, однако пульты были обычными — сверхсветовая техника везде одинаковая. Он открыл второй шлюз и сразу же ощутил дуновение воздуха. Дальше в туннеле бушевал сильный сквозняк, который тут же очистил его одежду от малейших частиц пыли.

Брон проник сюда тайком, но он хорошо разбирался в сверхсветовых полетах и не мог допустить, чтобы рассудок возобладал над расхлябанностью. Он даже на секунду не отнесся легкомысленно к очищающей процеду-

ре, необходимой для предохранения неизмеримо нежной аппаратуры гиперпространственного слежения.

Он прошел до конца туннеля и надел один из висевших в шкафу комбинезонов, облегавших тело, как вторая кожа. Эти комбинезоны были предназначены для формы, которую носили Разрушители, поэтому он вынужден был снять плащ. Комбинезон был довольно тяжел, и Брон невольно передернул плечами от неприятного ощущения.

Затем он встал под струи дезинфицирующего душа. Потом последовали инфракрасные потоки воздуха, которые осушили его, и только после этого он двинулся дальше.

Помещение, где подпространственники ожидали прыжка, было пустым. Дальше шло самое секретное помещение на крейсере: место, где хранились матрицы и где работали техники обслуживания. Здесь находилась громадная сфера, в которой зеленый флюоресцирующий воздух, искусственно создаваемый специальным полем, был пронизан мириадами маленьких звезд.

Это была идеальная копия Вселенной. В этом помещении не был позволен никакой другой свет, а техники были слишком заняты, чтобы обращать внимание еще на одну тень. Были видны только их лица. В зеленых отсветах аппаратуры они напоминали шабаш нечистой силы, творящей свою магию.

С бесконечной осторожностью они натягивали в матрице невидимые нити толщиной в несколько микрон. Эти нити обозначали оси, позиции и координаты маленькой точки. Этот клубок медных ниточек, который техники ткали в этой микровселенной, должен был обозначать точки входа и выхода для подпространственного прыжка в тахионной области.

Брон отлично разбирался в том, что они делают, так как прошел соответствующее обучение. Наконец, он понял, что пора действовать.

— Я начинаю, Джесси. Записывай

«Я готова, Брон.»

Голос девушки сейчас был еле слышен. Создавалось впечатление, что она была очарована зрелищем и не обращала на него внимания.

Брон медленно пошел вдоль галереи. Те из техников, которые обратили на него внимание, должны были посчитать его одним из своих.

Во всяком случае, его никто не заметил, и филигранная работа техников продолжалась.

Когда Брон увидел, что приготовления закончены, то начал последовательно, шаг за шагом, снимать показания с приборов, прежде всего фиксируя расположение паутины в модели Вселенной. Джесси непрестанно подтверждала прием этой информации. Со своей стороны, Брон старался сам запомнить все цифры.

— Джесси, я возвращаюсь. Нельзя ждать, когда техники пойдут назад, и я не хочу встретиться с ними во время прыжка. У тебя есть все?

«Да. Осталось только обработать все данные и получить координаты.»

Брон пошел к выходу.

— Теперь вы меня оставите? Ведь цель акции достигнута?

«Мы должны прервать связь согласно плана. Это значит, до тех пор, пока не подтвердится факт уничтожения их Базы. Это приказ Генштаба. Думаю, что Док захочет продолжить эту операцию дальше, превратив ее в обычную разведку Службы. Ананиас ведет себя странно, и это вынудило нас засомневаться, не кроется ли за всем этим нечто большее.»

Быстрым движением Брон стянул с себя комбинезон. Он сильно вспотел.

— Свяжись со мной через минуту, Джесси. Сейчас будет прыжок.

Он слышал шаги техников в тупнеле, возвращавшихся к себе. Он прошел к шлюзу, однако все равно оставалась опасность, что кто-нибудь его заметит. Одетый в свою тунику, он был бы легко узнан. Единственной надеждой оставалось, что его все же никто не увидит.

В тот момент, когда за ним закрылась дверь шлюза, он услышал голоса входивших техников. Его присутствие тут, видимо, не перечило приказам Капы, но заинтересованность матрицами не очень-то соответствовала облику синкретиста.

Однако сейчас Служба имела всю информацию, и Брон мог дальше разыгрывать партию, пока его не раскусили. Он мог уже сейчас выработать какой-нибудь новый план действий. Скоро должна была произойти величайшая битва в истории освоения космоса, и, судя по всему, он находился не на той стороне баррикад, которой суждено было праздновать победу. Его надежды на

спасение таяли, словно айсберг под лучами летнего солнца.

Сигнал тревоги подпространственного прыжка прервал его размышления и вынудил искать свободные ремни. Большинство мест было занято людьми, свободными от вахты.

Наконец, он нашел свободное место и с облегчением пристегнулся. Расчеты прыжка были настолько точны, что последние члены экипажа заняли свои места едва ли не за пару секунд до его начала.

Корабль на полной скорости ринулся в подпространство. Разрушители не очень-то дорожили людьми и техникой. Следующие тридцать восемь секунд внутренности Брона разрывала боль поющих костей.

Сознание Брона отвергало то, чему его учили в школе. Согласно теории, которую он учил еще в школе, процесс прыжка заключается в том, что корабль исчезает из реального пространства, чтобы лететь дальше вдоль сетки медных паутинок на макете Галактической Матрицы. Среди навигаторов ходили легенды, рассказывавшие о прекрасных медных бревнах, которые замечали уже перед концом прыжка. Брон знал, что некоторые техники, которые оставались дежурить в помещении матрицы, искали следы ионизации, оставленные кораблем в момент перемещения вдоль паутины. Он слышал это от тех немногих, кто смог пережить прыжок, находясь рядом с работавшей матрицей.

Глава 15

Корабль перешел во вторую фазу прыжка, и неприятные ощущения внезапно исчезли. Брон расстегнул ремни и стал прикидывать, что шансов остаться в живых у него очень мало, что-то около одного из десяти миллиардов.

Его положение на корабле было странным. Он не мог бы ничего сделать, что могло бы повредить миссии, и только в очень узких рамках мог искать способы своего спасения.

Он сидел в каюте и пытался решить этот вопрос.

— Джесси, расскажи что-нибудь обо мне. Есть у меня другое имя?

«Нет,— ответила Джесси со злостью.— Тебя нашли земные торговцы на рынке на Ахантине в системе Бел-

летрикс. Они летели на малом катере и при посадке раздули кучу мусора. Ты лежал под ним. Тебе от роду было примерно недели четыре, и никто не знал ничего о тебе. Боже! Что было бы, если бы они тебя оставили? Но для землян жизнь — святыня. Поэтому тебя забрали в космопорт. Ни полиция, ни Служба Безопасности не знали, что с тобой делать. Поэтому тебя забрали на Землю. Никто не знает, откуда взялось твое имя, однако происходит оно, судя по всему, из штемпеля на документах, которые сопровождали тебя: «Бронь». Должна заметить, что это имя не так уж и плохо.»

— Ты не врешь?

«Нет. Все это записано в твоем личном деле. На Земле с тобой было много хлопот. Тебя поместили в военную школу, которой руководил доктор Харвестон. Он, конечно, грубый и хамоватый, но педагог настоящий. Когда тебе исполнилось семь лет, ты уже хорошо освоил секреты рукопашного боя и не замедлил свернуть шею этому доброму человеку, сделав его калекой. Тебя отправили в Школу Службы, где быстро оценили твои качества. В течение последующих пятнадцати лет ты прошел все этапы обучения и всегда был самым лучшим как в теории, так и в практике. Ты затмевал всех на уроках математики и на боевых занятиях. Особенные способности ты проявил в области Хаоса.»

— Хаоса?

«Да, Брон. Умение защищаться от действия любой системы до тех пор, пока она не исчезнет. Когда все вокруг сходят с ума, как ты думаешь, кто вмешивается в этот ад со своим плапом?»

— Ты имеешь в виду меня?

«Да, Брон. Все в тебе является Хаосом, начиная с твоей жизни и судеб существ, которые тебя окружают. Ты создаешь Хаос, и когда он достигает максимального значения, ты вмешиваешься и собираешь дань, которая тебе нужна, отбрасывая в сторону все ненужное. Ты поступаешь так с вещами и людьми и никогда не волнуешься за последствия.»

— Скажи, Джесси, мы уже встречались?

«Это секретная информация, Брон. Я не могу сейчас говорить об этом.

— Тогда я спрошу у Дока.

«Он тоже ничего не скажет. Наши отношения психологически уравновешены, и никто, даже ты, не сможет нарушить это равновесие.»

— Ну, уж в этом ты ошибаешься, Джесси. Если только я вернусь на Землю, то даже Служба не сможет помешать мне сделать то, что сейчас пришло мне в голову.

Дверь каюты внезапно отошла в сторону, и в проеме показались два вооруженных солдата.

— Андер Галтери, тебя хочет видеть Кана.

На сей раз они не воздавали ему почестей и говорили резким, сухим тоном, одновременно подчеркивая свои слова движением оружия. Это походило больше на арест, чем на приглашение. Брон пожал плечами и молча двинулся за ними.

— Джесси, это похоже на конец.

«Я вызываю Дока. Мы попытаемся что-нибудь сделать.»

— Собственно, ты наверняка знаешь, что надо делать в таких случаях.— Брон улыбнулся.— Пока я не начал говорить под пытками, лучше меня прихлопнуть.

Джесси промолчала.

Стражники остановились перед каютой Каны. Здесь они отошли в сторону и показали Брону на дверь.

Кана сидел за столом, задумавшись и с хмурой миной на лице. Чувство силы, исходившей от его могучей фигуры, оставалось прежним.

— Садись, синкретист. Я думаю, что ты уже закончил свои исследования по выявлению источника, пославшего Бомбу.

— Да, это так.

Брон кивнул.

— Я получил копии твоих вычислений и сравнил с нашими. Должен тебе сказать, что ты справился с этим заданием вполне достойно.

Его глаза прямо впились в Брона, и их пристальное внимание обезоружило его.

На лице Каны появилась усмешка.

— Ты талантливый ученый, синкретист, и я не сомневаюсь, что ты познаешь эту науку полностью. Я именно этого и ожидал от тебя.

— Не понимаю.

— Ты говоришь, что установил место, откуда прибыла Бомба, не так ли?

— Да. Она могла прилететь из Мессира-31, находящегося в семистах миллионов световых лет от нас, или же была выпущена с корабля, находящегося в нескольких световых часах от объекта уничтожения. Судя по построениям вашего флота, вы ожидали прилета Бомбы.

— Ты хочешь сказать, что это была моя работенка, а уничтожение Онариса — что-то вроде фейерверка в твою честь?

— Я вижу, что вы меня поняли.

Брон кивнул с каким-то смертельным отчаянием.

— Ты еще раз показал, что неглуп,— сказал Кана.— Но подумай хорошенько, нужно ли было бы мне это, чтобы позабавить тебя? Не можешь ответить? Так вот, я бы не делал этого. Правду можно установить, только размышляя трезво. Эта Бомба ждала нас, а не мы ее, и прилетела она из Мессира-31.

— В это трудно поверить.

— Конечно. Однако представь себе, что кто-то или что-то в туманности Андромеды семьсот миллионов лет назад предвидел все подробности сегодняшних событий — нашу атаку на Онарис, твое похищение — и решил помешать нам. Отсюда такая фантастическая точность попадания. Но вот только Бомба опоздала на шестнадцать часов. Это повторялось всегда, где бы мы ни нападали, точно с такой же шестнадцатичасовой задержкой. Наши расчеты сделаны на четыре атаки. Во время пятой мы можем прилететь одновременно с Бомбой.

— А если вы прилетите раньше или измените цель?

— Это ничего не изменит. Критическая точка кроется в действии, а не в вычислениях. Я пытался отменить рейды, однако все мои действия были заранее рассчитаны еще семьсот миллионов лет назад. Если я даже в самый последний момент менял цель атаки, то Бомба все равно попадала в новую цель.

— Но это же безумие!

Через секунду гиперличность успокоилась так же быстро, как и взволновалась.

— Это не безумие, синкретист, или кто бы там ни был на самом деле. Это скорее результат причинно-следственных связей. С начала нашей деятельности мы искали рабов. Конечно, среди них не раз оказывались представители интеллигенции, которых мы использовали для соответствующих работ. В те времена мы тоже встречали иногда Бомбы, но это было крайне редко. Тогда наши компьютеры разгадали связь между уничтожением планет и похищением технократов, занимавшихся, как правило, исследованиями форм Хаоса. Это нас и вывело на тебя, синкретист.

— Каким образом?

— Когда мы увидели, что поле времени уменьшается,

то решили собрать у себя всех специалистов по Хаосу. Нет сомнения, что твой авторитет в этой области превышает все известные до сих пор. Поэтому ты был для нас идеальной добычей, а для Бомбы самой важной целью. Только...

— Только что?

— Последняя Бомба была самой крупной из всех известных. С расстояния в шестьсот килопарсеков семьсот миллионов лет назад кто-то очень точно оценил твою теперешнюю или будущую деятельность. Интересно, что ты сделаешь такое, чего они так боятся?

Глава 16

Эхо какого-то разговора прервало их диалог. Брон узнал голос Дауквиста, который явно грозил какими-то карами охранникам. Кана нажал кнопку, и дверь открылась.

— Входи, Мартин. Извини, однако я приказал никого не впускать.

Дауквист вошел, сопровождаемый двумя офицерами, красными от злости.

— Этот проклятый синкретист у тебя?

Кана с любопытством посмотрел на своего заместителя.

— Конечно. А в чем дело?

— Это шпион. Я уверен в этом!

— Может быть, это и правда, Мартин. Я сам имею некоторые подозрения. Но не это главное. Это не случайность, что сегодняшняя Бомба состояла сразу из семи цилиндров. Шпион он или нет, зато наверняка он — самый совершенный катализатор Хаоса.

— В гробу я видел его катализ! Я не доверяю ему ни на йоту! Он перед прыжком заходил в матричный отсек!

Кана повернулся к Брону.

— Ты можешь это объяснить, синкретист?

— Я хотел посмотреть, каким образом вы программируете свой прыжок. У меня есть своя теория прохождения подпространства.

— У меня также есть своя теория,— взорвался Дауквист,— и она гласит, что ты не являешься Андером Галтерном. Достаточно мне поговорить с тобой полчаса, и я вытряхну всю правду.

— Нет! — бросил Кана. — Все говорит, что мы заполучили ключевой элемент загадки энтропии. Это не важно, как его зовут, главное, что он — потенциальный катализатор Хаоса. Скажу даже больше — значительная часть будущего лежит на его плечах, и я хотел бы, чтобы он не превратился в калеку.

— В таком случае, его нужно изолировать. Я не желаю отвечать за попытки покушения на тебя или на корабль.

— Хорошо, — согласился Кана. — Мы выйдем из подпространства и передадим его на палубу какого-нибудь корвета.

Дауквист покачал головой.

— У меня есть лучшая идея. Давай переведем его на «Тантал». У меня ему будет спокойнее.

Кана заколебался.

— Я не знаю, хорошо ли это, однако это, впрочем, даст какой-то шанс узнать что-нибудь о нем. Не подлежит сомнению, что личность человека, смерть которого запланирована семьсот миллионов лет назад, должна представлять что-то особенное.

Дауквист подозвал охранников.

— Арестуйте его. Один из вас должен все время находиться рядом с ним. В течение часа мы прервем прыжок.

Брона провели в пустую каюту. Сделав непринужденный вид, он лег на диванчик и прикрыл лицо туникой.

— Джесси!

«Я не хочу тебя слышать, кретин!»

— Что случилось?

«Если сейчас я скажу тебе правду, то операция наверняка провалится.»

— Я не желаю этого слышать! Немедленно приведи Андера!

«Андера сейчас у нас нет. Но я все же попробую его разыскать. Зачем он тебе?»

— Я хотел бы, чтобы мне побыстрее растолковали все о Хаосе. Только Андер может помочь в этом. Док все видел?

«С начала и до конца. Когда он кончил грызть свои ногти, то принялся за мои.»

— Что вы обо всем этом думаете?

«Нам кажется, что единственное, что тебя пока спасает от смерти, это боязнь Каны чего-то. Бог знает что это такое, но все же что-то есть, или Кана является выдающимся кретином нашего тысячелетия.»

— Он далеко не кретин. Сильная воля, очень уравновешен, ведет войну не только с Землей. Но с кем еще?

«Иногда я думаю, не имеет ли Ананиас информации на эту тему. Он кривится каждый раз, когда слышит разговоры о Мессире-31, даже не хочет об этом слушать.»

— Похоже, что он знает о множестве вещей, о которых не говорит. Он сейчас с вами?

«Нет. Он отправился в Штаб вместе с данными, словно не мог отправить их по обычному каналу. Мне кажется, что он хочет наложить на тебя лапу. Он еще новичок в нашей работе и не знает, что лучше с тобой не связываться.»

— Ты знаешь что-нибудь о «Тантале»? Судя по поведению Каны и Дауквиста, этот корабль не совсем обычный.

«У нас нет данных о таком корабле Разрушителей. Единственный «Тантал», который был известен в течение последних пятидесяти лет, это астролаборатория Армии Земли, которая погибла несколько лет назад во время разведывательного полета в межгалактическом пространстве.»

— Попробуйте найти подробности той экспедиции. Это может быть интересно. А сейчас я хочу поговорить с Доком.

«Я слушаю, Брон.— Мягкий голос Веедера контрастировал с твердым акцентом Джесси.— В чем дело?»

— Если допустить, что Кана не лжет и что семь цилиндров Бомбы были нацелены на Галтерна, то при чем здесь Онарис? Ведь синкретист в это время был на Земле. Я не знаю, что означает этот катализатор Хаоса, но если Кана не ошибается или не является чокнутым, то нужно считать истинного Андера чем-то вроде бомбы замедленного действия. Обратите на это внимание.

«Ты прав. Мы так увлеклись тобой, что совершенно забыли о Галтерне. У нас нет никакой уверенности насчет этого Хаоса, однако нужно быть осторожными. Что ты предлагаешь?»

— Держите Галтерна под неусыпным наблюдением, но так, чтобы он каждую минуту был готов к действиям. По-моему, он что-то затевает, что-то очень важное, и только он может рассказать, что. Советую вам подключить компьютер для анализа всех фактов этой миссии. Вся эта история довольно странная.

«Я не успеваю за тобой, Брон, однако сделаю все так,

как ты советуешь. На всякий случай, мы с тобой будем в постоянном контакте.»

Брон расслабился и закрыл глаза. Охранник, раздраженный его молчанием, начал ритмично постукивать прикладом своего оружия по столу. Оба ждали выхода корабля из подпространства.

Брон начал прислушиваться к шумам, долетавшим из канала его биосвязи. Кроме обычного сигнала, где-то на границе подсознания что-то было, какая-то тень, знакомая ему, но которую он не ожидал услышать, может быть, помехи? Но нет, это был такой же, как и в первый раз, отраженный звук, однако на этот раз чище и сильнее.

Он мысленно попробовал бороться с ним, пытаясь отыскать объяснение происходившему.

Этот звук был липким, как смог, таинственным и завораживающим. Он нес в себе какое-то напряжение, полное близкой трагедии. Брон снова и снова позволял своему воображению поддаваться течению этого странного Стикса. Он ощущал тени в местах, где не было света, улавливал звуки, которых не мог определить. Образы изменялись, их поток уменьшался, почти прекращаясь, но что же скрывалось под поверхностью черной реки? Другие образы, страшнее смерти, начали появляться в его разуме.

И он начал истошно кричать в тот самый момент, когда ожили сирены корабля.

Через несколько секунд кошмар его воображения стал смазанной картиной: корабль выходил из подпространства.

Глава 17

Маленькая шлюпка вылетела из шлюза крейсера. Брон наблюдал через видеосистему Холунга за маленькой точкой — целью их полета. «Тантал» не был похож на гордого покорителя космоса, как остальные корабли флота, даже наоборот, он был обшарпанный, старый, почти развалившийся, весь его корпус был в шрамах.

На корпусе, как отметил Брон, находилось множество различных систем привода.

Название было давно стерто с борта, и только некоторые буквы едва угадывались.

— Несомненно, он построен на стапелях Земли,— беззвучно заявил Брон, отрываясь от экрана.

«Да, это судно похоже на погибшую лабораторию. Мы

получили данные из архива. Может быть, его переделали в батарею?»

— Сомневаюсь. Он не мог бы стать пусковой установкой.

«Но откуда-то все же выпустили ту Бомбу!»

Сейчас, когда шлюпка подошла ближе, можно было лучше разглядеть раны, нанесенные «Танталу». Дыры и борозды усеивали корпус, словно весь корабль был когда-то погружен в кислоту. Сейчас это судно больше всего смахивало на больного зверя. Однако оборудование работало нормально, и вскоре Брон в сопровождении Дауквиста и двух офицеров оказался на его борту.

Выйдя из шлюзовой камеры, он почувствовал, как волосы у него встали дыбом.

«Брон, что случилось?»

— В этом корабле что-то странное... страшно удивительное.

«Почему?»

— У меня странное ощущение. Я не могу этого описать. Как ты думаешь, его переделывали?

«Я ничего об этом не знаю. Раньше он наверняка имел на вооружении ракеты типа «Немезида».

— «Немезида» — это игрушка в сравнении с Бомбой, уничтожившей Опарис. Но должен сказать, что внешний вид этой Бомбы не имел ничего человеческого.

«Значит, ты принимаешь точку зрения Каны? Это Бомба из прошлого и неизвестного происхождения!»

Голос Джесси внезапно стал злым и саркастическим.

— Достаточно, Джесси. Я ничего не принимаю. Я утверждаю только, что если то, что я подозреваю, правда, то мы отстаем так далеко, что даже с двадцатикратным ускорением мы все равно ничего не поймем.

«Это значит?..»

— О, наконец-то я понял, откуда у меня возникло это ощущение старины. Это не «Тантал», по крайней мере, не тот же самый, который покинул верфь Земли. Это только копия, а вернее, отражение, обычное отражение.

«Что ты говоришь, Брон?»

— Посмотри на контрольные экраны, на надписи! Все зеркально отражено до мельчайших подробностей. Это не очередной трюк Каны, это реальность.

Брон вдруг ощутил на себе пристальный взгляд Дауквиста. Джесси предостерегающе вскрикнула:

«Внимание на полковника, Брон! Я думаю, что он

затащил тебя сюда, чтобы раскрыть. Сейчас тебе необходимо разыграть удивление.»

— Данные уже переданы?

«Не знаю. Ананиас еще не вернулся. А в чем дело?»

— Как только наш Флот приступит к акции, я должен буду прикончить полковника.

Джесси промолчала.

— Ты выглядишь как помешанный, Андер,— заметил Дауквист.

Брон усмехнулся.

— Этот корабль сделали не Разрушители.

— Да, он земной; остов, который мы нашли в космосе, однако смогли отремонтировать.

— А что, земляне читают задом наперед?

— Нет. Это одна из форм проявления Хаоса. Но ты, как специалист, не должен был быть удивлен этим.

Брон пожал плечами и пошел вперед. Ни псевдоличность Галтерна, ни его выучка были уже ни к чему. Дауквист пошел за ним, но тотчас же заревели сирены, началась подготовка к прыжку. В отличие от больших кораблей «Тантал» тихо заурчал и сразу же вошел в подпространство. Брон отправился в поход по помещениям корабля, надеясь, что этим покажет обычную научную заинтересованность, которая была присуща синкретистам. Но прежде всего он отчаянно тянул время, чтобы найти выход из создавшегося положения.

«Тантал» был довольно небольшим кораблем, приблизительно раз в сто меньше крейсера. У него не было хорошего вооружения, и он вряд ли мог отразить массированную атаку.

Брон не мог понять, зачем Кана включил его в состав своего флота. Лаборатория была отлично оборудована и содержалась в порядке своим экипажем, среди которого было много ученых.

Его встречали с интересом и очень вежливо клапялись, что делало разительным отличием поведение полковника Дауквиста.

Последний как раз поддержал его за локоть.

— Пошли, синкретист. Я хочу представить тебя командиру, профессору Лаарсу.

Командир был очень непохож на Разрушителя. В тот момент, когда они вошли в командирскую рубку, он как раз давал какие-то указания вахтенному штурману.

Брон отметил, что этот человек довольно низкого роста, с темной кожей и умными пронзительными глазами.

Он обычным жестом приветствовал Брона.

— Сэр, это большая честь для меня...

Удивление Брона отразилось на его лице, и Лаарс добавил с широкой улыбкой:

— Мы никогда до сих пор не встречались, однако я хорошо вас знаю. Все, кто занимается Хаосом, знают вас. Ваш доклад на Приаме является для нас основным руководством.

Брон не смог удержаться от вопроса:

— Вы исследуете формы Хаоса?

— Конечно! — Лаарс смешался. — А вы разве не затем сюда прибыли?

— Не совсем.

Брон замолчал и посмотрел на Дауквиста, ожидая его объяснений.

— Видите ли, профессор, Галтери прибыл сюда не по своей воле. — Голос полковника немного смягчился. — Он наш пленник, и мы подозреваем его в шпионаже. Поэтому он под стражей. Это очень опасный человек.

Лаарс был обескуражен, но уже через секунду овладел собой и с грустной улыбкой произнес:

— Наука Хаоса интернациональна, полковник. Никогда не поймешь, сколько ученых работает над проблемой совместно с тобой.

Затем профессор обратился к Брону:

— Пойдемте, сэр, я покажу вам вашу каюту. Потом мы поговорим о Хаосе.

Как только они скрылись с глаз Дауквиста, Брон немедленно передал:

— Джесси, ради бога, немедленно найдите мне Андера! Если я не справлюсь с этой дискуссией, Дауквист тут же покончит со мной.

«Он будет у нас через несколько минут.»

— А что с данными?

«Сейчас вошел Ананиас. Я спрошу его.»

— Я хочу поговорить с ним. Ситуация очень серьезная.

«Ему незачем приближаться к пульту!»

— Джесси, сделай то, о чем я прошу тебя!

«Хорошо говоришь, Брон, — раздался сладкий голос Ананиаса. — Хорошо, что не только я имею неприятности с этой чертовкой.»

— Заткнись! Ты передал информацию?

«Это дело Генштаба.»

— Мое тоже. Я должен кое-что решить, и быстро. Ес-

ли мы сейчас промедлим, то флот Разрушителей разлетится, как стайка рыб перед акулой.

«Преувеличиваешь, солдатик.»

— Нет, это ты недооцениваешь их! Посмотри на экран! Видишь, где я нахожусь?

«На другом корабле. Похоже, что он земного происхождения.»

— Да, это ни больше, ни меньше как астролаборатория «Тантал».

«Это должно что-то означать для меня?»

— Конечно, если верить моей памяти. Джесси, ты слышишь меня?

«Да, Брон.»

— Я говорил, что амнезия — заразная штука. Я прошу дать мне списки экипажа «Тантала» в последней экспедиции.

«Не нужно. Я есть в списках. На этот раз ты зашел слишком далеко, Брон. Предупреждаю тебя, сиди спокойно и не глупи.»

— Ананиас, с этой минуты я буду выполнять задание, исходя из своего усмотрения, а ты будешь мне в этом помогать, так как наверняка не захочешь, чтобы все узнали, какая ты свинья!

В канале трансфера послышались крик боли и какой-то шум.

«Все в порядке, Брон, я перехватила его. Он хотел нажать кнопку смерти, однако я сломала ему кисть. Ты должен все рассказать нам, если хочешь, чтобы мы помогали тебе.»

— Хорошо. Полковник Ананиас был командиром «Тантала» во время его последнего рейса. Только он и остался жив из всего экипажа. Он вернулся на Землю спустя два года на борту какого-то «купца» и рассказал, что корабль был уничтожен Разрушителями.

«Это правда»,— отозвался Ананиас.

— Сомневаюсь. Повреждения, полученные «Танталом», нанесены не Разрушителями. Я думаю, что где-то в пространстве он наткнулся на что-то более серьезное, а потом этот горе-вояка бросил «Тантал», чтобы его история выглядела более правдоподобно. Страшно подумать, что случилось с экипажем.

«У тебя нет фактов!»

— У меня нет, но они есть у тебя. Джесси, я не сомневаюсь, что ты спала с ним. Он нормален?

«Вроде бы ничего необычного, однако не он один стра-

дает этим,— ответила она с циничной гордостью.— Что ты хочешь знать!»

— Расстегни его рубашку. Если я не ошибаюсь, сердце у этого человека должно быть справа. Думаю, что его зеркально отразили вместе с «Танталом», и это наверняка не являлось работой людей.

Глава 18

«Брон, пришел Андер!»

— Я хочу поговорить с ним. У него есть всего несколько минут, чтобы сделать из меня мастера по теории и практике Хаоса.

«Здесь Андер. Я хотел бы сначала обрисовать тебе все в общих чертах.»

— Давай, Андер. Что такое основа Хаоса?

«Это целый спектр причинности от субнуклеарного до макрокосмоса, но рассматриваемый не как собрание случаев, а с точки зрения энтропии.»

— Я понимаю концепцию, однако не ее применение.

«Мы дойдем до этого. Сначала я хотел бы обратить твое внимание на значение временной переменной. Одним из главных принципов во Вселенной является утверждение, что энтропия возрастает во времени. Изменить положение вещей может только сознательное вмешательство. Например, человек, который может ускорить или замедлить этот процесс.»

Кто-то постучал в дверь. Брон встал и отправился открывать дверь.

— Сэр Галтерн, профессор Лаарс хочет видеть вас.

— Как только я закончу молитву,— покачал головой Брон.— Прошу сообщить ему, что я скоро приду.

Когда он остался вновь один, он сказал:

— Давай дальше, Андер. Это я понял.

«Боюсь, что ты все-таки не понял. Понимаешь ли, здесь важно каждое слово. Все вычисления Хаоса опираются на сквантованное время и служат для предсказанного будущего либо для анализа определенных элементов прошлого, которые так активно влияют на настоящее.»

— Я не очень понимаю, как можно что-то определить, опираясь на математику?

«Представь себе жидкость в сосуде.»

— Это должна быть модель нашей энтропийной системы, свободно движущиеся молекулы?

«Именно. Ты должен быть ученым, молодой человек, а не солдатом. Ты в самом деле очень легко схватываешь информацию. Так вот, давление этой жидкости происходит от произвольных столкновений молекул друг с другом и со стенками сосуда. В этой гипотетической жидкости, которую мы, к примеру, назовем Хаосом, молекулы соответствуют случаям, которые подчиняются таким же самым зависимостям, как и молекулы в самой обыкновенной жидкости.»

— Что дальше, Андер? У нас мало времени. Сейчас Дауквист придет проверить, чем я здесь занимаюсь. Интересно, что там случилось?

«Ты должен быть очень осторожен и если этого не поймешь, то боюсь, что все кончится для тебя плачевно.»

— Дальше!

«Допустим теперь, что сначала наша жидкость поделена на несколько слоев с разными температурами.»

— Они перемешиваются между собой, энергия системы останется той же самой, но энтропия будет медленно расти.

«Это дает довольно хорошо приближенную модель строения Вселенной.

Опять кто-то постучал в дверь, однако на этот раз очень сильно. Брон не торопясь открыл, держа в руках полотенце.

В коридоре стоял Дауквист и подозрительно смотрел на него, не скрывая злобы. Вид Брона немного успокоил его.

— Долго идешь, синкретист. Тебя уже давно ждут в навигаторской.

— Я мылся. Пыль Разрушителей очень клейкая.

Брон повернулся и опять встал под душ.

Дауквист подошел к нему.

— Я подожду, пока ты закончишь, однако, мой тебе совет, синкретист, пошевеливайся. Лаарс ждет.

— Андер, поторопись!

«Если ты поймешь все остальное, то мы почти выиграли. Возьмем наш сосуд. Что произойдет, если мы подогреем или охладим какой-то слой?»

— Ускорим или замедлим рост энтропии.

«А в нашем Хаосе что может быть единственной причиной? Я уже подсказал тебе ответ.»

— Действие разума.

«Точно! Происшествия, спровоцированные такими действиями, определяют неизменные локальные возмущения

энтропии. Возвращаясь к нашему примеру, это действие можно сравнить с нагревом или охлаждением того или иного слоя жидкости. Есть много способов распознания таких действий в зависимости от его напряжения и качеств. Оптически — при изменении дифракции, акустически — при взрыве или разрушении. Физическая ударная волна или изменение давления.»

— А в теоретическом Хаосе?

«Эффект, подобный действию ударной волны, расходящейся от точки, в которой произошло вмешательство какого-нибудь разума. По мере распространения этой волны напряжение уменьшается. Для наблюдателя снаружи эти факты являются только маленькими морщинками в гигантской энтропии. Формы Хаоса — это интерференция, возникающая от столкновения этих морщинок с большими волнами.»

Дауквист раздраженно ходил от стены к стене. Он не был приучен к непослушанию, однако в данном случае иного выхода не было.

Брон медленно одевался. Разговор с Андером все еще продолжался.

— Каким образом обнаруживаются эти морщинки?

«Это легче всего. Имеется аппаратура, достаточно чувствительная для определения ускорения или замедления энтропии. С ее помощью довольно легко определить морщинки. Проблема начинается в момент их анализа.»

Брон от удивления широко раскрыл рот.

Он рассчитывал за несколько минут закончить разговор и получить образование специалиста по формам Хаоса, но тянуть время было уже нельзя. Дауквист достал пистолет и молча указал на дверь.

Брон пожал плечами и сказал:

— Андер, останься. Ты говорил о причинности. Я понимаю, каким образом локализуется источник вмешательства, но как можно определить ее результат?

«Он является противоположностью источника, и между ними нет разницы, кроме направления, в котором считается время. Причина и следствие создают энтропийные проблески, которые легко можно локализовать и которые становятся источниками концентрически увеличивающихся ударных волн. Если удастся описать их кривизну и напряжение, то точно так же можно будет описать причину и ее следствие как во времени, так и в пространстве. Однако внимание! Главная черта зависимости причины-следствия их взаимная связь. Только такие два явле-

ния будут иметь сходные оси. Когда удается определить одну из них, то можно найти и другую.»

Профессор Лаарс многое потерял из своего недавнего энтузиазма. Техники, которые разделяли его настроение в момент прибытия синкретиста, сейчас для вида занимались своей аппаратурой. Атмосфера была насыщена паникой и неуверенностью. Лаарс при виде Брона облегченно вздохнул.

— Мастер Галтерн, это нужно как-то объяснить.

Он оторвал из печатающего устройства компьютера несколько метров ленты.

— Я никогда раньше не видел такой сильной волны Хаоса.

Брон взял ленту и внимательно всмотрелся в результаты. Там были линии разного цвета, и почти все из них были переплетены друг с другом. Далее одна из красных линий вырывалась из этого клубка Хаоса и, переходя в логарифмическую зависимость, исчезала в бесконечности.

Скорее всего, аппаратура была просто не в состоянии продолжить ее дальше. Через несколько метров линия появилась вновь, чтобы опять опуститься вниз и исчезнуть ниже бесконечного нуля.

В его голове кто-то крикнул:

«О, боже!»

— Андер, что это?

«Не знаю. Нужно знать метод, каким это записано.»

Лаарс тем временем висел на его плечах, ожидая объяснений. Он почти дрожал от возбуждения.

— Профессор, вы можете дать мне параметры компьютера, выдавшего эту ленту?

— Параметры? — крикнул раздраженно Лаарс.— Зачем вам нужны параметры? Разве вам нужен компьютер, чтобы понять вот это?

— Вы забываете,— сухо заметил Брон,— что ваши данные опираются на аппаратуру Разрушителей, с которой я не имел чести быть знаком.

— Красная линия является основой диаграммы, а диаграмма — путь корабля. Что с ним? Что станет с моим кораблем?

«Брон, я, кажется, догадался!» — подал голос Андер. Он начал быстро говорить.

Брон внимательно прислушивался, разглядывая путь красной линии.

— Вообще-то можно было меня и не вызывать, профессор,— обратился он к Лаарсу.— Вы хорошо знаете, что

мы вошли в область действия эха Хаоса. Мы по прямой линии приближаемся к центру волны, что приведет к уничтожению корабля.

Лаарс с благодарностью посмотрел на него.

— Это хорошо, что вы тоже так считаете. Я боялся, что допустил где-то ошибку.

— Я не могу понять, каким образом корабль оказался на совпадающей оси, если на палубе нет ничего провоцирующего это.

— Интересно,— внезапно подал голос Дауквист, нацеливая палец на Брона.— Я, например, никогда не имел бы затруднений в понимании этой причины.

Глава 19

Дауквист внезапно повернулся к двум охранникам.

— Я приказываю вам не спускать глаз с этого человека до тех пор, пока не отменю приказ.

Потом он повернулся к профессору Лаарсу.

— Значит, нужно так понимать ваши вычисления? Значит, этот корабль будет уничтожен?

— Это несомненно.

— Какова же этому причина?

— Не знаю.— Лаарс пожал плечами.— Мы не смогли установить источник. Может быть, нужно посчитать еще раз, однако не думаю, чтобы это привело к чему-нибудь новому.

— У нас нет времени. Но я слышал, что он может предсказывать Хаос.

Дауквист повернулся и ткнул пальцем в Брона.

— Закройте его где-нибудь.

Брон принял ту же самую позу, что и Лаарс, который неподвижно стоял и растерянно моргал глазами.

— Андер, мы наблюдаем волну следствия, хотя Лаарс утверждает, что он не мог найти волну причины. Представь себе следствие без причины!

«Причина скоро наступит.»

— Как это?

«Должен признаться, что я сам с самого начала был обеспокоен. Лаарс зафиксировал будущее возмущение, причина которого была не ясна. Это произошло впервые в исследовании Хаоса. Теоретически, однако, это возможно. Объяснение этому элементарно: причины пока что еще нет.»

— Но ведь без этого не может быть и следствия!

«Ты плохо понимаешь Хаос, Брон. Уничтожение «Тантала» является запланированным действием в системе энтропии. Его нельзя изменить. Однако пока еще не ясно, каким образом он будет уничтожен. Поэтому причина еще не может существовать в этой схеме.»

— И как же он будет уничтожен?

«Я же тебе уже сказал, что причина еще не ясна. Одно могу сказать точно — это сделаешь ты.»

— Я?

«Да, Брон, это ты находишься в начале совпадающих осей. Ты являешься катализатором изменения энтропии.»

— Разве не Флот Службы?

«Нет, иначе уже существовала бы ясная волна, соответствующая намерению атаковать. По правде говоря, поскольку диаграмма исключительно чистая, думаю, что Флот Службы не долетит даже до места катастрофы.»

«Здесь Джесси, Брон. Я слышала конец разговора. Все сходится. Атака отменена.»

Каждое ее слово было пронизано разочарованием.

— Ты шутишь?

«Мы получили координаты Базы Разрушителей. Это планета Брик. Она была колонизирована во времена Великой Миграции. Это сельскохозяйственная планета, полностью лишенная промышленности. Невозможно, чтобы она была Базой Разрушителей. Генштаб допускает, что она может применяться как вспомогательная база, но флот может находиться там не более нескольких часов. Излишне даже посылать наши корабли туда.»

— Значит, моя миссия была впустую?

«На всякий случай, мы будем продолжать поддерживать с тобой контакт, однако официально ты прав. Все закончилось.»

— Я счастлив. Наконец-то я буду способен сделать что-нибудь сам. Где там Ананиас?

«Пошел собирать свои кости в госпиталь. Док хлопочет о нем в Генштабе, но пока безрезультатно.»

— Я еще не кончил с этим генералишкой, Джесси. Слушай, ты можешь сделать мне небольшое одолжение? Узнай, какое оборудование было на «Таптале». Им командовал Ананиас, и я хотел бы знать, имел ли он доступ к информации, связанной с Хаосом.

«Что ты, собственно, хочешь?»

— Я просто хотел бы сориентироваться, что могу узнать, а что нет.

«Хорошо, я проверю. Поверь мне, что возможность уничтожения этого типа доставит мне большое удовольствие.»

В этот момент зазвучали сирены тревоги.

«Тантал» медленно выходил из подпространства.

Брон раздраженно ждал, пока его выпустят, так как все говорило за то, что экипаж срочно покидает корабль. Наконец, открылась дверь, и в проеме появился Дауквист.

— Ты должен благодарить Лаарса. Лично я хотел, чтобы ты остался здесь, однако он так увлекся твоим анализом диаграммы Хаоса, что просил меня разрешить тебе доступ ко всей аппаратуре, которую он не может применять.

— Не может?

— Согласно Хаосу, этот корабль должен будет погибнуть. Все уже эвакуированы. Ты останешься на палубе с несколькими людьми из экипажа. «Тантал» будет находиться на постоянной и строго рассчитанной орбите. Если тебе посчастливится и ты останешься жив после предначертанной катастрофы, то мы заберем тебя, и Кана решит твою дальнейшую судьбу. Экипаж получил приказ ликвидировать тебя, если ты попытаешься сойти с этой орбиты. Кроме того, ты можешь сам выбрать способ, каким добраться до ада.

Брон молча следил за отлетом последнего десантного катера. Те, кто остался на «Тантале» по приказу Дауквиста, казалось, впитали в себя самые отвратительные черты Разрушителей. Он старался не обращать на них внимания, но это удавалось крайне редко.

Брон отправился в компьютерную. Его разум уже начал просчитывать всевозможные варианты для нахождения выхода из создавшегося положения. Однако он решил отложить это до времени возврата в подпространство.

Он включил терминал и начал постепенно вводить данные, стараясь не смотреть на руки и на экран.

«Брон, что ты делаешь?»

— Тренирую пальцы. Они мне могут скоро понадобиться, чтобы сдавить кое-кому глотку.

«Покажи, что ты делаешь! Ты знаешь устав?»

— Хватит, Джесси. Твоя роль закончилась. Сейчас настала моя очередь.

«Ты провоцируешь меня?»

В голосе девушки появились нотки недоверия.

— Замолчи!

«Повторяю: мне необходимо увидеть, что ты делаешь. Мне очень не хочется применять карательные меры, Брон.»

— Попробуй!

«Брон!»

Не обращая внимания на крики из трансфера, он отослал данные прямо в главный компьютер.

«Предупреждаю тебя в последний раз. Может быть, ты забыл, как это делается?»

— Позови Дока,— раздраженно сказал Брон.— Если я и забыл, то он мне это напомнит.

Первые результаты начали появляться на ленте. Он стал внимательно читать их.

Голос Джесси становился все более визгливым.

Наконец, появился и Док.

«Что происходит, Брон? Ты должен был давно знать, что эту девушку никогда нельзя раздражать.»

Док производил впечатление очень хорошего руководителя.

— Слушай, Док, я хотел бы узнать от тебя — во что играет Ананиас?

«Не один ты пытаешься узнать это. Он имеет большое влияние в Генштабе. Они позволяют ему совать свой нос во все дырки. Отвечаю также на твой предыдущий вопрос: он имел доступ ко всем данным по Хаосу.»

— Это он посоветовал не мешать Разрушителям при их атаке на Онарис?

«Да, но это было согласовано с общим планом действий.»

Брон внимательно просмотрел очередную ленту с данными из компьютера. На этот раз результаты были более обещающими.

— Бомба тоже была частью плана?

«Нет, этого мы никогда не принимали в расчет, иначе ни за что не позволили бы Разрушителям испепелить планету.»

— Может быть, ты и не позволил бы, но Ананиас...

«Не знаю.»

— В этой истории ничего не связывается, а меньше всего — сам Ананиас.

Наконец Брон увидел значок на ленте, означавший конец расчетов.

— Я думаю, что Ананиас знал о готовившемся уничтожении Онариса, и притом давно. Он знал об этом так же давно, как и то, где и когда Разрушители смогут

отыскать меня. Вы недооценили его. И он давно знал, что добытые мной данные ведут к планете Брик.

«Но ведь...»

— Так что, Док, Ананиас просто-напросто водил вас за нос.

Глава 20

«Как это! — взорвался Док Веедер.— Откуда ты знаешь?»

— Мне удалось запомнить параметры с матрицы. Именно сейчас я провел их анализ. Я еще не смотрел в звездные карты, однако бьюсь об заклад, что База Разрушителей отделена от планеты Брик, по крайней мере, на полгалактики. Все данные относительно сектора были фальшивые.

«Ты уверен?»

— Абсолютно. Скажу больше, Ананиас не только изменил данные, но имел в запасе и другие, а это привело нас к точке выхода, совсем другой точке выхода. А сейчас слушайте меня, Док. Мы с вами не справились с заданием отыскать и уничтожить Базу Разрушителей. Теперь очередь одного человека. Настала моя очередь. Я один, и у меня есть план. Только прошу вас, не мешайте мне.

«Если подойти формально, то ты все еще находишься в нашем подчинении. Конечно, все, что ты сообщил нам, требует тщательного расследования, но сейчас не это главное. Главное то, что я очень прошу тебя, Брон: все, что ты задумал сделать, согласуй с нами, понимаешь?»

— Нет. Ананиас манипулирует вами. Я не знаю его намерений, однако помогать ему ни за что не буду!

«Не говори так, Брон! У нас есть возможность заставить тебя подчиниться.»

— Не пугай меня, Док. Я прекрасно знаю устройство биотронного передатчика. Он не действует даже в пределах одной планетной системы, не говоря уже о звездах...

«Это значит, что ты...»

— Вы вынуждены применять усилитель. Достаточно его уничтожить, и я буду свободен.

«Ты блефуешь, Брон. Тебе не хватит и жизни...»

Пальцы Брона стиснули крест, висевший на его шее.

— Так вы не оставите меня в покое?

«Ты рискуешь попасть под трибунал. Ты знаешь, что бывает за нарушение приказа?»

— Док, ты что, в самом деле думаешь, что сможешь остановить меня? Сначала посчитай мои шансы дожить до этого трибунала!

Наступила долгая тишина.

«Ты выиграл. Мы будем работать с тобой, но без вмешательства. Давай данные.»

Брон быстро прочитал результаты расчетов.

— Проверяйте, однако никогда данные расчета не дадут координат планеты Брик. Посылайте флот. Там не с кем воевать.

«Не понимаю. Ведь ты сам не можешь атаковать целый флот.»

— Это не случайность, что «Тантал» приговорен.

«Я не могу с этим согласиться. Нужно что-то делать.»

— Делайте, что хотите. У вас просто не хватит времени.

Брон вернулся к своим вычислениям, запрашивая навигационный компьютер о космографических данных. Он уже больше не обращал внимания на то, будут ли читать в Службе результаты его вычислений или нет. Понять что-либо из них было нельзя, не зная исходных параметров.

Джесси заняла место за пультом.

«Я не знаю, что ты сказал Доку, Брон, но он вылетел из аппаратной как ошпаренный. Что же касается меня, то я знаю, как тебя успокоить, даже если бы при этом тебя пришлось убить.»

— Отвяжись, Джесси. Разве Док не сказал тебе, что меня нужно оставить в покое?

«Официально он сказал это. Однако он не запретил разговаривать с тобой.»

— Я скорее бы хотел получить сейчас нажатие кнопки кары, чем выслушивать тебя, моя дорогая.

«Я понимаю тебя, Брон. Тебе посчастливилось забыть меня.»

— Ну, как-то нужно было компенсировать примерную жизнь.

«Если бы ты помнил то, что и я, то никогда бы не позволил себе такие шутки. У меня нет слов, чтобы описать такое чудовище, каким являешься ты!»

Он дождался последних результатов вычислений и пошел в оружейный отсек. Было весьма маловероятно, чтобы кто-нибудь из экипажа заглянул туда во время

полета в подпространстве, однако, если бы такое случилось, рассчитывать на снисхождение ему бы не пришлось. Его мысли, видимо, каким-то образом просочились в канал связи, так как в голове немедленно раздалось учащенное дыхание Джесси.

Он шел медленно, прижимаясь к стенке, и страстно надеялся, что дверь окажется незаблокированной. На его счастье, так и оказалось. Техники во время эвакуации совсем потеряли голову и не думали о блокировках.

Когда он удостоверился, что может работать без помех, то стал внимательно изучать имевшуюся в этом помещении аппаратуру. Взрыватели ракет были знакомого типа. Его память медленно пробивалась через блокаду по мере того, как распадалась гипноличность Андера. Он подошел к пусковой установке и проверил ее работоспособность, вернее, попытался сделать это. Перед ним находились четыре ракеты типа «Немезида». Конечно, ни одна из них не походила на ту, которая уничтожила Онарис. Они располагались в своих гнездах, ожидая оружейника, который должен был соединить их в одно целое. Брон начал быстро работать и уже через следующее мгновение понял, что руки его не утратили прежней сноровки.

Самая сложная часть операции заключалась в том, чтобы послать ракеты на стартовую площадку. Во время подпространственного полета эта операция обязательно должна была привлечь внимание экипажа.

Брон еще раз проверил правильность программы приборов навигации ракет, затем настала очередь двигателей. Конечно, их работа могла быть немедленно остановлена из навигационной рубки, однако он надеялся, что, пока там поймут, в чем дело, ракеты уже будут далеко.

Он включил зажигание каждой из ракет и тотчас же, не дожидаясь команды из навигационного отсека, нажал кнопку тревоги. Результат этой операции напомнил ему полный хаос, о котором он так часто мечтал. Весь корабль наполнился звуками сирены, призывая экипаж немедленно занять свои места.

Когда он удостоверился, что все ракеты вышли на старт, то тотчас же бросился в навигационную рубку.

Не успел он войти в нее, как туда же следом вбежали два Разрушителя, подозрительно посмотрели на него и ринулись дальше. Через несколько секунд наступила

тишина. Брон с ангельским выражением лица внимательно просматривал навигационный атлас, в то время как Джесси, не переставая, кляла его на чем свет стоит.

Тишина продолжалась недолго. Разрушители быстро сделали выводы.

Командир был большим и грубым, и настолько молодым, что его китайская рожа могла сойти за оригинальную красоту. Черты лиц его солдат носили на себе смешение рас, живущих на захваченных Разрушителями планетах.

— Ты кретин! Не послушал предупреждений Дауквиста и решил выдать себя за героя!

Одно его движение, и стволы лучеметов нацелились на Брона.

— Героя с Онариса! — продолжал смеяться Разрушитель.— Ну что ж, так и быть, мы поможем тебе стать героем. Вот только я очень хотел бы увидеть, как такой герой будет молиться перед смертью.

«И я с удовольствием понаблюдаю за этим,— заметила Джесси.— Я думаю, что эти славные ребята хотят показать тебе их собственный взгляд на Хаос. Все неприятности с тобой происходят из-за того, что ты никогда не знаешь, когда нужно остановиться.»

— Ну, молись!

У Брона не было никакой возможности уклониться от удара. Кулак попал прямо в лицо, и Брон упал. Тотчас же сапог, окантованный железом, врезался ему в ребра, убеждая, что есть вещи похуже, чем рубашка из спор грибов.

— Будешь молиться? Знай, что твоя жизнь в моих руках, синкретист. Дауквист приказал стрелять при малейшем подозрении. Ну так что?

«Подставь ему другую щеку, Брон, и, может быть, ты растрогаешь его до такой степени, что он сжалится над тобой. Это твой единственный шанс.»

Это было обиднее всего — то удовольствие, которое он уловил в ее словах.

— Заткнись, сука! Я еще доберусь до тебя!

Удар в живот был подобен удару молнии.

Чьи-то руки подняли его. Молодой Разрушитель стал медленно и методично соприкасаться своими кулаками то с телом Брона, то с его головой.

Джесси строила из себя ангела-утешителя и с удовлетворением специалиста наблюдала, комментируя от-

личную работу Разрушителя. Брон старался, насколько мог, расслабиться и потерял сознание.

Он погрузился в темноту почти с благодарностью.

Глава 21

«Кажется, это началось с шепота посреди белой пустыни...»

Это был голос Джесси.

Боль вернулась вместе с сознанием, а семантический предохранитель сделал невозможным его провал в полную потерю сознания.

Молодой Китаец, как он назвал этого Разрушителя, стоял прямо перед ним, и глаза его блестели в темноте. Сильный удар в солнечное сплетение вырвал у Брона крик боли вместе с остатками воздуха из легких.

«Израненное тело колеблется под ураганными порывами морозного ветра...»

— Джесси, ради бога, перестань. Отвяжись от меня, наконец!

Он не пытался скрыть то, что говорил вслух. У него начались нелады с рассудком.

Эта девушка просто-напросто издевалась над ним. Она специально применяла семантический ключ, чтобы он сохранял сознание во время этой ужасной пытки.

Страшные удары снова обрушились на него.

«Разум, который распался не от пыток железом...»

— Джесси, ты тварь!

Сейчас ему было все равно, выживет он или нет. Единственное, чего он страстно желал, это освобождения от этого безжалостного уничтожения его тела.

«Какой-то искалеченный мученик сошел с ума, поднял голову и крикнул в небеса: «Боже, почему ты меня покинул?»

Потребовалось несколько минут, чтобы Брон понял, что лавина ударов прекратилась.

Перед глазами плавали красные круги, и кровь слепила глаза. Он постарался выпрямиться, однако смог сделать это только благодаря рукам, поддерживавшим его. Он попробовал сосредоточиться. Двое Разрушителей внимательно рассматривали какой-то предмет, в котором он с трудом распознал свою Библию. Китаец опять подошел к нему. Брон задержал дыхание в ожидании новых ударов. Но ничего не произошло. Через распухшие

глаза он наблюдал, как Разрушитель удивленно уставился на него.

— Мой бог! Я видел людей, которых убивал один удар моего кулака, а ты выдержал их много и все еще жив, и к тому же даже не потерял сознание. Я не знаю твоей религии, синкретист, однако вижу, что ты из породы твердых орешков. Очень жаль, что ты не с нами. Ты был бы дьявольски полезен нам.

Как сквозь туман Брон почувствовал, что его куда-то несут. Потом он обнаружил, что уже лежит на чистой постели. Он не помнил рук, которые обмыли его от крови и смазали его раны. Единственная вещь, которая произвела на него впечатление раскаленного железа, это был голос Джесси, который не переставая терзал его мозг:

«Это только проба моих возможностей, Брон. Запомни это. Я учу тебя, что это счастье — забыть обо мне.»

Он пришел в себя в чужой каюте, ощущая, что кто-то недавно вышел отсюда. Он уверился в этом, почувствовав запах чего-то странного.

Малейшее движение причиняло страшные боли, однако это не остановило его, так как было необходимо добраться до зеркала.

Выглядел он страшно. Вернувшись в постель, он сел и тут увидел на столике перед собой оставленный завтрак. Через силу, заставляя свои разбитые губы раскрываться, он поел.

Еда и самодисциплина, которую он вызвал сам в себе, немного улучшили его состояние, и, наконец, он ощутил, что может хотя бы немного соображать.

— Джесси?

«Нет. Здесь Веедер. Джесси пошла завтракать.»

— Одолжи мне немного наивности, Док. Я чувствую, что только этого качества мне сейчас не хватает. Вчера было очень страшно. Я не чувствовал себя так со времени последней операции в Европе. Почему вы не дали мне умереть?

«Здесь есть две причины. Во-первых, Разрушители испытывают особое уважение, когда дело касается силы и выдержки. То, через что ты прошел, убило бы любого, кто не имел твоей выдержки и тренированности. Во-вторых, я думаю, что они не догадались, что ракеты стали на старт. Они выключили все датчики тревоги и заблокировали входы. Поскольку они не являются оружей-

никами, то и не проверяли состояние пусковых установок. Я не знаю, что ты хотел сделать, но знаю, что ты дорого за это заплатил.»

— Я бы заплатил еще больше, чтобы не слушать тебя.

«Они убили бы тебя,— запротестовал Док.— Твоя выдержка и несколько счастливых случайностей спасли тебя. Скажу, что ты обязан только поблагодарить ее за то, что еще жив, хотя немного и помят. Ты прав. Это система из пяти планет на краю Галактики, суперсовременная База, которую мы не смогли бы найти без твоей помощи. Генштаб уже послал туда флот, и они будут там через сто шестьдесят часов.»

Разговор был прерван появлением Китайца.

Он улыбнулся Брону и показал ему свои забинтованные руки.

— У тебя дьявольски твердый лоб, синкретист,— сказал он.

Он положил на кровать форму.

— Одень ее. Ты солдат, а не какой-нибудь вонючий штатский.

На этот раз Брон не спорил. Форма прекрасно подошла по размеру. Китаец, которого звали Мак, удовлетворенно улыбнулся.

— Вот теперь ты настоящий Разрушитель. Если бы мне пришлось драться не на жизнь, а на смерть, я бы хотел, чтобы ты был рядом со мной.

Брон промолчал. Мнение этого человека опиралось на интуицию, и ничто не могло поколебать его. Похоже, что комедия подходила к концу.

Тридцатью пятью часами позже «Тантал» вышел из подпространства. На большом расстоянии от цели их полета корабль ожидал остальной флот Разрушителей. Это было труднозабываемое зрелище. В одно мгновение «Тантал» перестал быть просто брошенным в космосе куском металла. Сейчас вокруг корабля ярко сверкали звезды, сделанные рукой человека.

Случайно выбранная точка встречи кораблей не помешала анализу Службы. С этой минуты эскадра была обречена. Пространство вокруг Базы через несколько дней станет местом сбора самого большого флота Мстителей. Всюду, где будут пролетать корабли Каны, их гравитационный след обязательно будет найден Службой, хотя почему-то Брон был уверен, что Мстители прилетят поздно.

«Тантал» вместе с флотом нырнул в подпространство. Экипаж занялся обычными делами, однако один Разрушитель постоянно сторожил его.

Брон не жалел об этом. Он уже ничего больше не мог сделать во время полета.

Его отношения с командой резко изменились. Зная, какую судьбу он подготовил им, Брон временами жалел, что они должны погибнуть.

Он спал, когда «Тантал» отделился от остальных. Брона разбудила тишина, наступившая после выключения гравитационного привода. Он снова заснул.

Он лежал на постели такой мягкой, как лоно матери, и плыл где-то, влекомый каким-то сильным течением, несшим его к цели. Он явственно слышал шум потока и ощущал сильное давление. Он слышал странные голоса, водянистые и липкие, но больше всего им сейчас овладевал страх.

Он опять погрузился в темный туннель, куда-то уносясь на черных водах этой жуткой реки. На каждом повороте на него с новой силой наваливался страх, что дальше уже ничего не будет. Вскоре он уверился, что это конец, что река вот-вот вольется в какую-то пещеру и он останется там обнаженный и безоружный, столкнувшийся с жуткой реальностью, совершенно не подготовленный к встрече с ней.

Беспокойство сменилось паникой. Шум воды усиливался, становясь все более угрожающим, более болезненным и давящим.

Он угрожал потерей памяти, странной и ужасной лихорадкой.

Рев двигателей разогнал этот кошмар и вырвал его из сна. Возвращаясь к сознанию, он упал на пол и с облегчением воспринял боль от падения, которая совсем разогнала боль. Однако если кошмар исчез, то странный шум был явственно слышен в его голове.

Глава 22

— Док? Джесси? Вновь шум в канале.

«Мы ничего не слышим, солдатик.»

— Ананиас? Я думал, что тебе совсем запретили подходить к пультам.

«Все устроилось относительно легко, парень. Мне ка-

жется, что мы что-то получили, если Док выпил кофе, а Джесси — рюмку виски. Поскольку ты в курсе дел, то мне подумалось, что мы могли бы поговорить откровенно.»

— Мы всегда были откровенны. Так вот, ты обычная свинья, избавленная от угрызений совести. Знай, что я когда-нибудь доберусь до тебя, и тогда...

«Хорошая память как прекрасная вещь, Брон. Если мне не изменяет память, то было два парня, избавленных от совести, и ты всегда был первым. Можно даже сказать, что я получил свой успех только благодаря твоему влиянию. Однако я здесь не для того, чтобы одаривать тебя комплиментами. Я хотел бы предупредить тебя.»

— Ха-ха-ха! Что бы ты ни говорил, изменить уже ничего нельзя!

«Как раз напротив. Ты уже забыл, что за всей историей скрывается целый план? С помощью бога и моей дедукции тебе еще, может быть, удастся спастись, однако это будет невозможно, если ты будешь мне мешать. Уничтожение данных по планете Брик было самой глупой вещью, которую ты до сих пор сделал.»

— Ты часто об этом говоришь.

«Это не со зла. Единственная надежда, что Флот Службы прилетит с опозданием.»

— Чего ты хочешь, Ананиас? Ведь тебе же на руку победа Службы!

«О, боже! — крикнул откровенно удивленный Ананиас.— Ты же высоко витаешь в облаках, и это смешно. Если бы ты не был таким сильным катализатором, я бы тут же уничтожил тебя. Предупреждаю, Брон. Позволь событиям идти своим чередом. Не добавляй к ним своего хаоса. Если же ты будешь все усложнять и дальше, я начну действовать против тебя, даже если тебя придется раскрыть. Поскольку ты помнишь довольно мало, то я позволю себе кое-что рассказать, чтобы заставить тебя призадуматься. Ты знаешь, кто придумал эти фальшивые данные? Ты! Твой помутившийся рассудок мог придумать такое! Но зачем? На это есть только один ответ. Потому что если эти два флота атакуют друг друга, то они оба погибнут. И что тогда мы сделаем?»

Брон не ответил. Он боролся с фальшью услышанных слов и не мог связать их с ситуацией.

Тем временем «Тантал» был охвачен движением. Был

приготовлен шлюз для приема шлюпки. Он внимательно наблюдал за работой экипажа. Эти люди жили в космосе и считали его своим врагом. Это были решительные и чрезвычайно тренированные люди. Это еще раз подтвердило мнение Ананиаса, что если грозные Разрушители встретятся со Службой, то победителей не будет. Это будет борьба на смерть, в которой обе стороны будут полностью уничтожены. Хотя кое-какие корабли могут и остаться, но, вернувшись на свои базы, они уже ничем не будут напоминать два прекраснейших флота в Галактике.

Точка зрения Ананиаса могла быть отброшена при допущении, что какой-то из флотов будет сильнее, хотя бы Разрушители.

Внезапное усиление шума в голове вырвало его из размышлений. Он вспомнил Бомбу, падающую на Онарис с расстояния в шестьсот тысяч парсеков.

Неожиданно выводы из этого закружили его голову.

— Ананиас!

Ответа не последовало.

— Ананиас!

Тишина. Канал связи был чистый, и первый раз за все время операции Брон остался один.

Потеря связи обеспокоила его, так как совпадала с новыми событиями, происходившими на палубе корабля. Он с интересом подметил, что экипаж изменил обычное отношение к нему, и понял, что они получили новый приказ считать его опасным преступником, а не опасным синкретистом.

Однако он все же мог выходить в коридор. Наблюдая за подходом элегантной шлюпки к шлюзу «Тантала», он задумался.

С этого момента можно было уже не сомневаться, что его ждет. Китаец подошел к нему и приказал своим людям сковать его руки и ноги так, чтобы он не мог быстро ходить, потом брызнул в лицо Брона газом из баллончика, и сознание покинуло Брона.

Китаец в это время смотрел на него, и Брону показалось, что в тот момент, когда сознание покинуло его, на лице Разрушителя промелькнула тень жалости.

— Покинутый святоша, но очень твердый. Это точно. Я надеюсь, что тобой займется Кана, ведь Дауквист — полный кретин,— буркнул он себе под нос.

Он повернулся к своим людям.

— Он неплохой парень. И не очень важно, на чьей

он стороне. Помимо всего прочего, он наш гость. На чьей стороне находится человек, зависит от того, где этот человек родился. Этот наверняка здесь погибнет.

Он ткнул Брона носком сапога и добавил:

— Андер Галтерн! Негоже человеку идти в ад в наручниках. Однако это необходимо. Корабль погибнет, и Кана должен быть уверен, что ты не исчезнешь вместе с «Танталом».

Глава 23

Брон пришел в себя в каком-то помещении.

На нем не было кандалов и наручников, а также формы Разрушителей. Во время сна его одели в чистую тунику. В кармане он ощутил давление Библии. Кушетка, на которой он лежал, была явно не корабельная. Не было слышно и характерного для космического корабля шума.

Несколько секунд он собирался с мыслями, потом сорвался с постели, охваченный паникой.

— Джесси! Док! Ананиас! Отзовитесь!

Узкое окно-бойница позволяло видеть кусок серого коридора с каменным полом.

Толстые двери закрывали выход.

— Джесси! Куда к дьяволу вы запропастились? Если вы слышите меня, отзовитесь! Дело чрезвычайной важности!

Охваченный паникой, он старался привлечь к себе внимание. Дверь дрожала под градом его ударов, однако она была настолько толста, что в коридоре его вопли едва ли были слышны, толстое же стекло в окне также с успехом глушило его крики.

— Джесси, ради бога!

Наконец, в его голове раздались обычные шумы связи.

«Что там опять происходит?»

— Заткнись, Джесси. Я должен сейчас же связаться с Ананиасом.

«Ты хочешь говорить с Ананиасом? — Девушка удивилась.— Брон, я тоже мечтаю о такой встрече, но как только я встречусь с ним, то от него полетят ошметки. Этот кретин подсыпал что-то мне в рюмку.»

— Это меня не волнует. Делай то, что я тебе говорю, и срочно найди мне Дока. Скажи ему, чтобы он задержал флот. Мы совершили страшную ошибку.

«Ты должен предоставить более убедительные доказательства.»

— Когда ты найдешь его, я приведу более веские аргументы, а пока что могу сказать, что если два флота вступят в битву, то погибнут оба.

«Что ты этим хочешь сказать?»

— Джесси, я уже почти труп. Однако сейчас не это важно. Важно то, что мы воюем не с тем врагом!

«Что?»

— То, что Кана не лгал, заявляя, что это не он уничтожил Онарис. У него так же, как и у нас, нет такого сильного оружия. Это чужое оружие, и выпущено оно с ювелирной точностью, чтобы уничтожить планету, на которой жили двести миллионов человек. Те существа, которые построили эту Бомбу, чтобы уничтожить Онарис, так же как они уничтожили еще тридцать семь планет, именно они являются нашими истинными врагами. Если мы атакуем Кану, то рискуем потерять оба флота, и тогда Галактика будет открыта для завоевания.

«Если это штуковина чужаков, то откуда ты знаешь, что они летят к нам?»

— Во-первых, я слышу их передатчики в нашем канале связи. Во-вторых, Кана создал свой флот именно поэтому.

«Я не верю этому, Брон. Кана создал свой флот, чтобы уничтожить Землю.»

— Кане не нужна Земля. Поставь себя на его место. Если бы у него было такое оружие, как Бомба, то он просто отправил бы его на Землю, а для этого не нужен такой флот, такой сильный флот, какой он имеет сейчас.

«Понимаю. Я объявляю красную тревогу для Дока и Ананиаса. Хотя я и не верю, что ты сможешь убедить Веедера, однако попытайся.»

— Я прав, и ты, похоже, сама поняла это.

«Это решит Док. Во всяком случае, ты все еще подчиняешься нам. И не пытайся освободиться, я сразу же призову тебя к ответу.»

— Я не могу ждать, Джесси. Я должен предупредить также и Разрушителей, чтобы они могли уйти. Мы никак не должны допустить уничтожения их флота. Это единственная сила, готовая сейчас противостоять чужакам.

«Я не могу позволить тебе сделать это, пока не придет Док, и только он может решить, что предпринимать дальше.»

— Я не говорил об угрозе со стороны Флота Службы,

я имел в виду тот маленький хаос, который произвел еще на «Тантале», когда испугался, что Флот Службы не прилетит вовремя.

«Что? Что ты сделал?» — закричала Джесси.

— Что? Просто я организовал уничтожение этой планетной системы.

«У тебя нет соответствующего оборудования.»

— Да, это так. Но у меня были ракеты типа «Немезида», и я выпустил их, еще когда «Тангал» был в подпространстве. Я рассчитал курс их полета и ввел координаты цели. Вскоре вы узнаете, что я не вру.

«Ты глупец, Брон. Четыре ракеты, даже такого типа, как «Немезида», не могут угрожать целому флоту и планетной системе. Самое большее, что они смогут сделать, это сжечь пару континентов.»

— Они все могут, если знать, как их применить. Не только континенты, но и все планеты системы будут уничтожены.

«Не преувеличивай, Брон. Я, конечно, знаю, что ты порождение ада, однако даже ты не в состоянии сделать что-нибудь такое всего с четырьмя ракетами. Разрушители их сразу же обнаружат, стоит им только вынырнуть из подпространства.»

— Но не там, куда я послал их. При обычной траектории, я с тобой согласен, их сразу же обнаружили бы охранные детекторы любого крейсера, однако они полетели не к флоту.

«Но куда же ты их послал, Брон? На солнце?»

— Нет. В этом не было никакой нужды. Разве ты еще не догадалась? Самая близкая к их солнцу планета имеет очень малую плотность, это почти плазма, которая едва не разлетается, образуя единое целое. Вот в нее-то я и нацелил ракеты.

«Но они же дезинтегрируют...»

Джесси замолчала на полуслове, не в состоянии постичь все подробности его плана.

«Хотя,— наконец подала она свой голос,— если эта плазма вырвется на волю, то излучение может простерилизовать всю систему...»

— Если я не ошибся в расчетах, то вся масса этой планетки будет притянута солнцем, и тогда возникнет Новая. Я должен предупредить Разрушителей. Поэтому вам необходимо сейчас же попросить Антарес передать сообщение на их волне. Соедини меня с Антаресом.

«Ты с ума сошел? Я не могу сделать это без согла-

сия Дока. Однако даже он должен будет согласовать это с Генштабом.»

— Времени нет, Джесси! Пока Генштаб примет решение, все будет кончено.

Брон снова бросился к двери и забухал в нее кулаком, но все было безрезультатно.

— К черту все это, Джесси. Если вы сейчас же не предупредите Разрушителей, то я найду способ сделать это сам, однако тогда...

«Не делай этого, Брон. Мы подчиняемся приказам, а они определяют Разрушителей как наших врагов. Если ты предупредишь их, это будет считаться предательством. Знай, я буду мешать тебе как только могу.»

— Отстань.

Он ощупал дверь и засунул пальцы в щель под ней. Удовлетворенный осмотром, он огляделся вокруг в поисках чего-то, что могло бы пригодиться для открывания двери.

«Брон, брось это. Ты уже раз не послушался нас, и тебя чуть не забили до смерти. Разве это тебя ничему не научило?»

— Сделай мне приятное, Джесси, испарись!

Маленький светильник под потолком привлек его внимание. Он достал Библию и пролистал ее.

Листы были из бумаги. Затем он взялся за кушетку, которая, к счастью, не была привинчена к полу, и сдвинул ее.

«Предупреждаю тебя, Брон! Я убью тебя, как только ты начнешь переговоры с нашими врагами.»

— Оставь меня в покое! Ты не осмелишься это сделать, а ничто другое меня не остановит.

Брон поднял кушетку и сбил колпак со светильника. Свет замигал, однако не погас.

«Я не знаю, что ты намереваешься сделать, но прошу тебя, перестань! Предупреждаю тебя, Брон, что я очень раздражена и поэтому могу применить карающее воздействие против тебя.»

— Это принесет тебе удовлетворение?

Джесси промолчала.

Брон погасил светильник, и камера теперь была освещена только слабым светом, сочившимся через маленькое окошко.

«Удовлетворение? Ты даже не представляешь себе, с какой радостью я нажала бы сейчас на кнопку смерти. И только из-за...»

— Из-за злости?

Брон встал на стоявшую торчком кушетку и дотянулся до проводов.

«Злость, месть, ненависть... Не знаю уже, что ты еще возбудил во мне.»

Он взял два провода в руки и вложил между оголенными концами сложенный лист бумаги, вырванный из Библии, потом соединил концы проводов. Сверкнула искра, и бумага загорелась. Брон начал рвать Библию, добавляя все новые и новые листы в огонь. Затем носком сапога он подсунул горящую кучу под дверь.

«Брон, прекрати!»

— Что же ты не нажимаешь кнопку, если это доставит тебе удовольствие?

«Брон, не доводи меня до бешенства!»

От тлеющего дерева начал идти дым.

— Ну, нажимай скорее! Это может быть интересно для нас обоих.

Он приготовился ощутить боль, но то, что он почувствовал, было гораздо страшнее, чем обычная боль. Все его первы разом были поражены дикой ноющей судорогой. Даже когда она прекратилась, ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Голос его застрял в горле.

Истеричное бешенство Джесси иссякло.

Он подумал, что эти тридцать секунд были страшными не только для него, но и для нее тоже.

«Ты грязная, вонючая свинья»,— повторяла она шепотом.

Его охватила новая волна сумасшедшей боли, и он понял, что на этот раз она подержит кнопку подольше, может быть, даже до прихода Дока или Ананиаса. К счастью, она была слишком возбуждена, чтобы подумать о поддержании его в сознании с помощью семантического кода. С этими мыслями он потерял ощущение времени.

Глава 24

Брон пришел в себя от холодной воды, которую ему лили на голову. Он уже не был в той камере, а лежал в каком-то помещении, набитом под завязку аппаратурой. Даунаист с выражением ярости на лице склонился над ним, Кана стоял рядом.

Брон с удивлением переводил взгляд от одного к другому.

— К черту! — загремел Дауквист.— Ну ты и даешь, синкретист! Должен признать, что этот твой номер меня удивил больше всего. Однако должен сказать, что это твое последнее представление, парень!

— Не понимаю...

Брон продолжал играть свою роль, хотя инстинкт подсказывал ему, что сейчас он переигрывает. Но почему? Скорее всего, подозрения Дауквиста сменились уверенностью, хотя Брон пока что и не понимал причин этого.

— Что случилось, Джесси?

«Ананиас предал тебя, Брон.»

Голос ее был усталым и измученным.

Она и дальше что-то говорила, однако Брон уже ничего не слышал. Он все понял.

Голос Джесси раздавался из всех динамиков, расположенных на пультах в этой лаборатории.

Улыбка Дауквиста была полна триумфа и ненависти.

— Ну что, синкретист? Ты все еще не понимаешь? Ты и твоя девка из Службы. Мы уже с полчаса слушаем вас. Она хочет причинить тебе боль? Ты получишь возможность удовлетворить ее. Ты будешь мучиться, как никто другой до сих пор не мучился. А когда мы все закончим, то вряд ли Служба осмелится забросить к нам своего нового агента.

— Если вы слушали, то, должно быть, узнали, что я старался обратить ваше внимание на свою особу. Те ракеты, которые я отправил с «Тантала»... У вас всего несколько часов для бегства.

— Судя по твоим хитрым шуткам, это, скорее всего, еще одна твоя выходка. Служба только и мечтает, чтобы мы оставили линии обороны и рассредоточили свой флот.

— Нет, это не коварство. Я ведь не знал, что вы подслушиваете нас.

«Это не они, Брон. Ананиас сейчас находится на палубе корабля-транслятора. Он перехватывает нашу связь и транслирует разговор Разрушителям на обычных волнах.»

Кана посмотрел на техника, обслуживающего аппаратуру.

— Это правда?

— Да, сэр. Сверхсветовая связь.

— Помимо всего прочего, это могло быть запланиро-

вано. Это, возможно, ловушка,— буркнул Дауквист.— Отдай его мне.

Он повернулся к Кане.

— Думаю, что у меня он быстро скажет правду.

Кана поднял руку.

— Нет. Если это ловушка, то Флот Службы, по крайней мере, не захватит нас врасплох. Мы можем покинуть систему в боевом порядке. Однако мое чутье говорит, что это не ловушка.

— А что же?

— Диаграммы Хаоса предсказали гибель «Танталa». Я знаю сейчас, что он выпустил ракеты, но вот не знаю, где оставлен «Тантал».

— На высокой орбите вокруг первой планеты.

Выражение лица Дауквиста свидетельствовало об его нерешительности.

— Нет, я считаю, что лучше будет...

— Разве ты не понимаешь,— крикнул Кана со всей силой, которой держал в подчинении всю Федерацию пиратских планет,— что если синкретист говорит правду, то мы все погибнем, пока будет идти его допрос!

— Поэтому позволь мне просто прибить его. Я не хотел бы иметь под боком шпиона. Что бы там ни говорили диаграммы, я считаю, что мы уже достаточно парисковались.

— Я не могу этого позволить, и ты знаешь, почему.

Кана посмотрел на Брона.

— Я не доверяю тебе, синкретист. Если ты пока еще живешь, то только благодаря тому, что умеешь читать диаграммы Хаоса, а кроме того, ты являешься катализатором, который вызывает самые сильные в истории человечества изменения энтропии. Поэтому скажи мне, Брон, или как там тебя еще называть, каким образом ты хочешь поймать космос за хвост?

Вдруг возле одного из пультов возникло замешательство, и один из техников крикнул:

— «Тантал» замолчал!

Кана повернулся к Дауквисту.

— Ты еще можешь сомневаться в диаграммах, Мартин? Это результат взрыва тех ракет. Через несколько часов обломки долетят до центрального светила, однако излучение дойдет до нас быстрее. Я объявляю немедленную эвакуацию.

— А я говорю, что это ловушка.

— Ловушка это или нет, но мне кажется, что ты уже

не можешь сомневаться в его способностях влиять на события в космосе.

Дауквист закипел от злости.

— Послушай, Кана. Почему ты не хочешь прикончить этого типа? Что станет со всеми этими диаграммами, когда он получит пулю в лоб?

— Интересный вопрос, Мартин. Однако поскольку его участие уже запланировано Хаосом, то ты или просто не попадешь в его лоб, или мы станем свидетелями интересного явления бессмертия. Вот поэтому я и запрещаю тебе сделать то, чего ты так добиваешься. Мы потеряем систему, но сохраним весь флот. Нет смысла играть с огнем.

Дауквист неохотно обернулся к радиооператору.

— Объявляй тревогу. Всем немедленно вернуться на корабли. Наземному персоналу подготовиться к эвакуации. Всем кораблям после старта занять позиции на расстоянии шестнадцати диаметров системы, считая от крайней планеты системы. Этот приказ не обсуждать. Выполнение немедленное!

Дауквист двинулся дальше, отдавая новые приказы другим работникам штаба. Кана молча наблюдал за Броном.

— Послушай, синкретист,— раздался через несколько минут его голос,— ты даешь слово не вредить нам? Кроме того, я хотел бы знать свое истинное звание, которое тебе присвоила Служба.

— Я не могу дать утвердительный ответ ни на первый, ни на второй вопрос. Во-первых, я все еще на службе и подчиняюсь приказам, и поэтому не могу дать слово, а во-вторых, я забыл большинство подробностей из моей жизни.

— Так, может быть, твой ментор сможет ответить мне?

— Это агент Брон из Отдела Специальных Заданий Звездной Службы,— объяснил голос Джесси из динамиков.— Его звание командор.

— Ага, так приблизительно и я догадывался об этом. Скажи мне, командор, она слышит твоими ушами?

— Не только слышит моими ушами, но и видит моими глазами.

— Интересно,— буркнул Кана.

Он внимательно осмотрел голову Брона, однако электродов не заметил.

— Пожалуй, я недооценил Службу: ни ее технику, ни

ее людей, которые ее создали. Однако я буду продолжать называть тебя Галтерном-синкретистом. Как бы там ни было, ты продолжаешь оставаться катализатором Хаоса. Пошли.

Сопровождаемые адъютантами, они вышли во двор. Вокруг простиралась пустыня.

Атмосфера была влажной и холодной, как будто насыщенной одиночеством, полная противоположность представлению о Базе Разрушителей. Единственное, что свидетельствовало о присутствии людей,— это втиснутые в скалистые расщелины домики и металлические бараки-лаборатории.

Он с интересом рассматривал раскинувшуюся панораму. Только когда Брон сориентировался, на какой высоте они находились, его оценка бледно-серого солнца изменилась. Он понял, что эта пародия на зиму соответствовала в действительности полудню. Никому не пришло бы в голову построить свою Базу в таком негостеприимном месте. Чем сильнее он задумывался над этим, тем более яснее становилась эта история. Корабли Разрушителей не были на своей Базе. Сначала они решили оставить рабочих на планете, которую решили колонизировать. Это была обычная колония — лагерь для тысяч рабочих, которые должны были работать под этим серым солнцем.

Люди были более выгодны, чем машины, особенно в первый период колонизации чужой планеты. Да их и легче было добыть.

Кроме того, они сами себя воспроизводили, и людей было легче обучить разным специальностям, чем машины. Было не очень важно, что многие из них гибли во время адски трудной работы. Таким образом, в самом широком смысле слова, человечество восторжествовало над машинами.

Глава 25

Брон вдруг ощутил в себе смущение за то, что приговорил этот мир к смерти.

Вокруг было множество десантных ботов и ракетных шлюпок. На орбите флот Разрушителей строился для встречи с флотом Мстителей. Он был уверен, что тех рабов, которых успели захватить на Онарисе, поспешно бросили на произвол судьбы.

Он почувствовал на себе пронизывающий взгляд Каны

и подумал, а не может ли этот выдающийся интеллект прочитать его мысли.

Однако по его виду трудно было узнать, о чем он думает.

Каплевидные корабли, обеспечивающие непрерывное сообщение со звездолетами на орбите, находились на дальних подступах к колонии.

Возле них непрерывно сновали многочисленные транспортные машины, перевозившие оборудование и людей. Все время в воздухе раздавались сигналы сирен. Группы ошалевших невольников с различных планет гнали через поле как скот. Разрушители старались побыстрее добраться до основного флота на орбите.

Множество беспокойных взглядов было направлено в сторону серого солнца, словно оно могло в один прекрасный момент покраснеть и взорваться. Через какое-то время этот тусклый мир познает самое горячее лето за все времена своего существования, но вместе с теплом и светом придет излучение, которое сделает невозможной жизнь на этой планете.

Это был бесспорный факт, хотя никто не мог предсказать точное время катастрофы.

Брон сам начал ощущать нараставшее беспокойство, словно катастрофическая природа событий сдавила своей тяжестью человеческую боязнь смерти. Внезапно его внимание привлекли новые события. Рядом с ним приземлился десантный бот. Семь транспортников приземлились немного дальше.

Кана подал знак, чтобы он сел в один из кораблей, и обернулся, отыскивая взглядом Дауквиста.

Он подождал несколько минут, поглядывая то на солнце, то на свои часы, в то время как пилот бота пытался по радио вызвать полковника. Вокруг усиливался круговорот эвакуировавшихся Разрушителей. Как только транспортник заполнялся до отказа, Кана давал разрешение на старт. Поскольку Брон уже занял место в одном из кораблей, он должен был улететь раньше Каны.

Все так же одетый в свою белую тунику, он думал, что Разрушители будут с угрозой относиться к нему, так как видели в нем причину этого кризиса. С удивлением он отметил, что они оказывают ему уважение, как обычному офицеру. Они помогли ему удобно разместиться в одной из трех кают летательного аппарата и даже принесли бутылочку виски.

Спустя несколько бесконечно тянувшихся минут корабль наконец стартовал, пронзая атмосферу обреченной планеты. Стыковка со звездолетом на орбите была очень точная, и Брон отметил, что он никогда еще не видел такого совершенного маневра, даже среди экипажей Службы.

Его уже ждал вестовой, который провел его на командирский мостик. Немного позже прилетел Кана. Почти тотчас же заработали гравиприводы. Большая мощность, сразу посланная в генераторы, говорила о том, что со стартом очень спешили. Кана подтолкнул Брона к контрольному экрану, чтобы он увидел причину спешки.

У него перехватило дыхание. Камеры смотрели на солнце, которое теперь уже не имело ничего общего со старым светилом этой системы. В его недрах бушевала солнечная буря таких масштабов, что даже с расстояния в сто миллионов километров казалось, что она угрожает кораблям. Гигантские языки огня вылетали с поверхности солнца со скоростью одной десятой скорости света. Перед глазами людей солнце начало сжиматься, покрываться морщинами, выбрасывать протуберанцы, его яркость увеличилась настолько, что автоматика не справлялась с подачей яркости изображения. Вместе с нараставшей радиацией языки огня расходились все дальше в космос.

Брон был не в состоянии оценить мощность взрыва, однако объективы камер переключались на все больший угол зрения, чтобы охватить все происходившее целиком. Сильное излучение уже почти наверняка пронзило атмосферы обитаемых планет.

Вторая планета уже должна была превратиться в сплошное пекло.

Третью, которую они покинули, скоро постигнет та же участь. Ее уже начало бомбардировать излучение, и жизнь на ее поверхности погибла.

Скорость и масштабы катаклизма превышали все, что мог представить себе Брон.

Время от времени камеры показывали корабли Разрушителей на фоне распространявшейся бури. Каждый из них находился на своем курсе, который позволял им уйти от излучения, сохранив тем самым экипажи.

Потом камеры переключились на третью планету, фиксируя подробности происходящего.

Семь кораблей все еще оставались на орбите и, видимо, там и останутся навсегда. От такого смертоносного излучения их не могли защитить даже мощные силовые экраны.

Экипажи этих кораблей наверняка погибнут. С планеты стартовал десантный бот и зигзагами пошел вверх, затем перевернулся вверх дюзами и врезался в поверхность. Кана пожелал узнать подробности. Один за другим были опознаны оставшиеся на орбите корабли.

Их гибель была вопросом нескольких минут.

Конечно, корабли можно будет потом отыскать, однако людей там уже не будет.

Флагманский корабль «Интерпрайз» находился довольно далеко от шевелившихся щупалец излучения, и вскоре рев перегруженных двигателей пришел в норму, но Кана на этом не успокоился. Он кипел холодной злостью, и это было жутким зрелищем. Он беспрерывно требовал новых данных по всем кораблям своего флота, которым удалось уйти от катастрофы. Наконец, он повернулся к Брону, и на лице его появилось выражение трудно сдерживаемой ярости.

— Теперь ты видишь, что ты натворил, синкретист? Я потерял три обитаемые планеты, по крайней мере, семь кораблей, более тысячи людей и Мартина Дауквиста.

Он замолчал, словно ему не хватало слов, но тут же снова начал говорить, продолжая бороться с нараставшим гневом.

— Один человек, какая-то дурацкая книжонка и горсть биотроники. О, боже! Ничего странного, что формы Хаоса трактуются с таким уважением. Если ты смог сделать столько, будучи всего лишь пленником, то я дрожу при мысли, что станет со Вселенной, если тебе доверят целый флот.

Он с горечью посмотрел на экраны, показывавшие набухшее солнце, которое заставили уничтожить свою же систему, которую оно же образовало тысячелетия назад.

— В первую очередь, я должен заняться обеспечением безопасности флота. Приходи ко мне в каюту через час. Мы должны поговорить с тобой о многом.

Он пошел к своим офицерам, которые готовились к совещанию, а по дороге заглянул к радистам, пытавшимся поддерживать связь с кораблями флота.

Брон еще немного посидел возле экранов, ошелом-

ленный гигантским Хаосом, который он же и вызвал.

Разрушение в таком колоссальном масштабе при применении четырех относительно небольших ракет «Немезида» было возможно лишь благодаря его первородному гению, который нашептал ему, как можно в миллионы раз увеличить разрушительный эффект их боевых зарядов.

Не он один обнаружил в себе такой талант.

Он стоял лицом к лицу с издавна начертанным предзнаменованием, таким исключительным, что решение об его смерти на Онарисе было вынесено почти семьсот миллионов лет назад совсем в другой Галактике.

Глава 26

«Док сказал, что тебе повезло, что это солнце не превратилось в Сверхновую»,— сказала Джесси тихим голосом, который вырвал его из раздумий.

— Он уже вернулся?

«Уже давно. Сейчас он просматривает записи, стараясь что-нибудь в них найти.»

— Что?

«Он проиграл в Генштабе. Они сняли его с поста, и вся операция отдана под начало этого г...ка Ананиаса.»

— А руководство флотом?

«Все! Он теперь Главный Советник Генштаба.»

— А где он сейчас?

«В космосе, на корабле радиосвязи. Хотя думаю, что он слышит наш разговор?»

— Слышит наш разговор?

«Именно так, солдатик.— Голос Ананиаса был приглушенным, однако вполне разборчивым.— Я рад, что ты опять в форме. Ты состряпал миленькое дельце, которое превышает все твои прежние похождения. Но неприятность в том, что ты поставил не на тот цвет. Думаю, что тебе уже не нужно будет заботиться о врачах.»

— Помоги мне, Ананиас. Задержи Флот Службы перед столкновением с Разрушителями. Флот Каны уже готов к бою. Он в состоянии размолотить ваш флот в щепки.

«Спокойно. Эти два флота никогда не приблизятся друг к другу более чем на парсек. Я уже жалею обо всем и беспокоюсь за тебя. Ты забыл что ли, что у нас

был план, и это был твой план! Разве ты этого не помнишь?»

— Что-то мельтешит у меня в мозгу, но глобально я ничего не помню.

«К твоему сведению, мы оба были занесены в черный список, от которого смердило на целую милю. Мы могли быть повешены, если бы нас выдали. И то, что мы не повисли на рее, моя заслуга. Однако я не мог все время тащить тебя за руку. Ты должен сам все сделать, и притом быстро! Во всяком случае, если уж будет что-то суперважное, советуйся со мной. Если ты отколешь такой же номер еще раз, то считай, что мы уже потеряли Землю. Джесси, ты там?»

«Я слушаю тебя, Ананиас.»

«Стереги этого короля безбожников. Мы входим в подпространство, и я не смогу контролировать ваши переговоры. Если Брон начнет брыкаться, утихомирь его. Я свяжусь с вами, как только смогу »

«Хорошо. Ты горд за себя? Штаб еще раз подтвердил свое решение. Выходит, что теперь мы работаем на тебя?».

«Я давно говорил об этом и продолжаю считать, что быть шефом всегда приятно. Но натворить такое я бы не смог. Истинный виновник наших несчастий сидит сейчас на другом конце канала. И если бы он не потерял память, то я бы кое-что лично сказал ему.»

Изменение уровня шумов означало, что Ананиас отключился. Благодаря этому Брон мог лучше слышать странные шумы, давно проходившие по их каналу связи. Он отметил, что они стали более громкими и отчетливыми.

До сих пор неясные шумы были почти сплошным гулом, однако сейчас они стали разделяться на отдельные голоса, словно он слышал крики птиц, в тревоге покинувших свои гнездовья. Он подумал, что если громкость этих криков будет нарастать, то он не сможет связываться со Службой.

Тогда он будет вынужден полагаться только на самого себя. Брон отбросил эти невеселые мысли и сосредоточился на своих делах.

— Джесси или Андер, вы здесь?

«Здесь, Брон. Ты хочешь поговорить с ним?»

— Непременно. Я должен знать, что такое катализатор Хаоса.

«Хорошо. Подожди несколько минут. И, кстати, прошу

прощения за боль, причиненную тебе. Я должна была привести тебя в чувство. Когда два существа так близки друг другу, как мы, то скрыть чувства, конечно, невозможно.»

— Ты хочешь сказать, что этого нельзя было избежать? Это должно было произойти рано или поздно? Ты думаешь иногда о наших прежних отношениях?

«Нет опасений, что я что-либо забуду, если ты подразумеваешь это.»

— А как на самом деле? Это мне напоминает мистическую мысленную связь между палачом и жертвой. Ты сейчас ближе ко мне, чем когда мы лежали с тобой в одной постели. Иногда я даже думаю, что ты читаешь мои мысли.

«У меня это часто случается. Немного от чувств, немного потому, что я могу поставить себя на твое место. Но это настолько неясно, что я нечетко все понимаю, однако вполне достаточно, чтобы принять эмоции. Даже не знаешь, что и думать... Видишь ли, когда ты трогаешь другую женщину, я покрываюсь гусиной кожей.»

— Гусиной кожей?

«Именно. Когда жалеешь себя, когда ненавидишь. Это есть горечь любви, и вот тогда мне хочется выть. Я хочу кричать всем им, чтобы они понимали так, как понимаю тебя я. Но этого никто не хочет понимать.»

— Даже я?

«Ты совсем другое дело. Мне кажется, что ты являешься одновременно и палачом, и его жертвой. Это твоя роль. Ты и меня так долго терпишь, потому что это делает возможным дальнейшее существование нашей связи. Я знаю, что, чего бы ни случилось, я буду терпеть так же, как и ты. Только иногда наших связей оказывается недостаточно, и тогда я очень хочу вопзиться в твое тело зубами и ногтями, чтобы выровнять баланс. Я как одуревшая. О, боже! Это твой тип Хаоса, Брон! Ты с другого конца Вселенной дотрагиваешься до меня, разрываешь и калечишь мое сердце.»

Она внезапно замолчала, словно ее кто-то прервал, потом заговорила вновь:

«Здесь Андер. Я оставляю тебя с ним. Док принимает дежурство, и, если тебе что-нибудь понадобится, связывайся с ним. Я пойду и напьюсь, как еще никогда не напивалась.»

В голове Брона раздался новый голос:

«Это Андер. Я слышал, что ты хотел бы узнать, что такое катализатор Хаоса.»

— Да. Все об этом только и говорят.

«Ну, это очень простое понятие. Ты помнишь наш разговор о том, что энтропия возрастает или уменьшается под действием разума? Большинство людей не влияет на общую схему действия энтропии, и потому их нельзя отличить от общей массы. Единицы, однако, катализируют судьбы целых народов и проводят в жизнь общества свои мысли и ценности. Их деятельность можно в определенной степени проследить, так как они вызывают волны Хаоса. Вот таких людей и принято называть катализаторами Хаоса.»

— Что это за люди?

«Почти все они исторически выдающиеся личности, а также некоторые святые. Это великие мыслители прошлого и нашего настоящего, физики, почти все политики, а также такие, как ты, истребительные таланты, которые оставили и до сих пор оставляют шрамы на теле истории. Фамилии большинства из них тебе ничего не скажут, так как результатом их деятельности является не общественная ценность, а эффекты, изменяющие человеческую историю.»

— Но ведь я еще не изменил историю! — почти закричал Брон.

«Еще нет, однако формы Хаоса начали изменяться. Если мы подробно исследуем их, то обнаружим массу дефектов, причиной которых в один прекрасный день станешь именно ты. Именно напряжение этих дефектов стало причиной уничтожения Онариса.»

— Это все пустая болтовня. Какое отношение ко всему этому имею я?

«К сожалению, это не болтовня, Броп. Сотни миллионов лет назад какое-то разумное существо прочитало то же самое в схемах Хаоса и ужаснулось. Может быть, оно было не в состоянии узнать, кто именно будет причиной всего этого, но сумело рассчитать положение и время, причем с отличной точностью, и Бомба упала всего лишь в нескольких метрах от места, где находился этот КАТАЛИЗАТОР, хотя и с некоторым опозданием.»

— Но почему именно я?

«Я подозреваю, что все их усилия направлены на то, чтобы помешать тебе или другим специалистам по Хаосу, которых собирает Кана, что-то осуществить. Однако

ты являешься катализатором номер один, главным пунктом сосредоточения всех причин. Я не знаю, что ты натворил, но сферическая волна шока является сильнейшей, какую когда-либо регистрировали.»

Глава 27

Сигнал аварийной тревоги разогнал остатки размышлений, а экипаж привел в состояние боевой готовности со скоростью и точностью, не оставлявших сомнений относительно ее качеств. Сигнал тревоги разбудил в Броне полузабытый инстинкт, привитый еще в Службе.

Он внимательно наблюдал за событиями, находясь на мостике «Интерпрайза». Сейчас он все больше разбирался в приборах и оборудовании, необходимых для ведения боя. Обеспокоенный, он считывал показания приборов, которые, скорее всего, информировали о виде угрозы.

Пока экраны были пусты. Ни один не показывал ничего такого, что могло говорить о причинах тревоги.

Ситуация напоминала Брону ту, когда ожидали прилета Бомбы, уничтожившей Онарис.

Тогда на мостике царила такая же атмосфера беспокойства. Все начиналось с ожидания и предвидения появления точки, практически невидимой в пространстве, о которой было только известно, что она вырастет и превратится в дьявольское оружие уничтожения, к борьбе с которым никто не был готов.

— Док, ты здесь?

«Слушаю тебя, Брон.»

— Проверьте, почему объявлена тревога. Похоже, что они наткнулись на что-то очень важное.

«Принято. Может быть, ты хочешь, чтобы мы выяснили все подробности и только потом переслали в трибунал все документы?»

— Не понимаю. Какие обвинения вы выдвигаете против меня?

«Все твои преступления будут сформулированы в обвинительном акте.»

— Жаль, что у меня нет на вас времени!

Док засмеялся.

«А конкретнее могу сказать, что ты обвиняешься в утаивании информации, ее фальсификации, манипулировании фондом Службы для финансирования проектов,

не утвержденных руководством, не говоря уже о разных жалобах по твоей непосредственной деятельности, о фактах шпионажа, саботажа и измены.»

— Для начала хватит и этого, Док. Остановитесь. Поскольку я ничего не помню, то не могу поэтому поспорить с вами на эту тему. Каково ваше положение в этом деле, мистер Веедер?

«В течение пяти лет я работал над этим планом. Я отдал ему всю свою энергию и разум. И чего я добился? Того, что Ананиас и ты сделали меня полным дураком и выкинули из этого проекта.»

— Ты не дурак, Док. Я никогда так не считал, уж поверь мне. Для такого расследования должна быть важная причина, хотя...

«Советую тебе поговорить с Ананиасом, так как Служба возьмется и за него.»

— Я считал, что теперь он находится на самой верхушке.

«Политически это так. Однако, с точки зрения права, прокуратура Службы ведет расследование по вам обоим. Это дело не смогут замять даже дружки Ананиаса из Генштаба. Я пробовал тебе помочь, но из этого ничего не вышло: им нужны очень убедительные доводы.»

— Да... Спасибо за беспокойство. Я мог бы тебе кое-что рассказать, но извини, не сейчас. Послушай-ка внимательно, некоторые ответы находятся прямо здесь, а один из них должен вот-вот родиться.

К этому времени аппаратура, обследовавшая пространство вокруг корабля и связанная с корабельным компьютером, закончила анализ.

Ознакомившись с расчетными данными, Брон понял, что тревога была объявлена на основании предвидения Хаоса, точка которого была обнаружена приборами на основании разложенных морщин волн энтропии.

Экраны постепенно покрывались легкой дымкой электронных помех. Брон с сожалением отметил, что группа контроля вооружения не занимается наблюдением за показаниями приборов. Он подумал, что нужно было бы самому пойти и заняться этим, однако чья-то рука задержала его и повернула в другую сторону.

Перед ним стоял Кана.

— Я знаю, о чем ты думаешь, синкретист, но у тебя это не выйдет. Хаос сообщает, что вражеский корабль прилетит через десять минут. Мы откроем огонь только тогда, когда очень точно определим местоположение вра-

га. Правда, это ничего не дает, так как мы уже знаем события Хаоса, которые должны произойти. Для форм Хаоса потеря одного нашего корабля уже исторический факт.

— Но не для меня! — воскликнул Брон.— Сейчас вы получите координаты их корабля в трех измерениях плюс временная поправка. Это достаточно точные данные, чтобы уничтожить врага.

— Конечно, мы можем попробовать,— кивнул Кана.— Однако ты не понимаешь самого главного обстоятельства. Мы уже знаем, что наше оружие бессильно, так как Хаос не может лгать. Нельзя изменить будущее событие, которое уже записано на матрице Вселенной.

— Почему?

— Потому что изменение неизменности — это противоречие. Мы определенно проиграли, еще не начав боя. Как можно выиграть сражение, которое история уже зарегистрировала как проигранное?

— Я тебя понимаю, но твой аргумент нельзя принять разумом. Правда, я не знаю, как можно распутать этот парадокс, однако это проблема Хаоса, а не моя.

Кана уставился на Брона пронизывающим взглядом, потом повернулся и отдал приказ вахтенному офицеру:

— Главному оружейнику уступить место синкретисту. Этот бой проведет он. Выполнять его приказы, как мои.

Брону не нужно было повторять два раза.

Вдохновленный своей интуицией, которая дополняла многолетнее военное обучение в Службе, он мгновенно включился в операцию, передавая группе контроля вооружения данные по Хаосу. Потом он повернулся к Кане.

— Готов присягнуть, что у вас есть команда Хаоса, которая программирует компьютер. Я должен поговорить с ними.

Кана сделал знак рукой, и один из техников подал Брону наушники.

— Команда Хаоса на линии, сэр.

— Отлично. Поправьте меня, если я ошибусь, но мы приближаемся к равнодействующей Хаоса, которая указывает на потерю одного из кораблей флота.

— Мы согласны.

— Откуда вы знаете, что это будет корабль?

— Но это же очевидно. Взрыв с силой в восемнадцать терраматонн просто так не происходит в космосе, а это соответствует взрыву корабля вместе с генерато-

ром. Данные координат пространства-времени говорят о корвете «Анна-Мария». Мы уже отдали приказ эвакуировать экипаж.

— Я отменяю этот приказ. Пускай «Анна-Мария» уходит из угрожающего пространства.

— Этого нельзя делать,— запротестовал голос в наушниках.— Нельзя бороться с Хаосом.

Брон повернулся к Кане.

— Прошу подтвердить мой приказ.

Затем он опять сосредоточил свое внимание на пультах и стал задавать вопросы компьютеру. Ответы были негативными. Тогда он собрал совещание офицеров связи и постарался попроще изложить им свой план. Никто не мог спорить с его логикой. В течение нескольких минут все уяснили свои задания. Радикальное вмешательство Брона вызвало заразительный энтузиазм у экипажа. Только Кана сохранял свой скепсис, однако пока воздерживался от замечаний.

Чужак появился на экранах внешнего обзора. В человеческом восприятии он был монстроподобным: бесформенная масса черного металла, угловатая машина без намека на грациозность. Он двигался с околосветовой скоростью, значительно быстрее, чем «Интерпрайз» и весь остальной флот Разрушителей. С дальнего расстояния корабль казался безжизненным и полностью лишенным изысканности, всегда сопутствующей межзвездным кораблям. Пока боевой компьютер выдавал данные траектории корабля, изображение чужака стало более ясным и четким. Экипаж «Интерпрайза» был в полной боевой готовности и настраивал аппаратуру для обеспечения атаки с максимального расстояния.

Главный оружейник сидел перед пультом связи и быстро отдавал приказы своим помощникам на других кораблях флота. Голову он держал все время повернутой набок, чтобы даже на мгновение не прерывать считывание информации, появлявшейся на многочисленных дисплеях. Подтверждения приходили одно за другим. Все позиции были рассчитаны и введены в главный компьютер. Если бы эксперимент Брона закончился крахом, то уже не было бы никакой возможности изменить тактику.

Брон наблюдал за показаниями приборов и, как только цифры соскочили к нулям, кивнул головой.

Человеческие пальцы сорвали предохранитель, и компьютер принял на себя руководство атакой. Но на мо-

стике «Интерпрайза» никто не сомневался в том, что настоящая битва разыгрывается только между Броном-синкретистом и безжалостными формами Хаоса.

Глава 28

— Ты видел этот корабль, Док?

«Да. Он не может принадлежать Разрушителям. Это отвечает на много вопросов. Правительство Земли всегда отметало возможность внешнего вторжения или атаки внегалактических существ. Последние выборы прошли именно в таком духе. Теперь я понимаю, что они ошибались.»

— Кана оказался прав. Бомба именно их рук дело. Это чужаки уничтожили все те планеты. Поэтому Кана невиновен.

«Вместе с Ананиасом вы подготовили уничтожение их Базы и флота. Я послал эти записи в Штаб. Совет проверит их и решит, что делать дальше. Я оставляю дежурить Джесси, однако буду поблизости.»

Брон наблюдал за экранами. Все датчики сигнализировали, что скоро чужой корабль окажется в зоне досягаемости корабельных ракет. У Брона было туманное ощущение, что здесь что-то не так.

Наконец, он понял, что чужой шум в голове стих. Раньше голоса звучали четко и ясно, но теперь они успокоились, словно их владельцы приготовились смотреть спектакль, который вскоре должен был быть разыгран.

«Интерпрайз» первый выбросил цилиндрические тела ракет с мезопными боеголовками. Точность прицеливания позволяла попасть в цель с точностью до нескольких метров. Такой точности было вполне достаточно, чтобы уничтожить любой корабль на расстоянии в пятьдесят километров.

Однако Брон решил не рисковать. Увеличение изображения на экранах было таким, что ракеты, казалось, ползут, как улитки, а ведь каждая из них летела вперед со скоростью одной сотой скорости света.

До сих пор неприятель не делал ничего, чтобы защитить себя.

Вскоре «Интерпрайз» выстрелил еще одной серией ракет. На этот раз с ядерными боеголовками. Они направились не к кораблю чужаков, а в сторону точки, в ко-

торой согласно Хаосу должен был произойти взрыв. В атаке участвовало еще семь кораблей флота. Только пришельцы молчали и не подавали никаких сигналов, говоривших о подготовке к бою. Их корабль все так же медленно пронзал пространство, тихий и безмолвный, словно ему никто не угрожал. Шум голосов в голове появился было снова, однако тут же затих.

Наконец ракеты добрались до цели. Фантастический взрыв двенадцати мезонных боеголовок заставил отключиться камеры, и несколько секунд экраны мониторов оставались темными. Когда они вспыхнули вновь, на мостике раздался общий крик разочарования. Чужой корабль был невредим.

Он продолжал свой неумолимый полет в центр их эскадры, выдержав дезинтеграцию, которая должна была испепелить любой материал во Вселенной.

Несколькими минутами позже вторая волна ракет достигла заданной точки пространства и взорвалась с силой в восемнадцать терамегатонн вместо корвета «Анна-Мария». Сам же корвет летел прочь, видный на экранах как маленькая медная стрелка.

У Каны заблестели глаза.

— Спасибо, синкретист. Ты начал показывать свою настоящую цену. Никому в истории не удавалось манипулировать случайностями Хаоса. Конечно, учеба в этой сумасшедшей Семинарии на Онарисе тут ни при чем, да и вряд ли в Службе смогли бы тебя так подготовить. Ты прирожденный катализатор, а кроме этого, необыкновенный человек.

Брон собрался было ответить, но его прервал крик одного из операторов. Они повернулись к экранам, транслировавшим спектакль, который захватывал дух. Мезонные удары по чужаку не нанесли ему видимых повреждений, однако, скорее всего, все же сбили его с курса. Гигантский корабль теперь рыскал из стороны в сторону, но не как дрейфующий корабль, а как ветка в бурном потоке.

Все вглядывались в массивную и огромную махину, медленно вращавшуюся в космосе.

Резкость изображения позволяла судить о неуверенном управлении кораблем, однако не давала ни малейшего представления ни о цели его полета, ни о роде двигателей.

Внезапно они сделали интересное открытие. У чужака не было ни дюз, ни двигателей, ничего. Огромная

конструкция была пустой коробкой, открытой с одной стороны. В ней, видимо, не было ни помещений, ни кают, ничего. Каким же образом кому-то удалось придать ей такую огромную скорость и держать на курсе? На этот вопрос никто не знал ответа.

Перед глазами людей разыгрывалась драматическая сцена. Загадочный механизм прошел через центр второго взрыва и продолжал свой полет дальше. Датчики следили за его прохождением, и люди напряженно старались разгадать его назначение.

Навигационные приборы направили свои линзы на изображение дальнего корвета «Джубол». Едва автомат отрегулировал резкость, как летящий пришелец ударил в борт корабля Разрушителей.

Это привело к какой-то реакции между чужаком и «Джуболом», очень странной реакции. Взрыва не было, отсутствовали любые энергетические излучения. Внешне это выглядело как просто исчезновение обоих тел в черноте космоса.

Вскоре единственными свидетелями событий остались люди на кораблях флота, и у этих свидетелей оставались без ответа вопросы.

Тотчас же после этого шум голосов опять появился в голове Брона. Он оценил его как шум толпы, устраивающей кому-то овацию, но вместе с тем через этот постоянный шум пробивались какие-то непонятные акценты, выказывающие страх.

Без сомнения, кто-то был свидетелем разворачивавшегося недавно события, так как возникший шум точно по времени совпадал с его окончанием. Он попробовал представить себе личность этих чужаков, однако это было превыше человеческих сил. Эти существа были чем-то, что превышало человеческие возможности по фантазии. У него не было никаких отправных точек, за которые можно было бы ухватиться.

Только две черты у этих существ можно было выделить как человеческие: страх и враждебность.

— О, боже! — потрясенно прошептал наконец Капа.— Похоже, что у нас достойный соперник. Они проделали это, используя твою собственную защиту, синкретист.

— Как это?

— Ты обманул Хаос, а они ответили уничтожением «Джубола» методами, не вызывающими энтропийных волн. Согласно теории Хаоса твой метод, однако, более

удачный, а это означает, что у нас есть кое-какие шансы на успех.

— Откуда такая убежденность?

Кана улыбнулся.

— Дорогой синкретист, самый хороший довод — это Бомба, упавшая на Онарис. Чужаки изучали Хаос миллионы лет. Я наблюдал за тобой и убедился, что твои действия чисто инстинктивные. Ты нашел отличный выход из положения за неполные семь минут. Я начинаю понимать, почему они так боятся тебя.

Бешеный треск в канале связи дал понять Брону, что случилось что-то невероятное.

Он еле-еле смог разобрать:

«Ананиас на связи! Ты слышишь меня, черт?»

«Веедер на связи. Что случилось, Ананиас?»

«Будь на связи, Док, и прими по каналу связи со Штабом разговор. Он будет решающим. Брон, ты меня слышишь?»

— Слышу.

«Мы вышли из подпространства и вскоре присоединимся к Флоту Службы. У меня в эскадре шестьдесят восемь кораблей, все готовы к бою. Этот разговор идет обычной связью, чтобы Кана слышал меня.»

— Я надеюсь, что ты не будешь ему угрожать? У него, по крайней мере, в два раза больше кораблей.

«Угрожать? Ты сошел с ума? Мы не угрожаем ему, а хотим соединиться. Хаос сообщает, что основные силы врага прибудут через несколько дней. Согласно диаграммам это будет огромная армада, и она наделает много бед.»

Брон повернулся к Кане.

— У нас всего несколько дней в запасе.

— Но нужно мне объяснять. Это уже и так очевидно.

Разрушитель усмехнулся.

— Соедините меня с Ананиасом. — Он повернулся к операторам связи. — Я намерен проверить, как он соблюдает условия, которые я заключил с ним на борту «Тантала», когда спасал его.

Глава 29

Брон внимательно следил за техниками, готовившими связь с Ананиасом. Кана с нетерпением стучал пальцами по столу.

— Генерал Ананиас, моя разведка предоставила мне в неудовлетворительном свете твои высказывания относительно Федерации планет, называемой Разрушительной.

— Я предупреждал тебя, Кана, что такая ситуация может оказаться неизбежной. Помнишь, во время нашей последней встречи?

— Это правда, однако я хотел бы поставить точки над «и», и прежде всего для Службы, которая наверняка сейчас прослушивает наш разговор.

— Как хочешь. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что внешняя угроза стала наконец реальностью, и это не только в отношении периферийных провинций, которые в некотором отношении представляешь ты, но, в конце концов, и для самой Земли. Мы с тобой, Кана, знаем об этом давно. К несчастью, земное правительство в наше время очень нестабильно и трактует каждое заявление об угрозе нападения со стороны пришельцев как паникерское.

— Точка зрения Земли меня не интересует. Ты был на «Тантале» во внегалактическом пространстве и видел угрозу со стороны чужаков. Думаю, что ты солидарен с моей оценкой, что нельзя согласиться с их намерением не допускать человечество в глубокий космос и не разрешать создавать там колонии.

— Я на твоей стороне.

— Вот это уже хорошо. А теперь, генерал, я хотел бы услышать от тебя ответ еще на один вопрос. Зачем ты очерняешь народ Разрушителей?

— Я попробую объяснить, Кана. Поскольку я не в состоянии убедить правительство в своей правоте, я решил прибегнуть к крайности. Для обороны Земли необходимо было создать и поддерживать в постоянной боевой готовности космический флот. Договорившись с командором Броном, мы специально приписали Разрушителям результаты атак чужаков. Благодаря этому мы убедили правительство выделить субсидии для создания флота, прямой обязанностью которого было бы держать оборону Земли от Разрушителей. Ни Брон, ни я не считали это всерьез и всегда фальсифицировали донесения, чтобы поддерживать эту версию. Сейчас, когда Брон находится в ваших руках, я хочу подчеркнуть, что именно он является основным виновником такой политики. Кроме того, он самый сильный из известных катализаторов Хаоса. Поэтому мы и решили поместить его туда, где существует самая сильная угроза, то есть возле тебя.

— Это правда, синкретист? — спросил Кана.

— Не знаю. Однако это многое объясняет. Значит, это я все придумал?

— Да, все до самых мельчайших подробностей. Этот план идеально подходил к твоему умению превращать действие всех систем против них самих же. Ты обманул Службу и заставил послать тебя к Разрушителям. Это удалось. Только небольшая группка людей знала, что ты, присоединившись к Разрушителям, не будешь бороться с ними. Но твоя потеря памяти, Брон, едва не разрушила все наши планы...

— Что же ты предлагаешь, генерал? — перебил Анания Кана.

— После этого нашего разговора, я думаю, что Земля уже не сомневается, кто является нашим настоящим врагом. Понравится ей это или нет, однако она уже втянута в войну, и наша первая задача на современном этапе — это объединение двух флотов.

— Это так необходимо? — спросил Кана.

— Ты знаешь особенности ведения космических войн, не так ли? Надеюсь, тебе известно, что два небольших флота имеют только четверть шансов по сравнению с большой группировкой сил.

— Статистически это так, но это может привести к политическому краху нашего союза. Ведь мы совсем недавно были смертельными врагами, и я не могу отдать свой флот под командование Земли.

— Этого от тебя никто не требует. Есть предложение отдать флоты под руководство Брона. Он опытный солдат и, без сомнения, величайший катализатор Хаоса в наше время. Его руководство объединенным флотом будет отличным компромиссом между Разрушителями и Землей.

Кана внимательно посмотрел на Брона.

— Я потерял полковника Дауквиста и до сих пор не могу найти кандидата на его должность. Да, я видел этого человека в действии и склонен думать, что он сможет развязать сложившуюся ситуацию. Я возложу на него руководство моим флотом, но только в том случае, если оба флота будут подчиняться ему и он сам не будет подвергаться нажиму с Земли.

«Джесси на линии, Брон.— Ее голос звучал только у него в мозгу.— Мы изменили волну, чтобы не мешать Ананиасу. Генштаб все время прослушивал вас и согласился с предложением Каны. Осталось выяснить твое мнение.»

— Это удивительно! — Брон усмехнулся.— Что их вынудило пойти на это?

«Отчасти пленки, которые послал им Док, а также то, что четырнадцать планет на границе исследованной области совсем недавно прекратили связь. Три из них успели передать, что подверглись атаке чего-то странного. Они были уверены, что это не Разрушители. В Штабе началась паника, и вот тут они бросились за вашей помощью. Ну что скажешь? Берешь флот? Флот?»

— Я боюсь не руководства, а своих способностей. Найди Андера и попроси его проанализировать запись событий, произошедших с этим псевдокораблем чужаков. Вполне очевидно, что если мы не найдем более результативного оружия против них, то проиграем сражение, даже не начав его.

«Принято. Я предоставлю тебе рапорт, как только получу ответ.»

Брон обернулся к Кане, который следил за его лицом все время, пока шел этот безмолвный разговор.

— Генеральный Штаб принимает твои условия. Я беру командование над объединенным флотом, если, конечно, у тебя нет возражений.

— Нет.

— Я хотел бы предупредить тебя, что будет тяжело. Могут быть большие потери. Если нам не удалось уничтожить ту кучу мусора мезонной атакой, то что будет, когда в дело вступят их главные силы?

— Не знаю,— признался Кана.— Я много лет жду этого. Из-за этого принуждал входить в Федерацию многие свободные планеты и все время считал, что нет шансов на успех, если чужаки начнут войну. Я старею, а эта война требует быстрых решений и ловких пальцев. Я готовил к этому Мартина, однако он погиб. Тем не менее, мне почему-то кажется, что чужаки получат от этого не сильно много счастья. В тебе, синкретист, есть что-то от дьявола.

— Ананиас! — позвал Брон.— Четырнадцать периферийных планет не выходят на связь. Вражеские силы уже там. Ты можешь послать в этот район разведку для сбора подробной информации? Это важно. И передай мне данные о типах кораблей, имеющихся в твоем распоряжении, их тоннаж и вооружение. У тебя должна быть команда Хаоса. Я хотел бы, чтобы они полностью объединились с хаосниками Каны. У чужаков много

миллионов лет преимущества в исследовании этой области, но я намерен быстро их догнать.

— Хорошо. Знаешь, я чувствую себя как в старые добрые времена.

— Оставь это. Высылай сейчас же несколько кораблей для обследования межгалактического пространства и постарайся собрать информацию о количестве чужих кораблей. Координаты района погибших планет есть в Штабе. Связь будем поддерживать на обычных волнах. Биотронный канал используй только в самом крайнем случае.

Визг волны связи стих, как только Ананиас отключился. Сейчас, когда биотронный передатчик был перенастроен, Брон снова услышал шум. Какие-то два десятка голосов пробивались через общий фон новых.

Создавалось впечатление, что эти звуки моделировались большими пузырями, лопающимися на поверхности болота. Их тон был нервный, быстрый и настолько назойливый, что, казалось, все зависело от времени.

Брон уже не сомневался, что слышит голоса подлетавших чужаков. Каким-то образом их система связи накладывалась на его биотронный канал связи. Их голоса вызывали у него странные мысли, понять которые он был не в силах.

Глава 30

Радио донесло наконец приглушенный голос Ананиаса:

— Ситуация складывается такая: авангард из сотни звездолетов находится на краю Млечного Пути. Можно сказать, что это стальной кулак главных сил, идущих сзади.

— Твоя команда Хаоса предугадала их прилет?

— Конечно. Однако они не смогли в свое время правильно расшифровать вычисления. Хаос показал какую-то деятельность на границе нашей Галактики, но мы не смогли определить, что это такое, так как работали с минимумом информации. Теперь, когда мы получили доступ к архивам Разрушителей, мы сможем провести более подробные исследования.

— Уже поздно. Это нужно было сделать еще несколько лет назад.

— Согласен. Только Земля нас тогда не слушала. Что ты сейчас будешь делать?

— Нужно получить как можно больше информации об их кораблях, а также в небольших стычках испытать нашу тактику ведения войны, и только после этого можно будет встречаться с их главными силами. Слушай, Ананиас, приготовь шесть звездолетов к атаке на самую маленькую группку их кораблей, какую только удастся найти.

— А почему бы не применить всю силу флота?

— Все корабли, которые примут участие в этом бою, могут погибнуть. Я же хочу получить сейчас максимум информации, рискуя только минимумом наших сил. Все данные о мощности их вооружения, вся информация о результатах действия их оружия, плохая или хорошая, должна быть незамедлительно передана мне. Понял?

— Принято.

Ананиас отключился. Брон немного расслабился, осматривая мостик «Интерпрайза», который стал для него командным пунктом и домом вот уже двое суток. Техники занимали свои места. Брон без труда принял на себя обязанности Дауквиста. Он отметил, что его довольно необычное положение синкретиста в соединении со способностью командовать создали вокруг него атмосферу легенды. Он не мог требовать большего уважения и доброй воли от экипажа корабля.

Семь кораблей покинули надежное укрытие в системе красной звезды и двинулись на вылазку, цель которой была разведка сил противника. Во главе группы находился крейсер «Интерпрайз». Как и все навигаторы, Брон чувствовал на себе огромную тяжесть одиночества по мере того, как они углублялись в межгалактическую пустыню. Они паткнулись на след одинокого корабля чужих, который, по-видимому, совершенно случайно засекли на пределе чувствительности гравитационных датчиков.

Детекторы подтвердили, что это корабль чужих.

Затем на экранах появился компактный спиралевидный предмет. Оружейники начали готовить ракеты к старту, и Брон не стал требовать от команды Хаоса результатов предстоявшего сражения. Он хотел идти в атаку, движимый надеждой, которую могли погубить данные Хаоса.

Все семь звездолетов имели план атаки, очень простой план: после нанесения удара отойти назад на расстояние до светового года от пришельца и ждать новых приказов.

Корабль чужих казался более совершенным и более грозным, чем тот, который уничтожил «Джубол». Корпус пришельца был покрыт тысячами пластинок, которые могли быть и бойницами, и элементами броневой защиты. Готовясь к атаке и внимательно следя за приборами управления ракет, Брон внезапно услышал вновь тихое бормотание чужих голосов в своей голове. Это было похоже на что-то очень знакомое, как будто человек невольно сдерживает дыхание перед тем, что должно произойти.

Шум постепенно перерастал в глухой рокот, полный надежды. Только вот какой?

Ожидают победы? В молчании и нетерпении ожидают чего-то? Ловушка!

Он прыгнул к пульту связи и закричал во весь голос:

— Прекратить атаку! Всем кораблям прекратить атаку и сделать поворот на сто восемьдесят градусов!

Изображение на экранах померкло, когда «Интерпрайз» начал мгновенное торможение с одновременным разворотом. Гравитационные компенсаторы ревели на полной мощности, гася инерцию корабля. Несмотря на это, люди чувствовали себя неважно.

Голоса в голове Брона умолкли, и он тут же подумал, что был прав в своей догадке.

Когда все корабли Разрушителей отошли на расстояние световой минуты, чужак взорвался. Он в мгновение ока превратился в огненный шар, который разбухал, захватывая все большее пространство вокруг себя. Через полминуты датчики кораблей сообщили, что уровень радиации может пробить биологическую защиту. Брон приказал отойти еще дальше. Все корабли были целы, и каждый человек из их экипажей был обязан жизнью интуиции Брона.

Бешеное солнце наконец погасло. В голове Брона возникла целая буря голосов. Он подождал, пока они немного утихнут, и связался со Службой.

— Джесси?

«Слушаю тебя, Брон.»

— Нет ничего нового?

«На Антаресе возникли проблемы с передатчиками: помехи были очень сильными, однако радисты сейчас уже отфильтровали шумы и принимают передачу почти без помех. Мне кажется, что вы сейчас наблюдали неплохой фейерверк, а?»

— В свое время в маленьком баре Службы в Пари-

же подавали коктейль, похожий на этот. После шестого бокала я однажды проснулся только на третье утро с радиоактивной бурей во рту. Мне бы теперь очень пригодился этот напиток.

Джесси начала смеяться.

«Похоже, что к тебе начала возвращаться память.»

— Да, но только небольшими фрагментами. Однако большинство вещей я бы и не хотел вспоминать. Но вот чего бы я хотел обязательно, так это вспомнить тебя. Однако здесь какой-то провал. Ты не могла бы мне кое-что напомнить?

«Не могу, Брон. Мне запрещено говорить на эту тему.»

— Но я хочу знать!

«Нет, ответа не будет. У нас с тобой сейчас сложилось психологическое равновесие, которое крайне опасно нарушать в столь кризисной ситуации. Это может окончиться трагически для тебя.»

— А для тебя?

«Меня можно не считать. Я буду решать свои проблемы сама. Однако вот что ты должен знать, Брон. Может быть, для Каны и Штаба ты и являешься командующим флота, но для меня ты самая обыкновенная свинья, и ты, надеюсь, тоже догадываешься об этом. Моя работа и состоит в том, чтобы ты об этом никогда не забывал.»

— Большое спасибо. Поверь мне, что я буду работать над собой. У тебя уже есть ответ Андера?

«Он сидит в вычислительном центре и чинит их главный компьютер. И, что самое главное, бесплатно. Вот так-то. Хочешь с ним поговорить?»

— Пускай заканчивает работу. Дай ему пленки с последними записями. Может быть, они смогут быть ему полезны.

«Ты что-то нашел?»

— Мне кажется, что мы не сможем сражаться с чужаками никаким имеющимся у нас оружием. Если они исследовали наши схемы Хаоса на протяжении миллионов лет, то точно знают границы наших возможностей, я имею в виду технических возможностей. Они наверняка побеспокоились о защите своих кораблей от мезонных бомб. Но у нас есть что-то такое, что сильно их беспокоит, иначе они не напали бы на нас. Нужно не забывать, что они наблюдают за нами на протяжении вот уже семисот миллионов лет.

«Ты думаешь, что знаешь, что им мешает?»

— Все говорит о том, что это связано с Хаосом. Они пытались помешать Кане собрать ученых в этой области, не так ли? Они пробовали уничтожить меня, применили оружие, уничтожившее «Джубол». Я начинаю верить, что сам Хаос скрывает ТАЙНУ. Но каким образом можно вести войну, применяя только математическую абстракцию? Это и есть то, что я никак не могу понять.

Глава 31

— Слышу тебя, Анапиас. Как дела?

— Плохо, Борн. Я потерял шесть звездолетов в самом идиотском бою, который когда-либо проводил. Чужаки просто-напросто издевались над нами.

— Что случилось?

— Они столкнули корабли с курсов и бросили их друг на друга. Мы едва успели отвернуть, иначе я уже больше не разговаривал бы с тобой. Это меня очень беспокоит, Брон. Когда подойдут их основные силы, у нас просто не хватит кораблей, чтобы выдержать такое сражение, а наши ракеты не причиняют им вреда.

— Расскажи мне, что произошло на «Тантале», Анапиас.

— «Тантал» вылетел на глубокую разведку космоса. Мы вышли из подпространства в шестнадцати парсеках от границы нашей Галактики и, к своему удивлению, через несколько минут после выхода обнаружили, что неподалеку находится какой-то корабль. Сейчас я уже знаю, что это были ОНИ. Они рассчитали с помощью Хаоса наши координаты, а мы тогда еще не могли делать такое. Представляешь, что творилось, когда мы поняли, что это чужак: ведь человечество впервые встретилось с чужим разумом! Мы безрезультатно пытались связаться с ним. Потом незнакомец двинулся на сближение с нами, и произошел взрыв или что-то вроде этого, не знаю. Я ничего не могу вспомнить, так как находился без сознания. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что весь экипаж мертв. Причина их смерти неизвестна до сих пор. Потом было еще хуже. Положение звезд не сходилось ни с одной навигационной картой. Компьютер выдал ответ, что согласно его данным Вселенная перевернулась. Поскольку это было невозможно, я пришел к выводу, что каким-то образом я и корабль

были вывернуты наизнанку. Как бы там ни было, я продолжал жить. Почти ни одна из систем корабля не работала. Я занялся монтажом системы обнаружения. Когда она заработала, радары дальнего действия Каны обнаружили мои слабые сигналы, и пришел патруль, который подобрал меня. Кана хотел, чтобы я рассказал на Земле об угрозе, и я согласился. Он посадил меня на торговое судно в порту Стеро, и я вернулся на Землю, честно рассказав всю свою историю. Однако мне никто не поверил. Меня посчитали за лгуна, который, спасая свою шкуру, пустился на поиски оправданий в причинах гибели экипажа. Кроме того, меня обвинили еще и в том, что сам корабль я продал Разрушителям. Вот так-то. Меня понизили в звании и лишили всех прав. Но несколько друзей все же поверили мне. В их числе был и ты.

— Значит, из всего сказанного тобой можно сделать такой вывод: имеются четыре способа атаки — уничтожение «Джубола» без соприкосновения с ним; повреждение бортовых компьютеров и отсюда беспорядочное изменение курса и столкновение, как это было с твоими шестью кораблями; самоуничтожение корабля, который мы хотим атаковать, и, наконец, прямое столкновение с противником, как это было с «Танталом». Ни один из этих способов не требует применения оружия в нашем понимании. Похоже, что для боя они используют свои корабли, как это делали когда-то солдаты на Земле под названием «камикадзе». Так, наверное... А если и не правильно, сейчас это не имеет значения. Продолжаем. Каждый из этих способов требует материалов и достижений науки, которая опередила бы нас на века, и, что самое главное, каждый метод отличен от другого. Поэтому необходимо предположить, что мы еще не узнали всех их возможностей.

— Может быть, эта разница в ведении боя исходит из их любви к разнородности? — спросил Ананиас.— Или, может быть, это имеет более глубокие значения?

— Наверняка это что-то означает, ведь они посвятили изучению законов Хаоса миллионы лет. Я уже проверил, что если применить соответствующие действия, то можно изменить Хаос. Однако мы имеем очень ограниченные возможности делать это в крупном масштабе. Они же много раз анализировали будущие сражения и так изменили карты, что мы не можем отыскать их следы в космосе.

— Это значит, что нам свыше предопределено проиграть.

— Это не совсем так. В этом понятии кроется логическая связь, которая может привести нас к обнаружению отсутствующей части этой загадки.

— Черт меня побери, если я что-либо понимаю в этом,— буркнул Ананиас.— Но, с другой стороны, я никогда бы не додумался до этого без твоей помощи.

— Посмотри на данную проблему с противоположной стороны. Можно заложить эти сведения в компьютер и прогнать их как военную игру. Получив теоретическую базу, мы изменяем тактику и еще раз начинаем игру. При достаточном количестве времени мы сможем отыскать такую тактику, которая может обеспечить нам достаточно высокую вероятность победы.

— Но какую связь это имеет с нами?

— Допустим, что чужаки проводили такую репетицию будущей битвы, применяя к ней теорию Хаоса, и получили в результате, что игра закончилась не в их пользу. Тогда они изменили данные и начали игру снова. И так продолжалось до тех пор, пока они не добились положительного результата. Ну, что, еще не ясно?

— Откровенно говоря, нет.

— Тогда я объясню подробнее. Это означает, что предсказывание Хаоса невозможно. Всегда может быть альтернативная развязка. Я думаю, что существуют точки с ключевым значением для всей истории. Знание этих точек и изменение их — в этом роль катализатора Хаоса. Вот он, этот катализатор, может порвать возможную сетку событий и направить будущее в совершенно другом направлении.

— Мой бог, Брон, если ты не ошибаешься...

— Я чувствую, что на этот раз не ошибаюсь. Если же это не так, то надежд у гомо сапиенс уже не будет.

— Как ты используешь это?

— Я добавлю собственный Хаос, «мэйд ин Брон», в общую ситуацию, попробую запрограммировать систему на работу против себя. У тебя на борту есть биотронные передатчик и приемник?

— Да, однако...

— Включи приемник и принимай все, что услышишь. Ты увидишь, что в моем канале присутствует чужой сигнал. Ты услышишь, что при подготовке к бою голоса чужаков становятся напряженнее. Таким образом можно судить об опасности, грозящей нам.

— Каким образом?

— По опыту уже известно, что в таких ситуациях их корабли взрываются. Так мы сможем избежать потерь хотя бы частично.

Сигнал тревоги вызвал Брона к экранам.

Еще ничего не было видно, но компьютер уже выдавал данные по положению кораблей неприятеля, которые описывали в космосе гигантскую дугу. Судя по поступившим сведениям к ним приближалось несколько сотен чужих звездолетов. Большая их часть совпадала с волнами Хаоса, означавшими мгновенное изменение энтропии.

Брон изменил действия. Он немедленно потребовал от команды Хаоса прогнозирования будущего «Интерпрайза». Через мгновение компьютер был запрограммирован, и длинная диаграмма волн Хаоса, окружающих корабль, поползла из печатающего устройства. В течение нескольких ближайших часов линия корабля шла прямо мимо явных изменений в окружении, затем стремительно поползла вверх, достигла максимума и упала до нуля.

Техники застыли, издав крик ужаса при виде грозившей им смерти через несколько часов. Брон внимательно просмотрел диаграмму и попросил еще раз прокрутить данные на компьютере.

— Как только дойдете до переломной точки, то перепрограммируйте компьютер и начните сначала, и тотчас же сообщите мне, если получите какую-нибудь разницу в очередных диаграммах.

В этот момент на мостике появился Кана и с интересом стал наблюдать за его действиями.

— Что ты там колдуешь, синкретист? Ты хочешь доказать, что то, что должно произойти, может и не случиться?

— Я уверен, что в теории Хаоса существуют исключения, и я хотел бы их найти.

— При таком количестве атакующих кораблей нужно скорее заниматься подготовкой к бою, чем абстрактными измышлениями. Даю тебе на все это четыре часа, а потом изволь заниматься своими прямыми обязанностями командующего флотом!

— Хаос несовершенен, а кроме того, он не наука. Чужаки никогда бы не старались уничтожить меня на Онарисе, если бы серьезно верили, что я погибну через несколько часов.

На экранах высветились сотни ярких точек. Неприятель развернул свои главные силы.

Экипаж, в напряжении находившийся на своих боевых местах, с испугом рассматривал эти страшные машины, изображение которых увеличивалось с каждой секундой. Все люди были ввергнуты в какой-то фатализм из-за казавшейся непобедимости кораблей чужаков.

— Джесси, соедини меня с Андером.

«Он уже здесь.»

— Андер, я думаю, что в теории Хаоса существуют исключения. Я утверждаю, что возможно изменение причинно-следственных связей.

«Это составляет часть теории многократных полей Иоганна. Эту теорию поддерживают многие математики, однако, к сожалению, она до сих пор не доказана.»

— Я думаю, что мне удастся ее доказать. Ты, наверное, просматривал записи и, конечно же, заметил, что я немного обманул Хаос, заменив уничтожение «Анны-Марии» искусственным взрывом. Не было ли это изменением цепи причинности?

«Очень небольшое. Был уничтожен другой корабль.»

— Да, однако позже. А в это время могло произойти что-нибудь такое, что дало бы начало новой цепи причинно-следственности, и это не могло бы произойти, если бы не порвалась первая цепь.

«Ход рассуждений, Брон, вполне правилен, но твои умозаключения еще требуют доказательств. К несчастью, ничего, о чем ты только что говорил, не произошло.»

— Так. Я принял решение, чтобы тебе передали для анализа ленты с записью всех недавних событий, и этот разговор является непосредственным результатом этого решения точно так же, как и любые другие последующие постановления, которые будут приняты в связи с ним.

Несколько секунд Андер молчал.

«Хорошо. Все знания этих фактов слишком фантастичны, чтобы их сразу понять, однако пока что могу сказать, что ты привел хороший пример изменения истории. Я уже тебе говорил, что ты хороший ученый, а не солдат.»

— Это все, что я хотел знать. Я буду бороться против пришельцев аж до взрыва всей Вселенной, если будет нужно.

Его прервал техник из команды Хаоса, который молча протянул ему данные компьютера.

— Это невозможно, тем не менее, это все же случилось. Путь корабля уже не ведет к нулю. Когда-то такие вещи назывались, наверное, чарами. Но я всегда думал, что это все враки. Если говорить разумно, то ничего нет более идиотского, чем все это.

Брон усмехнулся.

— Идиотизм это или нет, однако это сейчас будет происходить.— Он потряс диаграммой.— С этого момента я буду решать, как должна выглядеть случайность. И скажу еще вот что. Приходится сомневаться, что после всего этого Вселенная вернется опять в норму.

«Ты не просто свинья, а свинья-мегаломан,— включилась Джесси в голове Брона.— Если ты начнешь свои штучки, то я тут же расскажу всем такое о твоей матери, что ты сразу же пожалеешь о том, что появился на свет!»

Глава 32

— Ананиас, ты принимаешь эти голоса?

— Да, я сообщил на все корабли.

— Отлично. Проверь, чтобы твой капитан корабля умел пользоваться их предсказаниями. Я приказал Разрушителям также подключиться к этому же каналу. Поскольку есть только один сигнал, то лучше было бы разделить наши атаки. Могу поспорить, что чужаки не имеют связи на сверхсветовых волнах и не подозревают, что мы слышим их. Пользуйтесь обычным оружием, чтобы они не сразу поняли, что мы раскусили их.

— Принято. Мы должны подключиться сейчас?

— Как только будете готовы. Сначала мы построимся в боевой порядок, а потом полетим прямо на них, атакуя все, что попадется в пути.

— Должен сказать, что...

Брон прервал связь и вызвал по интеркому Кану.

— Атакуем через десять минут. Мне будет спокойнее, если ты перейдешь на борт другого корабля и покинешь на нем поле боя.

— Зачем? — удивился Кана.— Что ты собираешься делать?

— Я хочу использовать новую тактику, которая столкнет Хаос с равновесия до такой степени, что наши диаграммы уже не будут нужны. Нельзя будет с точностью предсказать, какой корабль погибнет, а какой уцелеет.

Я хотел бы знать, что ты будешь в безопасности, находясь вне боя и направляясь на свою Базу.

Кана покачал головой.

— Если мы проиграем это сражение, то чужаки двинутся дальше, и уже все планеты Галактики окажутся в опасности, поэтому-то я и остаюсь на «Интерпрайзе».

— Как пожелаешь. Я только хочу, чтобы ты еще раз оценил величину опасности.

— Брон, с тех пор, как я познакомился с тобой, я потерял всякую уверенность, которую имел до сих пор, о смысле жизни и природе Вселенной. Ты всегда рискуешь. Ты принимаешь риск, словно это твоя стихия и твоя жизненная потребность. Ты странный человек, Брон.

«Чистая правда»,— добавила Джесси.

Вся армада кораблей, построенных человеческими руками, двинулась на врага, выплюнув перед собой сотни мезонных ракет, которые мчались впереди, как гончие псы перед охотниками. Изображения на экранах начали концентрироваться на отдельных сценах поля боя.

Шум чужих голосов в голове Брона усилился. В них слышались тревога и обеспокоенность, надежда и страх. Динамики транслировали по всем кораблям эти голоса. Конечно, в случае необходимости громкость динамиков можно было сделать потише, только Брон не мог регулировать этот шум в своей голове.

И вот настал первый контакт. Ослепительный блеск взрывающихся ракет заполнил экраны. Когда изображение восстановилось, на экранах были три корабля землян, устремившихся к врагу.

Конечно, они атаковали в классическом пикировании, если можно применить такой термин к космосу, где нет верха и низа. Мгновение ничего не происходило.

Корабли землян отвернули с боевого курса, и корабль чужаков полыхнул огнем, разлетаясь на куски.

Чужаки кричали от бешенства. Брон усилием воли сдерживал крик на относительно спокойном уровне.

Два боевых корабля землян пошли на сближение с тремя звездолетами пришельцев.

В первый раз чужие заколебались. Два их корабля поспешно изменили курс, уходя от атаки, а третий продолжал полет по курсу, и Брон заподозрил, что это корабль-ловушка.

Брон испугался, что его план терпит крушение, однако тут оба корабля землян, почти столкнувшись, исчезли в подпространстве. Только голоса их капитанов, отсчитывавшие данные координат, свидетельствовали, что все было в порядке.

Брон заметил, что чужак не взорвался, хотя уже несколько секунд летел новым курсом, сбитый с прежнего резким уходом в подпространство земных кораблей. Два корабля пришельцев, которые раньше отошли в сторону, сейчас приблизились к кораблю-ловушке, и тут произошел взрыв, в котором оба корабля чужаков исчезли в ослепительной огненной вспышке.

Внезапная тишина в голове Брона предостерегла его, что сейчас в действие включился какой-то новый фактор. Необходимо было срочно отыскать на экранах следы опасности. Когда, наконец, он заметил ловушку, было уже поздно.

Семь вражеских кораблей образовали кольцо с диаметром в полмиллиона миль с одним кораблем в центре. Это кольцо охватило почти половину флота Разрушителей. На первый взгляд, в них не было ничего необычного, если не считать, что все неприятельские корабли удерживали свое положение с математической точностью.

Чужих голосов не было слышно. Это кольцо было какой-то дьявольской ловушкой, и пока что никто из людей не мог разгадать ее. У Брона не было времени ломать над ней голову в поисках разгадки. Один из крейсеров людей попытался пройти сквозь кольцо чужих кораблей. Он почти мгновенно исчез, не оставив даже следа, и только гигантская искра проскочила между одним из кораблей кольца и исчезнувшим кораблем. Расстояние в четверть миллиона миль не было помехой для мощи этой ловушки.

Брон закрыл глаза. Уже тридцать кораблей его флота исчезло от попаданий этой искры. Те, которые летели в это кольцо и не могли отвернуть, должны были уйти в подпространство прямо с ходу, без подготовки матриц полета, рискуя пропасть в неизвестных районах космоса.

В голосах чужаков, вновь возникших в голове Брона, появилась надежда. Сейчас приказы Брона были быстры и коротки. Он приказал атаковать кольцо снаружи. Два земных корабля попытались прорвать кольцо и погибли. Наконец, один из крейсеров направил в атаку свой де-

сантный бот, который, постреливая выхлопами корректирующих дюз, устремился к цели.

Чужак взорвался без промедления. И тогда что-то нарушилось в механизме этой гигантской ловушки. Искры ударили в свои же корабли, которые начали исчезать с экранов, очищая космос. После ликвидации этой ловушки голоса чужаков в голове Брона едва не довели его до безумия. Но через несколько секунд они стихли, и Брон смог принять рапорты о результатах атаки. Он потерял пятьдесят кораблей, и двадцать ушли в подпространство в неизвестном направлении. Может быть, некоторые и смогут когда-нибудь вернуться оттуда.

Силы Брона были на исходе, он был физически истощен. Он усталым взглядом следил за разгромом армады врага, ощущая жуткое одиночество и боль в душе.

Глава 33

«Только не воображай себе, что я плачу от радости,— съязвила Джесси.— Я всегда знала, что ты прирожденный полководец. У меня на линии Андер. Однако он не только настоящий мужчина, но вдобавок у него есть еще и разум.»

— У меня тоже. Когда-нибудь я превращу тебя в блин, Джесси. Однако сейчас мне нужно что-нибудь более конструктивное. Что нового, Андер?

«Меня заинтересовал остов того корабля. Я проследил его путь в Хаосе почти до самого источника. Так вот, у него тот же возраст, что и у Бомбы, уничтожившей Онарис. Собственно, весь флот захватчиков имеет тот же возраст. Все они летят в пространстве семьсот миллионов лет и летят всю дорогу со сверхзвуковой скоростью.»

— Что? Ты уверен?

«Нет ни малейших сомнений. Это объясняет присутствие пустых кораблей. Согласно моим расчетам более девяноста девяти процентов этого флота является пустыми транспортниками.»

— Это меняет дело,— буркнул Брон.— Я думал, что там с дюжину кораблей с экипажами.

«Даже меньше. В конце концов, у тебя психологическое преимущество.»

— Откуда такая уверенность?

«Ну, это же очевидно. Целью этого путешествия, для-

щегося семьсот миллионов лет, является встреча с тобой. Ни одна форма жизни, невзирая на ее психологию, не может перенести это без следа. Ты являешься причиной существования этого флота. Не знаю, долгоживуща ли эта раса, или она передает свои знания от поколения к поколению, но, в любом случае, ты являешься для них суперлегендой. Разве простой человек может бросить вызов Вселенной?»

— Не знаю,— неуверенно произнес Брон.— По правде говоря, это похоже на Бога.

«Да. И они знают, что этот БОГ существует. Поэтому мне кажется, что эта атака скорее форма обороны, чем нападения.»

— Обороны? Ты шутишь, Андер?

«Более или менее. Без доступа в подпространство ни один из этих кораблей не может вернуться на базу. Нет ни малейших причин, чтобы начинать атаку без возможности вернуться назад. Единственным объяснением может быть... Ты не прав, Брон. Это самоубийственная миссия без возврата, целью которой является попытка уничтожения какой-то будущей истории, погруженной в Хаосе.»

— Если все дело в уничтожении флота, то мы уже близки к цели. Хотя надо признать, что их пустые корабли являются грозным оружием.

«Я думаю, что это все специально. В этой акции каждый атом должен был набрать свой максимальный потенциал. Зная наши возможности, они устроили все так, чтобы каждый атом их флота был защищен от нашего оружия и одновременно являлся оружием, против которого у нас нет защиты.»

— Это совпадает с нашими выводами. Даже эти пустые коробки не поддаются нашим ракетам. Их единственное слабое место — это тенденция к самоуничтожению при контакте или близком подходе... О, боже! Андер! Это разгадка! Функцией катализатора является не провоцирование новых действий, а ускорение уже существующих реакций. С ними просто нужно воевать их же оружием!

Брон бросился на мостик, вызывая по дороге оружейника и начальника арсенала.

Он быстро растолковал им положения новой тактики, которую они приняли с удивлением, однако быстро побежали выполнять приказ. Брон велел капитану «Интерпрайза» выбрать соответствующую цель и все остальное

время провел, рассказывая Джесси, какая судьба ждет ее после всех этих дел.

Казалось, чужие ощутили эту напряженную обстановку у людей. Их голоса стали более резкими, словно их охватила паника. Были слышны отдельные напряженные голоса, нервные, наполненные страхом и злобой.

Брон почти физически ощутил чужаков в темноте, истекающих потом в затхлой атмосфере корабля среди невообразимо гигантских двигателей. Он внезапно почувствовал желание умереть и избавиться от многолетнего заключения, которое грозит закончиться поражением.

После того, как цель была выбрана, Брон начал ждать сигнала оружейника. Сигнал пришел, когда корабль вошел в зону атаки, а затем все стрелки приборов метнулись к нулю.

Передавая управление компьютеру, Брон подал сигнал к атаке.

Вражеский корабль был хорошо виден на экранах. На них также были изображения цилиндрических тел земных ракет, двигавшихся крайне медленно.

Среди экипажа, который уже все знал, возросло напряжение. Мезонное оружие было основной силой, которую знали люди, а новая тактика ведения боя до сих пор еще не применялась.

По мере того, как ракеты летели к цели, на экранах появлялись все новые подробности. Ракеты с боеголовками взорвались бы, залив космос морем огня. Однако сейчас они были без взрывателей и просто ткнулись в борт чужака, и ничего не произошло. Спустя несколько секунд из пришельца полетели спирали какой-то неизвестной энергии.

Чужак ощетинился длинными иглами фиолетового огня, словно сюрреалистический ежик.

Это энергетическое излучение образовало вокруг корабля ореол, похожий на павлиний хвост такой величины, что в нем легко бы мог исчезнуть любой крейсер людей. Внезапно это странное излучение исчезло, оставив после себя ионизированную пустоту, обнажив место, где недавно находился корабль чужих.

Везде царствовала чернота космоса.

Вся масса пришельца превратилась в излучение.

Это произошло лишь благодаря новой тактике Брона.

Все это время бормотание голосов было приглушенным и беспокойным. На этот раз уже не было криков,

а было слышно только ровное бормотание, наполненное страхом.

Брон выбрал новую цель и передал остальному флоту приказ об атаке. Он почувствовал, что чужаки поняли его решение.

Сражение было выиграно.

Последующие атаки усилили эту уверенность. Вскоре уже два корабля доложили о результатах боя. Возможность и успешность атак на дальних подступах подняли боевой дух у экипажей. Собственно, они были для этого уже подготовлены. Наконец, они стали снова Разрушителями, в буквальном смысле этого слова.

Брон видел сотни кораблей, атаковавших врага. Блестящие точки ракет выглядели на черном фоне пустоты как роящиеся мошки.

Мрачные неприятельские корабли все еще держали свой курс с невероятной точностью, но уже через мгновение четкий ритм их движений изменился, они начали взрываться один за другим. Космос наполнился вспышками ярких солнц и хвостами ионизации. Иногда реакция была такой интенсивной, что создавалось впечатление, что на краю Млечного Пути рождалась новая галактика

— Ананиас, твоя очередь!

— Я слышу тебя, Брон. Мы видим все. Отличная забава!

— Словно в Рождество Христово в Европе. Мы узнали их слабое место. Их корабли способны противостоять любому нашему оружию, однако взрываются при физическом контакте. У наших ракет взрыватели срабатывают в непосредственной близости от цели, поэтому мы просто-напросто сняли их и поставили контактного типа, хотя в этом не было никакой нужды.

— Но боеголовка не может взорваться без взрывателей! — воскликнул Ананиас.

— Ну и что. Их флот взрывает сам себя. Каждый их атом предназначен для самоуничтожения. Нужно только немного подтолкнуть их.

Пространство перед «Интерпрайзом» разверзлось сотнями солнц. Ионизированные хвосты протянулись на миллионы миль и светились, словно неоновые рекламы.

Красные, фиолетовые и желтые шары огня горéли, словно фейерверки. Крики чужаков были отчаянными и становились все реже, как будто участники этого дьявольского хора поочередно замолкали, выбывая из рядов.

Глава 34

Наконец голоса врагов смолкли. Когда Флот Службы встретился с Разрушителями, было уже известно, что Брон стал победителем.

Общими силами они добивали чужие корабли, разбегавшиеся в разные стороны после разгрома основных сил. Больше голосов в голове Брона не было.

Он расслабился и только сейчас почувствовал, как его охватывает страшная усталость.

Как и его люди, Брон не спал последние тридцать шесть часов. Он посмотрел на экраны, оценивая ситуацию, понял, что бой окончательно завершился, и ушел с мостика к себе в каюту. Бросившись в постель, он мгновенно заснул.

Спустя какое-то время ему показалось, что его вырывают из сна легкие колебания.

Он видел все как через туман, и какая-то часть его сознания анализировала подробности этого повторяющегося кошмара. Вместо того, чтобы бороться с ним, он позволил разыграться фантазии. Все началось с абсолютной потери ощущений, словно разум отделился от тела.

Он ощущал колебания легкого течения, несущего его сквозь черную воду. Впечатление нарастало, пока не стало реальностью. Несмотря на отсутствие света, четкость всего была идеальной и делала сон реальным. Он слышал тихий шум волн, бьющихся о стены туннеля, и резкое эхо, переходившее в ультразвук, которое давало представление о величине подземелья, в которое он попал. Где-то перед ним гусеподобный дух кричал голосом, в котором не было ничего человеческого.

Невидимый плот внезапно ударился о невидимый берег, закачался на волнах и поплыл дальше, влекомый течением. Одинокая гусыня была разбужена, за ней проснулась другая, третья, и все они сразу создали страшный шум, от которого стыла кровь в жилах. Новый поворот... и он внезапно ощутил, что на нем одет скафандр.

Скафандр? Пальцы ощупали окружающую его пустоту. Он наткнулся на грубые швы перчаток. Все подтверждало тот факт, что отсутствие ощущений является результатом наличия двойного материала космического скафандра, а также из-за того, что тело одеревенело от долгой неподвижности. Все это, вместе с уменьшенной силой тяжести и несшим его течением, делало чувства

отсутствующими, однако не объясняло, почему у него было полное ощущение всех этих невероятно подробных деталей. Было также неясно, что ожидало его в конце этой дьявольской дороги.

Гусиный гогот сменился криком, который перерос в рев разнородного хора и, наконец, стал бормотанием. Сам этот голос был таким жутким, что его одного хватило бы, чтобы обратить человека в бегство. Однако для Брона это было невозможно.

Сотни миллионов лет страха и ненависти были выражены голосом, и от чего-то, что ожидало его за очередным поворотом, исходила горькая жалоба.

Его охватила паника, заволакивая туманом сознание. Он бешено задергался в своем скафандре, не в состоянии даже пошевелить руками. Бессильный, он со страхом ждал, пока течение вынесет его за очередной поворот.

Миллионы атмосфер давили на стены туннеля.

Воздух, которым он дышал, был теплым и липким от пота его собственного страха и так насыщен привкусом металла, что от этого деревенел язык.

Каждый миг путешествие могло закончиться, и человек мог оказаться лицом к лицу с мучителями, которые запланировали его смерть в те времена, когда жизнь на Земле существовала еще только в виде бурлящей магмы.

Он не знал, как они могут выглядеть, но не сомневался, что его разум выдержит их вид.

Хор гусей становился все ближе. Казалось, что достаточно протянуть руку и можно дотронуться до этих жутких существ. Он почувствовал, что вот-вот должен появиться свет, хотя вокруг все было темно. Наконец, другой голос возник в его голове. Это было бессмысленное бормотание, которое, однако, встряхнуло его с такой силой, что он освободился от скафандра, от гусей и от мистического влияния жуткой реки.

«Может быть, в омерзительных потемках какой-то нечеловеческой инквизиции какой-то разум сошел с ума...»

— Джесси, на помощь!

«Не из-за пыток или слабости духа...»

— Джесси, смилуйся и вытащи меня отсюда!

«Но под влиянием раны более глубокой... Разве ты не знаешь, что Бог умирает...»

— Джесси, я ничего не знаю о Боге. Ради бога, вытащи меня отсюда!

«Ты уже выходишь из этого, Брон. Продержись еще немного. Твой метаболизм быстро улучшается, а сердце бьется ровнее.»

Брон открыл глаза. На лице у него была кислородная маска, а над ней блестели обеспокоенные глаза врача. Скосив глаза в сторону, Брон обнаружил, что лежит в медотсеке «Интерпрайза».

— Джесси, что это было такое?

«Ты находился в коме на протяжении семидесяти часов. Врачи старались вернуть тебе сознание, но все было безрезультатно. Я прибегнула к семантическому ключу, чтобы вернуть тебя в сознание, так как все функции твоего организма начали выходить из строя. Ананиас советовал применить массаж сердца.»

— У меня опять был этот же сон, в котором я плыву по туннелю, где меня ждут чужие. Они ждали меня уже за следующим поворотом.

«Они еще не оставили тебя в покое, Брон. Ты уничтожил их флот, и они нашли другой способ, чтобы убить тебя. Сейчас они взялись за твой мозг.»

— Ты принимаешь их сигналы в биотропном канале?

«Да. Причем это очень сильные сигналы.»

— Их голоса замолчали, когда флот был разгромлен. Эти сигналы, видимо, приходят с базы. Это вид закодированных изображений в форме звука. Похоже, что это их система связи. Я легко принимаю их, а если расслабляюсь, то они действуют гипнотически.

«Это логично. Твоя кома напоминала результат глубокого гипноза. Это действует на все уровни сознания, как тот, что создал личность Галтерна в твоем мозгу. Должна сказать, что это опасная игрушка, особенно в руках врагов.»

— Я не думаю, что это была атака. Похоже, что это попытка установить контакт.

«Они хотят убить тебя, Брон. Это обычное, старое, как мир, убийство!»

— Нет, это нечто большее, Джесси. Мой сон — это реальность. Эта была проекция реальной ситуации. Чтобы выжить, нужен космический скафандр. По-видимому, там жуткая жара и давление. Существует какая-то атмосфера, так как я слышал звуки, и гидросфера, так как я плыл в чем-то. Это реальное место, Джесси.

«Если оно и существует, то только в Галактике Мессир-31, по другую сторону межгалактической пустоты. Не

знаю, почему эта реальность должна быть такой важной?»

— Потому что я должен быть там! Этот сон был видеофонной пробой Хаоса. Мой путь в этом туннеле является действенным элементом будущего.

«Ты изменил Хаос, Брон. Почему же тогда это предсказание должно быть неизменным?»

— Потому что мы выиграли сражение с древним флотом, однако настоящий враг остался невредимым и стал, без сомнения, еще более грозным. Если он мог выпустить Бомбу на Онарис, то так же легко может послать другую на Землю или на какую-нибудь другую обитаемую планету. Эти Бомбы, может быть, уже в пути. Если мы хотим выиграть поединок, то должны начать сражение с ними. А этот сон, Джесси, является какой-то частью случайно перехваченной мной передачи о готовящейся операции.

Глава 35

— Ананиас! Сколько у тебя кораблей, готовых к подпространственному прыжку к Мессиру-31?

Ананиас тихо присвистнул, поняв всю сложность вопроса.

— Этого никто никогда не делал, Брон! Никто не пытался достичь другой Галактики. «Тантал» был дальше всех, но мы едва оторвались на мизинец от нашего Млечного Пути!

— На этот раз я хочу лететь до конца! Мне нужна информация о всех кораблях, которые могут совершить пространственный прыжок на расстояние в более чем десять килопарсеков!

— Но в данном случае расстояние шестьсот килопарсеков! Ни один корабль не может прыгнуть так далеко!

— Ни один не пробовал, поэтому-то мы и не знаем. Нужны только добровольцы, около тридцати кораблей.

— Хорошо. Я уточню на компьютере и сообщу тебе, как только что-нибудь найду.

— Джесси, ты там?

«Нет, это Док. Наш компьютер подсчитал, что у тебя только два процента шансов добраться до этой Галактики на борту корабля обычного типа. Еще не было случаев, чтобы корабль прыгал более чем на пятнадцать килопарсеков и возвращался в нормальное пространство.»

— Даже при двух процентах я готов рискнуть. Мы пойдем короткими прыжками.

«Это ничего не изменит, так как нельзя определить координаты в пространстве, где нет контрольных ориентиров.»

— Я знаю это, Док. Однако мы обязательно что-нибудь придумаем.

«Я не вижу, как ты сможешь это сделать. Ты не сможешь взять с собой весь флот, а там звезд гораздо больше, чем в нашей Галактике. Шансов наткнуться на обитаемую систему чужаков практически нет. Кроме того, не забудь, что там могут оказаться миллионы обитаемых систем, и как же среди них ты собираешься отыскать базу чужих?»

— Я возьму с собой полный экипаж Хаоса. У нас хорошая информация по Хаосу, полученная во время локализирования прохождения чужого флота. Этот факт даст нам приблизительный сектор поиска, а на месте мы скорректируем астрономические поправки.

«Конечно, это ты командуешь флотом, и мы не можем помешать тебе, но мы считаем, что эта операция является бессмысленной тратой людей и средств.»

— Я приму к сведению твои замечания, Док, однако вынужден играть партию по-своему. Где там Джесси?

«Она сегодня не дежурит. Позвать ее?»

— Нет. Опиши ее внешность.

«Ты же знаешь, что я не могу этого сделать. И ты еще надеялся, что я отвечу?»

— Не знаю, что может быть такого тайного в особе, которая большинство своего времени проводит в издевательских упражнениях в моей голове.

«Информация является тайной, потому что мы не хотим, чтобы ты ее узнал. Вы являетесь психологически связанными и образуете сильную антагонистическую связь. Вы достигли высокого уровня взаимоотношений, которые не должны быть нарушены обычными сантиментами. Это и делает из вас отличную команду, самую лучшую из всех. Именно поэтому мы не допускаем, чтобы это равновесие было нарушено.»

— Из-за чего, например? Из-за любви?

В голосе Брона послышались нотки злости.

«Ты недооцениваешь силу пары, Брон. За исключением физических контактов вы связаны еще более сильно, нежели какие-то другие люди с обычной связью. Никогда нельзя достичь более сильной общности, чем та,

какая существует у вас. Даже в классической любовной связи...»

— Что еще?

«Я и так рассказал слишком много, Брон. С этого момента я не отвечу ни на один вопрос, связанный с ней. Я просто хотел подчеркнуть своим рассказом всю хрупкость возникшего между вами равновесия.»

— Я думаю, что ты сказал достаточно. Даже можно сказать, что ты промоделировал значительную часть будущего.

Брон подошел к компьютеру и остановился перед терминалом. Его пальцы осторожно нажали на клавиши, а глаза были устремлены вверх. Он внимательно смотрел на экраны внешнего обзора.

«Что ты делаешь, Брон? Разве нужно что-то вводить в компьютер?»

— Отвяжись! Вся эта история распухла на милю. Я сказал, что полечу в Галактику Мессир-31. И если выйду живым из этой авантюры, то вернусь, чтобы разгадать вторую великую тайну нашей Галактики.

«О, боже! Что ты еще надумал, Брон?»

— Я вернусь за Джесси и сомневаюсь, чтобы Служба смогла помешать мне в этом.

Шесть кораблей землян постепенно, один за другим ныряли в подпространство.

Каждый раз во время спокойного полета Брон расстегивал ремни безопасности и начинал считывать координаты. Корвет Разрушителей, который назывался «Немезида», был намного меньше «Интерпрайза», однако имел самые мощные тахионные генераторы, когда-либо построенные руками человека.

Вместе с ним, повторяя все его маневры, летели еще два корабля Разрушителей и три корабля Службы.

Команда для расчетов элементов Хаоса была набрана из добровольцев и бешено работала все это время над уточнением координат базы, рассчитывая их по курсу вражеской армады, пришедшей из прошлого.

Всем этим руководил не кто иной, как профессор Лаарс, который отлично справлялся с наиболее сложным и наиболее невероятным анализом Хаоса, который когда-либо проводился.

Из-за отсутствия ориентиров и звезд в качестве данных матрицы закладывались результаты расчетов Хаоса при анализе обратного пути флота чужаков. Приспособ-

ление расчетов Хаоса к матрицам было делом новым и неизвестным. Корабли Брона уже сделали семь прыжков по пятьдесят килопарсеков каждый и все еще были налицо, никто не исчез. Все это привело к тому, что люди поверили в присутствие сверхъестественных сил.

Лаарс первый обратил внимание на странные зависимости в расчетах Хаоса.

Все еще считая Брона никем другим, как ученым-синкретистом, он попросил его о помощи в решении загадок Хаоса и подсунул ему все материалы. С помощью Андера, а также пользуясь своими знаниями, Брон выдавал вполне удовлетворительные ответы. На этот раз Лаарс понял, что наткнулся на что-то сверхъестественное, и радость открытия сменилась беспокойством из-за возможных непредвиденных последствий.

— Мастер Галтерн, вы должны объяснить мне вот это,— сказал он.

Он разложил на столе десять длинных диаграмм.

— В чем дело, профессор?

— Вот здесь отклонение.— Лаарс показал, подчеркивая выводы компьютера на боках диаграмм.— Чем дальше мы летим, тем больше наш курс отклоняется от прямой линии.

— Может быть, их флот летел именно так?

— Вряд ли! Они должны были лететь по кратчайшей линии, а это значит по прямой, касательной к случайной, а это не что иное, как геодезическая линия, которая просто не может быть кривой.

— А фактор времени? Ведь Галактика вращается и летит на протяжении веков в пространстве. Наш курс должен немного отличаться от курса пролетевшего ранее чужого флота. Самая лучшая информация, которую мы можем извлечь из Хаоса, это позиция их базы, но спустя семьсот миллионов лет.

Лаарс открыл рот от удивления.

— Я уже объяснял, что в Хаосе все линии прямые. Вы путаете их с линиями обычного пространства-времени, где существуют кривые. В Хаосе все волны являются сферообразными, а все линии — прямыми, иначе и быть не может.

Брон снова всмотрелся в диаграммы.

— Поскольку является аксиомой утверждение, что все оси в Хаосе являются прямыми, а наш курс искривился, то из этого можно сделать вывод, что данные,

которые мы получили из компьютера, не являются данными Хаоса.

— Вы сомневаетесь в исправности аппаратуры?

— Конечно, нет. Я знаю, что вы все проверили, прежде чем прийти ко мне. Скорее всего, что что-то не так с самой энтропийной информацией. Может быть так, что был послан сигнал, который наши датчики не могут отличить от волн реального события?

Лаарс почесал затылок.

— Это зависит от мощности. Каждый сигнал, который не будет отличаться от реального события, будет трактоваться как событие. И если на него наложится сигнал оригинала, то мы не можем заметить перемены. А почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что начинаю понимать, что мы можем больше не искать чужих. Они ведут нас по курсу, как на поводке.

Глава 36

— Джесси, давай Андера. Мне надо срочно узнать, можно ли принять энтропийный сигнал?

«Андер ждет с того самого момента, когда ты начал говорить с Лаарсом. Он утверждает, что это не только возможно, но даже приспособлено к мгновенной связи на галактических расстояниях. Что-то вроде этого применено в нашем канале связи.»

— И мы можем проследить луч их фонаря, приняв за основу какое-нибудь событие?

«Да. При их технике это тоже возможно.»

Сигнал возвестил об окончании очередного прыжка и возвращении в обычное пространство. Брон ощутил внезапную боль, и в голове появились голоса чужаков, наполнив его страхом. Со времени его коматозного состояния на борту «Интерпрайза» их голоса не звучали в его голове, однако, несмотря на это, он регулярно принимал антигипнотические таблетки.

Офицер связи связался со всеми кораблями и доложил, что два корабля не появились в космосе. Может быть, они вынырнули в каком-то совершенно другом месте, а может быть, уже никогда не появятся в обычном пространстве и будут вечно носиться по безмерным коридорам подпространства.

Во время программирования очередного прыжка Брон

собрал совещание со всеми капитанами кораблей. Им осталось совершить еще четыре прыжка по пятьдесят килопарсеков каждый, и любой из них грозил людям вечным скитанием в бездне космоса. Выполнив семь удачных прыжков, земные корабли уже давно перескочили через возможность лететь точно. Поэтому Брон предложил перемахнуть оставшееся расстояние в двести килопарсеков одним прыжком. Никто не возражал, хотя все прекрасно понимали, чем это могло кончиться, так как они вторглись в область физики, совсем не изученную человечеством.

Лаарс привел доказательства, что существует энтропийная трансмиссия с таким напряжением, что все нормальные вычисления Хаоса сильно изменились. Ловушка казалась все реальнее, но Брон приказал нанести данные на матрицу для последнего прыжка.

Там, где находится источник сигнала, находится и база чужаков. После подготовки все четыре корабля землян исчезли в подпространстве.

Глава 37

«Немезида» вынырнула вновь.

Странные чувства охватили Брона, когда одинокий корабль пересек границу туманности Андромеды. Страх, беспокойство и горечь из-за потери кораблей терзали его, но не это было главным сейчас. Он часто летал в космосе и понимал, какими разными бывают звездные системы. Здесь, на первый взгляд, звезды были такие же, спектры их ничем не отличались, однако, глядя на них, он не мог убедить себя, что это звезды его мира. Каким-то необъяснимым образом это прекрасное звездное скопление имело в себе что-то чужое, что делало человека также чужим, одиноким и лишенным всякого значения.

Среди миллиардов звезд человеческой Галактики только Земля взрастила разумное существо, а сейчас, находясь на краю другого звездного скопления, Брон должен был встретиться с чуждым человеку существом. Выставленный в роли одиночки, он в результате событий, которые, вероятнее всего, были предопределены, знал, что, когда приблизится к последнему повороту туннеля, останется один и без оружия, против формы жизни, которая исследовала космос еще в те времена, когда на Земле кипела лава и образовывались первые материки.

— Слушайте меня! — крикнул Брон.

Он был захвачен внезапной мыслью о том, что чужаки наверняка перехватывают его мысли.

— Я знаю, что вы слышите меня!

Гусиный гогот на мгновение усилился, а потом затих, словно приглашая Брона к разговору, и Брон опять заговорил:

— Я иду, чтобы встретиться с вами. Вы уничтожили много наших планет, и, по крайней мере, я не вижу в этом смысла. Если бы я захотел, то смог бы уничтожить ваших планет еще больше, так как владею кораблями, которые могут пересекать межгалактические пустоты в течение короткого времени. Поэтому я пришел к вам сильный, а не слабый. У меня сейчас нет оружия, но, если со мной или с моим кораблем что-нибудь произойдет, мой род человеческий жестоко отплатит вам за нашу гибель.

Еще раз голоса в голове Брона усилились, напоминая шум прибоя, а потом стихли, оставив в канале связи только легкий шум, подобный звуку, который издает перекатываемый песок в прибрежной полосе.

Лаарс пришел и принес последние расчеты.

Он рассчитал источник энтропийного излучения, который находился в двух килопарсеках от границы Галактики. Брон отдал приказ о выполнении прыжка, и «Немезида» двинулась в свой последний путь.

Они вынырнули в обычном пространстве возле рядового солнца класса К5 с массой около восьмидесяти процентов массы Солнца. Вокруг звезды вращалась одна планета, немного меньшая, чем Земля. Наблюдение с орбиты ничего не дало. Ее поверхность была покрыта скалами, на ней отсутствовали малейшие следы жизни. В атмосфере преобладали углеводороды. Температура на грунте достигала почти двухсот градусов по Цельсию. Энтропийный сигнал шел именно отсюда, однако несовершенные приборы корабля не могли с абсолютной точностью определить их источник.

На борту корабля имелся десантный бот, и Брон приказал подготовить его к полету, а также вызвал добровольцев для высадки на планету.

Когда он облачился в космический скафандр, то сразу же понял, что его сон о страшном туннеле быстро становится реальностью.

Атмосфера планеты встретила их враждебно. Смер-

чи бросали бот из стороны в сторону, стремясь опрокинуть его. Резко проваливаясь в воздушные ямы, десантное суденышко то набирало высоту, то теряло ее.

Сквозь летящие тучи проглядывала поверхность. Они рассматривали грозные скалы, испещренное волнами море жидких легких металлов.

Кругом, насколько могли видеть глаза, лежали огромные скальные массивы. Результатов деятельности разума нигде не было заметно.

Бот совершил три посадки на поверхность, каждый раз возвращаясь на «Немезиду» для отдыха, регулирования приборов и анализа собранной информации. Лаарс задействовал все компьютеры, чтобы обнаружить источник сигналов на поверхности планеты. Информация, собранная во время полетов на малых высотах, в конце концов, начала выдавать определенную схему, которая указывала на южное полушарие, а более подробные данные помогли получить координаты сектора с площадью в одну квадратную милю.

Брон приказал сделать съемки этого района с разных высот, необходимые для создания точного плана местности. Дрожавшей рукой он ворошил фотографии. Только сейчас до него дошло, что он когда-то уже видел это. Он инстинктивно разгадал игру света и теней и понял, что все это ему уже показывали, когда он лежал в коме на борту «Интерпрайза».

Он помнил все подробности того сна.

Сейчас он вернулся к началу того путешествия и был уверен, что на этот раз дойдет до конца.

— Джесси!

«Я слушаю тебя, Брон.»

— Опиши мне клавиатуру канала нашей связи.

«Зачем? Чтобы ты отправился на каникулы?»

— Рассказывай!

«Хорошо. Состояние кататонии, потеря сознания, потеря чувств при сохранении сознания, боль, смерть. Зачем тебе все это?»

Брон посмотрел на одну из фотографий и указал пальцем на один из темных районов.

— Это вход в туннель. Я пойду туда. Насколько я понял, это будет тяжелое путешествие. У тебя есть около шести часов для подготовки. Отдохни. Когда я пойду, мне понадобится вся твоя помощь, которую ты сможешь мне оказать!

Глава 38

Десантный бот, подхваченный порывом ветра, тяжело плюхнулся на плоский камень, лежавший на поверхности планеты и имевший внушительные размеры. Во время всего полета сквозь атмосферу бот немилосердно хлестала буря, швыряя в него сконцентрированные полимеры углеводорода, внося помехи в показания приборов.

Сейчас он покоился на месте, опершись на посадочные ноги и подняв нос к небу. В нескольких ярдах от него находился вход в пещеру. В нее впадал поток какой-то жидкости.

«Я уже не пытаюсь отговорить тебя от столь непродуманного действия,— мрачно заметила Джесси.— Это то самое место?»

— Мы знаем, что сигналы идут из этого района, а этот поток, втекающий в пещеру, подтверждает мой сон.

«Так ты все же намереваешься сунуть туда свой нос?»

— Я пойду туда!

«Один?»

— Один. Но ты будешь со мной!

«Я не понимаю твоих мотивов, Брон. Даже если там не окажется чужих, это будет равносильно самоубийству. Посмотри на этот поток. Что ты хочешь доказать?»

— Моя дорогая, дорога через эту пещеру уже стала частью истории. Я должен обязательно узнать, что там, за последним поворотом.

«Будь откровенен сам с собой, Брон. Ты не мученик и ты не способен рисковать своей шкурой во имя установления хороших межгалактических контактов. Это не героизм, не обычное любопытство. Если ты идешь в этот туннель, то это означает, что ты уверен, что найдешь там что-то, что тебе нужно и что ты хотел бы забрать. Я не очень хорошо знаю, как ты это сделаешь, однако должна признаться, что мне очень интересно, как это все произойдет.»

— Ты знаешь, что в тебе плохого, Джесси? У тебя нет души.

«А знаешь ли ты, Брон, чего нет у тебя? У тебя нет будущего!»

Какое-то мгновение Брон молчал, а потом разразился громким смехом.

Некоторое время человек изучал подходы к пещере и наконец решился. Он двигался по неровностям почвы незнакомой планеты, раскачиваемый ветром, как поплавок в воде, с интересом отмечая, что порывы подталкивают его к пещере.

«Ну, смелее, Брон, я с тобой!»

Голос Джесси был теперь единственной опорой в этом кошмаре.

— Как скафандр, выдержит?

«Данные датчиков свидетельствуют, что материал должен выдержать не менее десяти часов, если ты не повредишь его раньше. Мы сомневаемся, что ты сможешь выдержать так долго. Если на тебя нападет клаустрофобия, ты можешь натворить дел.»

— Ты знаешь, как меня успокоить.

«Ну вот и хорошо.»

Он вошел в пещеру, стараясь не сразу включать фонарь скафандра. Неровные стены ни о чем не говорили, и только тяжелый поток жидкого металла лизал их.

Вдруг он что-то услышал.

Гусиный гогот доносился до него скорее через внешние динамики скафандра, чем через биотронный канал связи.

Он слышал их далекие крики и понял, что они обнаружили его присутствие.

Такой же тихий крик издала и Джесси.

Вскоре он вынужден был остановиться. Тропинка, по которой он до сих пор шел, оборвалась.

Он попробовал нашарить ногой дно ручья, однако его не оказалось. Ручей, казалось, притягивал его к себе, нога его соскользнула, и он с криком влетел в поток.

Он тотчас же поплыл, и ручей, уже перерастая в реку, понес его, тихо плещась о стены фантастического туннеля.

Падая, он ударился фонарем о выступ скалы, и хотя тот был рассчитан на такие удары, но почему-то погас.

Впервые со времени входа в туннель Брона охватила паника.

«Как дела, Брон?»

Голос Джесси вернул ему спокойствие.

— Меня несет на поверхности реки.

«Ты уже говорил об этом. Чужие или нет, ты и так знаешь, что у тебя нет шансов вылезти оттуда. Может быть, ты, наконец, скажешь, зачем ты влез в это дерьмо?»

— Уверяю тебя, что я ничего не ищу.

«Нет. Я достаточно хорошо тебя знаю.»

— Я принял этот сон за часть Хаоса и считаю это доказательством того, что все кончится счастливо и я попаду в то место, где находятся чужаки.

«А что дальше?»

— Я не знаю. Я только знаю, что это должно произойти. Это аксиома!

«Может быть, ты расскажешь, когда и как ты додумался до этого?»

— Дорогая Джесси, это исходит непосредственно из всего, что до сих пор делали чужаки. Бомбы и армада кораблей — это все было направлено на уменьшение шансов встречи с нами. В течение миллионов лет они делали попытки помешать тому, что должно было произойти. Они бы не старались тратить столько сил на то, чтобы помешать тому, что должно произойти, если бы оно не было так серьезно. А посему значит, это должно произойти!

«Я смотрю на это немного по-другому, Брон. Я считаю, что они делали все это, чтобы убить тебя. Поскольку это не удалось сделать на расстоянии, они заманили тебя в ловушку. Я думаю, что сейчас ты находишься в ловушке Хаоса, из которой нет выхода. Они втянули тебя в западню, которая грозит тебе смертью. В конце концов, они полностью уничтожат твой потенциал Хаоса и тебя самого.»

— Это неверно. Однако, даже если ты и права, они все равно проиграли.

«Почему?»

— Есть один пункт, который ни ты, ни они не учитывают. Я ведь не обычный человек. Ведь благодаря нашей с тобой биотронной связи я являюсь синтезом двух индивидуумов, а также всех компьютеров, подключенных к нам, не говоря уже о Доке, Ананнасе и Андере. Чужаки могут убить меня, но ведь информация уже пошла к вам. Вы пошлете еще одного агента, и он закончит дело. Видишь ли, не только я являюсь катализатором Хаоса, а и вся система, частью которой я являюсь.

«Тихо, Брон. Я усиливаю прием. Я слышу шум. Как поток?»

— Он стал немного быстрее, однако мне трудно ориентироваться.

«Как только подвернется подходящий случай, попробуй остановить свое плавание. Согласно нашим прибо-

рам, впереди тебя ждет водопад, причем очень большой.»

— Что?

«Я могу ошибаться, но он может быть уже через две мили.»

— Джесси!

«Да?»

— Ничего. Какие у меня шансы?

«Беспозвоночный имел бы один процент, однако ты...»

— Скафандр выдержит?

«Все зависит от того, как и обо что ты будешь ударяться. Скорее всего, нет. Часть его систем жизнеобеспечения наверняка не выдержит.»

— Вскоре мы узнаем, кто из нас прав.

Он ощутил удар. Стараясь согнуться и понять, что с ним происходит, Брон внезапно почувствовал, что летит. Далеко внизу был виден котел кипящего металла.

Брон истерически закричал.

Глава 39

«Больной разум изломанного тела...»

Он почувствовал легкое покачивание волн, на которых лежал.

«Зря кричащий на диком ветру...»

Затем он сориентировался, что поток несет его дальше в глубь темного туннеля.

Он каким-то сверхчувством ощутил едва уловимое изменение направления потока и услышал слабый плеск разбивавшихся волн и голоса, которые замораживали кровь.

Где-то вдали какой-то гусь клекотал свою песню с горлом, полным крови. К нему подключились другие, образовав целую стаю, изливавшую свои горечь и печаль.

Над ним семьсот миллионов лет эволюции проходили на потолке туннеля.

Легкие Брона задыхались от сухого воздуха с металлическим привкусом. Невозможность пошевелить рукой или ногой доводила его до истерики.

Еще один поворот, и его ударило о берег.

— Джесси!

«Я с тобой, Брон.»

— Падение не убило меня.

«Мы вовремя ввели тебя в состояние кататонии. Бла-

годаря этому ты упал очень мягко. Правду говоря, падение оказалось не таким опасным, как мы считали. Высота была сглажена семнадцатью уступами. Ты сейчас на глубине двух миль от поверхности и все время уходишь глубже. Сейчас мы ввели тебя в состояние отключенных чувств с сохранением сознания, так как не знаем, как на тебя повлияет остановка.»

— Выключи. Я хочу видеть.

В голове Брона прозвучало нежное бормотание, а затем все его тело охватила боль.

«Как ты себя чувствуешь?» — спросила обеспокоенная Джесси.

— Похоже, что у меня нет ни одного целого мускула, но обошлось без переломов.

«Скафандр становится все более прочным по мере возрастания давления. Дьявол отлично стережет своих.»

— Ты слышишь их?

«Мы уже рассчитали дальность. Ты должен достигнуть их минут через семь.»

Гул голосов эхом отдавался от стен туннеля. Бешенный хор был так близок, что было похоже, что он находится прямо перед ним.

Новый толчок подсказал, что он прошел очередной поворот.

На этот раз это был не сон. У Брона не было возможности выйти из этого кошмара, ставшего реальностью.

Течение стало более спокойным.

По эху Брон понял, что его внесло в гигантскую пещеру. Наконец, он увидел свет вдоль гладких стен, и наступила внезапная тишина.

Плечи Брона оперлись о наклонную поверхность, ноги нащупали дно, и это позволило ему выползти из струящегося металла.

Он удивленно озирался, готовый встретить неизвестный разум, однако здесь никого не было.

Металлическая река медленно текла между крутыми, искусственно созданными берегами.

Брон находился в огромном зале со стенами, украшенными тысячами рисунков — или резьбой по камню,— которые могли быть как произведениями искусства, так и чем-то необходимым для каких-то целей, неизвестных Брону.

Высокие молчаливые машины о предназначении которых трудно было даже догадаться — формы были со-

вершенно чужды человеческому глазу,— подавляли своим величием.

Какое-то движение среди этих темных механизмов привело его в такое состояние, когда он как бы окаменел от страха. Каркающий звук вызвал мурашки у него на теле.

Живые существа, бывшие до сих пор в тени, вышли вперед мелко семенящими движениями и прошли перед ним строем, направляясь к реке.

Он рассматривал их костистые клювы, которые они макали в металлическую реку, и постепенно удивление сменялось пониманием.

Странные, слепые, совершенно безобразные на человеческий взгляд и, очевидно, полностью лишенные разума существа, которые жили и размножались в самом центре, без сомнения, этой погибшей цивилизации. Даже их ручки почти атрофировались, заменившись на развитый клюв и длинную гибкую шею.

Зал наводил на мысль о кафедральном соборе, и Брон наконец-то понял всю иронию и несостоятельность того хора, который так часто звучал в его голове.

Когда-то этот гимн, видимо, имел какой-то смысл, но сейчас цивилизация выродилась, и все пришло в упадок.

Немного придя в себя, Брон начал исследовать зал. В одном месте в глубокой нише он обнаружил множество приборов, которые работали.

Некоторые горели сотнями огоньков, на других перемигивались только одиночные огоньки.

Одна машина, когда он подошел к ней, заговорила знакомыми голосами, однако сделала она это очень тихо, словно ее слова были приветствием или извинением за прошлую ненависть.

Брон рассматривал машину, вспоминая, что это был тот же самый голос, который угрожал ему во сне и руководил атакой флота врага. Сейчас эта машина признала в нем хозяина, но Брон от этого не почувствовал ни малейшего триумфа.

«Где же чужаки, Брон?»

— Те, которых я хотел найти, уже не существуют, Джесси. Их раса исчезла.

«Но они же нападали на нас!»

— Далекие потомки тех существ, которые исчезли миллионы лет назад, нас не помнят. Может быть, они даже были в тех кораблях флота, однако наверняка цель полета была забыта, а вообще-то воевали машины.

«Как ты можешь быть так уверен, что врага не существует?»

— Ты слышала когда-нибудь такое слово — «эволюция»? Человеку хватило четырех миллионов лет, чтобы слезть с дерева и вырваться в космос. Если у нас сохранятся такие же темпы развития, то можешь себе представить, чем мы можем стать через семьсот миллионов лет? Одно наверняка: мы уже перестали существовать как «гомо сапиене». Но, если не принять каких-то мер, я не знаю, каких, нас может ждать такая же участь.

«А что же с энтропийным излучением? Ведь оно существует!»

— Предки этих существ умели делать хорошие машины. Они, очевидно, могут работать вечно, не требуя обслуживания. Может быть, источник этих сигналов был частью их системы связи. Может быть, включил его кто-то из последних существ, приглашая всех, кто достигнет соответствующего уровня технологии, прилететь и воспользоваться тем, что они оставили после себя. Что это за место? Музей, который должен продемонстрировать достижения их расы всем мыслящим существам, которые будут в состоянии добраться до него.

«Но зачем они послали Бомбы и флот?»

— Это просто. В начале их эволюции это место было для них чем-то очень важным. Когда из анализа Хаоса они узнали, что в какой-то из дней чуждое существо вторгнется в их жизнь, войдет в этот зал и обворует их сокровищницу, то тут же постарались предотвратить это. Не нужно много воображения, чтобы представить себе, какие мысли обуяли их при этом. Они рассчитали, что это существо будет жить в их будущем, однако они не могли знать, что это они проиграли, а не мы их уничтожили.

«Ты подозревал об этом с самого начала?»

Джесси начала понимать, почему Брон так настаивал на обследовании планеты.

— Я понимал, что они не могли пережить эти миллионы лет. Несмотря на все доказательства, которые прилетели к нам из далекого прошлого, они не могли создать для нас реальную угрозу. Должно быть что-то другое.

«И ты это ищешь?»

— Эти существа ушли намного вперед во многих отраслях науки. Возьмем хотя бы энтропию. Они приспособили ее к своим нуждам, как мы электричество. Пред-

ставь себе, что произойдет, если мы достигнем их уровня. Разве будет существовать во Вселенной что-нибудь, что мы не будем в состоянии сделать?

«И это все принадлежит тебе?»

— Конечно! Когда-нибудь я вернусь сюда с людьми и оборудованием, и мы раскроем тайны этой пещеры. Тогда человечеству будет принадлежать все, что оно сможет понять.

«Может быть, кто-то и вернется сюда, но только не ты. У тебя кончается запас воздуха через три часа. И я не думаю, что у тебя есть шансы вылезти отсюда живым.»

— Должен быть выход, так как есть вход. Необходимо только немного подумать, чтобы найти его.

Глава 40

В глубине зала Брон обнаружил большую емкость, наполненную коричневой жидкостью.

Заинтересовавшись, он заглянул вовнутрь и внезапно увидел миллиарды маленьких огненных точек, которые мерцали и двигались без всякой системы.

Иногда между огоньками появлялся и исчезал огненный след.

Даже непосвященному было понятно, что перед ним макет Хаоса.

Его открытие станет, скорее всего, самым важным событием исследования Хаоса, если только удастся понять и использовать физику нового открытия.

Брон рассматривал коричневую жидкость и не верил, что это реально действовавшая модель Хаоса. Значит, тогда какой-то из огоньков обозначает его судьбу.

Вдруг в углу емкости очень сильно блеснуло.

Однако узнать, что это такое, было невозможно.

Воздуха в баллонах оставалось всего на два с половиной часа, а он до сих пор не нашел способа выбраться отсюда.

Найти планету, добраться до пещеры, сделать потрясающие открытия — все это похоже на серию тестов, которые должны выявить уровень знаний тех, кто входит в число наследников.

Последнее испытание состояло в том, чтобы выбраться отсюда живым.

Логично рассуждая, это должно удасться.

Только на этот раз у него не было ничего, что могло бы помочь в этом деле.

Тест, несомненно, был рассчитан на выявление всех способностей пришельцев, но остатки воздуха делали это испытание похожим на садистское. Чужаки выбирали своих наследников с дьявольской изощренностью.

Брон оперся ногами о чашу с коричневой жидкостью, уверенный, что где-то должен быть выход. Нужно было только отыскать его.

Брон был не в состоянии вернуться в реку, также сам он не мог надеяться на то, что те, кто остался снаружи, смогут добраться сюда вниз за то время, пока у него будет в запасе воздух.

Внезапно послышался голос Джесси:

«Брон, что Кана делает со своим флотом?»

— Я думаю, именно то, о чем я его просил.

«Они вышли на низкую орбиту вокруг Солнца. Это ты приказал им сделать это?»

— Отвяжись, Джесси. У меня и без этого хватает забот.

Он начал лихорадочно размышлять о проблеме выхода.

Металлическая река проходила через решетку в дальнем конце зала и исчезала в глубине планеты. С этой стороны выхода не было.

«Брон, десять тяжелых крейсеров Разрушителей вторглись в пределы внутренних планет Солнечной Системы. Оборонные Космические Силы обнаружили на подходе еще пятьдесят боевых единиц. Кана намерен атаковать Землю?»

Брон не ответил.

Поиски привели его на середину зала, где возвышалась огромная колонна, упираясь в потолок. Она была абсолютно черного цвета. У самого основания была дверь, утопленная в глубину колосса.

Солидность стен наводила на мысль о величине давления, которое выдерживала эта конструкция.

«Брон, ты слышишь меня?»

— Слышу, Джесси.

«Я хорошо осведомлена о твоих способностях в области Хаоса. Ты приказал уничтожить штаб-квартиру Службы?»

— Не уничтожить, а захватить.

«Я так и думала. Но зачем?»

— Потому что если я захвачу штаб-квартиру, то Зем-

ля потеряет контроль над этой станцией-передатчиком, а заодно и надо мной.

«У тебя нет шансов. Служба разгромит флот Каны, а ты станешь предателем!»

— Большая часть флота у Ананиаса, учти это. Можешь связаться с ним.

Исключительная простота колонны резко отличала ее от остальных машин, находившихся в зале, на это нельзя было не обратить внимания. Этот контраст наверняка что-то значил, это могло озадачить только высокоразумное существо.

Первый раз за все время пребывания в этом месте Брон улыбнулся.

«Свинья ты, Брон.— Голос Джесси бился в его мозгу, как тяжелый молот.— Ты все рассчитал! Ананиас отвел флот так далеко, что мы не можем связаться с ним и вызвать подмогу. Одна надежда на биотронный канал на корабле-разведчике.»

— Которым командует Ананиас,— закончил за нее Брон.— Джесси, будь реалисткой. Согласись, что доминанта Земли закончилась.

«Ты хочешь уничтожить Землю, Брон?» — крикнула она.

— Нет, она должна существовать, однако и Разрушители имеют такое же право жить во Вселенной! Но это будут уже не две антагонистические державы, а две равноправные части одного Объединения, если хочешь, одной Федерации. Это часть соглашения, достигнутого между мной, Каной и Ананиасом. Земля и ее планеты вместе с Федерацией Разрушителей будут теперь одним общим. Есть много планет, годных для заселения, и человечество не должно уничтожать себя в борьбе за них.

Он подошел к колонне, рассматривая дверь. Замок был очень простым.

Даже если чужие оставили какие-либо инструкции, то найти их не было времени, и поэтому Брон делал все наугад, уверенный, что это приспособление было именно тем, чем должно было быть.

Дверь распахнулась, он шагнул вперед, и дверь опять закрылась за ним.

Тотчас же поток жидкого металла забурлил у его ног и начал подниматься, вознося его вверх. Он поднимался все выше и наконец начал сомневаться, будет ли конец всему этому.

Может быть, колонна стала каким-то образом бесконечной?

О движении говорил только легкий шорох трущегося о стенки колонны скафандра.

«Брон, штаб захвачен десантом! Ты можешь привести в свою защиту хотя бы одно доказательство, чтобы я не нажала кнопку смерти?»

— Советую тебе поторопиться. Первая цель десантников — это уничтожение биотронных антенн. Но, если не нажмешь, знаешь, что случится? Я вернусь на Землю за тобой. Я тут заимел неплохое царство, и для меня его тяжесть немного великовата, поэтому мне потребуется надежный помощник. И не говори, что тебя не прельщает роль первой дамы Вселенной.

«Знаешь, кто ты, Брон? Ты самый обычный свинячий мегаломан!»

— Мы оба, Джесси! Если мне не изменяет память, то ты тоже порядочная свинья.

Наконец что-то изменилось. Стало труднее подниматься.

Брон понял, что путешествие подходит к концу.

Сначала ничего не было видно, потом высоко над собой он увидел слабо светившиеся точки. Он с удивлением понял, что это звезды.

Где-то там, среди этих многочисленных точек, проходит Млечный Путь, и он поднимался к звездам, лежа на спине на вершине столба медленно текущего вверх жидкого металла в тишине ночи чужой Галактики.

Брон включил световые и радиомаяки на скафандре и, ожидая подхода бота, стал рассматривать отдаленные созвездия своего царства.

Рыдания женщины, находившейся от него на расстоянии в шестьсот тысяч парсеков, напомнили ему, что рядом с глобальными проблемами всегда находятся обычные человеческие слабости.

Сейчас уже ничего, без сомнения, не будет так, как до сих пор.

К. МАК-АПП

ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Глава 1

Он был довольно высоким. Немного выше этих безволосых меднокожих дронгалийцев, которые издалека заметив его, начали обходить его стороной, немного с опаской, немного с интересом. Обходили так, как обходят старые покосившиеся дома, грозящие обвалиться каждую минуту. Он был остовом, обломком далекого прошлого. Живой анахронизм, которому до смерти осталось не так уж много. Впалые щеки покрывала многодневная щетина, а дрожащие пальцы были желтыми от дрона. Причину этого не трудно было угадать — он находился на Дронгалии уже почти целый местный год (который немного короче земного) и уступил пороку с самого своего пребывания здесь.

Но вот уже много дней он не имел возможности получить то нежное, спокойное забытье, которое приносил с собой дрон.

Он остановился в тени, опершись на стену деревянного покосившегося дома в начале замусоренной улицы — излучение солнца Дронгалии было более горячим, чем могла выдержать его кожа. Дом, о стену которого он опирался, не имел окон на первом этаже и его единственная дверь была крест-накрест забита досками. Воздух в улочке был насыщен запахами еды и миазмами испарений от тел многочисленных представителей всевозможных рас, но прежде всего здесь преобладал запах дрона. Этот запах казался ему сейчас родным и милым не только потому, что он приносил успокоение, но и потому, что напоминал запах свежескошенного сена. Это

был один из тех немногих запахов, которые он не забыл спустя столько лет, как покинул Землю.

Несущий по ветру бумажный пакетик ударил его по ноге. Он посмотрел на мусор (очевидно, пустая упаковка от дрона) и со злостью пнул его. Потом поднял голову и увидел присматривающегося к нему дронгалийского парня.

— Присматривайся внимательнее, дьявол! — буркнул он на местном диалекте.— К тому времени, как ты заработаешь себе толстое брюхо, мы уже будем вымершей расой. И уже никогда больше ты не сможешь увидеть ни одного человека.

Подросток некоторое время еще смотрел на него, но потом, сплюнув темной жвачкой дрона, вихляющей походкой пошел прочь.

Мужчина повернулся и медленно пошел в глубь улочки, чтобы там опять опереться спиной о стену очередного дома. Наверное в сотый раз он пошарил в кармане видавшего виды плаща, но пальцы натыкались только на какой-то листок бумаги. Вытащив его, он снова внимательно перечитал написанное:

«Джон Браузен! Мне необходимо срочно поговорить с тобой. Утром следующего дня приходи к северному концу улицы, на которой живешь.

Б. Ланге».

Он покачал головой и снова засунул клочок бумаги в карман.

— Джон Браузен...— пробормотал он себе под нос, как будто его собственное имя вдруг показалось ему странным.— Коммадор Джон Браузен, Старший офицер Разведывательного Отдела Земных Космических сил...

Как давно его называли этим именем? Как давно у него не спрашивали, как его зовут? В правительственных списках Дронгалии (а также в нескольких иных мирах, где он тоже имел «счастье» побывать) он фигурировал всегда одинаково: «Джон, землянин. Социальное положение — бродяга. Не судился. Профессии не имеет».

А как давно он не видел Берта? Последнее время они оба были наемниками на флоте Гохда. Это тогда погибло тридцать землян... С тех пор минуло по крайней мере лет пять... А тогда прошло около трех лет после Уничтожения.

Разве после Уничтожения прошло всего восемь лет?? Это означало, что ему сейчас всего тридцать семь, но ощущал он себя значительно старше. Ему казалось, что

от того страшного дня прошло гораздо больше времени. Он подумал, зачем он понадобился Барту? В течение первых нескольких лет после Уничтожения осталось очень мало людей, меньше пятисот членов Экипажа, и они держались вместе. А потом, когда условия пребывания в чужих мирах разделили их, с нарастающей нетерпеливостью они ожидали новых встреч. Еще позже, растущая безнадежность и отчаяние в сложившейся ситуации, привели к тому, что им стало все равно, увидятся ли они вообще когда-нибудь. Джон попытался вспомнить, сколько осталось в живых. Согласно последним сведениям, которые дошли до него, около ста человек служили наемниками на разных флотах, а местопребывание шестидесяти или семидесяти человек точно не было известно. Остальные, сколько их осталось? Были разбросаны по космосу, забыты в далеких мирах, похожих на эту проклятую Дронгалию.

Джон удивился, как это Ланге удалось его разыскать. Хотя вероятно это произошло благодаря тому, что довольно много торговых звездолетов садилось в Дронгалии. Конечно, все из-за этого дрона... Сколько, интересно, Ланге имеет денег, а он должен их иметь, раз он разыскал его? Неплохо было бы вступить с ним в контакт. Он подумал, что надо было бы купить немного еды (мысль о том, что ему придется расстаться со своим старым плащом, который был еще с Земли, болезненно отдалась в сердце) и заплатить за угол в грязном притоне, где он сейчас обитал. Можно еще купить дрона, если он только решится на это, но для чего? Сейчас это уже не имело никакого значения!

Он смотрел скучая на границу света и тени, делящую узкую улочку почти посредине. Осталось немного до времени, назначенного Бартом. Сколько же тот может дать ему? Джон задремал, опустив голову на грудь.

— Джон! Эй, Джон!

Браузен протер глаза, стряхивая сон. Концентрация взгляда на крупной фигуре в голубой одежде заняла у него почти минуту. Невероятно!! Застегнутый на молнию комбинезон Барта был пошит точно по фасону служебного мундира Земного Космического флота! Джон с трудом поднялся. Сейчас, когда он смотрел на Барта, воспоминания живо вернулись к нему. Чувства сжали ему горло, и он едва смог сдержать слезы. Сильно пожав протянутую руку, Джон произнес:

— Барт! Сколько времени прошло! Как чудесно снова увидеть тебя, Барт!

Ланге испытующе смотрел на него и в его глазах зажглись огоньки удивления.

Джон пожал плечами.

— Да, Барт. Я наркоман. Бездарь, который живет на дозе дрона. Я получаю пособие и этого мне вполне хватает для угла в ночлежке и на жратву. Время от времени я подряжаюсь рыть ямы для того, чтобы купить несколько горошин дрона. А ты...— он опустил руку Ланге и рассматривал его комбинезон, с трудом проглотив слюну.— Ты отлично выглядишь, Барт. Нанялся наемником? У кого? Или...— он внимательно осмотрел товарища.— По тебе не видно, чтобы ты был недавно тяжелораненным.

Ланге, нахмурившись, продолжал рассматривать Джона.

— Недавно флот Гохда участвовал в одной акции. Я в это время служил там. Поэтому,— он махнул рукой,— в общем мне дали кое-какие деньги за услуги. Заплатили они неплохо, к тому же не захотели, чтобы я после случившегося оставался на Гохде. Вот поэтому...— пауза была довольно значительной,— в некоторой колонии на планете Акиель. И собираю всех людей. Нас уже чуть больше двадцати.

— Зачем собираешь?

— Мы хотели бы собрать снова весь наш старый Экипаж. Владыка Акиеля может предложить нам кое-какую работенку.

Джон посмотрел Барту прямо в глаза.

— Ты хорошо знаешь, что большинство уже погибло. Это было дьявольски медленное умирание. А что можешь ты сейчас предложить, кроме новых смертей ради освобождения каких-то планет, ради вывоза сокровищ с миров, которые перед нами ни в чем не виноваты, и ввоза их в другие миры, также не имеющие никакого к нам отношения...

— На этот раз у нас есть настоящая цель,— с нажимом произнес Ланге.

— То, что ты говоришь, меня удивляет. Когда мы виделись в последний раз,— Джон вздохнул и пожал плечами. Если Ланге сам не чувствует пустоты этой бесцельной беседы, то нечего с ним спорить.— Акиель,— начал он снова,— что это такое? Никогда не слышал о такой планете. Что там есть такого, что могло бы толк-

нуть нас, последних землян, в какую-то авантюру? В самом деле, в чем дело? — Он замолчал, как бы собираясь с мыслями.— Мы всегда ставили перед собой цели, не так ли? И находили их, устраивая торги! Все вместе, вышколенные, дисциплинированные, неустрашимые, мы держались за эту легенду день за днем. Потому что уже было все равно, погибнем мы, или нет, поскольку только и оставалось думать, что мы можем что-то найти, или думать, что уже нашли. Но и этот запал прошел, борьба угасла. По крайней мере для меня. Я думаю, что и ты пресытился этим.

Ланге подозрительно осмотрелся вокруг и зашептал ему на ухо:

— Колония, о которой только что я тебе говорил, заселена Хелками.

Браузеп отодвинулся от него.

— Хелками? — пробормотал он задумчиво.— Это значит, что вы находитесь в сфере влияния Империи Вильмута?

— Нет, Джон! Я имею в виду свободных Хелки. Об этой колонии Вильмут не имеет никакого понятия. Там у них на Акиеле есть свой Омниарх и ему две тысячи двести лет. Он на несколько сот лет старше своих потомков, которые и основали колонию. В молодости он был рабом на Вильмуте, но ему удалось бежать, не оставив никаких следов!

Джон ощутил легкое головокружение. Он с минуту всматривался невидящим взглядом в дронгалийцев, которые обходили их и с интересом приглядывались к двум чужакам, называемыми землянами. Затем Браузен вздохнул и сказал:

— Не скажу, что у меня есть большое желание опять затевать драку с Вильмутом. Да, я буду их ненавидеть, пока живу, и я готов поклясться, что вряд ли кто-либо из нас перестанет их когда-то ненавидеть. Но в конце концов, в чем их можно обвинить? Мы отправились в космос, о котором имели очень смутное представление. А когда встретили что-то, от чего надо было драпать сломя голову, то схватились с ним, как будто бы были самыми великими воинами в Галактике. Это было такой глупостью, таким порождением заблуждения, что даже наше происхождение не могло оправдать этого! И... Ну, что ж, мы доигрались!

Лицо Ланге стало внимательным.

— Да,— кивнул он,— мы бросились тогда сломя го-

лову в драку и потеряли все. Но сейчас совсем другое дело. Этот беглый Хелки в течение двух тысяч лет имел пленников в Империи Вильмут. Понимаешь, Джон, в течение двух тысяч лет!! Он видел гибель Земли. Он знает причины этой гибели, истинные причины! Он видел, как мы воевали, стараясь не допустить превращения Земли в еще один придаток Империи. Он видел, как из нас хотели сделать рабов и он отлично понимает наше решение: «Не бывать этому!». Джон, он потратил много времени, чтобы хотя бы как-то уберечь нас. Он планировал оставить несколько женщин для возрождения расы землян. Несколько высокопоставленных особ потеряли свои посты только ради того, чтобы мы, маленькая горстка людей, могли избежать участи остальных землян. Представляешь, как они были поражены, когда узнали, что среди спасшихся не осталось ни одной женщины. Вся Солнечная Система была тщательно обследована, но, увы, никого не удалось обнаружить.

Джон вдруг ощутил, что он дрожит. Он расправил плотно сжатые пальцы и глубоко вздохнул.

— Даже, если бы это было правдой, то ЭТО уже свершилось. Если бы я встретил здесь какого-нибудь вильмутца, он наверняка не ушел бы живым из моих рук. Но сейчас двинуться на Империю... Нет, Барт. Я уже тень, оставшаяся от человека, и мне уже не достичь того, что было когда-то. И... вообще это смешно. Ты действительно думаешь, что мы можем что-то сделать против Вильмута?

Ланге скривился. Он сделал шаг вперед и схватил Джона за обшарпанный плащ.

— Послушай меня, Джон, черт побери! Да будет тебе известно, что не все женщины погибли! Более ста еще живы! И все в возрасте, вполне пригодном для деторождения. И этот Омниарх с Акиеля знает, где они, и обещает нам помощь для того, чтобы добраться до них!

Кровь прилила к голове Джона, но уже через секунду он горько рассмеялся.

— Но это же глупо, Барт! Неужели мы снова можем попасть на эту удочку? Ну, так знай, что единственное, что меня сейчас волнует, так это дрон. По крайней мере этот наркотик приносит минутное забвение и хотя в конце концов сжигает тебя, но по крайней мере не делает человека чокнутым на несуществующих бабах!

Ланге усмехнулся:

— Послушай, коммодор Джонатан Браузен, имя ко-

торого еще несколько лет назад было знаменем землян и многих чужаков в целом секторе Галактики. Это говорю я, который перехитрил весь вильмутский специальный разведывательный отдел и разделался с ним, командуя всего несколькими кораблями. Я, который может командовать любым космическим флотом, только захоти я этого! Хелки, о которых я тебе говорил, очень хорошо изучили нас. И Омниарх решил, что только ты можешь совершить то, что он задумал. Только ты, один! Только ты сможешь снова связать нас воедино...— Ланге вздохнул, и потом снова сказал:

— Этот Хелки правил задолго до того, как Колумб пересек через океан, не говоря уже о первых человеческих полетах в гиперпространстве. Это он организовал вывоз тех женщин. Это он сделал все так, что вильмутцы высадились на Землю, имея на руках фальшивые документы, не подозревая об этом, и вывезли несколько тысяч молодых женщин для якобы санкционированных научных исследований. Это он организовал исчезновение некоторых из них и сфабриковал документы, скрывшие эту недостачу. Пойми, Джон! Сколько Хелков погибло при реализации этого плана! Омниарх рассказал мне все очень подробно, показал фотографии...

— Барт, рассуждай здраво! — перебил Браузен.— Фотографии можно подделать! И разве это возможно, чтобы такой интриган, как Омниарх, даже выдавая себя за того, за кого выдает, рисковал бы всем и сделал так много, чтобы помочь существованию какой-то неизвестной расы? Что мы для него?

— Проклятье! Разве ты не можешь понять, Джон, что это наши собственные возможности повлияли на Хелков. Омниарх до сих пор считает, что мы были в силах покончить с Империей, если бы были хоть немного рассудительней и знали, что по чем! Нам надо было действовать умнее. Что же касается того дела, которое он нам предлагает, то думаю, оно является составной частью какого-то грандиозного плана, задуманного Хелки. Он хочет, чтобы мы добровольно приняли участие в деле. Ведь он знает, как мы умеем драться. А теперь попробуй посмотреть на все это глазами самого Омниарха.

Джон смотрел на Ланге, ощущая, что кровь снова мощными толчками начинает пульсировать в его голове. Было похоже на правду? Да, было. На первый взгляд все это выглядело страшно неправдоподобно, но именно эта неправдоподобность и давала шанс. Бесконечно ма-

лый, невероятный, давно утраченный, благословенный, но все же Шанс!

Две слезинки скатились по заросшим щекам Джона Браузена.

Глава 2

Подлатанный, невооруженный, разведывательный звездолет, списанный с Гохданского Флота и отданный Барту Ланге, как часть платы за службу, вышел из гиперпространства в одной десятой светового года от солнца планеты Акиель. Барт обозначил свое положение и грубо сманеврировал кораблем, выводя его на орбиту вокруг планеты. Внизу расстилался зелено-голубой мир, покрытый джунглями и только кое-где саванами. Мир, лишенный океанов, но зато с бесчисленными малыми морями, озерами и реками. Оба полюса планеты были закрыты небольшими ледниками. Атмосфера планеты была относительно плотной. Сила тяжести составляла немного меньше одного «Же». Здесь не было больших горных массивов. Планета имела умеренный климат, судя конечно по первому впечатлению.

Даже с высоты больше чем пять тысяч футов на поверхности этой планеты не было видно ни одного космодрома.

Барт запрограммировал бортовой компьютер на посадку и глядя на данные, высвечивающиеся на экранах, не оборачиваясь, обратился к Джону:

— Если бы сейчас в окрестностях Акиеля появился какой-нибудь неизвестный корабль, мы были бы вынуждены срочно совершить посадку, чтобы скрыть следы техники возле этой планеты. Здесь, на Акиеле, не найдешь ни радио, ни телепередатчиков. Не говоря уже о наличии фабрик или заводов. Здесь нет даже центральной энергостанции, излучение которой можно было бы уловить из космоса. Кроме того, солнце Акиеля лежит далеко от обычных торговых путей. Омниарх говорил мне, что на протяжении всего периода, когда он был здесь, только четыре чужих звездолета появлялись на экранах дозорных локаторов и только один из них приблизился достаточно близко, чтобы его можно было идентифицировать.

— Если они держали для этого свои детекторы массы на орбитах вокруг своего солнца,— буркнул Джон,— то

они должно быть мастера миниатюризации. Например, вон та точка в углу экрана Ф-4. Обломок скалы размером не больше моего кулака. И если мы видим такую мелочь, тогда почему не видим ни одного их детектора? Кстати, как осуществляется передача данных? Ведь датчики должны несомненно иметь связь с планетой!

— Да! — Барт кивнул головой.— Но чтобы засечь хоть один детектор, надо было бы уловить сам момент передачи.

Он протянул руку и, переключив что-то на пульте управления, направил корабль на полосу травы, расстилавшуюся внизу.

— Ты что, заметил космодром? — удивился Джон.

— Нет,— рассмеялся Барт.

Звездолет затормозил и замер в двух дюймах от поверхности планеты.

Внезапно изображение стало стремительно изменяться. Затем свет солнца на верхнем экране резко погас и их охватила темнота. Через мгновение они были уже на широким бетонном пандусе и съезжали вниз. Остатки дневного света на экранах внешнего обзора исчезли в тот момент, когда массивные створки тяжелых ворот сомкнулись у них над головой. Но через мгновение мигнули несколько ярких ламп и осветили их. Корабль мягко сдвинулся вбок от входа и замер.

Барт нажал три кнопки компьютера и воздух Анкеля с тихим свистом проник в корабль. Острый, слегка насыщенный озоном воздух, сильно пах свежими листьями.

Перед тем, как выйти наружу, перед Джоном промелькнули две фигуры, покрытые темным пухом или шерстью. Спустя несколько минут Полный Самец Хелки появился у входа в корабль. Это был старик. Весил он все восемьсот фунтов, кожа на его лице была серой, а каждая из четырех ног была толще бедра взрослого мужчины. Джон вспомнил свое первое впечатление, когда он увидел нескольких Хелки. Эти существа имели ноги, как у быков, и тела, массивные и безобразные. На этом их сходство с обычными коровами кончалось. Шея и головы Хелки вырастали из мясистого нароста посредине туловища. С этого нароста также вырастали два мощных плеча, которые заканчивались большими волосатыми ладонями с четырьмя огромными пальцами. На ногах у них не было копыт, а только ороговевшие пальцы, похожие на когти тигра. Где у этих существ перед, и где

зад можно было определить только по направлению стоп и по тому, куда смотрит их лицо (хотя длинная и гибкая шея позволяла им поворачиваться на 180 градусов). Все остальные органы (в частности выделения и размножения) располагались под туловищем и на первый взгляд не были заметны.

Представительный Хелки зашевелил толстыми губами и заговорил по-английски с почти неуловимым акцентом, который обычно был так силен у чужаков.

— Приветствую вас на Акиеле, коммодор Браузен. Очень долго я ждал этого дня,— голос Омниарха был приятным и глубоким, слова он выговаривал медленно и мягко.— Давайте пройдем ко мне и поговорим.

У выхода из подземного ангара промелькнуло несколько Хелки, гораздо меньших, чем Омниарх и более простого телосложения — очевидно обычные работники низшего уровня. Встретили они также по дороге несколько особей с более развитыми головами, очевидно предназначенными для более интенсивного мышления. Эти существа смотрели на Джона, кивали головами в приветствии и зыркали глазами в сторону старого Хелки (в знак уважения, как узнал перед этим удивленный Браузен). Эти Хелки чаще всего несли какие-то приборы и инструменты, что отличало их — техников, от простых рабочих. В окрестностях ангара они встретили также нескольких Хелки, таких же рослых как и Омниарх, с когтями на пальцах ног и рук и с мордами, которые украшали страшные ощеренные зубы. Это были воины — Хелки особого вида, неспособные к размножению. В ремнях или вернее в подпругах, опоясывавших их крупные тела, крепилось лучевое оружие. Кроме Омниарха Джон и Бартон увидели также еще одного Полного Самца, меньшего и немного моложе, но нигде им не удалось увидеть особ женского пола.

Джон знал, что Хелки ведут определенный вид деятельности, похожий на жизнь земных пчел или муравьев. Но сейчас, находясь в гуще всевозможных Хелки, он внезапно понял, что эта схожесть гораздо больше, чем он мог предполагать. Полный Самец не только был отцом многочисленного семейства, но мог также вырабатывать в своем теле такие гормоны, которые определяли пол и рабочие свойства будущих новорожденных. Ребенок Хелки назывался «амбионом» и Полный Самец определял, как он будет развиваться и кем станет. Были еще и какие-то другие сложные зависимости, которые Джон

так и не мог понять. Но одно было ясно — наивысшим интеллектом в этом «муравейнике» обладал только один Полный Самец.

Джон и Бартон уселись в креслах, приспособленных к фигурам гуманоидов, так как количество таких типов существ превалировало в близлежащих секторах Галактики.

На низком столике перед мужчинами стоял графин с каким-то ферментированным соком и три стакана.

Омниарх остался стоять. Минуту он спокойно вглядывался в лицо Джона, с улыбкой, свойственной его расе — стиснутые губы не могли скрыть больших зубов.

— Я вижу, что ты расстался с дроном,— сказал он.— Это хорошо.

Джон покраснел.— Я чувствую себя хорошо,— буркнул он.— Барт говорил мне, что вы имеете какие-то фотографии...

— Имею.

Хелк достал папку и, подойдя к столу, отодвинул в сторону графин. Бросив папку на свободное место, он сказал:

— Здесь целая серия. На фотографиях показана погрузка женщин в космолеты. Обратите внимание, друзья, на их возраст, тела и состояние. Некоторые из них еще недостаточно сформировались. Мне жаль, что это выглядит довольно жалко. Уверяю вас, что Хелки не участвовали бы в этом, если бы у них было право выбора.

Но все равно, это было весьма убедительное зрелище. Джон налился гневом... некоторые из этих фотографий... Он посмотрел на Омниарха.

— Но вы же сами сделали все это!

— Да, проводил эту операцию я. Но это вильмутские врачи-экспериментаторы отдали нам такой приказ. Прошу вас, обратите внимание на другие фото. Вот эти несколько фотографий демонстрируют группу женщин, которых нам удалось похитить с разведывательной станции.

На цветных снимках были видны женщины, конвоируемые Хелки-техниками и Хелки-воинами. На последних снимках была изображена (весьма правдоподобно) местность, куда переправили этих несчастных. Обычная долина, вся в цветах. Выглядела она вполне нормально, если бы не несколько очень странных кустарников справа в углу.

Джон продолжал дрожать от гнева и отодвинул от себя фотографии.

— Хорошо. Предположим, что вы меня убедили. Но Барт говорил, что вы не собираетесь доставить нас к ним и сообщить местонахождение этой планеты. Мне сказали, что мы должны кое-что сделать для вас. Что?

Хелки заморгал глазами.

— Вы должны понять,— начал он,— что мои планы весьма обширны и не позволяют мне быть слишком деликатным с кем-либо. Но я надеюсь, что кроме всего прочего, вы согласитесь все же сыграть ту роль, которую я вам приготовил.

Джон с трудом проглотил слюну, чтобы хотя бы как-то уменьшить ощущение той жажды, которую ни сок, ни вода не могли утолить.

— Во всяком случае, я рад, что вы с нами откровенны. Почему вы не сообщили нам, в каких условиях находятся женщины?

— Не сообщаю я вам это потому, коммодор Браузен, что существует опасность, что кто-то из вас может попасть в руки имперцев. Было бы очень нехорошо, если бы они узнали от вас кое-что перед тем, как убить. И это повредило бы мне. Поэтому я буду молчать, а кроме того, несколько ваших людей должны будут остаться у нас, как залог наших добрых отношений. Поверьте мне, женщины находятся в безопасности.

— О'кей. И мы находимся в таком положении, что торговаться нет смысла. Что для начала нужно сделать?

— Я организовал для вас работу у вашего старого знакомого Вез До Гана — командующего силами обороны Гохда. Должен вам сказать, что у меня было в жизни несколько неприятных минут, когда я чуть было не погиб. Поэтому считаю необходимым привлекать для работы только наемников. Так вот, Вез До Ган согласился расплатиться со мной некоторым количеством кораблей, которые гохды добыли на протяжении нескольких веков. Это восемь вильмутских разведывательных звездолетов и один легкий крейсер с массой покоя шестьдесят земных тонн. Он довольно старый, но сейчас отремонтирован и вооружен дополнительными лучеметами. Он также частично укомплектован вильмутскими снарядами, но гохданцы обязались достать еще. Кроме того, мы обговорили с ними, что вы можете взять себе все корабли, которые добудете в бою.

— Это вы договаривались с Вез До Ганом?

— Да. Я уже давно присматривался к нему и к деятельности его предшественников в области разведки. Сейчас я хотел бы обратить ваше внимание только на одно. Вез не знает координат Акиеля, а вам нет нужды сообщать их ему. Так будет одинаково хорошо и для вас и для меня. Группа людей, которая останется здесь, будет находиться в максимальной безопасности. Поэтому я хотел бы, чтобы они были без оружия. Во избежание всяких недоразумений...

Джон ощутил, как вытянулось его лицо. Он посмотрел на молчащего Барта, а потом опять перевел взгляд на Омниарха.

— А что еще мы обязаны сделать, когда закончим работу у гохданцев?

— Я хотел бы...— медленно проговорил Хелки,— чтобы вы осуществили почетный эскорт определенной группы невооруженных кораблей. Но об этом пока рано говорить. Если говорить в целом, планируется ваше участие в нескольких небольших сражениях.

— Сражениях? — Браузен глубоко вздохнул.— Думаю, что это будут только стычки. Что можно сделать с одним легким крейсером и несколькими маленькими разведчиками?

— Добавьте к этому, что вы добудете в бою. Хотя, признаю, что это будет немного. Но у меня для вас есть еще кое-что.

— Да?

Омниарх спрятал фотографии в папку и аккуратно положил ее на столик.

— Может быть...— медленно начал он,— вы видели какие-нибудь предметы, сделанные клип? Или слышали об этом народе какие-нибудь легенды или предания?

Джон пожал плечами.

— А кто об этом не слышал? Памятники, сделанные из металла, состав которого до сих пор никто не может определить, и которые стоят уже двадцать или тридцать тысяч лет и не ржавеют. Фрагменты записей, которые являются величайшей тайной для ученых всех разумных рас Галактики. Какие-то предметы...

— Я все это знаю,— сказал Омниарх.— И я знаю также, где можно раздобыть звездолет клип. Целый, полностью укомплектованный, с источником энергии, готовым к действию. Это не военный корабль, но его можно было бы обшить броней... Это очень мощный корабль. Я со своей стороны помогу вам разобраться в его управ-

лении и обслуживании. Я много лет занимался исследованиями технологии клип и знаю о ней кое-что...

— Это серьезно? — Джон выпрямился в кресле.— Вы действительно знаете, где находится действующий звездолет клип?

— Да. И это часть моего плана.

Джон посмотрел на ошеломленного Барта. Посмотрел на графин на столе, но тут же пришел к выводу, что сок не удовлетворит этого мерзкого желания, которое охватывало его все сильнее.

— Когда же мы получим этот корабль? — спросил он.

— Тогда, когда будут улажены все дела с Вез До Ганом. Такой корабль наверняка пригодился бы вам во всех случаях, но я не хотел бы, чтобы разговор о вашем чудо-корабле мгновенно разнесся по всей Галактике. Ведь появление звездолета клип вызвало бы сенсацию и поставило бы всю Галактику на ноги. Поэтому мы пойдем на мелкое надувательство, и лучше, чтобы Вез До Ган не знал пока о существовании такого корабля. Его нужно еще забрать с планеты, находящейся в секторе Гохд. Ган не догадывается об этом. Поэтому нужно иметь бумагу с соответствующим разрешением на посещение какой-нибудь планеты. Дальше все будет делом техники. Вы должны будете попросить Веза в качестве части оплаты работы разрешить вам поселиться на этой планете. Но не на той, где находится звездолет, а другой, которая бы соответствовала условиям жизни вашей расы. Вы впоследствии можете даже поселиться на ней со своими женщинами и возродить на ней расу «хомо сапиенс».

— Мне не очень нравится мысль с обманом Веза.— Джон нахмурился.— Этот гохд всегда хорошо относился ко мне и к моим людям.

— Он также хорошо относился и ко мне,— Хелк усмехнулся.— И я тоже всегда хорошо относился к нему. Но сейчас наступает неизбежная ситуация. Я растолкую вам это подробнее и вы, думаю, согласитесь со мной.

Заметив, что Джон беспрерывно глотает слюну, Омниарх наполнил бокал и подал ему.

— И еще одно. Вы можете находиться на Акиеле, пока не начнете приготовлений. Я хотел бы, чтобы вы делали это на какой-нибудь другой планете. Может быть Вез До Ган даст вам ее? На Акиеле не должно происходить ничего подозрительного.

— Хорошо,— буркнул Джон.— Но вы будете поддерживать с нами связь?

— Из осторожности я тоже покину планету и отправлюсь в специально подготовленное убежище. Оттуда я через посредников непременно буду контактировать с вами.

Глава 3

— Бунстил?
— Здесь!
— Камерон?
— Здесь!
— Хомиано?
— Здесь!..

В течение долгой минуты Джон вглядывался в лист, видя расплывавшиеся буквы. Сколько имен, подумал он, имен, которых уже не было в этом списке. Вероятно еще не все мужчины добрались до места сбора. Они будут здесь. Но их имена так и не заполнят этот лист до конца.

Джон закончил перекличку. И обернулся, чтобы посмотреть на маячивший во мраке корпус боевого шестидесятитонника. Как и большинство кораблей этого класса, он имел вид низкого, широкого цилиндра. Его середина, не считая разных выступов, образованных броней, антеннами, датчиками — сенсоров — поднималась почти на высоту двести футов. Это был не самый большой корабль, которые доводилось видеть Джону в жизни. Он был не намного больше звездолетов, построенных на Земле, в те короткие промежутки времени, которые Земля могла отвоевать себе в боях.

Но на корабле, построенном в Империи Вильмут, было все. Снаружи не было заметно никаких повреждений — Хелки хорошо поработали, восстанавливая его.

Джон повернулся к товарищам.

— Это наш флагман, по крайней мере, на какое-то время. Мы можем назвать его «Луна». Если помните, так назывался спутник нашей Земли. И это была первая планета, на которую ступили наши предки.

Собравшиеся молчали.

— Как вы уже знаете, наша цель найти женщин,— продолжал Браузен.— И вы наверное слышали, что первым нашим шагом для достижения этой цели будет работа для Гохда. Но на этот раз мы не будем с ними

сотрудничать. Это будет другая работа. Мы будем работать самостоятельно.

Люди стояли молча, ожидая дальнейших слов. На их лицах отражались различные чувства: надежда, скептицизм, апатия, отчаянная решимость. Но не было ни преувеличенного энтузиазма, ни хмурых мин. И все же Джон ощущал, что в каждом из них, как и в нем самом, бьется горячее сердце, наполненное ожиданием и верой. Сердце уже уставшее болеть от многолетнего отчаяния.

В голове командора теснилось множество слов, которые он хотел еще сказать, но произнес только одно:

— Ну что ж, друзья. Это пока все. Остальное прочтете в инструкциях.

Хелки под руководством Полного Самца, который замещал Омниарха, досконально переоборудовали и приспособили к человеческим условиям жизни старый звездолет Вильмуга. Новейший вид привода — гравиторы были отрегулированы так тщательно, что можно было поднять корабль на дюйм от бетонного пола огромного ангара, где он, наряду с другими приданными им кораблями, был укрыт, и затем опустить его обратно без малейшего толчка и без какого-либо следа энерции. Такая тонкость регулировки имела большое значение во время боя, в каждое мгновение которого могла возникнуть необходимость мгновенного торможения, или молниеносного изменения направления полета. Поля нейтрализации должны были с одинаковой силой действовать одновременно с приводом как на каждый элемент корабля, так и на пассажиров. В противном случае корабль и его члены были бы разорваны чрезмерно большими силами инерции.

— Удивительно,— в который раз констатировал Джон,— как много рас (по крайней мере гуманоидных) открыли гравитационную тягу, и потом и нуль-пространство гиперсферы, почти на одном уровне технологического развития. Как будто это было запрограммировано в развитии каждой цивилизации.

Глава 4

Гохданцы были гуманоидной расой. Джону всегда казалось, что они были тем, чем могли бы стать и люди, будь у них достаточно времени, чтобы лучше узнать

Вселенную, занять большее число секторов космоса и приобрести уважение и хорошие манеры. Последнее не в смысле поведения и умения держать вилку, а в смысле определенной, довольно циничной акцентации империалистических захватов, войн, интриг и злодейств.

Вез До Ган был типичным представителем своей расы. Он был около шести футов ростом, широк в плечах и имел весьма массивное тело. В кажущейся мягкости скрывалась настоящая сила. Пальцы (по пять на каждой руке, как и у «хомо сапиенс») были довольно непривычны для человеческого глаза. Они были сплющены, имели лопатообразный вид и грубые широкие ногти. Джон понятия не имел, почему именно пальцы имели такой вид.

Большая часть лица и тела гохданцев была покрыта волосами. Это были удивительные волосы: короткие, нежные волосики, торчавшие во все стороны и напоминающие пух. У разных владельцев они были разного цвета. У Вез До Гана этот пух был серым с голубым отливом.

Лица гохданцев, как и лица всех гуманоидов космоса, сначала шокировали людей, но постепенно человек привыкал. В профиль носы гохданцев были треугольной формы, торчащие как выдвинутое вперед знамя или руль. Ноздри — отверстия расположены очень близко друг к другу — могли мгновенно закрываться в случае надобности. Щеки были шире, уши более удлиненные, чем у людей, а глаза меньше и глубже посажены.

Вез До Ган имел довольно оригинальную манеру смеяться. Характерным был также способ, каким он морщил брови. Бросив острый взгляд на лицо Джона, он развел в сторону руки:

— Не принимая ничего во внимание, коммодор,— воскликнул он на главном диалекте Гохд,— я рад, что снова вижу тебя и что ты снова в форме. Несколько лет я искал тебя и с горечью узнал, что ты живешь на Дронгалии. Тогда на десять дней в знак траура я поднял на своем флагмане связку черной травы.

Джон пожал плечами:

— Да, я был наркоманом и уже не надеялся, что когда-нибудь попаду в космос. Но теперь с этим покончено.

Говоря это, он страстно желал, чтобы эти слова оправдались.

Вез До Ган сжал и раскрыл ладонь — этот жест означал подтверждение или одобрение. Одновременно он

направил взгляд своих маленьких темных глазок на экран детектора массы.

— Похоже, что еще два ваших корабля вышли из гиперпространства.

— Да,— кивнул Браузен.— Я приказал им прибыть сюда. Они немного опоздали, так как должны были подобрать по дороге нескольких наших людей. Я предупредил, чтобы они выходили на безопасном расстоянии от вашего рейдера, так как в противном случае вы могли бы легко принять их за шпионов или агрессоров. Они ведь очень сильно смахивают на обычные вооруженные разведывательные корабли Вильмута. Разве что Омниарх установил на них несколько новых пускателей...

— Хорошо! По правде говоря, я хотел бы видеть на них побольше лучеметов и несколько другой вид брони. Вам ведь придется работать под боком у имперцев. А они довольно хорошо знают уязвимые места своих кораблей. Но, в конце концов, это не так уж и важно сейчас. Кстати, тебе известны подробности дела?

Джон сделал жест отрицания, закрыв правую ладонь левой?

— Хелки сказал мне очень мало. На тот случай, если мы попадем в лапы к Вильмуту.

— Если бы я был на его месте,— Вез хитро усмехнулся,— имел бы дело не с тобой, с моим старым товарищем по оружию, а с кем-нибудь неизвестным, и притом в первый раз, то, пожалуй, я прибег бы к еще более действенным мерам предосторожности. Например, пристроил бы в ваших кораблях некие взрывчатые устройства, на случай вашего пленения. Но Хелки чокнутые на порядочности, что в значительной мере является причиной их порабощения Вильмутом. Но сейчас...— Вез До Ган обернулся к экрану, на котором развертывалась звездная картина этого сектора Галактики.— Перейдем к делу. На расстоянии от нас около семисот световых лет вдоль спирального рукава Галактики расположена империя Бизх. Это означает, что она находится почти в тысяче световых лет от Вильмута...

Гохданец снова бросил взгляд на детектор массы.— Такой вояка, как Вез,— отметил Браузен,— всегда хочет видеть и знать, что делается вблизи его корабля.

— Если ты не знаешь,— продолжал Вез До Ган,— бизхи являются существами негуманоидного типа с десятью лучеобразными конечностями. Их восприятие материи для нас несущественно, хотя некоторые обычаи...

Достаточно знать, что эти... обряды на ваш взгляд довольно... отвратительны. В ближайшем будущем бизхи не смогут составить угрозы для Гохда, однако, с недавнего времени они непрерывно участвуют в набегах на суверенные территории двух наших союзников. Это гуманоиды, но, думаю, бизхи не берут это в расчет. Каждый раз, когда осуществляется акция, мы предоставляем союзникам помощь. Поскольку они являются в определенном смысле преградой между нами и Бизх.

Джон внимательным взглядом исследовал чужое лицо гохданца.

— Это похоже на сведение счетов,— покачал он головой.— Но почему тогда работа, которую мы должны сделать для вас, связана с Вильмутом. Причем здесь Бизх?

До Ган по-своему улыбнулся.— Не торопись, землянин. Со временем ты узнаешь все. Думаю, что Омниарх здорово мазал своим волосатым пальцем, когда не хотел раскрывать перед вами свои секреты. Для достижения своей цели он уже не первый раз прибегает к интригам между государствами. Это была его идея впутать сюда Вильмут...— улыбка гохданца приобрела черты легкой насмешки.— Поэтому мы займем бизхов чем-нибудь, по крайней мере, на какое-то время.

Джон посмотрел на свои руки. У него возникло такое ощущение, будто они скованы наручниками, а ключи от них положили в карман Омниарху. Но сейчас он не имел никакого желания высказывать Везу ничего относительно договора с хитрым Хелки. Он произнес:

— Хорошо. Я проработал все данные, которые ты мне предоставил. А теперь... Осталось договориться об условиях оплаты. Я оставляю себе все корабли и оружие, которые будут захвачены в боях.

— Конечно, дружище.

— И еще. День за днем, час за часом мы приближаемся к неотвратимому концу. До сего времени мы были разбросаны по всей вселенной и, как ты сам знаешь, многие из нас опустили руки. Мне это знакомо. Наша раса скоро исчезнет. Я думаю, что пока мы все же еще существуем, то должны держаться вместе, помогая друг другу и сохраняя чувство собственного достоинства и национальной гордости. И тогда, может быть, мы сумеем оставить после себя нечто большее, чем одинокие безымянные могилы. Может быть мы создадим какое-то настоящее дело, воздвигнем себе памятник или

напишем книгу, сложим песню... Мы хотели бы получить какую-нибудь одинокую планету, на которой могли бы коротать старость. Но она непременно должна находиться в секторе, удобном для нас.

Вез смотрел на Джона немного дольше, чем требовалось, потом усмехнулся:

— Хорошо, хотя, признаюсь, мне странно слышать такую просьбу из уст самого смелого и твердого солдата вселенной. Итак, я обещаю, что выберу для вас необитаемую планетку, соответствующую условиям жизни вашей расы где-нибудь в моем секторе. Это все?

— Да, это все...

— Хорошо. Мы еще увидимся перед вылетом. Доставим вам снаряды и источники энергии. Кроме того, вы должны получить еще четыре вильмутанских вооруженных разведывательных корабля. Они были немного повреждены в боях, но специалисты отремонтировали и испытали их. Теперь все. До встречи.

— До встречи, Вез.

Глава 5

Джон внимательно следил за недовольным лицом Барта.

— Их оказалось гораздо меньше, чем мы предполагали,— произнес Ланге.— Из двухсот семидесяти трех человек, которые должны были прибыть, в наличии пока что всего двести пятнадцать. Если посмотреть на список с подтвержденными ответами, то мы можем рассчитывать еще на сорок человек.

— И это все? — удивленно поднял брови Джон.— Кстати, я не хотел об этом говорить вслух, так как не уверен, как бы это повлияло на корабельное состояние наших людей... Дело в том, что незадолго до нашей с тобой встречи я наткнулся на одной планете на группу людей.

— Они что, живут там, Барт? — Джон выпрямился и посмотрел на своего заместителя.

— Да, они живут на планете Десса.

— Что же ты молчал?

— Они живут там во главе с Гумбертом Доалем.

Джон положил руки на стол и с силой сжал их, чтобы они не дрожали.

— Думаю, что надо оставить их в покое,— медлен-

но произнес он.— Гумберт весьма честно высказался обо всем, когда последний раз мы слышали эти сплетни о женщинах. Считаю, что он не поможет нам своим злобным карканьем.

— Согласен, Джон. Но ведь не все так, на Дессе, его поддерживают. Фред Колтер, Ральф Сайерс и некоторые другие были с нами, когда мы в последний раз работали на Гохде.

— Так... А ты пробовал сообщить им?

— Нет еще. Десса лежит довольно далеко отсюда и я подумал, что тебя нужно было предварительно поставить в известность.

Браузен задумчиво покачал головой.

— Это действительно довольно далеко от Вильмута, но имперцы все же время от времени летают в ту сторону. Ты думаешь, что нам тоже надо лететь?

— Думаю, что Колтеру, Сайерсу и другим, которые не очень любят Гумберта, нужно дать шанс. Но сначала надо немного подождать, подготовить наших людей и вылететь на Дессу всей группой. Мне кажется, что это произвело бы на дессян нужное впечатление.— Он на мгновение замолчал, но тут же добавил: — Джон, как ты думаешь, Гумберт был педерастом?

Браузен бросил быстрый взгляд на Барта.

— Нет! — решительно произнес он.— Наверняка нет! По крайней мере, не был им тогда, когда мы учились в Академии.

— А я думаю, что был,— покачал головой Барт.— В конце концов, он поэт...

Джон проглотил слюну. Он страстно мечтал о глотке крепкого виски.

— Нет, этого не было,— ответил он.— К тому же, в его стихах нет даже намека на это. Те, которые знали его, никогда не находили в его писанине что-то непохожее на мужчину.

Джон замолчал. Недоразумение с Гумбертом очень сильно засело в его памяти и он никак не мог отбросить эти воспоминания. К тому же, в этом он отдавал себе отчет, большая часть его «я» склонна была согласиться с той позицией, которую занимал Гумберт Доаль.

— Значит, Барт, если нам не удастся это дело, я имею в виду с женщинами, и «гомо сапиенс» прекратит свое существование, то хоть имя Гумберта и его «Эпитафии» будет жить среди гуманоидных рас.

— Может быть! — в голосе Барта Джон уловил нот-

ки раздражения.— Как твой заместитель я предсказываю наихудшую реакцию Доаля на то, что мы будем вербовать его людей.

Джон убрал руки со стола и спрятал их за спину.

— Я решительно против того, чтобы мы брали эту группу. Но если ты все же настаиваешь, то лучше всего будет лететь несколькими малыми кораблями. Остальные оставить в Регионе Непрерывности и соединиться с ними потом. Я думаю, Барт, что мы можем получить ненужную огласку, если двинем туда всем отрядом. Не забывай, что как бы отдалена не была Десса, довольно много торговцев садится на эту планетку за хлопком.

— Ты прав,— кивнул Барт и встал.— Если я тебе не нужен, то я пойду посплю пару часов.

— Да, иди дружище.

После ухода Ланге Джон сел в кресло и погрузился в размышления. Он никогда не держал зла на Гумберта. Доаль был с ним, когда они решились побывать на Земле после Уничтожения. А это зрелище, видит бог, могло изменить мышление любого человека.

Маломощный, невооруженный корабль выскочил из гиперпространства на расстоянии, позволяющим связаться по радио с планетой. Джон подождал немного, пока еще один корабль, управляемый Дупсом Домиано, появился в нескольких милях от него, и только после этого поднял сигнал: «Здесь невооруженный корабль четвертого эксплуатационного класса, типа «Консул Блуфф». Капитан корабля Джон Браузен. Прошу на связь Гумберта Доаля».

С минуту он слушал шум космической пустоты, какие-то обрывки слов, мешанину фраз. Затем из динамика донеслось:

— Джон? Коммодор Браузен? Здесь Фред Колтер. Как поживаешь, старый лис?

— Фред?! Алло! Все в порядке. А как у тебя?

— То же все о'кей! Кто там с тобой?

— Дон Бупотил. А также Минеоле. На твоих экранах должен быть виден также Луис Домиано и Джим Камерон. Мы заскочили к вам по дороге. Где там Доаль? Если его нет, то кто сможет дать нам разрешение на посадку?

— После нескольких минут молчания из динамика донесся ответ:

— Гумберта здесь нет, коммодор, но вы можете садиться.

— Спасибо, Фред. Ваш поселок значительно вырос с моего последнего посещения вашей планеты. Я вижу несколько новых домов возле леса. А там дальше, на полях ваш хлопок, не так ли? За полями вижу какие-то строения между деревьев и небольшую поляну. Можно садиться?

— Да,— захохотал Колтер.— Это именно то, что надо. Наш космопорт новый! А те строения, которые вы видите, просто склады, в которых мы храним свой урожай. Поэтому, приземляясь, постарайтесь не попасть на их крыши.

— Хорошо. Мы пойдем на антигравах.

Восемь человек собрались вокруг прибывших. Колтер, раскрасневшийся от радости, представлял их:

— Это Вальтер Бейн, коммодор. Вы помните его? А это Карл Минти и Джей Пинда...

Джон пожимал руки прибывшим и бормотал слова приветствия. Но однако особой радости не чувствовалось и все присутствующие ощущали легкую озабоченность. Особенно при очередном упоминании имени Гумберта. Колтер наконец не выдержал и прямо сказал:

— К черту! Нельзя это откладывать. Гумб сейчас без сознания. Он принял слишком большую дозу наркотика.

На мгновение стало тихо. Джон собрал всю свою волю, чтобы выражение лица не выдало его.

— Как он?

— Не знаю. По крайней мере, физически в полном порядке. Но последнее время он был чем-то угнетен. Думаю, что это даже не наркотики, а...

— Все наркотики так или иначе вредны,— Джон с трудом удержался, чтобы не спрятать руки в карманы.— Проклятье,— думал он со злостью,— ведь все пятна давно уже исчезли!

— Что он употреблял? — громко спросил он.

— Дрон.

Глава 6

В раздраженном состоянии Гумберт Доаль умел ранить фразами и словами гораздо сильнее самого острого кинжала. Однако он мог быть и самым милым и симпатичным товарищем. Вот и сейчас он был как раз в своем втором, приятном воплощении.

— Я действительно не понимаю этого, Джон. Ведь нужно гордиться тем, что употребляешь дрон.

Джон почувствовал на лице слабый румянец, хотя сумел вовремя погасить гнев, непроизвольную реакцию на эти слова. В конце концов его сейчас больше беспокоило желание время от времени бросать взгляд на пару изящных зверушек, лежавших прижавшись друг к другу в дальнем углу комнаты.

Доаль выглядел неважно. Он чудовищно располнел и ничто не напоминало о его прошлой стройности. Его бедра, когда он в простой пижаме упал на покрытую пуховиками кровать, были раза в два толще ноги взрослого Омниарха Хелки. Брюхо напоминало небольшой аэростат. Кожа была чистой, глаза — также невинно-голубые, как и восемь лет назад. Белки глаз не были налиты кровью, зрение нормальное, а веки не опухли. Результат действия дрона, по крайней мере в начальном периоде, человеческий организм мог легко нейтрализовать.

Слабое движение в углу комнаты снова приковало внимание Джона. Одно из лежавших там существ осмелилось встать и издало мягкий, тихий звук, похожий на мяуканье. Бронзовые, горящие глаза посмотрели на Джона, полные жуткого страха.

Гумберт усмехнулся и спокойно сказал:

— Иди сюда, моя дорогая. Он,— Доаль кивнул на Джона,— не сделает тебе ничего плохого.

Существо колебалось пару мгновений, после чего быстро пробежало по комнате, мощным прыжком взобралось на кровать и, пряча морду на груди Гумберта, что-то заурчало. Минутой позже второе существо, как будто уязвленное внезапным одиночеством присоединилось к первому.

Джон только сейчас понял, что когда-то видел этих зверушек. Это были полуразумные существа, жившие в лесах Дессы. Он обратил внимание, что они оба женского пола. И в самом деле красивые, с прекрасным, необычайно мягким и пушистым мехом. Их светлокоричневая шерсть имела одну, более темную полосу вдоль позвоночника и на голове. Их кожа, просвечивающаяся на ладонях и ступнях, имела матово-розовый цвет, как у женщин.

Доаль захихикал:

— Ты всегда был слишком святым для солдата, Джон. Да, да, ты прав. Это мои маленькие любовницы

и что в этом странного? Кажется мне, что более сильные извращения существовали между людьми, которыми тебе приходилось командовать. Скажи сам, коммодор Браузен, какое это извращение склонило людей к войнам, в которых участвовали лица только одного пола? Разве не было бы гораздо приятнее, чтобы среди вас было хотя бы несколько мисс в чине сержанта или лейтенанта?

Доаль замолчал, посматривая на Джона своими невинными голубыми глазами.

Через минуту он добавил:

— Тебе не кажется, что это был какой-то идиотский вид придури? А может быть это просто мужской комплекс неполноценности, из-за которого мы так жестоко наказаны природой?

— Ты проклятый идиотский сибабарит! — Джон уже не справился с охватывающим его гневом.— Ты же прекрасно знаешь, что на наших кораблях были женщины. А если уже говорить об этом, то если бы ты не был таким трусом и не искал оправданий, то увидел бы, что среди гуманоидов всегда существовал принцип, что война ведется только мужчинами. И это не придурь, а способ охраны женщины, сохранения их рода от вымирания. Например, гохданцы...

— Ах, да! Гохданцы! Я уже давно понял, что даже самые кровожадные из нас, а ведь ты не относишься к таким, полностью насладились всеми мерзостями войны и покинули армию Гохда.

Джон вобрал в легкие воздуха, чтобы сказать что-то резкое, но остановился. Не было смысла продолжать этот спор.

— Гохданцы,— сказал он спокойно,— не являются чудовищами. И ты об этом прекрасно знаешь, Гумберт. Воюя, они добиваются признания совета мира. От нас они ждут своего рода реабилитации.

— Реабилитации? — захихикал Доаль, нежно поглаживая двух своих любимиц, которые уже перестали обращать внимание на Джона. Ласки разнежили их и они заурчали от удовольствия, время от времени пытаясь лизнуть Доаля в щеку.

— Смотри, Джон. В них нет ничего звериного. Их можно научить понимать человеческую речь и даже говорить. Я считаю, что их разум ближе мне, чем разум обезьяны. И они такие нежные... В противоположность нам. У них нет злости или зависти. Смотри, у них зубы

не хищников, а они такие чистые... Такие сладкие, приятно пахнущие и прекрасные...

Начальное возбуждение Джона сменилось отвращением. Однако он держал себя в руках и только буркнул:

— Спасибо за пример. Но...— он колебался, не зная говорить ли с Доалем о делах.— Видишь ли, я прилетел сюда по делам.

— Догадываюсь,— улыбка Доаля стала слишком сердечной.— Или ты считал, что перетряхивая целый сектор Галактики в поисках выживших людей, сплетни не дойдут до меня? Если хочешь честно, меня удивляет, что ты, Джон, поддавшись на старые сказки, начал собирать людей.

— На этот раз все точно, Гумберт,— Джон покачал головой и тихо произнес: — Я видел доказательства. Они настолько очевидны, что в них нельзя не поверить.

Доаль с комичной миной на лице вздохнул.

— Не слишком ли быстро ты стареешь, Джон?

— Не беспокойся о моей старости, подумай лучше о своей. И вообще, подумай над всем этим делом. Если бы ты поверил, что есть какой-то самый минимальный шанс, то разве ты не присоединился бы к нам? Не убедил бы своих товарищей, чтобы они последовали за тобой?

Одно из существ издало тихий, жалостный звук. Джон заметил, что пухлая ладонь задумавшегося Доаля сильно сжала мягкое тельце зверька. Он наклонился к Гумберту и еще раз с нажимом спросил:

— Ну, как? Ты сделал бы это?

Толстяк засмеялся:

— Интересный вопрос, коммодор. Конечно, да. Но я должен быть полностью уверен. Я уже больше не поддамся на пустые разговоры и не стану гоняться по всей Галактике за призрачными тенями исчезнувших дам. Да, именно,— повторил он.— Мне нужны настоящие, неопровержимые доводы.

Дон Камерон на коптере полетел на горное озеро, находящееся в ста милях от дома Доаля. Там могли находиться некоторые люди из группы Гумберта. Вместе с Доном полетел и Фред Колтер, чей голос сейчас доносился из микрофона:

— Командор! Никогда бы не поверил, если бы не видел это собственными глазами. Да, ведь это почти наша Земля. О, боже! Все почти...

Джон не обратил внимания на эти слова. Все его вни-

мание было поглощено наблюдением за Гумбертом Доалем и стоящими рядом с ними четырьмя людьми. Доаль рассказывал о чем-то, широко улыбаясь. Внешне он был абсолютно спокоен, однако по тому, как мужчины слушали разговор своего предводителя, Джон понял, что Доаль принял малую дозу дрона, чтобы успокоить нервы. К тому же, эта улыбка. Она чересчур легко появлялась и исчезала с его лица. Мужчины, стоящие рядом с Гумбертом (каждый из них, и это было сделано не без влияния Доаля, высмеял возможность существования живых женщин), были спокойны, но Джон заметил, как тщательно они скрывали охватившее их напряжение. Двое или трое из них украдкой поправляли свои обшарпанные блузы из десайского льна. Браузен изредка поглядывал в сторону. Там, в тридцати метрах от него, находился корабль. Доаль и его товарищи стояли немного сбоку, но зато как раз напротив открытого люка космолета.

Луис Домиано стоял вместе с группой мужчин в метрах шестидесяти дальше. Он не был вооружен, но и стоящие рядом с ним казалось не имели никакого оружия.

Во внутреннем кармане у Джона лежал игольный пистолет.

Застегнутый на молнию мундир был тщательно подогнан по его фигуре, но материал, из которого он был сшит, мог сильно растягиваться, так что он мог быстро достать оружие.

— Это наверное глупо,— подумал он,— подозревать, что Доаль попытается захватить корабль. Но что же он тогда задумал? И почему они стоят в таком порядке?

Говоря что-то Сеарсу, Джон внезапно замолчал. Новая, неясная пока что мысль промелькнула у него в голове. Это было что-то вроде ощущения, которое всегда делало его отличным тактиком. Со слов Луиса Домиано, Камерона, Бунстила и его собственных, Доаль легко мог представить себе план всего задуманного ими дела. Он мог догадаться, что Гохд намеревается бросить их на Вильмут. Вильмут, в свою очередь, мог легко догадаться о пребывании людей на Дессе. С точки зрения Доаля вследствие этого мог быть ответ Вильмута — быстрый, мстительный налет на Дессу!

Через мгновение Джон уже знал, что ему предпринять. Он тихо сказал Сеарсу:

— Сохраняй спокойствие и ничему не удивляйся.

Сейчас медленно иди в сторону Домиано, но когда я крикну, беги.

Удивленный взгляд Сеарса разозлил Браузена.

— Ты что, ничего не понял? — зашипел он.— Немедленно выполняй! Пули могут начать полет каждую секунду!

Сеарс заморгал, потом с ничего не выражавшим лицом повернулся и, не глядя на Доаля, медленно пошел вперед. Едва он отошел на несколько метров (Браузен хотел отослать его как можно дальше, чтобы он не попал под огонь!), как Джон сам повернулся и уже хотел сделать шаг, но в этот момент Доаль резко крикнул:

— Стой спокойно, Браузен!

Джон посмотрел на него, изображая недоумение. Одновременно он повернулся так, чтобы от Гумберта не укрылось действие руки, взявшейся за пистолет. При этом он, заметив оружие в руке Доаля, сделал удивленное лицо. Остальная четверка также потянулась за оружием. Джон внутренне усмехнулся — они стояли в двадцати метрах от него! Доаль был немного одурманен дроном, а его спутники еще и нервничали — лучших условий для драки он не мог себе и представить. Незаметно руки его нырнули под мундир и ладонь встретила рукоятку пистолета.

Двое из четверки выстрелили, но промахнулись. Доаль что-то закричал, махая руками.

Джон не стрелял, чтобы убить. Он хотел только испугать противника. Но к несчастью, Доаль в момент выстрела двинулся с места, приготовившись к стрельбе. В первый момент Джон не смотрел, куда он попал. Его отвлекло поведение четырех мужчин, у каждого из которых было ранение в руку. Они уже валялись на земле, отбросив в сторону оружие. Джон перевел взгляд на Доаля в тот момент, когда тот уже падал. Игла из пистолета Джона прошила предплечье и, пробив грудную клетку, вонзилась в сердце Гумберта. На толстом лице Доаля сохранилось недоверчивое удивление. Потом его глаза закрылись, руки безвольно упали и тело глухо ударилось о землю.

Джон почувствовал слабость. Он и раньше убивал. Но не так, не с такого близкого расстояния, и не людей. Еще никогда ему не приходилось убивать хорошо знакомого ему человека.

Он медленно пошел к лежащим. Домиано, Сеарс и остальные подбегали с другой стороны.

— Обезопасьте корабль! — приказал он безжизненным голосом.— И немедленно возьмите оружие.

«Консул Блуфф» после прыжка повис на радарном расстоянии от «Луны» и остальных кораблей.

Фред Колтер сидел вместе с Джоном в командирской рубке.

— Никогда бы не подумал,— сказал он,— что Доаль нападет на нас.

Джон пожал плечами.

— Думаю, он понял, что лично ему грозит опасность.

— Может быть,— кивнул Колтер.— Мы не хотели верить, но с его головой в последнее время творилось что-то непонятное. После того как он последний раз принял большую порцию дрона, ему стало казаться, что он находится на Земле. И все из-за того, что он ни на мгновение не мог забыть, что происходит в действительности. Тогда он написал стихотворение, которое произвело на меня странное впечатление, может быть потому, что нам было очень тяжело оценить степень оторванности Доаля от реальности. Он назвал свое стихотворение тоже довольно странно «Непрошеное стихотворение в тридцать семь лет». Непрошеное? Это было его последнее стихотворение. Похоже, что когда он его писал, то даже не знал, где находится.

— Надеюсь, оно сохранилось?

— Да. В моем багаже лежит все, что было написано Доалем. А что касается последнего...

— Что?

— Я не смог бы его забыть, даже если бы и был потерян оригинал текста,— Колтер посмотрел куда-то вбок и начал декламировать:

Любовь моя имеет черные волосы и глаза. Нет!
Пускай также это будет и блондинка.
А может быть и рыжая.
Но наверняка моя любовь очень красивая.
Мы обязательно будем любить друг друга.
Но сначала надо засеять овес и
выиграть войну.
Временами мне кажется, что все это
продлится так долго...
Но пока что я не спешу.
Я еще сильный, хотя и не молодой.
Раскрашенные манекены роятся вокруг
все больше.
Их одеревенелые улыбки все сильнее.
Молодые года убывают все быстрее.
О, мой бог...

Джон долго молчал, потом сказал:

— Я думаю, что у каждого из нас был такой день, когда мы пытались отвергнуть правду и реальность того, что постигло нас.

У него самого было несколько таких воспоминаний, которые он пытался навсегда выбросить из головы. Одним из них было воспоминание удивления, написанного на лице умирающего Доаля. Другим — жалкое верещание зверьков, нечаянно стиснутых рукой.

Колтер беспокойно ворочался в кресле, потом нерешительно посмотрел на Джона.

— Командор, есть что-то, что я должен сделать?

— Что?

— Я не могу назвать это. Но знаю несколько случаев, когда это спасло некоторых людей от полной потери воли. Это также сильно...— Колтер развязал какую-то тряпочку и...— как привычка к морфию или опиуму. Я не хочу это держать у себя.

Джон ощутил внезапную сухость во рту — на ладони Колтера лежал кусочек стебля дронгалийского растения. Он не должен был смотреть туда, где лежали еще восемь зернышек, величиной с половинку зерна гороха. Восемь порций покоя и забытья, восемь райских приятных снов...

Он протянул руку, надеясь, что Колтер не заметит легкого дрожания его пальцев.

— Я...— он старался как можно тише проглотить слюну,— я спрячу это тотчас же.

И он спрятал сверток в сейф для ручного оружия рядом с пультом управления кораблем и бросил в карман ключ. Теперь он мечтал о том, чтобы Колтер немедленно куда-то вышел. Где-то на корабле обязательно должно быть немного этанола. Можно смешать его с небольшим количеством воды — подумал он, хотя это и не уничтожит полностью желания, но хоть уменьшит его.

Глава 7

Джон наклонился над пультом управления в рубке «Луны» и сказал в микрофон:

— 30 секунд до выхода!

Его глаза внимательно следили за скачками стрелки корабельного хронометра. 20 секунд...

Ладони покрылись потом, при выходе всегда имелся определенный риск, да еще если группа кораблей плот-

ным строем пробивала большую дыру в гиперсфере. Небольшая ошибка при составлении программы для навигационного компьютера или неточная стабилизация корабля могли в результате привести к выходу корабля в неизвестную точку нормального пространства. Кроме того, нужно было избежать все опасности в еще до конца не опознанной гиперсфере. Два материальных тела могли присутствовать в одной точке пространства только в течение наносекунды, после чего происходила аннигиляция.

Это было уже четвертое совместное путешествие целого флота, три предыдущих были успешными, приняв во внимание, конечно, только ближайшую цель...

Его волновала неуверенность, он думал, сможет ли он по-настоящему в сложной ситуации, когда решение нужно принимать еще до того, как глаза успеют прочитать показания приборов и обозреть экраны, оказаться на высоте положения, как в старые времена? Ведь он понимал, что его мозг уже работает не так быстро...

Сначала им все удавалось благодаря точному расчету и удаче. Во время первой вылазки он не имел потерь. Во втором сражении он потерял четверых и еще четверо лежали в госпитале на Аликеле. В третьем полете он лишился одного из связных звездолетов с Доном Бунстилом во главе и шестью членами экипажа.

Им удалось захватить два корабля Бизх (класса среднего крейсера), и сейчас они находились на Акиеле, где ремонтировались и перестраивались для использования гуманоидами. Все работы должны были продлиться по меньшей мере тысячу часов.

4 секунды до выхода...

Короткое резкое рычание сирены!

Джон почувствовал мгновенную дезориентацию, потом звезды проклюнулись на экранах внешнего обзора. Сейчас же начался информационный обмен между всеми корабельными компьютерами флотилии. Все корабли нужно было перестроить в боевой порядок, так как всегда в расчетах были мелкие ошибки и корабли выходили из гиперсферы в пусть мелком, но все же, беспорядке. На этот раз все было нормально. Джон посмотрел на экраны, на детекторы массы, чтобы удостовериться в верности маневра.

Снова заревели сирены.

— Батареи готовы! — крикнул он, не сообразив сразу, что он видит перед собой неприятельский отряд. По-

смотрел на двух лейтенантов, которые программировали боеголовки ракет.

Сирена замолчала.

Джон краем уха уловил неясный разговор в общем канале связи: никто не торжествовал и не слал рапортов о неполадках. Одновременно он смотрел на неясное пятно на экране радара. Там было не меньше дюжины больших кораблей. Каким чудом им удалось так точно попасть между захватчиками и выбранной целью?

Это была его вина. Чересчур логичными были его прежние ошибки, рыскание в одну, потом в другую сторону во время последних рейдов. И потом еще эта попытка атаковать базу Бизх...

Они могут уйти в гиперпространство только через полторы две минуты. Убраться, не тратя ни единой ракеты, которые наверняка будут перехвачены Бизх. И хотя Джон очень много труда вложил в подготовку этой атаки, он заставил себя спокойно обдумать, холодно проанализировать все шансы и возможности. Тем временем флот неприятеля увеличивался в размерах по мере приближения к базе Бизх.

Если случится нападение, то у Джона окажется слишком мало сил для того, чтобы успешно отразить атаку.

Осознав это, Джон решительно нажал кнопку.

— Гиперсфера через 60 секунд,— крикнул он в микрофон.— Первое — прыжок на другую сторону, затем перегруппировка, а затем готовность к новому прыжку. Торпеды только после первого выхода! Во время второго нанести удар лазерными установками. Затем прыжок и встреча в пункте «Д№. Вариант «Дух».

Стрелка хронометра прыгала по циферблату мелкими шажками. Программа была уже введена. Оборудование малых кораблей остановилось, до момента второго прыжка. Потом, если все будет в порядке, у них появится дьявольски много работы. Браузен ухмыльнулся, стиснув сухие губы, пока стрелка пересекла последнюю отметку. Если судьба повернется против них... Некоторые из торпед могут прорвать оборону врага и попасть в корабли людей, находящихся на противоположном конце.

Гиперсфера! Выход! — время этого короткого промежутка нельзя измерить. Джон пробежал глазами по приборам и экранам — флот Бизх перестал казаться размазанным пятном и стал большим скоплением разноцвет-

ных огней. На этот раз уже в пределах досягаемости торпед и лазеров. Если бы они рискнули, Джон глубоко вздохнул, то при максимуме энергии, они могли бы использовать батареи против врага. Энергии было достаточно! Джон уже успел насчитать 15 ярких огоньков, обозначавших большие крейсера противника.

Он задержал дыхание, когда флот на обычном приводе приближался к планете-цели, и вместе с ним летел и неприятель. Через мгновение враг сделает именно то, что ожидал Джон — Бизх вошли в гиперсферу, чтобы опять оказаться между его флотом и своей базой.

Через секунду они появились снова, но уже вне зоны действия оружия землян. Джон нажал несколько клавиш, давая большее ускорение на гиперпривод, чтобы не позволить врагу оторваться. Конечно он не намеревался крутиться рядом с ними.

— Смотрите! — проговорил он в микрофон.— Благодаря их маневрам мы получили возможность подготовиться к прыжку в гиперсферу за 20 секунд перед ними. Если мы сейчас исчезнем, то появимся в другом месте и можем выйти прямо на цель. Но если мы появимся среди них, то они могут растеряться и подумать, нет ли у нас еще одного флота, готового ударить по базе с другой стороны. И пока они будут сомневаться, мы начнем стрелять. Они конечно ответят, но время уйдет. Это время даст нам возможность подготовиться к прыжку и их выстрелам мы скажем «гуд-бай».

Лейтенанты, сидевшие рядом, засомневались. Джон ждал, стараясь забыть о мучившем его желании. Сначала на одном из экранов появился короткий блеск, потом все пришло в норму. Это была торпеда Бизх, посланная в сторону «Луны», может быть, как проба сил обороны. Как только блеск исчез, исчезла и торпеда — сработало защитное поле. Снова Браузен взглянул на циферблат хронометра — минута! Мощная сила врага могла сейчас двинуться на них на гиперприводе, но оба флота пока имели одинаковую скорость...

30 секунд до прыжка...

Лица людей были напряжены. Джон искоса посмотрел на них. И подумал, понимают ли они в этот момент, что флот можно рассматривать как на выставке. Если до сих пор Бизх не догадывались с кем имеют дело, то сейчас уже должны были бы увидеть, что корабли нападающих принадлежат к типу, изготовленному вильмутцами. Корпус шире тех, что строились на верфях

других рас, все батареи и лазерные установки помещены на выпуклых бортах, характерных для Вильмута...

15 секунд до нуля!

Он чувствовал себя превосходно, если не считать этого омерзительного желания. Да, пока талант и счастье не покидали его! Он позволил своим ладоням повиснуть над пультом и выбрать клавишу с надписью «нуль».

Гиперсфера! Выход!

Секунды прошли и только потом неприятель среагировал. Сборище огоньков на экранах разлетелось, словно произошел внезапный взрыв. В опасной близости от «Луны» пролетел лазерный луч. Джон повернулся и улыбнулся лейтенантам:

— Мы не можем тратить энергию на всякие там мелкие стычки. Все готово для прыжка. Смотрите на часы — осталось еще три минуты.

Экраны замигали, когда торпеда достигла неприятельских кораблей. Но они были перехвачены защитными полями и уничтожены. Внезапно на экранах разлился ослепительный свет — одна из торпед все же пробила защиту.

— Попали!

Опять серия микроблоков на экранах, когда встречались торпеды людей с противоракетными Бизх. Опять экраны заполнил яркий блеск. Защита выключила изображение. Взрывы перемещались все ближе. Джон ощутил на плечах и спине холодный пот, когда понял, насколько опасен такой способ ведения боя. В этот момент корабль сильно тряхнуло. Браузен в ожидании похолодел, неужели попали в них? Нет! Это артиллеристы открыли огонь, отражая атаку неприятеля. Вокруг «Луны» становилось все горячее, а до прыжка оставалась еще минута. И то при условии, что потребление энергии для обороны не будет чересчур большим. Джон фиксировал данные, лихорадочно наблюдая за хронометром.

43 секунды, ... 41 ...— он тяжело дышал. Если произошла ошибка в оценке... Он быстро наклонился над микрофоном:

— Артиллеристы!

— Есть, сэр!

— Сколько осталось тяжелых снарядов?

— Девятнадцать, сэр. Но для них нет хороших целей.

— Выбросьте их в направлении той точки, откуда нас интенсивно обстреливают и замрите!

Через несколько секунд все снаряды ушли в космос. И с этого момента им осталось только сидеть и сдерживать свой страх, в течение того времени, пока стрелка хронометра отсчитывала неизмеримо длинные отрезки времени. Джон не смотрел на экраны, где корабли противника сосредотачивались для нанесения удара по «Луне». Остальные корабли, поменьше, не были хорошей целью для снарядов противника.

6 секунд...

Активизированы все системы перехода. Вся защита корабля отчаянно противостояла мощи наседавшего противника.

Нуль!

Залитый потом Джон не мог встать с кресла. В этом аду ядерного огня и энергетических лучей не было возможности связаться с остальными кораблями. До самого выхода на встречу «Д» никто на «Луне» не знал, удастся ли малым кораблям добраться из этой заварухи.

Джон внезапно, страстно захотел глотнуть хоть полдозы дрона.

Глава 8

Лиза Дувал, Шестая Старшая (а может быть, подумала она с горечью, уже и Пятая Старшая), дошла до последних поющих кустов и направилась в сторону лагеря. Босыми подошвами она чувствовала мягкую и влажную шелковистость травы. В одной руке она держала двадцатидвухметровый лук и две стрелы. В другой подстреленное животное — двухфунтовое создание, похожее на очень толстую ящерицу с красивым, пушистым бронзового цвета мехом.

Одна из молодых девушек увидела ее и крикнула тонким, писклявым голоском подростка:

— Лиза вернулась! Лиза вернулась!

Повариха, женщина почти на год моложе Лизы, лениво вышла из кухонного шалаша, чтобы посмотреть, какого зверя принесла охотница. На ее лице сначала появилось разочарование, но потом она улыбнулась и пожала плечами.

Лиза, тяжело дыша, остановилась и отдала животное поварихе.— Где Старшая? — спросила она.

Повариха, заметив, что происходит что-то непонятное, мгновенно заморгала глазами от удивления, потом сдавленно произнесла:

— Думаю, что она там, внизу, помогает собирать кукурузу. А зачем она тебе? Что случилось?

— Похоже, что Руби Вайс погибла,— Лиза обогнула таращившуюся на нее женщину и рванулась вниз, к ручью.

Джейн Феррис, Старшая на полтора года Лизы, услышала крик и вышла навстречу бегущей, неся тяжелую сумку, полную желтых зерен величиной с желудь.

— Что случилось, дорогая?

Лиза с трудом восстановила дыхание.

— Я встретила одну из племени пузатых. Там, в верховьях ручья. Она сказала, что какая-то женщина с опущенной головой ушла от них прошлой ночью. У нее не было ни сумки, ни лука, ни палки...

Лицо Джейн исказилось.

— Я боялась этого, когда Руби не явилась на завтрак.

Лиза недоуменно вскинула брови.

— Но ведь она не такая уж и старая! Вчера я видела ее три или четыре раза и она не казалась угнетенной. И еще никогда... Никогда не говорили...

Джейн дружелюбно взяла Лизу под локоть, но ее решительный голос отнюдь не был нежен:

— Она могла где-то задержаться, а уже потом приняла решение добираться до дыры.

Лиза ускорила шаги, подлаживаясь под ритм движения Старшей.

— Ты действительно думаешь, что она...

— Да, дорогая. Думаю. Она старилась быстрее, чем большинство из нас. Я ясно видела признаки, но старалась никому об этом не говорить, да и ей не напоминать. Вот нам с тобой...

— Но...— Лиза прервала Старшую, удивленная своей злостью,— мне еще далеко до этого. Еще лет семнадцать или восемнадцать!

— Конечно, дорогая,— Джейн улыбнулась.— Но когда это все же произойдет, то ты должна встретить это с ясной головой. Так как это в общем ведь не значит, что женщина стареет. Это только физиологические изменения организма, когда меняется химия твоего тела, что ли... Если ты напряжешь волю, то сразу же почувствуешь себя так же, как и раньше.

Они почти бежали между звенящими кустами малинового цвета, листья которых, касаясь друг друга, издавали такую приятную песню.

Джейн и Лиза добрались до места, откуда был виден весь лагерь. Женщины и девушки толкли здесь под навесом зерно. Все лица были сосредоточены. Очевидно новость уже облетела весь лагерь.

— Ну, все! — резко крикнула Старшая.— Прекратите! Я запрещаю вам вести себя как сброду истеричных пузатых! Вы должны попытаться вернуть Руби, Фреда, Мэри, Элиза! Возьмите копья и луки. А также запас кукурузы и сушеного мяса на несколько дней. Ненси! — она обратилась к поварихе, которая запыхавшись поднялась на холм.— Ты займешь место Фреды. При малейшей опасности будешь опекать маленьких девушек. Держитесь все вместе и без истерики, слышите?

Несколько женщин кивнули головой. Одна из молодых, восьмилетняя девочка заплакала. Джейн подошла к ней и обняла за худенькие плечики.

— Ну, дорогая, не плачь! Все будет хорошо. Ты будешь послушной, правда ведь?

Ребенок, стараясь сдержать слезы, не открывая глаз, кивнул головой.

Пузатые были ночными существами, но некоторые из них всегда бегали по принадлежащей племени территории даже днем. Лиза, когда ее поймали вместе с тысячью других женщин и похитили с Земли, была подростком. Она хорошо запомнила, что пузатые всегда казались ей чем-то вроде больших и развитых бобров, хотя, конечно, это была не Земля.

Взрослые пузатые мужского пола весили около 60 фунтов, здесь, где тяготение было почти равно земному. Каждый пузатый имел серый мех и зубы, как у земных грызунов. Разум пузатых почти равнялся человеческому, хотя, конечно, это были разные типы разума.

Племя жило в норах, вырытых в холме на левом берегу Реки. Вход в каждую нору был прикрыт циновкой из сплетенных лиан, которые защищали от дождя.

Сейчас некоторые из циновок были подняты и люди заметили морды пузатых, которые молча наблюдали за бегущими вдоль тропинки женщинами. Через мгновение на краю заросли звенящих кустов они встретили старую пузатую, которая умела немного говорить по-английски. Она робко приблизилась, когда все немного остановились.

— Прошу, женщины. Я могу дать вам правду!

Джейн шепнула, что можно минуту отдохнуть, и Лиза с удовольствием повалилась на прохладную траву. Рука

Джейн и лапка пузатой встретились в церемониальном приветствии.

— Спасибо тебе, соседка,— сказала Джейн.

Пузатая самка свернулась, превращаясь в меховой шар и одновременно приговаривая:

— Мне жаль, высокие соседи, что одна из вас отошла. Мой муж видел ее мало перед тем. Он послал двух молодых самцов для помощи, если Большой Зверь покажет свои клыки. Но она сказала, чтобы они шли домой.

— Долго ли они шли за ней?

— Полдороги до Великой Стены.

— Вдоль берега Реки?

— Через малую дорогу. Она перешла Реку и выбрала путь к Великой Стене. Мой муж думает, что она шла к Дыре, как ходят другие больные женщины.

Джейн вздохнула и встала:

— Спасибо, добрая соседка. Появлялся ли Большой Зверь возле Реки?

— Один из нас видел его двенадцать дней назад. Но вы же знаете, что мы не ходим больше, чем полдороги к Великой Стене.

— Спасибо,— повторила Джейн и вся группа снова двинулась легким, переменным шагом, почти бегом,— опытные, выносливые охотницы. Вскоре отыскался след Руби, они переправились через Реку и повернули к Великой Стене. Никто не проронил ни слова, пока они не остановились на привал.

Только тут Мэри хмуро буркнула:

— Вот уже семеро наших ушли.

Джейн подняла голову.

— Еще нет, дорогая. Мы обязательно догоним Руби.

Фреда, которая до сих пор молчала, произнесла с истерической ноткой в голосе:

— Разве кто-нибудь возвращался из Дыры? Четверо ушли! Четверо! И мы обнаружили только их обглоданные тела. Когда мы наконец заткнем эту дьявольскую Дыру?

— Может быть когда-нибудь нам и удастся это сделать,— сказала Джейн.— Но зачем же так кричать? Признаюсь, что когда туда пошла Дженни, я думала, что она будет последней.— Она минуту помолчала.— А что изменится, если мы закроем Дыру? Разве не останутся еще дикие районы? Поэтому мы должны придумать что-то другое. Мы должны помочь тем, кто внезапно почувствует себя плохо, мы должны помогать им.— Она посмотрела

на Лизу. На единственную среди охотниц, еще способную рожать детей.

Мэри пожала плечами.

— Ну и что это даст. Мы все равно здесь все умрем. Почему нам просто не пойти в Дыру или умереть каким-нибудь другим способом? Какой станет жизнь молодых девочек, когда мы одна за другой отойдем в другой мир, и никто уже не будет помнить земное небо или хотя бы то, что земные деревья могли иметь около тридцати футов высоты. И... и кто вспомнит, как выглядел мужчина. А когда останутся самые последние? Ведь они тоже когда-нибудь постареют. Представьте себе четыре или пять старух, пытающихся найти еду и защитить себя от чудовищ, ползущих через Дыру. Представьте себе последнюю... Она одна!

Джейн резко перебила ее:

— Думаю, Мэри, что мы сейчас должны поужинать. Еда всегда поднимала твое настроение.

Когда они уселись возле костра, Джейн продолжала:

— Видишь ли, Мэри, те, последние, будут иметь полное право самим принимать соответствующие решения. Но до этого еще очень много времени. Мы составляем еще довольно сильную группу. И умеем быть здесь счастливыми, не так ли? Ты видела, как сегодня утром девочки играли на берегу? Смеялись и прыгали, как обычные дети на Земле! Разве этот свет не так же приятен, как свет Солнца? Или еда хуже?

Мэри громко рассмеялась и тут же встретилась взглядом с Лизой:

— Смотрите на эту дурочку! Она еще лелеет надежду, что какое-то чудо сделает ее беременной, что ты сможешь дать кому-то свою твердую пышную грудь! Но когда ты изменишься, когда твоя грудь обвиснет, как моя, тогда-то ты спустишься на землю! Даже если какой-нибудь мужчина...

Элиза и Фреда начали шмыгать носами. Джейн сорвалась с места и ударила Мэри в лицо.

— Немедленно заткнись! — крикнула она.

— Когда женщины немного успокоились, она твердо сказала:

— Лучше быть полутрупом, чем трупом. А что касается мужчин, то должна вам заметить, что это были довольно мерзкие создания. А разве то, что называли любовью не было в действительности иллюзией? Несколько мгновений удовольствия, а потом долгие часы бессильной

злости из-за предательского поведения какого-нибудь идиота. Думаю, что пока мы живем, мы должны хранить гордость. Пузатые и так уже думают, что мы банда чокнутых идиоток, которые носятся где попало и ругаются при первом же удобном случае. К тому же, время от времени, кто-то из нас лезет умирать в Дыру, как... как какой-то больной грызун.

Жестом она приказала им встать.— Пройдем еще две мили, а потом сделаем привал.

Лиза лежала на спине, рассматривая противоположную сторону Круга. С ее стороны сейчас было довольно темно, но огненный Круг прочно удерживал дверь на почтительном расстоянии от женщин. Через час женщины продолжат свой бег, неся с собой факелы, чтобы защищаться от возможного нападения.

Как мало они знали об этой местности, где им приходилось жить.

Форму и размер этого района легко можно было объять взором. Протяженность его была измерена шагами — уже в первый год жизни несколько старших женщин сделали это. От стены до стены было не более 37 миль. Стены были ровные и вертикально вздымающиеся вверх. Периметр цилиндра равнялся 85 милям. Источником тепла и света служил Круг, выглядевший снизу, как тонкий, раскаленный прут. Он вытянут от стены до стены, вдоль оси цилиндра. Свет лился с каждой его стороны, изменяясь так, словно круг вращался вдоль продольной оси с периодом 19 часов. Это давало смену дня и ночи, хотя последняя и не была совсем ночью, так как свет на противоположном краю цилиндра все равно доставал другой край. Времена года изменялись по мере прохождения Круга от конца в конец цилиндра. Некоторые женщины, выросшие еще на Земле, считали, что тяготение здесь создается вращением всего сегмента. Если это было так, то почему горы были сосредоточены вдоль обеих стен, с долинами и миниатюрным «океаном» в центре, в который впадала Река? Без сомнения, думала Лиза, это была искусственная гравитация, хотя никто не мог подтвердить эти догадки.

Облака, если появлялись, то не поднимались выше мили над ними. И если на одной стороне было ясно, а на другой пасмурно, то скопления облаков казались такими же отдаленными, как и поверхность, над которой их не было. Пасмурные почи были достаточно темны, но блеск, исходящий с другого конца цилиндра, не делал их аб-

солютно черными. Сюда их доставили на космических кораблях, которые пилотировали странные существа Хелки и было похоже, что это место являлось резервацией. А это позволяло надеяться, что Хелки, или руководящие ими вильмутцы, могли в любой момент вернуться за ними. Хелки и вильмутцы связывались в сознании женщин в каком-то неясном ощущении парализующего ужаса и обычно о них не говорилось, особенно в присутствии девочек. Некоторые женщины называли сегмент тюрьмой, но Лиза считала это место относительно приличным и дающим ощущение независимости. Конечно, должна существовать циркуляция воздуха и не та, которая вызывалась сменой дня и ночи. Где-то были отверстия, может быть, именно в Круге, дающие свет. Должна быть здесь и «сливная дыра» под «океаном», в которую уходила лишняя вода, иначе их бы давно затопило.

Дыра, к которой пошла Руби, появилась случайно. Что-то, может быть и метеорит, ударило и пробило стену в самом высоком месте в горах. Правда, высота эта время от времени менялась, сказывалось влияние эрозии, но какая-то сила неизменно выталкивала горы из земли. Дыра вначале была закрыта породой, но дожди вымыли ее. Следы этого были видны на стенах ущелья, бегущего от Дыры вниз. А когда Дыра открылась, дожди начали смывать грунт в соседний сегмент, бывший странным местом, с морозными, длинными днями. В конце концов все отверстие было открыто. Это было небольшое, десятидюймовое отверстие в металлической стене. Почти правильный овал с неровными краями, словно металл был пробит навылет, хотя он был очень прочным и не ржавел от воды.

Большие Звери начали приходить из этой Дыры. К счастью они не прижились в сегменте, где жили женщины и пузатые, видимо здешняя атмосфера пришлась им не по вкусу. Постоянный приток воздуха из Дыры приносил с собой с той стороны жуткие запахи. И звери видимо доходили только туда, куда поток воздуха доносил запахи с их мира. Пузатые утверждали, что эта Дыра появилась несколько поколений назад, но это было гораздо раньше, чем женщины появились здесь. Никто не мог объяснить, откуда появился обычай проходить сквозь дыру в поисках смерти. Но обычай появился, и теперь Руби была пятой жертвой.

Голос Джейн вырвал Лизу из раздумий:

— Время, пошли девочки!

Овраг, пробитый в почве, вывел их прямо к предгорьям, в двадцати ярдах от Стены, а затем и к Дыре, пробитой в белом металле. В пыли они быстро обнаружили следы Руби. Остановились и загляпули в Дыру. Там, в другом мире, царила ночь, но поскольку там никогда не бывало облаков, красноватый полумрак делал возможным путешествие вглубь этого мира. Слабый ветерок, ударивший им в лица, имел резкий, сладкий запах разлагающегося мяса.

Мэри подала голос:

— А почему бы нам не взять с собой факелы?

— Потому что у нас нет третьей руки! — резко ответила Джейн.

Все легко натянули луки и гуськом, друг за другом, пошли вперед. Тропинка была покрыта почвой, смытой из их мира. Сначала было влажно, но на несколько ярдов ниже воздух чужого мира высосал из грунта излишки влаги и земля стала сухой и неприятно скользкой. Пройдя приблизительно пятьдесят ярдов, женщины подошли к перекрученным широколиственным деревьям. На опушке леса Джейн прошептала:

— Похоже, что наши глаза уже привыкли к этому свету.

Лиза посмотрела перед собой. Далекий отблеск был тревожным и делал их лица очень странными. Она инстинктивно проверила лук, стрела лежала как надо, тетива была слегка натянута. Они продолжали медленно идти вниз. Лиза вдруг страстно захотела обернуться и посмотреть на Дыру, закрытую уже деревьями, но тут идущая впереди Джейн резко остановилась. Что-то шевелилось рядом с ними и раздался низкий ворчливый звук. С этого момента все произошло так быстро, что позже Лиза уже не могла вспомнить всех подробностей. Дюжина, или немного больше чего-то, что отдаленно напоминало земных котов, только умеющих летать, ринулась на них. Эти создания были гораздо меньше Большого Зверя, но превосходили его в ловкости и быстроте. Они летели низко над землей, делая большие прыжки.

Лиза лихорадочно натянула лук, пустила стрелу и отбросила уже ненужное оружие, так как стрела была единственной. В отчаянии она взмахнула копьем, защищаясь от твари, взлетевшей над ее головой. В красном полумраке она заметила четыре растопыренные лапы и

надутые по бокам тела воздушные баллоны, плоское тело, острые когти, вытянутые в ее сторону, острая морда и маленькие острые клыки, торчащие из раскрытой пасти, глазки, малюсенькие, как кнопочки. Существо было меньше овчарки, но гораздо подвижнее любой собаки. Женщины отчаянно закричали. Пытаясь увернуться от когтей, Лиза упала назад, поскользнувшись в грязи и выставила копье перед собой. Она почувствовала, как тело зверя ударилось о копье, едва не выбив оружие из ее рук, и тяжело рухнуло в грязь. Закричала Фреда. С трудом поднявшись, Лиза увидела Джейн, отчаянно сражавшуюся с двумя тварями. Она бросилась на помощь и ударила копьем. Зверь заверещал и отскочил в сторону. Она заметила еще одного, приготовившегося прыгнуть сбоку и едва успела повернуться, чтобы встретить его, оперев конец копья в землю. Существо сразмаху налетело на острие, проколовшее ему грудь. Лиза отбросила копье и прыгнула к Джейн, которая уже лежала на спине, отчаянно отбиваясь от наседавших зверей. Она заметила еще одного, схватила за загривок и с силой бросила его в сторону. Зверь запищал, ударившись и забился в судорогах. Лиза схватила еще одного, схватившего Джейн за плечо, но тварь вывернулась и убежала. Фреза плакала, лежа лицом вниз. Но Мэри еще дралась, добивая зверя, крутившегося вокруг нее. Два мертвых существа валялись рядом, не считая того, который был наколот на копье Лизы. Элиза стояла, держа копье наготове. Выглядела она ошеломленной.

Внезапная атака бестий была отбита. Женщины собрались вокруг Джейн. Старшая была покрыта глубокими ранами и лежала тихо, глядя широко открытыми глазами вверх. Она тяжело дышала. Лиза заметила кровь, стекавшую с левого бедра и, оторвав от своей блузки кусок материи, хотела перевязать ее. Однако Джейн слабо покачала головой и хрипло прошептала:

— Нет, Лиза. Не надо. Позволь мне просто спокойно полежать. Мой живот... он разорван...

Мэри залилась слезами.

Джейн!

Старшая осторожно покачала головой и закрыла глаза от боли. Через секунду она открыла их, но было уже заметно, что она ничего не видит.

— Лиза,— прошептала она.

— Да, дорогая, я здесь.

— Лиза. Ты будешь Старшей.

В первый момент Лиза не поняла, но потом крикнула:

— Нет, Джейн! Ты... Ты еще поправишься! Да... Но ведь Мэри старше меня.

Джейн тяжело вздохнула и снова закрыла глаза.

— Нет, Лиза. Только ты сможешь вести за собой людей. Я хочу... чтобы... вы все...

Это были ее последние слова.

Четыре женщины долго молчали, стараясь не смотреть друг на друга, с трудом сдерживая слезы.

— Но я не...— прошептала Лиза,— я недостаточно взрослая.

Мэри обняла ее за плечи.

— Это так, Лиза, но ты именно тот человек, который нужен нам всем. Джейн права. Ты действительно самая младшая из нас, но мы ведь не совсем в порядке. Ну успокойся. Так и должно быть. Мы поможем тебе... Все тебе поможем!

С этой минуты ее слезы не могли изменить решения Мэри, Фреды и Элизы.

Все четверо были легко ранены во время схватки, но раны были быстро перевязаны. Женщины выкопали копьями могилу для Джейн и осторожно положили тело Старшей в эту чужую землю. Дальше по тропинке они отыскали груду камней, которые перенесли на могилу, сделав что-то вроде надгробия.

Невдалеке от кучи камней они обнаружили тело Руби, покрытое телами копошившихся существ. Фреза и Элиза едва не лишились чувств от этого кошмарного зрелища. Мэри выглядела так, словно ее поразил гром. Лиза с трудом заставила свой желудок успокоиться.

Они разогнали зверей и похоронили то, что осталось от их подруги, рядом с могилой Джейн. Сделав два креста, они воткнули их в землю, прошептали молитвы, которые показались им подходящими для этого случая, и только после этого двинулись назад домой.

Глава 9

Джон хмуро посмотрел на микрофон, потом протянул руку, нажимая кнопку на пульте связи.

— Центральная! — донеслось из динамика.

— Домиано,— сказал Джон.— Дай мне радиосвязь со всеми кораблями на такой волне, чтобы было слышно

только нас, чтобы эта волна не распространялась дальше. Неизвестно, кто может находиться в этом районе космоса. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, командор. Но на это потребуется время, поскольку мы должны определить координаты всех кораблей. Вы даете нам полчаса?

— Да.— Джон вздохнул.— Мы не можем рисковать, используя радар, но если все же ты будешь определять координаты, проверь номер четыре. Если там остался кто-нибудь живой, то он должен дать ответный сигнал.

— Мы уже пробовали, сэр. Я только что хотел доложить вам об этом. От них нет ничего, ни малейшего намека на жизнь.

— Т-ак,— первно протянул Браузен. Потом вскочил с кресла и стремительно вышел из рубки. Он направился в технический отдел, чтобы всю операцию координировать с помощью специально смонтированных там экранов.

Потом он сделал короткую прогулку по кораблю. Поговорил с артиллеристами — у них не было проблем, если не считать, что кончились снаряды всех калибров, и пошел на склад, где ему сказали, что с питанием экипажа тоже нет проблем, если только они доберутся до Акиеля или еще куда-нибудь через триста часов. Затем он вернулся в рубку и вышел на связь с Флотом.

— Здесь Браузен. Боюсь, что придется считать четвертый экипаж мертвым. Они вышли из гиперсферы, но до сих пор с нами не связались. Мы попытаемся приблизиться к ним, и если уровень радиоактивности будет в норме, мы перейдем на борт. На детекторах у некоторых из вас могли появиться объекты или группы объектов в направлении 28—31 или на расстоянии 1/3 миллиона миль. Мы также наблюдаем их следы на своих экранах. Вероятно это заблудившаяся комета или метеорный рой, но мы все же не можем рисковать. Вы должны сгруппироваться вокруг «Луны». Это приказ!

Десятью часами позже оставшиеся в живых члены экипажа Четвертого номера находились уже в госпитальном отсеке флагманского корабля, а ремонтные бригады с «Луны» занимались поврежденным кораблем. Отверстие было небольшое и появилось в результате того, что какой-то осколок с огромной скоростью пробил насквозь борта корабля, натворив немало бед. Правда, следов радиоактивности, теплового или взрывного действия не было. Просто кусочек стали, имевший один шанс из тысячи,

получил этот шанс, в результате чего погибло восемь человек.

Далекий объект, который обнаружил Джон, оказался обычным для данного района галактики куском скалы, но это не улучшило настроение командора. Ведь восемь человек погибло! А Вез До Ган требует, чтобы люди совершили еще несколько атак на Бизх.

Чувство вины и сомнения терзали его. Он был так уверен и горд собой, когда план операции был выработан. А может быть это была преступная. небрежность?

Он встал с койки, на которой провёл почти час, бессмысленно разглядывая металлические стены, и пошел к столу. Его взгляд безвольно метнулся к закрытому сейфу.

— Нет! — буркнул он, стиснув зубы, и проглотил слюну, которая не могла утолить жгучего желания. Почему после возвращения с «Консула Блуффа» он закрыл ту коробочку с дроном именно здесь. А не отнес ее в госпиталь «Луны» и не отдал врачу?

Джон оперся о край стола, у него закружилась голова.

— К дьяволу! — почти выкрикнул он.— Я не мог предугадать этот кусок металла! Не мог!

А как прекрасно он чувствовал себя перед началом операции. Хотя, если быть честным, каждый кретин всегда чувствует себя на седьмом небе перед тем как натворить ошибок. А это сражение с Бизх? Какой эффект? Двадцать человек погибших в четырех неудачно проведенных операциях! Это был не только устрашающе большой процент от всех живущих ныне людей. Прежде всего это были люди, которых он знал. Товарищи по оружию. Было бы лучше, если бы Барт Ланге оставил его на Дронгалии.

Джон ударил кулаком по стальной переборке и с трудом проглотил слюну. А потом, дрожа и проклиная себя, повернулся и медленно, шаг за шагом, пошел к сейфу.

Джон лениво повернулся в койке. Что это за звук? Словно сквозь туман, обволакивающий его мозг, он пытался припомнить, что же надо было сделать? Что? Гак... Это интерком... Он повернул голову к динамику.

— В чем дело?

— Сэр! Докладывает вахтенный дежурный. Необходимые для жизни экипажей припасы на всех кораблях закончились.

— Так...

Молчание. Потом голос дежурного удивленно спросил:

— Сэр, мы собираемся лететь отсюда?

— Улететь? — Джон засмеялся. Конечно, они могут улететь прямо сейчас. Но для этого нужно, чтобы у него возникло такое желание. Ведь это он командует флотом, разве не так? Он опять захихикал, а потом широко зевнул.

— Нет. Я не думаю, что мы скоро покинем это место. Нам некуда спешить. Скажи всем, чтобы отдыхали, хорошо?

Тишина. Потом раздался недоверчивый голос дежурного:

— Да... сэр. А разве..?

Джон перевернулся на другой бок, вытянулся поудобнее и снова погрузился в дремоту. Он чувствовал себя прекрасно. Где-то там, глубоко внутри его, что-то тревожило, угнетало какое-то особое чувство, связанное с принятым им решением, которое может стоить жизни его людям. Это плохо, но ведь каждый должен рано или поздно умереть, не так ли? И не все ли равно, как умереть? В бою, быстро и без мучений, принять героическую смерть, или вот так, в сладкой грезе. Похоже, что так было бы даже лучше. Ему было так хорошо! Почему он так упорно отказывался от порций дрона в течение этих долгих дней и ночей?

— Джон! Эй! Джон! Проснись!

Джон перевернулся на спину, с трудом разлепив отяжелевшие веки, и уставился отсутствующим взглядом на кого-то, кто дергал его за плечо.

— О, это ты, Барт,— наконец смог он проговорить.— Как ты сюда попал?

Барт смотрел на него, стиснув зубы.

— Значит так, Джон? Эх! Сколько же ты принял, и как давно?

Браузен сел, потянулся зевая и ухмыльнулся:

— Я должен принять душ, а потом поесть. Ты спрашиваешь, сколько я принял? Одну дозу. Маленькую, маленькую...— он попытался показать это дрожащими пальцами.— Как зернышко гороха. Если только где-то растет еще наш горох,— он захихикал.— Перестань пялиться на меня, дружище. Я чувствую себя отлично. Не веришь, спроси таблицу умножения, или чему равен логарифм трех. А может быть тебе лучше перечислить наших людей? Давай, Аарон, Андерс, Бейкер, Бунстил...— он замолчал.— Да, Бунстила мы потеряли...

Ланге прошипел сквозь зубы:

— К дьяволу Бунстила и всех остальных! В последний раз мы дали флоту Бизх прикурить. Мы выполнили все, или по крайней мере, большую часть обязательств перед Гохд. Сейчас мы самостоятельная боевая единица! Нас еще около двух сотен и у нас есть свои дела, Джон! А может быть ты собираешься стать свиньей и вернуться к своему говнячему занятию?

Джон поморщился.

— Ты не понимаешь, что такое дрон, Барт,— вздохнул он.— Но хватит об этом. Я думаю, что время двигаться на встречу с Везом. Барт, ты возвращаешься на свой корабль? А может быть ты останешься на «Луне» и поможешь мне сейчас? Надо было бы отдать приказ...

Ланге подхватил его за руки и, сорвав с койки, заревел:

— Приди в себя, Джон! Кто здесь командует? Ты! И особенно сейчас, после нашего последнего сражения. Люди смотрят на тебя, как на божество. Ты не можешь допустить, чтобы все увидели в тебе слюнтяя, этакое бесхребетное животное.

Джон опять вздохнул.

— Скажу тебе честно, Барт. Я не хочу быть даже частью Бога... Но ты конечно прав.

Он наклонился за мундиром, который валялся, небрежно брошенный на полу.— Уходи в гиперсферу, как только окажешься на палубе своего корабля.

— Да, есть конечно большой риск, что Бизх узнает о направлении вашего следующего удара,— Вез До Ган направил ладони вниз, что означало крайнюю степень раздражения.— Нельзя забывать о том, что и они кое-что смыслят в военном искусстве. Поверьте, что мне очень жаль, что вы потеряли столько людей. Приняв во внимание ваши способности в ведении боя, которые еще раз были продемонстрированы, это была просто неудача... Скажу честно, мы больше не просим тебя, Джон Браузен, о возобновлении атак на Бизх в этом районе. Думаю, что было бы лучше нанести удар по их базам где-нибудь в другом месте. Об этом стоит подумать. А пока должен сказать, что твоя неудача оборачивается для нас полной победой. Ты здорово потрепал этих червей.— Вез потер волосатую щеку.— Главная цель, заключавшаяся не в уничтожении баз Бизх, а в провоцировании недоразумений между Вильмутом и Бизх, и эта цель, как нам кажется, выполнена. А если еще ты удачно выполнишь удары по их дальним базам...

— Такие действия,— буркнул Джон,— требуют предварительного исследования района...

— Согласен. Нужно, конечно, осмотреться. Думаю, что мы могли бы организовать нашу базу где-то возле границ империи Вильмут. Выбор времени и места вашего появления в указанном районе мы решим позднее.

— Мы должны получить полную амуницию, энергию и продовольствие. Как насчет обеспечения всем этим? Думаю, что продукты можно было бы погрузить на Акиеле.

— Конечно. Но это будет длиться несколько часов. Такое резкое увеличение суматохи и появление большого количества транспортов может вызвать повышенный интерес разведки. Но это пока предварительный разговор. Будем думать. Пока что скажу, что два корабля Бизх уже отремонтированы.

Мысли быстро пробегали в голове Джона. Как бы сейчас пригодился корабль Клип, обещанный Омниархом. Кроме потенциальной пользы, которую он мог бы принести в бою, он мог бы служить отличной базой, еще лучшей, чем любая планета. Он мог бы принять на борт всех людей сразу. Но говорить Везу пока ничего нельзя...

Он очнулся.

— Знаешь что, Вез? Мы с тобой могли бы очень просто решить проблему перевалочной базы. Согласен, что наше пребывание на Акиеле становится все более опасным. Во время нашей последней встречи мы говорили о какой-то планете в вашей части Галактики, которую мы могли бы занять. А что если использовать ее для нашей базы?

Внимательный взгляд Вез До Гана сконцентрировался на Джоне.

— Отличная мысль, командор. А что! Когда бы ты хотел осмотреть ее?

— Через несколько гохданских дней, если это подойдет. Мы должны подремонтировать корабли и поднять моральный дух экипажей. Может быть мы сможем дать тебе сигнал, как только будем готовы.

— Хорошо, Джон, до встречи.

— До встречи, Вез!

По возвращении на Акиель Джон поспешно разыскал Полного Самца Хелки.

— Я должен сказать пару слов Омниарху. Быстро. Дело не терпит отлагательства. Скажи, где я мог бы встретиться с ним?

Хелки внимательно посмотрел на человека. Его лицо не выражало никаких чувств, голова была поднята на уровень лица Джона, все четыре ноги мощно упирались в землю.

— Должен сказать тебе, человек, что местонахождение моего предка мне неизвестно. Но твои слова будут немедленно переданы ему, хотя я не знаю, как много времени потребуется, чтобы он их услышал. Но известие я передаю немедленно!

Глава 10

Бульвенорг, Заместитель Первого Главного Маршала Обороны Великой Империи Вильмут, сидел, слушая болтовню наспех собранных людей. Большинство из присутствующих здесь помощников были его непосредственными подчиненными, и он обычно позволял им немного поболтать. Он слушал так, как мог бы слушать обеспокоенный, но сохраняющий внешнее спокойствие кот, развалившийся в кресле, с полузакрытыми глазами. Его уши время от времени легонько подрагивали, когда до слуха долетало какое-то важное слово этой болтовни. Бульвенорг не был котом. Без сомнения он принадлежал к гуманоидной расе, о чем свидетельствовали его сильные и ловкие руки с четырьмя толстыми пальцами на каждой. Если его ногти были более толстыми и мощными, чем например, у гохданца, то это только говорило том, что вильмутцы развивались в более тяжелых природных условиях. Бульвенорг мог носить человеческую обувь (естественно, соответствующей ширины), кроме того, пальцы его ступней были более подвижные и ловкие, чем пальцы человека. Его лицо весьма отдаленно напоминало человеческое — плоскости щек были удалены друг от друга на высоту ушей, и соединялись внизу так, что его большой нос, близко посаженные глаза, выступавший вперед подбородок и выступающие зубы занимали очень мало места. Зубы были более плотоядными, чем человеческие, но не до такой степени, чтобы вильмутцы не могли есть растительную пищу.

В человеческом восприятии Бульвенорг был коренастым — он имел немного более шести футов, при весе в триста фунтов. Трудно было бы сказать, был ли он толстым, или был таким от рождения. Во всяком случае никто во всей Галактике так и не мог понять, каким обра-

зом эти тяжелые на вид существа могли в мгновение ока становиться гибкими и ловкими, словно начисто лишенные костей. Но ведь и немногие знали, что земные коты (когда они еще существовали) умели в одну секунду сменить ленивую позу в стальную пружину, готовую к действию. И именно этим напоминал кота Бульвенорг. Его остроконечные зубы вот уже несколько мгновений дрожали все сильней. Он поднял руку и пригладил коротко подстриженные, вьющиеся волосы, растущие на его крутом лбу (эта покатость лба была уравновешена выпуклостью темени его черепа). Бульвенорг не был злым, но сейчас начинал сердиться. Эта болтовня перестала давать полезную информацию.

Он выпрямился. Офицер, руководивший собранием, тотчас же застучал по столу чем-то, что походило на карандаш, но в действительности было многозарядным лазером, который мог легко сжечь небольшой город. Стук призвал присутствующих к порядку.

Бульвенорг поморщился и произнес:

— Мне стало ясно,— сказал он резким голосом,— что большинство из вас скрывают свою озабоченность тем,— он прервался, давая собравшимся возможность недовольно бормотать,— что только что сообщил нам Гражданский Делегат о нападении наших боевых кораблей на пограничные базы империи Бизх. И это по причинам, которые ни один здравомыслящий индивидуум не в состоянии понять и объяснить. Наш Директор придает этому делу большое значение, хотя в целом оно не заслуживает этого. В свою очередь, наш Шеф Внешнеимперского Отдела красноречиво отметил те трудности, с которыми встречается наша разведка при работе в чужих мирах, расположенных на расстоянии многих сотен световых лет от самых отдаленных наших границ, о мирах, с которыми мы даже не поддерживаем дипломатических отношений. В конце нашего собрания вам будет предоставлена возможность ознакомиться с докладом моего адъютанта, который в общих чертах обрисует вам наши шаги, предпринятые против возможных массовых ответных атак со стороны Бизх.— Он снова остановился на мгновение, ища взглядом недовольных. Конечно он мог сломить всякое противодействие без особого труда, но желал закончить собрание без всякого раздражения. Он продолжал:

— Меня поразило то, что никто из присутствующих даже на мгновение не смог допустить, что эти таинственные нападения (конечно, мы не можем и даже не долж-

ны отрицать, что наша организация испытывает большие трудности) были запланированы кем-то для того, чтобы посеять враждебность между нами и Бизх.

Раздались удивленные голоса.

— Такая возможность,— продолжал Бульвенорг,— естественно, была с самого начала более чем очевидна. И я не вспоминал о ней, надеясь, что кто-нибудь придет к этой идее сам, и тем самым выскажет какие-то ценные мысли. Сейчас я предлагаю, чтобы каждый из вас подумал в этом аспекте над сложившейся ситуацией и приготовился к дискуссии, которая должна состояться в следующую встречу.

Гражданский Делегат, старый советник, которому Бульвенорг с взаимностью платил сдержанным уважением, кашлянул. Бульвенорг посмотрел на него.

— Интересная мысль,— медленно произнес Делегат.— Интересно, кого вы имели в виду, говоря о неустановленных провокаторах? Чужих или все же вы допускаете возможно, что это кто-то из нас?

Бульвенорг улыбнулся.

— Не судите об этой последней возможности по моим словам. Однако, поскольку моей работой является оборона Империи и ее союзников, я сделаю все, чтобы установить, что произошло. Согласно нашей информации, силы нападавших были невелики. Думаю, что именно чужаки и являются теми провокаторами. Благодарю,— он поклонился Делегату,— за то, что вы почтили меня своим присутствием.

Делегат откланялся.

— Я ваш союзник, маршал. Помните, что Директор очень не хотел бы войны с Бизх. Кстати, а что вы думаете об этих мерзавцах? Вы знаете, кто они?

Бульвенорг сделал обиженный вид.

— Именно это,— буркнул он,— потребует от нас огромного напряжения, так как до сих пор мы не располагали более точной информацией. Хотя, если быть до конца откровенным, мне в голову приходят кое-какие мысли о некоторых расах, которые могли бы извлечь из этого пользу.

Делегат хрипло рассмеялся. Бульвенорг встал, давая понять, что собрание окончено. Прощаясь с подчиненными, он каждому улыбался. Он никогда не имел ничего против такого панибратства. Но иногда, как сейчас, ему что-то мешало и это помогало скрыть охватившее его

раздражение. Когда все покинули кабинет, Бульвенорг коснулся выключателя микрофона и произнес:

— Адмирал Густен, я хотел бы поговорить с вами.

Бульвенорг достал бутылку из шкафчика и, не теряя времени на церемонии, разлил напиток в два бокала, один для Густена, второй для себя. Это был обычный напиток с вкусовыми и ароматическими добавками, придающими ему кисловатый вкус и запах.

— Итак, сэр, что вы можете сказать мне о том, кто доставил нам все эти неприятности?

Жест Густена ответил на этот вопрос отрицательно.

— Я сбит с толку, маршал. Не имею понятия, кто бы это мог захватить столько наших кораблей, да еще звездолет с тоннажем в четыреста тысяч тонн. Мы не терпели такого поражения вот уже почти пять поколений.

Бульвенорг пожал плечами и сделал глоток из бокала.

— Это действительно загадка. Можно было бы подумать, что кто-то построил корабли по нашим проектам. Хотя это весьма длительное дело... Однако, располагая данными разведки, можно утверждать, что мы имеем дело именно с нашими кораблями. Я подозреваю, что нас ждет долгое ковыряние в архивах в поисках данных о кораблях, которые мы теряли ранее. В свою очередь,— он внимательно посмотрел на собеседника,— вам не приходит в голову мысль об одной расе, представители которой похищали корабль за кораблем, а потом использовали их против нас?

Густен наморщил лоб.

— Конечно. Продолжительность жизни наших загадочных и часто удивляющих нас невольников Хелки мгновенно пришла мне на ум. Я в свое время даже исследовал их. Два подавленных восстания Хелки, а потом на протяжении последующих ста лет мертвая зона и даже корабли не похищались.

Бульвенорг усмехнулся, но взгляд его оставался внимательным.

— Да,— кивнул он.— Но вы, адмирал, забываете о кораблях, пропавших без вести.

— Хелки-техники не смогут захватить корабль! — решительно запротестовал Густен.

— Техники — нет. Но ведь до сих пор нам не удалось разгадать загадку, гормонов Хелки. Откуда может быть уверенность, что содержащийся где-то в целях воспроизводства Полный Самец Хелки не воспроизводил

личности, выглядевшие как все, но с инстинктами воинов?

— Вы думаете, сэр,— Густен походил на очень обеспокоенного, почти испуганного человека,— что это возможно?

Бульвенорг допил свой напиток и терпеливо взмахнул рукой, в которой держал бокал.

— Это просто одна из возможностей, пришедших мне в голову. Ведь корабли могли быть собраны разными окружными путями. Наши враги, адмирал, если смотреть на это дело реально, могли легко собрать такое количество. Но тут существенно отметить другое. Установить самое главное — кто составляет экипажи кораблей! Наверняка члены экипажа не являются обитателями ни одной из империй, с которыми мы время от времени торгуем. Существует риск, что кто-нибудь попадет в плен, или тела убитых будут опознаны. Вам не приходит в голову мысль, что это могла сделать определенная группа фанатически смелых гуманоидов, ненавидящая нас всеми своими потрохами? — Он наблюдал за реакцией собеседника.— А если добавить сюда и то, с каким блеском они провели боевые операции с превосходящими силами...

— Вы имеете в виду землян? И их ком... (какое глупое определение ранга!) командора Джона Браузена? Их осталось немного, да и распылены они по всей Галактике. Только этот толстый поэт Доаль постоянно живет на Дессе. Что касается Браузена, думаю, что он давно умер на Дронгалии.

Бульвенорг оскалил крупные зубы.

— Действительно, Браузен уже давно живет на Дронгалии. Согласно нашим данным он стал наркоманом. Если говорить об остальных, то по нашим подсчетам их осталось не более трех сотен. Но разве этого мало. Я всегда сомневался, что решение оставить в живых этих недобитых землян в качестве примера для других бунтовщиков или агрессоров было верным. А насчет Браузена мы должны как можно быстрее убедиться в том, что он действительно мертв.

Густен медленно выцедил остатки напитка и осторожно поставил бокал на стол.

— Я понял вас, господин Бульвенорг. Но зачем это. Почему такие сомнения?

— Сомнения. И вы хотите знать почему, Густен? Ведь многие из этих землян долгое время были на служ-

бе у Гохд. А теперь вспомните, что Бизх в последнее время заглядывались на лакомые кусочки пространства, лежащего между их империей и Гохд. Гохд не очень хочет и не может ввязываться в открытую войну, которая грозит стать затяжной. С их точки зрения оптимальным решением была бы возможность переубеждения Бизх, что это не они, а собственно мы не заинтересованы в этой экспансии.

Густен медленно кивнул.

— Мы обязаны этим заинтересоваться. Если Бизх овладеет всей свободной территорией вдоль рукава спирали и в конце концов дойдет до Гохда, то дальнейшая их экспансия пройдет уже через Пустой Регион. Таким образом, мы должны иметь в этом деле какой-то интерес. Однако это дело далекого будущего. Ко всему, у нас нет никаких доказательств. Домыслы и все. А этого недостаточно, чтобы начать хотя бы планировать карательные экспедиции против Гохд.

Бульвенорг снова наполнил бокалы.

— Да, это невозможно. Они довольно сильны. Даже если мы сможем выиграть тотальную войну с Гохд, Бизх после этого стала бы самой сильной империей в этом секторе Галактики.

Он сделал большой глоток.

— Конечно, мы все же запланируем некоторые контрмеры. Но пока что, мы должны удостовериться, что мои допущения верны. А поэтому необходимо как можно скорее предпринять рейс на Дессу. Хотя тот толстяк — поэт и его прихлебатели отрицают всякие мысли о войне, мы должны убедиться, что это так. Кроме того, надлежит выслать корабль на Дронгалию для проверки Браузена. Если он мертв, хорошо. Далее, необходимо усилить разведку как в Бизх, так и в Гохде...

Он на мгновение задумался.

— А может быть,..— буркнул он,— мы должны добавить еще кое-что. У меня такое ощущение, что стоит также выслать небольшой отряд вдоль рукава спирали, чтобы еще раз присмотреться к этой планете, откуда произошли люди. К Земле.

Густен часто заморгал.

— Неужели вы думаете, что там кто-то выжил?

— Нет. Но там остались машины и материалы. При быстрой работе в скафандрах некоторые из этих людей могли бы найти там довольно ценное оборудование. Но об этом можно поговорить позднее.

Он наклонился к Густену.

— Пока что прошу вас подобрать экипажи. Мне прошу представить рапорт с точным указанием рангов и всех необходимых проверок для отбора. Это будут решительные люди, и что немаловажно, умеющие молчать! Вы понимаете меня, адмирал? Я чувствую, что важность этого дела может перешагнуть границы ответственности!

Глава 11

Невооруженный гохданский разведчик приблизился к зеленой планете. Джон и Барт сидели перед огромным экраном и внимательно вглядывались в изображение. Джон наклонился, подстраивая камеру так, чтобы получить максимально приближенное изображение горной цепи, лежащей в нескольких десятках милях внизу.

— Я не вижу никакой разницы,— воскликнул он через мгновение,— увидев деревья, растущие по склонам гор.— Это ведь наши сосны, Барт!

— Я все же хочу рассмотреть их поближе,— рассмеялся Банге.— Только тогда я может быть утешусь. Ты уже определил место приземления?

— Нет. Но думаю, вон то место подойдет.— Браузен ткнул пальцем в угол экрана.— Возле озера будет в самый раз.— Смотри! Озеро окружено узким кольцом лугов. Да. Там мы и сядем. Что скажешь? Мы сможем назвать эту планету своим домом?

Барт посмотрел на командора. Оба они очень внимательно следили за своей речью. Вез До Ган, без сомнения установил в этом помещении подслушивающую аппаратуру.

Джон усмехнулся. Он был возбужден и Вез мог это понять, если только аппаратура работала. Однако, откуда было ему знать, что мир, лежащий под кораблем, не был единственной причиной возбуждения людей. Джон торопился на условленную встречу с Омниархом. Сейчас самое главное была встреча с Хелки.

Из интеркома раздался свист и пробился голос Вез До Гана:

— Приземление через десять долей, что в переводе на ваше время, 21 минута. Вы уже выбрали место посадки?

Джон и Барт вернулись в каюту. Было договорено, что они подождут на этой планете «Луну», которая дол-

жна привезти оборудование и припасы с Акиеля. Конечно не потому, что эта планета была бесплодна. Здесь необходимо было сначала построить электростанцию, а пока ввозить продовольствие и товары извне.

Джон не был уверен, прилетит ли Омнирх на «Луне» или пришлет кого-то с известием о месте и времени встречи. Он очень сомневался, чтобы старый плут рискнул появиться здесь. Но в конце концов это не имело значения, так как события развивались пока успешно.

— В каютах Барта и Джона раздался звонок и на экранах видео появилось лицо Веза:

— Встретимся возле шлюза номер два сразу же после посадки.

— Хорошо, Вез, принято.

Солнце пригревало здесь почти также, как на Земле. Деревья, окружавшие луг, не были похожи на сосны, они имели сморщенные округлые листья и пряно пахли. Но несмотря на это пульс Джона участился. Трава здесь на первый взгляд была такая же, как на Земле, она доставала до щиколоток и пахла как обыкновенная трава.

Птицы могли сойти за соек, если бы вместо пурпурного оперения имели голубое, так памятное по Земле. Экологическая ниша белок была заполнена небольшими созданиями, удивительно похожими на маленьких, безволосых мексиканских собачек. Но кричали они так, как не смог бы сделать ни один земной пес. Люди заметили какое-то существо, похожее на енота, которое вышло из леса и направилось к озеру. Заметив людей, оно остановилось и удивленно посмотрело на них, потом повернулось и побежало обратно, смешно подпрыгивая. Джон сравнил этого зверя с енотом именно по тому, как оно передвигалось. Он имел длинное рыло, короткий хвост и серый мех с одним белым большим пятном на шее.

В нескольких ярдах за людьми появились вооруженные гохданцы.

Вез подошел к Джону и улыбнулся:

— Ну, как, приятели. Вам нравится?

Джон сглотнул и едва выдавил из себя:

— Это... идеальное место, Вез. Словно мы на Земле, где-нибудь в Северной Америке поздней весной.

— Я рад за вас. Я приказал своим экологам подробнее проштудировать описание земли и на основании этого сделать выбор планеты. Меня уверяли, хотя иссле-

дования здесь были весьма поверхностными, что в отношении местной фауны необходимы только минимальные меры предосторожности. Вы уверены, что палатки вам хватит? Мы могли бы установить что-нибудь посолиднее.

— Палатки хватит,— ответил Джон.— Она выглядит очень... очень невинно.

Вез открытой ладонью выразил свое согласие.

— Насколько мне известно,— начал он,— в двух милях вниз по течению ручья есть равнина, где можно будет построить поселок и смонтировать необходимое оборудование для нормальной жизнедеятельности. Да, еще! Подумайте над тем, что когда вы раздобудете нужное количество кораблей, вам необходимо будет решить проблему маскировки. Если говорить о временном посадочном поле, то лучше всего иметь на нем три звездолета одновременно. И вот еще что. Грунт там не настолько твердый, чтобы выдержать старт корабля на обычных двигателях, поэтому я вам советую применять сразу гравитационный ускоритель.

Они подошли к груде оборудования, которая занимала добрые семьдесят ярдов луга. Над большими штабелями из ящиков и пакетов были уже натянуты маскировочные сетки, которые (как уверял Вез) были окрашены таким образом, что по цвету не отличались от окружающих деревьев, вне зависимости от типа освещения — видимого, инфракрасного или ультрафиолетового.

Что за сила дремала под этими сетками! Кровь ударила Джону в голову при мысли о длинных, металлических сигарах, мчащихся сквозь пустоту в погоне за отчаянно лавирующими неприятельскими звездолетами.

Огромная «Луна» мягко села на равнину, не касаясь травы, поддерживаемая гравитационными подушками. Колтер вывалился из люка первым. Джон встретил его, протянув руку.

— Привезли пассажира?

— Нет, только информацию.

— Где и когда?

— Около двенадцати с половиной световых лет отсюда, между двумя двойными звездами. Тамошняя гравитация отлично маскирует от всяких массдетекторов. Время,— Колтер посмотрел на свой хронометр,— позже на одиннадцать часов, начиная с времени нашей посадки.

— Это не дает нам времени для пополнения припасов для «Луны».

— Мы должны сначала лететь на Акиель, а оттуда отправиться на место встречи. На каком-нибудь небольшом корабле. «Луна» очень бросается в глаза, полный Самец на Акиеле высказал мысль, что Вез До Ган может что-нибудь заподозрить.

— Хелки, видимо, прав,— вздохнул Джон.— Что ж, это означает только еще два дополнительных часа. Были еще какие-нибудь сообщения?

— Да. Мы должны, в свою очередь, оставить здесь кого-нибудь, кто будет охранять все это. Мы будем присылать корабли за вооружением и припасами. Ну, ладно, давай разгружаться. Я думаю, что нам будет достаточно сложить припасы там, под деревьями?

Глава 12

С беспокойством, которое Джон старался не высказывать, он наблюдал за Омниархом, который программировал компьютер для гиперпрыжка. Они должны были попасть на нужную планету, без всяких корректирующих прыжков, точно и без отклонений. Такое путешествие, если не было точных данных, называли «гиперсферической рулеткой». Но Омниарх без сомнения знал, что делал.

На корабельном детекторе массы были видны две светлые точки — это была пара двойных звезд. Немного дальше была видна еще пара. Сейчас они были в месте их секретной встречи.

Большой Хелки повернул голову и посмотрел на Джона.

— Десять секунд, командор.

Браузен постарался расслабиться.

Гиперсфера!

Около полутора минут объективного времени — это было порядочно. Корабль, выходящий из гиперсферы, мог наскочить на кусок скалы. Джон с трудом проглотил слюну, мечтая о ничтожной порции дрона, или, по крайней мере, о стакане виски. Он сжимал и разжимал вспотевшие ладони. Указатель хронометра наконец-то высветил необходимую отметку. Джон скрючился в кресле, охваченный страхом и сомнением.

— Выход!

Они остались живы. И находились на орбите планеты, которая могла быть Марсом, если бы имела немного больше видимых кратеров. Атмосфера с давлением не более десяти фунтов на квадратный дюйм, немного кислорода... Солнце системы было бледным. Это был белый карлик, который в свое время сжег жизнь на этой планете в момент максимального увеличения излучения. Планета сейчас была безжизненной, хотя каким-то чудом на ней сохранились два моря.

Они тайком прокрались в этот район, контролируемый Гоздом, и возбуждение, которое испытывал Джон при мысли о корабле Клип, не уменьшало этого прискорбного факта. Ему не нравилась эта затея, проводимая за спиной Вез До Гана. Но как бы там ни было, они были на месте...

Большие волосатые ладони Омниарха быстро пробежали по пульту.

Корабль замедлил полет и снизился. Они задержались над краем округлого плоскогорья и Омниарх снова обратился к Джону:

— Сейчас мы должны кое-что предпринять, прежде чем приступим к самому главному. Джон Браузен, я намерен ударить небольшой силы лучом из орудий и измельчить грунт вот в том месте. Потом,— он указал на экран,— сдуть его выхлопами.

Джон пожал плечами.

— Ты здесь командуешь. Когда будем начинать?

— Прямо сейчас. Прямо под нами, не менее чем в двадцати футах под поверхностью находится металлический предмет диаметром два фута и высотой один фут. Его положение можно зафиксировать более точно при помощи магнитометра.

— Хорошо,— буркнул Джон.— Что это? Часть корабля Клип?

— Нет, Джон Браузен. Это не часть корабля. Это прибор, при помощи которого мы найдем звездолет. Для каждого, кто нашел его, не зная хотя бы немного технологию Клип, эта безделушка осталась бы полной загадкой. Ну, что ж, идем на посадку и на работу!

Созданный загадочной цивилизацией прибор был похож на большой металлический гриб со шляпкой, без каких-либо следов обработки на поверхности. Он казался монолитной глыбой металла, но у людей создалось

впечатление, что внутри он полый. Разве что Клип создали сверхлегкий металл.

Открывался прибор своеобразным способом. Омниарх принес из корабельного склада длинный кабель с магнитным сердечником и начал свивать из него спираль. Спираль получилась тройной и в середине ее он установил прибор.

— Сейчас,— обратился он к Джону,— нам потребуется постоянный пульсирующий ток, частоту которого необходимо менять в пределах от пятисот до тысячи мегациклов. На корабле есть генераторы с таким параметром.

Джон посмотрел на Омниарха и сказал:

— Наверное, к тому же можно было бы отключить питание батарей.

Омниарх улыбнулся.

— Ты не считаешь, что монтаж и доставка сюда специального оборудования может оказаться очень некстати? И...— он на мгновение прервался, легко переступив всеми своими четырьмя ногами,— прошу извинить меня, если я выгляжу несколько возбужденным. Я видел только фильм о корабле, находящемся здесь. А вы ведь знаете, насколько важен нам этот корабль.

Джон удивленно посмотрел на Хелки.

— Ты хочешь сказать, что никогда не имел дела с этим контрольным прибором?

— Я пользовался им. Собственно, это я спрятал его здесь, но сам корабль... Нам всем суждено увидеть его впервые!

Так ток пробежал по спирали сложной формы. Омниарх стоял над прибором, широко расставив ноги со склоненной на бок головой, чтобы было удобнее вести наблюдение.

Загадочное творение разума Клип задрожало, подпрыгнуло на несколько сантиметров вверх. Его внешняя оболочка треснула и мгновенно превратилась в порошок. Омниарх дрожащими от нетерпения пальцами, раздвинул спираль и вытащил прибор. Джон увидел панельку, заполненную циферблатами и указателями. Надписи представляли из себя набор каких-то непонятных закорючек. Он знал, что никто и никогда в Галактике не смог до сих пор расшифровать язык Клип. Ладони Большого Хелки дрожали еще сильнее, когда он положил, согнув медленно сначала одну, потом вторую ногу, а затем и свое тело на землю рядом с прибором. Он

долго вглядывался в показатели и циферблаты, затем глубоко вздохнул и произнес:

— Если я хорошо понял тот фильм и все, что мне удалось расшифровать в этих надписях, если технология Клип соответствует действительности, то можно сказать, что звездолет выйдет из-под земли в неполной миле отсюда. Лучше всего переждать это в корабле. Активность этой планеты уже давно исчерпана, но силы, которые будут применены для выявления корабля, могут быть огромными и небезопасными.

Кровь прилила к вискам Джона. Он поспешно двинулся вслед за Омниархом к своему кораблю.

Они взлетели на несколько тысяч футов и Джон увидел как Хелки включил прибор.

Ничего не произошло. Джон задрожал от напряжения, злости и разочарования. Но потом... Он едва успел подавить в себе желание бросить корабль в космос с ускорением в сотню «же». Поверхность планеты, рыжеватая и пустая внезапно лопнула, как яйцо в горячей воде, из трещины повалила пыль и полетела порода. Трещина стала расти, выброс грунта поднялся на невероятную высоту и планета как бы вздрогнула, рожая гигантский звездолет, вылезавший из гигантской трещины. До их слуха донесся грохот и рев разбуженной планеты. То, что выходило из ее недр, выходило с очень больших глубин. Медленно стряхивая с себя миллионы тонн породы, корабль Клип рождался заново.

Долгое время Джон был парализован собственным недоверием тому, что он видел на экране внешнего обзора, думая, что разум его помрачился. Звездолет чужой цивилизации имел по крайней мере четыре тысячи футов длины и шестьсот-семьсот футов в диаметре. Он имел цилиндрическую форму, с закругленными концами и параболическими выпуклостями с торцов. Больше никаких подробностей разглядеть было нельзя. Через несколько секунд Джон сумел увидеть, что вокруг корабля проходит какая-то цепь, состоящая из звеньев круглых колец. Но что самое удивительное, эти кольца не соприкасались друг с другом. Эта цепь состояла из нескольких рядов звеньев, таких рядов было восемнадцать, причем каждый состоял из сорока или пятидесяти кругов. Скорее всего это были шлюзовые люки, которые были сделаны из металла более темного и от этого контрастирующего с матово-серебристым металлом корпуса корабля. Сотни люков! И через каждый из них мог свободно пройти такой корабль,

в котором сидел сейчас Джон. Нос гиганта, казалось, почти достигал их корабля...

Когда первые секунды ошеломления прошли, Джон обратился к Омниарху:

— Ты не мог бы..?

Но Хелки уже вращал ручки прибора. Джон посмотрел на экран: нереальный, невероятно огромный корабль стоял напротив их висевшего над поверхностью планеты кораблика и один из люков громадины был открыт.

Хелки улыбнулся полными губами, но глаза его были наполнены бешеным возбуждением. Голос дрожал:

— Взойди на борт своего нового корабля, командор Джон Браузен!

...Осторожно изучая все переключатели, кнопки и приборы, люди нашли систему коммуникации внутри корабля. Благодаря этому со всех палуб и помещений можно было связываться с залом Центрального управления корабля Клип.

Необычайно многое происходило при нажатии кнопок или при манипулировании переключателями на главном пульте, или во вспомогательных помещениях, размещенных в разных концах корабля. Массивные сооружения в оружейных отсеках корабля вращались совершенно бесшумно и о силе их оружия можно было только догадываться. Множество разноцветных огоньков мигали в рубках и каютах, гудели сигнальные сирены, а нажатие одной кнопки на энергопульте привело к тому, что многоэтажные колонны энергонакопителей начали неистово гудеть от накопленной в них энергии в миллион киловатт.

Сначала Джон и Омниарх даже не пытались активизировать все эти механизмы. Единственное, что они сделали, это включили освещение всех палуб, коридоров и кают. Но потом оказалось, что корабль был снабжен специальной системой безопасности, так что любой тупица, оказавшийся на его борту, не смог бы причинить вреда его нормальному функционированию. Люди научились распознавать некоторые надписи над приборами и переключателями настолько, насколько это позволяло сделать познания Омниарха в языке Клип.

— Смотри! — сказал Джон, показывая на предупреждающий знак,— дьявольское совпадение. В моем мире красный цвет применялся для обозначения опасности. Также это обозначение принято и в Гохде и в Вильмуте. А сейчас видно, что и Клип тоже применяли его.

— Это не случайное совпадение, Джон Браузер,— Омниарх улыбнулся.— Мой народ тоже применяет этот цвет для аналогичной цели. А поскольку мы все имеем красную кровь, разве применение этого символа не очевидно?

Джон посмотрел на Хелки и покраснел.

— Ты прав. У нас были бы проблемы, если бы нашли что-то созданное существами с зеленой кровью, не так ли?

— Да,— важно ответил Омниарх,— но было бы просто научиться работать и в этом случае.

— В ходе изучения корабля оказалось, что Клип уже давно применяли всю технологию, которая сейчас считалась у разумных рас Галактики суперновой. К тому же, здесь была еще и такая, которую ни люди, ни Хелки не знали. Например, возле главного пульта управления находился еще один пульт, поменьше, который был усеян пружинками. Эти пружинки были сделаны из какого-то пластика или керамики. Они были очень упругими и сколько Джон ни давил на них, он не смог сдвинуть витки ни на йоту. Кроме того, здесь же на пульте было несколько указателей с циферблатами, а также большое количество переключателей и игольчатых рукояток. Омниарх, выходя из зала, остановился в дверях и загадочным тоном сообщил Джону:

— Можешь немного поэкспериментировать, Джон. Это не опасно.

И вышел. Удивленный Джон посмотрел ему вслед, а потом вернулся к этому странному пульту.

Он был шести футов в высоту и девять футов в ширину, и стоял от главного пульта на десять дюймов. Пространство за пультом было закрыто кожухом. Очевидно, как отметил Джон, там могли находиться какие-то приводные механизмы.

Джон выбрал переключатель ниже самого большого диска, имеющего около трех футов в диаметре, перекинул его в конечное положение, и... тут же отскочил назад, когда из диска вытек шар такого же размера. Джон осторожно приблизился, свет свободно проходил через шар, темный диск исчез и из пульта торчала только половина шара. Значит, другая половина должна была находиться за пультом, но где, если там свободного пространства было едва пару дюймов.

Джон протянул руку и дотронулся до поверхности шара. И ничего не почувствовал. Его пальцы просто про-

шли сквозь это, что напоминало на вид стекло. Он отнял руку, на шаре не осталось ни малейшего следа. Тогда он повернул переключатель в первоначальное положение. Шар тут же исчез и опять на пульте возник черный диск. Включил — диск вновь сменился шаром. Он несколько мгновений вглядывался, потом подошел к детектору массы. Так и есть! Шар на экране с точечками огоньков, обозначавших положение двойных звезд и точками положения «Лупы» и других кораблей. Очень осторожно он протянул руку и дотронулся до поверхности шара. Шар был таким, как и должен был быть — полным и холодным. Тогда он возвратился к пульту с пружинками. Ни один из оставшихся переключателей и кнопок не привели к какому-либо изменению на пульте и внутри иллюзорного шара. Глядя на надписи, Джон нахмурился размышляя. Он распознал только одну комбинацию знаков, занимающих целый край пульта. Это слово означало «гиперсфера». Именно так! Так объяснял такую комбинацию значков Омниарх. Видимо это был какой-то специальный вид детектора массы, который действовал только при работе компьютера корабля в режиме полета в гиперсфере. Или же это мог быть прибор, контролировавший положение других кораблей в гиперсферном полете. Джон с неохотой выключил его.

Такой же загадкой оставались четыре циферблата хронометров над малым пультом вспомогательного компьютера. После включения питания все четыре хронометра начинали отсчет времени, стрелки быстро делали несколько оборотов с разными скоростями, потом останавливались. Три из них показывали дату и время, которые Джон не понимал. Указатели четвертого прибора двигались точно так же, как и стрелки ручных часов Браузена, хотя конечно, все цифры на циферблате этого прибора были совершенно непонятными.

Главная часть корабля — гигантский механизм длиной в тысячу футов и диаметром двести футов — представляла из себя единый монолит. Внутрь этого механизма совершенно не было доступа. Создавалось впечатление, что попасть внутрь было вообще невозможно. Даже ультразвуковое и магнитное зондирование не помогли раскрыть его секретов. Он был настолько массивен и так прочно закреплен, что Омниарх и Джон решили, что он был отлит в супергигантской форме, а потом весь корабль был простроен вокруг него. Может быть его сделали из отдельных частей, а потом собрали в единый монолит из

металла, того самого, из которого был сделан и корпус всего звездолета.

Стены этого механизма должны были иметь по крайней мере около двести футов толщины и скрывали в себе превращение энергии невиданной мощи. Выходящие наружу шины несли в себе ток, который мог сжечь дотла небольшой поселок.

После всех многочасовых размышлений и исследований Джон начал разговор с Омниархом.

— Там должно быть громадное количество топлива! И мы не знаем как пополнить его запасы, когда они закончатся. Трудно предположить, что Клип сделали корабль для одноразового использования.

— Ты уже сам сказал,— усмехнулся Омниарх,— что в этом корабле может быть колоссальный запас топлива.

Джон мгновение смотрел на Хелки — этот Омниарх все еще был для него загадкой.

— Кстати, ты никогда не говорил мне, как тебе удалось раздобыть контрольный прибор для обнаружения корабля. И где ты видел фильм, разъясняющий как им пользоваться? Мне кажется, что там могли быть и другие ориентиры, где искать остальные изделия расы Клип. Думаю, что это может пригодиться нам в бою.

Омниарх моргнул два раза.— Ты думаешь, что я не искал, Джон Браузен? Другие предметы могли быть уничтожены в катаклизмах или еще ждут, пока их откроют. Пойми, что я не могу свободно, на виду у всех, передвигаться по Галактике, как хотел бы. Вильмут имеет множество шпионов почти на всех населенных планетах!

Джон промолчал. Но подумал, что имеет информацию, или путь, ведущий к ней... этот Хелки! Место, где Омниарх раздобыл контрольный прибор и смотрел фильм (один бог знает, как этот фильм выдержал столько столетий!), вероятнее всего находилось где-то на территории, контролируемой Вильмутом. Слово «место» Омниарх применял только в специфическом значении и всегда, когда хотел не дать никому никаких сведений. Также он говорил и о женщинах, спрятанных в определенном «месте».

После ста часов (последние восемьдесят Барт Ланге также был на борту корабля) Джон был уверен, что сможет справиться со звездолетом без помощи Омниарха (гравипривод и аппаратура, контролирующая гиперпереход, была относительно простой). Определенное коли-

чество английских слов, эквивалентных терминологии Клип, было запрограммировано в памяти компьютера, а остальные можно было ввести потом, дополнительно. В конце концов компьютерам было все равно чем оперировать — арабскими цифрами или непонятными значками двухсотзначной системы Клип. Сначала Джон думал переградуировать все циферблаты приборов, нарисовав на них привычные человеку символы, но через некоторое время понял, что гораздо легче интерпретировать показания аппаратуры такими, какими они являются в оригинале.

Тем временем Омниарх улетел, забрав с собой контрольный прибор. В общем это не понравилось Джону, но он не стал спорить. Большинство его людей уже прибыло. Все разведчики были стянуты на палубы флагмана. Джон занялся изучением вооружения корабля Клип, оставив Ланге заниматься более подробным исследованием инструментов и механизмов.

Сам факт существования в настоящее время корпуса корабля говорил о большой стойкости металла, из которого он был изготовлен. Странным было, что крышки люков были изготовлены из стали, которая была намного слабее и податливее коррозии, нежели металл корпуса и других внутренних конструкций. Конечно, в то время это были самые уязвимые места. Джона удивило, что сталь этих крышек не проржавела. Может быть в своем подземном хранилище она была предохранена от влаги каким-то химическим способом.

То, что крышки люков были выполнены из менее прочного металла, имело свою пользу. Для размещения ракетных установок и лазеров можно было прорезать в люках необходимые бойницы. Так что это было даже неплохо.

Джон долго раздумывал над размещением оружия. Конечно, среди экипажа всегда найдется несколько людей, которые смогут спланировать размещение и подключение оружия. Да, это будет огромный труд! Позволит ли Омниарх сделать это на Аикеле? Наверное, нет. Все должно быть сделано руками людей в открытом космосе. Ну, что ж, работа — это только работа. Оставалось теперь решить самый главный вопрос, где достать необходимое вооружение? Он решил посоветоваться с Ланге.

— У нас была такая возможность. Я имею в виду демонтаж кораблей Бидх. Но теперь это уже невозможно. Гохд мы не можем просить о помощи, так как

они не знают об этом корабле и могут вполне резонно поинтересоваться, зачем и где мы собираемся разместить так много оружия. Мы не можем даже купить его, так как на это у нас нет денег.

Барт согласился.

— Мне пришла в голову мысль, что Вильмут никогда не пытался посетить Землю после Катастрофы. А ведь очень много их продукции шло туда до последней минуты. Наверняка там кое-что осталось, пригодное для нас. Но с другой стороны, сильная радиация. Выйти на поверхность...

— Барт резко выпрямился.

— Но может быть за восемь лет уровень снизился?

— Конечно, снизился, но все равно думаю, что придется работать в защитных скафандрах, а все демонтированное оборудование тщательно дезактивировать. Дожди, конечно, смыли много этой гадости. К тому же многое находилось на складах и убежищах (сам знаешь, как о нем заботились) и не может быть сильно повреждено.— Он внимательно посмотрел на Ланге.— Барт, я рассчитываю на то, что нам удастся собрать сто ракетных установок, пятьдесят лазерных и тяжелых орудий.

Ланге открыл рот.

— Боюсь, что все лазеры могли быть уничтожены!

— Может быть. Но мы это проверим. Когда мы доставим все это в безвоздушное пространство...

— Каким образом мы все это заберем? — Барт скептически улыбнулся.— Ты сам говорил о сильной радиации.

— Да, ты прав. Но у нас есть этот огромный корабль и мы можем использовать для этого даже тысячу футов его длины.— Увидев лицо Ланге, Джон усмехнулся.— Конечно, я не думаю отрезать от него кусок (у нас нет даже инструмента, чтобы разрезать его), но мы можем все перенести в один из больших отсеков и перекрыть его наглухо.

Барт решительно рубанул рукой воздух:

— Отлично! Можно попробовать! И я бьюсь об заклад, что у нас все получится как надо.

— Я намереваюсь,— прервал его Джон,— заставить Омниарха, даже путем шантажа, чтобы он сам или его потомки-техники передали нам всю информацию по этому кораблю. И что из того, что ракетная установка будет излучать несколько рентген? Мы будем держаться от нее на расстоянии.

— Конечно,— сказал Барт. Его лицо горело решимостью.— Сколько людей мы возьмем?

— Больше, чем скафандров высшей защиты. У нас будет много работы. Я хочу забрать всех, за исключением экипажа, необходимого для «Луны» и нескольких разведчиков. Моральный дух людей несколько упал, и я хотел бы немного поднять его зрелищем планеты-матери. Большинство из них не видели ее после...

Барт подумал и медленно кивнул головой.

— Ты прав. Я знаю по себе, что не смог бы пережить это вновь... но... один только бог знает, как я хочу увидеть нашу родную планету спустя восьми лет небытия.

Глава 13

Огромный корабль находился в гиперсфере вот уже почти четыре часа. Это было время, необходимое для путешествия к Солнцу. Джон беспокойно метался по залу Центрального Управления. Его волновало какое-то странное, нехорошее предчувствие. Логически рассуждая, спустя восемь лет, не было ни одной причины, по которой Империя Вильмут могла осуществлять наблюдение за Солнечной системой. Конечно, можно было проводить работы скрытно, в шахтах, но зачем такой мощной Империи заниматься такой чепухой! Все, что можно было найти на Земле или на других планетах Солнечной Системы, с таким же успехом можно было бы отыскать на сотнях других планет Галактики, к тому же совершенно избавившись от радиоактивного фона. Что же касается земных складов оружия, то они не должны были интересовать имперцев. Было легче создать новое, чем лететь на Землю и искать там заброшенные арсеналы. Единственной причиной такого решения Джона было отсутствие возможности раздобыть оружие еще где-либо. Джон был раздражен тем, что дал повод Вильмуту вспомнить о Земле. Если они будут так умны, что додумаются до возможности участия землян в атаках на передовые посты Бизх, то они наверняка пойдут по тому же пути размышлений, что и он сам.

Согласно хронометру осталось менее четверти часа до выхода из гиперсферы в точке пространства на орбите Плутона.— Однако, выше плоскости эклиптики, чтобы избежать встречи с поясом астероидов. Если вильмутцы

все-таки оставили наблюдателей, то вероятно они расположат свою базу именно среди Пояса астероидов. Они будут готовы к нуль-прыжку, тогда как его корабль сможет выполнить такой маневр только через четыре минуты после включения гиперустановки. Вернее, почти через четыре, так как они с Бартом смогли определить, что корабль Клип подготавливается к прыжку в гиперсферу за три минуты и двадцать секунд. Это было много, особенно когда речь идет о космическом сражении. У Джона не было никакой уверенности, что корпус корабля, пускай даже из такого прочного материала, сможет выдержать ракетный залп тяжелого крейсера.

Джон остановился перед шаром масс-детектора. Барт стоял рядом.

— Я хотел бы,— буркнул он,— чтобы это было точно отрегулировано. Когда мы выскочим в обычное пространство, то он покажет нам очень много объектов. Солнце, планеты и астероиды. Точность невысокая, вернее, слишком высокая, а я хотел бы знать, где нахожусь.

Джон кивнул головой. Все видимые точки должны были лежать в плоскости на четыре дюйма ниже центра шара, который естественно соответствовал сиюминутному положению корабля в нормальном пространстве. Солнце будет выглядеть как зелено-голубой огонек, но изображение остальных объектов системы может быть смазанным. В общем было плохо, что спустя восемь лет он не мог знать точного положения планет на орбитах. Вдруг что-то пришло ему в голову. Он остановился и посмотрел на вспомогательный пульт, туда, где виднелась надпись на языке Клип «гиперсфера». Он быстро подошел и решительно передвинул переключатель под большим диском. Оптическое изображение сферы появилось мгновенно, но на этот раз оно было покрыто разноцветными блестящими точками.

— Барт! Иди сюда!

Ланге медленно подошел и с удивлением поднял брови.

— Что это такое, дьявол его побери? Ведь мы в подпространстве!

Джон усмехнулся.

— Да, мы в гиперсфере. Но этот прибор работает именно здесь! Смотри! Это наверняка Солнце, а это — планеты. Зеленые огоньки. Зелено-голубые —это звезды. А что могут означать эти желтые точки? Каждая имеет пять-шесть миллиметров в диаметре.

Он посмотрел на Барта.

— Как ты думаешь, что это такое?

Ланге долго всматривался в огоньки, потом вздохнул и произнес:

— Похоже, что это корабли. Корабли Вильмута. Всего тридцать кораблей! Я не знаю, как Клип смогли сконструировать прибор, который может из гиперсферы контролировать обычное пространство. Похоже, что эта наша игрушка способна и на более интересные штучки. Если попробовать вот так,—он подкрутил какую-то ручку.

Система огоньков на сфере уменьшилась.

— Значит,— ухмыльнулся Барт,— это максимальное увеличение.— Он повернул ручку в противоположную сторону. Изображение увеличилось, окраинные огни вынырнули на поверхность шара. Когда ручка дошла до другого упора, изображение исчезло, остался один крупный белый огонек.

— Как ты думаешь, что это такое, Джон? Похоже, что обломок скалы.— Барт скривился.— Мне кажется, что сейчас мы как раз летим сквозь него. Не очень-то хорошая перспектива?

— А мне кажется, что это очень даже неплохо. Если мы сможем таким образом контролировать выход из подпространства, то нам ничего не страшно.

Барт кивнул.

— Ты прав, об этом я как-то не подумал. Но почему мы раньше не разгадали свойств этого прибора. Ведь мы входили в гиперпространство на этом корабле уже более тридцати раз.

— Мне кажется, что он начинает действовать только вблизи больших гравитационных масс. Сейчас нам необходимо сверить свое положение относительно Земли, таким образом можно в гиперпространстве дойти до самой атмосферы планеты. Кстати, как там поживают наши «друзья»?

— Их корабли остались на границе системы,— ответил Ланге.

Джон кивнул и включил интерком корабля.

— Всем приготовиться к выходу! Полная боевая готовность на Разведчиках! В Солнечной системе «гости». Мы попробуем пройти незамеченными, но если кто-то из них полюбопытствует, какой корабль пожаловал на Землю, вы встретите этих любопытных и щелкнете их по носам!

Огромный звездолет повис над тем, что было когда-то

Восточной Суматрой. Мужчины стояли в молчании, вглядываясь в экраны. Даже Джон, который в отличие от остальных уже видел Землю после Катастрофы, был также сильно подавлен, как и остальные. Подсознательно он ожидал сейчас увидеть голую планету, скалы, залитые лучами солнца, землю, иссеченную дождями. Когда он был здесь с Доалем, листья еще висели на деревьях. Но они были уже желтые и сморщенные. Джон думал, что сейчас на Земле все исчезло. Но это было не так. Большинство деревьев продолжали также стоять, несколькими милями дальше темнела лента дороги, по обе стороны которой зияли выгоревшие проплешины леса. Остовы деревьев торчали вверх, целясь остриями сгоревших верхушек прямо на них. Это была мрачная пародия на жизнь. Гниение уничтожило немногое, так как бактерии та же форма жизни, а жизнь на Земле была полностью уничтожена.

Деревянные домики являли собой еще более жуткий вид. Почерневшие, промокшие от дождей доски не были покрыты даже обычной плесенью, и поэтому не гнили. Не было ни термитов, ни крыс. Джон заметил птичье гнездо, свитое под крышей одного дома. И лежавшие в нем птичьи яйца напрасно ожидали тепла от материнской груди.

Это было ужасное зрелище! Спустя восемь лет мертвые тела людей все так же лежали, как и в день Катастрофы. Мужчины, женщины и дети валялись рядом с животными, вытянув головы и разбросав руки. Джон заметил собаку, лежавшую рядом с маленьким мальчиком — кто из них погиб первым? Кто из них из последних сил полз к другу?

Из интеркома донеслись приглушенные крики гнева, когда ярость с неожиданной силой охватила людей.

На западе были горы. Высокие вершины были голые и неприветливые. У подножия открылась блестящая поверхность мертвого озера, когда корабль поднялся немного выше, перелетая через вершины гор. Странно было смотреть на воду, Джон всегда считал ее живым существом. А море, к которому они приближались теперь? Как после смерти всего живого на Земле, волны могли все также ударять о берег, крутиться и кипеть своей собственной мертвой жизнью.

Джон наклонился и утопил клавишу на пульте.

— Доктор?

— Да, сэр?

— Когда будут готовы данные об атмосфере?

— Через час я представлю полный рапорт. Но по предварительным данным могу сказать, что количество стронция-90 превышает допустимый уровень. Кроме того, очень много кобальта. Не думал, чтобы металл можно было распылить в такие мельчайшие частицы и что они столько лет могут висеть в атмосфере.

— Кобальт-60? — Джон нахмурил брови. Как это могло случиться?

— Может быть какая-то боеголовка ударила прямо в склад кобальта? Думаю, что этого вполне хватило бы.

— Та-ак? — Джон на мгновение задумался. Каково общее положение? Как вы думаете, доктор, остаточная радиоактивность домов и предприятий может пробить нашу защиту?

— Боюсь, что да. Особенно при длительном пребывании на поверхности. Может быть немного помогут абсорбенты.

— К счастью у нас есть небольшой запас. Так вы думаете, что кратковременное пребывание на земле не окажет сколько-нибудь вредного влияния на организм?

— Не могу сказать, сэр. Сейчас можно только предполагать.

— Хорошо,—вздохнул Джон.— Спасибо.

Он встал с кресла и подошел к Барту.

— Нам надо бы попробовать на Балканах. Там была довольно развитая промышленность, к тому же сейчас там сухая пора года,— он посмотрел на Ланге.— Я поручаю командование тебе.

Барт стиснул губы.

— Ты хочешь сказать, что отправляешься вниз? Но ведь это абсолютно бессмысленно, Джон!

— К черту! Ты думаешь, что мой авторитет в глазах экипажей возрастет, если я пошлю их в этот ад, а сам буду отсиживаться за броней корабля? Нет, мой милый. Там нет тигров и волков! Там радиоактивный ад и действие его бесшумно и невидимо. Он действует на мозг и приборы. К тому же, если что-нибудь будет не так, мы сразу же взлетаем.

Ланге был похож на человека, которого убедили приведенные доводы, но недовольство осталось.

— А что будет, если вильмутцы заинтересуются нами? Думаешь посмотрят и улетят?

— Не забывай о плане Омниарха.

— О чем ты?

— Если здесь погибнет слишком много людей, Омниарх будет стеречь остальных, как зеницу ока. Другими словами, те, кто останется в живых, могут не беспокоиться ни о чем. Я же должен быть на Земле, чтобы решить, что нам может потребоваться, а что нет. Ты тот человек, кому я могу доверить корабль и кто может правильно оценить ситуацию, если что-то пойдет не так как нужно.

Ланге что-то пробормотал и пожал плечами.

— Хорошо. Ты капитан. Как ты решишь проблему энергии?

— Думаю, что необходимо искать источники, которые можно было бы оживить. Если же это не удастся, то мы протянем кабель от корабля. Это можно сделать без особого риска загрязнить палубы радиацией.

— Хорошо. Как долго будет находиться снаружи первая смена?

— Десять часов. Со мной полетят двадцать человек. Если все пойдет как надо, мы количественно увеличим вторую партию. На палубе корабля тоже много работы. Кроме того, мы не можем все предусмотреть.

— Когда ты отправляешься?

— Как только сориентируемся в ситуации и определим местонахождение нужных нам объектов. Подготовку начинаем со следующего витка.

Скафандры, хотя и были сделаны из самых легких защитных материалов, пластика, магния и алюминия, были предназначены для выхода в космическое пространство, а не для работы на поверхности планеты. В связи с тем, что сила тяжести составляла здесь один «же», передвижение людей было сильно затруднено. Обычное движение без скафандра по сравнительно ровной местности заняло бы всего полчаса, а скафандр добавлял к этому еще чуть не два часа.

Джон с трудом сдерживал себя от постоянных взглядов на датчик излучения, вмонтированный в левый рукав. Скафандр не справлялся с поглощением выделений тела. Его раздражало липнущее к телу белье, а также психологическое угнетение от мысли, что каждую секунду каждую клеточку его тела пронизывает, хотя и ослабленная, но все же радиация. Их работа увенчалась сравнительно быстрым успехом. В течение седьмого часа работы они сумели разыскать и доставить на борт корабля семнадцать готовых ракетных установок. Ко-

рабль висел в нескольких дюймах от поверхности, шлюзы были открыты и изнутри змеились силовые кабели.

Типовая ракетная установка была очень тяжелой. При размерах шестьдесят на девять футов, она весила около пяти тонн. Поэтому в установке был смонтирован гравипривод. На толстом конце были установлены солидные плиты, предназначенные для защиты всей установки от толчков при стрельбе. Кроме того, там же находились прицелы, утопленные в упругом металлопластике. Вдоль каждой трубы протянулись датчики, управляемые компьютером. Благодаря этому ракеты всегда были наведены вдоль оси установки. Вторым достоинством этого оружия было то, что оно могло выпустить приличный снаряд калибром до семи с половиной футов со скоростью до трех тысяч футов в секунду. Благодаря соответственно спроектированным направляющим, компьютер корабля, управляющий огнем, мог запрограммировать полет снаряда на тепло, свет, массу, полет змейкой, согласно теории вероятности, гарантирующей минимум потерь от противоракет противника. Можно было выстрелить ракету со своим приводом или просто метнуть обычную металлическую болванку. Даже можно было катапультировать в космос человека в скафандре (На жаргоне космолетчиков это называлось «полет кадета»), но такой тип путешествия на другой корабль не был комфортабельным и приятным. Так что такая типовая установка имела много достоинств и отлично могла пригодиться для космического боя.

При монтаже этих установок, созданных на Земле, должно быть конечно много работы. Боевые посты на корабле не соответствовали станинам установок. Это требовало изменения гнезд для крепления опор и даже электрических разъемов. Технически сделать это было несложно, но требовало много тяжелого монотонного труда. Джон не знал, что делать с гигантскими люками, которые, видимо, предназначались не только для приема малых шлюпок.

На девятом часу работы начались первые неприятности.

Экипаж Джона был как раз внутри огромного склада, собирая части очередной установки, когда в наушниках он услышал голос Барта:

— Джон, несколько кораблей Вильмута подходят к Земле.

Браузен почувствовал, как его желудок сжался в комок.

— Вы видите их на детекторе массы?

— Нет. Мы пробовали крутить кое-какие приборы. Ты помнишь те диски на приборе с пружинками? То же самое я обнаружил на главном пульте. При включении четырех переключателей срабатывает такая же система обнаружения, как и та, что работала в гиперпространстве. В настоящий момент четыре корабля двигаются от пояса астероидов к Земле. Поскольку мы находимся на дневной стороне планеты, они нас пока что не засекли. Но как только они появятся на орбите Земли, то мы попались. Если работы будут продолжаться ночью, свет нас тут же может выдать.

Кровь пульсировала в висках Джона и он ощутил почти что забытое желание опять вернуться к дрону.

— Барт! — крикнул он.— Мы будем работать наощупь. Обрывай кабели и немедленно взлетай!

— Ты хочешь сказать, что остаешься? — голос Барта был полон удивления.

Джон разозлился.

— К черту, Барт! Делай как я говорю! Мы не можем все бросить, ты это понимаешь? У нас есть пищевые концентраты и вода. Трудно предугадать, что они предпримут. Сядут они на планету, или сделают пару контрольных витков, удовлетворившись фотографией и показаниями приборов. Вам нельзя оставаться здесь, они непременно засекут корабль масс-детекторами. Поэтому поднимайтесь на высоту тысячу футов и будьте готовы уйти в подпространство.

— Джон, ты чокнулся! Почему ты тоже не хочешь вернуться на корабль?

— Все не так хорошо, как ты думаешь. Выходи в подпространство и наблюдай за ними. Как только положение окажется критическим, возвращайся. А теперь, вперед!

— Хорошо, герой. Еще один вопрос. Как долго мы можем находиться вне пределов досягаемости их детекторов?

Джон колебался, он принял такое решение сгоряча. Без тщательного расчета. Ведь они должны работать здесь еще несколько часов, хотя изучение радиации внутри склада не было таким высоким, как они считали сначала.

— Что-то около десяти часов,— сказал он наконец.—

Все зависит от того, что они предпримут. Если вы вынуждены будете вступить в бой, то помни, что ударить нужно будет внезапно всеми десятью Разведчиками, пока они не сообразят, что происходит. Но не делай этого пока ситуация не окажется критической. А сейчас, взлет!

Барт промолчал. Но через мгновение массивные крышки люков сдвинулись с места и стали в проем, отрезав своей огромной массой силовые кабели, тянувшиеся из недр корабля. Затем беззвучно и, легко дрогнув, корабль Клип взмыл в небо.

Джон стоял в воротах склада и наблюдал, как звездолет исчезает из вида.

С трудом проглотив слюну, он внезапно ощутил себя маленьким и очень одиноким, оставшись без корабля. И глупым... Ведь Ланге мог оказаться прав...

Прошло минут десять. Внезапно от резкого визга завибрировали наушники скафандра. Это корабль прошел верхние слои атмосферы. Джон повернулся и посмотрел внутрь склада. Все люди слышали его переговоры с Бартом и сейчас они стояли, молча глядя на своего командира. Он не видел их глаз за щитками шлемов. Но все же он почувствовал в них укор.

— Ну, что? — сказал он резче, чем хотел.— Принимаемся за работу пока светло.

Никто ничего не сказал и только трое обернулись назад, бросив взгляд на то место, где они недавно работали.

Потом Колтер спросил:

— Откуда мы возьмем энергию, если корабль улетел?

Джон шагнул в темноту склада.

— Мы найдем источник энергии здесь. Тащите кабели, оставшиеся от корабля. Фред! Проверь состояние батарей, которые мы видели в том углу. Инструменты могут работать и на постоянном токе.

Потом уже никто ничего не говорил, но тишина, которая наступила, была очень напряженной.

Спустя тринадцать часов, проведенных в скафандрах, при отсутствии нормального доступа воздуха, воды и пищи, Джон ощутил головокружение. Кроме того, несмотря на влажность внутри скафандра и воду, которую он время от времени потягивал из емкости, жажда чувствовалась все сильней. Он понимал, что ее вода не утолит, но это знание нисколько не улучшало его самочувствия.

Он встал и начал нервно ходить, понимая, что нуж-

о напрячь все силы, чтобы противостоять этому чертоому нытью мускулов.

Он сомневался, что остальные чувствуют себя лучше, ем он. Ему показалось, что кто-то из них заплакал. Са-о сознание того, что ты находишься в ловушке, могло ривести к сумасшествию любого, даже без особых фи-ических страданий. Но ведь никто из них не страдал еще от жуткого желания почувствовать на языке зернышо дрона... Джон испуганно оглянулся и заметил Фреда, оторый сидел, опершись спиной о стену и вытянув но-и. Его голова упала на бок. Если он спал, то это было рекрасно. Джон сам хотел хоть немного отдохнуть.

Солнце уже клонилось к горизонту. Темнота в скла-е постепенно сгущалась. Никто не работал, так как ни уже все сделали, что намечали и Джон не был в остоянии запланировать еще что-либо.

Большинство сидело, некоторые лежали. Джон по-ернулся и неуверенно пошел к выходу, протянув руку в бронированной перчатке, чтобы опереться о косяк. И в тот момент он вспомнил, что дверь излучала сильнее сего, поэтому он только выглянул наружу, поискав взглядом человека, который должен был быть на страже.

— Камерон! — его голос был невыразительным.— Камерон! Где ты?

Через несколько секунд он заметил фигуру человека, дущую вдоль стены, в восемнадцати ярдах от склада. На мгновение он ощутил зависть.

Джон пошел навстречу. Заметив его, Камерон поднял руку и нажал кнопку на левой стороне груди.

— Ты выключал приемник,— пробормотал Джон и не знал, было ли это нарушением приказа.

Какого приказа? О, боже, она начинает сходить с ума! К черту!

Он услышал голос Камерона:

— Я нужен тебе?

Джон долгое мгновение вспоминал то, что хотел спросить. Наконец он сказал:

— Что ты видел?

Камерон подошел ближе.

— Они пролетели южнее нас. Несколько минут назад. Я видел, как блеснул в лучах солнца корабль. И услышал звук, видимо они захватили край атмосферы.

Джон был так изумлен, что даже вздох сделал с трудом.

— Я испугался, когда сразу не увидел тебя.

Камерон засмеялся.

— Это интересно, командор. Знаешь, зачем я туда ходил? Я на мгновение уснул и проснувшись, решил сходить в туалет.

Джон промолчал, но мысленно отметил, что это действительно вполне может быть. Когда-нибудь, в будущем, если оно только у них будет, он тоже посмеется над этим.

Сейчас он предпочел смотреть на потемневшее небо. В данный момент он не доверял своим умственным способностям, но почти точно сделал вывод, что вильмутцы правильно рассчитали и послали отряд в Солнечную систему. Затем он изменил ход мыслей и сказал:

— Я не вижу смысла нести дальше дежурство, Джим. Можешь идти.

Лицо Камерона было в полумраке.

— Я останусь здесь, командор. На случай, если...

— Думаю, что Барт вскоре должен вернуться за нами,— перебил его Джон.— Иди. Я останусь здесь. Имперцы не смогут заметить нас в этой темноте.

— Я останусь с тобой,— покачал головой Камерон.

Больше они не разговаривали. Они сели возле стены склада и замолчали. Раз или два, Джон точно не помнил, он вставал и заглядывал внутрь склада, чтобы посмотреть как чувствуют себя люди. Сейчас уже все сидели или лежали, и никто не разговаривал. Все были в напряженном ожидании.

Небо было темным, звезд и Луны видно не было. Джон посмотрел на часы, с трудом различая светящиеся цифры. Ждать им оставалось по крайней мере еще часа два. А может случиться и так, что Барт окажется в боевом контакте. Джону было невыносимо ждать. Бомбы или лазерный разряд он воспринимал бы сейчас как благословение. Он буркнул себе под нос:

— Или... или нет. И это только твоя вина, Джон Браузен! Надо наконец перестать лакать эту проклятую воду, это единственное, что ухудшает состояние мочевого пузыря и в общем-то не уменьшает жажду. Здесь нет ни капли дрона! Помни это!

Он спал, когда голос Барта внезапно загрохотал в наушниках. Медленно просыпаясь, Джон с трудом вслушивался.

— Они улетели, Джон! Вернулись на свою базу в пояс астероидов. Очевидно они удостоверились, что здесь нет ни одного живого существа.

Джон коротко рассмеялся:

— Может быть они не так уж далеки от истины, а Барт?

Голоса людей в складе, радостно перекликавшихся, заглушили ответ Ланге.

С большим трудом Джон поднялся и вошел внутрь склада, где его тут же окружила толпа возбужденных товарищей. Когда первый из них выходил из дверей склада, на поле уже приземлился огромный корабль.

Вот уже много лет после окончания училища Джон не работал так много. Он был еще очень слаб после той порции радиации, которую он получил на Земле и с трудом добирался до своей койки за очередной порцией сна. Бриться он начинал только тогда, когда отросшая борода мешала закрывать замки шлема. Большинство времени он проводил в радиоактивных помещениях звездолета, руководя установкой и размещением вооружения. Еду он проглатывал наспех и снова возвращался к работе. Он балансировал на грани получения опасной дозы радиации, но это его не волновало. Все заботы он оставил врачу. Джон не мог принудить своих людей к работе, скорее он ругал их за то, что они не отдыхают. Работа была титанической, но она продвигалась вперед. Тысячи галлонов воды вылетали в пространство. Если бы кто-нибудь оказался в этом районе космоса, то он наверняка удивился бы, откуда здесь такая радиоактивная куча льда, в месте, где даже завалящий кусок скалы большая редкость.

Когда каждый элемент вооружения был водружен на свое место, начались работы по установке приборов наведения. Каждая ракетная установка, каждый лучемет должны были управляться с помощью датчиков так, чтобы они могли поразить любой участок космоса перед кораблем.

И еще наладка! Доводящая до безумия наладка всех этих систем и приборов! По истечении сотен мучительных часов количество готовых к бою установок росло. Наконец наступило время, когда корабль смог выпустить залп из трех дюжин снарядов, одновременно озарить пространство тридцатью лазерными снопами огня и ударить почти во все стороны из двадцати восьми тяжелых лучеметов. Конечно, не все орудия и лучеметы могли дать залп в одну точку, так как они были разбросаны по всему корпусу огромного корабля. И оставалась еще часть корабля, которую так и не смогли дезактивировать. Не

помогли даже сотни галлонов воды, с помощью которой смывали радиоактивную пыль. В бою, если эта часть будет атакована врагом, защитить корабль смогут только Разведчики.

Крышки люков изнутри были усилены металлопластом, найденным на складах Земли. С энергией тоже не было проблем, мощные кабели передавали ее в каждый закуток корабля, где проводились монтажные работы.

Фрез Колтер, назначенный техническим офицером, заволновался было из-за чрезмерного потребления энергии, но Джон только улыбнулся.

— Я уже все просчитал,— кивнул он.— Мы используем лишь одну десятую часть мощности энергетических установок корабля. Омниарх говорил, что корабль находится в полной готовности. Поэтому будем считать, что «полная готовность» означает и «полный запас энергии». Скорее у нас кончатся боеприпасы, чем прекратится подача энергии. Нам нужно было бы не спешить и взять как можно больше припасов. Насколько я помню, у нас всего семьдесят два тяжелых снаряда, ведь энергетические лучи являются не очень эффективным видом оружия. Только снаряды-торпеды могут пробить оборону противника.

Колтер кивнул головой.

— Да, для неподвижных целей мы будем настоящим кошмаром.

— Если будем вынуждены открыться. Не думаю, что мы легко сможем этого избежать. Что же касается наших ближайших целей, то Вез До Ган что-то крутит. По крайней мере, я надеюсь, что смогу получить еще несколько снарядов, не возбуждая подозрений.

Глава 14

Бульвенорг из-под прищуренных век приглядывался к офицеру, сидящему в кресле для гостей по другую сторону стола. Он сплел толстые пальцы и крепко сжал их, потом положил руки на черную пластиковую поверхность стола.

— Я не верю этому! — почти кричал он с угрозой в голосе,— что после такой долгой дороги к Солнечной системе для осуществления наблюдения, вы могли так просто откинуть все подозрения, связанные с замеченными аномалиями в работе приборов. Для чего тогда был послан отряд?!

Лицо офицера потемнело.

— Но, сэр! — прошептал он.— То, что показали приборы — это невероятно, это невозможно!

Бульвенорг недобро ухмыльнулся.

— Невозможно? Я и не знал, что вы одновременно физик-теоретик, специалист по электронике и теолог. Но если это все же так, то, будьте добры, просветите меня. Почему и каким образом это невозможно?

Офицер немного помедлил, а потом начал объяснять срывающимся голосом:

— Корабль размером с небольшой город? Выход из подпространства прямо в верхние слои атмосферы? Ведь это нонсенс, сэр! И этому есть только одно разумное объяснение. Высокий уровень радиации может вызвать изменения в нормальной работе приборов. Скорее всего на очередную запись наложились еще несколько записей. Мы консультировались со специалистами...

Бульвенорг гневно произнес:

— Значит посылка стольких кораблей на такое расстояние по крайней мере доказала одно наверняка — применение регистрирующей аппаратуры явилось просто пустой тратой времени и денег? Если вице-адмирал так хорошо знает, какая запись является хорошей, а какая нет (даже если приборы отбирались целой кучей специалистов), то почему бы и не разрешить вице-адмиралу, или даже младшим офицерам и их помощникам сидеть по домам и проверять, что и как будет показывать аппаратура?

Офицер задрожал от гнева.

— Сэр! Привлеките к оценке ситуации любого на ваш выбор специалиста!

Бульвенорг склонился над столом и буркнул:

— Вы уже сами назначили себе судью. Но возвратимся к делу. Аппаратура зафиксировала полет ваших собственных кораблей и их размеры. Та аппаратура, которую мы оставили на этой планете?

— Да. Но...

— Все параметры точно были зарегистрированы?

— Да, сэр. Но...

— Во время облета планеты они работали безупречно?

Офицер пошевелился, устраиваясь удобнее в кресле.

— Вы правы, сэр. Если вы позволите сказать...

Бульвенорг сложил ладони в жесте приглашения:

— Вы должны понять меня,— сказал он,— если я

причинил вам обиду. Но я уже почти час стараюсь услышать от вас хоть одно ценное слово!

Сейчас офицер закипел по настоящему и это понравилось Бульвенорту, так как ярость всегда искренна.

— Первый заместитель! Корабли с такими размерами не могут существовать хотя бы с точки зрения сопротивления материалов! Для меня было ясно, да ясно и сейчас, что прибор зарегистрировал ошибочно двойной пролет моего корабля. Я твердо в этом уверен!

— Понимаю. По-вашему виной всему эта чудовищная радиоактивность?

— Да, сэр.

— Тогда почему другие приборы выдали точные результаты?

Офицер покраснел.

— Все приборы были сброшены на парашютах, сэр. Может быть этот один неудачно упал...

— Странно... Странно, что он оказался неисправным. Постойте, но потом он регистрировал данные о ваших кораблях и работал без неполадок! Значит сначала он работал идеально, потом тоже. Боюсь, что вы просто идиот! Вы должны были немедленно идти на посадку! Это была ваша первейшая задача! Разве это был такой трудный шаг, если сравнить его со всей экспедицией в целом?

Офицер казался обескураженным:

— Разве я... должен был... высаживаться... Да, нужно было сесть и забрать регистратор, чтобы продемонстрировать и знать наверняка, что он поломан.

Бульвенорг тяжело вздохнул.

— Адмирал! Если вы еще раз вспомните этот неисправный прибор, я встану с этого кресла и стукну чем-нибудь тяжелым по вашей дубовой башке!

— Но ведь корабль таких размеров...

— Может быть мы ошиблись с этими чертовыми размерами? Я сам просматривал ленты с информацией, выданной этим прибором. Там есть интересное место,— корабль снижается, зависает на какое-то время, а потом прямо с места уходит в подпространство. Спустя какое-то время он возвращается. Вы видели эту запись?

Офицер опять покраснел.

— Но, сэр,— пробормотал он,— мой инженер электронщик...

— ...описал вам это достаточно подробно, не так ли? И вы решили, что это признак неисправности прибора.—

Бульвенорг наклонился к вице-адмиралу.— Признаюсь, что и мне трудно поверить в существование такого гигантского звездолета. Кроме того, есть еще две вещи, в которые трудно поверить. Одна из них — странное совпадение случайностей, что плохо работающие приборы могли дать такие четкие записи. И второе — как такой опытный офицер, как вы, зная об этих записях, мог игнорировать их.

Офицер на этот раз промолчал. Через минуту он медленно с застывшим лицом встал и произнес:

— Сэр, я признаюсь, что не просмотрел все записи. Кроме этого я могу сказать, что никто из моих подчиненных не виноват в этом. И прошу Совет осудить меня и назначить кару.

Бульвенорг усмехнулся.

— Решение по этому делу не будет выноситься на Совет. Но с этой минуты вы можете считать себя в отставке. Поверьте, мне очень жаль, но иначе я не могу поступить.

После ухода адмирала Бульвенорг немного посидел в кресле, потом встал и подошел к интеркому.

— Густен?

— Да, сэр.

— Зайдите ко мне. И прихватите бутылку. Моя уже пуста и годится разве что на один глоток.

Густен появился довольно быстро и, выслушав рассказ Первого Заместителя, довольно долго сидел, не притрагиваясь к полному бокалу. Потом сказал:

— Вы прослушивали эту запись, сэр?

— Да. Хотите тоже послушать?

Густен покачал головой.

— Позже,— буркнул он.— Раз вы так уверены.

— О, я многое бы отдал за то, чтобы этого не было. Да, вы когда-нибудь слышали о металлах со сверхвысокой прочностью?

— Нет. Но если бы такая технология существовала, она стала бы сенсацией во всей Галактике.

— Поэтому попробуем на мгновение забыть, что являемся рассудительными, логически мыслящими существами. Допустим, что такой звездолет действительно существует. Кто его мог построить?

Густен посмотрел на собеседника и издал вздох.

— Конечно же, Клип.— Он взял свой бокал и одним глотком осушил его.— Думаете, что кошмарный сон начинает сбываться?

— Я боюсь этого. И можем ли мы теперь связать появление этого гигантского звездолета в окрестностях Земли с предположительным участием землян в интригах против нас и Бизх?

— Можем! — вздох Густена был исключительно тяжелым.— И это мне не нравится...

— Мне тоже. Ну что ж, старый приятель. Мы жили как герои и не имеем желания умирать как безымянные солдаты. Поэтому давай немного поразмыслим. Предположим, что сейчас нападающие ударят по противоположным границам Бизх. Поэтому мы должны взять под особый контроль Пустые Регионы. Кроме того, необходимо как можно быстрее предупредить этих пресмыкающихся, чтобы они поверили в нашу лояльность. И еще, крайне важно усилить активность нашей разведки в Бизх и Гохд, настолько, насколько это возможно.

Глава 15

На любого, кто мог одеть скафандр и выйти наружу, Галактика, наблюдаемая из Пустых Регионов, оказывала огромное, подавляющее впечатление.

Такой случай представился Джону — он должен был произвести проверку одной из бойниц, где был установлен мощный лазер. Во время испытаний луч ударил в край брони. При проверке оказалось, что повреждений нет.

Джон смотрел на звезды.

Прямо перед ним протянулся длинный кривой рукав Галактики, который был занят Империей Вильмут. На продолжении этого рукава спирали, вместе со своими звездными соседями, вращалась Солнечная система. Сейчас этот участок Галактики закрылся носом звездолета. Самые яркие звезды находились вдоль наружного края рукава. Яркий шарообразный центр звездного скопления являлся как раз Империей Вильмут. В центре этого скопления были сосредоточены вооруженные силы Вильмута для охраны добывающих и перерабатывающих производств. Если бы Бизх ударил именно сюда...

Силы этой империи хотя и менее сильные, располагались на внутренней стороне рукава спирали в нескольких сотнях световых лет от региона Гохд. В результате эти два государства граничили друг с другом (конечно в категориях расстояния в один гиперпрыжок). Дронга-

лия, где когда-то намеревался закончить свою жизнь Джон, находилась как раз на рубеже двух этих империй. Именно там, на «границе» оседало большинство людей, после окончания работы на Гохд. Джон почти инстинктивно понимал такое решение, люди избегали той части спирали, в которой мертвая Земля кружила вокруг Солнца. А кроме того, от Вильмута их прикрывала Империя Гохд. Доаль и его товарищи были исключением, они старались обосноваться как можно ближе к Земле. А это влекло за собой опасную близость с Вильмутом. Может быть они подсознательно ждали смерти?

Джон наклонил голову и долго-долго вглядывался в глубины космоса, пустота которого была разбавлена всего лишь несколькими звездами. Между этими звездами прорисовывались какие-то невыразительные овальные формы. Другие галактики! Существует ли там жизнь?

Этого никто не узнает. Маловероятно, что и через десять миллионов лет кто-то узнает об этом.

Джон выключил радио, отрезая себя от шума человеческих голосов. В абсолютной тишине, нарушаемой лишь биением его сердца и шумом дыхательного аппарата, смотрел он в незнаемое. Потом опустил глаза и посмотрел в центр Галактики.

Он находился вблизи сосредоточения Пустых Регионов, между рукавами спирали и видел дрожащий блеск скопления звезд, похожий на густой туман. Может быть действительно это был туман! Этого никто не знал. Существа, живущие на краях рукавов спирали могли проникать в глубину центра всего лишь на двадцать тысяч световых лет. Излучение и электронный «глаз» были настолько интенсивными, что пробивали любые виды защиты и уничтожали все живое на борту кораблей.

Джон краем глаза уловил какое-то движение и резко обернулся. Это были его товарищи, вышедшие из корабля вместе с ним для обследования обшивки. Он включил радио.

— Ну, что там?

— В порядке, командор. Двигаемся дальше?

— Нет, Колтер. Возвращаемся.

Джон и Барт сидели над контурной картой империи Бизх. Командор тыкал карандашом в район очертаний кружка.

— Вот здесь! Можно ударить здесь, пополнить запасы продуктов и снаряжения и уйти в район Пустых Регионов. Можно будет атаковать две или три базы, на

какое-то время парализовать их деятельность, уничтожить сооружения, космодромы и звездолеты.

Ланге хмуро буркнул:

— И самих Бизх тоже.

Джон долго смотрел на него. Потом сухо рассмеялся.

— И это говоришь ты, Барт, который вытащил меня с Дронгалии и свел с Омниархом.

— Я не говорю,— раздраженно махнул рукой Ланге, что мы должны отступать! Но никто не должен любить убивать, не так ли? А мы не могли бы подстеречь их корабли в момент выхода из гиперпространства?

— Нужно думать реально. Бизх и Вильмут так или иначе столкнутся, начнется тотальная война. На этом закончится наша работа. И тогда мы в открытую поговорим с Омниархом.

— Может быть ты и прав,— вздохнул Ланге.— Но нельзя забывать, что нас теперь меньше двухсот человек... Ну, что же. Какие это должны быть атаки? Налет с применением всех видов оружия?

— Нет. Мы тогда можем потерять много снарядов малого калибра, необходимых при обороне. Мы не подойдем так близко, чтобы применять лучеметы. Войдем в гиперпространство на «Луне» с восемью Разведчиками на расстоянии в одну десятую светового года от цели (Вез До Ган как-то говорил, что Бизх не имеют патрулей на таком удалении от баз) и вынырнем плотной группой в десяти милях от их главной базы. После залпа тяжелых снарядов запрограммированных на противоракетный маневр, стреляем кучей легких торпед и пробиваем их защиту. Затем прыжок в гиперсферу и... прощай!

Ланге был удивлен — этот план особенно ничем не отличался от предыдущих.

— По крайней мере,— сказал он,— большинство обитателей базы успеет укрыться, раз мы не сразу ударим из лазеров.

Джон думал о том же. Чрезмерная чувствительность иногда вредила и считалась достоинствами генералов. А он именно играл роль последнего генерала-человека.

Барт спросил:

— А что будем делать с «Бертой» и остальными разведчиками?

Джон удивленно поднял брови:

— «Берта»?

— Мы же должны будем как-то назвать этот колосс!

Браузен пожал плечами.

— Это будет наша спасательная группа. Если не случится ничего непредвиденного, ты останешься с остальными малыми кораблями. Ты применишь наш супердетектор массы и будешь вести наблюдение, чтобы рядом с нами не оказался незапно неприятельский флот. Если ты его зафиксируешь, то иди сразу же в атаку. Уничтожь его. По крайней мере, ударь всеми стволами, которыми располагаешь! Но это только в крайнем случае.

— Если говорить честно, то это мне страшно не нравится.— Ланге нахмурился.— То, что ты мне предлагаешь, похоже на отсидку на краю дороги.

— Барт! В бою надо всегда иметь кого-то, на кого можно положиться. Если бы мы всегда так действовали, нас, людей, наверняка было бы гораздо больше сейчас.

— Может быть.

Джон следил за показаниями хронометра, отмерявшего время до того момента, когда «Луна» выйдет из гиперпространства. Пять секунд. Он глубоко вздохнул и расслабился.

Выход!

Экраны мигнули и на них появилось изображение. На шаре масс-детектора проявились светлые точки. Он удостоверился, что все его корабли появились одновременно, и его пальцы забегали по клавиатуре пульта. Ожили датчики и указатели. Из интеркома раздался голос:

— Здесь. Шестой. Отказ в рулевом управлении.

Это было очень плохо. Один из кораблей в центре группы стал заметно уходить в сторону.

— Возвращайтесь! — крикнул Джон.— Займите позицию позади нас и пилотируйте на ручном управлении.

— Вас понял! — Джон распознал спокойный голос Джима Камерона.

На экране появились новые блестки — это был первый залп снарядов типа «планета — пространство». Джон усмехнулся. По виду этого залпа можно было понять, что местный артиллерийский офицер тщательно проинструктирован и построил оборону так, чтобы отражать именно такое нападение. Что ж, это будет стоить обороне Бизх очень дорого.

Он взглянул на экраны, расположенные над головой — цифры сливались в мигающую ленту, обозначая программы производящих маневры кораблей. Он почти не слышал звуков выстрелов очередных торпед с «Луны», но цифры говорили, что орудия работают без остановки.

Тщательно отрегулированный гравипривод позволял совершать головоломные маневры, мгновенные остановки и крутые виражи. Он посмотрел на экран внешнего обзора, чтобы удостовериться, что предпринимает в данной ситуации Камерон. Он повторял их маневры безупречно четко.

Их маленький флот сделал молниеносный скачок назад, как заяц убегающий от собаки. И хорошо, что вовремя, потому что лавина снарядов с планеты заполнила пространство в том месте, где они только что были.

Корабли дрожали и прыгали в бессмысленном танце, чтобы сделать точное прицеливание мощных потоков энергии, поднимающейся с планеты. Корабельные лазеры выплевывали огонь, пытаясь подавить оборону противника. Если некоторые промахивались, то разрушения, которые они причиняли, были достаточно сильными, чтобы заставить командующего обороной завыть от злости. Насколько, конечно, Биах умели выть.

Заревела сирена. Джон посмотрел на масс-детектор и глубоко вздохнул. Это была вражеская эскадра, вынырнувшая из подпространства почти на поле боя. Может быть это и не было большой угрозой, так как люди были уже почти готовые уйти в гиперсферу, но...

— Камерон! — Сближайся с нами!

— Иду, Джон! — голос Камерона не выдавал волнения.

Во время маневра Камерон держался в стороне от группы, так как ручное управление не позволяло делать резкие повороты. И сейчас, на расстоянии тысяч миль он был отличной целью.

Сирены завыли еще раз и Джон, глядя на масс-детектор, удостоверился, что появился одиночный звездолет по параметрам похожий на «Берту». Ланге появился вовремя! Почти, так как должны были пройти томительные секунды пока «Берта» присоединится к их группе.

Джон двинул корабль вперед, выполняя противоракетный маневр, его пальцы летали по клавишам пульта управления. Вражеская эскадра ринулась на перехват. Экраны мигали и темпели из-за чрезмерной нагрузки, вызванной разрывами вражеских снарядов, торпед и лазерных лучей. Это был жестокий бой!

Медленно шли секунды. Джон нажимал клавиши, стараясь избежать гибельных ударов и пока что это ему удавалось. К счастью, за исключением Камерона, все

компьютеры эскадры работали синхронно и обеспечивали одновременное выполнение маневров.

Первые тяжелые торпеды, выпущенные «Бертой» настигли вражескую эскадру, и Джон тут же получил большую свободу маневра.

...Внезапно в динамиках прозвучали голоса экипажа корабля Камерона, голоса ярости и отчаяния. Одновременно раздался грохот лопающихся переборок и свист воздуха, вырывающегося из отсеков.

Джон на мгновение прикрыл глаза. Кто-то с другого корабля сказал:

— Попадание в Шестерку. Они...

Джон проревел в микрофон:

— Прощай, Джим! Прощайте все. Мы отомстим им!

Он посмотрел на экраны — враг перешел к обороне.— Поэтому можно было спокойно приблизиться к «Берте». Противник в общем имел перевес в орудиях, но все же они предпочли отойти. Они не знали и опасались появления еще пары таких же чудовищных кораблей как «Берта».

Он посмотрел на хронометр. По времени выходил, что «Луна» уже давно могла уйти в подпространство, а «Берта» будет готова к прыжку через двадцать секунд. Но это уже не имело значения, так как база и флот противника находились вне досягаемости орудий. На общей радиоволне царила тишина. Наконец Джон не выдержал:

— Барт! Собери на палубы все малые корабли и двигайся с ними к точке встречи.

Барт был обеспокоен тем, что увидел на масс-детекторе.

— Послушай, Джон! Я вижу группу кораблей на расстоянии нескольких миллионов миль. Они двигаются прыжками, ныряют в гиперпространство, потом выходят в нормальный космос. Поэтому собственно они и опаздывают. Похоже, что они кого-то ищут.

— Наверняка это вильмутцы,— проворчал Джон,— хотя с таким же успехом это могут быть и Бизх. Однако, думаю, что это все же вильмутцы, так как именно они имеют привычку шнырять в Пустых Регионах.

В принципе было все равно, кто это был. Самым важным было то, что погиб Камерон и семь человек экипажа. Их всех таким образом осталось всего сто восемьдесят три человека! О, боже, он проглотил слюну, пошли мне хотя бы щепотку дрона! Мы должны сделать хотя бы еще один налет! — подумал он,— где-нибудь подаль-

ше отсюда. И надо сделать это сейчас. А уж потом — все! А пока надо сматываться отсюда, видимо те корабли ищут именно нас.

— Внимание всем! Уходим в гиперпространство!

Лицо Барта на экране ничего не выражало, когда он спросил:

— Направление? У нас было обговорено два варианта отступления. Пустые Регионы или внутрь рукава, вне территории Бизх. Ты должен принять план отступления после атаки.

— Я все помню! Думаю, что нам сейчас больше подойдут Пустые Регионы. У нас нет таких подробных карт, чтобы влезть внутрь рукава. Нам сейчас нужен часовой прыжок... Нет! Это время, о котором могут догадаться вильмутцы, если они уже не догадались обо всем. Скажем так, семьдесят девять минут. Это время более подходит к единице времени Вильмута, чем к нашей, земной. Выйдем из подпространства и осмотримся. Джон выстучал программу полета на пульте. Потом встал и двинулся в химлабораторию, где должен был быть спирт. Это жуткое желание можно было погасить только хорошим глотком алкоголя и парой часов сна.

Джон чувствовал себя ужасно, но выпитый спирт погасил желание получить наркотик. Тупым взглядом он водил по залу Центрального управления корабля Клип. Потом увидел Барта и выдавил:

— Интересно, каким образом Бизх организовали засаду? Ведь только благодаря нашей системе масс-детекторов удалось избежать катастрофы.— Он удивился, глядя на приборы.— Думаю, что они в настоящее время держат в готовности хотя бы два флота вблизи каждой базы.

Барт заинтересовался.

— А почему не один?

— Потому, что ни один корабль, не может находиться в готовности к гиперпрыжку более пяти часов непрерывно. Вся аппаратура придет в негодность и разрегулируется. А состояние готовности необходимо постоянное. Поэтому должны быть две группировки, сменяющие друг друга.

Барт смутился:

— Конечно, как это я сам не сообразил. Прости, это был глупый вопрос.

— Ничего, старик. Кстати. Еще одно. Всегда где-то на расстоянии нескольких световых лет, а может быть

и меньше, будет находиться флот, готовый прийти на помощь защитникам базы. Как только мы выйдем из гиперпространства, база пошлет призыв о помощи. Располагая точными данными, флот быстро может подойти к полю боя. С этим мы уже столкнулись совсем недавно.

— Т-ак-к,— Барт поднял брови.— Это логично. Но что это имеет общего с системой обнаружения на «Берте».

— Прежде всего появляется возможность точно определить время. Все три засады, в которые мы попали, имели определенные характерные черты. От нашего появления до появления врага из гиперпространства проходило минут десять. По очереди: время на программирование информации, время на передачу, время полета к базе...

— Это интересно...

— Наше минимальное время атаки — четыре с половиной минуты. Выходим в нормальный космос, атакуем, ломаем оборону противника и исчезаем. Применение всей огневой мощи потребует много энергии, поэтому время увеличивается еще на минуту.

Барт кивнул.

— Располагая данными о расположении противника,— продолжал Джон,— мы могли бы выбрать оптимальную точку выхода. Допустим, что флот, прикрывающий базу находится на другой, противоположной стороне планеты. Тогда они должны проткнуть планету в гиперпространстве, или пройти рядом со скоростью, направленной от планеты. Они должны будут затормозить и развернуться, чтобы выйти к нам в тыл. А это потребует времени. Так же как и то, если они прилетят со стороны. Им необходимо будет время для торможения.

— Но если,— Барт был удивлен,— они смогут подойти по касательной? Тогда сохранится и скорость. А мы, проанализировав траекторию полета, можем вычислить точку их старта.— Он встал и начал ходить по залу.— Мы сможем определить их положение, пока сами еще будем находиться в гиперсфере. При ударе с близкого расстояния, а мы сможем сделать это с помощью этого прибора,— он похлопал по масс-детектору,— мы уходим в направлении, противоположном их полету.

Джон ухмыльнулся:

— Нет, не в противоположную. Это может привести к столкновению. Мы должны найти оптимальную орби-

ту. Если ударим по базе сразу же после выхода, а потом уйдем на эту орбиту, то нас не обнаружат.

Барт тоже ухмыльнулся:

— Мы не должны рисковать. Они могут оказаться проворнее и успеть просчитать орбиту.

— Мы можем делать повороты,— ответил Джон.— А кроме того, мы нападем в последний раз. Существует только одна проблема...

— Какая?

— Флот-засада может двигаться в гиперпространстве со скоростью восемь световых лет в минуту, значит в течение четырех минут, необходимых нам для атаки они преодолеют почти тридцать светолет. Допустим, что передача информации не требует времени. Думаю, что мы смело можем поделить это расстояние пополам. Получается пятнадцать световых лет. Накинем кое-какое время на непредвиденные задержки, и будем считать, что группа кораблей дежурит где-то в семнадцати световых единицах от базы. Не думаю, что чудесная аппаратура «Берты» может иметь такую дальность действия.

— Я тоже,— кивнул Барт.— Год или два световых — и все.

— Так. Есть еще одно: они не рискнут идти сквозь планету, только острая нужда может толкнуть их на это. Если мы после атаки уйдем в сторону солнца, мы скорее всего избежим столкновения. А сейчас посмотрим, насколько данные Вез До Гана были ошибочными...

Атака прошла так гладко, как и было запланировано.

Это был сухой, песчаный мир, диаметром около семи тысяч миль, с тяжелым железным ядром. По поверхности этой планеты пробегали песчаные бури, невысокие лысые горы своим красным цветом наводили на мысль о больших запасах железа. Рек почти не было, чахлая растительность имела оливково-бронзовый цвет. Атмосферное давление у поверхности не превышало десяти футов на квадратный дюйм. Кислорода в атмосфере было не более восьми процентов. База была защищена куполами, наполненными атмосферой, пригодной для дыхания Бизх. Там не было типично гражданских зданий, характерных для городов Бизх. Джон, как обычно проводивший атаку на «Луне», был очень рад этому. На этой планете были только военные!

Они выпырнули из гиперпространства в четырех тысячах футах над куполами. Это было немного ниже, чем планировал Джон. И сразу же возрос риск, что увели-

чится время подготовки для обратного прыжка. Песок на поверхности клубился от звуковых ударов двигателей звездолетов. И тотчас же полился огненный ливень. В интеркоме звучали проклятия артиллеристов, относящиеся к медлительности человеческих реакций, не приспособленных к обслуживанию боевых лазеров и лучеметов. Изображения на экранах мигали и быстро сменялись, и Джон едва успевал замечать, что творилось на поверхности планеты. А там был ад. Возле базы в посадочных гнездах находилось около десятка легковых звездолетов. В мгновение ока они оказались разбитыми или тяжело поврежденными. Ангеры и купола были сорваны с места. Атака длилась всего семьдесят секунд, после чего корабли людей развернулись и ушли прочь от планеты.

Джону, просматривавшему видеозапись атаки, сделалось плохо. Кроме кораблей было уничтожено процентов восемьдесят строений и все купола. Могли ли уцелевшие Бизх дышать атмосферой планеты? Он надеялся, что могли.

В интеркоме царила удивительная тишина, словно весь экипаж переживал то же, что и он. Но война — есть война. Хотя если вдуматься, это не война, это что-то другое. Это бойня! Может быть это зрелище годится для вильмутцев, но только не для людей! Он с трудом проглотил слюну. Кроме всего прочего, раса Бизх не отличалась агрессивностью. Военные базы, построенные ими — это только дань создавшемуся политическому положению в Галактике на сегодняшний день. Джон был рад, что на планете не было много кораблей. Командующий базой, видимо ждал атаки, но не так скоро, и поэтому поднял корабли из подземных укрытий для отправки в космос. Экипажи, которые уцелели, были вероятно довольны, что не успели занять свои места в звездолетах.

Джон снова проглотил слюну и посмотрел на хронометр. Оставалось меньше двух минут до прыжка. Пошла вторая минута, когда много точек появилось на масс-детекторе. Согласно его рассуждениям, преследователи приближались к планете, когда группа нападавших ушла в сторону солнца. Бизх выпустили пару залпов, но это было сделано скорее со злости.

Джон непрестанно думал — это только одна база. Здесь не могло быть большого количества обслуживающего персонала. Ведь у них еще есть много опорных

пунктов. И мы виновны в гибели небольшого числа Бизх...

Но от этих дум легче не становилось. Если бы сейчас на корабле оказалась хотя бы щепотка дрона, он без промедления проглотил бы ее. Но он не мог не сравнить эту планету с той, что была когда-то его родным домом. Отличие состояло лишь в том, что здесь причиной разрушения был он сам. Может быть из-за этого и напился, как свинья выпив почти литр спирта.

На экранах масс-детектора «Берты» опять появились огни, выскочившие из гиперпространства в обычный космос, чтобы через пару минут опять исчезнуть в небытие. Джоп раздраженно протянул руку к клавиатуре пульта. Барт молча наблюдал за ним, потом спросил:

— Мы можем выходить на траекторию Гохда:

— Пока нет. Черт побери, если мы сделаем еще хотя бы один палепт по указке Гохд. Но я обещал Везу, что мы немного осмотримся в этом районе перед уходом. Только мы не будем этого делать. Вместо того, чтобы выйти на расстояние действия телескопов и радиоперехвата, мы применим системы «Берты», чтобы определить положение звездолетов Бизх и планерных систем, на которых могут быть их базы. Именно такая информация и нужна Везу. А он не будет знать, каким образом мы получили...

Барт с кислой миной спросил:

— Сколько времени это займет? Мы уже давно не чувствовали под ногами твердой поверхности планет!

— Несколько часов.— В голосе Джона чувствовалось раздражение.— Думаю, что это мы выдержим. Он с трудом проглотил слюну и подумал, удастся ли это на самом деле.

В действительности обнаружение баз Бизх заняло еще меньше времени. Одновременно в Пустых Регионах они наткнулись на загадку, которая затянула их возвращение «домой» на целых двенадцать часов.

Далеко за владениями Вильмута и почти на границе влияния Бизх, масс-детектор «Берты» выдал точку с очень интенсивной яркостью. Они заметили ее находясь в гиперпространстве. Это была небольшая система типа «звезда — планета». Они занесли ее координаты на карту, не выходя в нормальный космос и уже двинулись дальше, когда заметили на экране этот загадочный пурпурно-голубой блеск. Такой цвет им еще не встречался.

— Что бы это ни было,— буркнул Барт, вращая ручки настройки,— мы проходим мимо в четырехстах све-

товых годах, насколько точно мне удалось определить расстояние.

Джон подошел ближе.

— Может быть это очередная звезда? Ведь мы до сих пор не знаем, как работают эти приборы. Может быть Клип таким цветом обозначали звезду, которая вскоре должна стать «новой»? Или это сигнал опасности?

Барт пожал плечами и спросил в свою очередь:

— Мы должны присмотреться к этому повнимательнее, раз мы здесь.

Джон покачал головой. Он, как и все находящиеся в его подчинении люди, спешил ступить на твердую землю, после стольких месяцев, проведенных в космосе. Но с другой стороны, странное явление должно быть изучено.

— Хорошо. Поблизости не видно чужих кораблей и мы можем подойти к этому странному объекту. Выйдем в обычный космос в полутора световых годах от него. Если это «новая», то мы успеем уйти в гиперпространство.

Оказалось, что это не «новая». И вообще даже не звезда. Там вообще ничего не было. Подходя в гиперпространстве к точке выхода, они отлично видели этот пурпурно-голубой блеск. Но выйдя в обычное пространство, не увидели ничего. Они сделали несколько осторожных прыжков — и опять ничего. С такого близкого расстояния обычный масс-детектор должен был показать глыбу материи, даже если она и была меньше ванны. Наконец огонек появился. Они заметили его в оптике телескопов. Джон набрал программу, требуя информации от компьютера.

— Домиано? — позвал он товарища через микрофон.

— Да, командор?

— Наблюдаем огонек в четверти мили от корабля. Приказываю на Разведчике-7 вылететь на обследование этого объекта. Мы будем наводить вас по нашему масс-детектору.

Джон подождал пока ему ответили, что экипаж занял места в малом корабле, и выпустил его наружу.

— Мы отошли, командор,— доложил Домиано.

Джон ввел в компьютер, наводящий Разведчик-7 на цель данные. Через некоторое время Домиано доложил:

— Мы ничего не видим, командор.

Джон посмотрел на экраны радара — там было пус-

то. Расстояния в гиперпространстве были гораздо больше, чем в обычном пространстве. Он запрограммировал вопрос компьютеру и тотчас же получил ответ на дисплее:

ОБЪЕКТ, ВЫЯВЛЕННЫЙ МАСС-ДЕТЕКТОРОМ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОБНАРУЖЕН РАДАРОМ.

Джон поразился этому абсурдному заявлению. Может быть компьютер, приспособленный к условиям другой расы не может оперировать земными понятиями?

— Домиано? — позвал он,— оставайся пока там, где находишься?

Потом задал следующий вопрос:

БЛЕСК СУЩЕСТВУЕТ В ТОМ МЕСТЕ?

Ответ был обескураживающим:

БЛЕСК НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ОН НАХОДИТСЯ В ПОЛОЖЕНИИ «МАРКЕРА».

Слово «маркер» определенно было взято из английского языка, основы которого были заложены в этот чужой компьютер.

Джон снова задал вопрос:

МАРКЕР ИЗГОТОВЛЕН КЛИП?

— ДА.

Он с облегчением вздохнул.

— Домиано, ты слышал?

— Да, командор. Подойти ближе и осмотреться?

— Давай! Но будь осторожен.

— Есть, сэр.

Домиано был слишком осторожен, так как прошло более получаса прежде чем раздался его голос из динамика:

— Командор, тут ничего нет! Мы смотрели — ни в оптике, ни на радаре, ни на масс-детекторе!

— Хорошо. Возвращайся!

Пока Разведчик-7 возвращался, Барт и Джон переключили систему детекторов на работу в нормальном пространстве. Дальнейшие расспросы компьютера ничего не дали. Машина напоминала гениального идиота, который зациклился на существовании «блеска», объясняя, что этот объект находится в положении «маркера» и соглашался... что ничего материального в этом месте нет.

В конце концов Барт пожал плечами:

— Здесь нет другого объяснения, кроме того, что это какой-то условный знак, который понятен только Клип и их приборам. Мы можем больше не обращать на него внимания.

Но эта загадка еще долго мучила Джона на протяжении всего многочасового путешествия в район империи Гохд.

Глава 16

Бульвенорг и Густен сидели в Разведотделе, слушая рапорты офицеров. Бульвенорг отметил, что молодой офицер проявляет незаурядное мышление. Тем временем на столе появился рисунок чего-то, что скорее всего было космическим кораблем в пять или шесть раз больше своей длины.

— Это, господа, рисунок, сделанный со слов очевидцев. Судя по его описанию, вокруг корабля было около двадцати колец. Я применяю здесь слово «кольцо», хотя знаю, что значение этого слова Бизх могут перевести как «пояс» или поочередно уложенные круги (может быть вместо кругов могут быть кружки, однако Бизх не делает такого различия). Круги не касаются друг друга и находятся на расстоянии по крайней мере по длине их диаметра. Эти круги являются более темными, чем корпус, который кажется толстым и монолитным, за исключением этих кругов. Очевидец не наблюдал внешних сенсоров. Конечно, можно понять, что с такого расстояния он не мог разглядеть предметы столь малого размера. Но надо отметить, что Бизх имеют остроту зрения, выше, чем у нас...

Он замолчал, давая время начальникам внимательно изучить рисунок.

— ...это позволяет сделать вывод,— продолжал он,— что корабль имеет триста или более этих темных кругов, назовем их люками, из которых часть, или даже все, могут прикрывать разного рода орудия. Очевидец утверждает, что видел по крайней мере тридцать открытых люков и оружие, действовавшее из корабля. Это было типовое вооружение: орудия, лучеметы и лазеры. Скорость этого чудовища была такой же, как и скорость нападавших. Бизх утверждает (к сведению, мы не в состоянии проверить верность этих слов), что корабль был готов к прыжку в гиперпространство меньше чем за четыре минуты.

— Т-а-к,— Бульвенорг протянул руку за снимком.— Этот свидетель оценил длину корабля в три тысячи футов?

— Да. Однако надо признать, что из-за неисправности дальномера и фотоаппаратуры мы не смогли зарегистрировать этот корабль.

Бульвенорг усмехнулся и повернул голову к Густену:

— Расчеты размеров корабля говорят о богатом воображении Бизх.— Он снова уставился на молодого офицера.— А что они говорят о малых кораблях? Они сражались до тех пор, пока не появился большой корабль?

— Очевидец полностью подтверждает данные нашей разведки, сэр. Одно крыло Вооруженных Разведчиков с большим кораблем измещением в 40 тысяч тонн.

— Не было найдено ни одного трупа в обломках подбитого Разведчика. Можно было бы идентифицировать его и определить расу нападавших?

— Нет, сэр. Описывая то, что мы смогли собрать, можно было определить так: «мясо нашинкованное и поджаренное».

— Из этого тоже можно было бы сделать кое-какие выводы...

— Нет, сэр. Очень многие гуманоиды содержат в клетках своего тела одни и те же химические связи.

— Личные вещи экипажа?

— Они могут принадлежать любому представителю гуманоидной расы.

— Да-а,— протянул Бульвенорг.— Он сделал небольшой глоток.— Меня поразило, что вам удалось уговорить командующего базой Бизх поделиться информацией. До сих пор это нам не удавалось сделать.

Офицер улыбнулся:

— Им ничего не оставалось делать. Я дал ему свое честное слово, что среди нападавших не было ни одного вильмутца, и что мы тоже кровно заинтересованы в решении этой загадки. И что главной целью этой миссии является устранение возникающих недоразумений между нашими расами.

Бульвенорг прыснул от смеха.

— Это хорошо. Вы нашли самую убедительную причину, объяснявшую ваши действия. Все было проделано неплохо... Теперь вот еще что. Тот офицер Бизх, с которым вы контактировали при получении информации. Мы не могли бы выкачать из него еще что-нибудь?

Офицер покраснел.

— Да, сэр. Думаю, что он сможет помочь нам. Чтобы завязать контакт с такой чуждой нам формой жизни, мы должны применить все, что сможем...

Густен поднял руку, требуя внимания.

— Я твердо убежден, что атака на Бизх не является результатом деятельности какой-то подпольной группы военных нашей Империи. Поэтому уже сейчас я могу доложить нашему правительству, что это провокация чужой расы. В такой ситуации, хотя и существует необходимость взаимопонимания с Бизх на дипломатическом уровне, но все же пока рано выступать с таким предложением перед императором...

Бульвенорг от нетерпения постучал по столу.

— Об этом рано говорить! Я хотел бы услышать сейчас, что вам удалось установить по архивам?

Офицер кивнул:

— Да, сэр. Мы обнаружили в архивах все материалы, касающиеся потерянных в боях вильмутских кораблей типа «Вооруженный Разведчик». Данные за последние десять галактолет. Подробный анализ каждого случая показал, что в шестидесяти случаях из ста экипажи погибших кораблей состояли из Хелки.

Бульвенорг подпрыгнул в кресле.

— Шестьдесят процентов? — крикнул он.— Это невозможно! А в последние годы?

— Пятьдесят восемь процентов!

Бульвенорг вздохнул:

— Вы не узнали, точное количество всех экспедиций в глубокий космос, которые теряли Вооруженные Разведчики, на борту которых находились Хелки?

Офицер улыбнулся:

— Гибель, связанная с присутствием Хелки в глубоком космосе составляет 22% всех случаев.

Бульвенорг опять уставился на Густена, но тот с важной миной сделал пальцами знак отрицания.

— А что с большими кораблями класса «Нова»?

— Класса «Нова», сэр? Всего четыре потери. И только один был измещением в сорок тысяч тонн. Это был новый корабль, сэр, и совершал пробный полет. На его борту находились хелки-техники...

Бульвенорг встал и начал ходить по комнате. Внезапно он остановился и глядя куда-то в пространство тихо произнес.

— Прошу вас изложить все это на бумаге. И как можно быстрее. А дела о бунтах Хелки? Это вы тоже должны были проверить! — Бульвенорг вернулся к креслу и тяжело сел.— Неужели эти факты такие же ошеломляющие?

— Боюсь, что да, сэр. Как вы знаете, сэр, время от времени исчезает определенное количество хелки, как впрочем и вильмутцев. Исчезновения хелки во время дальних космических рейсов являются непропорционально частыми, нежели исчезновения вильмутанцев. В процессе анализа вероятностей и при сравнении фактов мы выяснили и построили модель организации беглецов, которые занимались фальсификацией записей с целью скрытия исчезновения своих собратьев. Можно с уверенностью сказать, что здесь был замешан по крайней мере один Полный Самец и кража кораблей происходила при его непосредственном участии.

Бульвенорг на мгновение прикрыл глаза. Очень волнующий образ начал постепенно вырисовываться под его широким черепом. Он открыл глаза, посмотрел на офицера и тихо задал вопрос:

— А что, молодой человек, вы думаете о возможностях сбора где-то этого большого количества беглых Хелки? И может ли существовать какая-то тайная колония этих существ, действующая против нас?

— Это только допущение, сэр. К сожалению. Раскрытый на основании наших выводов Полный Самец Хелки уничтожил себя еще до того, как мы смогли допросить его. Вы ведь знаете, сэр, что Полные Самцы могут управлять своими гормонами, вырабатывающими смерть.

— Я вас спрашиваю, может ли существовать такая колония? — грозно произнес Бульвенорг, наклоняясь над столом и смотря прямо в глаза офицеру.

— Исходя из собранного нами материала, можно считать, что такая возможность существует,— тихо сказал офицер.

Бульвенорг задумался. Потом он сделал знак подтверждения, хмуро улыбнулся обеим подчиненным и буркнул.

— Это должно быть передано правительству. И сделать это надо как можно скорее.

Глава 17

Корабль класса Вооруженный Разведчик выскочил из гиперпространства вблизи Акиеля. Послал радиоответ на запрос с планеты и пошел на посадку. Офицер, остав-

ленный на планете с небольшим отрядом, доложил Джону:

— Командор! Вильмут совершил неожиданный полет на Дессу!

Джон пожал плечами:

— Это было неизбежно. Когда вы узпали об этом?

— Несколько дней тому назад. Гохданцы передали нам известие об этом происшествии.

Он посмотрел на Джона виноватым взглядом.

— Сэр, это значит, что вильмутцы будут искать нас здесь?

— Не вижу причин, по которым они могли бы попасть сюда. Никто не знает о координатах Акиеля. А что с людьми на Дессе? Они захвачены в плен?

— Гохданцы этого не знают. Они сами узнали об этом налете от капитана торгового корабля союзной державы, который садился на Дессу за партией льна. Вильмутцы ударили сразу по лагерю людей, остальных жителей не тронули. После отлета нападавших, прибывшие на место представители местных властей обнаружили следы боя, но не было ни трупов, ни оставшихся в живых. Джон погрузился в размышления. Что ж, это происшествие ничего не меняло. Важнее всего было сейчас встретиться с Омниархом.

— Вы объявили состояние боевой готовности? — спросил он.

— Да, командор. Я также доложил обо всем Полному Самцу.

— Хорошо, лейтенант. Я тоже поговорю с ним.

Поиски Полного Самца заняли у Джона остаток дня и часть следующего.

Когда Полный Самец был найден, он внимательно выслушал Браузена и сказал:

— Вот уже восемь ваших дней нет никаких сведений о моем предке, командор. Я сам хотел бы встретиться с ним и обговорить одно дело. Этот факт вместе с новостью о нападении вильмутцев заставляет меня думать, что с ним что-то произошло.

Джон раздраженно пробормотал себе под нос какое-то проклятье и громко произнес:

— Несмотря на все, его необходимо найти. Дело очень важное.

— Сделай это, Джон Браузен. Но имей в виду, что если мой предок попал в неприятности, то цель взаимопонимания между ним и мной в каждый момент может

быть разорвана, если уже этого не случилось. А тогда я сам должен буду позаботиться о безопасности этой планеты.

— Это значит,— вспыхнул Джон,— что вы наложите на нас какие-то ограничения?

— Нет, Джон Браузен. Я не могу сделать этого. Но прошу вас прежде всего о сохранении тайны.

Джон постарался сдержать гнев и раздражение. Тихо и спокойно он произнес:

— Конечно мы храним тайну. Но... мы сдержали слово и закончили первую фазу плана Омниарха.

— Я отправлю эту информацию. Вы будете ждать ответа?

— Нет. Я еще должен встретиться с командующим Гохд. Как вы знаете, есть определенное место, в котором я уже раньше встречался с Омниархом. Он оставил там наблюдателя.

— Эта информация также будет передана, командор.

Вез До Ган наморщил лоб.

— Нет, не имею понятия, где может скрываться Омниарх. Он физически очень силен и может устроить себе убежище на любой хлорофильно-белковой планете. А поскольку ему удавалось столько лет скрывать свои мысли, то следовательно он является очень умным и хитрым существом. Например,— Вез усмехнулся,— он никогда не говорил, где находится Акиель, хотя я неоднократно пытался разыскать эту планету.

— В любом случае, спасибо,— вздохнул Джон.— Вы просмотрели мой рапорт, который я послал вам после налета на границы Бизх?

— Да,— Вез поднял маленькую модель космического корабля, которая лежала на столе как пресспапье, и начал двигать ее рукой.— Как ты знаешь, мой друг, Империя Гохд очень демократична и... терпит из-за этого много неудобств. В результате мое начальство имеет неприятности. Несмотря на это, высшие чиновники нашего правительства согласились в свое время на небольшую операцию, которая должна была сдержать экспансию Бизх, но сейчас они начали склоняться к другой точке зрения. Я получил приказ о прекращении дальнейших акций против Бизх. А кроме того, я обязан ограничить контакты с людьми и другими наемниками.

— Это совпадает с моим рапортом. Мои подчиненные считают, что условия договора выполнены. И надеются, что ваши руководители не нарушат соглашение о том,

что нам выделяется планета, где мы могли бы поселиться.

— Может быть вам и запретят это,— Вез легкомысленно махнул рукой.— Но есть возможность трактовать эти приказы так, как нужно нам. Лично я не намерен заставлять вас покидать эту планету, но вы не должны рассчитывать на расположение моего руководства, если оно там вас обнаружит. Я советую вам проявлять максимум осторожности.

Это заявление вызвало у Джона неприятное чувство. Он должен был играть крапленными картами с хорошим другом.

— Я по достоинству оцениваю твою заботу и благосклонность, Вез. Но это может поставить тебя в неприятное положение.

Вез До Ган ухмыльнулся:

— Это меня не волнует. Эти гонения на наемников не продлятся долго. Известно, что в каждой империи постоянно разыгрываются какие-то интриги. Не исключено, что и Вильмут и Бизх договорятся о сотрудничестве и тогда, сам понимаешь...

Они довольно долго молчали, потом Вез прервал тишину:

— Коллега, хотя наши контакты с Бизх очень слабые и непостоянные, но однако они все же существуют. От одного из наших разведчиков пришло сообщение...

У Джона возникло нехорошее предчувствие, но он заставил себя улыбнуться.

Вез До Ган продолжал:

— Знаю, что ты весьма чувствительная натура. Понимаю, что это очень свойственно твоей расе,— он замолчал на несколько секунд.— В этом донесении говорится об огромном корабле, который невозможно построить используя современную технологию. Координаты пространства, где был замечен этот корабль, совпадают с координатами, указанными в твоем рапорте...— он глубоко вздохнул.— Пойми, я также люблю свою расу, и все, о чем я прошу тебя, это отыскать какой-либо способ (насколько это возможно), чтобы твоя лояльность и моя могли существовать, не мешая друг другу. Прошу тебя подумать.

— Это означает,— вспыхнул Джон,— что ты мне не доверяешь?

Вез До Ган, почти как человек, развел руками.

Джон успокоился и улыбнулся.

— Ну, хорошо,— произнес он. Да, действительно, су-

ществует огромный корабль. Конечно, легко можно узнать, откуда он взялся. Так вот, он построен расой Клип. Хорошо, что ты вспомнил, что я должен соблюдать лояльность к своей расе. И думать о безопасности тех нескольких десятков людей, которые доверили мне свою судьбу. Но есть, однако, еще кое-что...— он замолчал, переживая гнев.— Моя раса,— заговорил он тише,— не может умереть! И она не умрет! Понимаешь ты это, Вез? На одной из планет находятся наши женщины и они могут принести нам детей!

Он наблюдал за изменением выражения лица гохданца — удивление, изумление, возбуждение, и в конце концов, веселье.

— Прошу тебя, больше ничего мне не говори! Я попробую сам немного подумать. Конечно же, только Омниарх знает, где находятся ваши женщины, не так ли? И именно он вытащил тебя с Дронгалии, обещав корабль и помощь. Он же помог тебе собрать людей. Нужно признать, что он дьявольски ловко все это придумал.— Вез внезапно стал серьезным?

— Теперь я понимаю, как мало возможностей было у тебя, но несмотря на это не забывай, что я все же гохданец. Скажи мне, Джон Браузен, как мы можем уладить наши отношения?

Джон глубоко вздохнул и легкие освободились от напряжения. Он произнес:

— Мне кажется, что такой способ можно найти. Когда мы встретимся с женщинами и укроем их в надежном месте, я отдам тебе этот корабль. Ты можешь полететь со мной и научиться управлять им. Моя раса и так очень мала, к тому же она получила очень хорошую науку, чтобы и через сто лет не подниматься в космос. Нам нужна сейчас тихая планетка, в каком-нибудь закутке Галактики. И больше ничего. Я думаю, что мы будем счастливы даже тогда, когда вернемся к передвижению на верховых животных.

Вез До Ган надолго задумался.

— Ну что ж,— наконец прервал он тишину,— такое соглашение вполне возможно. Думаю, что никто из моих людей не будет против. А если даже и... то все равно будет поздно.

Глава 18

Невооруженный транспортный корабль Гохд типа «малого крейсера» (его легко было распознать благодаря вогнутым консолям, в которых находились приводы специального назначения) вышел из гиперпространства между четырьмя парами двойных звезд. Быстрый взгляд на шар масс-детектора подсказал Джону, что согласно договоренности «Луна» прибыла сюда, чтобы предупредить Барта о визите гохданского корабля.

Джон посмотрел на Вез До Гана:

— Ну, что ж,— Джон сделал широкий жест и усмехнулся.— Корабль перед вами, мой друг.

Вез скорее всего не слышал ни единого слова. Он стоял вытянувшись и смотрел на экран, на котором величественно плыл в пространстве огромный чужой звездолет. Его губы медленно двигались, не издавая однако ни звука, дыхание было учащенным. Наконец он повернулся к Джону:

— Во имя пространства! Он такой, как ты говорил! Но ни одно описание не заменит зрелища, развернувшееся передо мной. Несмотря на то, что я был готов к чему-то подобному.

— Неплохо выглядит, не так ли? Ну что, давай перейдем на борт,— Джон наклонился к микрофону. Но не успел сказать и пару слов, как голос Барта опередил его:

— Джон? Слушай, у нас неприятности. Полный Самец прислал сюда один из наших кораблей с известием. Ральф Шелл говорит, что Хелки едва не ударил его, когда он не сообщил координат этого убежища. В конце концов он его отпустил. Омниарх попал в беду. Вильмут узнал о нем и о его планах. Сейчас они разыскивают его. Он скрывается на планете, где мы раздобыли «Берту». Вильмут пока что не знает, где он, но знает, где он был перед этим. Поэтому они ведут наблюдение, на случай, если он объявится. У него нет корабля и возможности выжить, если мы не придем ему на помощь. Полный Самец с Акиеля не знает, могут ли быть в этом районе большие силы Вильмута. Он говорит, что знает способ договориться с тобой, если ты доберешься туда. Шелл говорит, что Хелки на Акиеле ведут себя как рой ошалевших от бешенства пчел. Никогда не думал, что они могут вести себя подобным образом.

Джон внимательно посмотрел на экран.— Когда Шелл был здесь?

— Около семи часов назад. Но сейчас его нет. Перед отлетом он настаивал на скорейшем возвращении на планету к Вез До Гану, когда... когда мы закончим со всем этим.

Браузен посмотрел в глаза гохданца.

— Барт! — позвал он в микрофон.— Надо рассказать Везу о женщинах. Он ведь наш союзник.

После долгих минут молчания Барт отозвался. Его голос звенел от гнева и неудовольствия.

— Ну что ж... А Шелл полетел искать тебя. Он сказал, чтобы я отправлялся к дьяволу, когда я попытался задержать его и послать кого-то другого. Он сказал, что дал слово Полному Самцу и не нарушит его.

— У Джона заломило в висках и он ощутил внезапный спазм.

— Шелл напуган до смерти,— сказал он.— К черту, Барт. Сейчас все зависит от Омниарха. Слушай! Мы выходим на палубу. За это время постарайся отдать приказ всем нашим людям. Пускай прибывают сюда немедленно! В первую очередь мы должны быть на планете, полученный от Гохд, чтобы забрать оттуда все снаряжение. Затем мы должны будем двинуться на спасание Омниарха. Говорил ли Полный Самец о помощи?

— Да. Он обещал прислать достаточное количество Хелки-воинов, а также техников, чтобы укомплектовать малые корабли. Сам он также прилетит, если будет знать куда.

— Хорошо. Давай координаты людям на Акиеле, чтобы они забрали с собой Полного Самца.

Гохданский звездолет уже швартовался к «Берте», когда Джон решил, что внутрь корабля быстрее будет пройти через люк. Он с нетерпением ожидал открытия шлюзов, после того как ангар наполнится атмосферой, и тут Вез с внезапной заинтересованностью спросил:

— Джон Браузен, а где находится та планета, за которой наблюдает Вильмут?

— В вашем районе. В нескольких световых минутах от планеты, которую вы нам подарили.

— Жаль, конечно,— вздохнул Вез.— Что у вас столько времени был в руках этот корабль Клип, а мы даже не догадывались об этом. Рах Вильмут влез на нашу территорию, что упрощает дело. Но, с другой стороны, они могут обвинить меня в нелояльности. Ну и ладно! Я сде-

лаю это, если ты так хочешь! Я дам в ваше распоряжение личную гвардию. Тридцать совершенных, прекрасно оборудованных кораблей, хотя ни один из них не тяжелее легкого крейсера. К тому же, я готов встретиться с вами в том месте, где только ты укажешь. Если принять во внимание последние законы, я могу объявить их пиратами. Или можно спровоцировать их и вынудить к явной атаке. А потом ударить!

— Зачем? — удивился Джон.— Не проще будет послать радиограмму: это будет равносильно.

— Отлично! — Вез повернулся к пульту.

Огонек на контрольной панели показал, что давление снаружи и внутри корабля уравнялось. Человек и гохданец вышли из камеры и двинулись в сторону коридора, который должен был привести их в зал центрального управления.

Внезапно Джон остановился.

— Вез!

— Что случилось?

— Если дело пойдет о сражении вблизи планеты, мы можем зацепить Омниарха!

Вез раскрыл ладонь в знак подтверждения и спросил:

— Эта планета с органической жизнью?

— Очень отдаленно. Сухая и к тому же бедная кислородом.

Вез остановился.

— Что ж,— сказал он наконец,— я думаю, что именно тебе придется командовать. Ты был там раньше... И речь идет о существовании твоей расы...

«Луна» нырнула в гиперпространство. Джон и Вез действительно хотели бы находиться сейчас на борту «Берты», судовые приборы которой показывали дислокацию вильмутцев. И в то же время оба они не хотели видеть «Берту» из-за гвардии Вез До Гана. Это могло расстроить их недавно заключенный союз.

Джон принялся размышлять, как провести сражение возле сухой планеты. Он сомневался, что вильмутцы вступят в бой без колебаний. Они скорее решатся на бегство, как только «Луна» и вооруженные разведчики появятся из гиперпространства. Они вынуждены будут быстро решить, что это корабли очень похожие на их собственные. А как они отреагируют на эти корабли в соседстве с флотом Гохд?

Но сейчас это было не так уж важно. Где на этой безжизненной планете мог скрываться Омниарх? Навер-

няка не около огромного пролома, который образовался из-за выходящей «Берты». Это было бы самоубийством — к тому времени вильмутцы уже успели обыскать всю дыру и ее окрестности несколько раз. А если при этом они догадались, что за корабль там находился, то довольно тщательно. Они наверняка догадались обо всем, раз уж Вез узнал правду, на основании одного рапорта. Если бы поиски убежища Омниарха заняли много времени, весь флот Вильмута мог бы появиться возле этой планеты. Они непременно бросятся в тотальную войну с Гохд, как только их разведка донесет, что ставкой в этой борьбе является наследство Клип. А Джону было хорошо известно, что Империя ведет молниеносную войну. Он помнил те минуты бессильного отчаяния, когда вдруг все пространство вокруг земного флота озарилось блеском вильмутских боевых кораблей. Он помнил безнадежное ощущение приближающейся смерти и тот единственный шанс... даже не шанс, а крохотная часть шанса, которая позволила ему смешаться с флотом врага на время, которое казалось вечностью, а в действительности длилось всего две с половиной минуты...

Это стало причиной замешательства имперцев и позволило кораблю Джона нырнуть в гиперпространство, успев перед этим сделать залп всеми бортовыми орудиями. Это происходило уже спустя сорок восемь часов после Катастрофы и Вильмут в пьяной радости победы гнал, разметая на обломки остатки земного флота. Сейчас они могли быть такими же беспощадными. К счастью, по крайней мере Барт Ланге и несколько человек были в безопасности на «Берте». В безопасности, но без так необходимой информации, которой располагал только Омниарх.

Джон посмотрел на Полного Самца с Акиеля, крепко спящего на своих четырех широко расставленных ногах и сжимающего сильные большие ладони в кулаки, прижатые к грубому туловищу. У Хелки была странно вытянутая шея, а глаза смотрели на хронометр, в тот самый, за которым наблюдал Джон краем глаза. Скоро они выходят из гиперпространства.

ВЫХОД!

Джон тут же забыл о своих сомнениях, его глаза перебегали с экрана на детектор массы и обратно на экран. Он считал корабли. Это были не его разведчики, но это также не были корабли Вез До Гана. Они должны были выскочить через несколько секунд, чтобы

дать Джону время для определения позиции врага.

— Джон! — крикнул Вез.— Они уже в досягаемости телескопа. Можно определить их класс!

Джон нашел время для того, чтобы сделать жест открытой ладонью. Затем его руки забегали по клавиатуре, программируя первые данные и сообщения для своих кораблей. Вероятно и между кораблями Вильмута уже налажена связь и рекой потекли приказы и информация. Джон к этому времени уже успел определить и локализовать все малые корабли Вильмута на этой стороне планеты. Из интеркома раздались голоса Кальнера Домиана и Ральфа Колла:

— Контакт визуальный с крейсером Вильмута. На борту согласно таблице опознания двадцать тяжелых торпед или сорок легких, четыре лазера и четыре лучемета... Летит над границей атмосферы... Командный звездолет эскадры очевидно находится на той стороне планеты... Радиотишина... Связь идет на лучевом уровне...

Внезапно на экранах показались один за другим два световых пятнышка, за ними тут же — третий, вынырнувший из-за горизонта планеты. Они тут же начали сближение с легким крейсером Вильмута. Третий блеск был самым сильным. Похоже, что это был флагман класса «Нова». И вдруг на протяжении нескольких секунд экран детектора массы весь покрылся искрами. Джон с беспокойством, длящимся мгновение, наблюдал за тем, как отметки от цели располагались на экране, но потом успокоился. Это были его корабли.

Через пять или шесть секунд все искорки, означавшие корабли Вильмута, исчезли.

Джон ударил по клавише интеркома.

— Всем внимание! Запрограммировать системы поиска и уничтожения! Если надо, применять сенсоры! Я не знаю что искать, но это ничего не значит!

Искры изменили свое положение и небольшая флотилия начала окружать планету.

— Домиано!

— Да, сэр?

— Посылай Барту Ланге каждые пять минут позывные. И дай ему все данные, какие удастся собрать!

— Есть, командор!

Джон вздохнул. Сейчас начнется худшее. Полная беспокойства полоса ожидания. Вильмут наверняка только догадывается, что Омниарх находится здесь, но одно ясно и так. Эта пустая планета стоит боя. Сколько вре-

мени займет у командующего выработка решения? Где находится его вышестоящее руководство, которое может приказать начать сражение? Может быть в темном пространстве в пяти минутах лета отсюда, или может быть в нескольких часах, уже в регионе Вильмута? И как долго продлится поиск Омниарха и смогут ли они его найти?

Оказалось, что Джон недооценил старого Хелки. Как только они сделали первые облеты планеты в надежде получить необходимую информацию, в микрофоне раздался мужской голос:

— Здесь номер Восемь. Вижу блеск, похожий на свет морского маяка. Дальность около тридцати миль левее моего корабля. Приблизительно на линии терминатора. Похоже, что свет находится на высоте шести или семи футов над поверхностью планеты.

Одновременно несколько кораблей Веза передали аналогичные сведения.

— Держи его, Восьмой! — крикнул Джон.— Но будь осторожен! — И тут же начал что-то говорить в микрофон по-граждански.

Через несколько минут номер Восемь опять отозвался:

— Поймал слабую звуковую волну с поверхности планеты. Думаю, что это Омниарх!

Джон, Барт, Вез, Омниарх и Полный Самец о Акиеля сидели в зале Центрального Управления «Берты». Омниарх выглядел в целом как обычно, несмотря на то, что его только что спасли.

— Мне могло хватить кислорода еще на десять-двенадцать часов, если бы я не был вынужден передвигаться с места на место. Я вырыл себе убежище в откосе высохшего русла реки. У меня была радиостанция, немного бисквитов и фляга с водой. И конечно же прибор дистанционного контроля Клип. В последнее время я узнал еще кое-что о их старой технологии. Мне удалось расшифровать более подробно записи Клип и произвести эффекты молнии и взрыва. Если бы не удалось использовать первое, то второе получилось бы наверняка.— Хелки посмотрел прямо в глаза Вез До Гана.— Не ожидал увидеть здесь столь милого моим глазам Командующего объединенными Космическими силами — Гохда и его маленькой гвардии.

Вез со спокойным лицом слушал рассказ Омниарха

и только по его глазам можно было понять сколь велико охватившее его внутреннее напряжение.

— На этой планете много изделий Клип? — бесстрастно спросил он.

Омниарх с напускным весельем покачал головой.

— Видимо так, приятели и друзья. До сих пор в моих руках побывало двести четырнадцать предметов культуры Клип. И это еще не конец. А сейчас я хотел бы услышать от вас самое главное — к какому соглашению вы пришли. Вижу, что это так, коль скоро вы собрались все вместе.

— Да,— Вез сделал знак открытой ладонью,— Джон обещал мне этот корабль, когда он обоснуется со своими людьми и женщинами на выбранной планете. Я многим рискую, но ставка очень велика...

— Включая видимо и то, что ты не имеешь поддержки своего правительства,— кивнул Омниарх.— Извини, гохданец, но я тоже должен буду поставить тебе небольшое условие. Видишь ли, мои планы находились в стадии кризиса, что вынудило меня к нежелательным в целом ходам. Сейчас речь идет о всей моей расе, восставшей против Вильмута. Нас не страшит то, что многие могут погибнуть в этой борьбе. Мы знаем, что только единицы смогут добыть временную свободу и добраться до места (как это удалось мне рассчитать), где мы будем иметь шансы на абсолютную безопасность. Я говорю о счете световых лет на сотни миллионов...— он по очереди поднял каждую из ног.— Успех нашего отхода будет зависеть от быстроты перелета и эскорта сопровождающих военных звездолетов прикрытия. На это потребуется помощь ваша, Вез До Ган и Джон Браузен. Об этом я вас и прошу.

В голосе гохданца прозвучал легкий тон издевательства или оскорбления:

— Почему же именно я должен помогать тебе, уважаемый Омниарх? Это твоя, а не моя раса воюет, и скорее всего безнадежно. А если я сейчас пошел на некоторые интриги, то это не значит, что я не чту интересы Гохда. Ты просишь, чтобы я обеспечил свою безопасность своими кораблями. А как же наш официальный и очевидный мир с Вильмутом? Что мы сможем получить взамен, кроме неприятностей? Сколько будет стоить такой риск, как по-твоему?

Омниарх хмыкнул:

— Это хорошо, что ты договорился с Джоном Брау-

зеном, хотя я и не так планировал. Но это все равно соответствует моим планам. А что же касается стоимости риска... В твоем распоряжении остаются все предметы Клип, укрытые на этой мертвой планете. Я могу проводить вас в исполинское хранилище, где находятся кое-какие артефакты этой загадочной цивилизации. Хочу сказать, что это хранилище было создано исключительно благодаря моим усилиям. И было бы очень некстати, если бы оно попало в руки имперцев.— На его толстых губах появилась горькая улыбка. Омниарх посмотрел на Джона.— Я назвал это хранилище Вивариумом. В нем находится определенное количество различных типов животных, помещенных туда когда-то Клип. Там же находятся женские особи вашего вида, Джон Браузен.— Омниарх перевел взгляд на гохдатца.— Но чтобы добраться до этого хранилища, Вез До Ган, потребуется моя помощь. Даже если вы знали его точное местонахождение, то попасть внутрь не смогли бы даже ваши лучшие ученые. И в течение многих поколений.— Он остановился на минуту.— Извините. Должен исправить некоторую неточность моего рассказа. Я не могу пожертвовать вам Вивариум. Он является гарантией безопасности тех из моей расы, которые останутся жить. Это наш залог. Но я отдам вам большинство тех предметов, которые находятся там, а также всю информацию о технологии Клип.

Вез сорвался с кресла и заходил по залу. Повернувшись, он почти подбежал к Омниарху и уткнулся в лицо Великого Хелки.

— Ты говоришь так, будто Гохду не удастся провести изыскания на планете, которая находится в нашем регионе! Мне кажется, хромоногий, что ты потерял все козыри и теперь блефуешь!!

Омниарх выглядел как весельчак на ярмарке.

— Если хочешь, можешь искать! Думаю, что при помощи собранных здесь специалистов ты сможешь немного попылить на планете. Но это в общем ничего не даст! Не забывай также, что когда вы будете безуспешно рыться в земле, Вильмут тем временем будет стремиться к той же цели. Ни они, ни Бидх не упустят случая сделать правильные выводы, видя этот огромный звездолет, на борту которого в данный момент мы находимся. Поймут они также и создавшуюся ситуацию с Хелки. Подозреваю, что уже через небольшой промежуток времени они будут многое знать. Значит и без

моих соотечественников найдется очень много претендентов на сокровища и вы будете только третьими в этом деле.

— А кому сейчас принадлежит этот корабль, на борту которого мы находимся? — буркнул гохданец.

Омниарх ответил с едва уловимой улыбкой:

— Командору Джону Браузену, который сейчас им командует, приятель. Но он связан со мной условием, гарантирующим что-то очень важное для его расы. Очень! И если он обещал тебе какие-то права на этот корабль, ну что ж, это его дело. Меня это не интересует, за исключением конечного применения этого корабля.

Вез повернулся спиной к Хелки и коротко спросил у Джона:

— Я могу послать отсюда несколько приказов?

После минутного молчания Вез постарался разъяснить:

— Если уж я решился вляпаться в это безумное дело, то должен приказать собрать более мощные силы. Я должен предупредить своих начальников о возможности добыть предметы Клип.

Джон более не колебался. Он хотел покончить с торгом, который легко мог перерасти в откровенный спор.

— Конечно, ведь мы товарищи по оружию,— сказал он.

Глава 19

«Луна» быстро мчалась над поверхностью безжизненной планеты. Джон нервничал, наблюдая за детектором массы. Вез сидел в кресле второго пилота, готовый каждую минуту послать сигнал своему флоту, находящемуся в нуль-пространстве в нескольких световых секундах от планеты. Омниарх прижимал к себе круг прибора дистанционного управления Клип.

До сих пор ни один чужак не появлялся вблизи. Внезапно Хелки крикнул:

— Что-то есть, Вез! Джон!

Браузен резко остановил звездолет в миле над поверхностью планеты. Омниарх нажал какую-то клавишу на приборе. В течение долгой минуты ничего не происходило. Затем сирены «Луны» издали пронзительный вой. Джон бросил быстрый взгляд на приборы — это была не аварийная тревога. Какая-то довольно большая мас-

са металла появилась вблизи корабля. Он выключил сирены. Затем на боковом визире проследил курс. Вращая рукоятки, он увеличил изображение на экране. Что-то понемногу проявлялось перед глазами, точно так же, когда гигантский корабль Клип медленно вырисовывался перед ним. Но этот предмет был гораздо меньше. Он имел футов двести в длину и футов десять в диаметре. Поверхность его была светло-серой, без каких-либо выступов, без характерных особенностей, и имела форму идеального цилиндра. Он наблюдал как это «нечто» свободно удалялось из поля действия детекторов.

— Омниарх! Насколько оно безопасно, чтобы можно было поднять его на палубу?

— Этот предмет абсолютно инертен. Но сначала позволь мне кое-что продемонстрировать.— Он снова наклонился над прибором дистанционного контроля.

На экране Джон увидел небольшой предмет, который появился под неизвестным объектом и начал медленно падать на поверхность планеты.

— Что это? Крышка люка? — воскликнул гохданец.

— Нет, Вез До Ган. Это попросту пучок электрических проводов. Я приказал бросить этот пакетик. Иначе нельзя было овладеть этим цилиндром, не уничтожив его при этом. То, что вы сейчас видите на экранах — это простой масс-транспортировщик, который обеспечивает пересылку предметов на любое расстояние. Но сам механизм этого аппарата, Вез До Ган, будет загадкой еще для многих поколений. Даже после того, как вы получите от меня всю информацию.

Я могу втянуть эту штуку в люк номер четыре. Если бы здесь была «Берта»...— с этими словами он открыл люк. И медленно придвинул масс-транспортировщик к «Луне», а затем аккуратно втянул его в люк.

Прошло одиннадцать часов. Прибыла «Берта» и корабли начали патрулировать пространство, подбирая на борт всякие предметы Клип. Безжизненная пустыня планеты исторгала из себя еще около двадцати масс-транспортировщиков, контейнеры (по утверждению Омниарха), начиненные химикатами неизвестного предназначения, запасы плит странного металла, легкого и по прочности не имеющего равных в Галактике, приборы для научных исследований, инструменты и даже запасы пищи в маленьких запломбированных баночках.

Быть может зрелище этого натолкнуло Джона и Веза на различные размышления. Когда «Берта» исчезла в

нуль-пространстве, Вез первым выложил беспокоившие его мысли:

— Омниарх! Насколько я помню, ты никогда не говорил, что эти предметы были зарыты на планете.

— Верно, Вез До Ган,— в голосе Великого Хелки звенела насмешка.

— Таким образом, все что мы выловили,— констатировал Вез,— внезапно появлялось вблизи корабля, фиксируясь детекторами массы. Если бы они были зарыты в землю даже на глубину мили, мы смогли бы заметить их с помощью наших приборов. Но они не были зафиксированы. А это может означать только одно. Их там не было! Значит ты вызвал их через нуль-пространство из какого-то другого места!

— Верно. Можете считать, что это была моя маленькая шутка.

Вез рассмеялся.

— Конечно, ты прав. Мы могли копать до конца света. Что ж, хорошо. Но в таком случае резонен вопрос. Где находится этот склад, из которого ты транспортировал все эти штуки? Без сомнения, он очень далеко. Кроме того, можно сделать вывод, что Клип, или еще кто-то в настоящее время пользуются этим складом, непрерывно пополняя его запасы. Разве можно надеяться, что даже при соблюдении самых лучших условий хранения можно обеспечить сохранность продуктов питания в течение, как минимум, 30 тысяч лет?

— Я не думал, Вез, что ты догадаешься, хотя в целом и не удивился бы, если бы так было на самом деле. То, что я вам сейчас расскажу, будет еще более невероятным. Физического расстояния, на котором существуют эти предметы, просто не существует. Оно, это расстояние, не имеет в данном случае никакого значения. Важнее то, что они находятся на расстоянии в тридцать тысяч лет от нас. Не световых! Временных!

Вез и Джон, вытаращив глаза, смотрели на него и молчали. Омниарх улыбнулся.

— Не смотрите так на меня, друзья и соратники. Это факт, который я сам только частично мог понять. По-видимому, Клип овладели временем в определенных границах. Они вероятно не могли путешествовать в свое прошлое. Но могли всякий предмет, даже невероятно больших размеров, задерживать во времени. А также могли посылать предметы в будущее. Думаю, что они не успели закончить свои изыскания в этой области. Что-то

помешало им. Долгой, окружной дорогой шел я до расшифровки записей, в которых говорилось о двух зондах без экипажей, посланных в далекое будущее. Собственно, один из них, сделанный с огромным размахом, и назвал я Вивариумом. Он так огромен, что даже такой корабль, как «Берта», кажется игрушкой рядом с ним! Там, Джон Браузен, находятся ваши женщины. Там, Вез До Ган, находится невиданное количество изделий и предметов Клип, которые я тебе обещал.— Он остановился на минуту, чтобы перевести дух, затем продолжал:

— Предметы, которые мы сейчас добыли, были из другого склада, построенного для обеспечения экспедиции, которую они собирались послать уже после постройки Вивариума. Мы можем только гадать, что тогда произошло. Может быть катастрофа, или что-то другое. Нигде не осталось никаких следов. Можно предположить, что есть еще несколько подобных складов.— Он улыбнулся толстыми губами.— Где-то, приятели (может быть, я должен был сказать когда-то?), какой-то такой склад работает нормально, обеспечивая через тысячелетия снабжение этой экспедиции. А может быть Клип продолжают существовать и кража этих товаров, в конечном счете, приведет к большим неприятностям для нас. Или они согласились с такой реальностью, что кто-то неизвестный использует их запасы. Этого посылающие Клип не могут знать. Только их отдаленные потомки в состоянии проверить, все ли в порядке на их складах. Но мне почему-то кажется, что они не существуют в нашем времени.

Джон первым оправился от потрясения:

— Этот... этот Вивариум... Ты говоришь, что там женщины. И что Вильмут охотится за ними...

— Да, Джон Браузен. Но они не смогут добраться до них, если, конечно, не поймают меня. Я был там два раза... Вильмут ничего не найдет, потому что Вивариум находится вне нашей Вселенной?

— Что? Что значит «вне нашей Вселенной»?

— Последний раз я задержал его в нашем прошлом. К сожалению, точного понятия этого прошлого не существует. Каждый раз меняющиеся мгновения прошлого существуют раздельно друг от друга, при этом постепенно отделяясь от нашего настоящего. Это похоже на равномерно отстоящие плоскости, перпендикулярные к линии, которую называют временем и движущимися одна за другой.

Вез заговорил и в его голосе сквозило недоверие.

— Ты оставил Вивариум в прошлом?

— Да. Это все, что я смог сделать.

У Джона от злости кровь запульсировала в висках:

— Ты хочешь сказать, что женщины недостижимы для нас?

— Недостижимы в нашей действительности? Да. Прежде всего они недоступны для Вильмута, пока там остаются. Но я могу... должен, так как это требуют интересы моей расы, переправить ваших женщин и весь Вивариум в наше настоящее.

Вез До Ган неуверенно спросил:

— Если ты сам задержал Вивариум в прошлом, то как же ты сумеешь вернуть его?

Хелки выдавил из себя звук, соответствующий человеческому хихиканью:

— Не напрягай свои мозги, гохданец, чтобы понять этот парадокс. Я уже участвовал в таком эксперименте. И должен сказать, что мое возвращение было очень простым, хотя я и ожидал его конца с определенным нервным напряжением. Не забывайте, друзья, что у меня уже очень долго эта игрушка,— и он показал на прибор дистанционного управления.— Я оставил его здесь в моей действительности и запрограммировал на контроль и возвращение небольшого корабля, служившего мне в этом путешествии.

Через минуту ошеломленный Джон спросил:

— Как долго в прошлом находится Вивариум? И...— он проглотил слюну,— женщины?

Темные, глубоко посаженные глаза Омниарха заблестели.

— Около тринадцати с половиной ваших минут, человек. Но это значит, что с таким же успехом они могли находиться и в другой Галактике.

Вез До Ган отошел в сторону, чтобы выслушать рапорт вошедшего офицера-гохданца. Потом улыбаясь повернулся к Омниарху и Джону:

— Вещи Клип очень заинтересовали мое руководство. А это в корне меняет ситуацию! Конечно нужно избегать открытой конфронтации с Вильмутом, но нам позволено любыми путями добыть то, что ты нам обещал. И не только моя гвардия готова отправиться туда, куда ты прикажешь, но нам дают все корабли, которые Гохд захватил. Два очень похожих на «Луну», тридцать крейсеров, более ста малых Разведчиков. Все они вооружены.

А взамен я должен доставить все предметы Клип, которые будут обнаружены. И еще,— он подошел ближе к Хелки, продолжая улыбаться,— я забыл вам сказать о так называемом Виварнуме. Кое-что должно перепасть и мне.

Хелки ответил улыбкой, но в голосе его чувствовалось нетерпение:

— Когда эта эскадра прибудет?

— Через пятьдесят или шестьдесят долей. Как только удастся собрать все, что может еще летать!

Омниарх переступил с ноги на ногу.

— В таком случае считаю необходимым, чтобы мы отправились в путь. Оставим здесь только один корабль, как проводника. Ждать больше нельзя!

Вез отрицательно покачал головой:

— При подготовке к отлету мы едва ли уложимся в двести долей. К тому же, нам требуется еще вооружение.

Омниарх издал звук, похожий на гневный вскрик:

— Если нужно, то организуйте встречу позже. Но я настаиваю, чтобы все двинулись в путь как можно быстрее. Остальные Хелки будут постепенно подтягиваться.

— Хорошо...— вынужден был согласиться Вез До Ган.— Где мы встретимся?

Омниарх быстро подал таблицу с координатами. Джон знал это место. Далеко в области Дискретности, между рукавами спирали. Почти так же далеко, как и их последнее дело на Бизх.

Вез вышел. Тогда Омниарх сказал:

— Я не знаю размеров флота, который мы можем встретить. Хелкам-невольникам на сотнях миров дан приказ захватывать военные или торговые корабли Вильмута и добираться до места встречи. Вероятно не все прибудут. Я боюсь, что Вильмут вовремя раскрыл этот план, оповестив подчиненные ему планеты о возможном восстании Хелки. Миллионы из нас погибнут и миллионы останутся заточенными в каторжных мирах...

Он посмотрел на Джона печальными глазами.— Ты уже на своей шкуре испытал, Джон Браузен, с какой жестокостью вильмутцы реализуют принятые решения. Когда-то они решили уничтожить твою расу. Сейчас они могут затеять то же самое и против моей. А мы не можем так, как сделали вы, разбиться на маленькие группы и расселиться по множеству миров. Полный Самец не может допустить этого! Каждый из нас должен ощу-

щать присутствие колонии вокруг себя или хотя бы рядом. Мы должны воспринимать ощущение временных отрезков прошлого, настоящего и будущего. А это требует реализации нашей мечты о свободе.

Впервые после Уничтожения Джон обрадовался, что в отличие от Хелки все гуманоиды могут довольствоваться любыми условиями жизни и легко адаптировались. Любой общественный гуманоид технического уровня в случае необходимости мог стать рабочим или схватиться за оружие и воевать. Воевать даже голыми руками! Применять в бою зубы и когти.

Он сел и уставился на Омниарха.

— Тот... Вивариум, о котором ты говорил. Я понимаю, что там созданы все условия для жизни. Но пространство! Разве оно так велико, чтобы вместить миллионы твоих Хелки?

— Да, Джон Браузен! Это кажется невероятным, но поверь, что это так. Я провел много часов, исследуя его автоматы и механизмы, провел несколько небольших экспериментов. Многие тысячи часов думал об этом. Но смог понять его действие лишь в небольшой степени.

В его глазах, вглядывавшихся в Джона, отразилось небольшое беспокойство:

— Даже способ, которым я намереваюсь обеспечить безопасность своей расы, для меня сплошная загадка. Я попробую организовать группу самых квалифицированных специалистов, которые помогли бы мне изучить все, когда мы окажемся там, но я не уверен, сколько их доберется до цели. И когда Вивариум перенесется в прошлое, нужно будет перенести всех Хелки. Это будет огромная и трудная задача.

— Из-за соображений безопасности ты не сообщаешь мне, когда это произойдет. А у тебя не будет трудностей с определением места, достаточно удаленного от Вильмута?

Омниарх улыбнулся.

— Независимо от того, как долго ты будешь путешествовать, это невероятно мало в сравнении с моим путешествием. Когда женщины покинут Вивариум, а их место займут Хелки, нам надо будет перебросить Вивариум в далекое прошлое.

Полный Самец с Акиеля вошел и стал рядом с Омниархом.

— Как два вола,— подумал Джон. Он сидел и внимательно всматривался в Хелки с легким замешательст-

вом. В конце концов он спросил бесцветным голосом:

— А что вы будете делать, если это дело не выгорит? Если вам не удастся справиться с механизмами Вивариума?

— Тогда,— медленно произнес Хелки,— наш род больше не будет иметь права на жизнь, раз мы не смогли добиться свободы. Мы выработаем в своих организмах смертельный яд, и...

Глава 20

«Берта» мчалась сквозь гиперпространство. Джон, Барт и два Хелки стояли перед укрепленной на подвесках картой района, через который они пролетали. В иллюзорной сфере золотые блестки были часто сгруппированы на ее поверхности. Они показывали все корабли, сопровождающие «Берту». Это была только меньшая часть флота Джона, гвардия Вез До Гана, а также корабли, приданные им недавно Гохдом. Все они стремились в точку встречи, назначенную Хелки. Ланге подошел к сфере, повернул ручку настройки — и рой кораблей тут же устремился вглубь. На поверхности шара появилось большое яркое пятно. Оно состояло из маленьких, ярких точек, столь многочисленных, что пересчитать их было невозможно — это была группа беглецов-Хелки.

Барт внезапно посмотрел на Омниарха.

— Скажи, зачем сфера находится на подвесках?

Омниарх был погружен в свои мысли и казалось не слышал вопроса.

Ланге опять повторил, и только тогда Хелки очнулся и ответил:

— Это своего рода амортизаторы. И изоляторы,— он протянул руку и коснулся волосатой ладонью края сферы. Тотчас же указатели в окошечках дрогнули, а изображение изменилось.— Ты видишь? Я дотронулся и все изменилось. Поэтому сфера должна быть очень хорошо прикреплена и изолирована от вибрации и сотрясения. Должен заметить, что эти амортизаторы выполнены из специального пластика.

— Почему же эта игрушка просто не летает в воздухе на гравитационной подушке? — перебил его Барт.

Омниарх усмехнулся.

— Это уже другой вопрос, а на него я не могу ответить.

Он снова стал наблюдать за детектором.— С этого расстояния мы даже не можем увидеть, какие там корабли, военные или грузовые. Зато мы сразу можем заметить появление звездолетов Вильмута.

Хелки повернулся к Джону:

— Из соображений безопасности при выходе из сферы мы должны рассеяться на миллионы миль. Беглецы будут прибывать постоянно и группироваться в небольшие отряды. Как ты намереваешься обеспечить порядок и охрану такого количества кораблей?

Джон задумался. Он представил себе огромное стадо овец, охраняемое несколькими пастухами и парой собак в дикой, полной волков степи.

— Я предлагаю,— буркнул он,— после встречи сформировать колонну, которая начнет двигаться на гравиприводе в направлении к цели. Таким образом мы будем своевременно видеть всех опоздавших, которые будут выходить из гиперпространства. Большинство наших сил в случае чего смогут выйти на встречу со звездолетами Вильмута, которые появятся на нашем курсе. Одновременно по бокам и сзади колонны на равных расстояниях мы разместим Вооруженных Разведчиков.

Барт нервно произнес:

— А если опоздавшие появятся прямо перед головой колонны?

Джон пожал плечами.

— Наш план исключает такую возможность.

— Да,— кивнул Омниарх.— Кроме того, я предложил бы запланировать несколько небольших прыжков в нульпространство для избежания встречи с Вильмутом. Прыжки не вдоль нашего курса, а несколько в сторону, чтобы сбить их с толку.

Джон поднял брови.

— Но при этом возможны непредвиденные происшествия! Мы можем потерять кучу кораблей, так как они не смогут вовремя получить нужную информацию или из-за поломок при прыжках.

Омниарх долго смотрел в сторону.

— Без сомнения. Без этого наше предприятие не обойдется. Конечно, необходимо постараться уменьшить потери.— Но, как вы говорите, на войне, как на войне!

Ожидание становилось невыносимым.

Выход!

Джон постарался одновременно контролировать показания детектора массы и экран внешнего обзора.

О, пространственный боже! Две тысячи двести семьдесят кораблей на обычном удалении от него. И количество их непрерывно росло! Шар детектора массы покрывался мелкой пылью изображений кораблей по мере того, как очередные выходили из гиперсферы.

Цифры на экране компьютера мелькали, распыливая рой искр. Темп нарастал. Минуты, десятки минут, часы тянулись в тягостном напряжении. Минута — и блеск! Минута — и три блеска! Две минуты — два блеска! Три минуты...

Джон смотрел на Омниарха.

— Ты установил временные границы их появления?

— Они уже прошли,— темные глаза Омниарха внимательно следили за экраном.— А количество кораблей немного меньше, чем я ожидал. Мне трудно говорить об этом... Ну, что ж... Двинулись!

Джон пробежал взглядом по детекторам дальнего обнаружения. До сих пор чужих кораблей не было. Или, может быть, их просто не было видно в блеске своих? А к тому же, как можно было их различить? Ведь большинство кораблей беглецов были украдены у Вильмута. Сколько, интересно, шпионов могло скрываться на них?

Он повернулся к Омниарху:

— Мы оставим здесь один звездолет, как маяк, который отправит последних из прибывших в сторону цели.

— Если ты считаешь, что так будет лучше, Джон Браузен, оставляй.

Омниарх неподвижно стоял рядом с интеркомом. Затем резким движением дотронулся до клавишей компьютера. В зале стали слышны голоса Хелки-пилотов и командиров кораблей, докладывавших о состоянии звездолетов и количестве пассажиров на борту.

— Омниарх! Прежде всего выясни, сколько у нас имеется военных звездолетов и какого класса. И самое главное, убедись, что говоришь именно с представителями твоего рода.

Хелки усмехнулся, а Полный Самец продвинулся ближе и произнес:

— Не бойся, командор! Если мы уж начали восстание нашей расы, то ни один из нас не изменит Омниарху. Оставшиеся Полные Самцы или воины скорее погибнут в бою, чем запятнают свою честь предательством.

Все наши люди никогда даже не могут представить себя изменниками.

Джон с сомнением кивнул, оставляя проблему шпионов Омниарху.

— Выбери корабль, который мы оставим здесь,— сказал он старому Хелки.

— Я уже выбрал. Тяжелый крейсер с полным вооружением и оборудованный сенсорно-лучевыми радарами. Он двигается сейчас к концу колонны. К твоему флоту мы добавляем одиннадцать боевых кораблей, Джон Браузен. Пять тяжелых и шесть средних крейсеров. Кроме того, тебе будут приданы двадцать три Вооруженных Разведчика. Они не имеют комплекта торпед, так как находились в ангарах, откуда их похитили. Джон нахмурил брови.

— Это не очень большая помощь, если нагрянут крупные силы противника.

— Пускай только сунутся. Свобода или смерть!

Джон скривился как от зубной боли. Такое положение дел его не устраивало. Но дело было сделано. Отступать было поздно. И вдруг на экране появились новые точки!

— Домиано! — крикнул он.

— Да, сэр?

— Подготовка к гиперпрыжку. Готовность номер один! Быстро! Корабли противника!

— Есть, сэр!

Включились системы корабля, обеспечивающие прыжок. Задержав дыхание, Джон наблюдал на экране внешнего обзора за кораблем, который был оставлен ими в арьергарде. Дюжина или больше только что появившихся точек начала окружать его. Внезапно на детекторе появились новые корабли и вступили в бой на гравиприводе. Это были скорее всего опоздавшие Хелки, которые вывалились из гиперпространства и, оценив безнадежность ситуации, ввязались в безнадежный бой, даже не пытаясь бежать. Блестящие огоньки кораблей Хелки гасли один за другим, по мере того, как их настигали залпы вильмутцев.

Одному из кораблей обороняющихся удалось исчезнуть без помощи Вильмута, что означало, что он провалился в гиперпространство. Но куда же он денется? Ведь у экипажа совершенно не было времени для правильной ориентации прыжка! Хелки, находившиеся на его борту, были обречены на верную смерть. Оторванные

от своего рода, они были похожи на муравьев, у которых уничтожили муравейник.

Медленно тянулось время. Вытянутый рой огоньков, высвеченный на детекторе, плавно разворачивался. Огромное их количество должно было рассредоточиться, чтобы при выходе из гиперсферы корабли не оказались в соприкосновении друг с другом. Со всех звездолетов, за исключением «Берты», нельзя было наблюдать что делается в нормальном пространстве. В гиперсфере они были глухи и слепы.

— Джон! — голос Барта позвал командора к пространственной сфере.— На самом ее краю появились пурпурно-голубые точки, медленно продвигающиеся в центр сферы.

— Ты помнишь это?

Джон помнил. Он тут же повернулся к Омниарху:

— Мы идем туда?

— Да, Джон Браузен!

Джон посмотрел на Барта.

— Мы были там, точно в этом месте!

— Да, командор! — Барт улыбнулся.— Но на тридцать минут позже.

И снова потянулось время, которое двигалось все медленнее, хотя, как показывали сенсоры и компьютер «Берты», все корабли Хелки держали хороший темп. Однако некоторые удалились от колонны настолько, что с трудом можно было уловить их сигналы. Джон и Вез присоединились к прогуливавшемуся на палубе Омниарху.

— Как интересно,— спросил Джон,— и каким образом эта система детекторов может регистрировать такие дальние корабли и отличать их от неподвижных объектов?

— Это связано с потреблением энергии. Даже на неподвижном корабле протекают энергетические процессы: регенерация воды, воздуха, работа аппаратуры и датчиков. Когда происходит запуск двигателя, то энергетическое излучение меняет свою частоту и вид. Это и регистрируется. Если же корабль будет мертв и его энергетика заморожена, то наши приборы конечно не смогут его зарегистрировать.

Джон пожал плечами и стал ходить по рубке. Время шло. Стрелка хронометра медленно двигалась по кругу. Подходил момент, когда все подняли головы и посмотрели на нее. Тонкая дрожащая стрелка сделала еще пару прыжков...

ВЫХОД!

Экраны внешнего обзора были залиты огнем. Ожило радио. Из динамиков полились слова. По-английски, гохдански, на языке Хелки. Начала реветь сирена. Джон посмотрел на приборы, ориентируясь в пространстве и определяя местонахождение ближайших к ним кораблей и выключил сирену. Омниарх, припав к экранам, комментировал картину.

Два корабля вынырнули и оказались частично вошедшими друг в друга. Произошла аннигиляция и пространство заполнилось продуктами распада. Два крейсера докладывают о неисправности систем управления огнем.

Джон быстро сориентировался.

— Пускай отойдут подальше от колонны на случай, если произойдет неуправляемый запуск торпед.

— Я уже приказал сделать это.

Снова начался хаос. Корабли, которые во время прыжка отошли от колонны, начали сбиваться в кучу. Джон переключил управление на компьютер и стал с беспокойством наблюдать за детектором массы. Вильмутцы могли захватить в плен Хелки, которые были ранены, и узнать из их памяти место встречи. Он смотрел на экраны, где транслировалась картина внешней стороны рукава спирали и представил себе целый флот, мчащийся к ним через гиперсферу с неумолимой неотвратимостью.

Затем он увидел, что Омниарх включил прибор дистанционного контроля Клип и начал вращать рукоятки. Джону хотелось крикнуть: — Поторопись! Быстрее! — но он сдержал себя.

Через мгновение Омниарх прервал свое занятие и сделал глубокий вдох, раздувший его и без того огромное тело. Две волосатые руки задрожали.

— Быстрей, Хелки!

Казалось, что Омниарх сидит так уже много часов. Руки медленно манипулировали рукоятками, глубоко посаженные глаза пристально всматривались в показания датчиков. Внезапно он что-то нажал, опять вздохнул и медленно встал. Джон моментально посмотрел на хронометр — прошло не более четверти часа.

— Сколько это может продлиться? — не выдержал Барт.

Темные глаза повернулись в его сторону.

— Не более двух минут.

Джон смотрел на часы и не верил, что секундная

стрелка может двигаться так медленно. Минута... Семьдесят секунд... Он посмотрел на сферу, нет, там пока что ничего опасного не было. Они не были в гиперсфере и он посмотрел на детектор массы. Чего он ожидал?

От времени, обещанного Омниархом, осталось четыре секунды... две... одна. Стрелка прошла отметку и двинулась дальше. Ничего не произошло. Не вышло!

Не вышло!

Джон почувствовал, что внутри что-то оборвалось. И вдруг, без предупреждения, без звука, произошла какая-то перемена. Вся палуба, вся рубка управления осветились пурпурно-голубым светом.

Джон с трудом втянул в себя воздух. В голове мелькнула мысль, что это какое-то смертельное излучение, от которого он распадется на составные части, даже не ощутив боли. И в самом деле, он ничего не чувствовал, кроме разве что странного напряжения. Но это ему было знакомо... Он сосредоточился. Ну, конечно, это был страх!

Вез что-то сказал, спокойный голос Омниарха возразил:

— Это только выделение энергии перехода. Конечно ее видно на миллионы миль. Посмотрите на передние экраны.

Джон выдохнул воздух и услышал голос Ральфа, кричавшего по радио:

— Командор! Оно имеет длину более двухсот миль и десять миль в диаметре. Но детекторы массы...

Сирена завыла с некоторым опозданием. Джон с трудом протянул руку, чтобы выключить ее. Откуда взялась эта огромная масса? Она материализовалась из ничего в этой действительности. Все сенсорные датчики кричали об этом, не оставляя никаких сомнений.

Он увидел, что Омниарх что-то бормочет в микрофон на языке Хелки, показывая волосатой рукой на экраны. Затем он увидел маленькую точку, которая мчалась с появившимся рядом с ними объектом. Джону хватило времени, чтобы сообразить что это и крикнуть:

— Цолл! Направь телескоп на этот маленький корабль Хелки!

Воцарилась тишина. Через несколько минут Ральф отозвался:

— Командор! В неизвестном объекте образовалось отверстие, куда и влетел корабль.

Вез До Ган закончил кружение по палубе и остановился возле Омниарха:

— Я разделяю твое беспокойство о судьбе твоих сородичей, а также желание Джона заполучить женщин. Однако, мои цели заканчиваются на приобретении предметов, изготовленных Клип. Когда твое обещание исполнится?

— Когда первый исследовательский звездолет сообщит нам, что нет преград для моих сородичей и они могут начать разгрузку Вивариума. По-видимому из-за разбросанности они сразу не смогут собраться вместе, да это и не обязательно, так как может начаться столпотворение, если все ринутся разом, хотя Вивариум и очень большой. Главным образом вход и выход будет происходить через главный шлюз. И как только начнется погрузка, все пойдет как надо и вы сможете заняться своими предметами, Вез. Естественно, в это же время Джон Браузен может начать выводить своих женщин. В сегмент, где они находятся, можно попасть только на корабле типа Разведчик. Что же касается твоих предметов, гохданец, то я не смогу уделить им много времени, а также для дачи объяснений. Вы будете заниматься своими проблемами сами. Тем более, что множество предметов можно будет грузить на корабли прямо внутри Вивариума.

Вез не без повода изобразил на лице кислую мину.

— Спасибо и на этом, Хелки. По крайней мере я могу проинформировать своих подчиненных о предстоящей тяжелой работе.

Джон хотя внимательно вглядывался в экран внешнего обзора, но все же он пропустил появление маленького Разведчика, вынырнувшего из исполинского тела Вивариума. Ральф Цолл заметил его первым и доложил:

— Командор! Разведчик Хелки! Квадрат 2—4.

Джон увидел, как Омниарх, старый, сильный Хелки, уже начал отдавать приказания своим людям. Он повернулся к Джону и тот заметил, что глаза его горят торжествующим огнем:

— Большинство женщин живы и чувствуют себя прекрасно. Мне жаль, что несколько из них погибли. Поверь, я в этом не виноват. Я предлагаю вам подняться на борт Разведчика и тотчас же отправиться в Вивариум.

Корабли Веза и Омниарха отплыли и Вооруженный Разведчик, на борту которого находились Джон, Колтер и четверо других обалдевших от впечатлений мужчин, помчался к шлюзу, который казался неправдоподобно маленьким на огромном теле Вивариума.

Однако внутри пространство оказалось столь огромным, что создавалось впечатление, будто внутри находился сам космос, только без ярких точек звезд. Несколько слабых огоньков исходило от кораблей, находившихся уже внутри.

В туннеле, в который вошел их корабль, они почувствовали, что просто потерялись. В конце концов они влетели в люк, которым кончался туннель и обнаружили описываемый Омниархом центр круга.

Фред Колтер, сидящий в кресле второго пилота, направил мониторы на огоньки, горящие впереди. На экране высветился Разведчик. Джон наклонился над микрофоном:

— Здесь Браузен. Вызываю Омниарха. Это ты сейчас впереди нас?

— Да, Джон Браузен, если только мой оператор правильно идентифицировал твою радиоволну. Как дела? Ты мог ожидать, что окажешься внутри солнца?

— Не понял? — Джон наморщил лоб.

— Шахта, в которой мы находимся, проходит через середину другой, более крупной. А наружная поверхность этой большей шахты излучает тепло, свет и другие виды энергии к сегментам Вивариума. Эти сегменты имеют вид плоских цилиндров, установленных рядом с другой шахтой, параллельной солнечной, вдоль их оси. И солнечный свет является различным для разных сегментов. Представляешь себе?

— Очень туманно,— наморщив лоб, Джон вглядывался в приборы.— Но на обшивке корабля температура не поднимается!

— Не удивительно. Изоляция между шахтами весьма совершенна. В пространстве между ними находится также масса автоматов, обеспечивающих функционирование Вивариума, а также автоматические заводы, обычно не работающие, пока не потребуется их продукция. Там же находится двигатель с гигантским запасом топлива, аппаратура движения в гиперсфере, а также приборы для работы со временем. Именно там и найдет Вез До Ган ту большую часть вещей, которые осчастливят его.— Омниарх хихикнул.— Я должен лететь дальше, Джон Браузен. Через минуту вы увидите корабль, который я оставил, чтобы указать вам вход в сегмент с женщинами. Советую входить осторожно, гравитационные условия и область, в которой они живут, довольно своеобразны. Я бы с удовольствием проводил бы тебя, но боюсь напугать ваших женщин.

Глава 21

Это был длинный коридор, не слишком широкий даже для малого Разведчика, с различными боковыми ответвлениями, которые вероятнее всего связывали внутреннюю и наружную шахты. Когда наконец они миновали очередной переход, их взору открылось огромное пространство. Джон зачарованно смотрел на открывшуюся панораму. За несколько секунд они пролетели несколько миль над поверхностью этой гигантской площадки. Вверху, над ними, на огромной высоте проходила труба (примерно полмили в диаметре). Только небольшая ее часть, тот конец, со стороны которого они влетели, была темной. Остальные тридцать миль этой трубы излучали яркий желтый свет. Это и было местное «солнце».

«Суша» покрывала огромные стены цилиндрического сегмента шириной около восьмидесяти миль. На краях возвышались горы, в середине были долины и поблескивала вода — большие водоемы, в которые впадали несколько рек. Местность между реками и горами была поросшей лесом и небольшим кустарником. Трава и некоторые деревья имели нормальный зеленый цвет, но были и растения желтого и оранжевого цветов. На вершинах гор вдоль близлежащего хребта лежал снег. Видимо «труба» давала не только освещение, но и смену времен года.

В голове у Джона сильно пульсировала кровь. Он направил корабль вбок, вдоль континента. Они летели довольно низко, не более десяти миль над поверхностью. Джон быстро застучал по клавишам, вводя в компьютер запрос, и через секунду машина выдала ответ, что гравитация на поверхности равна земной.

Затем он дрожащими руками направил телескоп на то место, где, по словам Омниарха, десять лет назад были оставлены женщины.

Но он ничего не видел.

— Вероятно,— бормотал он,— с тех пор они перенесли свой лагерь куда-то в более удобное место.

Он окинул взглядом экраны внешнего обзора.

НИЧЕГО!

Фред Колтер стоял за его спиной.

— Омниарх упоминал какой-то ручей. Он говорил, что лагерь находится возле устья ручья, впадающего в небольшое озеро.

Джон внимательно вглядывался в проплывающую под ними местность. Его беспокоила боль в легких и желудке, от напряжения дрожал каждый мускул.

ПУСТО! А день уже кончался...

Они снизились еще ниже и начали описывать медленные круги.

Внезапно Фред схватил Джона за плечо и закричал, тыча пальцем в экран:

— Там! Вон там! Палатка!

Джон с трудом смог затормозить корабль.

С пистолетом в руке, на случай встречи с опасными животными, Джон вышел из люка. Трава пахла как земная, но группы кустов вдоль ручья имели странный оранжевый цвет. Со стороны этих кустов доносилось слабое странное позвякивание. Рядом с ним шел Фред, а в нескольких шагах позади остальные мужчины. Они тихо подошли к краю поляны в зарослях и остановились, наблюдая за лагерем. Он казался вымершим. Нервы Джона были натянуты до предела, он с трудом проглотил слюну.— О, боже, как было бы хорошо сейчас проглотить хоть немного дрона...— Глубоко вздохнув, он крикнул.— Эй!

Но из горла вырвался какой-то сдавленный непонятный звук. Но следующая попытка оказалась удачнее.

— Э-й!!

В пятидесяти ярдах от них из зарослей донесся какой-то смутный, сначала отдельный, полный удивления вскрик, а потом и множество голосов.

И вдруг Джон и его товарищи как-то в одно мгновение потеряли разум. Они побежали к этим кустам, что-то крича все вместе.

В глубине зарослей, раздавались крики и радостный плач, плач женщин!

И Джон, сломя голову, бежал на этот плач.

И тут из-за кустов появилась первая женщина...

Воцарилась странная, неожиданная тишина. Две группы людей резко остановились напротив друг друга и смотрели в упор. Джон ощутил резкую боль в груди и испугался, что сердце может не выдержать.

Внезапно из группы женщин раздался тихий, полный недоверия, удивления и полного отчаяния голос:

— Фред?!

Колтер задержал дыхание, затем втянул в себя воздух, как рыба, выброшенная из воды.

— Элоиза?!

Женщина, проскользнув между подругами, вышла из группы. Фред побежал ей навстречу. Они молча обнялись. Теперь слова не имели никакого значения.

Остальные стояли и смотрели на них долгую, долгую минуту. Никто не двигался. Но затем обе группы, зарыдав, бросились друг к другу...

Глава 22

Эвакуация женщин из Вивариума продолжалась четыре часа. Все это время Джон провел за пультом управления «Берты», тревожно ожидая появления блестящих точек — кораблей Вильмута, которые в любой момент могли появиться в опасной близости от них из гиперсферы. Экраны дальнего обнаружения «Берты» показывали роение далеких разведчиков врага, которые обшаривали отдаленные рукава спирали, постепенно приближаясь к ним. Но пока что люди не были обнаружены.

Он сделал перерыв только для последнего похода в Вивариум за остатками личных вещей женщин. Его сопровождали четверо мужчин и молодая женщина по имени Лиза Дувал. Она была старшей среди этой небольшой земной колонии. Это была женщина небольшого роста, с очень гибкой и подвижной фигурой. Она была немногословна, но ее карие глаза с интересом следили за всем, что ее окружало. Пролетев вдоль центральной шахты к сегменту, они приземлились возле лагеря.

Когда были собраны все вещи, включая даже старые кресла и обломок зеркала еще земного происхождения, Лиза притихла, рассматривая опустевшее место, некогда бывшее ее домом. Ее глаза стали влажными. Джон понимал девушку, ведь здесь прошли ее первые годы жизни. И ничего не было удивительного, что она ощущала печаль, оставляя навсегда это место.

Она повернулась к нему:

— Я знаю, что у нас мало времени и нужно торопиться с отлетом, но я хотела бы кое с кем попрощаться.

Он посмотрел на нее с немым удивлением.

— Значит, кто-то из вас спрятался и не хочет улетать? Почему же вы не сказали сразу об этом?

Она энергично покачала головой.

— Ну что ж, делай все, что нужно, как можно скорей.

Они двинулись по тропинке, проложенной вдоль ручья, вдоль странных звенящих кустов, до лужайки, обрамленной деревьями, похожими на земные тополя.

Они обошли возвышенность небольшого холма и вышли к озеру.

Толстое создание с черным мехом, весом около пятидесяти фунтов, внезапно появилось из норы на берегу и направилось к ним. Джон ничуть не испугался и с удивлением смотрел на это странное создание. Только сейчас он разглядел чужое поселение с многочисленными норами на береговом откосе, возле каждой норы находилось что-то похожее на веранду с террасой из сплетенных веток.

Вблизи животное напоминало очень большого и толстого бобра.

Оно имело большие мощные зубы, выпиравшие из пасти, оно приближалось к ним быстрыми плавными шагами.

Джон немало удивился, когда животное заговорило:

— Лиза! А я боялась, что ты не придешь попрощаться с нами.

— Я бы никогда так не поступила,— сказала девушка.— Но мы спешим и не можем долго задерживаться.

По щекам животного что-то пробежало и Джону показалось, что это были слезы.

— Мы будем тосковать без вас. Нам будет очень не хватать тебя, Высокая Без Меха. Высокая Добрая Соседка.

Лиза тоже заплакала.

— Мы тоже будем скучать без вас, Добрые Соседи. Попрощайся за меня и за нас всех со своим мужем, детьми и всем твоим племенем.

— Я сделаю это, Соседка. Мы радуемся за вас, что наконец-то нашлись ваши мужчины и прилетели за вами.— Толстое создание подняло глаза на Джона.— Вы сейчас увезете их навсегда?

— Мы должны сделать это, Милая Соседка.

— Мы никогда не забудем вас,— сказала Лиза, шмыгая носом.— И всего того, что вы сделали для нас. Мы ваши должники и будем молиться за вас каждое утро.

— Да, вы были хорошими соседями. Мы вместе прятались от Большого Зверя,— вздохнуло существо.— Что мы теперь будем делать без вас? Мой муж делает сейчас оружие, но что оно может сделать в наших слабых лапках?

— Другие существа,— сказала Лиза,— сильные и добрые будут жить здесь. Они не дадут вас в обиду Большим Зверям!

Существо забеспокоилось:

— Они большие? У них есть клыки? Они не будут нас есть?

Лиза вопросительно посмотрела на Джона.

— Хелки цивилизованная раса. К тому же они травоядные.

Девушка медленно встала.

— Мы должны идти, Добрая Соседка,— произнесла она, вытирая слезы.— Должны.

Слезы потекли по щекам существа:

— До свидания навсегда. Могу ли я назвать тебя нашим именем? Мой муж говорит, это невозможно, потому что ты другой расы.

Лиза кивнула:

— Я согласна, Добрая Соседка.

Существо встало на задние лапы и, подражая людям, поклонилось:

— До свидания, Наименьшая из Клана.

Лиза тихо плакала, когда они быстро шли к кораблю. Джон оберпулся — толстое создание, неподвижно застыв на месте, смотрело печальными глазами им вслед.

Ситуация, которая сложилась на борту «Берты», была неожиданной и удивительной. Джон не смог объяснить ее, рассуждая логически, но понял, что так и должно быть. Однако, Вез и горстка кохданцев-специалистов, составляющих часть экипажа, казалось совсем не удивлялись.

Фред и Элиза Колтер разместились в отдельной каюте. Остальные женщины и мужчины странно уклонялись от образования пар и создания семей. Женщины хотели и дальше жить группой в какой-нибудь части «Берты». Этого же хотели и мужчины. Это отнюдь не значило, что среди них не возникало связей (о которых все знали и постепенно привыкли), но в общем царило взаимоуважение личной независимости. Быть может это было следствием долгой жизни обеих групп в изоляции, а может быть было порождено чувством большой ответственности, какого-то значительного самопожертвования для прошлого своей расы. Во всяком случае, почти не было проблем с соперничеством, хотя мужчин было больше почти в два раза.

Переход Хелки в Вивариум был уже почти закончен. Силы Вильмута продолжали свои поиски, неумолимо приближаясь к границам действия детекторов, на которых они могли их обнаружить.

Джон и Вез прогуливались в нетерпеливом ожидании по рубке управления. Время от времени они встречались лицом к лицу, хмурили брови и расходились в стороны. В конце концов, Вез не выдержал, остановился и заговорил с Джоном, глядя ему прямо в глаза:

— Друг мой, я должен уладить с тобой одно дело.

Джон вздохнул и тоже остановился.

— Ты имеешь в виду, сколько нам еще придется торчать здесь, охраняя Вивариум?

— Несомненно. Ты получил своих женщин, а я свои предметы. И мы понимаем друг друга. А наше понимание Омниарха и его цели не столь полное и такое тесное. Должны ли мы откладывать осуществление своих планов и замыслов, ожидая, пока он тратит время на исследования машинерии Визариума?

Джон внимательно посмотрел на собеседника.

— Я думаю, что он скоро закончит. Не забывай, что наш договор обуславливал это время для его нужд.

— Я это прекрасно помню.— Вез был раздражен.— Но сколько оно продлится?

— Не знаю. Но насколько я себе представляю, он занимается не просто разговорами, а делом, не уделяя времени даже для сна и еды.

Вез со злостью раскрыл ладонь в знак согласия.

— Не делай из меня палача, Джон Браузен! Я ведь не говорю, что мы тотчас же должны убраться отсюда. Но сколько может длиться это ожидание?

Джон удержал закипавшую злость.

— А ты постарайся не делать из меня машину с запрограммированными ответами. Хорошо? Я не хочу отвлекать его попусту, но все-таки свяжусь с ним и спрошу.

Вез выразил на лице хмурую мину, словно этот ответ его не удовлетворил.

Видеосвязи с Вивариумом не было (почему-то этот вид волны его стены не пропускали), поэтому они не видели выражения лица Омниарха, но в голосе его чувствовалась чрезвычайная усталость.

— Я понимаю ваше нетерпение, но ничего не могу поделать. Наша работа дала определенные результаты, но они еще не окончены. Ситуация сложилась так — я почти уверен, что смогу овладеть аппаратурой движения во времени, однако в разных частях Вивариума мы натолкнулись на повреждения в цепях. Эти повреждения не являются следствием метеоритных атак, а скорее всего произошли из-за какой-то внутренней аварии, очень

много лет назад. Я не обратил на это внимания, когда был здесь последний раз. Есть даже пролом в стенах между сегментами. Может быть твои женщины могут об этом что-то рассказать. Я не знаю, могут ли другие повреждения механизмов повлиять на прыжок во времени. Ты помнишь, что я отправил Вивариум из нашей действительности в прошлое на несколько минут. На этот раз я должен отправиться с ним на тысячу лет назад, для того, чтобы Вильмут навсегда забыл о такой расе, как Хелки. Мы сейчас работаем очень много, пытаясь обнаружить каждую неисправность и ее влияние на работу аппаратуры. Я прошу вас об одном: дайте мне еще десять часов! Вы можете это сделать?

Джон посмотрел на Веза, который со злостью сделал подтверждающий жест открытой ладонью.

— Мы сделаем это! И желаем тебе счастья,— сказал Джон.

Глава 23

Круговой поиск вражеских эхо-сигналов продолжался. Детекторы дальнего обнаружения не засекали чужих кораблей. Так прошли два часа, потом следующие два. Джон уже стал надеяться, что Вильмут почему-то потерял возможность отыскать беглецов в этом районе космоса.

А потом сирена подала голос.

Джон бросил взгляд на шар детектора-массы. О, пространственный боже! Район вокруг центра шара был полон мощных сигналов. Компьютер детектора выдавал данные: тысяча четыреста... тысяча шестьсот... две тысячи...

Никогда, за исключением собравшихся Хелки в своих звездолетах, он не видел такого огромного флота. И корабли были только военные!

Он нажал несколько кнопок, пробежал взглядом по экраном и опять нажал кнопки. В интеркоме взорвалась смесь голосов на английском, гохданском и на языке Хелки (несколько их боевых звездолетов охраняли вход в Вивариум). Он не мог ждать от них многого. Только бы устояли хотя бы на своих местах! Он посмотрел на Вез До Гана. И через мгновение тот забормотал приказы своим подчиненным.

Все было ясно и просто.

— Приготовиться к бою!

Голос Домиано включился в общий разговор.

— Командор! Омниарх хочет говорить с тобой!

Джон на секунду заколебался, потом крикнул:

— Давай его!

Радиоволны с трудом пробивались через эфир — Джон едва различал слова Хелки:

— Джон Браузен и Вез До Ган! Мы зафиксировали появление флота Вильмута. Я не могу просить вас об организации обороны против такой армады. Но я прошу у вас всего несколько минут. Десять или пятнадцать... Если вы сможете так долго продержаться, мы рискнем включить аппаратуру в том состоянии, в каком она находится сейчас. Если все пойдет нормально, то Вивариум исчезнет с ваших глаз навсегда. Тогда вы сможете стартовать с чистой совестью и нашими наилучшими пожеланиями за содеянное. Самое большое пятнадцать минут! Согласны?

Джон повернулся к Везу. У гохданца было странное выражение лица. Браузен почти догадался о чем думает этот человек. Решиться остаться здесь и дать Хелки эти пятнадцать минут. Они оба понимали, что с их флотом шансы у Омниарха неизмеримо выше, чем без них, даже на пятнадцать минут. Вез раскрыл ладонь в согласии.

Джон коротко бросил в микрофон:

— Только пятнадцать минут! Держитесь!

И занялся приготовлением к этому бою, который им сейчас предстоял.

Внезапно из динамика раздались слова, спокойные, но очень знакомые — в рубку полился голос вильмутца:

— Вез До Ган? — поинтересовался голос.— Отзовись, если ты на борту одного из этих жалких суденышек!

Гохданец вздрогнул и заморгал глазами, затем засмеялся и сделал жест открытой ладонью. Джон, сначала застигнутый врасплох, пришел в себя и понял — если враг хочет говорить, то это просто замечательно!

Вез наклонился к микрофону:

— Здесь Вез До Ган! Кто спрашивает меня и зачем?

Из динамика раздался звук, похожий на хихиканье и бормотание одновременно:

— Меня зовут Бульвенорг. Я назначен главой всего этого флота, цель которого тебе без сомнения ясна. Как тебе нравится мое небольшое соединение, гохданец? Кстати, мы с тобой когда-то встречались на конференции по делам мелких изменений и соглашений между

нашими империями. Понимаю, что ты сейчас занимаешь позицию аналогичную той, что я занимал совсем недавно.

На лице Вез До Гана отразились гордость и превосходство, когда он ответил:

— Я хорошо тебя помню, Бульвенорг. Ни одному из нас не удалось повлиять на результаты конференции, но сейчас у нас есть шансы, не так ли? Кроме того, я тоже выполняю специальную миссию. Да, если говорить о твоих кораблях, то без сомнения это импозантное зрелище, беря также во внимание прежнюю ситуацию... Я почти что уверен, что цена сражения немного другая, чем тогда. Мне было бы по-настоящему жаль, если бы это пришлось доказывать таким способом.

Раздался издевательский смех:

— Ты можешь этого легко избежать. Скоро мы поговорим в другой обстановке. Да, кстати, это ты приложил руку к военным беспорядкам на Бизх? Знаю, что эти нападения были осуществлены несколькими недобитками, случайно уцелевшими особями земной расы, которая была настолько глупа, что рассердила нашего властителя одной провинции. Мне пришла в голову мысль, что эти отщепенцы сейчас могут быть с тобой. Ты можешь успокоить мое любопытство, подтвердив это допущение? Хотя это собственно не имеет никакого значения.

Джон отозвался, опередив Веза. Может быть это было глупо, но он не смог сдержать бешенства.

— Говорит один из этих отщепенцев, Бульвенорг! Я всегда к твоим услугам! Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, кроме того чтобы убить?

Следующее мгновение только шум работающей аппаратуры нарушал молчание. Даже переговоры других кораблей стихли и Джон понял, что все слушают их диалог. Затем вильмутанец заговорил:

— Мне кажется это Джонатан Браузен?

— Ну и что?

Бульвенорг вздохнул:

— В общем-то ничего. Это подтвердило одно мое предположение. Ты великолепный тактик, Браузен. Я даже жалею, что твоя раса была нами уничтожена.— Он сделал короткую паузу, затем обратился к Везу:

— Гохданец, война между нашими империями не является ни твоим, ни моим делом. Пойдем на компромисс. Забудем об этой небольшой, хотя и неприятной,

операции с Хелки. Я понимаю ее цель. Если это тебя интересно, то я даже солидарен с тобой, ты получил то, что хотел. Ты можешь оставить себе несколько этих мужчин, если питаешь к ним какие-то сентиментальные чувства, или считаешь их очень ценными наемниками. И несколько кораблей, которые ты захватил, тоже можешь оставить себе.— Пауза.— Все, что я хочу,— это вон то громадное, что я сейчас вижу, а кроме того, все Хелки, понимаешь, все до единого, должны получить по заслугам. И этот огромный звездолет, на борту которого они сейчас наверняка находятся.

Вез посмотрел на Джона и улыбнулся. Затем сказал в микрофон:

— Ты просишь меня о вещах, которые я не понимаю. Могу сказать одно, что знаю об этом громадном теле, о котором ты упомянул только то, что видел, как все Хелки вошли в него. И по крайней мере ни один из них не вышел до сих пор наружу. Думаю, что они хотят остаться там. Как ты знаешь, рабство не является характерной чертой цивилизации Гохд, оно противоречит всей нашей этике, поэтому ты не должен просить меня помочь тебе в поисках беглецов. А если говорить о корабле, то он мой и на его борту нахожусь я со своим экипажем. А это значит, что он является суверенной территорией Гохда...

Бульвенорг прервал его:

— Остановись, Вез До Ган! Неужели ты думаешь, что моя империя позволит оставить в ваших руках такое количество изделий Клип? Думаю, что пора заканчивать переговоры!

И в подтверждение этого на экранах радаров и детекторов массы появилась туча торпед первого залпа. Бульвенорг констатировал:

— Если ты не выполнишь моих требований, то мы, я с сожалением должен тебе сказать, начинаем войну с вашей империей.

Вез потемнел от злости.

— Мы — это не Хелки, Бульвенорг, и у нас не одна безоружная солнечная система! Мы можем постоять за себя! А что касается твоих угроз...

Тихий голос Домиано раздался из командного динамика:

— Командор! Хелки через минуту будут готовы к прыжку!

Сердце Джона забилось сильнее. Улыбаясь, он по-

дал знак Везу и посмотрел на экраны, транслировавшие изображение Вивариума и нескольких вооруженных кораблей Хелки, которые, развернувшись, ринулись в входные отверстия гиганта. Он положил палец на клавиши компьютера и быстро проговорил в микрофон:

— Внимание всем, всем, всем! Через пять секунд уходим! Компьютеры переключить на управление прыжком!

Вез, громко смеясь, прервал свой разговор с вильмутанцем и быстро повторил приказ по-гохдански. Затем подал Джону знак открытой ладонью. Джон сильно нажал клавиши «Нуль» и...

Но ничего не произошло.

Вез и Джон посмотрели друг на друга, едва слыша доносящиеся из динамиков угрозы Бульвенорга.

Экраны озарились вспышками разрывов первых торпед, попавших в поле действия их обороны и уничтоженных силовыми полями. Джон отметил, что защита работает на пределе. Он нажал еще несколько клавиш, давая программу в компьютер, одновременно подавая команду эскадре:

— Уходим на гравиприводе!

Он еще раз попробовал нажать клавишу «Нуль», но опять ничего не получилось, хотя приборы показывали, что аппаратура и двигатели готовы к прыжку. Команда, отданная компьютеру, включила гравипривод, но «Берта» не сдвинулась с места ни на шаг!

Голос Бульвенорга замояк. Торпеды теперь летели беспрерывно. «Берта» внезапно задрожала. Попадание! Заревели аварийные сирены, но приборы показали, что обшивка корабля не повреждена. Шум был такой, что Джон едва слышал голоса из интеркома. Он усилил звук до предела и наклонился к динамику.

— ... мы не входим в подпространство? — Ральф Цолл отчаянно кричал.

Ошеломленный Джон смотрел на экраны и вдруг понял, что все корабли исчезли вместе с флотом Вез До Гана. «Берта» же осталась наедине со всем флотом врага, против двухтысячной эскадры Вильмута.

Очередной грохот — это вражеская торпеда прорвала оборону, миновав огонь малых противоторпед и лазерных лучей. Джон почувствовал, как борются его люди с повреждениями и его охватила гордость. Нет, мы не сдадимся! Но как слаба была сейчас их оборона! Даже если этот мощный корпус выдержит, то выделяющаяся при прямом попадании энергия непременно уничтожит их.

Вез нажал какие-то кнопки на клавиатуре компьютера и крикнул в микрофон:

— Домиано! Соедини нас с Омниархом!

Сильный голос старого Хелки долетел до них, едва пробившись через помехи, создаваемые врагом с помощью специальных устройств, препятствующих работе компьютеров.

— Клянусь честью, Вез До Ган! Это не я вас задержал... Джон Браузен, это... О, пространственный боже! Единственное, что приходит мне в голову, это что Вивариум вошел в состояние автоматической обороны. Поэтому задерживает каждый корабль Клип, находящийся в пределах этой обороны. Мы сейчас исследуем все механизмы, выключающие оборону.— Омниарх внезапно замолчал и вздохнул.— Послушайте, друзья! Если вы продержитесь еще минуты две, то мы уйдем в подпространство. Нам уже почти удалось отключить эту идиотскую оборону!

Джон и Вез таращились друг на друга и молчали. Потом оба повернулись к хронометру.

Удары и сотрясения следовали беспрерывно. Кто-то выругался по интеркому от злости и бессилия. Барт Ланге доложил:

— Крышка люка сорвана!

Джон повернул голову и посмотрел на пульт контроля жизнеобеспечения корабля. Который из люков? Мозг земляпина давал сбои. Ах, вот этот! Часть корабля, куда попала торпеда, была изувечена взрывом, гермопереборки отсекли утечку воздуха. Что еще можно было сделать — только наблюдать за прыжками стрелки хронометра.

Затем он внезапно ощутил, что все внутри него сжалось и перевернулось. Он попытался вскочить с кресла, потерял равновесие и упал на пол, ничего не соображая...

Глава 24

Фигуры людей в рубке «Берты» зашевелились. Барт Ланге прохрипел, шаря вокруг руками:

— Что случилось?

У Джона в голове все перемешалось, словно он тысячу часов пробыл в камнедробилке, но долг был превыше всего и он заставил себя сжаться в кулак и попытался оценить ситуацию, окинув взглядом приборы и детекторы.

— Похоже, что мы пробили пуль-пространство,— сказал

он через мгновение. Потом неуклюже подполз к креслу и влез на него. Наклонившись к интеркому, он отдал приказ:

— Всем членам экипажа! Приказываю осмотреться в отсеках и палубах и попытаться по мере сил устранить повреждения аппаратуры. Курсограф дает направление нашего движения к империи Гохж.

Домиано слабо отозвался:

— Что произошло, сэр?

— По всей вероятности Вивариум удерживал нас от входа в подпространство, а как только он сам исчез, мы прорвались следом за ним. Попал ли он в свое прошлое, неизвестно, во всяком случае он исчез и это позволило нам двигаться. По крайней мере, мне так кажется. Мы вынуждены будем довольствоваться тем, что осталось. Что же касается других кораблей, то вероятнее всего они ушли в гиперпространство согласно моему приказу.— Он посмотрел на Барта.

— Сколько Разведчиков у нас на борту?

Барт задумался.

— Четыре. По крайней мере было...

— Узнай,— приказал Джон и обернулся, уловив движение за спиной. Лиза Дувал вошла в рубку. Она была бледной, но спокойной. Он спросил ее:

— У вас все в порядке?

Она медленно кивнула:

— Мы только жутко испугались. Что произошло?

— Я думаю, что выяснение этого вопроса займет у нас много времени.— Он улыбнулся.— Но сейчас уже все позади, по крайней мере, мне так хочется думать.

Стоящий перед детектором нуль-пространства Ланге завопил и показал:

— Джон, посмотри!!

Джон подошел ближе, Барт показал на знакомый пурпурно-голубой блеск вблизи центра шара.— Вот это! Это тот самый знак, показывающий, где мы были.— Он засмеялся и показал на рассеянные, маленькие точки? — Вильмутанцы рассредоточились на маленькие группки и вероятно начали поиски. Бьюсь об заклад, что они готовы сразиться сами с собой!

Подошедший Вез произнес важным голосом:

— Пока они там остаются, они не смогут атаковать Гохд. Мы будем дома задолго до них. И будем готовы на случай, если они осмелятся реализовать свои угрозы!

Сейчас, когда все было позади, Джон ощутил страст-

ное желание почувствовать во рту вкус зернышка дрона. Но он заставил себя выдержать эту пытку, сейчас он не мог позволить себе даже глотка алкоголя, чтобы заглушить это желание. Он посмотрел вслед уходящей Лизе, которая пошла успокоить женщин, и повернулся к Везу:

— Твои корабли доберутся до баз быстрее нас. Поэтому я предлагаю, чтобы мы прежде всего полетели к той планете, которую ты подарил нам. Если ты не против, мы используем ее в качестве базы.

— Конечно. Но мне потребуется один из ваших кораблей и несколько передатчиков.

Джон ответил движением открытой ладони. Затем посмотрел на часы, показывающие время выхода из гиперсферы. Осталось два часа и пятьдесят минут. Время двигалось так медленно, как оно могло течь только здесь, в месте, определяемом, как «ничто». Но стрелки хронометра все-таки двигались безостановочно и вскоре оказалось, что до выхода осталось всего десять минут. Барт опять подошел к детектору нуль-пространства и наморщил лоб.

Сотрясения, которые получила «Берта», могли разрегулировать этот прибор. Он не может сейчас даже показать положение звездной системы нашей планеты.

Джон вздохнул:

— Разве ты не знаешь, что звезда там двойная? Мы попадем куда надо.

— Не сомневаюсь. Но все-таки все это выглядит не так, как должно было бы. Мне казалось, что я очень хорошо запомнил эту часть пространства.

— С приборами или без них мы найдем нашу планету. Я знаю этот район, как свой карман.

В конце концов они все же отыскали планету, хотя поиски продолжались значительно дольше, чем планировалось.

Выход!

Джон медленно подвел «Берту» к атмосфере планеты. Они вошли на ночную сторону и радаром обследовали озерцо и берег. Затем снизились и послали запрос.

Ничего! Никакого ответа!

Джон снизил звездолет на минимальную высоту и включил экраны внешнего обзора. Все выглядело не так, как должно было быть. Джон почувствовал нарастающую тревогу. И через мгновение получил подтверждения своим опасениям. На планете не было ни одного Разведчика, хотя когда они улетали, они оставили здесь несколько

штук. На месте их стоянки виднелась какая-то металлическая груда хлама, заросшая кустами и несколькими молодыми деревцами. Не было ни малейших следов построек, или каких-то следов пребывания людей.

Джон медленно повернул голову к Везу:

— Мне кажется, что будет лучше всего, если мы как можно быстрее вернемся к какому-нибудь цивилизованному обществу, если таковые еще существуют.

Не удивляясь, Вез медленно согласился, раскрыв ладонь.

Глава 25

«Берта» кружила вокруг спокойно выглядевшей планеты несколько часов на высокой орбите, чтобы не испугать ее обитателей, пока Вез До Ган вернулся с разведки на малом катере. Он рассказал подробности своих исследований, о которых кое-что они уже знали.

— Я не мог как следует с ними поговорить,— сказал он.— Они сильно изменились в культурном отношении. Язык просто стал варварским. У них есть старинные предметы из металла, на которые они прямо молятся. Я внимательно прослушал некоторые их легенды.

— Как давно это произошло? — перебил его Джон.

— Я пробовал установить дату и получилось что-то около одиннадцати или двенадцати тысяч лет тому назад. Но я мог и ошибиться. Они даже не удивились, увидев меня. Культура их предков, судя по всему, была межзвездного происхождения. Я не пробовал объяснить, что прибыл из далекого прошлого и что некоторые из них вполне могут являться моими потомками.— Он слабо улыбнулся.— Я оказался не в таком плохом положении, как вы, когда считали, что все ваши женщины погибли. Наши женщины там, внизу, выглядят здоровыми и привлекательными.

Джон посмотрел в сторону.

— Ну что ж,— наконец произнес он.— Ничего не поделаешь. Теперь вот что — ты останешься с нами? На борту находится много вещей, принадлежащих тебе, не говоря уже о самом корабле! Конечно могут найтись другие миры Гохд, более приспособленные, более развиты... чем этот.

Вез вздохнул:

— Я думаю, что этого не будет. Я даже не уверен,

что хотел бы насаждать знания и технику этих космических путешествий в этот мир, едва вступающий в жизнь. Я думаю, надо будет здесь и остановиться.— Он опять улыбнулся.— Ты будешь не против, если я со своими четырьмя товарищами останусь у вас?

— Конечно, нет! Большинство из нас осядут на той планете, которую ты подарил нам несколько тысяч лет назад. И по крайней мере на какое-то время, я думаю, мы будем счастливы. А что касается «Берты», то ты должен решить сам. В конце концов это твой корабль.

— Не надо, Джон Браузен. Будем считать, что этот корабль наш общий, хорошо? Мы должны сделать на нем несколько разведочных полетов, пока еще мы недостаточно прочно приросли к земле.

— Удостовериться, что случилось с империей Вильмута, не так ли? Или что произошло с другими космическими культурами?

— Да, Джон.

Браузен подумал немного и потом сказал:

— Есть еще одно место, где я бы хотел побывать напоследок.

Вез улыбнулся.

— Я понял. Думаю, что ты имеешь в виду Землю.

«Берта» задержалась возле зеленой планеты почти на целый местный год, который был немного больше земного. Затем они совершили двенадцатичасовой прыжок и убедились, что ситуация, в которой оказалась империя Вильмута, та же, что была и для империи Гохд. Скорее всего и Бизх была уготована та же судьба. В общем, в обоих рукавах Галактики больше не существовало сколько-нибудь значимых космических культур.

Они наткнулись на следы, очень слабые, давней межзвездной войны, которая произошла по меньшей мере десять тысяч лет тому назад, и которая уничтожила все культуры, овладевшие глубоким космосом в этом секторе Галактики, а их жалких обитателей отбросила на самую низшую ступень развития. Не осталось никаких подробностей о событиях тех дней.

Сделали они несколько путешествий и в эти миры. Из одного из них Вез привез симпатичную молоденькую кохданку, которую звали Фрезелия. После полутора лет их пребывания на зеленой планете Джон с Бартом Ланге, Луисом Домиано, Ральфом Цоллом, а также с Лизой Дувал посетили Землю.

По разным причинам Джон смог увидеть Веза только

спустя год после возвращения из этого полета. Вез был любопытен и интересовался, в каком состоянии находится Земля.

— Мы спачала были просто ошеломлены,— рассказывал Джон.— Не говоря уже о том, что воздух и почва перестали быть радиоактивными, а вода потеряла половину первоначального уровня радиации, но там появилась жизнь! Мы видели кусты, которые были похожи на меховую шкуру какого-то экзотического животного. Видели траву, местами зеленого, местами пурпурного цвета. От следов былой катастрофы не осталось ни следа.— Он посмотрел на дом, в котором сейчас жил (они сидели на скамейке в небольшом садике перед домом и потягивали пиво, весьма неплохое).— Мы были уверены, что вся жизнь была полностью уничтожена. Но видимо семена и кое-какие бактерии все же сохранились. Может быть они были где-то глубоко под поверхностью или заморожены во льду и излучение их не достало. А затем некоторые из них вернулись к жизни,— он сделал пару глотков.— Я до сих пор не понимаю, как все это произошло в океане. Может быть какие-то формы жизни находились в океанических впадинах или были в иле, где их не уничтожили химические превращения, происходившие в толще вод. Во всяком случае, океаны Земли сейчас наполнены микроскопическими водорослями и самыми примитивными формами животной жизни. Думаю, что водоросли эти в довольно быстром темпе смогут восстановить атмосферу.

— Какой сейчас процент кислорода? — спросил Вез.

— Около десяти процентов. Мы подсчитали, что через год там может быть уже около четырнадцати!

— И вы смогли бы поселиться там?

— В принципе это возможно, но пока что я не вижу в этом смысла. Содержание кислорода все же незначительно. Пока что мы планируем доставить туда деревья, траву, а для рек и озер рыбу, которые смогли бы акклиматизироваться в нынешних условиях Земли.

— А что с морями? Много ли еще радиоактивных веществ в них?

— Нет. Большинство уже очистились. Морских животных тоже нужно будет завезти, если мы найдем какие-нибудь подходящие для нас виды.

Вез улыбнулся:

— А кроме этого? Ты уже что-то присмотрел?

— О, конечно! В районе, где некогда владычествовал Вильмут, есть несколько планет, я их специально посетил

с этой целью, на которых растут растения, могущие легко приспособиться к нынешним земным условиям. Сейчас я планирую туда полететь и захватить некоторые образцы, чтобы акклиматизировать их на Земле.

Вез вздохнул:

— Ты был в маленьких империях в отдаленных районах Галактики? Я имею в виду торговые миры...

— Мы наведывались в некоторые. Большинство этих, полных жизни миров, мертвы. Эта война...— Он замолчал на мгновение.— Мы побывали даже на Дронгалии. Из чистого любопытства. Сейчас это просто обожженная спекшаяся масса шлака, летающая по орбите вокруг своего солнца. Нигде нет даже зернышка дрона.

Вез удивленно вскинул руки:

— Что?

Потом улыбнулся и лукаво добавил:

— И какое впечатление это произвело на тебя?

Джон повернулся и обнял за плечи сидящую рядом Лизу.

— Это было мне совершенно безразлично. Чистая правда!

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

«КОСМИЧЕСКИЙ СТАРАТЕЛЬ»

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с английского

1

Осколок скалы, который одновременно и представлял собой залежь, плыл в золотистом солнечном тумане. В одном месте туман светился ярче, в той стороне на расстоянии десятков миллионов миль находилось солнце. В другом месте туман был темнее, кое-где он становился совсем тонким, в проплешинах мерцали одна-две искорки звезд. Расстояние до них можно было выразить только в световых годах. Вся остальная часть тумана была освещена до однообразия равномерно. Некоторое разнообразие в картину вносила скала. В длину она достигала самое большое семьдесят футов, а в наиболее узкой части — пятьдесят футов. Вещество, ее составляющее, за исключением одной-единственной вкрапленой жилы породы, представляло собой кристаллическую субстанцию, некогда яростным ударом отколотую от какого-то большого целого.

Скала плавала в пустоте. Она не падала, потому что вращалась по орбите вокруг планеты, которую скрывала золотистая дымка тумана. Ничто не объясняло ее присутствие здесь, но люди добрались и до нее.

Неровными буквами кто-то пометил эту скалу: ТХ-37. Буквы и цифры едва можно было различить на расстоянии. А несколько позже некто украсил поверхность новой надписью: «ДК-39», эта надпись частично перекрывала старую. И это было все, что можно сказать об одной стороне скалы.

На другой ее стороне имелись более очевидные следы человеческого присутствия. Имелся прозрачный купол,

надежно прикрепленный к скальной поверхности. Диаметр его составлял пятнадцать футов. Сферическая поверхность купола достигала в высоту футов восемь. С боку в одном месте была встроенная трубчатая металлическая рама, к которой примыкал прозрачный воздушный шлюз. И внутри купола находились предметы, предназначенные только для человека.

Здесь был спальный мешок с капюшоном, кубообразный объект, который являлся кондиционером воздуха. Имелся штабель резервуаров, во все стороны торчали вентили и шланги. Резервуары были помечены словом «Кислород». Некоторые ящики, судя по надписям, содержали — или когда-то содержали — запасы провизии.

Но ничто не двигалось на скале. Семьдесят футов на пятьдесят и на сорок, скала обладала массой в несколько тысяч тонн. Она вращалась вокруг некоей неопределенной оси, совершая один оборот примерно за десять минут. Все было спокойно.

Это была безымянная скала. Она плыла в туманном вакууме, в космическом облаке пыли, составляющим громадный светящийся диск, повисший в межпланетном пространстве. Это были кольца Тотмеса, о котором «Галактический Указатель» мимоходом замечал, что Тотмес — газовый гигант, четвертая от светила планета системы звезды Нилетус, окруженная кольцами пыли и мелких осколков от распавшихся лун. То есть, в этом отношении она напоминала Сатурн, планету Первой Системы.

Скала, с выведенными на ее поверхности буквами и цифрами, все плавала и плавала в световом тумане. Ничего не происходило. Ничто не двигалось. Совсем ничего. Даже то, что лежало в спальном мешке, тоже не шевелилось, и не дышало.

Данн вел свой космоскаф сквозь кольца Тотмеса. Он сердито хмурился, потому что направлялся на Отдушину, куда скоро должен был прибыть транспорт-сборщик, а для Данна необходимость этого перелета сейчас была очень некстати. Прибытие сборщика вызывало каждый раз прилив почти истерического веселья, но Данну сейчас было не до этого. Только крайняя необходимость заставила его покинуть своего партнера Кииза, который остался на одном из осколков, что они нашли и начали разрабатывать. Там имелась двухфутовая жила абиссальных кристаллов прямо на поверхности осколка, и было бы безумием оставлять такое сокровище без охраны. Ко-

нечно они пометили осколок. Но маркировка особого значения не имела. Хотя они и пометили его своей меткой — «ДК-39» — поверх старой «ГХ-37», но в Кольцах Тотмеса не существовало понятие законности, и это была еще одна причина для беспокойства. Киизу был оставлен весь очень ограниченный запас кислорода и никто больше не знал, где он находится.

Но кто-то должен был отправиться на Отдушину за пополнением запаса, а это было возможно только в моменты прибытия транспорта-сборщика. Дорога на Отдушину с того осколка, на котором работали Данн и Кииз, занимала два с половиной дня, и лететь нужно было сквозь золотистый туман, в котором не было маяков. Из двух партнеров Данн являлся более опытным астронавигатором. Если бы полетел Кииз, оставив Данна на скале, он мог бы заблудиться и не найти дороги назад, прежде чем у Данна закончился бы кислород. Данн имел гораздо меньше шансов заблудиться. Кроме того, если бы они оба покинули свой осколок, какой-нибудь посторонний старатель мог бы наткнуться на него, пометить заново своими инициалами и номерами... если, конечно, он был готов отстаивать свою находку.

Поэтому-то Кииз и остался в куполе, который Данн покинул два дня назад и теперь спешил поспеть на Отдушину к приходу сборщика. Им нужен новый запас кислорода. Им нужна провизия и запчасти для горного оборудования. Все это Данн должен был получить на корабле-сборщике, привозившем запасы с Хоруса, следующей от солнца планеты этой системы. При всем при том Данн должен был следить за тем, чтобы не попасть в ловушку недоброжелательно настроенных объектов, которые всегда рады воспользоваться отсутствием правосудия в Кольцах. Полет от этого становился не только срочным, но и трудоемким, и ничего удивительного, что он хмурился. Нужно было не только взять припасы, но и вернуться обратно к осколку, не приводя «хвоста». Если это ему удастся, то они с Киизом станут весьма состоятельными людьми к тому времени, когда снова придет корабль-сборщик. Но если ему не удастся...

Но другого выхода не было. Он должен суметь. Если повезет, все вообще пройдет совершенно гладко. Но имелись другие возможности, и они ему не нравились. Окруженный со всех сторон непроницаемой пеленой пылевого тумана Данн с трудом мог представить, что существует в действительности вся остальная Вселенная.

Космоскаф плыл в золотистом светящемся тумане. Казалось, туману нет конца, но Дани знал, что он приближается к Отдушине. Отдушина была большим осколком — летающей горой, крупной частицей неисчислимых фрагментов Колец Тотмеса. На ней находился местный грузовой космопорт.

Каких-то несколько миллионов или сотен миллионов лет назад несколько сателлитов Тотмеса неосторожно вошли в предел Роше для этой системы спутников. Они были раскрошены в пыль гигантскими приливными силами, которым ничто, в буквальном смысле слова, не могло противостоять. Они развалились. В ходе процесса осколки были перемолоты в мельчайшую пыль, а частью в гравий, позже отдельные частицы снова слиплись вместе, образовав более крупные тела: скалы и горы.

Пыль и прочие обломки, оставшиеся от этой катастрофы, и составляли теперь Кольца Тотмеса. Каждая частица тумана имела свою орбиту, как и более крупные тела свою. Каждая пылинка или летающая гора мчались сквозь золотую пустоту по своим собственным неизменным дорожкам. Кольца Тотмеса напоминали кольца планеты Сатурн из Первой Системы. И само собой люди нашли причину, чтобы рисковать здесь своими жизнями.

В случае с Тотмесом причина была проста. Разнообразные объекты, плавающие в Кольцах, имели разный химический состав. Некоторые были осколками верхних пород некогда существовавших лун. Некоторые представляли собой куски железоникелевой руды из коры разрушенных спутников. И местами можно было натолкнуться на осколки, состоящие из абиссальных паиглубиннейших пород в контакте с такими металлическими жилами. В некоторых абиссальных субстанциях содержались особые кристаллы. Эти кристаллы существовали только там, где имелись планеты или луны. И добраться до них можно было только там, где планеты или луны некогда пережили катастрофу и были раскрошены. Они напоминали по виду обыкновенный леденец, но по сути являлись самым дорогостоящим минералом в галактике. Только благодаря им были возможны межзвездные путешествия.

Могучие песни кораблей, что достигали самой окраины галактического острова, были обязаны своим существованием особым свойствам абиссальных кристаллов. Они были необходимы для функционирования тяговых генераторов. Без них не существовала бы межзвездная

коммерция, исчезли бы многочисленные колонии. Сама Земля превратилась бы в переполненную свалку, где люди не могли бы и шагу ступить, потому что их было бы слишком много и всем не хватило бы места.

И вот на одном осколке Колец солидных размеров, Данн и Кииз обнаружили выход серой материнской породы, в которой очень часто встречались абиссальные кристаллы. Им уже удалось кое-что добыть. И теперь Кииз остался в куполе, чтобы охранять найденное сокровище и добыть еще больше кристаллов, пока Данн вернется. Он остался один, а это совершенно не нравилось Данну.

Данн бросил быстрый взгляд на экран радара. Примерно в миле, справа по курсу, двигался осколок размером с речную гальку. Не более полудюйма в диаметре, можно не обращать внимания. В трех милях слева плавал объект размером с кулак. Его тоже можно было игнорировать.

Потом вдруг защелкал детектор. Впереди таился объект гораздо больших размеров. Приборы уже проанализировали полученные данные и теперь предоставили решать Данну. Какой-то объект, еще скрытый в тумане, двигался не в общем направлении вращения осколков в Кольцах Тотмеса. Это была не скала, нет. По размерам это мог быть и корабль. И он тоже мог прощупывать Данна радарным импульсом. В щелканье детектора ему уже слышалось негодование.

Данн что-то проворчал себе под нос. Он проворно забрался в скафандр. При этом, пока он облачался в противопустотную броню, он не спускал глаз с приборов.

Высвободив из креплений короткорылую старательную базуку, стрелявшую специальными капсулами-снарядами и применявшуюся для взрывного бурения и взятия проб породы, он вставил заряды в соответствующие места на поясе скафандра.

Еще раз оглядев циферблаты приборов, Данн направился к воздушному шлюзу. Он присоединил к соответствующему зажиму страховочный фал. Потом закрыл внутренний люк и открыл внешний. Это была обычная процедура взятия пробы с осколков Кольца, но одновременно человек, вооруженный базукой и стоящий в проеме люка своего космоскафа, мог представлять собою грозную боевую единицу.

Он вглядывался в сплошную мглу пылевого тумана, освещенного только далеким солнцем. Но вот вырисо-

вался смутный силуэт, некая твердая масса, плавающая в пустоте. Размерами масса вполне соответствовала космоскафу. Маленький кораблик — «мул» вполне мог бы за ней укрыться. Если с толком его разместить.

До обломка оставалось две мили. Данн нажал на спуск базуки. Три первых выстрела он промахнулся. Крохотные снаряды унеслись в ничто. Здесь, где практически отсутствовала гравитация, они будут двигаться по математически прямым линиям.

Когда до скалы оставалась всего лишь миля, первый из снарядов базуки попал в цель. В камне образовались трещины. Скала начала распадаться на более мелкие осколки. В цель ударил второй снаряд, потом третий.

Скала словно превратилась в ничто, и теперь было видно, что за ее массой притаился космоскаф. Этот корабль «залег в засаду». Очевидно, его владелец засек эхо работы двигателей корабля Данна прежде, чем детекторы корабля последнего засекли его. Он успел вовремя заглушить двигатели и устроить засаду. Но теперь он превратился в масс-центр сотни осколков взрыва разлетающихся во всех направлениях. И Данн, недвусмысленно давший понять, что он сможет постоять за себя, не спускал его с прицела.

Незнакомый космоскаф ретировался, спасаясь бегством. Данн послал ему вслед последний заряд из базуки и закрыл дверку воздушного шлюза. Открыв затем внутренний люк, он направился к пульту управления. О только что закончившемся инциденте он больше не думал. Не стоило слишком расстраиваться по этому поводу. Ведь это были Кольца, и именно то время, когда удачливые старатели-пустотники везут добытые кристаллы к кораблю-сборщику. И в это время менее удачливые их коллеги готовы пойти на самые отчаянные поступки. Данн вычеркнул весь случай из головы. Но он продолжал очень тревожиться за судьбу Киниза.

Он изменил курс космоскафа. Ему следует вернуться назад, но таким образом, чтобы ни один старатель в Кольцах не мог его выследить. Хотя бы тот же космоскаф, который он только что вспугнул из засады.

Нельзя сказать, что многие из самых неприятных типов в Кольцах отличались чересчур воинственным нравом, нет. И все же космоскаф, который направляется к Отдушине в период прихода корабля-сборщика, зачастую везет достаточно кристаллов, чтобы пойти на убийство или два.

Итак Данн приближается к Отдушине. Периодически он менял курс своего корабля, каждый раз при этом проверяя, не ловят ли детекторы эхо от работы двигателей другого корабля. И ни один из космоскафов, которые он успел повстречать на своем отрезке пути, не сделал попытки пересечь его курс — мудрое поведение, которое Данн целиком поддерживал.

Вскоре его коммуникатор поймал одновременно несколько жужжащих сигналов — это было эхо работы двигателей многих космоскафов. Это значило, что Данн приближается к цели назначения. Немного времени спустя он услышал голос, едва еще различимый. Голос весело приветствовал кого-то:

— Добро пожаловать! Кто там?

Это означало, что какой-то старатель уже успел совершить посадку на Отдушине, и теперь приветствовал другой корабль, приближавшийся к посадочному полю. И Данн уже заранее мог сказать, что сейчас произойдет и что будет происходить потом.

Один космоскаф уже приземлился. Второй очень, очень осторожно подошел на дистанцию прямой видимости к Отдушине, с открытым люком воздушного шлюза, в котором стояла фигура в скафандре и с базукой в руках. Можно было подумать, что вид Отдушины привел экипаж корабля в замешательство, но это было не так. Все прекрасно знали, как выглядит Отдушина — железоникелевый астероид, летающая гора, некогда составная часть ядра разрушившейся луны. В длину она достигала более мили и формой была под стать почному кошмару. В грубом приближений, один ее конец напоминал конус, второй полусферу. Вся ее поверхность была изрыта трещинами, кратерами, пересечена изломами, за исключением одного места. Это место, почти идеально гладкая равнина, образовавшаяся, очевидно, в результате касательного столкновения много миллионов лет тому назад. Вот это поле без какого-либо знака или маяка, могущего дать знать, что нога человека когда-либо ступала на его поверхность, и являлось космопортом на Отдушине. И любой одинокий космоскаф приблизится к предполагаемому месту посадки с максимальной осторожностью. Потом он опустится на металлическую поверхность астероида — причем в таком месте, где никто не сможет подойти к нему незамеченным, с какого бы направления он ни приближался.

Совершив посадку, его экипаж будет ждать. Ждать появления других кораблей. Когда же следующий космоскаф превратится в видимую глазом темную частицу в золотом светящемся тумане, корабль, приземлившийся первым, окликнет его:

— Добро пожаловать! Кто это там?

Данн слышал и вопрос, и ответ. Второй корабль назвал себя. Он спустился в другом месте поля, не слишком близко от первого. Потом между экипажами кораблей началась беседа. Поначалу она имела характер сдержанный и пропитанный недоверием. Но люди в каждом из кораблей не слышали другого человеческого голоса, кроме своего и компаньона. Все жаждали общения с новым человеком.

Еще один корабль. И еще два. И множество остальных! Вакуум в окрестностях Отдушины наполнился коротковолновыми переговорами. Откуда ни возьмись зазвучал смех, посыпались шутки и анекдоты. Некоторые шутки имели бороду столь длинную, что она уходила куда-то во времена докосмической эры. Очень немногие из них были по-настоящему новыми, но люди с готовностью разражались преувеличенно веселым смехом, выдававшим радость по поводу перемены в рутине старательской жизни, наступавшей на недолгий срок прибытия корабля-сборщика. Слышались вопросы. Неужели тот-то и этот-то до сих пор делают то-то и то-то? А неужели этот, как там его? — до сих пор мучается кошмарами и размахивает руками и ногами во сне? А помнишь когда-то? А кто видел то-то и то-то? А где подевался такой-то? В последний раз его не было видно. Он еще в Кольцах?

Но вопросы такого рода были не из числа тех, которые приветствуются. Они не согласовывались с настроением старателей во время очередного прихода корабля-сборщика. Люди с нетерпением ждали момента, когда они смогут выбраться из круглых маленьких кораблей, которые, словно тюремные камеры, заключали их в себе в течение многих месяцев. Они не хотели и слышать, что кто-то вдруг исчез. Единственное логическое предположение, которое можно было сделать в таком случае, было то, что эти люди мертвы.

Имелось также негласное соглашение: не интересоваться открыто относительно удачи других старателей. Всякий хвастун просто склонит менее удачливых коллег последовать за ним, когда придет время покидать Отду-

шину. Им очень даже интересно будет узнать, где это он раздобыл целую кучу кристаллов, за которыми люди рыскают по всей галактике. Но среди прочих имелись два традиционных вопроса, которыми встречали каждого новоприбывшего. Первый — видел ли он Гуков? Это считалось почему-то страшно смешным.

«Ну что, видел кто-нибудь Гуков, а?» — Взрыв смеха. Второй вопрос — не нашел ли кто-нибудь Большую Леденцовую Гору? Все это представлялось до чрезвычайности развлекательным для людей, которым не терпелось покинуть наконец коробки космоскафов. Хотя бы на несколько минут.

Данн знал, что все это сейчас происходит внизу, хотя до Отдушины сам еще не добрался.

Потом его детекторы поймали басовитое гудение двигателей корабля-сборщика. Звук этого эха отличался от жужжания космоскафов старателей. Корабль-сборщик нес с собой кислород и запасы продовольствия, а также запчасти для оборудования, но самое главное, он означал перемену в тяжелом труде старателей, передышку, возможность ненадолго забыть жизнь такую, какую приходилось вести им здесь, в Кольцах Тотмеса. Корабль приходил с Хоруса, соседней планеты этой системы.

Эхо его двигателей, низкое басовитое гудение, быстро усиливалось. Разговоры старателей в кораблях, приземлившихся на поле космопорта, внезапно прекратились. Данн почувствовал отчаянное нетерпение, которое все испытывали в этот момент. Ему самому захотелось дать полную тягу на генераторы двигателей, последним бешеным броском достигнуть Отдушины прежде, чем приземлится сборщик. Но он сдержал себя. Он слышал, как умолк гул двигателей сборщика, потом снова зазвучал — космический транспорт маневрировал, уравнивая скорость и реактивный момент с вращающейся массой, осторожно приближаясь к Отдушине сквозь светящуюся мглу. Данн тем временем продолжал приближаться к космопорту и, наконец, на радарном экране появилось нечеткое изображение какого-то крупного объекта прямо по курсу. Точно сказать, что это было, пока не было возможности, но Данн знал все и без этого. Впереди была Отдушина. Гудение корабля-сборщика прерывалось и возобновлялось с секундными интервалами.

Потом вдруг на долю секунды гудение усилилось — это были включены основные двигатели, и наступила тишина. Из коммутатора донеслось оживленное бормота-

ние людей в космоскафах. Корабль-сборщик совершил посадку.

Поднялась целая буря веселых вопросов, обрушившихся на сборщика. Какая погода на Хорусе? Победили «пантеры» в финале Всепланетного кубка? Привезли ли холодного пива? Люди выкрикивали заказы на разнообразные деликатесы, привилегии цивилизованных миров, которые они желали бы закупить: можно легко представить, что эти люди в деталях предвкушали, как они этот заказ будут давать, а потом получать вожделенное лакомство. Можно было вполне справедливо сказать, что они ждали прибытия этих яств с не меньшим нетерпением, чем доставки нового запаса кислорода.

Наконец и Данн начал готовиться к посадке на Отдушину. Несколькими ударами полной тяги реверсного двигателя он уравнял скорость корабля со скоростью астероида. Теперь он парил над полем космопорта, где неровным кольцом цепь космоскафов окружала корабль-сборщик. Его заметили. Его приветствовали не слишком пристойными шутками, на которые были горазды по-детски расшалившиеся космические старатели Колец. Кто к ним пожаловал! Почему так поздно? Как насчет встречи с Гуками? А ведь он опоздал. Всю еду на сборщике уже распределили. А что нового слышно с Большой Леденцовой Горы? Упоминания об этой сказочной местности были конечно шутками, но не совсем. Потому что где-то в тумане Колец действительно находилось нечто, окрещенное молвой Большой Леденцовой Горой, потому что отвечало мечте каждого старателя о богатстве и могуществе. Данн знал обо всем этом деле немного больше остальных старателей, потому что его партнер Кпиз был племянником того самого Джо Гриффита, который нашел гору и принес оттуда невероятный груз кристаллов, а затем вернулся обратно, чтобы принести еще больше. С тех пор его не видели. Кпиз, естественно, держал факт родства в секрете от всех остальных старателей, чтобы не вызывать ненужных подозрений. Каждый подумал бы, что у него имеются какие-то полезные сведения относительно месторасположения Горы и именно по этой причине он явился в Кольцах.

Но Большая Леденцовая Гора была частью местного фольклора. Многие люди верили в нее совершенно серьезно и ловили упоминания о каждой легенде, всякий раз вызывавшей у них обильное слюновыделение в мечтательной железе. Многие верили, но внешне этого не вы-

сказывали. И не было таких, что не верили вообще, потому что в основании легенды лежал подлинный факт. И не было такого рудокопа в Кольцах, который бы не мечтал, что он, и никто другой, найдет неисчислимые сокровища на неизвестном фрагменте Колец, и произойдет это совсем скоро — возможно, еще до следующего прихода корабля-сборщика.

Данн сдержанно назвал свое имя и опустился за пределами кольца кораблей, окружавших сборщик. Это было не самое лучшее место для посадки. Конечно, он мог видеть отсюда все, что происходило на территории космопорта, но поблизости начинались образования, называемые «деревьями». Это были обыкновенные металлические скалы, а не деревья, но благодаря им, человек в скафандре мог бы подобраться к кораблю Данна незамеченным. Но это было единственное удовлетворительное место из еще оставшихся свободными.

Голоса невидимых старателей упражнялись в остроумии.

— Эй, Данн! Сколько киллограммов кристаллов ты притащил с собой?

Это была гениальная шутка. Хорошей добычей считался даже грамм кристаллов, а десять граммов — великолепный улов. Добыча целого килограмма даст пищу благоговейным слухам на год вперед, если кто-то действительно принесет такое количество кристаллов. И, во всяком случае, ни один старатель не станет отвечать на такой вопрос всерьез — даже на Отдушине и даже в непосредственной близости от корабля-сборщика.

Кто-то спросил, как новому партнеру Данна понравилось в Кольцах. Кто управляет кораблем? Вопрос был не случайным — зачастую между двумя напарниками разгоралась целая психологическая война, что было не удивительно, учитывая, что люди проводили месяцы в замкнутом пространстве в обществе только друг друга. Иногда один из напарников прилетал на Отдушину и требовал расторжения партнерского контракта, что и производилось на корабле-сборщике. Иногда две пары старателей обменивались партнерами, и зачастую ситуация от этого не улучшалась, как выходило наружу позднее. Все знали, что партнером Данна был Киив. Киив в Кольцах был относительным новичком. Поэтому задавали вопросы с подковыркой. Не случалось ли драки? Как Киив приспособился к жизни в Кольцах? Эй, Киив! Как идут дела? Этот Данн — нелегкий тип, правда? Говорят,

он трясется от страха всякий раз, когда выходит из корабля в скафандре. Ты его почаще заставляй работать снаружи! Слушать такие разговоры было нелепо. Все равно, что обижаться на шалости детей. Но в основе их лежало нетерпение людей поговорить с новым человеком, услышать новый голос. Киив не отвечал. При всем своем желании он не мог этого сделать, поскольку остался на скале, которую они с Данном нашли. Голоса старателей взывали к Киизу, обещая познакомить его со всеми хитрыми штучками и розыгрышами, на которые горазд такой опытный космический рудокоп, как Данн. Но Киива не было на борту космоскафа и он не мог им ответить.

В мрачных предчувствиях Данн опустил корабль на металл посадочного поля и задействовал магнитные якоря. Голоса опять начали требовать Киива к микрофону.

— Его нет,— коротко ответил Данн. И с опозданием на секунду осознал, что совершил грубейшую ошибку. Лучше было бы ему сказать, что Киив погиб при несчастном случае, разбив лицевую пластинку шлема, когда выходил из корабля наружу. Это не вызвало бы никаких подозрений. Ему могли бы и не поверить, но все прошло бы без последствий. Или, если бы даже он сказал, что собственноручно убил Киива, это никого бы не касалось. Это было личным делом Данна. Но он ни в коем случае не должен был говорить, что Киива нет и не дать более подробных объяснений. Теперь начнутся догадки. Эти догадки могут оказаться опасно близкими к истине. Каждый сразу же заподозрит, что Данн и Киив нашли богатую жилу и поэтому не могли оставить ее без охраны на время, пока нужно слетать к кораблю-сборщику за запасом кислорода...

Наступила опасная тишина. Почти полминуты в пространстве вокруг Отдушины было необычно тихо. Потом кто-то напряженным голосом что-то сказал о том, что корабль-сборщик напрасно теряет время. К нему присоединились другие голоса. О Киизе все вдруг странным образом позабыли. Теперь настала пора делать предположения. Данн понял, какой промах он совершил. Самое меньшее половина космических старателей, собравшихся на Отдушине, займется теперь обсуждением проблемы — попробовать проследить обратный путь Данна к Киизу или этого не стоит делать. Все они сойдутся на одном — Данн и Киив нашли сокровище. Некоторые даже назовут его неисчислимым. Еще некоторые решат, что все дело в самой Большой Леденцовой Горе.

Потом раздался гудящий голос, который перекрыл все остальные голоса в коммутаторе Данна. Это заработал сверхмощный передатчик корабля-сборщика.

— Ну, ладно! — ворчливо заявил голос.

— Я больше не слышу других космоскафов. Наверно, все ваши уже прибыли. Займемся делом. Кто совершил посадку первым?

Весело ответил какой-то голос. Он назвал свое имя. Потом другой голос назвал свое имя, все очень коротко и по-деловому. Это был второй приземлившийся космоскаф. Послышались другие голоса. Один голос сказал: «Смадерс». Голоса продолжали называть свои имена в порядке очередности. Неприятный, словно слепой голос сказал: «Хейн». Когда все ранее прибывшие корабли назвали себя, настала очередь Данна и он коротко сказал:

— Данн.

Последовала пауза. Это проверялся список имен. Почту уже, без сомнения, успели рассортировать, но люди, у которых имелись жены или родственники, которые могли послать им письма, поглощали почту с жадностью заключенных в тюрьму. Но сама процедура сверки списков не заключала ничего сложного. Нужно было просто сравнить список имен, данный старателями, со списком, который сохранялся на сборщике со времени прошлого визита. Списки совпали не полностью. Некоторые космоскафы на этот раз не прибыли. По этому поводу не было сделано никаких комментариев. Кто мог сказать или даже знать наверняка, что случилось с этими старателями? Когда космоскаф скрывался в тумане и выходил из зоны прямой видимости, то он в буквальном смысле исчезал. И если что-то с ним случалось, никто не имел своей обязанностью начать расследование или отправиться на поиски. Пропавшие старатели сами купили себе космоскафы, сами прибыли в Кольца, полностью сознавая, что процент смертности среди рудокопов здесь равен тридцати в год. Планетарное правительство на Хорусе посылало сюда корабли-сборщики для того, чтобы обеспечить старателей необходимым и забрать добытые ими сверхценные абиссальные кристаллы. Но в задачу сборщиков не входило предотвращать или карать преступление. Для этого просто не было возможности. Это было даже не практично. Поэтому Данн горько сожалел теперь, что он не сказал, что убил Кииза вместо того, чтобы дать пищу домыслам. В Кольцах ни один прави-

тельственный чиновник не высовывал носа дальше брони корабля-сборщика. Зато не здоровому любопытству пределов не было.

— Хорошо! — сказал гудящий голос с корабля-сборщика.— Тогда приступим! — И он прочитал первое имя... первое имя в списке.— Мы тебя ждем!

Пауза. Потом фигура в скафандре выбралась из космоскафа. Он нес пакет. Человек направился к громаде сборщика, крепко ступая по относительно ровной поверхности металлического поля. Магнитные присоски на подошвах позволяли ему шагать так уверенно. Из люка сборщика опустился трап. Человек взобрался по его ступенькам и на несколько минут скрылся внутри космического транспорта. Потом вышел наружу и не спеша направился к своему космоскафу.

Голос со сборщика прогудел второе имя. Другой человек покинул свой корабль и исчез внутри сборщика. Он тоже нес пакет. Обратно он вышел с пустыми руками и вернулся на космоскаф. Экипаж за экипажем, по мере того, как чиновник со сборщика называл имена, старатели уходили на сборщик и возвращались уже с пустыми руками, оставив свои пакеты на борту гостеприимного транспорта.

Человек, который назвал себя Хейном, направился к сборщику, неуклюже переступая ногами — казалось, у него что-то не в порядке с магнитными подошвами, они как-будто были намазаны клеем. Потом пошел другой человек, который назвал себя Смайдерсом. Потом на вызов со сборщика ответил Данн и сам направился туда. Он был последним, потому что последним прибыл в космопорт. Пакет с кристаллами он передал чиновнику-приемщику. Эти кристаллы были осью всех событий в Кольцах. Данн подал официальное заявление о том, что они со своим партнером Киизом нашли скальный фрагмент, маркированный так-то и так, но судя по всему, покинутый прошлыми хозяевами. Они нанесли на камень собственные инициалы и начали разработку.

— Ясно! — сказал клерк и занес данные в журнал.— Я помню тех ребят.

Он имел в виду бывших владельцев скалы.— Вроде все у них шло хорошо, а потом они просто не вернулись назад и все.

— Есть почта? — спросил Данн.

Сам он писем не ждал, но для Кииза должно было быть письмо. На Хорусе у него была сестра, о которой

он очень заботился. Если бы с кораблем-сборщиком не пришло бы письмо, Киив начал бы волноваться. Поэтому Данн попросил проверить почту второй раз. Но письма для Киива не было.

Данн подал свой заказ на кислород и другие материалы. Все будет подготовлено очень быстро. Он отправится на свой кораблик.

Последовала небольшая пауза, без особой на то надобности, и наконец голос с корабля-сборщика спросил:

— Кто еще? Все?

Это делалось на тот случай, если какой-нибудь космоскаф запоздал и только приближается к Отдушине. Они могли поймать вызов корабля-сборщика на довольно приличном расстоянии. Но за вопросом последовала тишина. Опоздавших космоскафов не было. Тогда человек на сборщике сказал сухо:

— Ладно, парни. Добро пожаловать на борт. Готовьте денежки!

За этим мгновенно последовал взрыв активности по всей территории космопорта. Люди выскакивали из своих космоскафов и спешили к сборщику с Хоруса. Тишине пришел конец. Они переговаривались через шлемофоны, но менее веселым образом, чем перед посадкой транспорта. Они соскучились по разговору с новым человеком. Они жаждали перемены обстановки, им до смерти наскучили собственные герметичные купола и каюты космоскафов. В каждом кораблике было по два человека, не считая Данна и Смайдерса.

Старатели гурьбой поднимались по борту транспорта. Они были словно маленькие дети, покидавшие школу по окончании уроков. Они весело переговаривались. Веселее всего были те, кто получил письма. Старатели заполнили большой грузовой шлюз, в котором было достаточно просторно для всех и воздух оттуда был выкачан заранее. Это было необычно, в космоскафах имелись только крохотные индивидуальные шлюзы, где с трудом могли бы разместиться два компаньона. Теперь же они сгрудились посредине громадного зала грузового шлюза и наружный люк начал задвигаться. Потом через клапаны пошел воздух, холод вакуума конденсировал содержащуюся в нем влагу и шлюз наполнился белесым туманом. Потом распахнулся внутренний люк и они оказались внутри транспортника. Это событие было встречено восторженными возгласами.

Процедура была стандартной. Все они к ней давно привыкли, проходя ее не один раз в прошлом. Но в обычной своей жизни — жизни рудокопа Колец Тотмеса — они не имели возможности получить нечто подобное, и поэтому наслаждались каждой секундой долгожданного праздника.

На столах их уже ждала еда. Там были белые скатерти и столовые приборы из серебра. Сияли бокалы. Генераторы искусственной гравитации создавали поле притяжения более слабое, чем то, к которому они привыкли в своих космоскафах. Сняв неуклюжие вакуум-скафандры, каждый чувствовал себя необыкновенно легко. Все было рассчитано на создание эйфорического настроения. Только теперь, когда в Кольца пришел корабль-сборщик, старатели могли ощутить себя в мире неожиданно материализовавшейся мечты. Если бы не корабли-сборщики, они могли бы и позабыть, ради чего рискуют жизнями, они могли просто деградировать или сойти с ума. А теперь они снова могли почувствовать себя детьми на рождественской елке.

Данн тоже ощущал на себе эту тягу к экстравагантному поведению, подобно всем встречавшим транспорт, но его партнер оставался в пластиковом куполе, за многие сотни миль пылевого пространства, ожидая пока он, Данн, вернется. Не забывай об этом, напомнил он себе. Их скалу уже однажды обнаружила пара рудокопов, и пометила своим маркером — «ТК-37». Это произошло, как свидетельствуют цифры, обозначавшие дату, два года назад. И с тех пор эта пара словно растворилась в пустыне Колец. Потом скалу нашли они, Кииз и Данн, и пометили ее «ДК-39». Теперь в задачу Данна входило благополучно вернуться назад с запасами кислорода и провизии, пока Кииз охраняет их находку от непрошеных искателей богатств. Если Данн не вернется, или вернется не вовремя, Кииз умрет. У него кончится кислород. Данн не должен был ни на секунду терять это обстоятельство из виду, что он и делал.

Экипажи космоскафов набросились на приготовленные угощения. Они наполняли бокалы и осушали их единым залпом. Они поглощали еду. Находясь в полевых условиях, они почти позабыли о свежей пище — фруктах, овощах, мясе. Запасы подобной пищи занимали бы слишком много места на, без того тесных, космоскафах, к тому же, перевозка их с Хоруса обходилась бы неимоверно дорого. Поэтому корабль-сборщик задавал старателям на-

стоящий, хотя и единственный банкет. Это помогало людям выдерживать жизнь и работу в Кольцах, и поэтому было выгодно для правительства Хоруса. Солидная часть бюджета этой планеты добывалась людьми, живущими в космоскафах и работающих в Кольцах. Ибо кристаллы, которые здесь добывались, позволяли грузовым транспортам соединять созвездия в единый коммерческий механизм, именно они давали возможность пассажирским лайнерам наполнять вакуум межзвездного пространства пением электромагнитного эха своих двигателей, уносясь к самой границе галактики.

Данн ел и пил. Но он не чувствовал обычного удовольствия. Он совершил грубейшую ошибку, не придумав предлога, объяснявшего отсутствие Кииза. Ведь мог же он сказать, что Кииз погиб, этого было бы достаточно! А теперь он посеял подозрения, и избавиться от любопытных глаз будет очень непросто.

На корабль-сборщик он доставил всего лишь две пригоршни кристаллов. Под их стоимость он заказал новый запас кислорода, воды и провизии, а также принадлежностей, необходимых для горных работ. Все это было привезено сюда с Хоруса. Теперь он ждал возможности начать обратный путь. Но все остальные кольцевые обитатели чувствовали себя в самой лучшей тарелке. Можно было подумать, глядя на них, что само просторное помещение сборщика опьяняло их, не говоря уже о запахе гидропонной оранжереи, витавшем в воздухе, о возможности перечитывать письма и вдоволь болтать с новыми людьми.

Говорили все, и в самом деле, больше обычного, все сразу и на пределе голосовых возможностей. Все преувеличенно горячо жестикулировали. Все считали нужным пошутить хотя бы один раз — в основном касательно Гуков, но это никого не беспокоило. Они обсуждали вопрос о поиске Большой Леденцовой Горы. И они то и дело позволяли своим глазам удостовериться, что Данн под шумок не выскользнул из-за стола. Они пели песни — сразу несколько за раз. Они набивали желудки. Все они словно сошли с ума. Но ни один из них не был настолько глуп, чтобы даже среди веселья похвастать количеством кристаллов, привезенных на сборщик. Ни один из них не дал сорваться с языка даже легчайшему намеку, который позволил бы определить, где они сейчас работают.

Один Данн сидел молча. Он совершил ошибку и теперь сознавал, что за каждым его движением следят

десятки глаз. Сложность его проблемы увеличилась из-за простой небрежности в разговоре.

Некоторое время спустя к Данну подошел корабельный офицер. Он, стараясь не привлекать особого внимания, подал Данну знак и отошел в сторону. Данн, выждав минуту или две, последовал за ним.

Офицер сборщика ждал его за первым же люком. Он пристально смотрел на Данна, когда тот покинул «банкетный» зал.

— Ваше имя Данн?

— Да,— сказал Данн, настораживаясь,— в чем дело? Вы все-таки нашли почту для меня?

— Нет. У вас был напарник по имени Киив,— сказал офицер.— Где он?

— Он остался там, где мы сейчас работаем,— сказал Данн. С офицером сборщика можно было говорить без опасений. Это были проверенные, надежные люди. Об этом заботилось правительство Хоруса. Старатели должны были знать, что на офицера сборщика можно было положиться.

Офицер сказал с ноткой скепсиса в голосе:

— Послушайте! Здесь, в Кольцах, законов нет. Вы это знаете не хуже меня. Если он мертв...

— Он жив,— раздраженно сказал Данн.— Мы нашли скалу. На ней уже работали до нас, но теперь она была покинута — те парни погибли или еще что-то с ними случилось. Во всяком случае, теперь на ней работаем мы. Можете это проверить — я привез с собой две пригоршни кристаллов. Наша жила слишком богата, чтобы ее можно было оставить без охраны. Кто-нибудь мог на нее наткнуться. Если бы сюда полетел Киив, он мог бы не найти дороги назад. Поэтому полетел я. Я могу его найти и найду. Все это мне было не по душе, но что еще оставалось делать?

— Проклятье! — раздосадованно воскликнул офицер.— Вы что-нибудь знаете об этом человеке, Киизе?

— Он мой партнер,— сказал Данн.

Люди, которые проводили вместе недели или месяцы, изолированные от всего остального мира, имели все возможности хорошенько узнать своего партнера.

— Его! сестра...

— Я отправил ей письмо. Я опустил его в ящик, когда заказывал кислород и припасы. Его написал Киив, а я отправил.

— Я знаю,— сказал офицер. Он вздохнул.— Она его прочла и теперь хочет поговорить с вами.

Данн молча смотрел на офицера. То, что он услышал, было совершенно невозможно. Женщины не посещают Колец! Он сказал сердито:

— По-вашему, это очень смешно?

— Она прилетела с этим рейсом, чтобы повидать брата. Естественно, она купила билет в оба конца.

Каждый, кто направлялся в Кольца, платил за проезд в оба конца, даже если это был будущий старатель. Это было условие, с которым надо было считаться, если вы имели дело с кораблями-сборщиками.

— Что за чушь! — С бешенством сказал Данн.— Это безумие! Какого черта...

— Она хотела повидать брата,— без всякой симпатии сказал корабельный офицер.— Он ведь должен был прилететь сюда с вами. Если бы он был здесь, ничего ненормального в этом не было. Поскольку его здесь нет, она хочет поговорить с вами. Вот так.

Он провел Данна сквозь люк в герметической переборке, потом через еще один люк, и еще. Корабли дальнего следования отличались простором, потому что размеры в космосе не играли существенного значения — в расчет принималась только масса. Создайте легкую конструкцию и пусть она будет сколь угодно большого размера. Но космоскафы строили миниатюрными — для сохранения высокой маневренности. Это был пассажирский зал. Обстановка была просто роскошной, но Данн даже не оглядел комнату. Он уставился на девушку, которая ждала его. Он узнал ее по фотографии, которую ему показывал Киив. Это была Найк, сестра Киива. На лице ее читался испуг. Она явно перенервничала и напряжение до сих пор не отпускало ее. Глаза ее почти с отчаянием заметались по лицу Данна.

— Мне очень жаль,— сказал Данн.— Ваш брат должен был прилететь вместе со мной, но мы оба решили, что кто-то должен остаться на скале, которую мы нашли. А он не был уверен, что сумеет найти обратный путь без меня. Поэтому я прилетел один.

— Я... мне нужно было с ним поговорить,— неуверенно сказала девушка.— Мне... мне просто необходимо!

Данн сунул руку в карман. Он вытащил чек, который ему выдали за привезенные кристаллы.

— Послушайте! — сказал он.— Это заменяет здесь деньги. Мы с вашим братом имеем некоторый счет в

Абиссальной компании. Я могу выписать вам чек, который они оплатят и вы купите билет на следующий сборщик. То есть, вы сможете вернуться сейчас на Хорус и прилететь со следующим рейсом. К тому времени ваш брат будет уже ждать вас здесь. Согласны?

Найк была очень бледна. Она покачала головой.

— Нет. Я не могу ждать. Я должна увидеть его как можно скорее. Сейчас.

— Сейчас он в двух с половиной днях отсюда,— сказал Данн.— И сборщик не станет ждать, пока я слетаю и привезу его.

Найк проглотила комок в горле. В руке она сжимала письмо, которое менее часа отправил ей Данн. Кто-то нарушил все правила, выдав прямо здесь ей это письмо.

— Брат очень хорошо писал про вас,— сказала она дрожащим голосом.— Очень хорошо! Я знаю, что он сказал бы мне, если бы знал, что я здесь. Поэтому я полечу вместе с вами. К нему. У меня нет выхода!

— Нет,— сказал Данн.— Брат никогда не посоветовал бы вам ничего подобного. Только не полет в Кольца! Впрочем, все равно вас не возьму. Вам придется сделать так, как я сказал. Возвращайся домой, прилетайте со следующим рейсом и я доставлю сюда вашего брата живым и невредимым.

— Но я должна поговорить с ним именно сейчас. Я должна!

— А мне думается, что совсем наоборот,— мрачно сказал Данн.— Вот вы лучше послушайте. Вы говорите, что ваш брат мне доверяет, так? Значит, он вполне доверил бы мне дать сестре верный совет, так? Разве не думал бы он, что я дам его сестре тот же совет, что и он сам?

— Да, но...— она смотрела на него с тем же отчаянием на лице.— Но дело в том, что мне необходимо повидать брата. Очень нужно!

— К сожалению, такой возможности нет,— Данн нахмурился. Он принял решение.— Я остаюсь на сборщике до тех пор, пока не будут готовы мои заказы... это примерно около часа еще. Вы напишите брату письмо и я его передам. А пока я договорюсь относительно вашего следующего прилета. Пока вы будете в дороге, брат решит, как вам помочь, а когда вы вернетесь со следующим транспортом, он уже будет встречать вас и скажет, что вам делать. Это все, что я в силах сделать!

— Но... это вопрос жизни и смерти! — Девушка судорожно сцепила пальцы.— Поверьте мне!

— Я же вам сказал, ничего иного вам не остается,— ответил Данн.— Я должен вернуться к своему напарнику, от этого зависит его жизнь. Но вас я с собой не возьму. Я знаю, вы его сестра, я видел ваше фото, и готов оказать вам любую помощь, но только в Кольца я вас не возьму.

Он повернулся на каблуках и вышел из каюты. Данн вернулся в зал, где рудокопы-кольцевики веселились в редком ощущении расслабленности, которое им давало сознание того факта, что они могут провести целый час, не ожидая каждую секунду тревоги и не опасаясь при этом ни в малейшей степени за собственную жизнь.

Но нервы у Данна расходились. Он и без того чувствовал необычное напряжение, еще до того, как прибыл в Отдушину, а теперь положение только ухудшилось. Он горько пожалел, что оставил Кииза одного. Лучше уж было рискнуть потерять находку, чем попасть в такую затруднительную ситуацию, в какую он влип сейчас.

На сборщик он привез две полных пригоршни кристаллов. Если добавить эту сумму к уже накопившимся на их счету деньгам, то это составит приличное состояние. Даже если учесть, что они поделят деньги с Киизом, а Кииз потом делится с сестрой — таково было его намерение — то и тогда сумма будет далеко не мизерной. Кииз мог покинуть Кольца и позаботиться о сестре. Сам Данн знал, что Колец он не покинет, но Кииз мог это сделать.

Эта девушка... Космоскафы были чисто функциональными, неуютными машинами, рассчитанными на экипаж из двух человек и предназначенными для поиска скальных объектов в золотом тумане Колец: Попав в космоскаф и отправившись в Кольца, обратного пути уже не было — до прибытия следующего сборщика. И единственная мечта, которая помогала людям преодолеть сводящую с ума тоску и тяжелую работу — это была мечта найти Большую Леденцовую Гору и разбогатеть. И именно эта мечта — поскольку все начали подозревать Данна в том, что они нашли Гору — создала ситуацию, когда сестре Кииза лучше бы было не появляться в Кольцах.

Рудокоп в старом засаленном комбинезоне подсел к Данну. Данн знал этого человека, его звали Смайдерс. Все считали, что он не совсем в своем уме. Он был единственным рудокопом в Кольцах, который работал в

одиночку. Когда-то у него тоже был напарник, но куда-то пропал и с тех пор Смайдерс работал исключительно один. Он утверждал, что его напарника убили Гуки, и что он должен отомстить за него. У него поэтому была единственная тема для разговоров — Гуки, он мог говорить об этом с кем угодно, кто только согласился бы его слушать. Наверно, в перерывах между приходами сборщика он разговаривал сам с собой.

— Они стали вести себя потише сейчас,— возвестил бедняга посреди всеобщего веселья.— Сначала они были просто бешеные, но теперь стали немного потише.

Данн кивнул. Вот еще один пример, что работающие в одиночку старатели потихоньку сходили с ума. Данн едва не заскрипел зубами. Как он мог дать такую промашку! Теперь еще нужно ждать, пока подготовят его заказ, и получит его он самым последним — в порядке очереди.

— Ты слышал,— спросил Смайдерс Данна,— в последний раз один парень, его звали Сэм, говорил мне, что видел Гука. Сначала он их услышал. У них двигатели гудят иначе, чем у нас. Они делают так: твит... твит... твит...— Он важно кивнул.

— Да этот парень Сэм сначала их услышал. А потом он увидел корабль Гука. Он приближался к нему. Тогда Сэм поскорее дал деру. Но это был корабль Гука!

Потом Смайдерс, немного помолчав, добавил, еще более зловещим тоном:

— А на этот раз Сэм не прилетел. Гуки до него добрались! Послушай, мы должны что-то сделать с Гуками!

Данн опять кивнул головой, не обращая особого внимания на сумасшедшего. Скорее всего, кто-то нехорошо пошутил над Смайдерсом в прошлый раз, а тот этого не понял. Слухи о Гуках постоянно ходили среди старателей. Само словечко появилось здесь же, в Кольцах, и означало что-то вроде «привидения». Коммуникаторы кораблей время от времени ловили электромагнитное эхо, которому не было объяснения, но это еще не означало, что в Кольцах скрываются иные разумные существа. Предполагалось, что Гуки являются обитателями Тотмеса, и некоторые люди верили, что Гуки умеют строить космические корабли и отправляются в Кольца для того, чтобы шпионить за деятельностью людей и время от времени похищать неосторожных старателей. Но достоверных данных не было.

Планета, чтобы на ней возможно было зарождение

разумной жизни, должна иметь в своем составе необходимое минеральное «сырье». Но Тотмес, судя по его гравитационному полю, по плотности не превышал водяную сферу того же размера. Это исключало реальную возможность существования Гуков. Даже если допустить, что под слоем кипящих облаков имелось твердое ядро, то мир на поверхности Тотмеса должен был представлять ледяную пустыню, где замерзает газ. Жизнь не могла зародиться там!

Человек в замасленном комбинезоне с неожиданной странностью продолжал:

— Послушай! Вы нашли Большую Леденцовую Гору! Думаешь, ты удержишь это в секрете? Наверное, ты оставил Кииза там, чтобы он стерег находку. Но тут повсюду шныряют Гуки. Всей компанией мы справимся с ними. Но если ты попробуешь один...

— Никакой горы мы не находили! — сказал Данн.

Смайдерс игнорировал это заявление. Он твердо стоял на своем:

— Не забывай, что случилось с Джо Гриффитом. Он тоже нашел Гору! Это все знают. И на Хорусе уже копятся миллионные проценты. Но что с ним случилось! А теперь вы с Киизом нашли Гору. Если ты не возьмешь на подмогу нас всех, чтобы мы помогли отбиться от Гуков, знаешь, что с тобой случится?

— Мы никакой Горы не находили! — сказал Данн.

— Ты лучше,— зловеще посоветовал Смайдерс,— лучше возьми нас на подмогу. Там ведь на всех хватит. А если попытаешься сам все заграбастать — пуф! И больше никто тебя не видел! Гуки не допустят людей к Горе, пока могут. Расскажи лучше все по-честному, и две дюжины ребят пойдут с тобой охранять Гору, и тогда вы отобьетесь от целой армии Гуков. А если нет — то Гуки до тебя доберутся, рано или поздно. Это точно! Доберутся!

— Я же сказал тебе, не находили мы Гору! — в третий раз повторил Данн.— Ничего мы не находили.

Глаза Смайдерса блеснули, но он заметил с хитрецой:

— Значит, это не тебя корабельный офицер уводил на переговоры? И не он пытался выяснить, где находится Гора, которую вы нашли? а? Просто вам немного повезло и ты притащил едва ли достаточно кристаллов, чтобы продержаться до следующего транспорта. Да? Но только отчего это корабельный офицер не приглашал еще кого-нибудь на личную беседу? Только тебя! Послушай, что я тебе говорю: в Кольцах полно Гуков; а вокруг Большой Леден-

цовой Горы и подавно! Без нас всех вам с ними не справиться!.. Что говорил тебе офицер? Разве не то же самое?

Данн стиснул зубы. А тут еще эта девушка! Великий космос! Если они только узнают, что на борту сборщика прилетела девушка, это будет похуже, чем подозрение Данна в открытии Горы. И без того словно пьяные лишь от того, что на час смогли выбраться из космоскафов, рудокопы уже пришли почти в исступленное состояние. Если они узнают, что на борту девушка...

— Ты лучше сам признайся! С Гуками шутки плохи! — предупредил Данна Смайдерс.

— Никакой Горы мы не видели в глаза,— устало сказал Данн,— и провались ты в преисподнюю.

Плюнув, Смайдерс ретировался. Позже Данн видел, как тот отводил в угол других рудокопов. Он явно решил организовать заговор против Данна, собрав всех людей, которые решили не спускать с Данна глаз и выследить, где находится вожделенная Гора.

Время шло. Смайдерс переходил от старателя к старателю. Все слушали его терпеливо, но никто не принимал его болтовню всерьез. И все же образовались две группы людей, которые утолили первый голод и жажду, занялись — в чем Данн не сомневался — обсуждением самого горячего вопроса о том, что Данн и Кииз наверняка нашли Большую Леденцовую Гору.

Время от времени подходил корабельный офицер и трогал одного из старателей за плечо. Это означало, что его заказы готовы к отправке. Старатель и его напарник покидали зал. Каждый спешил поскорее стартовать с Отдушины, пока не будет готов к вылету следующий космоскаф. Но теперь, со злостью подумал Данн, вполне вероятно, что они притаятся где-то поблизости и будут ждать его. Он начал лихорадочно искать пути сбросить «хвост».

Пара за парой, старатели покидали корабль-сборщик. Ладно, подумал Данн. Он совершил ошибку, это целиком его вина. Но Найк — тут он ни при чем! Ее он не обязан брать с собой в Кольца и не возьмет! Его очень беспокоит Кииз, но сестру его он с собой не возьмет ни за что!

— Внимание! — ожил настенный коммуникатор.— Кто-то вышел на взлетное поле! Если хотите проверить свои корабли, шлюз готов вас принять!

В мгновение ока от праздничного настроения не осталось и следа. Старатели облачились в вакуум-скафанд-

ры со скоростью, на которую никогда не были способны в обычной обстановке. Данн слышал, как седоголовый Смайдерс ругался себе под нос:

— Это Гуки! Гуки напали! Они решили выжить нас из Колец!

Данн не обращал на него внимания. Стремительно облачившись в скафандр, он оказался в первой десятке людей, вбежавших в грузовой шлюз.

Задвинулся внутренний люк, и тут же открылся наружный. Наполнивший шлюз воздух в один миг вихрем покинул камеру. Люди выпрыгивали наружу. Каждый тут же включал аварийный двигатель скафандра. Как правило ими пользовались только в крайних ситуациях, когда, например, рвется соединительный фал и человеку приходится использовать реактивную тягу, чтобы добраться до корабля.

Словно стая птиц, они понеслись над полем космопорта, каждый к своему кораблю.

Вдруг Данн услышал щелчок электрического детонатора.

Яростная вспышка разнесла его собственный космоскаф на мельчайшие осколки.

2

Небольшой круглый космоскаф буквально испарился, превратившись в облако стремительно разлетающихся осколков, некоторые из которых унеслись в пустоту со скоростью ружейных пуль. На гладкой поверхности взлетного поля не осталось ничего — слабая гравитация астероида не в состоянии удержать даже небольшой осколок.

Данн опустился на поверхность в том месте, где стоял его кораблик. Магнитные присоски подошв удерживали его на металлической поверхности. Можно было видеть, где произошел взрыв, потому что в этом месте зеркально-гладкий металл слегка окислился под воздействием пламени взрыва корабельного запаса горючего.

До боли стиснув зубы, Данн с отчаянием осматривался, надеясь обнаружить хоть какую-нибудь улику, кто разбомбил его корабль и зачем. Но найти ничего не мог. Что было вполне естественно.

Другие старатели продолжали тем временем получать заказанные запасы и отправляться по своим маршрутам.

В другом месте, где существовал бы закон, было бы произведено расследование, допрошены свидетели, сделаны определенные выводы относительно виновности или невиновности. Но здесь никто не имел права проводить расследования. И никто не имел права наказывать виновного.

И поэтому все шло, как ни в чем не бывало. Снова распахнулся люк грузового шлюза. Два человека вытащили наружу связанный канатами контейнер с баллонами кислорода и ящиками провизии и воды. Такой контейнер мог весить тонну, но здесь это не имело особого значения, два человека легко с ним управлялись. Удерживаемый магнитными подошвами на поверхности металлического астероида, один из старателей подтащил контейнер к грузовому люку космоскафа, его напарник распахнул люк. Груз был помещен и закреплен. Космоскаф стартовал.

Один за другим, старатели загрузили свои космоскафы и покидали Отдушину. Но вряд ли все космоскафы действительно уходили по своим маршрутам. Взрыв корабля Данна еще больше усилил их подозрения. Данну теперь придется заключить сделку с одним из экипажей — они доставят его к месту работы — а все остальные смогут за ними последовать. Поэтому, спрятавшись в золотом тумане Колец, они ждали дальнейшего развития событий.

Данн уже решил, что он предпримет, но пока не подавал виду, продолжая кружить около места взрыва, как будто не в состоянии поверить в то, что случилось.

Один за другим космоскафы покидали космопорт. Вдруг в наушниках коммуникатора Данна загудел голос с корабля-сборщика:

— Вызываем Данна! Вызываем Данна!

— В чем дело? — проворчал Данн.

— Как у вас с кислородом? — спросили с корабля.— Вы снаружи уже довольно долго.

Данн проверил индикатор кислородного баллона. В космосе человеку не нужно тащить с собой всю газовую смесь, которая составляет воздух планет. Он дышит чистым кислородом, но на пониженном давлении, что позволяет ему выигрывать в весе баллона.

— Все в порядке,— проворчал он.— Я сейчас вернусь на борт. Я обдумываю ситуацию.

Послышался щелчок, шум несущей волны затих, но тут же возобновился вновь.

— Данн?

— Что?

— Мисс Кииз спрашивает, не заплатите ли вы команде одного из космоскафов, чтобы они подобрали ее брата и доставили сюда, поскольку вы теперь не можете это сделать. Вы заплатите?

Данн едва сдержал стон. Теперь все старатели знали, что на борту сборщика сестра Кииза.

— Скажите, что нет,— процедил он.— Я сам справлюсь.

Из грузового люка появилась очередная фигура в скафандре. Связанные проволокой баллоны. Пища и вода. Топливо. Заряды для базуки. Реактивные буры. Фигура двигалась, слегка покачиваясь. Это явно был Хейн, что Данн отметил про себя. Напарник Хейна занялся погрузкой в космоскаф, а сам Хейн, покачиваясь, направился к Данну, выключив на ходу коммуникатор. Приблизившись, он улыбнулся сквозь прозрачную пластинку шлема.

Он сделал условный знак рукой и Данн неохотно принял приглашение на разговор. Качество передачи звуков из шлема в шлем оставляло желать лучшего, но, по крайней мере, их теперь не могли подслушать.

— Плохо дело! — сказал Хейн.— Ты знаешь, кто это сделал или почему?

— Могу догадаться, почему,— свирепо сказал Данн.

— Кто-то,— донесся тонкий голос из другого шлема,— знает, что вы нашли и где это искать, а?

Данн несколько секунд молчал. Потом он сказал:

— Никакой Горы мы не нашли.

— Хорошо,— вкрадчиво сказал Хейн.— Возьми нас в долю, и мы доставим тебя к тому, что вы нашли. Тебя, девушку и припасы. Мы высадим вас. Мы поможем поставить купол. Потом, на обратном пути, мы вас подберем и доставим на Отдушину к приходу следующего сборщика. Тебя, девушку и Кииза.

— С чего такая щедрость? — холодно поинтересовался Данн.

— Это сделка,— сказал Хейн.

— Мы возьмем за это половину найденных кристаллов. Половину.

Это было приемлемое предложение. Если бы его сделал кто-нибудь другой, его можно было бы назвать даже привлекательным. Но Хейн не настаивал на поисках Большой Горы, значит, он мог знать, что в действи-

тельности нашли Данн и Кииз. И не было гарантии, что он выполнит свое обещание. В Кольцах не действуют законы. Только уважение к собственному честному слову могло заставить человека держать обещание, если нарушение условий могло принести ему немалую выгоду. Но Хейн особыми добродетелями не отличался. Кроме того, оставалась еще эта девушка, Найк. Ее никак нельзя было пускать на корабль к Хейну.

— Нет,— сказал Данн.

Больше он ничего не добавил. Лицо Хейна за стеклом шлема скривилось в гримасе. Он пошел прочь. Его напарник уже успел за это время погрузить припасы в грузовой отсек космоскафа и, подойдя к нему, Хейн начал переговариваться, коснувшись шлемом его шлема. Этот разговор Хейн тоже хотел удержать в секрете, и не только от корабля-сборщика и других старателей, но и от Данна.

Потом Хейн направился к сборщику. Поднявшись по трапу, он скрылся за люком шлюза, а его напарник продолжал готовить космоскаф к старту.

Повинуясь безотчетному импульсу, Данн проводил Хейна взглядом. Найк очень нужно найти брата. Случилось нечто чрезвычайное, иначе она бы не решилась просить Данна помочь ей добраться до него. Но она также не сознавала, насколько такое путешествие опасно. Ей ведь никогда не приходилось бывать в таких местах, где не существует законопорядка. Опасности такой обстановки достаточно серьезны для мужчины. Но она рискнула довериться Данну. И теперь, когда он отказался помочь ей, не попытается ли она заключить сделку с Хейном?

Данн двинулся к кораблю-сборщику. Он заметил попутно, что напарник Хейна уже начал задраивать грузовой люк космоскафа.

Хейн показался из пассажирского люка сборщика. За ним виднелась еще одна фигура, облаченная в скафандр. Хейн с преувеличенной заботой помог этому человеку спуститься по трапу. Всякий, кто впервые пользуется магнитными подошвами в почти нулевой гравитации, обречен на временную неуклюжесть движений.

Данн подпрыгнул, одновременно включив свой реактивный пояс. С щелчком подошв о металл поля он приземлился лицом к лицу с Хейном. Включив коммуникатор скафандра, он сказал холодным тоном:

— Ну нет, это у тебя не получится! Найк, немедлен-

но вернись в корабль. Хейн, убирайся в свою жестянку и проваливай отсюда ко всем дьяволам!

Хейн поднял руку, включая свой коммуникатор. Данн внимательно наблюдал за ним. Вдруг глаза Найк расширились и Данн быстро повернулся так, чтобы между ним и космоскафом Хейна оказался сам его владелец. Напарник Хейна выглядывал из шлюзового люка с базукой на перевес.

— Если твой напарник нажмет на спуск этой штуки,— сказал Данн,— он разнесет тебя самого на куски прежде, чем пуля доберется до меня.

— Но она хочет найти своего брата! — запротестовал Хейн.— Ты не захотел ей помочь! Поэтому она попросила меня! Почему бы и нет?

В голосе Данна слышался мертвящий металл:

— Потому что, если ты знаешь, куда ей нужно лететь, значит, это ты взорвал мой корабль! Если ты знаешь, где искать ее брата, значит все, что тебе нужно было сделать — это уничтожить мой корабль и спокойно прибрать к рукам нашу скалу!

Он знал, что на сборщике все это слышат. Радиус действия передатчиков скафандра составлял несколько миль.

— Что скажешь? — процедил Данн.— Если ты знаешь, где искать ее брата — скажи, что это правда!

Ствол его оружия смотрел Хейну прямо в живот. Конструкция оружия была весьма древней, но эффективной. Пулевые пистолеты оказались самым надежным оружием в огневой схватке за владение жилой кристаллов. Бластеры были менее удобны, и кроме того, постоянно самопроизвольно разряжали свои энергорезервуары.

Данн ткнул стволом в живот Хейну.

— Куда ты собирался ее отвезти? — потребовал он.— Куда? Говори!

Голос Хейна сорвался на визг.

— Я... я думал начать поиски,— простонал он.— Я... я ведь пытался уговорить тебя показать нам дорогу. Но ты не согласился и я решил попытаться разыскать его самостоятельно.

— И с ней на борту! Но теперь тебе придется изменить планы, Хейн! — голос Данна звенел от ярости.— Ты не возьмешь ее с собой в Кольца, не вернешься к следующему кораблю один и не заявишь, что она погибла? Понял? Ты этого не сделаешь!

— Нет! — простонал Хейн.— Не сделаю. Конечно... Я передумал...

— Тогда пошевеливайся! — прорычал Данн. Он остро чувствовал, что если он сейчас потянет спуск и прикончит Хейна, то отвечать за это не будет, потому что здесь Кольца.

— Забирай свой корабль и убирайся! Я сам позабочусь о Киизе. Ну, двигай!

Хейн, спотыкаясь, отправился к своему кораблю. Данн чувствовал, как еще дрожит от гнева рука. Когда ему вдруг показалось, что напарник Хейна чуть приподнял ствол базуки, пистолет Данна стремительно взметнулся. Напарник Хейна тут же опустил базуку с похвальной поспешностью.

Хейн забрался в люк своего корабля. Люк задвинулся и космоскаф покинул посадочное поле. Через несколько секунд он уже исчез из виду.

Данн едва ли не силой заставил девушку вернуться на борт сборщика. За это время она не промолвила ни слова, видимо, была сильно напугана, и сам Данн заговорил только после того, как за ними закрылся внутренний люк шлюза и они оказались внутри корабля.

Придя в себя, Найк в отчаянии повернулась к Данну:

— Но там же мой брат! Неужели вы его бросите? Кто-то должен спасти моего брата.

Данн кивнул, его глаза зло поблескивали.

— Кто-то и должен, верно. И это сделаю я. А вы отправляйтесь пока обратно на Хорус и возвращайтесь со следующим рейсом.

— Но... как... я должна...

Но Данн уже исчез, широко шагая через зал, где совсем недавно отмечали свой праздник старатели. Скафандра он не снял. Ему нужен был шкипер.

Шкипер оказался в своей каюте, тут же были помещены на хранение многочисленные мешочки абиссальных кристаллов, которые сдали старатели.

Он быстро поднял голову, когда в дверях появился Данн.

— Я подумал, что вам наверное будет интересно узнать,— сказал Данн,— каким образом я намерен доставить моему напарнику кислород и припасы, чтобы мы могли продержаться до прихода следующего сборщика.

Вид у шкипера был определенно скептический. Он сгреб мешочки с кристаллами в ящик стола, подальше от посторонних глаз. Тем временем, Данн вытащил за-

ряд для базуки из магазина и начал задумчиво перекидывать его с одной ладони на другую. Шкипер вскочил, как ужаленный.

— Эй, убери эту штуку! — приказал он.

— Сейчас,— сказал Данн.— Позвольте мне только объяснить. Я потерял свой космоскаф, его взорвали. Это угрожает теперь жизни моего напарника. Нам с ним нужно продержаться до следующего сборщика.

— А чем вам могу помочь я? — спросил шкипер. И добавил резко: — Уберите заряд, я вам сказал! Если вы его упустите...

— Что вы, это невозможно,— заверил его Данн.— Я могу даже жонглировать. Смотрите!

Он вытащил второй заряд и начал жонглировать, более или менее профессионально. Лицо шкипера медленно бледнело. Заряд для базуки представляет собой по сути маленькую ракету, топливный резервуар которой детонирует, когда боеголовка ударяется о твердую поверхность. Если только Данн уронит один из небольших снарядиков, весящий всего несколько унций, результат будет равен одновременному взрыву сотни фунтовых горных взрывпатронов — и это произойдет тут, в каюте шкипера. Корабль получит повреждение достаточное для того, чтобы приковать его к астероиду.

Шкипер сидел неподвижно, словно скованный космическим морозом, а Данн, тем временем, продолжал демонстрировать свое искусство. Один раз он едва не упустил заряд.

— Я вот что думал,— с симпатией в голосе начал он.— Космическая инспекция тщательно относится к соблюдению всех правил и предписаний. Например, вас не выпустили бы с Хоруса, не будь на борту достаточного количества спасательных шлюпок — не только для команды, но и для пассажиров... которых вы, как правило, не возите.

Он опять едва не упустил заряд. Шкипер побледнел еще больше. Но остановить Данна было совсем не в его силах.

— Практически,— сказал Данн,— тех кристаллов, что я сегодня сдал, вполне должно хватить на покупку одной шлюпки плюс топливо и прочие принадлежности. Я и подумал, что было бы просто замечательно, если бы вы продали мне ее. Если вы согласитесь и заодно подвезете меня по пути с Отдушины, я отправлюсь спасать своего напарника.

Шкипер, который не мог оторвать взгляда от поблескивающих кувыркающихся снарядиков, не выдержал и, словно в агонии выкрикнул предупреждение — когда Данн в очередной раз едва не уронил заряд, поймав его в каких-то дюймах от пола.

— Ничего, ничего,— успокаивающе сказал Данн.— Все в порядке. Я немного не в форме — давно не практиковался, но старая рука не дрогнет. Наверно я сейчас попробую сразу три.

Он подбросил снарядик выше обычного, потом начал вытаскивать третий заряд из гнезда на поясе. Тот почему-то не желал вылезать. Данн тем временем работал одной рукой, подбрасывая и ловя заряды.

Шкипер сглотнул.

— Хорошо! — сказал он хрипло.— Хорошо! Прекращайте, получите свою шлюпку!

— Превосходно! — вежливо ответил Данн. Он перестал жонглировать, но два заряда держал в руке... на всякий случай.— Приготовьте, пожалуйста, счет. Я выпишу вам чек на деньги. К следующему приходу я буду здесь вместе со шлюпкой и Киизом, и мы вместе от души посмеемся над этим забавным инцидентом. А? Прошу, приготовьте все как следует.

Шкипер сборщика поднялся из-за стола. Ему явно было не по себе. Он мог не поддаться на угрозы, но Данн избрал единственный — и верный путь заставить шкипера согласиться на его просьбу. Он рисковал жизнью, но ничего другого не оставалось.

Когда шкипер выходил из каюты, Данн сказал ему:

— Скажите девушке, что я отправляюсь за ее братом. Пусть напишет ему письмо и возвращается домой. К следующему рейсу он будет здесь и она сможет с ним поговорить.

Данн несколько расслабился. Он даже положил один из снарядов обратно в пояс, но второй продолжал тихонько подбрасывать на ладони.

Шкипер вернулся через полчаса.

— Вот договор,— сказал он мрачно.— Я не могу продать вам шлюпку, я могу только сдать ее в аренду, на временное пользование. Не знаю только насколько это законно. Но вы совершаете залог в размере полной стоимости шлюпки с запасом топлива и комплектом принадлежностей. Подпишите вот здесь. Потом подпишу я и это все, что можно сделать. Шлюпка уже готова.

— Отлично.— Данн прочитал текст и подписался.— Крайне деловая процедура. Вы сказали мисс Кииз, что я отправляюсь? Она написала письмо?

Шкипер фыркнул.

— Конечно, ей сказали. Давайте, забирайте вашу чертову шлюпку и отправляйтесь поскорее.

Данн последовал за ним, выходя из каюты. Магнитные подошвы щелкнули о рифленые металлические плиты покрытия пола. Такие плиты использовались во всех помещениях, где жили люди. Например, в коридорах.

Вот и шлюпка. По пути Данн видел только квазивестибюль между ангаром и коридором корабля. Он забрался в люк, осмотрел контрольную панель и кивнул. Двери ангара задвинулись. Голос из небольшого динамика на потолке миниатюрной кабины управления сделал обычный рапорт готовности всех систем. Корабль-сборщик неслышно стартовал с Отдушины, исчезнув среди светящейся пыли Колец.

Данн застегнул привязные ремни, расположившись в пилотском кресле перед пультом управления.

— Готов! — сказал он. Створки больших дверей ангара, выпускавших шлюпку в пространства, раздвинулись подобно створкам раковины моллюска. В иллюминаторах прямого наблюдения Данн увидел желтое свечение тумана.

— Готов! — подтвердил Данн. Он нахмурился.

— Выброс шлюпки,— сказал голос. Толчок. Шлюпка бешено закрутилась, выброшенная в пространство из ангара, и на миг Данн уловил громадный силуэт корабля-сборщика, уже несколько затуманенный пылевой степой.

Вплоть до этого момента Данн был доволен ходом событий. Почти доволен. Все рудокопы в Кольцах могли поверить, что он покинул Отдушину как пассажир сборщика. Ничего другого для него не оставалось.

Но тут динамик на потолке ожил еще раз и гудящий голос с транспорта едва не заставил Данна задохнуться от злости.

— Удачи, Данн,— прогудел голос шкипера на полной мощи корабельного передатчика.— Ты сыграл надо мной хорошенькую шутку и должно быть, у тебя не все дома, если ты решил рисковать, но все равно желаю тебе удачи!

Потом детекторы захлестнулись эхом включившихся двигателей сборщика и на полном ускорении корабль

начал уходить из Колец Тотмеса. Он исчез раньше, чем Данн смог вздохнуть. От ярости у него просто отнялся язык. Всякий космоскаф в радиусе тысячи миль мог спокойно поймать речь этого, трижды будь он не ладен, идиота-шкипера с корабля-сборщика.

Теперь можно было считать, что все старатели знают, что Данн не покинул Кольца, а заменил свой космоскаф спасательной шлюпкой и намерен спасти напарника. Теперь начнется преследование, ведь они быстро обнаружат местонахождение шлюпки. И тот, кто взорвал его космоскаф, возымеет теперь намерение сделать то же самое и со шлюпкой. Стоит только Данну включить двигатель, как эхо их работы тут же выдаст его с головой — звук будет отличаться от звука двигателей космоскафа.

Почему ему так не везет? Ведь этого не должно было случиться! И невезение могло стать роковым.

Дверь в тесную кабину управления приоткрылась. Данн стремительно повернулся, рука потянулась к пистолету.

Дверь открылась чуть шире. В проеме теперь было видно, что за дверью стоит Найк, очень бледная, с широко открытыми, испуганными глазами.

— Они сказали мне,— голос ее дрожал, хотя девушка и пыталась придать ему твердость,— что вы летите спасать моего брата. А я должна его увидеть. Я... пробралась зайцем.

Данн заскрипел зубами. Сборщик уже ушел. Сейчас он, наверное, вошел в оведрайв, направляясь за миллионы миль к обитаемой планете Хорус. Его не догнать и не вызвать по коммуникатору. Теперь здесь, в Кольцах, не найти ни одного достаточно безопасного места для этой девушки.

— Предполагаю,— сказал Данн с горечью в голосе,— что вам кажется, будто вы выиграли в споре со мной. Возможно. Вы все-таки летите вместе со мной повидать брата! Мне приходится смириться с этим, потому что я ничего не могу поделать. Но вы жестоко об этом пожалеете.

Он сжал кулаки. И повторил еще раз:

— Вы трижды еще пожалеете, будь я проклят.

3

Галактика занималась своим собственным делом, а Данн занимался своим. И если могло существовать множество мнений по поводу занятий и дел всех обитате-

лей Галактики, то относительно Данна этого нельзя было сказать. В данный момент в его задачу входило: первое — остаться в живых; второе — чтобы в живых осталась Найк. Хотя вторую ответственность он никакого желания возлагать на себя не хотел. Кроме того, нужно было отделаться от космоскафов-преследователей.

Относительно их существования не было никакого сомнения. Их корабли следовали за ними на дистанции, с которой могли следить за всеми изменениями в курсе шлюпки. Очевидно, они надеялись, что детекторы шлюпки уступают по чувствительности детекторам космоскафов. И, наконец, Данн должен был добраться вовремя до Кииза и спасти напарника от смерти в результате того, что исчерпается запас кислорода.

Они находились в полутора днях пути от Отдушины, когда Данн объяснил всю ситуацию Найк. К этому времени он уже сделал все, что мог для того, чтобы привести в действие свой первоначальный план. Он исчерпал запас традиционных приемов сбрасывания «хвоста». И теперь шлюпка шла постоянным курсом, звук ее двигателей, неприятно ноющий, выделялся среди жужжания двигателей космоскафов. Преследователи должны были решить, что Данн оставил надежду уйти от них. Данн внимательно наблюдал за экраном радара. Шлюпочная система обладала несколько большим радиусом действия луча, но зато значительно уступала радарам космоскафов по объему информации о лоцируемом объекте.

Внутри маленькой шлюпки создалась, в некотором смысле, необычная атмосфера. Данн все еще злился, в основном на самого себя, ведь всему виной послужила его первая ошибка.

Преследователи же занимали время в основном разговорами о легендарной находке Джо Гриффита. Он принес на Отдушину больше кристаллов, чем все остальные старатели могли собрать за годы. И он хвастал, что нашел место, где кристаллов в сотни, или даже в тысячи раз больше, чем он принес с собой. Он отправился за ними и исчез. Место, куда он направился, назвали Большой Леденцовой Горой.

Судьба его оставалась загадкой. Вряд ли он пал жертвой другого старателя, потому что в последние годы не было зарегистрировано крупных находок. Некоторые верили, что его утащили Гуки, но само существование Гуков вызывало обоснованные сомнения. Конечно, время от времени детекторы космоскафов ловили странные от-

голоски, которые нельзя было объяснить работой двигателей космоскафов или какой-либо другой причиной, но это трудно было назвать научным доказательством.

Данн продолжал наблюдать за экраном радара. Он объяснил Найк, как отличить радарное эхо скалы от эха космоскафа. Скалы двигались по неизменным орбитам вокруг Тотмеса, а космоскафы преследовали шлюпку.

— Мы направляемся туда, где мой брат? — спросила Найк.

Данн покачал головой:

— Пока нет. Сначала нужно избавиться от толпы любопытствующих.

Найк некоторое время колебалась, не решаясь, очевидно, задать вопрос, потом все-таки спросила:

— Вы ведь... не позволите, чтобы у него кислород кончился раньше, чем мы туда доберемся?

— Если я от них не оторвусь,— непреклонно сказал Данн,— мы все трое можем считать себя мертвецами. Как вы думаете, почему каждый старатель не расстается с оружием? И почему в сборщик они входят по одному, когда сдают собранные кристаллы?

— Почему?

— А потому,— ядовито ответил Данн,— потому что все старатели — это шайка потенциальных преступников, не признающих законов. Головорезы! Корабли исчезают. Иногда их находят — уже обчищенными. Кто-то на них напал, убил экипаж и присвоил найденные кристаллы. Кто? Неизвестно. И никого это особо не интересует, поскольку не касается их лично. Я сам по пути на Отдушину едва не попал в засаду. А кто-то, наверное, был менее осторожен, но кристаллы, которые они собрали, все равно попали на сборщик, хотя и из других рук, и деньги за них будут перечислены на другой счет Абиссальной Минеральной Компании.

Девушка, судя по всему, была поражена.

— Народ здесь не сахар,— сказал ей Данн.— Говорят, что смертность в Кольцах составляет тридцать процентов в год. Частью это несчастные случаи, но и убийств тоже полно! Если мы прибудем к нашей скале с половиной старателей, следующих за нами, думаете, они вежливо попрощаются и оставят нас в покое!? Только потому, что мы первыми нашли скалу? Черта с два! Здесь, в Кольцах, человеку принадлежит то, что он нашел только в одном случае, если он в состоянии защитить свою находку. И если мы доберемся до места, то нам с

вашим братом придется решать — покинуть находку или нет, поскольку речь идет о вашей безопасности.

Она потрясенно смотрела на него. Потом неуверенно выговорила:

— Это... это трудно себе представить.

— Средняя продолжительность жизни старателя в Кольцах — три года,— коротко заметил Данн.— Человек либо быстро богатеет, либо остается нищим. Поэтому любой душу дьяволу продаст, чтобы получить пригоршню кристаллов. И ни один не побрезгует срезать угол на пути к богатству. И часто это делается одним способом — убийством.

Вот о чем шли разговоры в тесной контрольной рубке маленькой шлюпки, которая под ноющий звук работы двигателей продвигалась вперед. Время от времени по всей шлюпке проносился ветерок — это в очередной раз срабатывал кондиционер, очищая воздух от углекислоты, неприятных запахов и излишней влаги. Однажды, в течение нескольких часов, эхо одного из космоскафов преследователей переместилось несколько ближе к центру. Данн даже немного изменил курс шлюпки. Тотчас же все остальные космоскафы тоже переменили позиции. Они намеревались следить за своей жертвой до самого конца пути. Ни один космоскаф, как понимал Данн, совсем этого не желал.

Он объяснил Найк в чем тут дело. Взрыв его космоскафа указывал, что кто-то знает месторасположение находки Кииза и Данна, и хотел бы избавиться от Данна вместо того, чтобы следить за ним. Если это действительно было так, то Кииз, возможно, был уже мертв. Данна хотели задержать, пока новые владельцы скалы не закончат опустошать жилу кристаллов.

Конечно, это были предположения. Кииз показал себя достаточно ловким человеком и многому научился за те шесть месяцев, которые он провел с Данном. Он мог вполне позаботиться о своей безопасности.

Ничего из своих опасений Данн, естественно, не выдавал Найк, но сам не мог избавиться от мрачных мыслей.

Спасательная шлюпка продолжала двигаться сквозь золотой туман Колец. Радар по-прежнему показывал, что космоскафы преследователей упорно держат шлюпку в пределе действия своих детекторов. Найк приготовила еду и принесла тарелку Данну в контрольную рубку.

— Мы приближаемся? — спросила она с надеждой.

— Мы приближаемся к месту, где многое может слу-

читься,— сказал Данн.— Но мы все-таки далеки от вашего брата.

Он поднял глаза и посмотрел в сторону от радарного экрана, туда, где находился иллюминатор внешнего обзора. Казалось, он старается что-то рассмотреть.

— Гляди!

Он показал рукой. Найк проводила взглядом его палец и покачала головой.

— Я ничего не вижу!

— Смотри, вон там — яркая точка. Помнишь, на Отдушине можно было увидеть в небе несколько ярких точек, если смотреть в другую сторону от солнца. Это были звезды. Отдушина близка к внешнему краю Колец. А мы сейчас приближаемся к границе их плоскости. Это то же самое.

Она не поняла, и Данн попытался объяснить доступнее. Шлюпка продолжала двигаться вперед. Постепенно, прямо по курсу, в желтой дымке загорелась яркая точка, более яркая, чем сама дымка. Потом точек стало две, потом три...

— Осталось совсем немного. Через минуту мы выйдем из Колец и увидим звезды.

Он не ошибся. Внезапно вечно светящийся золотистый туман начал таять. Туман все утоньшался и утоньшался, точки звезд становились все ярче и ярче. И вот туман исчез совсем. В черноте космоса сияли мириады звезд. Они видели Млечный Путь, голубые, красные, белые и зеленые звезды. И во многих местах многочисленные пятнышки света образовывали созвездия, а в других местах звезды были закрыты темными образованиями.

Шлюпка, казалось, поднимается над неоглядной туманной плоскостью, которая простиралась на тысячи и тысячи миль. Общий диаметр Колец составлял примерно двести тысяч миль. Но центр занимал глобус Тотмеса. До него было всего шестьдесят или семьдесят тысяч миль. Это было одно из самых великолепных зрелищ во всей Галактике.

Найк вздохнула от восхищения. Два человека, заключенные в кабине спасательной шлюпки, видели то, что даже экипажу корабля-сборщика не всегда удается видеть. Кольца — они уходили, казалось, в бесконечность. Они казались литыми, хотя Данн знал, что это не так. Казалось, немигающие точечки света — звезды — в изумлении взирают на чудо космической природы.

Найк не могла оторвать взгляда от иллюминатора. Потом Данн с ворчанием забрался в скафандр.

— Что...— начала Найк.

— По радару базуку не наведешь,— сказал Данн, возясь с нагрудными креплениями.— Нужно видеть, во что стреляешь. Я хочу сбить немного прыти с наших друзей.

Она одновременно казалась встревоженной и ошеломленной.

— Вы хотите сказать, что вступаете в бой?

— Это не бой,— заверил ее он.— Разве что, только один на один. С теми, что просто следят за нами, можно не сражаться. Опасен только тот, кто взорвал мой космоскаф. Остальные стрелять не станут, иначе они лишат себя проводника к голубой мечте — Большой Леденцовой Горе. А вот с тем, кто хотел бы нас прикончить — с ним нужно посчитаться.

Он застегнул горловую муфту скафандра и поднял с кресла шлем.

— Я рискую вашей жизнью,— сказал он,— в той же мере, что и своей. И я буду очень осторожен!

Он наполнил гнезда на поясе маленькими снарядиками для базуки. Опустив шлем, он закрыл за собой внутренний люк шлюза и зафиксировал его как обычно — полуповоротом штурвала.

Найк сцепила пальцы рук. Ей не оставалось ничего иного, как только ждать. Послышался шум воздушного насоса — из шлюза откачивался воздух. Потом шум затих и Найк услышала щелканье — это отпиралась наружная дверь шлюпки. Потом опять наступила тишина.

Эта тишина страшила Найк. Когда кондиционер неожиданно в очередной раз выдохнул в кабину струю свежего воздуха, она едва не подпрыгнула. Потом она приникла к иллюминатору.

Прижавшись лицом к прозрачному толстому пластику, она старалась рассмотреть, что происходит поближе к корме. Сначала она не видела ничего, кроме обшивки корпуса шлюпки. Ее охватил страх. Вдруг Данн... вдруг с ним что-то случилось и он теперь обречен на медленную смерть в пустоте? И то же самое ожидает ее, когда кончится кислород в шлюпке. Но на это могут уйти годы — шлюпка рассчитана на нескольких человек и регенератор воздуха отличается большой надежностью. Задолго до конца она сойдет с ума от одиночества.

Она перешла к другому иллюминатору и с облегчением вздохнула, увидев Данна. Он стоял в открытом люке воздушного шлюза и она ясно видела, что для страховки он надежно крепил себя к корпусу фалом.

В скафандре Данн не походил на человека, а скорее напоминал металлическую статую. В членистой металлической руке он сжимал горную базуку. Не спеша, он начал заряжать магазин. Подняв базуку на уровень плеча, он присоединил к шлему провод — теперь крохотный экран внутри шлема превратился в телескопический прицел базуки.

Ей казалось, что он целится бесконечно долго. Потом вспыхнула молния. Еще одна. И еще, и еще. Данн начал перезаряжать базуку. Потом еще четыре невидимых снаряда унеслись в пустоту.

Очевидно, этого было достаточно, и Данн задвинул наружный люк. Немного спустя раскрылась внутренняя дверь и он вошел в рубку, снимая на ходу шлем скафандра. Он махнул шлемом в сторону сверкающей желтой поверхности Колец в иллюминаторах.

— Нужно показать вам немного,— сказал он,— как управлять этим кораблем.

Побледневшая Найк с трудом проглотила комок в горле.

— Пока мы уходим от Колец,— сказал Данн,— и с хорошей скоростью уносимся в пустоту. Но скоро остальные преследователи поймут, что рассчитываем вернуться обратно в Кольца. Тем не менее, открытое пространство приведет их в замешательство. Это даст нам фору.

Он приник к иллюминатору. Из туманной глубины Колец к шлюпу протянулась ниточка светлого пара — это был след снаряда базуки — кто-то стрелял по шлюпке в ответ на огонь Данна.

— Им не понравилось, что я их обстрелял,— с удовольствием заметил Данн.— Но отвечать они не стали. Стреляет тот, кто хочет прикончить нас. Думаю, парни из других космоскафов не очень довольны, что Хейн начал стрелять.

Найк попыталась говорить так же спокойно, как и Данн:

— Хейн?

— Тот самый человек, что предлагал вам помочь. Наверняка я, конечно, не знаю, но сильно опасаюсь, что не ошибся и это он. Вот они, снаряды.

Он смотрел в иллюминатор, внешне равнодушно. Бесконечно маленькие снаряды, оставляя за собой светлые полоски, мчались к шлюпке. Они прошли далеко за кормой, хотя один из них промахнулся всего на какую-то сотню ярдов.

— Не так-то просто стрелять по кораблю, который идет с ускорением,— задумчиво заметил Данн.— Трудно определить упреждение.

Разговор вернулся к прерванной теме.

— Когда я отказался принять его весьма щедрое предложение,— продолжал Данн все тем же голосом,— он попытался взять с собой только вас. И вот тогда я и должен был с ним покончить. Но мысли у меня были заняты судьбой вашего брата и, только что взорванным, моим кораблем. Я не понял, что Хейн выдал себя с головой.

— Я не знала, что он предложил...

— Ведь это был единственный человек,— сказал Данн,— который не поверил, что мы нашли Большую Леденцовую Гору. Он поверил моему слову. А почему? Да потому, что он уже знал, что именно мы с Киизом нашли в действительности. И нужно было сразу его убить.

Данн задумчиво покачал головой.

— Не сообразил я сразу. Очень плохо.

— Я хочу показать вам некоторые приемы управления кораблем,— сказал он.— Если вы сможете следить за шлюпкой, пока я стреляю, у нас будет в два раза больше шансов уцелеть.

Он сел за контрольную панель пульта и начал знакомить Найк с маневрами, которые могли понадобиться во время огневого боя в Кольцах. Стрелять он мог только из одного шлюза. Следовательно, другая сторона оставалась незащищенной. Он показал, как вращать корабль вокруг продольной оси, а также, как сделать возможным огонь прямо по носу или прямо по корме. Он показал, как выполнять уклоняющие маневры, чтобы уйти от нацеленных в шлюпку снарядов вражеской базуки.

Она следила за объяснениями внимательно, но как отметил Данн, с изрядным оттенком покорности судьбе. Но он продолжал урок для того, чтобы удержать Найк от беспокойства о брате.

Внезапно она заговорила, и вопрос ее не касался управления кораблем.

— Вы сказали,— начала она без явной на то причины,— что в среднем человек выживает в Кольцах не более трех лет. Вы здесь давно?

— Два года,— ответил Данн.— Мы с вашим братом неплохо сработались. Если мы подчистим скалу, которую нашли, ему можно будет бросить старательство.

— Я упрошу его,— сказала Найк.— Ведь у меня никого больше нет, кроме него. А чем вы занимались до того, как прилетели в Кольца?

— Так, то да се,— ответил Данн. Он наклонился над пультом, проверяя показания приборов. Потом посмотрел в обзорный иллюминатор и удовлетворенно кивнул.

Шлюпка возвращалась в Кольца. И большинство преследователей осознали, что Данн сбил их с хвоста приемом, образно именовавшимся как «щелчок хлыста». Но теперь было уже поздно что-то исправить, и они могли следовать за космоскафами, которые сами следовали за другими космоскафами, а те держались тех кораблей, что еще способны были уловить эхо работы двигателей шлюпки.

Прямо по курсу шлюпки светился золотой туман Колец. Они выглядели как сплошная твердая стена, о которую вот-вот неизбежно разобьется вдребезги шлюпка. Но на самом деле, это было совсем не так. И теперь, когда шлюпка приблизилась к стене вплотную, стали видны завитки и струи тумана.

Звезды позади шлюпки постепенно исчезали, поглощаемые облаками пыли. Шлюпка все глубже уходила в толщину тумана.

И потом произошло нечто небывалое. Через коммуникатор доносилось жужжание двигателей космоскафов, мягкие шелестящие звуки, похожие на шепот и щелкающий треск разрядов. Все эти шумы имели естественное объяснение. И вдруг появился совершенно незнакомый звук. Это были монотонные чириканья, вроде «твит-твит-твит». Они производили довольно жуткое впечатление. Они были также невероятны, как если бы в коммуникаторе послышалось настоящее чириканье пролетающей птицы.

— Что это? — напряженно спросила Найк.

— Какой странный звук!

Звук прекратился. И шлюпка уже глубоко укрылась в облаках пылевого тумана. Данн изменил курс. На полном ускорении он устремился по новому пути. Пять се-

кунд. Десять... Двадцать... Данн выключил двигатель. В иллюминаторе была видна только золотистая туманность Колец. Радар показывал, что слева по курсу что-то движется, что именно — видно не было. Данн выключил радар.

И теперь шлюпка мчалась вперед, замаскированная от посторонних глаз, неслышимая и невидимая. Были выключены не только двигатели, но даже радар. Теперь обнаружить ее можно было только визуально. Она мчалась сквозь пылевой туман. Подобно множеству других объектов — скал, металлических астероидов и прочих тел.

— Мы в свободном дрейфе,— сухо сказал Данн.— Двигатели я заглушил. Кроме того мы не пользуемся радаром и вообще, ничем сейчас не выдаем своего присутствия. Нас теперь почти невозможно отличить от любой другой скалы поблизости. Наши распрекрасные преследователи сейчас видят на своих экранах и слышат через детекторы только своих товарищей. Они не сразу сообразят, что произошло и что теперь им нужно делать.

Найк странно посмотрела на него:

— А что это был за странный звук?

— Я не знаю,— сказал Данн.— И никто не знает. Его уже слышали, и не раз. Один старатель, по имени Смайдерс, уверен, что это Гуки. К сожалению, нет никаких других доказательств существования Гуков.

Заурчал кондиционер, начав очередной цикл очистки воздуха. Данн выключил и его. Теперь в шлюпке царила абсолютная тишина. Им оставалось только ждать, больше они ничего сделать не могли.

Но сознание того, что в любой момент один из преследователей может по воле чистого случая натолкнуться на шлюпку, не давало ее пассажирам ни минуты покоя. Они пребывали в беспомощном напряжении слепых, не зная, не находится ли преследователь сейчас всего лишь в нескольких ярдах от корабля, или рыщет в непроницаемом тумане за многие мили от шлюпки. И в любую секунду о корпус шлюпки мог детонировать снаряд от базуки, выпущенный разъяренным их молчанием старателем с преследующего космоскафа.

Найк проглотила комок в горле.

— Как трудно ждать,— сказала она.

Данн кивнул.

— Чертовски отвратительное чувство,— согласился он.— Они знают, что мы где-то в Кольцах, и знают, что мы дрейфуем. Но они не имеют представления, в каком

направлении мы движемся и как быстро. Каждый из них охотится сейчас в одиночку. Они не доверяют друг другу. Я вам уже говорил — в Кольцах иначе нельзя. Каждый старатель стремится разбогатеть прежде, чем его прикончат.

Она провела языком по губам.

— Мой брат писал что-то об этом. Но совсем в другом ключе, что-то вроде приключения...

— Он не хотел, чтобы вы волновались,— все так же сухо сказал Данн.— Поэтому он и хвалил меня. Но добродетельный человек долго не протянет в Кольцах. Конечно, если бы каждый из старателей был бы благородным и помогал другому бескорыстно, это было бы прекрасно. Но запустите в компанию хороших людей одного головореза, и все они будут вынуждены стать головорезами — просто для самозащиты. Вот так оно и получается.

Шлюпка продолжала дрейф. Ничего не происходило. Час проходил за часом. Второй. Третий. Десятый. Шестнадцатый.

— Может быть, нам надо включить детектор? — робко спросила Найк.— Может, кто сейчас...

— Нет,— сказал Данн.— Это неприятно, конечно, хотя я и начал уже привыкать. Но они как раз и ждут, что мы не выдержим и захотим выяснить, на каком этапе в гонке мы находимся. А поэтому этого делать нельзя.

Прошло двадцать часов с тех пор, как Данн полностью отрезал шлюпку от окружающего мира. Найк сказала нервно:

— Но ведь не будет вреда, если мы посмотрим наружу в иллюминатор.

— Не будет,— согласился Данн.— Хотя и пользы от этого тоже.

Найк направилась в контрольную рубку. Она заглянула по очереди в каждый из иллюминаторов. Но там была только светящаяся, непроницаемая для взгляда, дымка Колец.

Вздрагивая, она вернулась в основную каюту.

— Это... это ужасно,— дрожащим голосом вымолвила она.

— Постепенно ты привыкла бы,— сказал Данн.— Ты уже привыкла ко многим вещам, о которых даже не представляла на пути к Отдушине. Ко многому можно приспособиться — даже к постоянному страху.

Найк уставилась на него.

— Не могу представить, что вы можете испугаться,

— Ну, пусть не к страху, а к некоторому психологическому неудобству.

Он посмотрел на часы.

— Через час я послушаю, что делается во вселенной. Если я ничего не услышу — прекрасно, значит мы оторвались от «хвоста». И мы не так далеко от места назначения.

— Вы хотите сказать, что мы скоро найдем брата?

Он кивнул, но глаза не поднял.

— Мы попробуем.

— И тогда мы сможем вернуться на Хорус?

— Я бы не стал рисковать отправляться в такое путешествие на этой шлюпке. Во всяком случае, без дополнительных запасов. Это долгий путь. И все зависит от того, сколько мы найдем кристаллов. Лучше всего подождать следующего сборщика. Я довольно основательно очистил наш счет в Минеральной Компании, чтобы купить эту шлюпку. И если ваши неприятности требуют денежных затрат...

— Я даже не знаю, что они требуют,— грустно сказала Найк.— Мне нужно спросить брата.

Данн мрачно кивнул. Он принялся ходить взад и вперед по каюте. На шлюпке было больше свободного пространства, чем на космоскафе.

Прошел час, тянувшийся, казалось, целые века, и Данн направился в контрольную рубку.

Он щелкнул выключателем коммуникатора и врубил питание радара.

В иллюминаторах золотилась пыль Колец. Радар не показывал ничего угрожающего. Коммуникаторные детекторы улавливали лишь слабые потрескивания — коротковолновые излучения местного солнца. Короткие потрескивания, более сильные — это были отзвуки сверхмощных гроз в атмосфере Тотмеса. И больше ничего не было слышно.

Нет. Внезапно из динамика раздалась серия непривычных звуков. Они были едва различимы и монотонны. Твит... Твит...

Внезапно они прекратились. Найк прошептала:

— Это те же самые звуки...

— Гуки вышли на охоту за неосторожными старателями,— с внешней веселостью сказал Данн, стараясь разрядить напряжение и успокоить Найк.— Во всяком случае, этим объясняют периодическую пропажу космоскафов.

Загудели двигатели шлюпки. Данн устанавливал курс. Теперь радары и детекторы корабля работали снова. Данн, не сознавая того, сжимал и разжимал кулаки. Он был уверен в своих астронавигационных расчетах, но ему не хотелось сейчас думать о том, что они могут найти там.

Вдруг на самом пределе действия локатора появилось эхо, обозначающее нечто твердое. Данн развернул шлюпку, корректируя курс.

— Это он? — с тревогой спросила Найк.

— Возможно,— ответил Данн.

Он явственно чувствовал, что что-то неладное. Что-то здесь было не так. Надвигалась опасность.

Изображение на экране локатора начало, по мере их приближения, принимать узнаваемые очертания.

— Думаю, это наша скала,— тихо произнес Данн. Он заговорил в микрофон коммуникатора:

— Кииз! Кииз!

Ответа не было. Он позвал еще раз. Через несколько секунд в золотом тумане, заполнявшем иллюминаторы, проступили темные очертания небольшого астероида.

— Мне это не нравится, Найк,— сказал Данн, очень спокойно.— Погляди тут пожалуйста, пока я надену скафандр.

Найк, чувствуя, как гулко ухает ее сердце, следила за приближавшейся темной тенью скалы, пока Данн облачался в пустотную броню.

— Мы приближаемся,— сказала она, когда тень превратилась в четко очертанный каменный осколок.

Данн быстро подскочил к пульту и включил тормозные двигатели. Миниатюрный кораблик повис почти неподвижно в пятидесяти ярдах от каменной массы, во много раз превышающей его по объему.

— Вы не попробуете вызвать его еще раз? — спросила Найк с тревогой.

— У него есть детекторы,— ответил Данн.— Они сообщат ему, что мы прибыли.

В голосе его чувствовалось напряжение. Кииз молчал — и это пугало.

Обломок скалы медленно вращался. На одной его стороне виднелось большое вкрапление серой породы. Это и была глубинная материнская порода, в которой находили абиссальные кристаллы. Астероид продолжал вращение. Показался жилой купол — пятнадцати футов в диаметре, сплавленный с каменным ложем в том месте,

где в поверхности осколка имелось естественное углубление. Внутри купола виднелись различные предметы. Малой мощности очиститель воздуха. Баллоны с кислородом. Горное оборудование. Спальный мешок со светозащитным капюшоном, необходимым в вечно золотистом дне пылевых Колец. Капюшон был надвинут — в мешке кто-то лежал.

— Это он! — голос Найк дрожал.— В мешке! Видите! Он спит!

Дани не узнал собственного голоса.

— Боюсь, что нет,— хрипло сказал он.

— Да, это ваш брат. Но... он вряд ли спит. Нет. Это не сон.

Да, это был не сон. Это была смерть.

4

Дани причалил к астероиду, закрепив шлюпку с помощью каната, накинутого на выступавший из каменной стены отполированный, каменный же стержень. С присущей космическим старателям ловкостью, он в одно мгновение сплел петлю и отправил ее плыть сквозь пустоту так, что она точно опустилась на стержень. Дернув канат, он затянул петлю. Найк ждала его в каюте.

— Послушайте меня,— строго сказал Дани.— Я сейчас пойду разведать, что произошло. Вы должны оставаться здесь! Смотрите сквозь иллюминаторы, но ничего не предпринимайте, ничего!

Она кивнула, в глазах ее ясно читалось отчаяние.

— Вы думаете, что...

— Я пока ничего не думаю,— ответил Дани.— Он должен был услышать, что мы прилетели. Кислорода вполне хватило бы. Нужно выяснить, в чем дело.

Он прошел в воздушный шлюз и, как всегда, тщательно проверил герметичность скафандра. Потом проверил аварийный ракетный двигатель и пистолет на поясе. Прикрепил предохранительный фал. И вылетел из люка, таща за собой разворачивающийся фал.

В почти полной невесомости он не мог шагать, поэтому пополз к куполу, цепляясь за неровности и трещины камня. Это было небезопасное занятие. Скала некогда находилась в глубинных породах разрушившейся луны и камень состоял в основном из коричневых кристаллов, от шести до десяти дюймов. У них были острые,

как бритвы, края и ничего не стоило повредить о них скафандр.

Данн добрался до купола. Купола возводились для того, чтобы старатели имели возможность измельчить материнскую породу и отделить ее от абиссальных кристаллов. Куски породы доставлялись под купол в мешках. Если работать предстояло с несколькими тоннами матрицы, купол был гораздо удобнее космоскафа.

Приблизившись к куполу, Данн внимательно осмотрел его, оставаясь снаружи.

Найк следила за происходящим в иллюминатор рубки управления. Внутри купола все продолжало пребывать в неподвижности. Мешок не шевелился. Фигурка Данна напоминала муху, ползавшую по фантастическому потолку. Казалось, если он оторвется от стены, то тут же канет в бесконечность.

Данн надавил на мягкий купол пластика. Пластик вдавился и остался в таком состоянии, когда он убрал руку.

Найк смотрела, еще не понимая, что это значит. Данн по-прежнему не делал попыток войти в купол сквозь миниатюрный воздушный шлюз из такого же прочного прозрачного пластика на металлической раме. Он отправился к противоположному краю купола. Он был чем-то занят, но чем именно, Найк не могла видеть. Потом Данн подполз к шлюзу и вошел в купол.

Здесь он опять повел себя странно. Он пополз вдоль внутренней стенки купола, где она соединялась со скалой. Данн игнорировал неподвижного обитателя спального мешка.

Данн попятился. В руке у него виднелся какой-то предмет, с присоединенными к нему проводами. Но пока он не касался мешка и не поднимал капюшон.

Отсоединив провода, Данн наконец подошел к мешку, поднял колпак капюшона и внимательно рассмотрел то, что этот колпак скрывал. Потом опустил его на место. Он покинул купол, захватив найденный предмет.

Оказавшись опять в пустоте космоса, Данн швырнул предмет подальше от скалы, выхватил пистолет и, когда расстояние между скалой и предметом достигло двух сотен ярдов, выстрелил.

Вынесенный из купола предмет взорвался с ослепительно бело-голубой вспышкой.

В мрачном настроении Данн вернулся в шлюпку. Найк ждала его у самого внутреннего люка шлюза. На

лице Данна читалась горечь и печаль, смешанная с холодной яростью.

— Опоздали,— сказал он.— Мы сильно, сильно опоздали.

— Значит он умер? — сказала Найк. Она побледнела еще больше.— Когда вы сразу не вернулись, я подумала, что случилось что-то плохое. И когда вы взорвали этот предмет.

— Это была ловушка,— холодно объяснил Данн.— Она должна была взорваться при моем прикосновении к спальному мешку. В куполе несколько отверстий. Сделаны, похоже, такими же пулями, как у меня, но несколько большего калибра.— Он помолчал несколько секунд.

— У него оставалось тридцать секунд, чтобы забраться в скафандр, но он не успел. Вряд ли он даже понял, что случилось.

Найк коротко всхлипнула.

— Потом,— сказал Данн,— убийца оставил мини-ловушку для меня.

Голос его был сама горечь.

— Что же нам теперь делать? — спросила Найк.— Мы можем его похоронить? — Зубы ее стучали.— Я... я не могу ясно соображать!

— Не старайтесь,— мягко сказал Данн.— Я обо всем позабочусь. Обо всем! Пока забирайтесь в скафандр.

Она повернулась и, слегка спотыкаясь, направилась в самую дальнюю кормовую часть шлюпки.

Данн тихо выругался, когда Найк ушла, и вошел в рубку управления. Он увеличил дистанцию действия радара до максимума, замедлил период обращения луча, показывающего, что в зоне его действия находится шесть твердых объектов. Два из них имели достаточно мизерные размеры, чтобы о них можно было не беспокоиться. Один был заметно больше даже той скалы, к которой пришвартовалась шлюпка. Самый близкий объект был примерно тех же размеров, что и скала Данна. Но все объекты двигались по характерным орбитам осколков Колец Тотмеса.

Данн снова покинул шлюпку. Ему нужно было взять в куполе необходимые инструменты. Неподалеку он приметил трещину. На то, чтобы ее расширить, понадобится небольшое усилие. Данн начал работать.

С помощью Найк, облачившейся в скафандр, они перенесли труп Кииза к «могиле» и совершили обряд по-

гребения. Данн покрыл могилу заранее приготовленными плоскими обломками камня.

Несколько дней, последовавшие за их возвращением на шлюпку после похорон брата Найк, они провели в засаде у ближайшего к скале Данна осколка. Данн, отведя к этому соседнему осколку шлюпку, ожидал, что те, кто убил его партнера и приготовил смертельную ловушку для него, вернутся к астероиду для того, чтобы начать разработку жилы кристаллов. Дни шли за днями, но никто не появлялся. Экран радара оставался чистым и в коммуникаторе не слышался жужжащий звук двигателей космоскафа.

Данн слушал и всматривался, слушал и всматривался. Казалось, во всей вселенной ничего не происходило, не считая секундных всплесков на экране его радара. На самом деле происходили разнообразные события.

Примерно в пяти сотнях милей от шлюпки, космоскаф, который двигался в свободном полете, включил полную тягу и пустился наутек, едва в его коммуникаторах послышалось странное чирикающее «твит... твит...». В другом месте, тоже в Кольцах, другой космоскаф шел без управления, пока его экипаж был занят жестокой дракой. Эти два старателя много месяцев провели в обществе друг друга и больше вынести не могли. Еще один корабль нашел невероятно богатую жилу на астероиде всего в пятидесяти милях от Отдушины. Еще два корабля обнаружили, что пока они праздновали прибытие на Отдушину, их скалы были кем-то очищены до последнего кристалла. В другом месте, какой-то человек был вытолкнут за борт космоскафа — без скафандра — и космоскаф стремительно набирал скорость, скрываясь в тумане Колец. А капитан транспорта потел над проблемой — как объяснить исчезновение пассажирки. Чрезвычайно трудно было бы выйти из этой ситуации не запятнанным для него. Кроме того, была еще шлюпка, которую он вынужден был отдать Данну.

Происходили многие другие события, но для Данна они уже не имели особого значения. Исчерпав запас терпения, он повел шлюпку обратно к скале, где был убит Киниз и едва не погиб он сам. С яростью, проистекавшей от чувства полного отчаяния, он набросился на работу, наполняя мешки обломками матричной породы и перенося их к куполу.

Он был занят особенно большим обломком породы, когда фал его скафандра дернулся. Данн молниеносно

повернулся и, находясь в расстроенных чувствах, тут же выхватил пистолет. Потом он присел за небольшим бугром, создававшим дополнительное прикрытие для него, не считая близкого горизонта. Фал продолжал подергиваться.

Данн начал осторожно продвигаться к той линии, что представляла его горизонт. Достигнув ее, он увидел фигуру в скафандре. Рука Данна крепко сжала рукоять пистолета. Он был готов выстрелить первым. Найк оставалась в шлюпке и он должен защищать не только себя, но и ее.

Человек, надевший скафандр, выбрал костюм явно не по размеру. И у него не было оружия. Он двигался вдоль фала Данна, от чего тот и подергивался. Данн выругался. Он понял, что произошло. Найк покинула шлюпку. И при этом сама не присоединила страховочного фала!

— Стой,— крикнул Данн.— Ты с ума сошла! Без фала!

Когда они вернулись в шлюпку, Данн набросился на девушку:

— Вы сошли с ума? Я же сказал, чтобы вы оставались в шлюпке! И следили за радаром!

Она сжала губы и молча слушала. Только теперь, когда опасность осталась позади, Данн почувствовал испуг. Она ведь могла потерять фал и уплыть в пустоту!

— Мне бы пришлось искать вас, если бы вы сорвались! — рассерженно сказал он ей.— Зачем вы покинули корабль? Какого дьявола?

— Вы сказали мне, чтобы я не пользовалась космофоном. Но вас так долго не было. Я... я начала волноваться, что у вас кончился кислород.

Данн посмотрел на указатель давления кислорода в баллоне скафандра. Стрелка стояла почти на нуле. Всего минут через десять он мог потерять сознание от кислородного голодания.

— Прошу прощения,— сказал он с сожалением.— Вы были правы, а я ошибался. Я мог погибнуть.

— Вы сказали, что начали бы искать меня, если бы я сорвалась. Почему?

— По той же причине,— сказал он.— Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

Она пристально посмотрела ему в глаза. Потом покачала головой:

— Нет. Это не совсем так. Но все равно спасибо.

— Вы благодарите меня? Послушайте! Я прошу сделать мне еще одно одолжение. Мы с вашим братом были партнерами. Теперь, когда его больше нет, его часть переходит к вам. Поэтому... я хотел попросить вас, не согласитесь ли вы заменить мне вашего брата? До того момента, пока мы доберемся к следующему транспорту с Хоруса? Мне действительно необходим напарник! Что бы случилось, если бы вы не предупредили меня, и я не посмотрел вовремя на указатель кислорода?

Она пристально посмотрела на него. Потом пожала плечами.

— Хорошо,— сказала она.— До следующего транспорта.

Она помолчала.

— А теперь я приготовлю что-нибудь поесть.

— А я,— сказал Данн.— Я пойду к нашим кристаллам.

— Кислород! — предостерегающе напомнила ему Найк.

Данн снова покинул шлюпку и, хотя снаружи ничего не изменилось, ему показалось, что все выглядит не так, как всегда.

И в этот момент он услышал жужжание двигателей космоскафа. Корабль был совсем близко. Он тормозил.

Данн быстро заполнил магазин базуки максимальным — четырьмя — количеством снарядов. Он был готов стрелять при первой же опасности!

Когда от воя двигателей космоскафа, казалось, лопнут перепонки, звук исчез. Завопил чей-то голос.

— Гуки! Гуки! Гуки! Выходите, защищайтесь! Они приближаются.

Над иззубренным краем скалы показался нос потрепанного космоскафа.

Данн чертыхнулся.

5

Это был космоскаф того седого старателя по имени Смайдерс, который единственный в Кольцах работал в одиночку без напарника. Исцарапанный нос космоскафа говорил о множестве осколков, которые ему приходилось толкать, разгоняя их для столкновения с другими осколками. При столкновении скалы трескались и появлялась возможность добраться до их внутреннего содержания.

— Я слышал их! — объявил его голос.— Они шли по моему следу! Они гонятся за мной! Если вы, ребята, придете мне на подмогу, мы с ними справимся!

Данн подхватил уже наполненный рудой мешок. Он с силой потянул за фал, присоединенный к выступу рядом с люком и поплыл к шлюпке.

— Выходите, слышите! Я вижу, ты прячешься вовнутрь! Собирай свои заряды и бери базуку! Три человека в схватке имеют больше шансов, чем один!

Потом он, видимо, наконец-то как следует рассмотрел шлюпку и понял, что это не космоскаф. Очертания шлюпки должны были бы показаться ему незнакомыми. Шлюпки были принадлежностью вытянутых наружных ангаров, которые можно видеть на внешних корпусах лайперов и больших грузовых кораблей. Их редко кто видит — они постоянно находятся в этих закрытых ангарах, и не так часто случаются аварии, когда приходится прибегать к последнему средству спасения.

— Что за черт? — озадаченно потребовал разъяснений старатель.— Что это за посудина?

Тормозной двигатель космоскафа ожил на несколько долей секунды. Теперь корабль висел совершенно неподвижно относительно астероида и шлюпки.

Данн добрался до воздушного шлюза шлюпки. Подтянувшись и забравшись в камеру, он мрачно сказал в шлемофон:

— Эта скала занята, Смайдерс! Я здесь работаю. Если бы я тебя не знал, то не стал бы разговаривать с тобой. Я бы стрелял. Уходи!

Пауза. Потом люк потрепанного космоскафа распахнулся. Показалась фигура человека в скафандре. Прикрепив фал к зажиму на корпусе, человек оттолкнулся и поплыл к скале.

— Я же сказал, что эта скала занята! — процедил Данн.

С необыкновенной ловкостью человек связал двойную петлю, набросил ее на выступ скалы и одним рывком затянул. Потом невысокий старатель посмотрел на Данна.

— Стреляй, черт тебя побери! Но ты потом еще пожалеешь! Я сейчас поднимусь к тебе, чтобы мы могли поговорить.

Данн многозначительно поднял базуку. Коротышка издал звук, означавший, по всей видимости, упрек. Он продолжал двигаться. Он не представлял опасности.

Убить его сейчас — значило совершить бессмысленное убийство. Данн не нажал на спусковой крючок. Он чувствовал негодование человека, вынужденного уступить, чтобы сохранить к себе уважение.

Маленький старатель очень ловко для невесомости добрался до люка шлюпки. Руки он демонстративно держал на высоте плеч и ждал, пока Данн не присоединится к нему. Сцепив зубы, Данн влез в камеру шлюза.

В соседстве мешка с рудой и в тесной камере Данн не мог бы воспользоваться базукой, но у него наготове было другое оружие.

Через тридцать секунд раскрылась внутренняя дверь и Данн опустил пистолет в кобуру. Он забросил мешок с рудой внутрь шлюпки.

Смайдерс снял свой шлем. Он ухмылялся. Данн тоже снял шлем.

— Ну, в чем дело? — резко спросил он.— Я спокойно мог бы пристрелить тебя, Смайдерс, совершенно спокойно.

— Стрелять каждый умеет,— спокойно сказал невысокий старатель.

— Но никто и никогда этого не делает. Если я нахожу подходящую скалу, я каждый раз начинаю шуметь, поминаю Гуков и всех святых. Если кто-то на ней работает, то он поймет, что это я и он знает, что я старый и ненормальный, и он не будет стрелять.

— И ты им это объясняешь,— язвительно ответил Данн,— в том случае, если они понимают, что ты можешь рассказать, где они работают и насколько богатая у них жила?

Смайдерс кивнул.

— Конечно! Конечно, я им говорю! Но обычно я никого не встречаю. К тому же все знают, что я ищу Гуков, а не кристаллы. Я добываю ровно столько кристаллов, чтобы купить припасы на очередном транспорте. А потом отправляюсь искать Гуков. Хитрые твари! Они шпионят за нами, прилетая с Тотмеса. И как только у них выпадает случай настигнуть старателя, так — пафффф! — Ему крышка. Он исчезает. Недавно я повстречал один космоскаф, приветствовал его по космофону, так они тоже слышали эти звуки, похожие на чириканье, эхо двигателей Гуков. Этот парень, Хейн, он тоже их слышал. Но потом Гуки скрылись.

— Когда это было? — Имя Хейна заставило Данна задать вопрос.

— Помнится, сегодняшним утром, если только здесь бывает утро, в Кольцах.

— Послушай, Смайдерс,— сказал Данн.— Ты бы убирался отсюда по-хорошему. Хейн убил моего напарника и приготовил ловушку для меня. И я жду, что с минуты на минуту он вернется для того, чтобы проверить как сработала его мина. Ты бы лучше ушел отсюда.

Поколебавшись, он добавил с неохотой:

— Кое-кому тоже не мешало бы уйти вместе с тобой. На твоем корабле он будет в большей безопасности, чем со мной.

— Нет,— послышался резкий возглас Найк.

Маленький старатель повернулся, словно ужаленный. Он недоверчиво вытянул шею. Он раскрыл рот.

— Это женщина! Женщина в Кольцах! Женщина!

— Это сестра моего напарника,— холодно объяснил Данн.— Она прилетела повидаться с ним. А мы нашли его мертвым — вернее, убитым.

— Сто лет не видел живой женщины,— потрясенно пробормотал Смайдерс.— Последний раз, когда был на Хорусе после того, как моего напарника убили Гуки. Подумать только, женщина!

— Это еще не означает, что я уйду отсюда с кем-то! — продолжала Найк.— Я приняла на себя партнерство брата. Мне принадлежит часть этого корабля! Ты не имеешь права заставить меня!

— Нет, мэм,— сказал вдруг Смайдерс.— Не волнуйтесь, он не может заставить вас делать что-то, чего вы не хотите. Мы тут немного отвыкли от обращения с женщинами, в Кольцах. Но заставить он вас не может.

Он подмигнул Найк. Она стояла, сжимая и разжимая кулачки. Дыхание ее было быстрым и прерывистым. Данн понял, что она напугана. Он надеялся, что она боится Смайдерса.

Данн прошел в рубку управления. Случайный взгляд на радар заставил его глаза вспыхнуть.

— Смайдерс, я ведь говорил, что тебе лучше уходить отсюда. Еще не поздно. Кто-то пожаловал к нам в гости, но ты еще успеешь.

— Кто там? — спросил Смайдерс.

— Думаю, это Хейн,— ответил Данн.— И если это он, я убью его, чтобы отомстить за смерть Киниза.

Смайдерс повернулся к Найк.

— Мэм, может быть вы хотите уйти на мой корабль? Или мне лучше остаться и помочь Данну? Вряд ли это Хейн, наверное, это Гуки. Я их уже сегодня слышал.

— Убирайся! Сейчас же! — крикнул Данн.

Он опустил шлем Смайдерса на место и подтолкнул старателя к люку шлюза, нажав кнопку откачивающего насоса.

— Я буду стоять в люке шлюза,— сказал он Найк.— Следи за всем остальным, как я показывал.

По корпусу шлюпки кто-то застучал снаружи. Выскочив в рубку управления, Найк увидела в иллюминатор Смайдерса, который успел уже выбраться за борт. Увидев сквозь стекло иллюминатора Найк, он показал ей обрезанный конец швартового каната. Смайдерс «отвязал» шлюпку, и теперь с бесконечной медлительностью она отплывала от скалы. Это сказался момент вращения, который она успела приобрести, пока была привязана к скале. Даже одного оборота в десять минут достаточно, чтобы шлюпка начала медленно отдаляться от астероида.

— Он отцепил нас,— сказала Найк.— А теперь он поплыл к своему кораблю. Движется он быстро.

— Надевай шлем,— сказал Данн.— Проверь соединения и переключайся на дыхание из баллона.

В динамиках послышался голос Смайдерса.

— Гуки! — завопил он.— Осторожно, ребята! Гуки приближаются. Четыре корабля, полные Гуков. Они сейчас доберутся до нас!

— Это не нам,— холодно проговорил Данн.— Для непрошеного гостя. У Смайдерса приступ благородства и он решил сыграть на нашей стороне. Только будет ли нам от этого польза? Опусти забрало, если нам продырявят корпус, воздух моментально улетучится. Я уже показывал тебе, как маневрировать кораблем. Сам я буду стоять в люке шлюза и стрелять.

Он скрылся за внутренним люком переходной камеры. Все было готово — фал прикреплен к зажиму, базука заряжена и в боевой готовности.

Данн напряг слух, но в наушниках шлемофона не слышалось ничего подозрительного. Но радар не мог ошибиться.

Смайдерс добрался до люка своего космоскафа. Он забрался внутрь и люк закрылся, но не до конца. Из щели торчала веревка. Потом веревка исчезла и люк захлопнулся, на этот раз уже плотно.

Немедленно голос Смайдерса зазвучал уже на волне передатчика космоскафа.

— Эй, Хейн! Держись подальше отсюда! Здесь леди! Без фокусов! Держись в стороне!

Казалось, ничего не происходит, но на экране радара шлюпки продолжало двигаться эхо космоскафа. С невообразимой медлительностью сама шлюпка отдалялась от астероида.

Когда наконец-то это произошло, все получилось так быстро, что уследить за ходом событий не было никакой возможности. Только что в пустоте плавало три объекта: шлюпка, космоскаф и коричневая каменная масса астероида. Данн держал базуку наготове.

Вдруг блеснула яркая вспышка. Сверкнул металл. Какая-то тень, двигавшаяся слишком быстро и чересчур близко, так что ее невозможно было рассмотреть, пронеслась мимо шлюпки. Вспышки света, казалось, образовали цепочку, тянувшуюся от нее к шлюпке.

И тут сама шлюпка будто прыгнула вперед. Данна выбросило из шлюза. Базука выскочила из пальцев, но к счастью, она была прикреплена тросом к поясу скафандра. Шлюпка мчалась вперед с невообразимой для ее не таких уж мощных двигателей, скоростью. В наушниках Данна отчаянный голос Найк спрашивал, что случилось, как будто Данн был в состоянии ответить, даже если бы знал.

С трудом Найк удалось преодолеть ускорение, добраться до контрольной панели. Она нажала на клавишу, которую ей раньше показывал Данн.

Мгновенно пропало ускорение. И теперь, когда двигатели молчали, шлюпка, казалось, падает в бесконечность.

Цепляясь за чудом выдержавший рывок эластичный фал, Данн с трудом забрался в люк. Потом он подтянул базуку, затворил внешний люк — и увидел, что в нем зияет дыра.

Это была круглая дыра, не более полудюйма в диаметре. Значит, теперь невозможно будет открыть внутренний люк, так как в переходной камере царит вакуум.

В ярости он ударил по внутреннему люку. Люк распахнулся.

Не веря самому себе, Данн вошел в шлюпку. Это могло означать только одно — и внутри шлюпки тоже царила безвоздушная пустота...

Обернувшись от панели управления, Найк увидела

вошедшего Данна и подняла руки к шлему, собираясь его снять. С криком Данн бросился к ней. Он схватил ее за руку.

— Стой! — выдохнул он.— Здесь вакуум!

Он коснулся шлемом ее шлема. Теперь они могли слышать друг друга.

— Не снимай шлема! Корпус продырявлен! Воздух улетучился! Надо проверить, сколько мы получили пробоин.

Этого Найк уже не слышала, но она догадалась, что Данн намерен делать, видя, как он сначала осматривает дыру во внешнем люке воздушного шлюза, потом начинает искать остальные отверстия.

Их оказалась почти дюжина. Все круглые, словно просверленные отверстия, но края были зазубренными, и это явственно свидетельствовало о том, что они были пробиты в металле. Неожиданно он понял, каким образом они были проделаны. Каждое отверстие было пробито в доли секунды, пока неизвестный корабль проносился мимо шлюпки.

Но это было еще не все. Двигатели шлюпки работали не так, как должны были бы. Шлюпка шла в свободном полете в неизвестном направлении с необыкновенной для маленького корабля скоростью. Прежде, чем снова включить двигатели, необходимо было выяснить причину их странного поведения.

Но проблема воздуха была более насущной. Данн обыскал пол каюты и нашел один из предметов, который, по всей видимости, проделал отверстие в корпусе шлюпки. Это был стерженек из твердого металла, заостренный на одном конце и с отверстием в другом конце, где имелись явственные следы, оставленные какой-то горевшей субстанцией.

Данн прикоснулся своим шлемом к шлему Найк.

— Я нашел его! — сообщил он.— Вот одна из тех штук, что проделали дыры в корпусе! Очень странно. Это древнее оружие, основанное на том же принципе, что и мой пистолет. Оно называлось «пулемет». Интересно, где Хейну удалось его раздобыть. А этот цилиндрик назывался в те времена «трассирующей пулей».

Найк ничего не сказала.

— Древнее оружие,— продолжал Данн.— Все равно, что лук и стрелы! Наверное, Хейн попытается догнать нас, чтобы проверить мертвы ли мы. Но у нас бешеная скорость. Если мне удастся заделать пробоины, то мы

ще поборемся. Это не космоскаф, это спасательная шлюпка!

Он, не теряя времени, начал искать набор аварийных принадлежностей. Шлюпка несла не только необходимые инструменты, но даже запас семян — на случай, если выжившим после аварии лайнера удастся опуститься на пригодную для обитания планету, где не будет растений, пригодных в пищу.

Данн отыскал такие специальные вакуумные втулки, из специальной пластиковой смолы, которая стремительно полимеризовывалась до твердости железа, едва втулку прикладывали к металлу. Такая втулка, похожая на биллиардный шар, надежно закупоривала пробоину.

Данн работал проворно и вскоре все пулеметные отверстия в корпусе были заделаны. Но Найк не понимала, какой смысл в его работе. Где они возьмут кислород, чтобы наполнить каюты? Когда кончится двухчасовой запас в баллонах скафандров, они неизбежно умрут. Но спрашивать пока она не решалась, чтобы не мешать Данну.

Она наблюдала, как погруженный в работу Данн производит соединение толстых электрических кабелей с устройствами, которые назывались «топливные батареи». В них топливо двигателей можно было использовать для производства электроэнергии. Закончив подсоединение, Данн подошел к ней и коснулся шлемом шлема.

— Нам повезло,— сказал он,— что это спасательная шлюпка, а не космоскаф.— Каждый из нас потребляет в день приблизительно фунт кислорода. На космоскафах кислород хранится в баллонах под давлением. На шлюпках используют электролиз воды. На это уходит больше энергии, но галлон воды и топливо, уходящее на производство кислорода из этой воды, весят меньше, чем восемь фунтов кислорода под давлением в баллоне!

Найк не сразу осознала, что означают эти комментарии. Потом она спросила недоверчиво:

— Ты хочешь сказать, что... собираешься снова наполнить корабль воздухом?

— Не воздухом,— поправил он ее.— Кислородом. Тем самым газом, что мы дышим сейчас в скафандрах. Им можно дышать при давлении всего в три фунта, потому что он не разбавлен азотом. Под полным давлением и без азотного наполнителя он опьянил бы нас.

Найк почувствовала такое облегчение, что ей стало почти стыдно за недавнее отчаяние.

— А двигатели? — спросила она все же пересохшим горлом.— Что с двигателями?

— Понятия не имею,— сказал Данн.— Сейчас я этим займусь.

Он кивнул ей ободряюще. Найк смотрела на него теперь совсем другими глазами. Таково инстинктивное поведение женщины в момент опасности. Раньше она полагалась на брата. Она не представляла, что может существовать еще кто-то, кому она доверяла бы в той же мере. Данн был для нее посторонним человеком, совершенно чужим, и вдруг все переменилось. Он наполнит шлюпку кислородом заново. Он, и никто другой, раздобыл эту шлюпку, чтобы найти ей брата. И он был готов к нападению.

Она смотрела, как Данн снимает крышку с распределительного узла, через который шло распределение энергии на шлюпке.

Сейчас в крышке зияло аккуратное круглое отверстие от пули. Сняв крышку, Данн начал разбираться в паутине разноцветных проводов. Он обнаружил причину аварии — произошло короткое замыкание.

Он устранил неполадку. Потом рука его странным образом дернулась к шлему, словно он хотел в недоумении почесать затылок. Он поставил крышку на место. Теперь он начал приподнимать одну из плиток пола. Там находились элементы двигательной системы. Неуклюже, но осторожно работая руками в перчатках, он добрался до тяговых блоков. Медные пластины были раскалены почти до красного свечения.

Присев на корточки, Данн что-то рассматривал в недрах системы. Найк подошла поближе, чтобы посмотреть.

Данн поднялся и заговорил с ней, когда Найк коснулась своим шлемом его.

— Короткое замыкание сожгло кристалл,— объяснил он.— Поэтому-то он и тянул как дьявол. Но сам почти весь выгорел. Смотри!

Он показал на плоские медные пластины с крохотной песчинкой серого кристалла между ними.

— Он разрушен? — спросила Найк.

— Почти,— сказал Данн.— Ты в самый раз выключила тягу.

Космоскафу требовался кристалл в полграмма. Шлюпке нужен был кристалл немного побольше. Лайнер на

межпланетной линии использовал кристалл, который стоил больше, чем все остальное оборудование корабля, включая корпус, обстановку помещений и так далее.

Найк отодвинулась. Данн вдруг поймал ее за руку. Их шлемы вновь коснулись друг друга.

— Кислород! — донесся приглушенный голос Данна.— Теперь моя очередь тебе напомнить!

Он улыбнулся. Найк взглянула на указатель давления и послушно направилась сменить один из баллонов, в котором стрелка указателя уже дошла до нулевой отметки.

6

Каюта и контрольная рубка шлюпки опять наполнились кислородом, и Данн с Найк сняли скафандры.

Двигатели тоже были готовы к работе. Мешок с осколками матрицы, который Данн успел захватить с собой, оказался не слишком богатым в отношении кристаллов. Их там оказалось всего лишь четыре. И только один был пригоден для установки в тяговый узел. Этот кристалл сам не достигал полуграмма весу, и на таком крохотном кристалле шлюпка не могла развить высокой скорости. Но все же двигатели работали. В этом было даже свое преимущество. Электромагнитное эхо работы двигателей теперь не походило ни на что, знакомое старателям. Звук должен был быть очень слабым, и на большом расстоянии его вообще коммуникаторы могли не поймать. А о том, чтобы использовать его в качестве пеленга, не могло быть и речи.

Сейчас перед Данном стояла другая задача — определить местоположение шлюпки. Он не знал, в каком направлении и с какой скоростью умчался корабль после нападения Хейна.

С помощью радара он начал определять относительную скорость шлюпки среди плавающих в тумане твердых осколков, а также скорость и направление движения самих осколков, которые в этой области Колец встречались, как он успел заметить, реже, чем в знакомом Данну секторе.

Данн вычислял, используя, в основном, догадки и надежды вместо математических данных. Закончив, он тряхнул головой.

— Далеко же нас забросило,— сказал он.

— Мы довольно долго шли с ускорением, больше чем я думал. Возможно мы успели пересечь все первое Кольцо. Во всяком случае, сейчас мы можем рискнуть начать торможение — вряд ли кто нас услышит.

Найк ничего не сказала в ответ, но ее глаза сопровождали движения рук Данна, когда он включал двигатели.

Звук работы двигателей изменился. Теперь он больше напоминал звук двигателей космоскафа, благодаря меньшим размерам нового кристалла в тяговом узле.

Данн кивнул с удовлетворением. Он продолжал следить за экраном радара и время от времени делал новые вычисления. Один раз он с недоумением уставился на полученный результат. Но вслух ничего не сказал.

Найк теперь могла уйти в каюту позади рубки, но она предпочла остаться в пилотском кресле. Здесь она, по крайней мере, могла видеть Данна, и чувствовала себя не так одиноко в царившей внутри шлюпки тишине. Незаметно она уснула.

В удаленном от них месте Колец космоскаф тоже замедлял ход. За пультом управления сидел Хейн. Они приближались к обломку скалы, на котором раньше работал Данн и его партнер. Данн и Найк должны были быть мертвы к этому времени, в этом Хейн и его напарник не сомневались. Они использовали прием с пулеметом, который не раз уже оправдывал себя.

Обычно старатели, замечая приближение чужого космоскафа, готовились к схватке. Они ожидали, что чужой корабль замедлит ход, и это означало бы приближение неприятностей. Если же космоскаф хода не замедлял, а продолжал нестись с прежней скоростью, люди на астероидах чувствовали облегчение и несколько ослабляли бдительность. Они думали, что космоскаф просто пролетает мимо. И очередь из пулемета заставала их врасплох. Это было надежное оружие — если на астероиде имелся купол, пули легко пробивали дыры в оболочке. С той же легкостью они дырявили корпуса космоскафов и скафандры старателей, что означало мгновенную смерть в ледяном вакууме Колец.

Это было надежное практическое устройство, под стать его владельцам — практичным деловым людям.

Таким образом, Хейн со своим напарником деловито приближались к астероиду, где ими было совершено уже второе — как они рассчитывали — убийство. Они ожидали увидеть в пространстве около осколка корабль Дан-

на. Но его там не было. И космоскафа Смайдерса тоже не было.

Скала плыла в одиночестве. Это было хорошее месторождение. Чтобы его опустошить, двум старателям потребовалось бы не менее двух дней. Но Хейн и его партнер, казалось, не слишком интересовались содержимым жилы.

Рассерженный и растерянный, Хейн вслушивался в звуки космоса, стараясь уловить жужжание двигателей. Он не мог понять, почему их операция не удалась.

Более того, если Смайдерс сообщит на следующем сборе старателей в транспорте-сборщике, что Хейн владеет и использует пулемет, то ему не поздоровится. Старатели решат, что не стоит позволять Хейну и его напарнику продолжать в том же духе. И кто-то — кому это будет удобнее всего сделать — пристрелит их на месте.

Поэтому, уловив едва слышимый отзвук жужжания двигателей космоскафа, Хейн взял пеленг и начал погоню. Смайдерса нельзя отпускать живым. Ошибку нужно исправить. Данн... Данн тоже должен умереть, а с ним и Найк. Главное не упустить Смайдерса.

Тем временем Данн продолжал размышлять, сидя в кресле у пульта управления шлюпкой. Рядом спокойно спала в мягком кресле Найк.

Данн снова и снова перебирал в уме события последних дней, восстанавливая последовательность происшествий, и стараясь посмотреть на все дело под новым углом.

Он не спешил. Времени в его распоряжении было более, чем достаточно. Тем более, что у него начали появляться некоторые новые идеи. Откуда у Хейна пулемет? Раздобыть его было бы нелегко. Хейн, как все думали, явился в Кольца искать кристаллы. Но одновременно он привез с собой смертельное оружие. Почему?

Данн взглянул на мирно спящую Найк. Если принять во внимание одно предположение, то все дело меняло вид. Хейн с самого начала хотел убить не Данна, хотя это было тоже желательно, с самого начала его главной целью было уничтожить Найк.

Найк прилетела в Кольца для того, чтобы сообщить что-то важное брату. Брата убил Хейн, и явно пытался совершить то же самое с Найк.

Данн только начал развивать все возможные последствия такого предположения, когда произошло какое-то изменение в однообразном золотом тумане за иллюминатором.

Данн поднял взгляд. В иллюминаторе сияли звезды, постепенно они становились все ярче, по мере того, как шлюпка выходила из зоны пылевых облаков.

А в следующий миг шлюпка уже летела в прозрачной пустоте между двумя Кольцами, называемой делением Кассини — в память об ученом, который впервые открыл подобное образование в кольцах планеты Сатурн в Первой Системе.

Здесь не было пыли. На многие мили протянулась зона чистого пространства.

Но и шлюпку здесь больше не укрывало покрывало пылевых частиц. Здесь ничего не стоило обнаружить ее невооруженным взглядом.

Данн подошел к креслу Найк и тронул спящую девушку за плечо.

— Моя очередь дежурить? — Найк открыла глаза.

— Нет,— сказал Данн.— Я должен задать тебе несколько очень важных вопросов.

Найк посмотрела в сторону. Почему-то к ней вдруг опять вернулась робость, неуверенность прежних часов.

— Найк, почему Хейн хотел тебя убить? — неожиданно спросил Данн.

Найк вздрогнула. Она подняла глаза на Данна.

— Мне пришло в голову, что Хейну нужна не только моя смерть,— сказал Данн.— И не только смерть Смайдерса — теперь, когда он может рассказать всем остальным о старой стреляющей машинке на борту космоскафа Хейна, но именно твоя смерть? И почему ты решила сама прилететь сюда, в Кольца? Что произошло на Хорусе?

Найк проглотила комок в горле. Потом она сказала:

— Они... они пытались убить меня там, на Хорусе.— В голосе ее чувствовались одновременно отчаяние и непокорность.— Ты можешь мне не верить, но это так! Все выглядело как несчастные случаи... Но я знаю, они пытались убить меня. Я знаю, ты думаешь, что я не в своем уме!

— Кто пытался? — спросил Данн.— Я вовсе не думаю, что ты не в своем уме.

— Но это звучит невероятно! Я не знаю, кто это был!

— Тогда знаю я,— сказал Данн.— Твой брат доверял мне, и он кое-что рассказал мне о сложившейся ситуации. Я посоветовал ему убить Хейна.

— О, нет! — дрожащим голосом воскликнула Найк.

— Да! Это разрешило бы всю проблему. И я жалею, что сам не убил его тогда, на Отдушине! Я не знал, что твоего брата уже нет в живых, и хотел оставить это дело для него, чтобы он не чувствовал себя обязанным мне. Как я мог так ошибиться!

— Я... я не понимаю! — запротестовала Найк.

— Слушай! — начал объяснять он ситуацию.— Ваш дядя — Джо Гриффит — нашел небывало богатое месторождение кристаллов, которое назвали Большой Леденцовой Горой. Он принес с собой больше кристаллов, чем собирают все старатели в Кольцах за три года. И он хвастал, что принесет еще больше. Но он не вернулся к очередному сборщику. Больше его никто не видел!

Найк попыталась проглотить комок в горле, сухом, как колодец в пустыне.

— Да, это так.

— Деньги за те кристаллы, что он успел принести и сдать, хранятся в Абиссальной Минеральной Комиссии на Хорусе и принадлежат его наследникам. Комиссия пыталась установить, кто же ими является, правильно?

Найк молча кивнула.

— У вас есть некие дальние родственники, очень дальние, претендентами на право наследования они не могут быть. Но суд должен проверить все возможности. Был проведен поиск других возможных родственников, и когда их не нашли, дело было передано на слушание. Разбор займет несколько месяцев, и если не появятся другие, более сильные претенденты, к вам переходит куча денег.

Найк кивнула.

— Но...— с трудом выговорила она.

— Да,— согласился Дани.— Имеется «но»! Если ты вдруг умрешь до вынесения судом решения, если твой брат тоже внезапно погибнет, то деньги отойдут к тем дальним родственникам. А они не из числа людей, знакомством с которыми можно гордиться.

— Я их никогда не видела...

— Одного ты видела — Хейна. Он женат на одной из твоих двоюродных сестер. И он явился в Кольца для того, чтобы позаботиться о твоем брате. Я подозреваю, что с предыдущим сборщиком он направил на Хорус условное сообщение о том, что готов покончить с Киизом и что им пришла пора заняться тобой.

— Так ты... ты знал все с самого начала!

— А ты стала бы мне доверять, если бы я выложил все с самого начала. Я бы выглядел, как обыкновенный негодяй, который пытается заполучить богатую жену.

— Что же мы теперь будем делать?

— Теперь, наверное, мы понимаем друг друга,— сказал Данн.— Мы попали в нелегкое положение. И выбраться из него будет непросто. Я говорил твоему брату, что нужно убить Хейна. Но он не захотел быть негодяем, и Хейн сам убил его. Я не намерен повторять ошибку твоего брата.

— Но ты вел себя благородно по отношению ко мне! — сказала Найк.

Данн пожал плечами.

7

Прошло уже два часа с тех пор, как их шлюпка пересекла деление Кассини. Молчавший все это время настенный динамик детектора внезапно ожил, давая знать, что поблизости с жужжанием идет какой-то космоскаф. Это мог быть любой из многих кораблей, работающих в Кольцах.

Данн взглянул на радар, потом прислушался. В жужжании космоскафа присутствовал еще какой-то необычный звук. Кто-то на этом корабле вел одновременно передачу, но ее заглушало эхо двигателей.

Данн автоматически выключил тягу шлюпки. Он еще раз сверился с радаром. Да! На экране появилось эхо второго космоскафа. Он должен был пройти в нескольких милях слева по курсу шлюпки.

Неразборчивое бормотание вдруг переросло в четкий зов.

— Слушайте меня! — кричал человек на втором космоскафе.— Слушайте все! Хейн убивает людей! Он убил Данна и девушку, которая прилетела на последнем сборщике. Он пытался убить меня. Он убил Киниза. Все ищите Хейна. Не подпускайте его близко! Он убивает людей, чтобы добыть кристаллы.

Смайдерс!!!

Конечно, это был он. Каким-то образом ему удалось уйти от преследователя. Но что за безумная выходка? Данн поколебался немного, потом включил передатчик.

— Смайдерс!

— Кто это? — Смайдерс, похоже, был поражен ужасом при звуке голоса Данна.

— Кто это?!

— Смайдерс! — снова сказал Данн с нетерпением и гневом.— Заткни глотку!

Он выключил передатчик. Про себя он выругался. В рубку вошла Найк. Данн рассказал ей о том, что произошло.

— Ты поможешь ему? — спросила она.

— У меня и так забот хватает! — Данн стремительно повернулся к ней лицом.— Я не стал бы рисковать твоей жизнью даже ради тысячи Смайдерсов.

Найк слабо улыбнулась, кивнула головой.

— Вот именно. Ведь в Кольцах выживают только негодяи.

В динамике раздался отчаянный голос Смайдерса:

— Данн! Где ты, Данн?! Помоги мне! Хейн преследует меня, он почти настиг меня. Вдвоем мы сможем отбиться от него. Мы должны защитить юную леди!

— Болван! Идиот! — заорал Данн.

Он развернул шлюпку и включил двигатели. Шлюпка пошла по новому курсу.

Ярость наполняла Данна. Если Смайдерс желает всем в Кольцах сообщить о своих координатах, едва избегнув смерти от руки Хейна, это его дело! Но этот болван уже сообщил Хейну, что Данн и Найк до сих пор живы!

— Это ты, Данн! — завопил опять неожиданно Смайдерс.— Но твой двигатель звучит не так, как раньше! Теперь он звучит как космоскаф, а раньше звучал как у спасательной шлюпки! Это ты, Данн? Или это Хейн?

Экран локатора показывал, что прямо по носу шлюпки в тумане скрывалось большое твердое тело, кораблю грозило столкновение. Осколок поражал своими размерами. Это был просто гигантский астероид! Данну пришлось включить экстренное торможение двигателей, чтобы избежать столкновения. Потом его внимание снова привлек голос Смайдерса, который пронзительно вопил:

— Эй! Ты! Кто приближается ко мне? Кто это? Убирайся, не подходи! Не подходи!

Теперь на Данна навалились обязанности целой корабельной вахты. Нужно было одновременно следить за надвигающимся по курсу астероидом и за всплесками радиоэха на локаторе, обозначавших корабль Смайдерса и еще один космоскаф, приближавшийся к Смайдерсу.

— Данн? Это ты? Если ты шутишь, то немедленно прекрати! Не приближайся ко мне!

А впереди тумана Колец уже выползала масса ги-

гантского астероида — не менее полутора миль в длину. Блеснул выход чистого металла. Темным зевом чернел вход в пещеру.

Данн яросто манипулировал двигателями ориентации. Создатели шлюпки явно не рассчитывали, что с их детищем кто-то будет так неделикатно обращаться. Данн дал несколько точных импульсов тормозным двигателям. Послышался скрип терзаемого о камень металла и...

Шлюпка замерла. Данн пробормотал сквозь зубы:

— Это даже лучше, чем я ожидал. В этой пещере мы надежно укрыты. Возможно, нас не смогут обнаружить. Но даже против пулемета мы не так уж плохо защищены.

— Мы прячемся от Хейна?

— В том-то и дело — прятаться ли нам?

В иллюминаторы он не смотрел. Его глаза были прикованы к экрану локатора. Тот выглядел не совсем обычно — он был совершенно темен, не считая веерообразного поискового луча, который пробивался сквозь вход пещеры наружу.

— Нас экранирует скала,— сказал Данн.— Получать сигналы мы можем только со стороны входа в пещеру. Астероид вращается.

Жужжание двигателей космоскафа Смайдерса. Тишина. Снова жужжание. Шорох разрядов в атмосфере Тотмеса. Помехи, вызываемые излучением короны местного солнца. И снова тишина.

— Наверное,— сказал Данн,— нужно выйти ко входу в пещеру и посмотреть, что происходит. Возможно, я смогу помочь Смайдерсу.

— Я тоже пойду,— выпалила Найк.— Если тебя убьют, я все равно погибну!

Данн поднял базуку.

— Запомни, нельзя пользоваться космофоном. Ни в коем случае!

Когда они оба облачились в скафандры и надели шлемы, Данн коснулся своим шлемом шлема Найк и сказал:

— И еще одно. На тот случай, если с нами что-нибудь случится. Я хочу сказать, что хотел бы никогда не расставаться с тобой, Найк. Короче...

Но тут они вышли в камеру переходного шлюза, и больше Данн ничего не сказал. Он занялся прикреплением соединительных фалов. Найк что-то пыталась сделать со стеклами своего шлема. Словно они запылились из-

нутри. Данн увидел, что она плачет, и пытается смахнуть слезы рукой.

Люк раскрылся. Они оба вышли в мрак пещеры, включив нашлемные фонари, которые раньше никогда не применялись в вечном туманном полдне Колец. Данн направился к выходу из пещеры. Найк повернулась в противоположную сторону. Некоторое время она стояла неподвижно. Вдруг она издала какой-то невнятный возглас, но слышала его только она сама. На стене пещеры виднелись какие-то символы — буквы и цифры.

Но Данн смотрел в противоположную сторону. Он добрался до носа шлюпки и теперь выглядывал из пещеры. В тумане снаружи мелькнуло что-то металлическое.

Космоскаф. Потом мелькнуло второй раз. Второй космоскаф. Это были корабли Смайдерса и Хейна. Приближалась развязка погони.

Данн выбрал позицию поудобнее и подключил к базуке внутришлемный экран-прицел. Теперь он был готов стрелять в любую минуту.

Мгновения спустя прямо, казалось, из-под пог Данна, появился космоскаф Смайдерса. Он уходил, стараясь скрыться в тумане. За ним тянулась дымная полоса — след снаряда базуки. Полоса пересекла курс космоскафа. Вспышка. Еще несколько дымных следов. Второй снаряд прошел мимо и исчез в пустоте. Но третий и четвертый настигли свою жертву.

Старый, видавший виды космоскаф Смайдерса начал распадаться. И тут из тумана появился его преследователь. Хейн выстрелил еще раз, хотя в этом уже не было нужды, добивая беспомощного Смайдерса. То, что осталось от его корабля, медленно погружалось в золотой туман Колец, скрываясь из поля зрения.

Гнев заставил Данна до боли стиснуть зубы. На экранчике прицела четко вырисовывался увеличенный электронным инвертором корпус космоскафа Хейна. Данн не спеша, словно в тире, совместил точку прицела со вздутием на корме кургузого космоскафа. Он знал, что это самое уязвимое место, там располагались основные запасы топлива. Он нажал на спуск. И даже, когда ослепительная вспышка затопила экран, заставив его глаза слезиться, он продолжал нажимать на спуск, посылая снаряд за снарядом, пока не опустел магазин базуки.

Вдруг шлем Найк коснулся его шлема.

— Данн! Данн! Пойдем! Посмотрим, что я нашла!

Молча, почувствовав внезапную слабость, охватив-

шую его после пережитого напряжения, Данн последовал за девушкой в глубь пещеры. Найк подняла голову так, чтобы световой кружок от нашлемного фонаря падал на стену.

В круге света проступили выведенные на серой стене символы: «ДЖГ-27». Найк подвигала лучом и стена словно вспыхнула множеством искр. Повсюду из нее торчали крупные сероватые кристаллы. Ниже виднелся люк, такой же, как в шлюзах жилых походных куполов.

— Вот она! — крикнула Найк, коснувшись шлемом шлема Данна.— Это Большая Леденцовая Гора! Мы нашли ее! Взгляни — «ДЖГ-27», это значит, Джо Гриффит двадцать седьмой год. Год, когда он нашел гору! Это и есть Большая Леденцовая Гора!

Данн хотел что-то сказать, но из открытого рта его не раздалось ни звука. Так же молча он снова стиснул зубы.

Эпилог

На поле космопорта Отдушины уже расположилось несколько космоскафов, когда Данн повел шлюпку на посадку. Все экипажи космоскафов уже наслаждались благами цивилизации внутри сборщика. Никто не заметил прибытия нового корабля.

Данн вошел в корабль-сборщик через служебный люк. Он направился прямо в каюту капитана.

— Я хочу сдать немного кристаллов,— сказал он коротко.

И выложил на стол содержимое мешка. Конечно, это было не все, что собрали они с Найк. Наверное, сотая часть.

Челюсть капитана беззвучно отвалилась.

— Я нашел Большую Леденцовую Гору,— продолжал Данн, все так же лаконично.— Естественно, я не намерен оставаться в Кольцах. Это было бы слишком опасно. Поэтому я лечу на Хорус в своей шлюпке. Мне требуются дополнительные запасы воды, кислорода и провизии. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы все было приготовлено как можно скорее, пока они,— он кивнул в сторону зала, где праздновали прибытие транспорта старатели,— еще ничего не знали.

Капитан сборщика второй раз уже посмотрел на высыпанные на стол кристаллы и это ни в коей мере не помогло ему заговорить.

— Вот список необходимых мне запасов,— сказал Данн, подавая лист капитану.— Еще. По древней традиции капитаны судов — будь то морские или космические, имеют право совершить церемонию бракосочетания. Я прошу вас сейчас об этой услуге.

Посланная с Тотмеса научная экспедиция заканчивала свою работу. База, расположенная на большом астероиде в Кольцах планеты — люди знали этот осколок под именем Большой Леденцовой Горы — готовилась к эвакуации. Экспедиция достигла цели — был установлен источник непонятных электромагнитных шумов, которые регистрировались станциями Тотмеса в Кольцах.

Источник был теперь известен. Им были неизвестные ранее животные, обитавшие в Кольцах. И существа с Тотмеса заканчивали сейчас первоначальную обработку собранных данных.

Нельзя сказать, что открытие было очень приятным. Скорее, это было потрясение для ученых. Имелись доказательства — не подозрения, а доказательства — невероятных по жестокости деяний, совершаемых двуногими животными. Эти двуногие убивали друг друга!!! Поэтому, естественно, не могло быть и речи о том, чтобы вступать в какие-то контакты с этими, во многих отношениях, любопытными животными. От них следовало держаться подальше. К счастью, они, похоже, совершенно не были заинтересованы газовым гигантом — родной планетой Гуков, где они вели мирную и спокойную жизнь. Как вовремя было решено послать экспедицию! Теперь двуногих Гуки будут обходить десятой дорогой!

Итак, исследовательский корабль Гуков отправился домой на Тотмес. Члены его экипажа содрогались всякий раз, вспоминая жуткие сцены убиения двуногими себе подобных. Если эти существа убивают друг друга, они — и вся их раса — не должны даже знать о существовании Гуков. Об этом уж Гуки позаботятся.

СОДЕРЖАНИЕ

Колин Капп

ОРУЖИЕ ХАОСА 3

Научно-фантастический роман

ФОРМЫ ХАОСА 160

Научно-фантастический роман

К. Мак-Апп

ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ 310

Научно-фантастический роман

Мюррей Лейнстер

КОСМИЧЕСКИЙ СТАРАТЕЛЬ 457

Научно-фантастическая повесть

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

ОРУЖИЕ ХАОСА

Фантастические романы

Ответственный редактор *Молякин М. А.*
Художник *Заплавный А. А.*
Технический редактор *Польщикова Л. А.*

Сдано в набор 04.02.93. Подписано в печать 26.04.93. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл.-печ. л. 27,72. Тираж 50 000 экз. Заказ № 14

Фирма «Тимур», г. Новосибирск. Набрано и отпечатано в ППО «Печать», 630007, Новосибирск-7, Красный проспект, 22.

Фирма «ТИМУР»

в ближайшее время планирует

издать следующие книги:

А. Нортон **«Вурлопер»,**

Т. Брукс **«Меч Шаннара»,**

Р. Силверберг **«Замок лорда Валентина»,**

Р. Силверберг **«Хроники Маджипура».**

По вопросам оптовых поставок обращаться по телефону 40-66-38, г. Новосибирск.

